

Карин Клеман
Ольга Мирясова
Андрей Демидов

От обывателей к активистам

*Зарождающиеся социальные движения
в современной России*

Посвящается Стасу и Насте

Москва
Три квадрата
2010

«« Люди все сидят и ждут, что кто-то придет и сделает. Да никто не придет и не сделает, если мы сами не будем отстаивать свои права! Народ ждет, что должен прийти барин и всех рассудить. А демократия – это когда народ сам управляет собой».

Активистка движения пенсионеров, Подмоскowie

«« Беда нашего народа в том, что все ждут, что кто-то придет и поведет людей за собой. Мы решили никого не ждать».

Жилищный активист, предприниматель, Астрахань

«« Мы вывесили у себя в отделе, где я работаю, слова Лютера Кинга, который был застрелен, американский борец за права негров. Он сказал, что если до 40 лет ты ни разу не возвысил голос против беззакония, то можно считать, что ты уже духовно погиб».

Лидер свободного профсоюза Воронежского авиационного завода

«« Когда мы начали это дело с профсоюзом, это было как когда пробуждаешься от спячки».

Профсоюзный активист завода «Форд», Всеволожск

«« Иногда есть такой страх: сейчас либо я делаю еще один шаг, либо не делаю. И от того, делаешь ли этот шаг или нет, меняется взгляд на себя. Сделаешь – гордишься собой. Не надо бояться. Если почувствуешь силу, значит, что-то тебе удастся сделать».

Профсоюзный активист АвтоВАЗа, Тольятти

«« Еще два года назад, если кто-то мне сказал бы, что я буду ложиться под бульдозеры, устраивать митинги, я бы смеялся. А теперь я уже не понимаю, как можно сидеть тихо дома, когда власть так поступает с нами. Это власть заставила нас, обывателей, стать борцами за справедливость».

Активист движения против «уплотнительной застройки», Москва

Приведенные выше цитаты – поэзия и лейтмотив героев нашей книги. В разных формах и с разными интонациями подобные слова повторяют люди, недавно вступившие на путь активного проявления своей гражданственности. Своей Человечности – с большой буквы. О них в основном и пойдет речь, об этих обывателях-героях.

Введение

Об обывателях-героях

Это был потрясающий опыт – встречаться с этими людьми, обычными людьми, которые вдруг, вместо того чтобы привычно терпеть, начали пытаться влиять на обстоятельства своей жизни, причем не только бытовые, что присуще многим волевым личностям, но стали акторами, людьми, активно формирующими вокруг себя новую социальную атмосферу. Эти люди не только изменили себя, но и открыли новый путь для тех, с кем они вместе действуют. Да, мы признаем: они восхищают и поражают наше воображение – ведь они могли, как подавляющее большинство вокруг, сидеть перед телевизором и пить пиво, что намного проще и безопаснее. Но нет, идут против течения, несмотря на все трудности и препятствия. Они стали нашими героями.

Они не литературные герои и не инопланетяне, они те, кто живет рядом с нами, – наши (и ваши) соседи, коллеги, родственники. Возможно, мы их не замечаем, не понимаем, обходим стороной, когда они начинают «качать права», но они есть, просто действуют немного по-другому. Чтобы поближе с ними познакомиться, показать мир этих обывателей-активистов, мы приглашаем к путешествию по разным течениям и местам их деятельности.

Эта книга не об активистах как таковых. Несомненно, убежденность, энергия и самоотверженность «профессиональных» активистов (для которых активизм – вся жизнь) достойны восхищения, но в любой стране мира такие люди составляют лишь малую горстку людей. Иногда на продвижение своего идеала и реализацию какого-то проекта они тратят всю

жизнь, иногда именно они становятся той искрой, из которой разгорается пламя, но все-таки настоящая сила – это обычные люди, идущие плечом к плечу по пути социальных перемен. Их сплоченность и массовость может творить чудеса, с ее помощью они могут добиваться социальных изменений и реализовывать коллективные проекты.

Какова суть этих проектов – отдельный вопрос, но, забегаая вперед, скажем, что если и встречаются среди них человеконенавистнические проекты (фашистского или авторитарного типа), то они явно не составляют большинства. Обыватели-активисты разделяют прогрессивные и гуманистические ценности, где во главе угла стоят справедливость, равноправие, солидарность, самоорганизация и самоуправление.

Но разве есть в России место для таких людей? Разве вертикаль власти, «управляемая демократия», может допустить существование непокорных людей с такими неординарными взглядами и установками? Да, не спорим, активисты сталкиваются с препятствиями, которые не в последнюю очередь чинят им власти, считающие себя последним оплотом покоя обывателей перед лицом какого-нибудь «экстремистского» бунта пенсионеров. Но обыватели-активисты в целом неплохо преодолевают эти препятствия и продолжают свою деятельность, устанавливая связи друг с другом, создают сети активистских групп.

Гораздо сложнее преодолевать сопротивление – враждебно настроенной окружающей среды, плыть против течения, проявлять активистские установки, когда вокруг царствует культура обывательского типа, главный завет которой гласит: не высовывайся, не выделяйся! Спора нет, каждый живет, как хочет. И те, кто ведет разговоры на кухне и хорошо проводит время с друзьями, не менее достойные люди, тем более что и сами активисты не пренебрегают этими приятными занятиями. Но до беды совсем недалеко, когда обывательский стиль жизни становится нормой, отклонение от которой карается не только властью, но и общественным мнением. Не правда ли, мы довольно часто сталкиваемся с тем, что жена устраивает скандалы мужу, который «впустую» тратит время на всякие «бессмысленные общественные дела», соседи злобно ругают старших по дому, которые проявляют необычно много инициативы, прохожие крутят пальцем у виска при виде митингующих.

Мы надеемся, что наша книга внесет свою лепту в дело реабилитации и популяризации активистского образа жизни. Ведь мало кто осуждает

предпринимателей (по крайней мере мелких), хотя они тоже не отсиживаются дома и пытаются «выбиться в люди» не совсем традиционным в советско-российском обществе путем. Чем активисты хуже?

Активисты – это обычные люди, которые в свободное от повседневной рутины время занимаются общественными или политическими делами. Это не сумасшедшие, не фанатики и не неудачники. Они не отказались от «счастья земного», никому не мстят за жизненные неудачи, а живут полноценной жизнью. Они вполне могут быть одновременно и активистами, и заботливыми родителями, любящими мужьями, хорошими профессионалами и веселыми собутыльниками. Эти люди не лучше и не хуже других, но у них развито чувство собственного достоинства, ярко выражена гражданская позиция и они не желают вести «овощной» образ жизни.

«Даже среди овощей есть... Чиполлино!» – это наш девиз в Институте «Коллективное Действие». И это не просто юмор или беспочвенная иллюзия. Весь наш опыт – и активистский, и исследовательский – показывает, что люди никогда и нигде не обречены оставаться безучастными зрителями своей судьбы и судьбы своего сообщества. Мы встретили огромное количество людей, которые никогда не собирались заниматься общественной деятельностью, тем более не представляли себя организаторами и участниками акций протеста, но, тем не менее, стали активистами – при определенных обстоятельствах, в определенном контексте. И в этот момент их жизнь перевернулась – на долгий срок или временно. И несмотря на все трудности, на тяжелое бремя, которое они взвалили на себя, они испытывают немало удовольствия оттого, что открыли для себя новый мир, новые перспективы и возможности, оттого, что обнаружили в себе и других неожиданные способности, оттого, что стали «ненормальными обывателями».

О политике: «низовая» и «кабинетная»

Где политика в России? Где ее место? Умные эксперты изучают и комментируют каждый шаг Президента РФ. Еще более умные эксперты подробно нам объясняют соотношение сил среди кремлевских элит и различных экономических групп. Некоторые классические политологи еще и анализируют политические партии и делают прогнозы относительно шансов на выборах тех или иных из них. Но разве ТАМ сосредоточена по-

литика? Политика – это общее дело всех граждан, живущих на определенной территории. Она не сводится к борьбе за власть и противоборству разных кланов или политических группировок. Скептики скажут, что в этом классическом смысле слова политики в России вообще нет – да и мало где она есть в нашем постмодернистском мире, в котором каждый сам по себе и большинство инфантильно делегирует власти управление общими делами.

Мы вынуждены разочаровать тех, кто так думает. Политика есть, и она расширяет свое пространство с каждым днем. Чем больше ее гонят из органов власти, тем больше она развивается вне официальных политических институтов.

Политика не только там, где ей приказали быть, – в узких кругах избранных «экспертов» и «аналитиков», имеющих «доступ к телу». Люди все больше активизируются «снизу» и осваивают политические практики. Власти предрежающие многие годы пытались убаюкать людей известными песнями о государственной заботе и политиках-профессионалах, но многие уже проснулись.

Политика, как мы ее понимаем, возрождается. Настоящая политика в широком смысле слова. Когда все большая часть населения чувствует себя причастной к влиянию на настоящее и будущее всех жителей страны. Эта книга тоже об этом – о низовой политике, которая рано или поздно изменит сложившиеся отношения господства-подчинения в российской общественно-политической системе.

Институт «Коллективное Действие» (ИКД): информационно-аналитическое агентство для активных людей

Несколько слов о коллективе авторов данной книги: кто мы такие и почему нам так интересна проблема обывателей, ставших активистами.

Начнем с того, что мы все работаем – в свободное от основной работы время – в Институте «Коллективное Действие» (сайт www.ikd.ru). ИКД – это общественная организация, которую мы учредили в мае 2004 года, как раз тогда, когда стало понятно, что готовится очередная социальная реформа, а следовательно, и масштабное наступление на социальные права и гарантии (в частности, монетизация льгот, но не только). Мы хотели

давать максимально объективную информацию о содержании предстоящих реформ, инициировать широкую общественную дискуссию, способствовать организации сопротивления и самозащиты групп населения, затронутых этими реформами.

Наша главная цель – содействовать активизации людей на защиту своих прав. Инструментами активизации мы считаем, в частности, свободный доступ к разносторонней информации, общественные дискуссии, обмен опытом, установление горизонтальных связей между активистскими группами. В силу своих возможностей мы даем информацию о готовящихся законопроектах, о проводимых самыми разными группами коллективных акциях, о накопившемся опыте решения определенной проблемы на сайте и иногда в газетах или листовках. Кроме того, мы стараемся адресно помогать становлению той или иной инициативной группы или движения – пропагандируем их деятельность, помогаем им советами и предоставляем контакты более опытных активистов. Но прежде всего мы пытаемся содействовать процессу консолидации движений: через обмен информацией и контактами, участие в организации конференций и форумов, координацию кампаний. В частности, в 2005 году мы стали полноценным членом коалиции Союз координационных советов России (СКС) и неформально выполняем для местных советов задачу технической и организационной координации.

Почему мы этим занимаемся? Не потому, что мечтаем о революции или кардинальном переустройстве общества (хотя некоторые наши сотрудники, не будем спорить, были бы не против такой перспективы), а потому, что не можем спокойно смотреть на то, что людей превратили в безмолвных рабов, лишенных права на собственное мнение и не умеющих отстаивать свои права. Нам отвратительно наблюдать, как нагло иногда властные структуры обходятся с людьми, и мы радуемся каждый раз, когда они не дают себя обмануть, организуют отпор, отстаивают свои права и свое достоинство. Нам хочется жить в обществе достойных людей и уважающих себя граждан. И мы убеждены, что путь лежит через коллективные действия и коллективную борьбу.

Кроме того, мы все – активисты с левыми взглядами и разделяем идеал об обществе, где нет отчуждения, нет эксплуатации, нет непреодолимого деления на подчиненных и управляющих. Мы отдаем себе отчет в том, что левого движения в России сейчас практически нет, оно находится еще

в зачаточном виде. Мы считаем, что левое движение не может развиваться, если не будет сильных социальных движений. По нашему мнению, если правые либералы могут опереться исключительно на властные и бизнес-структуры, левые демократы не могут обходиться без социальных движений, то есть без людей, готовых и способных к коллективным действиям, самоуправлению и самоорганизации. Поэтому мы занимаемся тем, что стараемся содействовать развитию гражданских инициатив и социальных движений.

Отметим, что в своей деятельности мы намеренно отходим от явных и узких политических и партийных тем. Мы считаем существующую политическую систему оторванной от реалий повседневной жизни и не берущей в расчет интересы простых людей. Кроме того, мы в целом не видим партий, готовых и способных установить равноправное сотрудничество с общественными движениями. Наконец, мы уверены, что есть больше политики в гражданских инициативах, коллективных действиях и социальных движениях, чем во всей официальной политической системе.

Поскольку последнее время ИКД поливают грязью политтехнологи и высокопоставленные депутаты и чиновники, мы уточняем, что у нас практически нет своего финансирования. У всех нас есть основное место работы, где мы и зарабатываем деньги на жизнь. Мы получили грант всего один раз (после этого иностранный фонд испугался нашей протестной деятельности). К счастью, время от времени нам помогают спонсоры из среды симпатизирующих политиков или бизнесменов. Но и эта помощь весьма скромна и совершенно недостаточна (даже при желании), чтобы «дестабилизировать политическую ситуацию в стране». (В этом публично в марте 2009 года обвинил ИКД депутат от «Единой России» Сергей Железняк, вследствие чего депутаты Госдумы на своем пленарном заседании приняли соответствующее протокольное поручение.)

Больное воображение, оторванность от реальности или поиск козла отпущения? Мы не уверены в диагнозе, но этот случай наглядно демонстрирует отношение власти к протестным выступлениям граждан. По их мнению, люди – бараны (самостоятельно, без помощи «злонамеренных манипуляторов», они не способны отстаивать свои права) и интересуют их только деньги (достаточно им заплатить, чтобы они тут же вышли на улицу или забастовали). Да и активисты вроде нас никак не могут работать за идею и на благо общества, они обязательно должны быть «фи-

нансиремы из-за рубежа» и желать распада страны. А что, если не мы действуем во вред стране, а эти «искатели экстремистов», потворствующие нарушениям социальных, трудовых и политических прав простых людей?

О коллективе авторов

Кто мы? Костяк ИКД на данный момент – это шесть человек, живущих в Москве, каждый из нас – активист и специалист по определенному предмету общественных или гуманитарных наук. Кроме того, ИКД – это десятки корреспондентов-активистов и просто заинтересованных пользователей, которые поставляют нам информацию и участвуют в той или иной мере в нашей деятельности. Благодаря им и обширной сети контактов мы функционируем и можем обеспечить оперативной и достоверной новостной информацией, а также другими ресурсами (информационными, методическими, организационными, аналитическими) активных граждан страны.

Сразу отметим, что все активисты и корреспонденты нашей сети напрямую или косвенно приняли участие в подготовке этой книги, которая является продуктом коллективного творчества. Поэтому мы используем случай поблагодарить всех, кто нам помог, а также всех героев книги – названных и анонимных.

На обложке книги стоят три фамилии – сотрудники и учредители ИКД. Каждый представит себя сам.

Нарин Клеман. Поскольку обо мне в «узких кругах широко известных людей» циркулирует множество легенд, я использую возможность рассказать о себе подробнее. Чего только обо мне ни писали: шпион, посланец мирового троцкистского движения, агент антиглобалистского движения, а теперь еще миллиардер и важный «дестабилизатор» политической ситуации.

Формально я – директор ИКД, поэтому несу ответственность за общую деятельность Института. С 2001 года по декабрь 2008 года я еще была научным сотрудником Института социологии Российской академии наук. Однако меня уволили. По слухам – за слишком «открытую и активную общественную деятельность» (формально мне просто отказали в продлении закончившегося контракта). Может быть, на это решение повлияло и то,

что я гражданка Франции. Я считаю себя гражданином мира и чувствую себя больше дома в России, где живу с 1994 года, чем во Франции. В России у меня муж (депутат Госдумы Олег Шеин), товарищи, друзья, увлекательная деятельность, была любимая работа, остались уважаемые и потрясающие коллеги. Никаких богатых родственников во Франции, никаких особенных связей с зарубежными меценатами у меня нет. В конце 2008 года на меня было совершено три нападения, которые оказались просто актами устрашения, – по каким-то причинам кому-то понадобилось нейтрализовать меня, как будто без моей «значимой персоны» распадутся забастовочные и социальные движения (я весьма польщена таким высоким мнением обо мне, но, к счастью, оно не имеет никакого отношения к реальности).

Можно сказать, что я несу ответственность и за содержание книги, поскольку «держала перо» в основном я (поэтому возможны и некоторые не очень «русские» выражения), и я проявила достаточно большой авторитаризм, чтобы сохранилась центральная логика повествования. Это проявляется в перекосе в оценках общего материала исследования в мою пользу, мои соавторы были ущемлены в праве влиять на основные тезисы. Я прошу прощения за это перед ними, но, с другой стороны, отход от демократических принципов здесь мне кажется оправданным – необходимо последовательное изложение основных линий повествования. Кроме того, если особые точки зрения того или иного автора не отражены напрямую, они были учтены, поскольку команда авторов неоднократно собиралась, чтобы обсудить ход общего исследования.

Я считаю себя социологом и общественным деятелем и пытаюсь совмещать эти два вида деятельности так, чтобы они не ущемляли, а дополняли друг друга. Поскольку я специализируюсь в областях социологии труда и социологии коллективных действий, моя общественная деятельность очень помогает в сборе материала. Но, когда я занимаюсь наукой (в частности, в этой книге), я стараюсь отбросить свои активистские ценности и не путать свои желания с действительностью – если исказить реальность, игнорировать проблемы и противоречия социальных движений, ни для науки, ни для активистов пользы не будет.

Мои политические взгляды складывались прежде всего в России – под воздействием того ужасающего зрелища, которое я наблюдала в 1990-х годах, когда собирала материалы для написания диссертации о рабочем дви-

жении. Хватило нескольких походов по заводам, чтобы понять, что просто смотреть со стороны и спокойно анализировать происходящее в кабинете нестерпимо. Невозможно было оставаться пассивным зрителем и не принимать участия в судьбах тех людей, положение которых я изучала. Для меня невыплата зарплаты была (и остается) дикостью! Это ведь по сути рабский труд! Я стала интересоваться, есть ли в этой стране профсоюзы, защищают ли они социальные права людей и так далее. Так и втянулась... Сначала рабочее движение, затем жилищное движение (я даже стала специалистом в жилищном законодательстве РФ, хотя о французских законах в данной области я почти ничего не знаю). В общем, все это время в России я пыталась разобраться и понять, откуда берется такая ужасающая пассивность и покорность. И захотелось что-то делать, чтобы это изменить.

И чудеса случились: я встретила активистов, сначала случайно, у проходных заводов, потом они меня познакомили с другими активистами – сеть контактов постепенно расширилась. Вот так началось мое путешествие по тропам активистской среды, достаточно малочисленной во второй половине 1990-х. Я долго искала, чем и как я могла бы помочь. Какое-то время думала это делать через включение российских активистов в международные сети, но это оказалось не очень полезным для внутреннего развития движения. Предпринимала и другие попытки, пока наконец мы не создали с товарищами ИКД и – главное – не начались массовые выступления против монетизации льгот и, соответственно, не появилась общественная потребность в деятельности по содействию низовым гражданским инициативам.

Ольга Мирясова. Я являюсь младшим научным сотрудником Института социологии РАН, собираюсь писать кандидатскую диссертацию. Но главное в моей жизни – активистская деятельность. Я считаю, что ответ на вопрос о справедливом устройстве общества лежит в анархическом мировоззрении, поэтому я участвую в деятельности движения «Автономное действие». Если совсем коротко, то анархизм предполагает самоорганизованное общество, в основе которого лежит уважение к личности каждого человека. В анархистское движение я пришла из экологического, поняв, что в рамках существующей политической системы бережное отношение к окружающей среде, основанное на стремлении сохранить ее пригодной для жизни будущих поколений, в принципе не-

возможно.

Если бы я одна писала эту книгу, я бы больше внимания уделила негативному влиянию, оказываемому политическими партиями, авторитарными организациями и государством на низовые инициативы и самоорганизующиеся сообщества. Политические партии заинтересованы в гражданских инициативах и движениях только как источнике голосов избирателей и возможности попиариться, они не чувствуют ответственности за свои обещания в период между выборами. Партии в нашей стране не представляют интересов каких-либо социальных групп, выдвигают почти полностью идентичные политические программы и являются только инструментом для создания видимости демократии. Гражданским активистам на пути освоения активистских практик приходится преодолевать свои надежды на депутатов и партии, что отнимает у них дополнительные силы и время.

Кроме того, я бы не столь радужно писала о роли лидеров, которые часто мешают самоорганизации больше, чем помогают, поскольку у них есть свои цели и амбиции (политические в том числе). Более того, лидерская позиция нередко приводит к формированию авторитарных качеств личности.

Несмотря на различия во взглядах между активистами ИКД, мы вполне сработались в сфере содействия развитию низовых общественных инициатив и исследования социальных движений.

Андрей Демидов. Я достаточно рано погрузился в море политики, в оппозиционную политическую деятельность в своем родном алтайском селе на границе с Казахстаном. Я воспринимал ее вполне в народническом духе: как «долг перед народом» – перед оказавшимися в социальном гетто земляками, перед своей матерью, ставшей безработной, перед унижаемыми ежемесячными задержками зарплаты коллегами по школе, где я подрабатывал, чтобы свести концы с концами.

Историк по образованию, я учился в аспирантуре на кафедре политологии в Барнауле. Но в результате бурной политической деятельности диссертация осталась недописанной, а я стал «видным деятелем местного масштаба» в КПРФ (куда же еще пойти в поисках оппозиции человеку в провинции?) и лидером краевой комсомольской организации.

В КПРФ я встретил, с одной стороны, молодой энтузиазм ребят, которые искренне верили, что коммунисты предложат им выход из беспро-

светного мрака повседневности и общества угнетения, а с другой – замшелый догматизм партийного руководства, циничную игру головами «электората» и в общем-то нехилый уровень комфорта вождей разного уровня. Плюс напряженное марксистское самообразование (в университете этих знаний получить было нельзя). Вскоре диссонанс между идеалами и «реальной политикой» стал настолько острым, что потребовалось взять паузу и заняться поисками собственной политической и шире – мировоззренческой – идентичности. И я переехал в Москву.

Переезд в Москву означал не только разрыв с прежней политической практикой. Это был поиск сообщества и концепции деятельности, которые позволили бы не жить двойной жизнью (или, используя известную формулу, «не по лжи»). Практику и идеологию я воспринимаю в диалектическом единстве: первая дает пищу для анализа и в то же время служит проверкой теоретических построений.

Изголодавшись по пиршествам духа, я сначала отдал дань «профессорским» дискуссиям, которые, однако, скоро стали вызывать раздражение своим отрывом от живой практики. Я никогда не разделял ни безразличного пренебрежения большинства «научных работников» по отношению к политической ангажированности, с одной стороны (что часто помогает маскировать ангажированность конформиста), ни барственно-нисходительного отношения к суждениям «неостепененных» активистов.

Тем не менее я благодарен тем интеллектуальным кружкам начала 2000-х годов, в которые я окунулся по приезду в Москву, благодарен за приобретенное уважение к слову, строгость аргументации, требовательность к фактологической стороне написанного и сказанного. Говоря языком диалектики, этот антитезис к тезису моей предыдущей политической деятельности позволил мне логично перейти к синтезу в рамках ИКД.

Хотя универсализм, который сознательно культивируется в Институте, делает специализацию относительной, однако у каждого есть основная тема. Моя – проблемы пенсионеров и льготников. Думаю, сыграла роль все та же любовь к «маленькому человеку», униженному и оскорбленному. Чего греха таить, среди политических активистов, особенно молодых, распространено пренебрежительное отношение к «пенсам», послушно голосующим за обрекающую их на нищету власть, верящим по сформировавшейся в советский период привычке всему, что говорится с телеэкрана.

Монетизационные волнения, когда пенсионеры перекрывали дороги и противостояли ОМОНу, поколебали это отношение, но не смогли его переломить. Ведь боролись они не за революцию, а за прозаические вещи вроде бесплатного проезда. И, как казалось, небольшими уступками власть смогла погасить этот порыв. Не все смогли услышать в «плебейских» лозунгах крик оскорбленного человеческого достоинства, а в «хаотичных» акциях – удивительную способность к самоорганизации.

Шутя товарищи называют меня самым молодым пенсионером. Да, мне интересно с этими людьми. А в нашем деле иначе нельзя. Холодное манипулирование или восприятие людей лишь как объектов неприемлемо – ни морально, ни профессионально. Большую роль в мотивации играет, конечно, и глубокое уважение к поколению, победившему в самой страшной войне и восстановившему страну после нее. Я вновь отдаю долги (но отнюдь не тягостную повинность) моим бабушкам и дедушкам, которых, к сожалению, уже нет в живых. И я рад видеть, как это чувство морального долга воспроизводится в новом поколении активистов.

Немного о личном. Так получилось, что в нашем довольно молодом коллективе я пока единственный, у кого есть ребенок. Кажется, формально это не имеет отношения к тому, чем я занимаюсь, но это только так кажется. Не случайно самой распространенной причиной прекращения общественной деятельности среди молодых активистов являются не репрессии, а именно появление семьи и детей.

Приходится раз за разом задавать себе вопрос о ценности того, чем занимаешься. Причем часто ловишь себя на том, что задаешь себе вопросы от имени сына. Что можно будет сказать в свое оправдание спустя 20-30 лет? Это заставляет строже подходить к своему времени и результатам деятельности. Не скрою, иногда бывают и минуты сомнений, связанные с чисто бытовыми перспективами существования семьи. И все же есть понимание, что построить приватное благополучие, герметичный мирок в океане окружающих страданий и несправедливости невозможно. Хотя возможность быть ближе к «правде жизни», ответственность за новую жизнь, радость общения сполна искупают те ограничения, которые наличие детей накладывает на общественную деятельность.

Да и прочие мои товарищи отнюдь не похожи на сумрачных аскетов – тип, который встречается среди профессиональных активистов. Нередко бывает, что собрания проходят в кафе «за рюмкой чая» – шутим, смеемся.

Нормальная жизнь в не очень нормальных внешних условиях.

О нашей книге скажу, что я полностью поддерживаю общую логику и основные тезисы. Не только потому, что я обычно во всем согласен с мнением Карин (поскольку наши позиции обычно совпадают, мы редко с ней спорим, хотя бывают между нами и серьезные дискуссии), но прежде всего потому, что это соответствует моему восприятию и анализу социальных движений.

Добавлю еще одно замечание. Не будучи социологом, я не имел опыта проведения социологических исследований, но, исходя из своего предшествующего опыта, я скоро понял, что социологический анализ (нашей) активистской деятельности просто необходим, и с тех пор являюсь его активным пропагандистом. Погружаться в мир обычных людей и в то же время помнить о своей миссии ученого, размышлять, сопоставлять, обобщать. И конечно, корректировать свою социальную и политическую практику, исходя из полученных результатов. Повторю, для меня нет ценности научного знания, которое не позволяет сделать жизнь людей более разумной, гуманной. Поэтому заканчиваю призывом к социологам обратить внимание на социальные движения, а активистам – найти время иногда заниматься саморефлексией.

О жанре книги

Мы пытались писать научно-публицистическую книгу. То есть для нас важен был серьезный социологический анализ. Во-первых, чтобы выводы были обоснованны и убедительны для специалистов в области социологии и политологии, во-вторых, чтобы они смогли служить ориентиром в деятельности активистов. Но мы также старались излагать мысли на доступном и живом языке, чтобы книга смогла быть привлекательной для широкой публики – ученых, «профессиональных активистов», начинающих активистов, скептиков и любопытствующих обывателей.

Поэтому мы делали упор на анализе богатого эмпирического материала, на описании красочных эпизодов и значимых событий, на вырисовывании портретов ярких личностей. Этот выбор тем более обоснованный, что он соответствует и нашему теоретическому (микросоциологическому) подходу.

Приносим свои извинения за объем: известно, что в наше время многостраничные книги не пользуются популярностью. Но слишком много было у нас информации и рука не поднималась выбросить ту или иную значимую деталь, не упомянуть о том или ином уникальном опыте. Наш материал в своем роде уникален – вряд ли у кого может быть столько данных об общественных движениях «из первых рук». И если бы не наша личная заинтересованность, стоимость этого исследования намного превысила бы финансовые возможности среднестатистической исследовательской лаборатории, тем более по такой «чувствительной» общественно-политической теме.

Очень надеемся, что нам удалось найти золотую середину между нудной, понятной только узкому кругу специалистов научной работой и развлекательной публицистикой. Мы хотим дать нашим потенциальным читателям совет: есть множество способов читать книгу – от начала до конца или, пропуская чисто теоретические размышления, свободно прогуливаться по главам, каждая из которых в большей или меньшей мере, но самостоятельна.

Если эта книга поможет активистам лучше ориентироваться в собственной деятельности, будет способствовать рефлексии над проблематикой социальных движений, мы будем рады.

Если она убедит социологов и других исследователей начать изучение общественных инициатив и социальных движений, мы будем рады вдвойне.

Если она сможет повысить авторитет и престиж активных граждан и активистов в нашем обществе, мы будем считать, что цель книги достигнута.

А если она подтолкнет колеблющихся к общественной деятельности, мы будем счастливы.

Об источниках данных, методе и научной проблеме

Нам повезло – мы начали проводить исследование как раз тогда, когда началось оживление в общественном поле – во время массовых выступлений против монетизации льгот в начале 2005 года. Последовательно мы его проводили до конца 2008 года. Но до сих пор стараемся анализи-

ровать те события, свидетелями которых мы становимся. Надо сказать, что, поскольку мы все являемся не только учеными, но еще и активистами, мы часто используем активистские мероприятия, чтобы собрать материал (взять интервью, пополнить дневник наблюдений).

Исследования охватили многие регионы и проводились в разных сообществах, в частности в среде пенсионеров и инвалидов, среди активных жителей, в левой молодежной среде, в экологических и правозащитных организациях, а также в рабочем и профсоюзном движениях.

В своих рассуждениях мы берем за основу результаты трех исследований.

Основное из них – «Новые возникающие социальные движения современной России»¹.

Материалом для него послужили глубинные интервью и изучение отдельных случаев движений (case-studies). Также использовались результаты наблюдений (акций протеста, собраний, конференций) и ежедневный мониторинг протестных действий.

Отчасти мы использовали данные проекта, в котором участвовали двое из авторов, – «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России»². Материалом для него служил массовый опрос (818 респондентов) среди активистов и не вовлеченных в общественные движения граждан России.

Наконец, очень полезным оказался материал (кейс-стади и наблюдения), который мы извлекли из проекта, заказанного Фондом «Общественное мнение», – «Социологические наблюдения опыта жилищного самоуправления»³.

В основном мы используем три типа данных:

1) Глубинные интервью: транскрибировано и проанализировано (методом контент-анализа) 120 интервью с лидерами и рядовыми активистами из двадцати регионов.

2) Мониторинг коллективных (прежде всего протестных) действий: данные мониторинга имеют качественный и количественный характер. Отчеты о различных формах коллективных действий в разных регионах формируются через сеть региональных корреспондентов-активистов, сотрудничающих с Институтом «Коллективное Действие»⁴. Эти данные дополняются материалами СМИ для составления кратких еженедельных обзоров протестных акций⁵. В них дается оценка количества участников и

самих акций протеста, классифицированных по темам протестной деятельности. Описывается сам ход акции, ее причины, акторы, результаты. Кроме того, социологи ИКД в ходе полевой работы проводят включенные наблюдения коллективных действий в Москве и других городах. Наконец, мы располагаем отчетами и рассуждениями самих активистов о своей деятельности (саморефлексия).

3) Кейс-стади: глубинное изучение отдельных случаев коллективной деятельности, проведенное в духе этносоциологии. Среди них – изучение сообществ жилищного самоуправления в Москве, Астрахани, Перми, Нижнем Новгороде, а также полевые исследования, проводимые на заводах АвтоВАЗ (Тольятти, Самарская область) и «Форд» (Всеволожск, Ленинградская область).

В результате у нас накопился огромный массив информации и мы страдали скорее от ее избытка, чем недостатка. Поэтому наши рассуждения основаны на возможности сравнивать многочисленные гражданские инициативы, движения, практики и действующих лиц, что позволило нам время от времени делать обобщения.

Но в основном наши исследования носят качественный характер, то есть углубляются в изучение конкретных и специфических случаев, траектории биографии активиста, его опыта, событий в жизни движения или инициативной группы. Мы тем более ценим такой подход, что он нам кажется наиболее плодотворным для понимания значения, смысла и причин общественной деятельности (которая все же касается малой части населения). Как мы покажем далее, опросы общественного мнения, тем более статистика, мало дают для понимания реальных мотивов вовлеченности в общественную деятельность и процессов активизации. Даже самые профессиональные и серьезные количественные исследования не могут докопаться до центрального вопроса о том, в каких же ситуациях и под воздействием каких условий люди, которые до этого вели обычную жизнь, вдруг активизируются. То, что люди чем-то недовольны (это обычно фиксируется в опросах), еще не означает, что они будут на деле протестовать или пытаться изменить ситуацию, которая их не устраивает. Из того, что они на словах заявляют о своей готовности участвовать в протестных действиях, совершенно не следует, что на следующий день они побегут на митинг.

В массиве данных о коллективных действиях, которыми мы располагаем, есть категория активных граждан, которая интересует нас больше всего. Это люди, которые еще недавно даже не мыслили себя участниками какого-либо самоорганизованного коллективного проекта, тем более протестного, но в силу ряда причин стали активистами, а иногда даже лидерами инициативных групп, общественных организаций или движений.

Интервью и наблюдения показывают, что внутренний мир этих активистов-«неофитов» иногда настолько меняется, что они сами себя с трудом узнают. В качестве образцового высказывания можно привести фразу, произнесенную мужчиной среднего возраста, обычным представителем среднего класса Москвы, на трибуне конференции жилищного движения в июне 2006 года. Он рассказывал о том, как жильцы его дома уже больше года борются против сноса дома, и вдруг прозвучала фраза: «А это все при том, что еще год назад я был нормальным человеком!».

Итак, основная проблематика нашего исследования звучит следующим образом: откуда берутся общественно-активные граждане? Что их заставляет встать на тернистый путь активизма? Что их удерживает на нем? Как происходит превращение «обывателей» в «активистов»?

О нашем теоретическом подходе

Мы считаем фразу: «Еще год назад я был нормальным человеком!» – типичным эмпирическим проявлением трансформации стиля мышления и действия у людей без опыта общественно-политической деятельности. Для понимания и объяснения этой трансформации мы используем теорию фреймов, в основном в духе нашего вдохновителя, американского социолога Ирвинга Гофмана⁶. В рамках данной теории мы называем знаменательную составляющую процесса активизации рефреймингом, или фрейм-трансформацией. О чем идет речь?

Фреймы («рамки») – это совокупность привычных практик, латентных смыслов действий и взаимодействий в определенной ситуации, которые воспринимаются как должные участниками взаимодействия. Проще говоря, это означает, что люди в обычных для них ситуациях действуют в привычных рамках (фреймах), по инерции, даже не осознавая причин и ограничений своих поступков. В современном российском обществе

ве и применительно к нашей тематике люди действуют по-обывательски, особенно не размышляя и не задумываясь. Для того чтобы они поставили эти «рамки» под сомнение, необходимы особые условия, определенные ситуации.

Кроме того, наш подход характеризуется особым вниманием к микроуровню и повседневным жизненным практикам людей. Потому что в отличие от активистов с большим опытом, для понимания мотиваций которых необходимо учесть их мировоззренческие принципы и ценности (хотя и не в отрыве от контекста), «неофиты» – и это основная масса активистов – подключаются к общественной деятельности на основании практического смысла или эмоций и под воздействием конкретной проблемной ситуации. То есть, как мы убедились в ходе исследования, понять причины возникновения коллективных действий невозможно в отрыве от осмысления сущности бытия этих людей и их повседневности, поскольку активность «неофитов» укоренена в повседневности.

Наконец, в своем анализе мы учитываем плюрализм (многообразие) форм вовлечения человека в общественную жизнь и взаимодействия. В одной ситуации и при определенных условиях человек может действовать по-обывательски, в другой же ситуации и других условиях – более активно, принимать участие в коллективных действиях, хотя и в рамках решения частной проблемы и узкого сообщества заинтересованных лиц. В третьем же случае индивид может проявить активность за пределами своего сообщества и ставить обобщенные вопросы. Здесь нас вдохновила теория французского социолога Лорана Тевено о «режимах вовлеченности» (engagement)⁷. Согласно этой теории, в зависимости от режима (крайние варианты режимов – близость (близкое знакомство) и публичность (публичная сфера) люди по-разному взаимодействуют между собой и подходят к осмыслению ситуации. Эта теория помогает нам объяснить наблюдаемую широкую палитру разных степеней общественной активности, а также поразмышлять о возможностях и условиях перехода от локальных и временных активистских инициатив к более масштабным и консолидированным активистским структурам. То есть она позволяет поставить вопрос о становлении массовых социальных движений.

Презентация книги

Общая логика построения книги следующая: от макро– до микроуровня и обратно к макроуровню.

В первой главе мы объясняем, кто такие обыватели, или обывательский стиль поведения – для активистов, для ученых и для нас. Мы пытаемся доказать, что мир обывателей не такой однозначный, как может показаться, и что он не лишен ферментов активности.

Во второй главе мы определяем понятие «социальные движения», объясняем, в чем мы видим зарождающиеся движущиеся структуры в сегодняшней России. И обосновываем наш выбор – почему мы считаем себя вправе использовать этот термин для квалификации констелляции достаточно раздробленных и локализованных протестных и гражданских инициатив, возникших в стране в последнее время. Наконец, чтобы можно было говорить о качественно новой волне активизации, мы сравниваем современные движения с предыдущими эпохами общественного подъема, имевшими место в постсоветской России.

В третьей главе мы обстоятельно и подробно описываем три главных – на наш взгляд – социальных движения (условно – движение льготников, жилищное движение и рабочее движение) и по поводу каждого из них задаемся вопросом: действительно ли они являются социальными движениями? По каждому из них мы даем фактологическую информацию, анализ действующих лиц, структуризации, мотиваций, проблем, целей, эволюции во времени, методов действий и результатов, а также оценку сильных и слабых мест. В каждом из них мы крупным планом освещаем отдельные яркие и показательные эпизоды и мероприятия. Наконец, в каждом из них пытаемся отслеживать объединительные или, наоборот, разъединяющие процессы.

В четвертой главе мы занимаемся поисками теоретических подходов, которые могут нам помочь в объяснении и понимании социальных движений нынешней России. Сначала мы рассматриваем известные макросоциологические западные теории коллективных действий и устанавливаем их степень пригодности для анализа того, что мы наблюдаем в России, а также отбираем, расширяем и углубляем те аспекты теоретического корпуса, которые лучше подходят к российскому полю. И приходим к выводу о том, что все подходы имеют ту или иную релевантность, но ограни-

ченную и скорректированную рамками поля. Тем не менее мы выделяем среди них подход, который уделяет особенное значение лидерам и деятельности акторов по преодолению препятствий неблагоприятных общих политических и социокультурных условий. При этом мы определяем лидеров по-своему – как лиц, обладающих уполномочивающей властью. Затем мы доказываем необходимость дополнить макросоциологические теории микроанализом того, что делают, говорят, как действуют и взаимодействуют сами люди в определенных ситуациях. И подробнее разъясняем, в чем суть того подхода, который мы считаем наиболее отвечающим требованиям поля – теории прагматического рефрейминга. Наконец, мы вступаем в дискуссии с немногими отечественными социологами, занимающимися тематикой социальных движений.

В пятой главе мы погружаемся в глубину поля и при свете теоретической схемы путешествуем по разным ситуациям и местам, в которых образовалась активистская инициатива или социальное движение. Мы останавливаемся на четырех случаях – жилищное движение в Астрахани, забастовочное движение на «Форде» и АвтоВАЗе и гражданско-протестное движение в Ижевске. В каждом случае мы подробно описываем контекст, ситуацию, события, действующие и взаимодействующие между собой лица, этапы активизации, ее условия и препятствия. Мы показываем, как простые жители, работяги и пенсионеры превратились в участников социальных движений. И как эти движения укрепляются, развиваются или, наоборот, ослабевают или распадаются.

В шестой главе мы приглашаем познакомиться поближе с лидерами: кто они такие, откуда взялись, почему и как они стали активистами, взяли на себя роль инициаторов? Мы рассматриваем жизненный путь человека, происхождение, социальные характеристики, окружающий его мир, мировоззрение, а также контекст, ситуацию и условия, объясняющие его становление в качестве лидера. Поскольку новая волна низовой активизации требует именно «уполномочивающих лидеров», мы уделяем особое внимание условиям возникновения или утверждения у лидеров «уполномочивающего (раскрепощающего) авторитета». Затем мы выделяем разные типы лидеров, в частности группы лидеров-обывателей, лидеров-идеологов, лидеров-организаторов и лидеров-пассионариев. Мы также подчеркиваем условность деления лидеров на политических и социальных.

Седьмая глава является в то же время и заключительной частью, где мы подводим основные итоги в сжатом виде. Кроме того, мы пытаемся размышлять о перспективах социальных движений, в частности (но не только) на примере анализа довольно успешной межрегиональной сетевой структуры – Союз координационных советов России (СКС). Для этого мы задаемся вопросом о возможном переходе от локальных проблем и сообществ к более общим проблемам и масштабным сообществам. Поднимаем вопросы о консолидации, солидарности и путях расширения поля совместных действий, об инструментах институционализации солидарных установок и практик. Рассуждаем о содержании социального проекта, который разделяют между собой участники движений, и показываем, что требования не ограничиваются узкими интересами, приземленными нуждами и мольбами о помощи. И заканчиваем вопросом о политике, взятой в широком смысле этого слова, и доказываем начало процесса политизации общественных активистов. Завершается книга словами о подъеме «антиобывательской волны» в российском обществе.

¹ Под руководством К. Клеман. Совместный проект ИКД и Высшей Школы Социальных Наук (Париж), 2005–2008.

² Под руководством С. Патрушева. Отдел сравнительных политических исследований ИСРАН. Грант РГНФ 06-03-00190а, 2006-2007.

³ Под руководством И. Климова. ФОМ, 2007.

⁴ Отчеты активистов об акциях вывешиваются на сайте (www.ikd.ru) в отредактированном виде, для социологического анализа использовались первоисточники.

⁵ Сводки акций протеста публиковались (не всегда регулярно) с сентября 2006 года по июнь 2009 года на сайте ИКД: <http://ikd.ru/taxonomy/term/13>

⁶ В частности, см.: Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

⁷ В частности, см.: Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3(35). С. 5-14.

Глава первая

Обывательский мир

ОБЫВАТЕЛЬ

Обыватель, обыватель...
Позитивный улыбатель
Не герой и не предатель
С днем рожденья поздравлятель
Одобритель, поддержатель, радостный рукоплескатель
От законов убегатель
Не встреватель, не создатель
В церковь в праздник заходителъ
Прегрешений отмолителъ
Ни черта не понимаетелъ – телевизора смотрителъ
И рекламы поглотителъ, всякой дряни почителъ
Втюхиватель, потребитель, лох и тут же обуватель
Он совсем не избиратель, на участок не ходителъ
Рубят сквер? – он наблюдатель и немножечко грустителъ
Убивают – не свидетелъ, просто мимо проходителъ
Че вы все к нему пристали?!
Он нормальный честный жителъ!
Указали – выбиратель
Приказали – он стрелятель
Ну и что, что убиватель?
Он не он!
Он исполнитель

Не, на митинг не ходитель, бесполезно не кричатель
 Что, он сам себе вредитель?
 Обыватель, обыватель...
 Во!
 Футбольный он болетель!
 За команду всех порватель!
 Много пива выпиватель, вот такая добродетель
 Он зарплату получатель
 Четко в отпуск отдыхатель
 На работу вновь ходитель
 И детей своих раститель
 На войну их отдаватель
 И налогов оплатитель
 Похоронок получатель
 И рыдатель, и грустител
 И с собакою гулятель
 Ведь животных он любитель
 И за ней не убиратель
 Всех газонов засератель
 И окурков разбросатель
 Ничего не пониматель
 Ничего не узнаватель
 Ничего знать не хотитель
 Уши ватой набиватель
 Ключидверизапиратель.
 Ты ж достоин этой жизни
 Регулярный телезритель.
 2008 год¹

*Эти – свои – стихи Михаил Новицкий, лидер группы СПБабай, зачитал
 13 сентября 2008 года с трибуны митинга «За сохранение Петербурга».*

Кто не активист

Стихи эти достаточно хорошо иллюстрируют то, как «обыватели» иногда видятся активистам, – тем, кто заботится не только о себе, кто ходит на митинги и пытается защитить свои права. Но не стоит воспринимать слова буквально – это, конечно, карикатура. Столь резко осуждающие слова слышатся редко, в основном в моменты усталости и разочарования, когда кажется, что пытаешься, пытаешься, и все впустую. Активисты, если они не одиночные борцы, бросают более понимающий и нюансированный взгляд на «обывателей», тем более что большинство из активистов сами себя относят к «бывшим обывателям».

Мы используем термин «обыватели» без всякого осуждения и без особых научных претензий. Кроме того, мы не считаем обывателей типом людей или личности. Для нас обыватели – это люди, действующие в обывательском фрейме, то есть в рамках обывательских взглядов и поведенческих стандартов.

Вообще наша социологическая позиция не приветствует разделение людей на заданные типы личности, которые всегда и везде действуют и мыслят одинаково. Поэтому мы считаем, что в принципе невозможно говорить об обывателях в целом как об отдельной категории людей. Закоренелых обывателей, которые не способны измениться в определенной ситуации и при определенных условиях, практически нет. То же самое касается и активистов – даже самых «завязтых», которые могут (и фактически это делают) в определенных ситуациях действовать или мыслить по-обывательски. Есть ли среди активистов такие, кто никогда в воскресенье не предпочел бы теплый домашний очаг очередному бесконечному собранию? «Кто из вас без греха, первый брось в них камень!» Поэтому, когда мы употребляем слово «обыватель», его следует воспринимать условно, как удобный и краткий синоним более точного выражения «люди, действующие в обывательском фрейме».

Эмпирически выбор термина обосновывается тем, что «обывательским» является тот фрейм (практики и образы мышления), который активисты приписывают неактивным людям. Более того, говоря о себе «раньше», они сами прибегают к термину «обыватель». Примечательно, что во многих интервью встречается противопоставление между «активистами», с одной стороны, и «обывателями», с другой. Это противопоставление ис-

пользуется для самоидентификации и для разделения на «своих» и «чужих». Многие активисты говорят, что они считают «своими», уважают всех тех, кто «так или иначе ведет активный образ жизни», «кому небезразлично, что происходит в обществе». Отсюда главная характеристика обывателей – они не активисты.

Аналитически мы считаем допустимым заимствовать термин у активистов для условного обозначения тех, кто действует и мыслит конформистски, то есть приспосабливается к вымышленному или реально существующему порядку вещей. При этом уточним, что это приспособленчество может быть как пассивным, так и активным. Иными словами, не все обыватели являются пассивными людьми, тем не менее те из них, кто активен, действуют в соответствии с общепринятыми нормами и обычаями в обществе (или с их представлениями о них) и уж точно не стремятся изменить или оспаривать эти нормы и обычаи.

90 процентов населения...

Русский человек – обыватель?

Данные общероссийских опросов подтверждают низкий уровень гражданской и общественной активности большинства опрошенных. Поскольку по-обывательски склонно действовать и мыслить большинство населения, это явление легко фиксируется массовыми опросами, а также статистикой.

Опросы отмечают низкий уровень общественной деятельности, и в первую очередь деятельности протестной. Массовые опросы устойчиво регистрируют от 1 до 5% респондентов, отвечающих, что они принимали участие в каких-либо акциях протеста за последний месяц. Даже массовые акции протеста начала 2005 года против монетизации льгот фактически не были зафиксированы опросами. Так, по данным ФОМ, только 2% респондентов, по их же словам, участвовали в прошедших в начале января 2005 года акциях протеста².

Что касается измерений протестного настроения массовыми опросами, они дают очень небольшое представление о реальном протесте. За постсоветский период цифры варьируются в зависимости от постановки вопроса и вариантов ответа, но, насколько можно судить по данным раз-

ных социологических служб (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр), процент опрошенных, допускающих для себя участие в протестной акции, остается на уровне чуть выше 20% с пиками протестного настроения (от 30% и выше), приходящимися на 1998–1999 и 2005–2006 годы³.

Пики протестного настроения совпадают с крупными протестными движениями конца 90-х годов (так называемая «рельсовая война», захваты предприятий, палаточные лагеря) и середины 2000-х («антимонетизационные» выступления и массовые акции протеста против реформы ЖКХ). Однако, и Иван Климов это подчеркивает, «декларированная готовность протестовать еще не означает реальной готовности к активным действиям»⁴.

По сравнению с опросами официальная статистика рисует еще более удручающую картину общества неактивных людей. Возьмем, например, статистику по забастовкам (официальная статистика по митингам и шествиям, к сожалению, либо не ведется, либо закрыта для широкой публики). По данным Росстата, начиная с 2000 года количество забастовок постоянно сокращается (символические однодневные забастовки в 2004–2005 годах, организованные профсоюзом работников образования, вряд ли можно считать полноценными забастовками). В 2006 году было официально зарегистрировано лишь восемь забастовок, в 2007-м – семь, а в 2008 году – всего четыре. Кажется, забастовка просто исчезает как форма коллективных действий наемных работников.

Сразу отметим, что не только данные статистики, но также и данные опросов несколько искажают реальную картину, которую мы смогли проследить в собственном мониторинге протестных акций⁵, а также в секретных материалах административных служб. Занижение цифр официальной (опубликованной) статистикой забастовок объясняется тем, что учитываются только «законные» забастовки, а поскольку с принятием нового Трудового кодекса законно проводить забастовку стало практически невозможно, то по статистике забастовок практически нет. Такая статистика позволяет рапортовать, что «на забастовочном фронте все спокойно», что соответствует официальной идеологии о социальной стабильности.

Что касается опросов, то, как мы уже отметили, вопрос здесь не столько в политическом заказе (хотя этого и нельзя полностью исключить), сколько в самом инструменте, который измеряет лишь «среднюю температуру по больнице» и слабо адаптирован к изучению низовых граждан-

ских инициатив. Например, если спросить у бабушки, дежурившей несколько недель во дворе в ожидании стройтехники, является ли она членом общественной организации, она с большой долей вероятности ответит «нет». Если спросить, участвовала ли она в акции протеста (против чего, за что – непонятно, тем более что протест в обыденном восприятии ассоциируется с политикой), она также, скорее всего, ответит «нет». Вот и пропала бабушка как активистка для массовых опросов.

Некоторые исследования пытаются, тем не менее, оценить количество активистов, принимая во внимание все формы гражданской активности, при условии, что они имеют коллективный характер. Эти формы с трудом поддаются учету. Общественная палата решила проблему способом учета числа НКО и посчитала, что около 10 миллионов человек (или 10% взрослого населения) участвуют в деятельности НКО⁶. Доклад палаты отмечает ежегодный рост числа НКО, но при этом уточняет, что только треть зарегистрированных НКО ведут активную деятельность. Сами деятели НКО в интервью отмечают скорее кризис так называемого «третьего сектора» по сравнению с 90-ми годами. Однако вряд ли можно свести общественную активность к НКО, тем более зарегистрированным.

По данным другого (более научного) исследования, проводимого Фондом ИНДЕМ, за год с лета 2002 по лето 2003 года в каких-либо формах коллективной общественно-полезной деятельности (в том числе субботники, выборы, собрания, подписание коллективных писем) принимали участие 9% респондентов⁷.

По данным исследования «Общественные объединения нового типа»⁸, в России в начале 2008 года насчитывалось 228 инициативных групп (по данным ИКД, напомним, – не менее тысячи) и общее число людей, охваченных этой новой формой общественной деятельности, оценивалось в несколько сотен тысяч человек. Это меньше одного процента населения.

Таким образом, можно предположить, что даже если принимать во внимание не только протестную деятельность, то в коллективных действиях принимает участие около 10% населения. Это означает, что в ряды обывателей даже в лучшем случае можно смело записать 90% населения.

Обыватели – лохи?

Массовые опросы фиксируют основные черты этих обывателей: это люди разобщенные, апатичные, мало доверяющие друг другу⁹, с малоразвитым гражданским сознанием. Эксперты по общественному мнению¹⁰ приводят еще массу таких нелестных характеристик: «злые», «ностальгирующие», «циничные», «общественно равнодушные», «патерналистски настроенные», имеющие «ограниченные и примитивные запросы» и так далее. Такой портрет сильно смахивает на карикатуру, но мы к этому еще вернемся.

Пока хотелось бы остановиться на самом значимом и обобщенном свойстве «обывателей» – отчуждении от власти. Об этом свидетельствуют в том числе данные опросов. Они показывают, что подавляющее большинство людей не верят, что они как-то могут влиять на власть и на принятие решений¹¹. Люди выражают высокую степень недоверия ко всем институтам власти¹². В сознании большинства доминирует образ власти, которая чужда людям: она выше их или далеко от них, и при этом однозначно, что «мы» (люди) – не власть.

Недоверие к институту власти связано со слабой уверенностью в том, что власти придерживающиеся стремятся или способны соблюдать закон и гарантировать его применение, принимать законы, соответствующие потребностям и взглядам граждан, и гарантировать равенство всех перед законом. Наши интервью как с активистами, так и с неактивистами показывают: власть для людей – «несправедлива», «коррумпирована» и «избирательно» применяет закон (часто звучат такие слова, как «произвол», «беспредел»).

Однако массовые опросы выявляют также массовое подчинение этой власти. Власть не доверяют, часто не признают ее легитимности, однако ей подчиняются. Подчиненное отношение объясняется тем, что власть воспринимается как сильная, всемогущая и ничем не ограниченная. От нее все зависит. Патерналистские ожидания в отношении власти, на которых акцентируют внимание большинство российских социологов, унаследованы от Советского Союза, сильно укоренены, ими пропитана политическая культура «подданных»¹³. Эта культура обусловлена еще и тем, что власть видится как источник всех благ, равно как и неприятностей. В народе это называется «произвол»: власть имущие могут применять (интерпретировать) законы по своему усмотрению, могут помогать и могут препятствовать, а то и репрессировать.

Даже если у людей другие представления о желаемом порядке, они мирятся с тем, что есть. Некоторые исследователи ясно указывают на разрыв между «должным» и «сущим» в представлениях респондентов, то есть между тем, на каких принципах «должно» строиться российское общество (закон, права человека, мораль), и тем, какие принципы реально господствуют в обществе (выгода, личный успех, сила)¹⁴. Большинство людей мирятся с этим порядком, не веря, что власть способна воплотить «желаемое» в жизнь. А полагаться на самих себя большинство считает невозможным, потому что люди считают себя лишенными власти (отчужденными).

В сознании большинства укоренена модель господства верхушечной власти, которая видится единственно возможной. Наиболее рациональная и безопасная стратегия действий в отношении такой власти состоит в том, чтобы сохранять хотя бы видимость подчинения и лояльности. Самые распространенные практики взаимодействия с властью – не важно, продиктованы ли они осознанной стратегией или, используя выражение Пьера Бурдьё, подсознательным «практическим чувством», – развиваются по двум схожим логикам, проистекающим из модели господства верхушечной власти: налаживание межличностных отношений с полезными людьми во власти и уход из публичной сферы в частную жизнь или микрогруппу. Такова общая схема, которая воспроизводится как на макро-, так и на микроуровне, как в низах, так и в верхах общества.

Некоторые авторы особенно подчеркивают целостность и устойчивость этой системы отношений господства, которая пронизывает все общество¹⁵. В своих собственных исследованиях мы также нашли признаки воспроизводства этой системы снизу, простыми людьми, в их обыденной жизни.

В начале 2000-х мы проводили, например, исследование в среде рабочих¹⁶ и выяснили, что существуют две распространенные формы воспроизводящихся действий, направленных на то, чтобы отстоять свои интересы. Работники либо выстраивают клиентелистские взаимоотношения с начальником или с кем-то, кто близок к руководству предприятия, либо отступают и стараются делать свою работу так, чтобы свести до минимума возможные контакты с иерархией и возможные проблемы (например, сохраняя видимость лояльности).

Формальные правила и институты, в частности профсоюзы или система правосудия, в большинстве случаев не вызывают доверия. Их рассматривают как орудие самоуправства в руках тех, кому принадлежит власть.

То же самое наблюдается и в других сферах обыденной жизни. Как установили многие социологи, наиболее распространенной стратегией, которую используют обычные люди, чтобы выжить или просто улучшить свой жизненный уровень, является обращение к микросети неформальных межличностных взаимоотношений, которые создаются в целях взаимопомощи¹⁷. Эти сети образуют своего рода клики, как их именует Александр Хлопин¹⁸, то есть сообщества неформальных связей, интегрирующие «своих» людей на основе взаимного доверия и готовности ради «общего дела» пренебречь моральными и правовыми нормами в отношении других граждан. С этим перекликается понятие «клан» применительно к классу политических управленцев. Необходимо отметить, во-первых, что такие взаимоотношения ограничиваются микрогруппой, цель которой – взаимопомощь. Они редко бывают открыты для других групп и еще реже – для всего общества. Во-вторых, микрогруппы не свободны от навязанных властных отношений. В этих группах воспроизводится модель господства/подчинения, где лидеры или наиболее властные лица могут навязывать остальным членам свои правила и требовать от них лояльности.

В межличностных отношениях действительно присутствуют и доверие, и стремление помочь, но это узко ограниченное доверие и выборочная помощь. Микрогруппы, или клики, плотно закрыты и, кроме того, структурированы по неформальным и специфичным правилам, мало трансформируемым в общие правила или социальные нормы. Эти группы нельзя считать гражданскими группами в том смысле, что занимаются они частными проблемами людей, которые в этих группах состоят. Они вовсе не апеллируют к официальным политическим институтам и даже действуют в обход оных. Они скорее препятствуют участию людей в общественной жизни.

Из этого легко сделать вывод о том, что нормы и основные принципы, которыми руководствуются низы российского общества, отражают авторитарные и недемократические нормы и принципы, действующие наверху. Люди мало оспаривают этот порядок, несмотря на то, что он им представляется несправедливым. Если использовать терминологию Альберта Хиршмана¹⁹, «выход» и «лояльность» оказываются преобладающими в системе, которая не дает людям возможности подать собственный «голос».

...Нет, обыватели – осторожные конформисты

Важно, однако, отметить, что вышеназванные свойства обывателей – не более чем общее моделирование, которое не учитывает многогранности и всех тонкостей практик и мыслей людей. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, если «низы» воспроизводят модель властных отношений, преобладающую наверху, они это делают во многом под воздействием «верхов». На самом деле неформальные правила и подданническая культура насаждаются именно сверху. Четко это выражает А. Хлопин, говоря об «институциональных ловушках»²⁰.

В качестве доказательств мы можем сослаться на интервью, которые мы проводили с высокопоставленными чиновниками²¹. Они показывают, что бюрократы осуществляют власть, не обращая внимания ни на законы, ни на стремления или требования людей. Они игнорируют все, что могло бы ограничить их свободу в принятии односторонних решений в угоду клану, к которому они принадлежат. Респонденты говорят, что давления снизу вообще нет или что его не учитывают. Объясняют, что закон всегда можно трактовать так, как нужно.

Вот типичные высказывания чиновников.

«Закон ничего не значит. Решение должно удовлетворять букве закона, а не его духу», – отмечает консультант федерального министерства.

«Общественного мнения и закона для чиновников не существует... Есть... четкое понимание того, что, если нарушишь политические интересы – президента, хозяина или кого-то еще, – тебя посадят или положат. Ну и все», – рассказывает бывший помощник федерального министра.

«Население? Да бросьте... Что такое население? 140 миллионов человек. Кто его представители? Покажите мне их фамилии. С кем общаться? С каждой бабушкой? Выйти на площадь: товарищи, давайте список составлять?» – иронизирует чиновник, занимающий должность уровня директора одного из департаментов аппарата российского правительства.

«Инициатива снизу вообще никак не учитывается. Потому что низы не знают, что им нужно для счастья. Это все равно, что у студента спрашивать: а что бы ты еще хотел, милый, знать, чтобы стать специалистом? Он же учиться пришел. Поэтому это я как преподаватель все ему определяю», – по-отечески рассуждает директор департамента областной администрации.

«Общественность очень хороша, когда нужно какую-нибудь акцию провести. Сейчас мы тут сделаем общественную организацию, под нее запустим там что-нибудь – вот это да, тут нужна общественность», – говорит чиновник, равный по значению директору департамента в аппарате правительства.

Большинство чиновников, с которыми мы беседовали, описывают ситуацию, где общественным мнением или социальными требованиями манипулируют так, что их подгоняют под любое решение, принимаемое правящим классом в соответствии с его корпоративными интересами. Активистов и других неподконтрольных граждан рассматривают как «провокаторов» или «экстремистов».

Чиновники вообще не верят, что могут иметь место стихийные коллективные действия, не манипулируемые «сверху». Они принимают только такое коллективное действие, которое проводится в жизнь и создается бюрократией. Что же касается закона, то он никак не ограничивает процесс принятия решений. «Законы пишут люди. Всегда можно поручить законотворчество своим людям», – сказал один из наших собеседников. Единственный ограничитель, который признается чиновниками, – демонстрация лояльности тем, от кого они зависят (это могут быть группы предпринимателей или властные группы). То есть чиновники считают возможным осуществлять власть так, как им хочется, по крайней мере до тех пор, пока они сохраняют видимость законности и лояльность высшей инстанции.

Замечательно, что именно так люди и определяют осуществление чиновниками своих властных полномочий – как власть, ничем не уравновешиваемую, не контролируемую никакими общественными силами или институтами, иными словами, как произвол. Отсюда вывод: люди-обыватели действуют рационально (по крайней мере если их цель – самосохранение и безопасность, собственная или своей микрогруппы) и в соответствии с реалиями существующей властной системы. В любом случае тут нет ничего «архаичного» или «примитивного».

Некоторые социологи усматривают проблему ровно в противоположном: власть такова, оттого что люди – обыватели. Об этом четко пишет, например, Лев Гудков: «Авторитаризм утверждается в этой обстановке не потому, что у него сильные политические козыри в виде политических аргументов, целей, программ национального развития, а потому, что обще-

ственное равнодушие лишает общество способности сопротивляться произволу власти»²².

Рассуждение Гудкова иногда кусает себя за хвост (временами он с коллегами из Левада-Центра пишет, что общество формирует власть по своему образу²³).

Рассматривая концепцию Гудкова и Дубина как отражение мировоззрения свободомыслящей либеральной интеллигенции, нам хотелось бы особенно обратить внимание на ценностные суждения, которые себе позволяют иногда социологи и которые свидетельствуют о явном элитаризме и высокомерном отношении к людям «в массе» (то есть к обывателям). Мы уже упомянули все оскорбительные черты, которыми социологи наделяют обывателя. Если цитировать фразы дословно, то они сильно напоминают дискурс чиновников, о котором мы писали выше. Приведем примеры.

«Общество остается очень консервативным, с элементами государственно-крепостного сознания. Оно ориентируется на власть, привыкло к произволу власти, ждет от нее попечительства и отдает свою волю власти» (интервью Л. Гудкова Deutsche Welle в октябре 2008 года).

«Дело не в самой устойчивости власти, власть сама по себе как раз неустойчива и нестабильна, а в консерватизме постсоветского человека, который выступает опорой, главным элементом нашего общества» (выступление Л. Гудкова на конференции Левада-Центра в декабре 2007 года).

«Периферийные структуры социальных отношений гасят инновационные изменения, возникающие в центре. Именно этот процесс гашения, нейтрализации, стерилизации импульсов инновации со стороны социальной периферии мы описываем и фиксируем на протяжении последних десяти лет» (там же)²⁴.

После таких слов задаешься вопросом: а какой спрос с чиновников, если уважаемые социологи так же презирают людей и видят в них только легкий материал для манипулирования и главное препятствие демократизации? Единственную надежду они возлагают на интеллектуальную элиту. Увы, и здесь их ждет разочарование. Дескать, интеллектуальная элита деградирует, она становится конформистской и склоняется к консолидации вокруг власти. А компетентная и независимая элита, мол, в наибольшей степени удалена от центров принятия решения. Если имена представителей просвещенной интеллигенции не разглашаются (хотя мы о них догадываемся), то имена представителей обслуживающей власть и

деградировавшей элиты («подпорченные в моральном плане люди», «ренегаты») названы: «от Г. Павловского и М. Леонтьева до видных членов Общественной палаты»²⁵.

В конечном итоге носителей идей модернизации и демократизации почти не осталось, а тех, кто остался, не слышит ни власть, ни общество. И хотелось добавить – к счастью! Потому что все, что могут предложить такие просвещенные интеллектуалы, с презрением относящиеся к собственному обществу, – это полное пренебрежение нуждами и чаяниями людей, препятствующих движению вперед. А желаемое направление движения общества задано самими социологами – «западная демократия».

Все, что не укладывается в эту схему, стирается или подгоняется под нее. Например, в качестве доказательства консерватизма населения приводятся результаты опроса о предпочтительной политической модели устройства России. Относительное большинство (35%) выбирают «советскую систему», «нынешнюю систему» – 27%, а «демократию по западному образцу» – только 18%. Спрашивается, по какой причине для доказательства своих демократических установок люди должны предпочесть именно западную модель демократии? Почему они не могут иметь свои собственные представления о демократии, возможно, отличные от тех, которые им навязывают социологи через опрос?

Другой пример. Гудков пишет, что общественное безразличие людей «отчасти» объясняется тем, что, по всеобщему убеждению, ни депутаты, ни партии не выполняют своих обещаний (так считают 75% опрошенных). Кроме того, политики обвиняются людьми в том, что озабочены своими частными карьерными или материальными интересами (43% в сентябре 2007 года), не отвечают перед народом (27%), представляют интересы только власти и крупных корпораций, а не простых людей (16%), обманывают (15%). Чем такое негативное и правдоподобное осуждение не отражает демократические установки людей, которые бы хотели, чтобы политики отвечали перед народом, представляли интересы простых людей, не обманывали?

Напротив, Гудков отмечает рост авторитарных установок населения за последние двадцать лет («почти вдвое»). На основании чего? На основании того, что резко возросло число согласных с утверждением: «Нашему народу постоянно нужна сильная рука». Между тем, если люди правильно расшифруют нынешнюю систему власти (и, кажется, они пра-

вильно ее расшифровывают), то в отсутствие действенных каналов влияния на власть и в условиях неверия в собственные силы²⁶ люди рационально апеллируют к высшему начальнику вертикали власти. Именно потому, что они ощущают себя лишенными всякой власти. Почему-то социологи это интерпретируют как лукавство, «ускользание от самостоятельного действия и ответственности за него»²⁷. Хотя, с нашей точки зрения, это не более чем прагматизм.

Резюмируем наши основные выводы.

Во-первых, обывательский тип поведения и мышления насаждается сверху властной системой: людей превращают в обывателей базовые властные структуры, которые не оставляют места для иных проявлений власти, нежели чем власть верхов над низами. Верхушечная модель власти принуждает к повиновению, лишает людей всякой власти, внушает им чувство беспомощности, поскольку не допускает даже представления о том, что низовая власть может вообще быть.

Во-вторых, сама элита – обслуживающая власть или же критикующая ее – участвует в процессе отчуждения людей, лишения их власти. Поскольку во многом повторяет те же штампы и презрительные осуждения «масс», которые свойственны чиновникам, что укрепляет их стереотипы и чувство собственной правоты. Остро не хватает интеллектуалов, которые бы раскрепостили людей.

В-третьих, нельзя, конечно, недооценивать культурное наследие советской системы и еще более раннее наследие царского режима. При этом нельзя исключить самую возможность социальных трансформаций. Россия ведь далеко не единственный случай страны с длительным авторитарным прошлым. Многие (Турция, Аргентина, Бразилия) пошли по пути демократизации. Или у «русского человека» гены особенные? Но в таком случае это вопрос уже к биологам, а не к социологам: кто ближе к обезьяне – русские или французы?

В-четвертых, обывательский тип действия и мышления – скорее рациональный и прагматичный. Рациональный потому, что если цель – самосохранение и обеспечение себе и своим близким безопасности, то с учетом реально существующей структуры власти конформизм (следование общепринятым правилам и нормам) и осторожность (при отступлении от этих правил хотя бы не подавать вида) – оптимальные средства достижения цели. Прагматичный потому, что такой тип действия и мышления ис-

ходит из конкретного опыта властных отношений, «встроенного» в повседневную жизнь людей. Кто уже имел дело с вышестоящим начальником или чиновником, знает по собственному опыту: чем качать права, гораздо эффективнее и безопаснее пытаться «договориться», показательно демонстрировать лояльность или же просто не «выделяться» и избегать контактов с ним. Эти практики нельзя свести к хитрости или лукавству – во многом люди просто научены горьким опытом и знают (или проверили), что права у них есть только на бумаге. При этом действовать по-обывательски не обязательно предполагает попираание своих ценностей, по крайней мере когда конкретные требования ситуации не противоречат верованиям и принципам человека.

Однако стоит отметить, что рациональность и прагматизм ограничены – они «работают» почти исключительно в случаях с мелкими делами, проблемами, просьбами, которые не выходят за рамки допустимого и почти не затрагивают общую структуру властных отношений. А ведь ситуации и проблемы бывают самые разные.

Кроме того, в обывательском мире люди явно не равны. Действовать по-обывательски означает преимущественно действовать индивидуально. А ресурсы, навыки, умения, таланты у всех разные. Значит, существует вероятность, что привычные практики окажутся не такими уж и удачными, а это открывает окно возможностей перед другими алгоритмами действий.

Мы сожалеем о том, что либеральные социологи осуждают людей за «злой умысел»: дескать, те против демократии – той демократии, которая соответствует идеалу самих социологов, – вместо того чтобы, наблюдая за практиками и попытками людей, пытаться понять логику их поведения и отмечать не только «авторитарные» установки, но и другие их чаяния.

И хоть мы больше симпатизируем активистам, чем обывателям, мы попытаемся воздерживаться от оценочных суждений и идеологических схем и постараемся осветить мир обывателей во всем его разнообразии.

Ферменты активизации в обывательском мире

Обозначим наличие в самом обывательском мире предпосылок, семян возможной активизации. Поскольку большинство нынешних активистов

– выходцы из того же обывательского мира, то в этом мире должны быть ферменты для такой активизации. Подробнее о них мы расскажем, когда будем анализировать процесс трансформации фрейма, а пока приведем несколько возможных линий расследования.

В первую очередь это достаточно высокий уровень общественного одобрения акций протеста, по крайней мере если судить по данным массовых опросов. Кажется, качественное изменение в общественных представлениях произошло во время массовых выступлений против монетизации льгот. С января до июня 2005 года от 41 до 57% (на пике протестной деятельности) опрошенных выразили одобрение акциям протеста против монетизации²⁸. Это можно объяснить тем, что в акциях участвовали «обычные» и «близкие» люди, что были подняты конкретные, понятные очень многим проблемы. Люди стали понимать акции протеста как нормальный и эффективный способ влияния на власть.

Причем это качественное изменение отношения к протестным акциям сохраняется и после спада протестной активности. Так, по данным Левада-Центра, в марте 2005 года 28% указали, что в их городе или районе в течение последнего месяца происходили какие-либо публичные выступления против отмены льгот. В мае того же года такие выступления отметили значительно меньшее количество опрошенных – только 18%. Но все же 32% в мае выразили поддержку акциям протеста, а 44% относились к ним «с пониманием»²⁹. Результаты опросов Фонда «Общественное мнение» показывают, что в июне 2005 года акции протеста, вызванные монетизацией льгот, одобряли 41% опрошенных, осуждали – 16%, безразлично относились к ним 32% респондентов³⁰.

Второй признак относительного роста благосклонности россиян к активистским действиям мы нашли в их отношении к забастовкам. По данным ФОМ от декабря 2008 года³¹, 21% всех опрошенных и 27% работающих выразили готовность принять участие в забастовке, если таковая произойдет. Сама по себе забастовка воспринималась более спокойно, чем в начале 2008 года: забастовку считали крайней мерой 57% опрошенных (в феврале – 64%), «нормальным способом отстаивания работниками своих интересов» – 28% (в феврале – 23%). И главное, опрос отметил высокий уровень поддержки бастующих. Более половины респондентов (55%) одобряли тех, кто решается на забастовку, тогда как 15% выразили неодобрение в их адрес (еще 21% опрошенных отнеслись к бастующим безразлич-

но). По сравнению с февралем этого же года, когда такой вопрос был задан впервые, доля одобряющих бастующих выросла на семь процентов.

Эту тенденцию подтверждает и другой опрос, проведенный Левада-Центром в ноябре 2007 года³². Мнение о забастовках явно улучшилось (нормализовалось) по сравнению с 90-ми годами и особенно с 2001 годом (пик неодобрения забастовки, связанный с началом новой политической эры). В 2007-м большинство населения воспринимало забастовку как нормальное средство защиты своих прав и уже не отождествляло ее с «экстремизмом».

Примечательно и другое. Данные опроса Левада-Центра свидетельствуют о четком разделении мнений по поводу забастовки. Очевидно, существует два лагеря: с одной стороны, консервативно и/или патерналистски настроенные люди, боящиеся любых форм протеста, в которых они видят угрозу дестабилизации; с другой – более прогрессивные и/или самостоятельные люди, менее подверженные психозу относительно угрозы экстремизма и дестабилизации.

С одной стороны, часть населения положительно отзывается о забастовках, имевших большой общественный резонанс (пики одобрения совпадают с крупными трудовыми конфликтами: в 2003 году – забастовка авиадиспетчеров, а в 2007-м и 2008-м – забастовки заводских рабочих, автостроителей). Это означает, что значительная часть населения проявляет солидарность (правда, пассивную) с бастующими и переживает за исход конфликта.

С другой стороны, наблюдается усиление негативного отношения к забастовкам другой части населения. Мнение о том, что забастовки в нашей стране недопустимы, встречается чаще в 2007 году (6% респондентов разделяют такое мнение), чем в предыдущие годы: 2001-й – 5%, 2003-й – 2%, 2004-й – 4%, 2005-й и 2006-й – 3%. Да и позиция, что «забастовка – крайняя мера», тоже достаточно распространена.

На наш взгляд, это свидетельствует о формировании двух категорий населения, разделяющих противоположные мнения о забастовках. Причем эти две категории, судя по данным Левада-Центра, явно отличаются по уровню консерватизма и патернализма. Так, среди тех, кто считает, что «забастовка недопустима», преобладают люди старшего поколения, сельские жители, люди с образованием ниже среднего и электорат КПРФ и «Единой России» (чуть меньше) – отсюда следует практический вывод

для левых активистов: с традиционным электоратом КПРФ иметь дело достаточно бессмысленно.

Но все же главное: происходит процесс разделения населения на консервативных и прогрессивных, на общественно пассивных и активных людей. Вероятно, можно говорить о формировании «левого» и «правого» лагерей, к которым люди примыкают сообразно своим мировоззренческим позициям.

В любом случае в этом опросе мы обнаружили признаки процесса социальной дифференциации по вопросу об активистских установках.

Обывательский мир – не аморфная серая масса. Часть происходящих в нем процессов может открыть дорогу активизации и солидарности. Проблема состоит в том, что эти процессы во многом протекают скрыто от общества, они не становятся публичными и широко не обсуждаются. Люди имеют немного возможностей решить для себя, к какому лагерю примкнуть. Их постоянно возвращают к догме о едином обществе или же к обывательским стандартам.

В этой книге мы хотим, напротив, показать, что обывательский мир является настолько разнообразным, что все больше обывателей становятся активистами.

«Смирившиеся обыватели» и «приватные акторы»

Обыватели бывают самые разные, обывательский мир многосторонен, поскольку «порядок вещей» и обычаи – не монолитная матрица, а восприятие этого порядка еще более разнообразно.

На одном конце – пассивные и покоренные обыватели, которые просто плывут по течению. Мы назовем их «смирившимися обывателями». Это люди, живущие привычной для большинства жизнью, терпящие сложившуюся у них жизненную ситуацию (подчиняющиеся ей). Их главный завет – сиди тихо и занимайся своими мелкими делами.

На другом конце – более активные люди, которые находят силы для расширения коридора возможностей, пространства для свободы действий, при этом не сильно (хотя бы внешне) задевая рамки заданных и общепринятых правил. Это люди, которых мы, по подсказке Елены Даниловой, назовем «приватными акторами»³³. Это обыватели, которые пытаются

по-своему обжить заданные рамки, – маневрируют между нормами, лавируют между запретами, находят в них лазейки. Иными словами, они перестраивают рамки допустимого под себя, отодвигают границы невозможного, но все же без явного сопротивления и сохраняя видимость подчинения общим правилам. Они не бьются в закрытую дверь, но обживают открытое пространство. Тихо и незаметно (иногда для самих себя, чаще – для других). Их главный завет – попробуй взять свою жизнь в свои руки, но не высовывайся!

Активисты отличаются от «приватных акторов» тем, что действуют публично, – они придают публичность своим требованиям и действиям, стремятся не обходить дверь, а открыть ее или, по крайней мере, расшатать петли, на которых она висит. Кроме того, они осуждают общепринятые правила, которые они считают необоснованными и несправедливыми, и пытаются их изменять. Именно поэтому они и активисты, что выступают в роли «публичных и неконформистских акторов», покорителей запретных для обывателя зон. Их главная установка – не покоряться необоснованным (с точки зрения акторов) запретам и влиять на окружающую среду.

Но об активистах позже. Сначала разберемся с обывателями. Именно они – те, кто отвергает активистские методы защиты своих интересов, – составляют большинство населения. Между «смирившимися обывателями» и «приватными акторами» существует целая гамма различных вариантов, ее оттенки можно увидеть только при близком осмотре и особом освещении. Поэтому далее мы будем рассматривать обывателей в конкретных ситуациях.

Обыватели в ситуации (в поле): внимание к оттенкам

В нашем распоряжении два больших поля. Во-первых, полевые исследования, посвященные жилищным проблемам, которые мы провели в четырех городах (Москва, Пермь, Астрахань, Нижний Новгород) и в ходе которых нам удалось собрать информацию, обойдя квартиры в многоквартирных домах, проведя интервью с жителями и так далее. Во-вторых, экспедиции на заводы, где проходили трудовые конфликты (в частности, «Форд-Всеволожск» и АвтоВАЗ) и где информация формировалась

на основе интервью, которые мы брали у рабочих, и наших наблюдений у проходных завода (проход на завод был запрещен) или в общественных местах недалеко от завода.

Поскольку мы не отбирали людей (по показателю их активности) заранее, нам встретились различные представители обывательского мира. Опыт общения с ними и наблюдения за ними позволил нам увидеть оттенки портрета обывателей. При этом подчеркнем, что в действительности оттенков намного больше, чем мы приводим.

Жилищные обыватели. Общая ситуация в обследованных нами домах – более или менее продвинутый процесс перехода к самоуправлению. С такой перспективой или перед свершившимся фактом (в зависимости от этапа процесса) жители-обыватели по-разному действуют и мыслят. Вариантов мы нашли множество, опишем некоторые из них.

Подрыватели (из корысти или из страха). В одном ТСЖ мы нашли небольшую группу жителей – ярких противников правления ТСЖ (органа самоуправления). Эти люди главным образом занимались распространением слухов, дискредитирующих членов правления (активистов самоуправления). Потребителями этих слухов становились недовольные (общим состоянием дома, недостроенного по вине застройщика) и малообеспеченные люди. Тем не менее большинство жителей поддерживали председателя ТСЖ, которая ведет борьбу с застройщиком. Сплетни мало на кого оказывали воздействие, но разговоры о них шли. Сплетников называли «злоумышленниками» и говорили, что они так или иначе связаны с застройщиком.

Приведем в качестве примера одну сцену, свидетелями которой мы стали. Молодой парень пришел в помещение правления ТСЖ. В его присутствии председатель ТСЖ представила его нам как «одного из наших неплательщиков», а нас ему – как журналистов. Он с подозрением посмотрел на нас и бросил в адрес председателя: «Вы опять занимаетесь своим пиаром!» После его ухода (зачем он приходил, так и осталось непонятным) выяснилось, что он – один из родственников застройщика.

В другом (достаточно элитном) доме, где одна из женщин пыталась организовать ТСЖ, конфликт закончился потасовкой. У первого подъезда проходило информационное собрание. Пока активистка объясняла сосе-

дям, как идет подготовительная работа, две женщины из другого подъезда «прискакали» и «стали кричать, что мы не доверяем Вале (активистке), это все обман!». Далее последовала драка, ругань, мат, крики.

Судя по разговорам с другими жильцами, оппозиционно настроенные люди ведут себя, видимо, слишком истерично, чтобы их аргументы воспринимались всерьез. А аргументы следующие: якобы инициатор создания ТСЖ пытается оформить землю на себя, преследуя корыстные цели, обманывает соседей, избивает противников («есть соответствующее заявление в милицию»).

В группу подрывателей входят разные по уровню благосостояния люди. Так, одна пенсионерка, которая входит в группу, моет подъезды (и, соответственно, работает в управляющей компании, к которой, пока ТСЖ не зарегистрировано, относится дом) – ее можно отнести к бедному слою жильцов элитного дома. Другая – ранее преподавала в университете, а сейчас подрабатывает, давая частные уроки, и можно предполагать, что она имеет средний уровень доходов. В этой же группе новая жительница дома – богатая женщина, которая работает в управляющей компании и недавно купила здесь квартиру. Так что социальный состав неоднороден, да и частные интересы, наверное, тоже. Если бедная пенсионерка выступает скорее из страха перед ТСЖ и стремления остаться «при государстве», то богатая женщина явно преследует другие цели.

Отметим, что усилия инициативной группы нередко сталкиваются с подрывной деятельностью контринициативной группы, состоящей из обывателей активного типа. Их действия направлены на саботаж самоуправления и на сохранение статус-кво в доме (они не предлагают другого варианта, а хотят, чтобы «все осталось как есть»). Их главное оружие – сплетни да союзничество с муниципалитетом (он – сторонник сохранения своей монополии в ЖКХ). Мотивации у них разные: личное обогащение (интересы, связанные с управляющими фирмами) или страх (как правило, у малообеспеченных людей, которые боятся повышения тарифов в случае образования ТСЖ).

Озлобленные и беспомощные. В одном из домов мы встретили женщину, которая допекает всех своими постоянными гневными замечаниями в адрес инициативной группы. Она принципиально отказывается платить за жилищные услуги. О ней все знают и характеризуют ее как «немного

не в себе». Однако в разговоре она – пенсионерка, которая живет с мужем-инвалидом, – свой отказ платить не признает. Она даже свои претензии в адрес инициативной группы напрямую не высказала, просто сказала, что «пока рано судить», и намекнула об «афере», что «новые рабочие места создаются» (имеется в виду, что якобы активисты получают зарплату, хотя те работают на добровольной основе). Ее беспокоят тарифы («Мы боимся, что тарифы будут повышаться... И так уже чудовищные тарифы!»), однако она ничего не предпринимает (за исключением того, что исправно не платит за ЖКУ), а ограничивается руганью и устными жалобами.

Скептицизм в большей мере присущ жильцам, которые непосредственно не участвуют в самоуправлении, не интересуются делами дома, а просто являются сторонними наблюдателями.

В качестве иллюстрации приведем пример беседы с двумя пожилыми людьми – типичными представителями обывателей. На вопрос о том, как они оценивают изменения ЖКХ в доме, двое дедушек, сидящих на скамейке и с недоверием наблюдающих за собравшимися неподалеку во дворе дома членами совета, ответили: «Нам все равно, как платили в кассу, так и платим. Все это – очередная афера». И тут же переключились на наболевшее: «Дерут с нас три шкуры»; «Я инвалид, а мне дали только однокомнатную квартиру, хотя живем вдвоем с женой»; «Во втором подъезде ставили новую дверь, почему не у нас? Наверное, там блатные живут». Они – озлобленные и подавленные трудностями жизни пожилые люди, они критикуют все и всех: как активистов дома, так и муниципальные службы.

Пассивные эгоисты, или «халявщики». Нашелся и такой типаж. Он следует принципу: «пусть другие делают, только не я». Люди, относящиеся к этому типу, не сопротивляются деятельности подвижников, но и не помогают им ничем.

Приведем слова этих «эгоистов»: «Раз она начала все это делать, пусть дальше делает», «Она вроде бы хорошая женщина, у меня нет к ней претензий, посмотрим».

«Халявщики» действуют по сценарию «безбилетника»³⁴: сами не проявляют никакой инициативы, но рассчитывают на получение (и фактически получают) выгоды от общего улучшения положения в доме (от общего блага, созданного другими). Иногда они даже пассивно не участвуют в

общей деятельности (например, среди сторонников ТСЖ мы нашли состоятельных людей, которые, однако, месяцами не платят за ЖКУ).

Потребители. Некоторые «халявщики» предъявляют претензии активистам и требуют от них услуг высокого уровня – они ведут себя как требовательные потребители их услуг.

Один эпизод из жизни ЖСК. После того как бухгалтер кооператива разнесла квитанции, ей звонила жительница и жаловалась, что та ошиблась и выставила ей счет на три копейки больше...

Почти все подвижники рассказывают, что среди жителей есть такие, кто может звонить в любое время дня, в выходные дни и беспокоить самыми пустяковыми вопросами.

«Домочане». Мир этих людей ограничивается масштабами их квартиры: внутри у них все отремонтировано, обставлено новой мебелью и современной бытовой техникой, но за ее пределами они не делают ничего – никогда не подметают площадку, не интересуются общими делами дома. Такие люди заботятся исключительно о домашнем очаге и о своей семье.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример. Утром к уполномоченной дома пришла незнакомая соседка из другого подъезда и объяснила, что у нее в квартире протекла батарея. Женщина звонила в ЖЭК (старый рефлекс), с тем чтобы ей отремонтировали батарею, а ей сказали, что этот вопрос следует задать уполномоченной. Она и пришла выяснить, что можно сделать. Разговор был милый и вежливый, и в результате они договорились встретиться еще раз вечером, когда муж этой женщины будет дома.

Вечером женщина пришла с мужем, и вместе с уполномоченной они пошли на чердак – посмотреть, откуда идут трубы и теплосети в их квартиру. В ходе беседы выяснилось, что соседи, когда голосовали за форму самоуправления, то не очень-то вникали в суть того, за что они голосуют. В итоге они решили, что «наверное, лучше» отремонтировать батареи в своей квартире за свой счет. Главное для них – ремонт в собственной квартире, на общую жизнь дома они особо не обращают внимания.

Есть жители, которые вообще не пускают в свои квартиры незнакомых людей, бывает, что они не открывают дверь даже членам правления дома, когда те приходят, например, менять вентили. Эти люди – «обыватели-семьянины» или «защитники домашнего очага».

Беззлобные зависимые. Очень большая категория жителей состоит из малообеспеченных, малоресурсных людей, которые и помыслить не могут о том, что они способны влиять на что-либо в своей жизни, не говоря уж о целом доме. Вот они и повторяют: «да что мы сделаем, да кто мы такие...», «смотрите, я – пенсионер, инвалид, да что я могу?».

Эти люди, однако, легко делегируют другим (тем, кого они считают более ресурсным и способным) задачу действовать за них.

Приведем в качестве примера крайний случай: квартира с множеством владельцев (бывшая коммуналка), многие жильцы пьющие, нищие... К ним пришла активистка агитировать за самоуправление: «Будем заниматься непосредственным самоуправлением?» Они: «Что-о?» Она: «Это хорошо. Все, что скажет Настя (уполномоченная), все делать, понятно?» Они – «Ага-а».

Более распространена ситуация, когда жители просто не понимают, в чем состоит жилищная реформа, что от них требуется, чем им это грозит, что они могут сделать и так далее. Вот они и доверяются более знающим и ходят к ним за советами по всем вопросам.

В целом это люди, задавленные бытом. Говоря словами одной из активисток: «Проблема заработать, проблема накормить – уставшие за день, они бегут домой, приготовить, накормить и отдохнуть. И так каждый день».

Пассивные консерваторы (государственники). Мы встречали большое количество людей, априори противостоящих любым переменам. Любое изменение, а тем более новация их пугает и отвергается. Все должно идти как обычно.

Мы встретили людей, которые продолжали исправно платить старому ЖЭКу, хотя тот больше не имел никакого отношения к их дому, давно перешедшему под самоуправление. Другой случай: некоторые жильцы упорно называют новых управленцев (добровольных и выбранных ими соседями) – «ЖЭК».

Но главное проявление консерватизма – абсолютизация государства. Что бы ни делали государственные чиновники, как бы ни бездействовали муниципальные службы, вне государства нет спасения. Поэтому необходимо любой ценой оставить дом «при государстве», не отойти от «старого знакомого», привычного ЖЭКа. То, что ЖЭКов в старом виде уже не оста-

лось, их не волнует. Главное – чтобы начальники и работники остались те же и чтобы квитанция приходила прежней.

Пофигисты. Легендарная культурная черта россиян – «русское авось» – нашла отражение и в нашем поле. Нам встречались «пофигисты», то есть люди, которые ни о чем не беспокоятся – ни о своих интересах, ни об общественных, а просто живут.

Пример: молодой музыкант, который играет на гитаре и тусуется с друзьями. За ЖКУ он платит, когда получается. Он живет в другом мире, хотя иногда может «за компанию» участвовать в работах по дому.

Абстрактные активисты (или советники). В своем поле мы также встретили людей, которые интересуются общими проблемами дома, вникают в проблему самоуправления, но при этом сами не берутся за дело, – они дают советы, что и как делать, оценивают проделанную другими работу, критикуют ее (реже – хвалят).

В одном из домов из таких людей (в основном это были мужчины) даже создали неформальную «экспертную группу». По словам председательницы ТСЖ, эти мужчины «сами не рвутся в правление, но иногда дают дельные советы».

Рабочие обыватели. На автомобильных заводах обывателей тоже хватает – особенно это справедливо в отношении такого промышленного гиганта, как АвтоВАЗ (на «Форде» их оказалось гораздо меньше). Традиционно в России, и особенно на ВАЗе, сложился патерналистский тип отношений, где руководитель – барин, а рабочие – зависимые крепостные, в лучшем случае способные на хитроумный обман «хозяина». Но это общая схема, а на деле – например, в ситуации, когда проходит забастовка на предприятии, – неучастники забастовки имеют разные причины и мироощущение.

Зависимые: апатичные иждивенцы. Некоторые рабочие полностью подчиняются патерналистским отношениям с руководством, они другого варианта отношений с начальством просто не в состоянии представить. Мы называли их апатичными иждивенцами.

В качестве показательного примера можно привести двух 50-летних жен-

щин, работающих на АвтоВАЗе и жалующихся на руководство: «Ничего для нас никто не делает. Нам ничего никто не предлагает». На вопрос о том, почему они не участвовали в забастовке, они отвечают: «Кто бы нас отпустил с работы?» Участие в протестной акции (против руководства же) для них немыслимо без прямого указа или одобрения того же самого руководства...

Зависимые по объективным причинам. На заводах социальные отношения господства – подчинения дополняются механизмом эксплуатации, что делает рабочих объективно более зависимыми, чем жителей. Отсюда вынужденный отказ особенно уязвимых категорий работников от участия в протестных действиях.

На «Форде», например, не участвовали в забастовке в первую очередь работники подрядной организации. Они однозначно заявляли, что им никак нельзя бастовать: «Нам нельзя поддержать (забастовку). У нас другое предприятие, у нас нет профсоюза. У нас совсем другое: не нравится – уходите!»; «Если бы у нас была забастовка, это бы очень просто разрешилось... (имеется в виду – увольнениями). Как бы все на честном слове. Да, да, обещания, обещания, обещания. Вот не платят, например, водителям зарплату, вот не платят и не платят. Просто увольняйся, и все»; «Мы – подрядные, какая для нас забастовка?»

Озлобленные беспомощные. Любопытно отметить, что те рабочие, которые больше других любят кричать, что пора уже все разгромить, обычно воздерживаются от участия в конкретной акции.

Среди тех, кто не участвовал в забастовке на АвтоВАЗе, нашлось немало любителей бросить фразы: «Надо бы всем вместе, с автоматом на них, там иномарки и джипы, блин!» или «Что забастовка! Лучше дайте нам автомат!».

Клиентела. На заводах очень распространена клиентелистская модель отношений с начальством (по принципу «ты – мне, я – тебе»). Те, кто дорожит своими привилегированными неформальными отношениями с начальником, не участвовали в забастовках ни на «Форде», ни на ВАЗе.

В интервью никто из них, конечно, не признался в этом. Но за них говорили их коллеги по бригаде. Например, на АвтоВАЗе рабочие, принявшие участие в забастовке, рассказали, что у них вся бригада (30 человек)

бастовала, а «пять-шесть человек» демонстративно отказались, потому что не хотели «подводить бригадиров и мастеров», чтобы получить обещанное им «профмастерство».

На «Форде» активисты горько возмутились логикой клиентелистских отношений: «Будь лоялен руководству, и продвинешься вперед. Будь с начальством помягче, выполняй все его распоряжения, не спорь, и ты получишь должность. Какую – неизвестно, но какую-то получишь».

Абстрактные бунтовщики. Были и рабочие, которые абстрактно вроде бы выразили готовность к участию в забастовке, но не конкретной забастовке, которая прошла, потому что «надо было по-другому». Это обыватели типа «надо было бы...».

Они высказываются абстрактными лозунгами, а порой и осуждают забастовщиков за то, что им кажется ошибкой. При этом мысль, что нужно помочь делом, им в голову не приходит.

Приведем несколько выдержек из интервью с рабочими АвтоВАЗа, которые не принимали участия в забастовке.

«Не знаю, вроде бы обсуждали это (имеется в виду забастовку)... но не знаю, никто не подумал об этом. Никто не поднял вопрос, не завел... Если бы была общая забастовка, мы, наверное, тоже приняли бы участие. Надо, чтобы главный конвейер полностью остановился, тогда и будет толк».

«А толку-то? Если бы все, весь завод сразу поднялся, тогда да, а так... небольшая кучка. Что это дает? Надо было бастовать не там у себя, а у водоуправления! Надо всем вместе...»

Подрыватели. Среди рабочих мы не нашли много явных подрывателей, которые активно пытались бы сорвать забастовку. Вредителей больше на уровне начальства, и особенно в руководстве завода и традиционного профсоюза.

Так, на АвтоВАЗе председатель традиционного профсоюза АСМ (профсоюз работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения) публично «облил забастовщиков грязью»; по его словам, забастовка – это дело «неких сил, которым хочется дестабилизировать обстановку на заводе».

Инертные критики. На заводах подавляющее большинство рабочих недо-

вольны своим положением и тем, какие они имеют права и гарантии. Они критикуют руководство завода или профсоюзы, но при этом не выражают готовности что-либо делать для улучшения положения.

Поразительно, что общее мнение рабочих АвтоВАЗа о профсоюзе АСМ крайне негативное. Однако это не обязательно предполагает практические выводы. Особенно ярко это могут проиллюстрировать беседы с рабочими АвтоВАЗа, состоящими в профсоюзе АСМ и не принимавшими участия в забастовке. О профсоюзе АСМ они говорят: «Он ничего не делает», «толку нет», «живет за наш счет». Но другой, альтернативный, профсоюз тоже критикуют: «У них очень мало средств», «все (профсоюзы) одинаковы, все делают для себя, чтобы больше для себя хапать», «одни демагогические лозунги! У нас вообще нет профсоюзов, они есть только на Западе».

Пассивные симпатизанты. На заводах, особенно на АвтоВАЗе, мы встречали много рабочих, которые выражали поддержку забастовщикам, но не участвовали в акции, – пассивных симпатизантов активистов.

Приведем выдержки из интервью, которые служат показательным тому примером.

«Я слышал о забастовке, да. Но я тогда был в отпуске. Если еще будет, я приму участие. Такая зарплата – это не дело».

«Молодцы, ребята! Мы тут обсуждали все это, забастовку и все. Они вообще молодцы, сколько можно терпеть!»

«Конечно, поддерживаем тех, кто бастовал, как не поддержать! Мы же тоже работаем и не миллионы зарабатываем».

Пассивные эгоисты, или «халявщики». Есть категория работников, которая вызвала большое возмущение у профсоюзных активистов «Форда», – те, кто состоит в профсоюзе, говорит и критикует многое, но не участвовал (или не полностью участвовал) в забастовке. Это члены профсоюза, которые «просто числятся», проявляют мало активности, но пытаются получить от своего членства выгоду лично для себя. Это те же «халявщики», которых мы уже вычислили среди жителей.

О некоторых случаях нам рассказали участники забастовки. Вот, например, коллега и подруга одной активистки, которая состоит в профсоюзе, бастовала всего лишь несколько дней, а потом вышла на работу. Таким образом, она убила двух зайцев: получила, так же как и все, повышение

зарплаты, но при этом выслужилась перед начальством и ей подняли «грейд» (степень квалификации).

Консерваторы. Так же, как в домах, на заводах обнаружилась категория людей, которые принципиально против любых изменений. Среди них особенно много пожилых рабочих, которые дорабатывают до пенсии. Вот их высказывания: «Какая забастовка? Мне бы дотянуть до пенсии!», «Профсоюзы... Знаем мы, что такое профсоюзы, давно работаем, все по-старому».

Домочане. Мир труда – не многоквартирный дом. Поэтому места для исключительно домашних или семейных забот здесь мало. Тем не менее рабочие активисты отметили особенный тип обывателей, особенно среди женщин. Это те, кто «дальше своего кошелька, домашних каких-то забот ничего не видит и не слышит».

Выводы

Надеемся, что нам удалось достаточно ясно показать, насколько многообразен обывательский мир. Только в двух разных сферах общественной жизни мы обнаружили два десятка различных типов обывателей, иногда сильно, а иногда лишь немного различающихся между собой. Поэтому нельзя сводить обывателей к одному типу людей, полагая, что все они – циничные, злобные и патерналистски настроенные или вообще лохи.

Один и тот же человек в одной ситуации может думать и действовать по одной модели, а в другой – по другой. Кроме того, в обывательском мире в целом разбросаны ферменты возможной активизации. Другими словами, обыватели не обречены на обывательское состояние.

¹ <http://spbabai.ru/>

² Акции протеста. // ФОМ. Опрос населения, 20 января 2005 года. http://bd.fom.ru/report/cat/societas/civil_society/protest_action/aga_mon/d050425

³ Данные ФОМ, см.: Климов И. Деньги вместо льгот: история и значение протеста / Социальная реальность. ФОМ. №4, 2006; а также Климова С. Протестная активность россиян: динамика и потенциал. ФОМ, 29 апреля 2004 года. <http://bd.fom.ru/>

report/cat/societas/civil_society/protest_action/protest/d041724, и мониторинг протестного потенциала: http://bd.fom.ru/cat/societas/civil_society/protest_action/protest, данные ВЦИОМ: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/9099.html>, данные Левада-Центр: <http://www.levada.ru/press/2007072709.html>

⁴ Климов И. Деньги вместо льгот...

⁵ Сводки протестной деятельности, составленные сотрудниками ИКД, частично опубликованы на сайте <http://www.ikd.ru/taxonomy/term/13>

⁶ О состоянии гражданского общества в Российской Федерации 2006 года. // Общественная палата Российской Федерации, 2007 год. <http://www.oprf.ru/files/doklad.pdf>

⁷ См.: Римский В. Цели и мотивы политического и общественного участия российских граждан. // Фонд ИНДЕМ, 20 сентября 2006 года. Ст. 6. <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/rimskiy.pdf>

⁸ Гонтмахер Е., Шаталова Е., Бачманова Н., Львова Е. «Новые неформалы». Общественные объединения в современной России. <http://www.liberal.ru/article.asp? Num=746>

⁹ С середины 1990-х годов социологические опросы показывают устойчиво высокий – и даже возрастающий – уровень недоверия к другим людям в обществе. Так, в конце 2006 года около 74% респондентов считали, что «с людьми надо быть осторожнее», и только 22% – что «людям можно доверять», а в 1991 году соотношение было следующим: 41% и 36%. См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. // Общественная палата Российской Федерации, 2006 год. <http://www.oprf.ru>

¹⁰ См., например, сжатый портрет «обывателей», нарисованный по данным Левада-Центра: Гудков Л. Итоги путинского правления. // Вестник общественного мнения. № 5, 2007.

¹¹ По данным Левада-Центра, как и в 2006 году, в октябре 2008-го за месяц до думских выборов 81-83% опрошенных считали, что они не в состоянии влиять на принятие государственных решений в стране, участвуя в выборах, общественных акциях и демонстрациях, дискуссиях и т. п.

¹² Доверие институтам власти. // Левада-Центр, 9 апреля 2007 года. <http://www.levada.ru/press/2007040901.html>

¹³ См., например: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.

¹⁴ Патрушев С. Проблемы легитимации институциональных изменений и варианты универсализации институционального порядка. // Институциональная политология / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2006. С. 532-550.

¹⁵ Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс. // Пути российского посткоммунизма. М.: Издательство Р. Элинина, 2007.

¹⁶ Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? // Становление трудовых отношений в постсоветской России / под ред. В. А. Ядова. М.: Академический проект, 2004.

¹⁷ Rose R. What Does Social Capital Add to Individual Welfare? A Empirical Analysis of Russia.

// Studies in Public Policy. № 318, 1999; Гудков Л., Дубин Б. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов. // Мониторинг общественного мнения. №3 (59), 2002. С. 28-29; Дубин Б. Институты, сети, ритуалы. // Pro et Contra. Vol. 12 (2-3). 2008. С. 32-33.

¹⁸ Хлопин А. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции. // Социум и власть. М.: ИСПРАН/Мысль, 2003. С. 45-69.

¹⁹ Hirschman A. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.

²⁰ Хлопин А. Деформализация правил и институциональные ловушки в России. // Институциональная политология / под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2006. С. 448-463. См. ст. 459.

²¹ Исследовательский проект по изучению среды российской бюрократии под руководством А. Н. Олейника (2006-2008).

²² Гудков Л. Итоги путинского правления...

²³ «Высшая власть конституирует не только структуру управления, но и пытается задать обществу такие параметры его организации, которые соответствовали бы интересам самой власти, ее самосохранению и воспроизводству». – Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром... С. 27.

²⁴ <http://www.polit.ru/science/2007/12/21/gudkov.html>

²⁵ Гудков Л. Итоги путинского правления...

²⁶ «Стойкое ощущение собственной уязвимости, незащищенности законом, механизмами его исполнения и охраны (судом, прокуратурой, правоохранительными органами) год за годом сопровождает от двух третей до трех четвертей россиян». – Дубин Б. Институты, сети, ритуалы...

²⁷ Дубин Б. Там же.

²⁸ Климов И. Протестный потенциал и протестная активность. ФОМ, 7 июля 2005 года. <http://bd.fom.ru/report/map/of052725>

²⁹ Социально-политическая ситуация в России в мае 2005 года. // Левада-Центр.

³⁰ Реформирование системы социальных льгот. // ФОМ, июнь 2006 года.

³¹ <http://bd.fom.ru/report/whatsnew/d084910>

³² <http://www.levada.ru/press/2007121201.html>

³³ Подробнее об этом см.: Как люди делают себя (Рефрейминг как механизм формирования групповой идентификации) / под ред. В. Ядова, Е. Даниловой. Готовится к публикации. Эта книга во многом посвящена этим «приватным акторам».

³⁴ Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.

Глава вторая

Активизация обывателей: рождающиеся социальные движения (2005–...)

Казалось бы, все спокойно, обычные люди занимаются своими обычными делами, политики – своими. Все тихо. И вдруг, когда никто (почти) этого не ожидал, как гром среди ясного неба грянули массовые выступления против монетизации льгот.

Это событие нельзя недооценивать – это самые массовые стихийные уличные выступления в постсоветской России, по крайней мере с 1989–1990 годов. В общей сложности за январь-февраль 2005 года в них приняли участие 500 тысяч человек. Все крупные и средние, а иногда даже и небольшие города были охвачены протестной волной. То был явный вызов самоуверенным прогнозам политтехнологов, экспертов и циничных политиков, которые думали, что население «проглотит» еще одну реформу, если ее преподнести как очередной «подарок» властей в виде «живых денег» вместо якобы иллюзорных льгот. Это был первый (и самый наглядный до сих пор) случай, когда федеральная власть была вынуждена идти навстречу требованиям протестующих.

Условно можно сказать, что с движением против монетизации льгот на общественную сцену современной России вышел новый персонаж, новый актер – рождающиеся или перерождающиеся социальные движения.

В последующие годы (2006-2008), вслед за всплеском социального протеста против так называемой монетизации льгот (пик которого приходился на январь-март 2005 года), на общественном поле произошли качественные изменения. И если столь массовых протестных движений, как в начале 2005 года, уже не наблюдалось, то рост низовых гражданских инициатив на микроуровне продолжился. Наиболее заметно – вокруг жи-

личных и градостроительных проблем на уровне дома, двора или района, но участились также и трудовые конфликты на уровне предприятий. Кроме того, стали развиваться всевозможные сети, обеспечивавшие взаимосвязи между активистами разных проблемных точек и разных направлений деятельности. Формировались коалиции, товарищества, движения, координационные советы. Образовалась активистская среда, в которой передавалась информация и формировалась особенная общественно-политическая культура, в ее недрах рождались единые кампании и происходила своего рода «антиобывательская» революция.

Эти преобразования не стали массовыми (они охватывают не более 7–10% населения), но они настолько очевидны и отличны от всего того, что наблюдалось в прошлом, что это явление начинают отмечать даже ученые, политики и журналисты. Социальные движения стали новым объектом политических и научных дискурсов.

В этой главе мы сначала уточним понятие «социальное движение» и выясним, вправе ли мы говорить об их появлении в России, а затем проведем небольшой исторический экскурс и проследим динамику коллективных действий на протяжении последних десятилетий. Закончим обзором основных, на наш взгляд, социальных движений современной России и их основных характеристик.

Что такое социальные движения?

Социальные движения давно стали самостоятельным предметом социологии, по крайней мере для социологов, которые считают, что историю делают не только обстоятельства и структуры, но также и действующие люди. На Западе социальные движения рассматриваются социологами как основной актор социальных изменений. В России же до недавнего времени исследователи почти не обращали внимания на социальные движения (тем более что такие движения были очень малочисленными). В целом в российской социологии до сих пор преобладает иной взгляд на социальные преобразования: либо они представляются как импорт новшеств извне, либо как реформы сверху (проводимые просвещенной или менее просвещенной правящей элитой). Мало кто из исследователей задумывается о возможности влияния на курс развития стра-

ны «снизу».

Разберемся с термином.

Условно можно выделить четыре разных понятия, имеющих то или иное отношение к социальным движениям:

1 коллективное поведение: «случайное» (необдуманное, не результат стремлений) сходство в привычных практиках людей (толпа, зрители);

2 коллективные действия: координация действий между людьми для достижения коллективной цели;

3 социальный протест: разновидность коллективных действий (чаще всего ключевой момент в сплочении коллектива для достижения цели);

4 социальные движения: слабо формализованные и слабо институционализированные коллективные действия, обладающие определенной устойчивостью, в какой-то мере организованные, скоординированные и направленные на социальные изменения.

Мы будем использовать понятие «социальные движения» в самом широком смысле этого слова – в том определении, которое дал Петр Штомпка¹, – и не будем предъявлять к этому понятию жестких теоретических требований. Из-за относительно короткого срока наблюдения и особенно из-за слабых горизонтальных связей между разными гражданскими инициативами и тематическими и региональными движениями, возможно, стоило говорить скорее о констелляции социальных инициатив, имеющих слабые взаимосвязи и организационные основы. Но слабое движение все же есть движение, да и термин уже стал самостоятельной научной категорией, так что считаем более продуктивным использовать для анализа именно его.

Также важно с самого начала уточнить, что социальные движения не тождественны тем или иным организациям, которые могут быть акторами коллективных действий. Так, например, некоммерческие (негосударственные) организации (НКО или НГО) не являются социальными движениями, хотя могут способствовать их возникновению. НКО – это формально признанные правовым государством объединения граждан. Но помимо них есть неформальные объединения – гражданские инициативы (низовые и спонтанные объединения людей на микроуровне для решения какой-то коллективной проблемы или выражения коллективной позиции).

Помимо этого понятие социального движения подразумевает, что по-

литические партии или организации если и играют в нем роль, то не самую главную. То есть речь идет все же о гражданских, социальных инициативах, не ставящих во главу угла цели захвата власти, а стремящихся именно к изменению системы общественных отношений. Такова наша общая теоретическая схема.

Следующее уточнение может вызвать возмущение некоторых ортодоксальных демократов: к социальным движениям мы относим как прогрессивные или демократические движения, так и реакционные, авторитарные или фашистские. Определение не подразумевает каких-либо нормативных или ценностных критериев. Мы сознательно исключили чисто фашистские движения из нашего поля исследования, но в принципе они также являются составляющей объекта.

В тех движениях, которые мы исследовали, мы иногда сталкивались с ксенофобски настроенными активистами. Но при большом разбросе идеологических ориентаций в целом преобладала точка зрения, согласно которой социальные конфликты не имеют ничего общего с расовой или национальной враждой.

Однако мы не станем отрицать, что националистические движения и те движения, которые стали объектом нашего исследования, имеют общую почву. Порой процесс активизации (то, как человек приходит в движение) в националистических движениях весьма схож с тем, о котором мы будем говорить далее. Разница в идеологических ориентациях во многом зависит от круга участников активистской группы, в которую попал человек.

Наконец, следует объяснить, почему мы придаем столь большое значение протестному моменту в деятельности движений. В научных дискуссиях нас часто упрекали, что мы уделяем много внимания протестам. Наше объяснение не сводится к личным увлечениям авторов и имеет теоретическое обоснование. Поскольку социальные движения понимаются как вектор социальных изменений, они немыслимы без конфликта. Хотя некоторые теории и допускают социальные преобразования путем диффузии новых ценностей или идей (через феномен моды, например) или просвещения «незнающих масс» продвинутой интеллектуальной или правящей элитой, все же в основе большинства теорий социальных изменений лежит именно конфликт. И мы являемся сторонниками именно такого взгляда. Если речь идет об изменении структур распределения власти

и/или благ, то те группы, которые располагают властью и благами, будут сопротивляться переменам, угрожающим их позиции. И без конфликтов здесь не обойтись. Конфликты занимают центральное место в концепциях таких весомых социологов, как Георг Зиммель, Алан Турен, Сидней Тэрроу, Чарльз Тили. Заметим, кстати, что в России, наоборот, ученые и политики разделяют общее тревожное отношение к конфликту. В силу советского исторического опыта они склонны считать социальные конфликты неприемлемыми и деструктивными.

Мы предлагаем рассматривать конфликты более объективно и менее эмоционально, как естественное состояние общества, в котором существуют различные социальные группы с различными интересами и притязаниями. Социальные движения отстаивают интересы и взгляды, которые могут находиться и чаще всего находятся в противоречии со сложившимся балансом интересов и доминирующими идеями. Они оспаривают существующий порядок вещей и неизбежно сталкиваются с сопротивлением тех, кто защищает этот порядок.

Кроме того, протестные действия интересны тем, что именно в их ходе проверяется стойкость, сплоченность и вовлеченность участников движения. Протестный момент значим для солидаризации и самоидентификации активистов (мы – они). При этом следует отметить, что ни в нашем социологическом воображении, ни в действительности деятельность движений не сводится к протесту. Спектр возможных действий весьма широк: от петиций и оргсобраний до уличных выступлений. Однако едва ли можно считать социальным движением сообщество или даже сеть сообществ, никогда публично не протестовавших и не заявлявших о своей готовности к активной защите своих интересов и взглядов.

Протестный момент (или конфликтный, или «оспаривающий») – составляющая часть социальных движений и необходимое условие их становления. «Протестное движение» (точнее было бы сказать «оспаривающие движения») стало самым популярным названием для социальных движений, и в книге мы будем использовать во многом как синонимы научный термин «социальные движения», публицистический термин «протестные движения», привычный (юридический и исторический) термин «общественные движения» и неопределенный термин «движение».

Сами активисты относят себя чаще всего к какому-либо конкретному движению (движение какой-то категории населения, движение против

чего-то или за что-то). Поскольку общего термина для обозначения нынешней стадии развития низовых гражданских инициатив и процесса их координации нет, мы чаще всего будем называть движения теми словами, которые используют сами участники. А для наших теоретических обобщений предпочтем термин «социальные движения» как самый нейтральный и выражающий новшество тех движений, которые мы исследуем.

Движенческие структуры как новая форма общественной активности в России

А разве есть социальные движения в России? На этот вопрос мы ответим – да. И хотя они слабо развиты и слабо структурированы, но они есть.

Более того, мы считаем, что можно говорить о качественных изменениях в формах и восприятии общественной активности.

Рассмотрим два случая. Первый – первомайская демонстрация КПРФ в Москве: разрешение получено, колонны четко выстроены, во главе идет председатель партии, он же выступит первым на митинге, все ораторы заранее известны, также заранее известно, что демонстрация завершится дежурными речами («Долой антинародный режим!» и «Голосуйте за нас!»), после которых люди спокойно разойдутся до следующего призыва своей партии. Второй – шествие против монетизации льгот в Ижевске: колонн нет, участники группируются по степени близости взглядов или интересов и перемещаются из одних групп в другие, одни кричат: «идем туда», другие – «идем сюда», некоторые молодые ребята сопровождают демонстрацию на велосипедах, на импровизированной трибуне царит беспорядок, микрофон передается из рук в руки всем желающим, после окончания митинга никто не хочет уходить, люди идут перекрывать улицу.

Эти два случая являются крайними: конечно, не все демонстрации, организованные КПРФ, проходят так скучно и безжизненно и не все акции, инициированные гражданами снизу, проходят так весело и энергично. Однако в первом случае мы имеем дело с традиционным типом коллективных действий, а во втором – с новой, только что родившейся формой.

В первом случае события разворачиваются по следующему сценарию. Политическая (или общественная) организация призывает поддержать ее на акции или на выборах, участники являются либо членами, либо сто-

ронниками этой организации, власть – гласно или негласно – дает санкцию на акцию. От участников мероприятия не ожидают никакой самостоятельности, тем более инициативы, и все это напоминает «старую» и знакомую любому социализированному в советской системе человеку форму «административной» общественной деятельности, при которой общественная активность считалась нормой, приветствовалась и организовывалась властью. Кстати, именно отвращение к этому советскому типу активности стало одной из причин постсоветской общественной пассивности.

Появившиеся с 2005 года социальные движения являются новой формой общественной активности. Речь идет о движенческой форме активности, то есть о разветвленных горизонтальных структурах, в разной степени связывающих различные низовые гражданские инициативы, общественные организации, профсоюзы или политические организации между собой, а также привязывающих точечные проблемы, специфичные и локальные миры к общим проблемам и взглядам на устройство общества. Движенческая форма активности граждан динамична, она предполагает возможность изменений в зависимости от степени координации сил, вовлеченности участников и контекста коллективных действий.

Новизна этих форм, конечно, относительна. Речь идет об условной «новизне» в сравнении со «старыми» формами общественной активности, такими как первомайские дефиле, обязательные профсоюзные или партийные собрания, бюрократические и официозные мероприятия, которые исполняли роль «приводных ремней» в механизме власти. Эти формы во многом сохраняются, но они мало подходят недавно активизировавшимся людям.

Здесь же стоит заметить, что «постперестроечные» формы общественной деятельности также имеют скромный мобилизационный потенциал: речь идет в первую очередь о НКО или НГО (некоммерческие или негосударственные организации), а также о правозащитных организациях времен Ельцина, которые мало участвуют в движенческих структурах и мало привлекают новых активистов.

С партиями и профсоюзами дела обстоят несколько иначе: некоторые из них участвуют в движенческих структурах, а иногда и играют в них значимую роль. Но их участие обычно реализуется на локальном уровне и в целом не касается федеральной партийной или профсоюзной структуры.

Говоря о новизне, отметим также, что «новыми» могут являться «ста-

рые» типы организации (например, традиционные профсоюзы), если они адаптируют свой стиль деятельности к ожиданиям новых активистов. И наоборот, некоторые «новые» формы активистской деятельности (например, движение панков) могут не перекликаться с тем, что готовы воспринять недавно активизировавшиеся люди. Другими словами, старые формы могут быть возобновлены, а новые формы могут быть не востребованы.

Ключевым здесь является соответствие организации или типа активистской деятельности низовым гражданским инициативам. Необходимо, чтобы формы объединений создали резонанс с заботами, интересами и взглядами «обычных граждан», которые начинают активизироваться. А новые активисты предпочитают централизованным структурам формы самоорганизации, привязанные к конкретной проблеме определенного сообщества, укорененные в повседневном мире, характеризующиеся идеологизированностью и прагматичностью и в то же время склонностью к активному использованию протестных действий и выстраиванию горизонтальных связей с другими подобными группами в борьбе за поставленные цели.

Характерные черты новой формы общественной активности

Самая яркая черта движенческой формы активности – участие людей, у которых нет общественно-политического опыта. Конечно, есть и опытные активисты, и профессиональные активисты, и политики, но активисты – бывшие обыватели составляют большинство.

Также для новой формы социальной активности характерны очаги, из которых эта активность черпает силу. Очагами, базовыми ячейками движений являются самоорганизующиеся сообщества – группы, сформированные не сверху (властью) и не извне (по инициативе партий или других уже существующих общественных организаций), а снизу. Это вполне самостоятельные и самодостаточные ячейки, которые не всегда, но довольно часто выстраиваются в более глобальную движенческую структуру.

Общественная деятельность этих сообществ сосредоточена на социальных проблемах частной и повседневной жизни, она малополитизирована, специфична (предметна) и отвергает абстракции, но при этом не исключает

возможных переходов к обобщающей деятельности. Другими словами, новые активисты твердо стоят на земле и солидная почва под ногами позволяет им время от времени поднимать голову и смотреть на небо.

Еще для нынешнего этапа становления социальных движений характерно то, что низовые гражданские инициативы, развивающиеся сейчас по всей стране, в разной степени взаимодействуют друг с другом. По крайней мере множатся попытки строительства как межрегиональных сетей, так и сетей на уровне одного города. Эти сетевые гражданские структуры характеризуются тем, что каждая группа сохраняет свою автономию, действует в первую очередь в защиту своих особых интересов. Но тем не менее формируется представление, что для достижения более эффективных результатов необходимо действовать сообща с другими. Сетевой принцип здесь играет ключевую роль: он обеспечивает отсутствие централизации и вынужденной дисциплины, слабо обязывающие взаимоотношения между участниками движения, быстроту передачи информации, а также возможность обезличенного участия через использование новых информационных технологий, и в первую очередь через Интернет.

Сети – это каналы распространения информации. В них постоянно циркулирует разного рода информация: о самом движении, о других подобных инициативах, о конкретных проблемах и опыте их решения, о ценностях и принципах, о той или иной реформе, о политике. Со временем в сетях, и особенно в ходе происходящих в них дискуссий, формируются общие взгляды и общее представление о движениях. А главное – эти сети способны к мобилизации. Время от времени они мобилизуются для проведения общих кампаний под общими лозунгами.

Исторический экскурс

Рост социальной активности особенно очевиден на фоне общей пассивности конца 1990-х – начала 2000-х годов. Несомненно, нельзя сказать, что россияне впервые начали применять коллективные действия только в 2005 году. Но тем не менее мы полагаем, что нынешний этап активизации качественно отличается от предыдущих. Предлагаем совершить небольшой экскурс в историю общественной активности в России.

Всем известен тезис о том, что российское население общественно не

активно, поскольку советская власть отучила людей от самоорганизации и от ведения самостоятельной борьбы за свои права. Этот тезис во многом верен и подтверждается исторической литературой, которая свидетельствует о массовых репрессиях против инакомыслящих и случаях жесткого подавления очагов протеста (в частности, расстрел демонстрантов в Новочеркасске в 1962 году).

Однако подавленность советского общества нельзя преувеличивать. Некоторые современные исторические работы проливают свет на имевшие место в Советском Союзе и замолчанные властями восстания, в том числе на происходившие между властью и населением конфликты², или обращают наше внимание на то, как постсталинское советское общество находило ниши для тихого сопротивления авторитаризму, вплоть до создания подпольной оппозиции³. Общественные и профсоюзные организации пронизывали все общество, но при этом были подконтрольны партийному и государственному аппарату и сами играли роль скорее социального контроля (или же приводных ремней между властью и народом). Однако и в этих советских общественных структурах некоторые из их членов или руководителей получили опыт общественной деятельности и, как об этом свидетельствуют интервью, проведенные нами с пожилыми активистами, могли при желании защитить интересы своих «подопечных», маневрируя между строгими запретами.

В целом при анализе современной общественной активности советское наследие, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов. При этом стоит учитывать и противоречивый характер этого наследия – странную смесь лояльного отношения к власти и стремления обойти властный контроль.

Общественный подъем 1989–1991 годов

Нынешний подъем социальной активности во многом похож на подъем, наблюдавшийся во время перестройки в конце 80-х – начале 90-х. Но между этими двумя волнами есть и существенные различия: кардинальным образом изменился политически-институциональный контекст и смысл мобилизаций. В конце 80-х началом послужили сигналы об ослаблении системы государственного контроля и появление пространства

свободы, в которое тут же ворвались многочисленные народные инициативы и движения. Таким образом, почва в виде обширных ассоциативных структур (как официальных, так и подпольных или неформальных) была уже готова⁴, и очаги недовольства и критики только ждали искры, которая могла их поджечь. Этому периоду посвящено достаточно много литературы, поэтому мы ограничимся упоминанием лишь самых крупных движений перестроечного времени.

Период 1986–1988 годов ознаменовался процветанием и выходом в публичную сферу так называемого «неформального» движения⁵. Корни этого движения уходили в молодежную неофициальную субкультуру, которая возникла в СССР в 1960-е годы и, видоизменяясь и подвергаясь преследованиям властей, затем в 1970-е годы породила разнородные по направлениям и способам деятельности течения – от природоохранных дружин и клубов самодеятельной песни до диссидентского, правозащитного движения, а также различных религиозных и националистических объединений.

Под общим названием «неформальное движение» подразумевался широкий спектр самых разных общественных инициатив или сообществ, которые развивались на грани официальных властных структур, создавали общую «неформальную» среду (через самиздатовскую литературу, музыку, всевозможные клубы и кружки) и откуда и вышли первые демонстранты в поддержку перестройки и демократизации. В этой среде пересекались такие разнообразные движения, как экологическое⁶ («старые» дружины охраны природы, байкальское движение, инициативы против строительства атомных станций, комитеты в защиту окружающей среды), педагогическое («старые» коммунары), рок-движение, движение за восстановление памятников русской старины («Память»), за сооружение мемориала жертвам сталинских репрессий («Мемориал»), интеллектуальные и дискуссионные клубы, вскоре преобразовавшиеся в политические кружки, и прочие. Чуть позже появились региональные народные фронты и националистические движения в республиках, а также в регионах (вокруг темы самоопределения, борьбы с централизацией и защиты национальных или региональных особенностей). Бурно развивались самоуправляющиеся инициативы, главным образом в производственной, но также и в жилищной сфере⁷, – в это время с подачи или при поддержке власти (кооперативы, советы трудового коллектива, товарищества, комитеты общественного само-

управления). В «неформальной» среде бушевали страстные дискуссии и шел интенсивный обмен мнениями о сути происходящего, под влиянием которых значительная часть «неформалов» стала политизироваться.

Неформалы массово вылились на улицы в 1989 году, выступая сначала за «ускорение» демократизации, а затем против бюрократии, за отмену руководящей роли КПСС. На этот год пришелся пик демократического движения: сотни тысяч людей самой разной политической ориентации (анархисты, монархисты, коммунисты, националисты, экологи и т. д.) и без всяких политических симпатий прошли по улицам городов, чтобы вернуть себе голос и потребовать от партийной бюрократии «вернуть власть народу». В это время все были объединены общей борьбой с системой (которая понималась как монополия одной партии, присвоение власти бюрократией, отсутствие свободы слова и политических свобод). Но коллективные действия не сводились только к уличным демонстрациям. «Неформалы» в массовом порядке участвовали в первых полусвободных выборах 1989–1990 годов. Организовавшись в клубы избирателей, они выдвигали кандидатуры и проводили кампании в защиту своих кандидатов.

В те же годы прошли самые крупные забастовки⁸: они начались как забастовки рабочих угольных бассейнов (отсюда наименование «шахтерское движение»), выдвигавших чисто экономические требования, однако требования быстро переросли в политические (рабочий контроль, самоуправление, отмена руководящей роли партии). Тогда же родились первые свободные профсоюзы (в частности, Независимый профсоюз горняков). Не без посредничества политиков-демократов (в частности, Ельцин, Явлинский и Гайдар съездили на встречу к бастующим шахтерам) стачкомы и профсоюзы также стали поддерживать общий лозунг о демократии.

Пересечение и кумулятивный эффект всех этих волнений – рабочих, «неформалов», «националистов», если к этому добавить еще пособничество части номенклатуры, и привели к распаду советской системы, к свержению Горбачева и приходу Ельцина во власть. Этот период «демократической эйфории» и «святого союза» против коммунистической однопартийной системы закончился с избранием в июне 1991 года президентом РСФСР Бориса Ельцина. Рассыпаться этот союз начал раньше – разные идеологические течения утвердились уже к 1990 году, однако

призывы к массовой поддержке «лагеря реформ» против «лагеря консерваторов» взяли верх, а Ельцин стал знаменем «демократии» и «либеральных реформ».

Украденная демократия

На этом моменте стоит остановиться, поскольку он (а именно: присвоение «демократии» новоиспеченными «демократами») стал самым существенным в последующем свертывании общественной активности «демократического лагеря». По сути большинство тех, кто требовал «демократии» на улицах, на выборах и в забастовках, имели весьма приблизительное понимание о содержании этого понятия. Вначале демократия ассоциировалась с лозунгами «вернем власть народу», «долой бюрократию», «вся власть – Советам». Затем с подачи либеральных демократов к этим лозунгам добавились требования рыночных реформ. В тот момент для многих рынок означал социальную справедливость (достойную зарплату, отмену привилегий номенклатуры, «справедливое перераспределение», «гарантию социальных прав»), экономический рост и всеобщее благосостояние (как на мифическом Западе).

Демократический союз держался вплоть до путча августа 1991-го и даже до распада СССР в декабре 1991 года, но общественное участие становилось все слабее и под конец поддерживалось исключительно призывами «демократов» к мобилизации против «консерваторов», а затем «красно-коричневых». К моменту падения Советского Союза у «общественных» демократов уже имелись серьезные сомнения относительно направления движения, в котором они участвовали, а вокруг термина «демократы» уже появились первые кавычки. По мере того как значительная часть лидеров вливалась в структуры новой власти (в кабинеты, экспертные группы, становились депутатами), движение ослабевало. А когда «демократические» и «рыночные» реформы начали осуществляться, демократическое движение как социальное окончательно пошло на убыль, поскольку население стало испытывать на себе последствия «шоковой терапии» 1992 года.

Расстрел Белого дома в октябре 1993 года поверг «общественных демократов» в настоящий и глубокий шок. В 1994 году, когда автор этих строк проводил исследование среди бывших «уличных демократов», он обнаружил, что половина из них ушла в профессиональную политику или сделала околополитическую карьеру, а большая часть из оставшейся половины вовсе перестала принимать активное политическое участие в общественной жизни (они либо стали заниматься «своими делами», либо ушли в бизнес). Те, кто остался, проявляли активность в оппозиции «демо-

кратам», которые «эксплуатируют народ под видимостью демократии», или «аферистам и буржуям, которые управляют от имени народа»⁹.

В целом же период 1989–1991 годов очень напоминает то, что мы наблюдаем с 2005 года, – с той лишь разницей, что социальный и политический контекст в то время был более благоприятным. В те годы поступали явные сигналы об ослаблении контроля со стороны власти (причем они были однозначно восприняты большим числом инициативных людей), существовали обширные ассоциативные структуры (отчасти унаследованные от советского прошлого, отчасти появившиеся с подачи перестроенной власти); а раскол во власти между демократическим и консервативным лагерями способствовал поддержке демонстрантов частью властных кругов. Но эта первая волна мобилизации отличается от нынешней еще и тем, что сам коллективный и публичный протест был формой самоосвобождения и самоутверждения, актом преодоления страха и демонстрацией человеческого достоинства. Причем позитивное восприятие уличных или забастовочных выступлений было широко распространено в том числе благодаря «гласности» и развивавшейся демократической прессе.

Наконец, еще одно существенное отличие времени перестройки состоит в элитарном характере мобилизации: огромную часть демократических активистов составила интеллигенция: активизировались писатели, публицисты, ученые, высококвалифицированные профессионалы, студенты. Даже забастовочное движение было интерпретировано некоторыми социологами как дело «рабочей элиты»¹⁰.

Однако именно эти деятели (из «элиты») быстрее других ушли с улиц и с производства сначала в профессиональную политику, а затем в бизнес. Интеллигенция и новые предприниматели вместе с победившей на демократической волне частью советской номенклатуры стали новой правящей элитой и начали заботиться о защите своей «демократической» власти от «угрозы возврата назад». Тон ведущих СМИ и публичных выступлений политиков и околоставных интеллектуалов в отношении демонстраций и вообще низового гражданского действия резко изменился. Демонстранты и протестующие стали олицетворять реакцию и реваншизм, звучали призывы поддержать Ельцина как «единственного гаранта против хаоса и экстремизма» в борьбе с «красно-коричневой угрозой». Лидеры демократического движения, тем более если они вошли во власть,

резко изменили дискурс. Народ, по мнению многих, оказался «не готовым к демократии» из-за «ментальности люмпена», «невежества масс». А демонстрации и забастовки стали синонимом безответственности, опасности и дебилизма: «народ не созрел, он предпочитает кричать на улицах, чем идти голосовать», «демонстрации опасны, это власть толпы и масс, не способных к принятию политических решений», «я не хочу пережить Октябрьскую революцию 1917 года, народ должен остаться пассивным», «хватит бастовать, пора работать!»¹¹.

Оппозиционные выступления и социальное затишье (1992–1993 годы)

Начиная с 1991 года и особенно в 1992–1993 годах улицы присваивают себе оппозиционные «демократы» коммунистической и националистической направленности. В эти годы организованные ими демонстрации были намного более массовыми, чем демонстрации демократов. Однако стоит подчеркнуть, что эти мобилизации носили скорее политический, чем общественный характер, они были инициированы новыми политическими организациями, появившимися как раз в то время. В частности, с коммунистических позиций выступали «Трудовая Россия», Объединенный фронт трудящихся, Российская коммунистическая рабочая партия, комсомольские организации, левые молодежные группы и позже КПРФ (с февраля 1993-го); а с националистических позиций – «Русское национальное единство» и «Фронт национального спасения».

Политический характер движений не означал отсутствия в них активистов социальной направленности, но ряды оппозиции составляли в основном политические активисты, движимые идеологическими мотивами и борьбой за власть. В целом оппозиционное движение того времени было оторвано от ассоциативных структур и социальных инициатив. Рабочее движение к этому времени распалось, новые профсоюзы (за исключением малочисленного профсоюза «Защита труда») поддерживали «лагерь реформ», а старые профсоюзы (руководство которых было скорее на стороне «оппозиционеров») были не способны к самостоятельной массовой мобилизации. Почти не было крупных трудовых конфликтов, в массе своей рабочие занимали выжидательную позицию (ждали, когда смогут вос-

пользоваться первыми плодами реформ, приветствовали «народные приватизации»). Исключениями являлись так называемые «директорские забастовки», протесты бюджетников, организованные традиционной профсоюзной федерацией – ФНПР, и некоторые категориальные забастовки рабочих-профессионалов, организованные «альтернативными» профсоюзами (авиадиспетчеров, железнодорожников). Другие социальные инициативы (интеллектуальные кружки, экологические ассоциации, жилищные объединения) если и не прекратили свое существование, то были либо включены в новые властные структуры (умножились экспертные группы, общественные комитеты при Думах, правительствах и т. п.), либо превратились в НКО (и стали получать средства от иностранных фондов) или в бизнес-структуры.

«Общественникам» не осталось места на публичном поле битвы, которое было крайне идеологизированным и сталкивало два четко «штампованных» лагеря: «за» или «против» реформ. До тогдашней публичной сферы не доходили слабые голоса большинства народа, который в целом поддерживал реформы, но хотел бы обсудить, какие именно и какой ценой. Ставшие в те годы подконтрольными новой демократической интеллигенции крупные СМИ не пропускали эти голоса, показывая события в черно-белых цветах и крайне враждебно и нецензурно отзываясь об оппозиции. Народ как бы застыл в ожидании исхода битвы и достаточно пассивно наблюдал, как оба лагеря воюют друг с другом. Как нам кажется, отношение лидеров того и другого лагеря к общественным инициативам (апелляции к «народу» и призывы к мобилизации) было исключительно инструментальным. Так же как отношение к идеям, которыми они оперировали. Любопытно отметить, что противоборствующие стороны обменивались одинаковыми обвинениями. С одной стороны раздавалось: «это мы – демократы, они конфисковали демократию, узурпировали власть у народа», с другой: «мы защищаем демократию от краснокоричневых демагогов и экстремистов». С одной стороны звучало: «долой фашизм», с другой: «остановим фашистскую угрозу». Но ставка (для лидеров, а не для рядовых участников), по всей видимости, была иной – борьба шла за власть.

События октября 1993 года и кровавый исход конфликта показали, кто командует, и окончательно прикрепили «демократов» к власти, дискредитировав при этом демократические ценности и открыв дорогу на-

растающему авторитаризму. Ельцинский лагерь победил в основном благодаря контролю над государственной машиной (армией, милицией, ОМОН, СМИ). Что же касается демократически настроенного народа, он уже не особенно реагировал на призывы к мобилизации. Разрыв между политическими демократами (стоящими у власти) и общественными демократами (остававшимися с народом) непоправимо увеличился. Последние надолго разочаровались в демократии и политике, ставшей «грязным делом».

В числе нынешних общественно-политических активистов есть немалая доля тех, кто участвовал в этих событиях, причем как с одной, так и с другой стороны. Но если сегодня у защитников ельцинской власти эти события скорее вызывают неприятные воспоминания, то защитники Белого дома считают это действие героическим поступком.

На стороне «защитников Конституции» выступило очень много добровольцев и рядовых активистов (по разным оценкам, от 10 до 50 тысяч человек), побужденных к действиям политическими убеждениями. В течение двух недель активисты самоорганизовывались в дружины и полки, держали оборону (более двух недель), устраивали баррикады, жгли костры, проводили шествия и митинги, сменяли друг друга на дежурстве, помогали друг другу едой, оказывали первую медицинскую помощь, предоставляли ночлег. Приезжали на помощь, в том числе из других регионов (информация распространялась через партийные листки, сети политических организаций, а цена на транспорт тогда еще не стала непреодолимым препятствием к перемещениям по стране). Собралась очень пестрая публика: по политическим взглядам (иногда противоположным), организациям, занятиям, возрасту, стилю. Были и женщины, и подростки. Людей объединял дух общего сопротивления «антинародной власти». Сегодня участники тех событий особенно вспоминают этот дух братства и мужество дружинников, но при этом присутствует горький осадок от поражения, грустная память о погибших, обида за пассивно-отрешенную позицию населения («москвичи продолжали жить, как будто рядом не стреляют»), а также смутное чувство, что их использовали («все же сейчас, когда я об этом размышляю, мне кажется, что не все так просто и что во многом мы стали игрушками в чужих руках») ... Но до сих пор участие в обороне Белого дома служит для нынешних активистов знаком взаимного признания.

Спад политической активности, застой социальной активности и оживление рабочего движения (1994–1998 годы)

После кровавого исхода конфликта вслед за общественной стала падать и политическая активность. Общественная активность проявилась лишь в производственной сфере – с 1994 по 1998 год почти неуклонно росло количество забастовок и трудовых конфликтов.

Политическая пассивность легко объясняется тем, что большинство населения испытывало отвращение к политике, которая стала отождествляться с делом аферистов и олигархов. Не пользовались большой популярностью ни демократы (которых стали называть «дерьмократами»), ни «либералы» (виновные в шоковой терапии и снижении доходов основной части населения), ни коммунисты (которые, как казалось многим, не предлагали ничего, кроме пути «назад»). Власти удавалось мобилизовать людей только на федеральных выборах и только размахивая красной тряпкой угрозы «возврата назад» и обещая манну небесную нищим пенсионерам и голодающим рабочим (особенно нагло этот трюк использовался на президентских выборах 1996 года для поддержки Ельцина).

Общественная пассивность была связана с несколькими факторами. Главный из них – обнищание основной массы населения, которое было озабочено и занято в первую очередь ежедневной борьбой за выживание. Все силы и время уходило на поиск подработок, покупку дешевых товаров и продуктов, огороды, установление контактов с «полезными» людьми – одним словом, на неформальные тактики «выкручивания». Кроме того, одни активистские сообщества превратились в филиалы властных структур, другие – в бизнес-сообщества, третьи – в некоммерческие организации, ориентированные прежде всего на популярные западные темы (гендерная тематика, ВИЧ, некоторые экологические и правозащитные темы) и финансово зависимые от западных фондов. В целом общественные организации деградировали в силу того, что они лишились активистской базы (людей, занимавшихся общим делом на добровольной основе), а остались в основном бюрократы, профессионалы или предприниматели от правозащиты. Именно тогда появились первые трещины между правозащитными группами и миром НКО, с одной стороны, и обычными людьми, с другой стороны. С тех пор разрыв только увеличивался.

Ситуация динамично развивалась только в сфере социально-трудовых отношений. Резко стало расти количество трудовых конфликтов, которые порой принимали жесткие формы – перекрытие дорог, захват предприятий, захват директоров в заложники, – но чаще всего выражались в форме голодовки. Люди шли на коллективные действия, преследуя две основные цели: добиться выплаты задолженности по зарплате и спасти предприятие от разорения. Активность в этой сфере связана с общей экономической и политической ситуацией. Работники на собственной шкуре ощутили последствия экономических реформ – для них они стали синонимом массовой задержки зарплаты, обнищания, «прихватизации», распродажи производственного имущества и финансовых махинаций. А поскольку власть либо сама участвовала в этой ситуации (в качестве работодателя бюджетников или вооруженной руки олигархии), либо не вмешивалась в нее, протестные выступления постепенно политизировались. Главный лозунг массового забастовочного движения 1998 года – «Ельцина в отставку!».

Самым громким событием этого периода стала так называемая рельсовая война (увеличение случаев перекрытия железнодорожных путей). Всем особенно памятен постоянный забастовочный пикет шахтеров перед Белым домом весной-летом 1998 года. Но в то же время во многих других городах (в Сибири вдоль Транссибирской магистрали, в Ярославле, в Астрахани и т. д.) координационными советами забастовочных движений, в которых участвовал большой круг разных профсоюзных организаций (как «новых», так и «традиционных»), стихийных стачконов или рабочих комитетов разных предприятий, а также политических организаций левого толка, были организованы палаточные лагеря. В этих выступлениях участвовали не только шахтеры, но и представители самых разных профессий (в частности, рабочие автопрома и перерабатывающей промышленности, а также учителя и другие бюджетники). Это был массовый протест против сложившейся монополистической, мошеннической и олигархической экономической системы (звучали возмущенные декларации против «дикого капитализма», «олигархических» и «антинародных» приватизаций, финансовых махинаций, мошенничества владельцев предприятий) и громкий призыв к властям навести порядок и прекратить «распродажу национального благосостояния».

Добавим также к этим забастовочным и уличным действиям более локализованные, но масштабные по своему резонансу действия по установ-

лению рабочего контроля на предприятиях: уставшие наблюдать, как разворовывают производственные мощности их заводов, рабочие предприняли попытки установить рабочий контроль над оборудованием, производством, выпуском продукции и иногда над управлением в целом. В качестве примеров можно привести Ростсельмаш (Ростов-на-Дону), Ясногорский машиностроительный завод (Тульская область), Тутаевский моторный завод (Ярославская область) и Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат (Ленинградская область), где было установлено полное рабочее самоуправление. Причем эксперимент рабочего контроля продолжался несколько месяцев и первоначально (пока не началась блокада и контрнаступление собственников) давал результаты: производство было восстановлено, зарплаты выплачивались. Опыт разбился об экономические трудности, о блокаду со стороны властных структур и о возобновление борьбы за собственность. Однако в период, когда в России разразился очередной экономический кризис, будет нелишним вспомнить об этом опыте рабочего контроля и самоуправления.

Медийное уничтожение трудящихся

Конечно, в целом подъем рабочего движения в эти годы не следует переоценивать. Во-первых, большинство конфликтов носило чисто оборонительный характер (чтобы не закрыли завод, выплатили зарплату), в их ходе не поднимался вопрос о повышении зарплаты или об улучшении условий труда. Во-вторых, несмотря на становление некоторых координационных структур, организационная основа движения была достаточно слабой, большинство конфликтов были локальными и призывы к рабочей солидарности имели малый резонанс. О причинах пассивности того периода написано много¹²: это социальная дестабилизация (неуверенность в завтрашнем дне), раздробленность (отношения «один на один» с начальником), слабое доверие к профсоюзам, слабая солидарность, развитость клиентелистских или патерналистских отношений с начальством, предпочтение неформальных и индивидуальных способов выкручиваться (или же «вертеться») апелляциям к формальным правилам и законным правам.

Это с одной стороны. С другой – общий политический и экономичес-

кий контекст создавал благоприятные условия для протеста. В частности, бесстыдный и грабительский характер капитализма и демонстративный союз ельцинской власти с олигархами вызывал огромное недовольство, которое при наличии дееспособной организации и конкретной угрозы предприятию или отрасли могло вылиться в коллективный протест. К тому же доминантная идеология, которая воспринималась как поощрение беспредела и обогащения любыми средствами, явно не совпадала с ценностями работников, терпевших невзгоды. Кризис легитимности власти достиг самых высоких вершин.

Однако до массового движения и тем более до революции было далеко. Главным образом потому, что рабочие меньше всего мыслили себя субъектом коллективных действий.

Десять лет назад автор этих строк описала рабочих как подверженных мощному процессу «десубъективации», или лишения части самого себя (если использовать термины Маркса, можно было говорить об отчуждении). В интервью того времени рабочие в большинстве случаев оценивали себя негативно – как «ненужных» («я ненужная гайка в плохо построенной машине») либо полностью зависимых существ («мы рабы, работаем как рабы, действуем по-рабски», «я батрак, которого можно посылать туда-сюда»), «униженных» и «подавленных». И хотя встречались положительные индивидуальные самонаименования («я – человек с большой буквы»), но положительные оценки рабочих как социальной группы (если вообще упоминалось о существовании такой группы) были крайне редки.

То есть основная масса рабочих погружалась в страдательное состояние и каждый из них страдал пассивно и отдельно от другого, так как стеснялся своего состояния. У них не было почвы под ногами: их труд не оплачивался и не был общественно признан. Кем были рабочие в 90-е годы в общественном сознании? Теми, кто не смог вписаться в новую систему, оказался лишним, но кого приходится подкармливать. Теми, кто сам ни на что не способен, почти не трудится, ничего ценного не производит. Эти штампы о себе усвоили рабочие. Несмотря на то что подобные штампы никак не соответствовали их повседневному опыту, мифы о свободном сверхчеловеке и об индивидуальной самореализации (азы либеральной идеологии) прочно укоренились в их сознании. И для многих они оборачивались чувством неполноценности и неспособности.

Основную роль в процессе десубъективации играли ведущие СМИ, по-

литики и интеллектуалы, которые с особым рвением распространяли негативные образы рабочих. Сегодняшнее чтение презрительных комментариев того времени поражает. Протестующие рабочие были «эгоистами», «безответственными», «ностальгирующими», «потенциальной угрозой гражданской войны». Даже известный социолог и учредитель ВЦИОМ Юрий Левада в 1997 году писал о том, что «основными носителями «протестных» настроений в нынешних условиях выступают наименее продвинутые, менее всего вовлеченные в процессы перемен слои и группы населения», поэтому их чаяния «обращены скорее не к будущему, а к прошлому – к всеобщей государственной зависимости»¹³.

Журналисты выражались более откровенно:

«Рабочие трудятся всего три дня в неделю, но они недовольны, они все же участвовали в акции протеста» (журналист ОРТ о рабочих воронежского авиастроительного завода, зарабатывающих две трети нищенской зарплаты)¹⁴.

«Таких «уволенных» людей, как она, – тысячи, и они нанимаются на всех заводах. Иди и работай! Нет уж, они все идут к Белому дому», – журналист газеты «Аргументы и факты» об участнице митинга у дома правительства»¹⁵.

Вот несколько заголовков статей накануне всероссийской акции протеста 27 марта 1997 года:

«Протестные действия перейдут в массовые беспорядки?» («Независимая газета», 27 марта 1997 года);

«Весна 1997-го станет началом нового всеобщего столкновения?» («Московские новости», 23-30 марта 1997 года);

«Третья беда навалилась на Россию: дураки показывают дорогу» (комментарий к фотографии демонстрации. «Сегодня», 28 марта 1997 года).

Политики не отставали и вносили свою лепту в операцию по дискредитации. Во время «рельсовой войны» особенно отличился министр путей сообщения Николай Аксененко: *«В протесте шахтеров больше паразитизма, характерного для советской эпохи, чем ответственности перед семьями, которые сегодня не могут кормиться. <...> Они получили свободу, но оказались не способными с ней справиться»¹⁶.*

Мы специально остановились на медийных образах протестующих рабо-

чих 90-х годов, чтобы можно было объективно оценить эволюцию информационного пространства, в котором разворачиваются протестные действия. Сразу отметим, что «свобода слова», о лишении которой сегодня жалеют многие интеллектуалы, либералы и журналисты, была ограничена именно этим кругом лиц. В 90-е годы СМИ были недоступны рабочим организациям, поскольку принадлежали олигархам, против которых и выступало рабочее движение.

Так или иначе, конец протестному движению положил финансовый кризис августа 1998 года и последовавшая за ним смена правительства, затем добровольная отставка Ельцина и некоторое оживление производства. Требования рабочего движения 1998 года были удовлетворены в очень небольшой степени. При этом можно предположить, что именно его результатом стала смена дискурса власти. Наведение порядка, борьба с олигархией, прекращение задержки зарплаты, упор на производство и восстановление государственного контроля над экономикой стали припевом первого срока путинского президентства. И об этом нельзя забывать, когда мы анализируем причины популярности Путина.

Закат активистского потенциала: 1999–2005 годы

С приходом Путина во власть активность угасла. Резко упали все индикаторы общественной или политической активности, причем во всех сферах одновременно. Во многом это объясняется стабилизацией: экономической, социальной и политической. Производство восстанавливается, начинается экономический рост, зарплаты выплачиваются вовремя, – все это снижает уровень недовольства людей своим положением. Объявлена «борьба с бедностью», демонстративно арестованы или нейтрализованы некоторые олигархи, восстановлен государственный контроль над ключевыми секторами экономики, провозглашена «диктатура закона» и взят курс на укрепление государства. Добавим сюда теракты и вторую чеченскую войну, вокруг которых власть развернула мощную риторику о необходимости сплочения всех против «угрозы терроризма», а также возврат к старым напевам о сверхдержавности и шаги, демонстрирующие способность российской власти противостоять США. Соединив вместе все эти ингредиенты, мы получим рецепт,

обеспечивший путинской власти массовую если не поддержку, то по крайней мере лояльность.

Играя на патриотических и антиолигархических настроениях, на потребности в порядке и стабильности, на стремлении к социальной справедливости, новая власть сумела создать образ, соответствующий ожиданиям населения. Благодаря удачному манипулированию этими ценностями и монополизации административных ресурсов путинская власть де-факто уничтожила политическую оппозицию, которая могла бы служить референтом для социальных движений.

Режим сумел восстановить популярность и легитимность. В официальной идеологии произошли перемены – в частности, смещение в сторону ценностей основной массы населения: казалось, власть уже не поощряет беспредел и обогащение любыми средствами, как это было при Ельцине.

Смена идеологии сопровождалась реформой структур власти, направленной на укрепление «вертикали»: в политике, в экономике и в общественной сфере.

Вследствие производственного роста и приостановки борьбы за собственность, а также принятия нового Трудового кодекса (февраль 2002 года) на предприятиях укрепились позиции работодателей. К этому стоит добавить удовлетворение от регулярной выплаты зарплаты и повышение ценности производственного труда. Все это ослабило позиции профсоюзов, тем более что самая крупная, но инертная профсоюзная организация (ФНПР) в ходе торгов и дискуссий о реформе трудового законодательства получила в обмен на лояльность квазимонополию на представительство наемных работников.

Кроме того, целый ряд реформ укрепил контроль власти над общественной и политической жизнью. В числе их последствий следует упомянуть усиление бюрократических и формальных барьеров против демонстраций и забастовок, упразднение прямых выборов губернаторов, практическую невозможность проведения референдумов по инициативе населения, отмену одномандатников на общенациональных парламентских выборах, подъем барьера для вхождения партий в Думу с 5 до 7%, трудноосуществимые нормы регистрации партий (минимум 50 000 членов в 45 регионах), усиление контроля государства за НКО и так далее. В результате публичное пространство, не сводимое к сфере власти, резко сузилось. В целом институционально политическая система закрылась для новых иг-

роков, оппозиционеров и низовых и неподконтрольных групп. Довершил этот процесс рост репрессий и запугивание оппонентов и протестующих, контроль над крупными теле-СМИ, а также внедрение «официального гражданского общества» (создание органов «гражданского общества», избираемых и контролируемых президентской властью, например, «Общественной палаты»). В результате были ограничены политические свободы и законные возможности коллективных действий.

Стоит добавить, что все это имело место при относительном равнодушии населения, для которого в массе своей эти свободы значили гораздо меньше, чем главные ожидания: стабильность, конец беспредела и прекращение разворовывания богатств страны. Люди мало беспокоились об утрате свобод – их опыт говорил, что формальные законные права мало что значат. Главный урок ельцинской эпохи для многих заключался в том, что закон выгоднее обходить, поскольку «на бумаге одно, а в действительности совсем другое».

О свободе памятливы высказывания рабочих 90-х годов: «А что свобода? Для чего, для кого? Что это за свобода, когда ты и колбасу купить не можешь?» Основная часть населения в начале 2000-х годов работала, покупала, потребляла, копила, улучшала свои жизненные условия. Одним словом, люди вздохнули с облегчением: худшие времена позади, и теперь можно использовать стабильность, чтобы наладить свою жизнь. Прямые или не прямые выборы губернаторов (выбираем, не выбираем – результат один и тот же), больше или меньше свободы для НКО (а что такое НКО?), больше или меньше прав для профсоюзов (а толку-то от них?), больше или меньше партий (а разве есть между ними разница?) – дело десятое.

Такой ситуацию видели практически все, за исключением части интеллектуалов, либералов, журналистов, руководителей НКО, миноритарных партий и профсоюзов. Громче всех кричали о надвигающейся диктатуре либералы 90-х годов, которые оказались институционально вытеснены с политического поля. В своих СМИ они прежде всего голосили о наступлении на свободу слова (которой сами ранее уже лишили протестующих рабочих и представителей «коммунистической» оппозиции). В гораздо меньшей степени были слышны голоса свободных профсоюзов, боровшихся в 2000–2001 годах против правительственного проекта Трудового кодекса (они были тогда названы либеральной прессой «карликовыми профсоюзами»). В тот момент у всех на слуху были имена Гайдара, Нем-

цова, Хакамады и при этом едва ли кто-то слышал фамилии лидеров малых левых партий, такие как Тюлькин, Крючков или Пригарин.

Ну, это так, для полемики. В целом же ни те, ни другие особенно не были нужны основной массе населения, которая наконец стала жить лучше и доверила руководство страной Путину, «благодетелю» и «сильному лидеру». Тем более что для борьбы с «чеченскими боевиками» и «международным терроризмом» была необходима сильная рука (старая риторика о «красно-коричневой угрозе» к тому времени уже потеряла пригодность)...

Восход социальных движений: 2005–2008 годы (и далее?)

Второй президентский срок Путина был отмечен самыми масштабными протестными движениями в постсоветской России и стал периодом низовой общественной активизации. С конца 2004 года одно за другим состоялись социальные выступления: сначала против так называемой монетизации льгот, затем в 2006 году в связи с изменением курса жилищной и градостроительной политики, и, наконец, в 2007 году началась новая волна забастовок и трудовых конфликтов. За это время появились сотни и даже тысячи инициативных групп и самоорганизующихся сообществ или организаций, а также новые профсоюзные ячейки. Возобновили свою деятельность «старые» организации. Ежедневно во всех городах проходили сходы, собрания, конференции, пикеты, митинги и забастовки. Также возникли устойчивые координационные структуры гражданских инициатив.

Двадцать лет спустя: многое изменилось...

Именно бурное кипение самых разных низовых инициатив стало объектом наших исследований. Для понимания сути происходящего сразу выделим основные отличия от общественного подъема 1989–1991 годов.

Очевидно, что радикально изменился общий политический контекст. Люди сегодня активизируются не для того, чтобы ускорить какие-то реформы или снести коммунистическую систему. Сложившаяся система,

как бы мы ее ни характеризовали, не дает людям повода думать, что она способна показать слабинку, да и в целом эта система устраивает основную массу населения. В институциональном плане политическая система крайне закрыта для низовых инициатив, в ней сложился союз элит и бюрократов всех политических направленностей за сохранение системы (и своего места в ней). Кажется, захлопнулись все окна возможностей. Однако гражданские инициативы строятся сегодня в основном не на прямой конфронтации с системой, а находят пути, протаптывая новые дорожки самоутверждения и сопротивления.

Второе отличие состоит в том, что нынешняя активизация началась в принципиально иных условиях стабильности – как политической, так и экономической. Как отмечает Татьяна Ворожейкина¹⁷, стабильное экономическое развитие и рост доходов значительной части населения несравненно более благоприятны для структурной дифференциации общества и его самоорганизации, чем ситуация глубочайшего экономического кризиса и распада государства. Большая часть населения сейчас приобрела почву под ногами и может не только трудиться или выживать, но еще и обращать внимание на то, что происходит вокруг. Многие смогли обеспечить себе стабильное положение, которое позволяет им вздохнуть с облегчением и не бороться ежедневно за выживание. Люди прекрасно знают, каких усилий им стоило их скромное благополучие (допустим, ремонт квартиры, оплачиваемая квалифицированная работа, своя собственная маленькая фирма и т. п.). Из этого они черпают чувство уверенности в себе (я сам себя сделал, сам выстоял), чего так не хватало рабочим, разброшанным штормом дикого капитализма 90-х годов. А значит, эти люди не готовы к тому, чтобы у них отняли добытое с трудом благосостояние.

Третье отличие заключается в том, что активизируется в первую очередь «плебейский» народ. Это пенсионеры, неформальная молодежь, мелкие и не очень успешные предприниматели, работяги, политизированная богема. Известные артисты, статусные интеллектуалы и узнаваемые журналисты составляют очень незначительную часть активистов. В общем, обычные люди – «народ», как они себя называют, – претендуют на роль активных и уважаемых граждан.

Соответственно – и это четвертое отличие – о них гораздо меньше пишут, их практически не показывают по телевизору (только если имеет место интересный «спектакль» в виде перекрытых дорог или прочих зрелищ-

ных действий), их почти не приглашают на респектабельные конференции о путях развития России. Чаще всего их даже не замечают.

Таким образом, медийное освещение нынешних общественных движений и отношение к ним создателей общественного мнения кардинальным образом отличается от подхода к первой волне гражданской мобилизации двадцатилетней давности. И не только потому, что публичная сфера сузилась до предела, или из-за цензуры, но также потому, что нынешние гражданские инициативы не принадлежат истеблишменту и VIP-персоны практически не принимают в них участия.

¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Аспект-пресс, 2005. Гл. 7.

² В частности, см.: Козлов В. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

³ Левин М. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Издательство «Европа», 2008; Шубин А. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008; Chauvier J. URSS: une société en mouvement / ed. de l'Aube. Paris, 1990.

⁴ Шубин А. Истоки перестройки (1978–1984). М., 1997.

⁵ Фадин А. Неформалы и власть. (Размышления о судьбах гражданского общества в СССР). // Общественные самодетельные движения: проблемы и перспективы / под ред. Е. А. Суслова. М.: НИИ культуры, 1990; Неформальная Россия. М.: Молодая гвардия, 1990; Кагарлицкий Б. Рождение гражданского общества. // Общественные самодетельные движения. М., 1990; Яницкий О. Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М.: Московский рабочий, 1991; Юшенков С. Неформальные движения: общая характеристика и основные тенденции развития. М., 1998; Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989 гг.). М.: Европа, 2006.

⁶ 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы 1960–1992 гг. / под ред. Мухачева С. Г., Забелина С. И. Казань, 1993. С. 25; Яницкий О. Экологическое движение в России: Критический анализ. М., 1996.

⁷ Шомина Е. Становление жилищного движения в России. // Социологические исследования. 1995. № 10; Pickvance C. Housing privatisation and home protest in the transition from state socialism: a comparative study of Budapest and Moscow. // International Journal of Urban and Regional Research. 1994. 18(3): 433–451.

⁸ Гордон Л., Клопов Э. Перестройка и новое рабочее движение. // Через тернии. М: Прогресс, 1990; Левчик Д. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социологические исследования. 2003. №10. С. 111–120.

⁹ Интервью с «общественными демократами» первой волны (взяты в апреле 1994 года). Полевое исследование Карин Клеман об уличных демонстрациях в Москве 1987–1994 годов.

¹⁰ *Гордон Л. и др.* Шахтеры-92. Социальное сознание рабочей элиты. М.: Прогресс-комплекс, 1993

¹¹ Интервью с лидерами и политиками демократического лагеря (взяты в апреле 1994 года). Полевое исследование Карин Клеман об уличных демонстрациях в Москве 1987–1994 годов.

¹² *Clément K.* Les ouvriers russes dans la tempête du marché (1989–1999) (Российские рабочие в шторме рынка). Paris: Syllepse, 2000 (в сокращенном виде см.: Размышление о причинах коллективной пассивности / <http://ikd.ru/Critview/theoryofcollaction/workers1>); *Клопов Э.* Переходное состояние рабочего движения. // Социологический журнал. М., 1995. №1; Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период / под ред. В. Кабалкина. М.: РОССПЭН, 1997; *Максимов Б.* Говорят рабочие Кировского завода. М.: Школа рабочей демократии, 1998; Солидаризация в рабочей среде / под ред. В. А. Ядова. М.: Институт Социологии РАН, 1998; *Заславская Т.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России. // Социологические исследования, 2002.

¹³ *Левада Ю.* Массовый протест: потенциал и пределы. // Мониторинг общественного мнения. №3 (май–июнь), 1997. С. 7-12.

¹⁴ ОРТ, программа «Время», 9 апреля 1998 года.

¹⁵ Прогноз на май: у Белого дома будет жарко. Аргументы и факты, 16 апреля 1996 года.

¹⁶ Н. Аксененко: «Я бы назвал шахтеров самоубийцами». Московские новости, 24-31 мая 1998 года.

¹⁷ *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности. // Pro et Contra. № 2-3 (41), март-июнь 2008.

Третья глава, часть 1: Льготы, жилье, труд: три главных движения

Новые социальные движения стали возникать в России в начале 2005 года в ходе первых массовых выступлений против так называемой монетизации льгот (хотя первые ростки проклюнулись уже летом 2004 года, во время общественного обсуждения законопроекта). Почти во всех городах десятки тысяч людей – в первую очередь пенсионеры, но также и молодые левые, профсоюзники, активисты-правозащитники, члены организаций инвалидов и представители некоторых других социальных групп – вышли на улицы в знак протеста против широкомасштабной реформы, которая урезала социальные гарантии десятков разных категорий людей. Были периоды, когда крупные протестные акции проводились ежедневно. Это была первая волна. Она продолжалась несколько месяцев и заставила правительство пойти на некоторые уступки в виде восстановления так называемого «социального пакета». До сих пор льготники время от времени выходят на улицу протестовать против дальнейшего урезания их социальных прав, да и вообще многие образовавшиеся тогда пенсионерские объединения и особенно активизировавшиеся тогда пенсионеры остаются в социальном движении и действуют уже по другим направлениям.

С конца 2005 года, после принятия нового Жилищного кодекса и ускорения жилищно-коммунальной реформы, развернулась вторая волна протеста – против нарушений жилищных прав. Помимо этих двух – самых крупных – движений, отстаивающих социальные права, возникли другие – например, движение автомобилистов или экологическое движение в защиту Байкала. Кроме того, с начала 2006 года можно говорить о

возрождении профсоюзного и рабочего движения, которое ознаменовалось первой забастовкой на «Форде».

Также в текущий период времени интенсивно развиваются местные инициативы на низовом уровне – сотни небольших групп, созданных самими гражданами для решения конкретных проблем. Проблемы чаще всего связаны с жилищными условиями, но они могут также затрагивать вопросы экологии, градостроительства, местного самоуправления, общественных услуг (детские сады, школы, транспорт и т. д.).

Конечно, массовость и протестный потенциал этих инициатив несравнимы с периодом антимонетизационных выступлений – акции стали более точечными, многократными, направленными на решение насущной для данного сообщества проблемы. Создаются своего рода «зоны повышенной протестности» – среди них общежития, жители которых подвергаются репрессиям и выселениям, места точечной застройки, отдельные предприятия.

Наконец, начиная с волны протеста против монетизации, стали образовываться координирующие структуры и сетевые объединения, в первую очередь на городском уровне, но также и на межрегиональном. Так, именно со времен монетизации существует Союз координационных советов России (СКС), созданный на Первом Всероссийском социальном форуме в апреле 2005 года и объединяющий сейчас 27 региональных координационных структур, занимающихся в основном жилищной и пенсионной тематикой. Процесс консолидации и солидаризации сталкивается с множеством препятствий, но продолжает уверенно идти вперед.

В рамках одной книги нельзя подробно описать все разнообразие существующих движений, поэтому мы выберем самые значимые с нашей точки зрения. Основным параметром отбора стало участие в движениях людей, которые лично защищают собственные права, а также людей, не имеющих прежнего политического или общественного опыта (то есть движения, состоящие не только из профессиональных правозащитников, политиков или общественников).

Этому критерию соответствуют многие движения, например движение автомобилистов в 2005–2007 годах (против запрета праворульных машин, против «мигалок», в защиту алтайского автомобилиста Щербинского, в которого врезалась машина губернатора алтайского края Евдокимова, или против «плохих дорог»)¹ или «Байкальское движение»

2005–2006 годов (против строительства трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» вблизи Байкала²).

«Байкальское движение» сумело набрать вес и массовость (вплоть до того, что федеральная власть была вынуждена отступить) благодаря тому, что оно вовлекло широкий круг участников и организаций, выходящих далеко за пределы специализированных НКО, и охватило широкие массы обывателей, озабоченных судьбой своего региона. В «Байкальском движении» ключевую организационную и экспертную роль играли сотрудники экологических НКО и ученые, также помогли местные СМИ и множество интернет-ресурсов. Людей мобилизовала последовательная и целенаправленная кампания, проведенная не одной организацией, а множеством групп, координировавших действия между собой, но дававших людям возможность проявить собственную инициативу. Наконец, столь мощное общественное значение этой кампании придало то, что проблема не была сведена к экологическим аспектам, а речь шла в целом о защите культуры и среды обитания жителей региона. Но поскольку кампания была направлена на достижение конкретной цели, движение пошло на убыль, когда она была достигнута (федеральная власть скорректировала маршрут трубопровода).

Движение автомобилистов бурно развивалось как реакция «простых» водителей на вопиющую несправедливость – чиновники оказываются выше закона. Детонатором стало «дело Щербинского», которое вызвало бурю эмоций. С самого начала автомобилисты заняли сторону Олега Щербинского, вина которого, по их мнению, заключалась лишь в том, что его машина оказалась на пути мчавшегося на огромной скорости автомобиля губернатора Алтайского края. 11-12 февраля 2006 года в 20 городах России прошли акции против приговора Щербинскому. Информация распространялась мгновенно и почти исключительно через Интернет. Важнейшими лозунгами кампании были: «Приговор Олегу – это приговор всем нам!»; «Сегодня Щербинский, завтра ты!!!»; «Мнение президента – еще не закон!»; «Иванова – в тюрьму, Щербинского – домой!»; «Щербинскому и Иванову – справедливый суд!». В последних двух лозунгах имелся в виду сын министра обороны Сергея Иванова Александр Иванов, который в мае 2005 года на своем автомобиле сбил насмерть пожилую женщину, но в декабре был оправдан судом «за отсутствием состава преступления».

Эта акция показывает основное направление протеста и мотивацию автомобилистов – античиновническое настроение (и не только по поводу этих судебных решений). По ходу кампании поднимались также вопросы о поборах ГИБДД, о налогах и о том, куда идут деньги налогоплательщиков, если дороги по-прежнему плохие, о мигалках чиновничьих машин и тому подобное. Мобилизации и ее расширению способствовал сравнительно широкий доступ этой категории людей в Интернет, а также симпатии СМИ. Однако уже к концу 2007 года движение автомобилистов превратилось в достаточно виртуальное, существующее почти исключительно на интернет-форумах и телеэкранах. Уличные акции стали малочисленными, и реальных активистов у движения практически не осталось. Тому есть много причин, среди них – раскол движения на несколько разных организаций, конкуренция лидеров, их заигрывание с политическими партиями, превращение некоторых организаций в НКО с соответствующей моделью поведения (не активистского типа, а медийного или экспертного).

В конце 2008 – начале 2009 года возникло новое движение автомобилистов – против повышения таможенных пошлин на иномарки (особенно во Владивостоке и Сибири). Оно не являлось возрождением предыдущего – его вели уже новые игроки. Надо сказать, что в этом движении принимали участие не только автомобилисты, а все население, живущее за счет ввозимых автомобилей. Заявленная мера по повышению пошлин была частью антикризисной программы правительства, и протесты быстро политизировались – люди восприняли одностороннее решение правительства как плевок в сторону жителей дальних регионов, которым и так живет-ся тяжело, а особенно тяжело в период кризиса.

Приведем некоторые красноречивые лозунги:

«Если власти не нужен народ, зачем нужна такая власть народу?»;

«Наши дети должны жить в правовом государстве!»;

«Путлер капут!»;

«Пошлинам – нет, отставке – да»;

«Административный произвол – петля на шее народа!»;

«Правительство! Покажи пример! Пересядь на «КАЛины!»;

«Рост цен и повышение пошлин – это и есть план Путина!»;

«Помощи ждали мы, а помогли опять олигархам!».

На этой волне уже в декабре 2008 года стихийно (во многом в Интернете) родилась новая организация с не менее показательным названием: «Товарищество инициативных граждан России» (ТИГР).

Вышеназванные движения достаточно хорошо известны, и о них много написано. Нам бы хотелось сосредоточиться на тех движениях, которые меньше освещаются и которые нам кажутся наиболее массовыми и низовыми – это движение льготников, движение жителей и профсоюзно-рабочее движение.

Ниже речь пойдет о каждом из них: когда они возникли, какие основные темы и проблемы они поднимают, каковы их акторы, методы действия, структура и так далее.

«Несогласные» – не социальное движение, а верхушечная структура для манипулирования социальным протестом

Прежде чем начать, нам хотелось бы объяснить, почему мы исключаем «Объединенный гражданский фронт» (ОГФ) Гарри Каспарова, «Другую Россию» и прочие «марши несогласных» из поля нашего внимания. Причина проста: мы считаем, что все эти структуры являются не социальными движениями, но политической коалицией, созданной политтехнологами. Более того, эти организации пытались и до сих пор пытаются (только теперь уже с меньшим успехом) поставить под свой контроль социальные движения.

«Другая Россия» является чисто политической коалицией, направленной на борьбу с «путинским режимом». Более того, судя по тем методам действия «несогласных» на местах, которые мы наблюдали, эта организация отличается от партий только тем, что она исключена из институционального политического поля (правда, в нынешней России таких исключенных партий уже немало) и действует методами уличного протеста и PR-акциями. В отношении гражданских инициатив руководители «несогласных» используют метод раскола уже существующих гражданских объединений.

В начале существования «Другой России» (в 2006 году) ее эмиссары приезжали в регионы, контактировали с лидерами и ключевыми активистами местных движений, предлагали помощь взамен на под-

держку «бренда» несогласных. Им отказали везде, где активисты являлись реальными лидерами социальных движений, а не «мыльными пузырями». Активистов настораживал слишком явный политический характер проекта, слишком явное пренебрежение «другороссов» к мелким делам и баталиям рядовых граждан (из которых и состоят местные движения), отсутствовало доверие и к смутным фигурам троицы тогдашних руководителей – Каспарову, Лимонову и Касьянову. Зато к «несогласным» присоединились лидеры-одиночки, политические авантюристы и циничные вожди. Их было немного, но они создали проблемы в ряде региональных общественных объединений. Так, Координационный совет гражданских действий в Ижевске почти распался из-за вмешательства политтехнологов из «Другой России». Однако совет все же избавился от раскольников, выстоял и сейчас активно развивается без участия ОГФ и прочих «другороссов».

Но главной проблемой, с нашей точки зрения, являются недемократичность и вождизм «Другой России». Для «другороссов» общественные активисты – не более чем пешки на шахматной доске (говорим это без намека на известного шахматиста). Их главная задача состоит в рекрутировании новых членов за счет уже существующих социальных движений, а не в поощрении создания новых инициативных групп или роста общей активности населения. Есть множество примеров, когда социальных активистов использовали как массовку для очередного «запрещенного марша», а затем выкидывали. Активисты из Воронежа и Самары рассказывают, как «марши несогласных» мая 2007 года оставили за собой сожженное общественное поле и горькое ощущение, что расплачиваться за бессмысленные акции протеста и навешивание ярлыка «экстремистов» придется еще долго (и не тем, кто устраивал эти марши).

Впрочем, если действия «несогласных» часто вносили определенный раскол или напряжение в ряды гражданских активистов на низовом уровне, сейчас их влияние уже малозначительно, «другороссы» почти полностью дезертировали с общественного поля, а их марши привлекают все меньше низовых сторонников – во всяком случае с конца 2007 года.

Справедливости ради отметим, что вначале (в 2007 году) «марши несогласных» пользовались популярностью у определенной части общест-

венных активистов Москвы (в меньшей степени) и Санкт-Петербурга (в большей степени). Это было связано с ростом радикализации некоторых активистов, которые устали от «чиновничьего произвола» и поэтому расценили лозунг «Долой Путина!» как лекарство от всех бед. Активисты, подкупленные радикализмом и четкостью позиционирования «Другой России», усмотрели в ней объект для подражания. Но, по нашим наблюдениям, по крайней мере в Москве общественные лидеры, склонные к сотрудничеству с «Другой Россией», – это генералы без войск. Активисты, инициативная группа которых распалась после очередного поражения и которые уже отчаялись чего-либо добиться своими силами. Для них Каспаров&Со – это мощные и известные фигуры, бескомпромиссные оппозиционеры, за которыми стоит западная и либеральная пресса и которые располагают хоть какими-то ресурсами. Кроме них (да еще завсегдаев подобных радикальных мероприятий и самих лидеров коалиции) на марши ходят лишь некоторые интеллектуальные демократы 90-х годов, чьей главной мотивацией оказывается выступление «против диктатуры Путина», который является «гестаповцем» и «уничтожил свободу прессы», а также «демократию как на Западе».

Любимый метод действий «Другой России» – уличные протестные акции, причем желательно неразрешенные, за которыми последуют репрессии и будет гарантирован скандал и освещение в СМИ. Любимые исполнители спектакля – молодые национал-большевики, которые больше всех пострадали (от избиений и арестов вплоть до убийств) за такую тактику.

Второй метод – искусственное создание оппозиционных структур, провозглашенных в одностороннем порядке «единственной легитимной оппозицией»³. Кульминация спектакля – объявленная в конце 2007 года «Народная ассамблея». В общем-то «Другая Россия», которая существует за счет критики «путинского режима», действует по сути сходным с этим режимом образом – создает сверху искусственные палаты и парламенты, которые никого не представляют, не являются политическим выражением каких-либо социальных движений, а скорее нужны верхушечной политической организации для декорации.

Наконец, своей вождистской структуризацией (вокруг фигур-звезд) и риторикой «Другая Россия» воспроизводит господствующую модель властных отношений – модель делегирования власти («более ресурсным», «более умным», «более известным», «профессионалам» от

политики) и отчуждения от собственной власти. Это модель смены не властных отношений, а держателей власти (будут вместо «путинцев» у власти «другороссы», и, дескать, все будет хорошо). Федеральная власть сводит политику к подконтрольным жестикованиям «одобренных» свыше партий и бюрократов. «Другая Россия» сводит политику к оппозиции власти.

Так что в целом мы оцениваем «Другую Россию» скорее как препятствие на пути развития самоорганизующегося социального движения. Это верхушечная структура, созданная частью истеблишмента против другой части истеблишмента. Она опасна не только своими (безуспешными) попытками манипулировать низовыми движениями, не только своей идеологической путаницей (где национализм прекрасно сочетается с либерализмом), но и своей претензией на монополию оппозиции. Впрочем, если в 2006–2007 годах можно было еще серьезно рассуждать о перспективах «Другой России», то сейчас никакого, даже чисто политического, движения за ней уже нет.

¹ Green S. Road Rage: Svoboda Vyбора and the Russian Automotive Rebellion. // Ежегодное совещание Американской социологической ассоциации. Нью-Йорк, 2007; Lonkila M. Two modes of civic action in Russia. The car drivers' associations in St. Petersburg. // Доклад на международной конференции «Вовлеченность, солидарность, социальные связи: осмыслить коллективные действия в России». Париж, 12 июня 2008 года.

² Титов В., Рожанский М., Елохина Ю. Феномен гражданского протеста: опыт и уроки «Байкальского движения». // Доклад. Центр независимых социальных исследований и образования (Иркутск), 2005. <http://3mill.ru/?IdAction=docs&Event=read&id=4868>; Рихванова М. Байкал – не просто озеро. // Неприкосновенный запас. 2006. №2.

³ Эдуард Лимонов, на пресс-конференции в Москве 20 июля 2006 года.

Движение льготников – движение за социальные права

Новейшую историю социальных движений открыло зимой 2005 года беспрецедентное для постсоветской России протестное движение против монетизации льгот. За два месяца – январь и февраль – более или менее стихийно и очень радикально выступили до миллиона человек по всей стране. Впервые правительство РФ было вынуждено пойти на уступки. Впервые на улицу вышли люди непартийные, даже не политизированные, вышли с железным намерением защитить свои заслуженные права, которые у них вдруг отняли.

Предыстория: законодательные баталии. В 2004 году правительство объявило о проведении процедуры монетизации льгот (тех неденежных форм социальной поддержки разных категорий населения, в основном малоимущих слоев, которые были большей частью введены в годы правления Ельцина, чтобы хоть как-то компенсировать ужасающую нищету подавляющего большинства населения). Формально льготы не отменялись, но заменялись денежной компенсацией. Однако размер этой компенсации (особенно в первых вариантах проекта) был явно не адекватен стоимости тех натуральных льгот, которые она должна была компенсировать. Так, в мае 2004 года предполагалось установить размеры ежемесячной денежной компенсации от 260 (!) до 800 рублей в месяц в зависимости от категории льготников.

Надо иметь в виду, что, несмотря на постоянно растущие в период путинского правления цены на нефть, полученные сверхдоходы не направлялись на социальные нужды и повышение зарплат, а консервировались в виде так называемого Стабилизационного фонда, чтобы, как утверждали находящиеся под влиянием монетаристских концепций правительственные чиновники, «не раскручивать инфляционную спираль». Пенсия отставала от инфляции и даже от реального прожиточного минимума. По нашим оценкам, не менее 30% населения и 80% пенсионеров в России находились за чертой бедности (и с тех пор положение ненамного улучшилось). В подобных условиях потеря даже части доходов (в виде бесплатных услуг) критически понижала уровень жизни этих людей, что и вызвало сильное беспокойство.

Кроме того, льготы – и это не понимали тогда эксперты и политики –

не просто какие-то свалившиеся с неба привилегии. Льготы воспринимаются большинством льготников как признание государством их заслуг перед Отечеством. Так, чернобыльцы пожертвовали собой ради ликвидации аварии. Репрессированные ожидают от государства хоть какого-то возмещения ущерба и признания вины перед ними. Работники Севера считают, что они работают на экспансию экономической мощи страны. Ветераны труда гордятся тем, что « всю жизнь работали на восстановление страны ». Наконец, очевидно, чем заслужили свои льготы ветераны войны. Поэтому покушаться на льготы – значит покушаться на достоинство тех, кто их заслужил.

Многих льготников, и в первую очередь организации, их представляющие (даже самые лояльные власти), шокировало, что эта мера была введена без какого-либо учета мнения самих льготников (хотя бы организаций ветеранов и инвалидов). Так, например, в мае 2005 года один из руководителей Всероссийского общества глухих возмущался: « Мы в глаза не видели не только законопроект, но и вообще никаких документов, которые можно было бы обсуждать. Раньше, прежде чем принимать какие-то изменения в законе, обязательно был проект. В этот раз у нас никакого проекта, ничего, только одни слова. Просто правительство предложило поддержать, а никаких подтверждений, никаких таблиц, никаких письменных аргументов не было представлено ».

Таким образом, впервые, может быть, с момента крушения Советского Союза такой « экзотический » элемент, как оскорбленное достоинство (человеческое и профессиональное), выступил как фактор, определяющий мотивацию людей.

Поскольку законопроект (напомним, речь идет об огромном пакете – 600 страниц, вносящих изменения в 154 закона) затрагивал огромное количество разных категорий людей (суммарное количество пострадавших оценивалось в 40 миллионов человек, то есть изменения касались каждой второй семьи), то, пожалуй, впервые, и с подачи правительства, произошло осознание необходимости солидарных действий.

Сначала (март-май 2004 года) шли обычные попытки достучаться до власти письмами и обращениями. Огромную кампанию по отправке писем Президенту РФ и депутатам провели ветеранские организации. Ниже приводим образец подобных писем, которые были отправлены сотнями организаций.

Президенту Российской Федерации Путину В. В.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Ветераны Санкт-Петербурга и Ленинградской области категорически выступают против внесения в закон « О ветеранах » каких-либо изменений, направленных на отмену или снижение льгот, предусмотренных этим законом.

Закон « О ветеранах » – это единственный поплавок, который пока еще поддерживает людей старшего поколения на плаву, позволяет им выживать, обеспечивает минимальные жизненные блага. Отмена отдельных льгот, предусмотренных законом, приведет к прямому снижению и без того низкого жизненного уровня пожилых людей. Сейчас идет разговор об отмене льгот на транспорт и их замене денежной компенсацией. Заявления господина Жукова и господина Зурабова о такой компенсации не имеют, по нашему мнению, никакого реального обоснования. Эта замена является очередным шагом по ухудшению жизни ветеранов, а ссылка на ветеранов сельской местности просто смехотворна.

Постоянная инфляция, рост цен на все виды транспорта через год-полтора съедят всякую денежную компенсацию.

Мы заявляем, что никому не дозволено нарушать Конституцию РФ, в данном случае статью 7, нельзя искать деньги для наполнения бюджета за счет жизни ветеранов – последнее просто аморально. Сегодня старшее поколение, трудом которого создано все то, что имеет наша страна, столкнулось с социальным дефолтом. Поэтому, на наш взгляд, любое решение Правительства, касающееся ветеранов, должно быть тщательно выверено, взвешено и обосновано. Если Вы, Владимир Владимирович, неоднократно заявляя о недопустимости ухудшения жизни пожилых людей, не изменили своих взглядов и позиций в этом вопросе, то запретите Правительству самостоятельно пересматривать Конституцию нашей страны и объясните руководству Государственной Думы, что недопустимо неосмотрительно принимать законы, затрагивающие жизненные интересы людей, и в первую очередь стариков, инвалидов и подрастающего поколения.

Принято на собрании руководителей ветеранских организаций Санкт-Петербурга и Ленинградской области 31 марта 2004 года.

Через некоторое время, однако, стало очевидно, что одними письмами повлиять на процесс не удастся. Представители организаций ветеранов и инвалидов не были приглашены за стол переговоров и долго оставались в неведении о предстоящей реформе. С экранов телевизоров и из уст министров и Президента РФ постоянно звучала мысль о том, что льготы – это фикция, вчерашний день, что нужны реальные деньги и право людей выбирать, на что их тратить. Кроме того, среди депутатов Госдумы и оппозиционных политиков нашлись сторонники и помощники, которые агитировали за проведение целенаправленной общественной кампании за внесение поправок в законопроект, чтобы хоть как-то учитывались интересы и мнения льготников.

Между тем от большинства левых, по крайней мере от ортодоксально-государственнической их части, ускользнуло то, что подавляющее большинство льготников не возражали против самого принципа замены льгот на деньги (система была негибкой и предпочтительной только в условиях гиперинфляции), а требовали адекватной замены. Так, собственно, впервые проявилась самостоятельность мышления социальных активистов, а для политических активистов обнаружилась необходимость согласовывать интересы и требования и отступать от каких-то идеологических догматов. Многих такая необходимость (по сути вступление в реальную политическую борьбу вместо комфорта изолированного существования в политическом гетто) вывела за рамки движения.

С мая 2004 года по инициативе сопредседателя рабочего профсоюза «Защита труда» и депутата Госдумы РФ Олега Шеина и с организационной помощью Института «Коллективное Действие» (мы стали включенными наблюдателями процесса) были проведены регулярные совещания общественных организаций льготников для выработки общей позиции и плана совместных действий. В итоге был образован Совет общественной солидарности (СОС), который явился прообразом сетевых коалиций, ставших лицом современного социального движения в России. СОС просуществовал до конца 2005 года. Он представлял собой координирующий орган (штаб) кампании, в деятельности которого участвовали – через своих представителей – несколько десятков общественных организаций всероссийского или регионального масштаба.

Ниже приводится список организаций, принимавших участие в работе СОС в период пика его деятельности (июль-август 2004 года).

1 Профсоюзы: Федерация профсоюзов России; Конфедерация труда России; Всероссийская Конфедерация труда; «Социалистическое сопротивление»; Федеральный профсоюз авиадиспетчеров; Профсоюз авиационных работников радиолокации, радионавигации и связи; Объединение рабочих профсоюзов «Защита труда»; Российский профсоюз докеров; Межрегиональное объединение профсоюзов «Солидарность»; Конфедерация труда Кузбасса; Новосибирский профцентр; Уралпрофцентр; Тюменьпрофцентр; Ярославская конфедерация труда; Профсоюз «Единство» АвтоВАЗ; Фонд рабочей академии; Московская городская организация профсоюза работников народного образования и науки РФ; Координационный комитет профсоюзных организаций и общественных объединений в сфере науки.

2 Организации инвалидов: Всероссийское общество инвалидов; Союз «Чернобыль» России; ВООИ «Чернобылец»; ООИ «Российская диабетическая ассоциация»; Всероссийское общество глухих; Лига помощи инвалидам им. Ю. И. Киселева; Организация инвалидов-колясочников «Перспектива»; Всероссийское общество слепых; Всероссийское общество гемофилии; Ассоциация молодежных инвалидных организаций.

3 Организации ветеранов: Всероссийский совет ветеранов; Отделение Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Москвы; Отделение Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Московской области; Нижегородское отделение Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов; Свердловское отделение Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов; Новосибирское отделение Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов; Отделение Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

4 Местные общественные объединения: Комитет единых действий г.

Воронежа; Совет общественной солидарности г. Астрахани; Комитет единых действий г. С-Петербурга.

5 Правозащитные организации: Общество «Мемориал»; Всероссийское движение «За права человека».

6 Экологические организации: Гринпис; Центр охраны дикой природы.

7 Политические организации (левые): «Социалистическое сопротивление»; Движение «Альтернативы».

СОС объявил о начале кампании «Нет упразднению социальных гарантий!». Законопроект был подвергнут общественной экспертизе, широко обсуждался в рядах организаций. Были составлены поправки, которые лоббировались посредством писем, действий депутатов Госдумы, встреч с чиновниками. Но в первую очередь СОС обратился к общественности и льготникам. Были проведены пресс-конференции с участием членов коалиции разного профиля. В регионы были разосланы газеты («Наша солидарность») тиражом от 200 до 400 тысяч экземпляров (нашлись симпатизирующие доноры среди бизнесменов) с разъяснительной информацией о сути реформы и пропагандистским материалом о необходимости мобилизации. Далее газеты распространяли активисты общественных организаций. Была проведена большая организационная работа по налаживанию горизонтальных связей в регионах между местными отделениями всероссийских организаций, чтобы они уже на местах координировали свои действия.

В результате всех этих действий 31 мая 2004 года законопроект был внесен правительством в Думу уже с некоторыми поправками (были немного повышены монетарные компенсации). Но эти мелкие уступки, произведенные без учета мнения организаций льготников, не устроили никого. Дабы окончательно запутать население (и журналистов), правительство растворило вопрос о льготах в огромном пакете поправок к разным законам, носившем туманное и длинное название, которое мы даже не станем здесь приводить.

Общий смысл был (и остается) таковым: обязанности по социальной защите населения перекидываются с бюджета федерального центра на регионы и органы местного самоуправления (без соответствующего финансирования). Льготы заменяются денежной компенсацией, которая, по об-

щему мнению льготников, не компенсирует утерянные натуральные льготы. Отменяется изначально объявленное правительством право выбора между сохранением льгот в «натуре» и денежными выплатами. Вторым вариантом законопроекта предусматривал чуть более высокие денежные компенсации, чем первый, но ассоциации льготников все равно посчитали их недостаточными, тем более что они «будут съедены инфляцией» (так и выходит на деле). Получение денежной компенсации инвалидами привязывается не к группе инвалидности, а к некоему освидетельствованию степени утраты трудоспособности (так и есть до настоящего момента, несмотря на продолжающуюся борьбу инвалидов). По новому закону предполагается, что денежные выплаты будут индексироваться по среднему уровню пенсии (чего не происходит в действительности, каждый год денежные компенсации обесцениваются, тем более что цены на медицинские услуги, транспорт и жилищно-коммунальные услуги растут быстрее среднего уровня инфляции). Ликвидируются льготы почетных доноров (эта норма осталась неизменной) и жертв политических репрессий (их льготы впоследствии сохранились, но перешли в ведение регионов).

Согласно законопроекту, денежных компенсаций лишаются ветераны труда (а вместе с ними труженики тыла и ветераны Вооруженных Сил), которые составляют самую большую категорию, решение по их льготам отдается на откуп субъектам Федерации (без каких-либо обязательств). В действительности предполагалась полная отмена льгот этим категориям. Впоследствии ветераны отстаивали свои права (в частности, льготный проездной) только через массовые протестные действия.

Ознакомившись с законопроектом, депутат Госдумы и один из лидеров СОС О. Шеин тогда заявил: *«Все публичные заявления М. Зурабова о сохранении льгот этой группе людей представляют собой циничную и наглую ложь. Прощу извинить за крепкое выражение, но иначе это охарактеризовать нельзя».*

Кроме того, не стоит забывать, что этот пакет законопроектов (впоследствии ставший известным законом №122) затрагивал не только вопрос о льготах. Предполагалось отменить МРОТ (минимальный размер оплаты труда) – эта попытка была отбита профсоюзами ФНПР (взамен на их поддержку монетизации льгот). Предполагалось ликвидировать (без денежных компенсаций) ряд социальных гарантий (детские пособия, ле-

карства диабетикам, северные надбавки) – это было отчасти отменено благодаря общественной кампании. Предполагалось реформировать систему оплаты труда бюджетников (упразднение единой тарифной сетки) – это осуществилось. Некоторые нормы затрагивали экологическое законодательство (в частности, упразднение полномочий регионов в лесной сфере), жилищное, трудовое и так далее.

Лето 2004 года: Совет общественной солидарности (СОС) проводит кампанию. В общем, этот пакет законопроектов вскоре был окрещен всеми заинтересованными лицами (а их было множество) «антисоциальным пакетом». И началась активная кампания протеста. По инициативе коалиции СОС накануне первого и третьего чтения закона были организованы всероссийские акции протеста.

Отметим, что процесс подготовки выявил очень высокую готовность к реальному сотрудничеству. Наиболее ресурсные или опытные региональные организации подавали заявки на митинги у себя в регионе, остальные подключились к агитации и выводили своих активистов на пикеты и митинги. Центральные руководства различных общественных организаций без проблем и без боязни злоупотребления передавали и публиковали контактные телефоны и адреса своих региональных отделений. Были тщательно согласованы декларации, резолюции, кандидатуры выступающих на акциях и условия их проведения.

То есть существовало полное взаимодоверие между – подчеркнем – очень разными организациями. Они различались не только политическими взглядами (от крайне левых до крайне либеральных и антикоммунистических), но и своей историей (от советских объединений до перестроечных и постперестроечных организаций), направленностью деятельности (профсоюзная, правозащитная, экологическая, политическая), отношением к власти (от скорее лояльных организаций инвалидов и традиционных профсоюзов до оппозиционных правозащитников или свободных профсоюзов), стилем деятельности (у организаций ветеранов и инвалидов во многих регионах вообще отсутствовал опыт проведения протестных акций), составом участников (до этого трудно было себе представить сидящими рядом за круглым столом уважаемого ветерана войны и молодого левого активиста неформального вида, без видимого напряжения внимательно слушающих друг друга).

Всех свело вместе осознание необходимости совместно отстаивать права тех, кто пострадает от предстоящей реформы. Причем чем больше проводилось встреч, тем все более люди привыкали друг к другу и все более свободно общались, проявляли уважение и общее желание сглаживать возможные конфликты и находить конструктивные согласованные решения. Нам кажется, что это стало возможно благодаря авторитету некоторых неформальных лидеров Совета, общему возмущению методами власти (ложная пропаганда, игнорирование организаций льготников), боевому настрою (надо было «отбить попытку правительства ликвидировать разом все социальные гарантии»), оптимистическому духу (было ощущение, что такая широкая коалиция, уникальная в своем роде, сможет влиять хотя бы на что-то) и общей нацеленности на результат (хоть в чем-то скорректировать закон, информировать людей).

Вместе с этой коалицией родился новый стиль активистской деятельности – в виде непринужденного участия в сетевой координационной структуре, нацеленной на конкретные действия и результаты, создающей условия для свободного проявления инициатив каждого участника и обобщающей ресурсы и требования каждого. То есть тип коллективных действий, далекий как от традиционной коммунистической, так и от абстрактной либерально-демократической практики.

Первые акции прошли 1–2 июля (отметим, что правительство не случайно выбрало летнее дачное время для принятия столь непопулярных законов).

2 июля протестные мероприятия провела КПРФ (вся коммунистическая фракция в Думе голосовала против законопроекта). На акцию в Москве собралась обычная публика компартии – пожилые активисты районных отделений, – к которым примкнула некоторая часть советов ветеранов. В выступлениях повторялись обычные выпады против «антинародного режима» и в защиту «русской нации». Митинг против отмены льгот даже использовался как трибуна для внутрипартийной борьбы «зюгановцев» против «раскольников» (тогда были проблемы с «семигинцами»). Почти не прозвучали конкретные требования (за исключением «долой!»). В целом это было дежурное и одноразовое мероприятие, а не этап кампании, четко позиционированное как руководимое и организованное КПРФ.

Всероссийская акция протеста 1 июля (накануне первого чтения) бы-

ла подготовлена именно Советом общественной солидарности (хотя журналисты часто ошибались и сводили все протестные выступления к «коммунистическим митингам»). Акции прошли в 25 региональных центрах и собрали от 100 до 3000 участников (то есть масштабы были вполне сопоставимы с традиционными мероприятиями КПРФ). Митинги позволили разным организациям познакомиться друг с другом в регионах, опробовать совместные действия, показать свою солидарность и решимость. Путем распространения газет и – скромного, но все же – освещения в СМИ прошла информация о том, что есть недовольные монетизацией льгот. В Москве на Пушкинской площади собралось 3 тысячи человек – молодые, пожилые, колясочники с множеством самодельных плакатов, с разноцветными флагами (в том числе среди партийных – флаги «Яблока», КПРФ и «Родины», на которые и обратили внимание журналисты).

Выступления шли бодро одно за другим, все по делу и от разных организаций. Тон был радикальным: «Если правительство не выполняет свои обещания, нам не нужно такое правительство!» Аплодисментами было встречено предложение о досрочных выборах депутатов и Президента России. На транспарантах значились следующие лозунги: «Сначала отнимут льготы, затем отнимут жизнь...»; «Отмена льгот – это раскулачивание нищих»; «Не в те карманы залезаете!»; «Президент, не надо добивать стариков!»; «Убили в армии детей, лишают льгот их матерей!»; «Не лишайте нас достойной старости»; «Путин, ты нас обманул».

Присутствие такого количества живых, реальных людей, которые чуть ли не впервые участвовали в акции протеста, задавало мероприятию свежую динамику. Между участниками шло бурное общение. То и дело возникали жаркие споры между представителями разных политических взглядов, в том числе и разных поколений. Например, было слышно, как активисты «Мемориала», представляющие жертв сталинских репрессий, недоумевали: «Если бы мне сказали, что я так буду стоять на одной стороне баррикады с красными, я бы не поверил». Но люди стояли, спорили, время от времени аплодировали или кричали. Но не уходили...

После этой акции кампания стала развиваться ускоренными темпами. Пресс-конференции, публикации, оргработа, лоббирование поправок ко второму чтению. Ряды участников СОС еще расширились. Готовилась вторая всероссийская акция – 29 июля, перед третьим чтением. К этой акции чернобыльцы готовили марш (автобусом) на Москву из десятков городов.

По инициативе Координационного комитета профсоюзных организаций работников науки свой марш протеста готовили ученые и студенты из научных центров Подмосквья. На этот раз пресса активно освещала подготовку – ведь в такой форме, как «марш на Москву», была интрига.

И в этот момент правительство, видимо, начало нервничать (до сих пор не было сомнений в том, что реформа «пройдет» без сильного сопротивления, нужно только правильно осветить и подать, – все чиновники были в этом уверены). Были организованы митинги в поддержку монетизации, в которых приняли участие откуда-то появившиеся довольные льготники (причем, видимо, фигурантам платили мало, поскольку митинги были малочисленными, зато они широко освещались). Пустили в эфир репортаж, где бабушка из какой-то деревни показывает «живые деньги» (откуда, когда закон еще только обсуждался?) и объясняет, как она довольна тем, что получает реальные деньги, а не «абстрактные» льготы на общественный транспорт, который все равно у нее в деревне не ходит.

Еще один маневр, предпринятый властями, – внесение раздора в ряды коалиции. Буквально накануне всероссийской акции 29 июля участники коалиции СОС узнали, что президент Союза «Чернобыль» Вячеслав Гришин призывает свои региональные отделения отказаться от участия в акции, мотивируя это тем, что с представителями власти была достигнута договоренность «начать конструктивный диалог». Выяснилось, что ему звонил министр МЧС Сергей Шойгу и предложил отказаться от акции взамен на уступки для чернобыльцев. Реакция руководителя чернобыльской организации не должна удивлять: Союз «Чернобыль» сильно зависим от власти в части финансирования и инфраструктуры. Да, этим руководство чернобыльской ассоциации подставило других участников коалиции (тем более что заявка на митинг была формально подана от них), но нет уверенности, что, если бы министр обратился к другим, чувство солидарности перевесило бы соблазн получить больше для «своей» организации.

И все равно правительственные манипуляторы просчитались – им не удалось сорвать акцию. На площади Революции собралось около пяти тысяч человек. Во-первых, когда руководство Союза «Чернобыль» стало обзванивать региональные отделения, многие автобусы уже выехали и люди не захотели возвращаться назад. Среди тех, кто еще не начал движение, не нашлось почти никого, кто был бы готов отменить марш протеста. Возмущение было настолько большим, что приказ и уговоры прези-

дента союза не смогли охладить боевой пыл.. Правда, автобусы задержали по дороге на постах ГАИ, их долго не пускали в Москву (и некоторые активисты вообще добрались до центра пешком), а потом пропускали в сопровождении милиции и ОМОНа. Но в итоге почти все автобусы (более 30) прибыли в Москву.

Некоторое время руководство Союза «Чернобыль» еще пыталось уговорить своих членов идти не на митинг, а на переговоры, но участники марша стояли на своем. На почве конфликта возникла спонтанная оппозиция руководству организации, состоявшаяся из наиболее активных председателей региональных отделений, в том числе московской областной организации, представители которой самым тесным образом сотрудничали с СОС уже несколько месяцев. Руководству пришлось сдаться. Президент союза публично заявил о том, что его организация официально не участвует в митинге, но члены организации там были.

Чернобыльцам действительно вернули часть льгот (но отнюдь не полностью), кроме того, их перевели в категорию федеральных льготников (а репрессированные и ветераны труда, например, остались «региональщиками», что дает меньше гарантий). Потом еще долго продолжались внутренние конфликты в организации, и она избежала раскола только благодаря нехватке средств и боевитости взбунтовавшихся против руководства союза региональных лидеров.

Этот инцидент, впрочем, мало подействовал на коалицию в целом. Митинг прошел удачно, и по его итогам была принята резолюция, хорошо отражающая суть мероприятия.

Совет общественной солидарности

Резолюция митинга протеста против упразднения социальных гарантий

*Москва, пл. Революции
29 июля 2004 года*

Мы, представители общественных организаций ветеранов, чернобыльцев, инвалидов, жертв политических репрессий, свободных рабочих профсоюзов, профсоюзов работников образования, здравоохранения, науки, правозащитных организаций, представители регионов – участники протестных

маршей и просто граждане России:

1. Считаем, что представленный законопроект нарушает конституционные права большинства жителей нашей страны, направлен на ликвидацию льгот и сокращение реальной зарплаты и представляет собой по сути антисоциальный переворот.

2. Защищая Конституцию России, мы, представители общественных объединений, граждане страны, заявляем о создании единого социального движения – Совета общественной солидарности. Мы намерены плечом к плечу, поддерживая друг друга, добиться сохранения и развития наших социальных и гражданских прав и использовать для этого весь спектр протестных действий, включая массовые митинги, забастовки и проведение общенационального референдума.

Мы требуем:

1. От Государственной Думы и Совета Федерации – отвергнуть антисоциальный законопроект.

2. От Президента – наложить вето на закон в случае его принятия парламентом.

3. Если закон все же будет принят парламентом и одобрен Президентом, мы будем добиваться проведения досрочных выборов парламента и Президента.

После принятия закона в третьем чтении СОС продолжил кампанию дальше. Под давлением снизу закон все же был слегка скорректирован (был установлен «социальный пакет» для федеральных льготников, представляющий собой набор бесплатных услуг (бесплатный проезд, бесплатные лекарства и бесплатное санаторно-курортное лечение), которые льготник мог выбрать вместо компенсации). Но основная часть требований учтена не была. В частности, 20 миллионов льготников – ветераны труда, труженики тыла и жертвы репрессий – оказались на «попечении» регионов (осенью стало понятно, что в большинстве регионов они фактически лишаются льгот, получая взамен крошечные денежные выплаты).

Следующим шагом кампании стала передача (9 августа 2004 года) Путину петиции с призывом наложить вето на антисоциальный закон (главным образом усилиями ветеранских и инвалидных организаций было собрано 100 тысяч подписей). Петиция, как известно, была благополучно

проигнорирована.

На волне общего сопротивления большинство участников коалиции не захотели останавливаться на достигнутом и решили продолжить совместную деятельность, опираясь на принцип необходимости координировать усилия всех организаций, которые обеспокоены антисоциальной политикой правительства. На собрании участников СОС, состоявшемся в Москве 12 августа 2004 года, была принята приведенная ниже декларация, которая на последующий период стала руководством к действию. Декларация хорошо показывает, насколько продвинулся процесс учета и согласования интересов всех участников и насколько цели коалиции распространились за пределы проблемы льгот. Речь идет уже обо всех социальных гарантиях (четко озвучены темы жилищных и трудовых прав), о самоорганизации граждан в защиту своих прав и о попытке создать широкое социальное движение.

Заявление

Совет общественной солидарности – SOS

12 августа 2004 года

Совет общественной солидарности считает, что принятый 6 августа так называемый закон о монетизации льгот:

- 1 нарушает Конституцию РФ, лишая Россию статуса социального государства;
- 2 представляет собой по сути антисоциальный переворот, лишая наиболее незащищенных граждан необходимых мер социальной защиты.

Мы, участники SOS, представители общественных организаций ветеранов, чернобыльцев, инвалидов, жертв политических репрессий, свободных профсоюзов, правозащитных и молодежных организаций в своей борьбе за отнятые у населения права намерены добиваться:

- 1 возвращения чернобыльцам правового статуса пострадавших от радиационных аварий и катастроф, налагающего на государство обязанность компенсировать соответствующие потери;
- 2 возвращения детского пособия;
- 3 возвращения надбавок сельским учителям и врачам;
- 4 возвращения льгот инвалидам, диабетикам, труженикам тыла, репрес-

сированным и их общественным объединениям;

- 5 возвращения единой тарифной сетки бюджетным работникам;
- 6 возвращения северных надбавок;
- 7 возвращения мер социальной поддержки студентам и учащимся;
- 8 государственных гарантий повышения реальной зарплаты и пенсии;
- 9 равноправия всех граждан РФ перед законом при проведении социальной политики.

Мы также выступаем против основных положений нового Жилищного кодекса, принятого Государственной Думой в первом чтении.

Мы требуем:

- 1 сохранить возможность бесплатной приватизации жилья;
- 2 ликвидировать облегченный вариант выселения неплательщиков из квартир;
- 3 сохранить существенную роль опеки при операциях с жилищным фондом;
- 4 сохранить предоставление равнозначного жилья при выселении из ветхого фонда и при землеотводе под государственные и муниципальные нужды;
- 5 реализации государственной программы обеспечения населения социальным жильем.

Мы не поддерживаем усилия Правительства РФ, направленные на дальнейшую приватизацию в сферах здравоохранения и образования. Мы считаем, что уже существующий уровень коммерциализации этих важнейших сфер общественной жизни фактически лишает граждан доступного и качественного образования и здравоохранения.

Мы выступаем за подлинную свободу профессиональных союзов в их взаимоотношениях с работодателями и государством. Право на забастовку – неотъемлемое право наемного работника.

Мы намерены:

- 1 провести разъяснительную кампанию по поводу итоговой редакции принятого закона;
- 2 готовить новые акции протеста против урезания социальных гарантий

осенью;

3 провести в 2005 году всероссийский социальный форум, для того чтобы расширить и укрепить общественную коалицию.

Все заявленные намерения были реализованы. Участники коалиции продолжали информационную кампанию о реальных положениях закона, распространяя свои листовки и газеты. Но средств, чтобы широко информировать льготников, не хватало, и большинство из них осознали, что произошло, только 1 января 2005 года, когда закон уже вступил в силу. А до тех пор основная масса людей никак не реагировала. Протесты лета 2004 года были организованы членами организаций СОС, людьми, до которых удалось донести информацию, симпатизирующими организациями, а также оппозиционными политическими партиями (в основном КПРФ, «Яблоко» и «Родина»). Это был не узкий и одноразовый протест, а проведенная широкой общественной коалицией целенаправленная и динамичная кампания. Именно она подготовила почву для массового протеста зимой 2005 года, и в первую очередь для возникновения координационных структур уже на местном уровне. Местные коалиции совместно с СОС стали организаторами первого Российского социального форума, который состоялся в Москве в апреле 2005 года.

Организации, входящие в СОС, активно участвовали в протестном движении пенсионеров зимой 2005 года. Но в первых числах января, как только закон №122 вступил в силу, люди стихийно вышли на улицу – организационные силы (региональные контакты СОС, профсоюзы, политические партии) подключились к спонтанным акциям не сразу.

Уличная битва января-февраля 2005 года. Гнев и возмущение льготников в первую очередь были вызваны ликвидацией бесплатного проезда на городском и пригородном общественном транспорте. Что случилось, они поняли, когда с 1 января 2005 года контролеры начали высаживать бывших льготников – пенсионеров из автобусов и трамваев.

Новость о «варварской» ликвидации льгот мгновенно распространилась из уст в уста. Люди задавались вопросом: как такое посмели с нами сделать? Стихийно образовались многочисленные митинги, требующие одного – вернуть отмененные льготы. СМИ трактовали их только как меркантильный протест, но в действительности на сцену здесь вышла совер-

шенно не рыночная субстанция – «достоинство» и «возможность быть человеком». Наряду с финансовой стороной пожилые люди отмечали тот факт, что льготы были признанием их заслуг в развитии страны в предшествующую эпоху. А особую важность транспортной льготы многие пенсионеры объясняли тем, что она позволяет им быть членами общества, передвигаться, общаться с людьми. «Они (власти) хотят, чтобы мы дома сидели, каждый поодиночке», – эта фраза из одного интервью могла бы стать лейтмотивом выступлений.

По регионам России прокатилась самая крупная со времен перестройки волна акций протеста. К концу января в акциях участвовало уже около полумиллиона граждан в 97 городах 78 регионов России (по данным Центра изучения политической культуры России). Волнения продолжались и в феврале, уже в более организованном и скоординированном виде.

Первые спонтанные митинги протеста начались 5-6 января, а уже 10 января льготники стали перекрывать транспортные магистрали. В районе пригородов Москвы – Химок и Солнечногорска – протестующие перекрыли Ленинградское шоссе, в Самаре была блокирована Революционная улица – одна из центральных магистралей города, аналогичные события происходили в Альметьевске (Татарстан), Старом Осколе (Белгородская область), Уфе и Барнауле¹. Митинги, как правило, не были санкционированными, так как решения об их проведении принимались спонтанно, часто накануне, что исключало соблюдение формальной процедуры уведомления властей, тем более когда «инициаторами» были неопытные активисты. Многие акции протеста заканчивались перекрытием дорог или попытками прорваться в администрацию для «диалога» с властью.

Как начались волнения? Здесь необходимо отметить высокую степень самоорганизации возмущенных пенсионеров и других льготников. Они оказались способны самостоятельно передавать друг другу информацию, назначать время и место сбора. Механизмы везде были примерно одинаковыми. Центрами активного обмена информацией становились места, где традиционно собираются пожилые люди: магазины, остановки общественного транспорта, больницы и аптеки. Новость о сборе передавалась так же, как и возмущение («сарафанное радио» и телефонные звонки), и с помощью самодельных листовок, которые инициативные граждане расклеивали у себя в районе или на центральных площадях города. Так, одна из пенсионерок рассказала в интервью, что в те-

чение дня, предшествующего акции, ей позвонили около десяти знакомых, приглашая ее прийти. Поскольку гнев был обращен к представителям власти, люди начали собираться рядом с административными зданиями. Кроме того, часто они звали прохожих принять участие в акции по дороге к митингу или, наоборот, увидев собравшихся людей, присоединялись к ним. В дальнейшем, когда массовые выступления уже начались, если протестующие перекрывали улицы, тем самым блокируя движение общественного транспорта, многие пассажиры выходили из автобусов и троллейбусов и принимали участие в митинге. В конце митинга назначалось место и время следующей акции; таким образом, информационная цепочка непрерывно работала и митинги становились все более массовыми.

У сформировавшегося протестного движения быстро появились свои неформальные лидеры – кто больше выступал, кто выглядел более осведомленным, кто был более опытным. Иногда протестующим помогали политические или общественные организации (КПРФ, РКРП, «Яблоко», то или иное объединение льготников, часто связанное с СОС). Но гораздо чаще помощь приходила от политических или общественных активистов. Когда начались митинги, лишь отдельные опытные активисты на местах успели отреагировать на акт отчаяния и протеста, но и они сыграли значительную роль, так как помогали формулировать требования протестующих и воодушевляли их на решительные действия. Иногда просто вовремя принесенного ручного мегафона или громкого призыва оказывалось достаточно, чтобы события пошли по иному руслу.

Далее события развивались как снежный ком. Люди приходили к месту сбора, видели, что их много, выражали свое возмущение сложившейся ситуацией, поддерживали друг друга и требовали: «Губернатор (мэр), выходи!» А поскольку никто к ним не выходил, возмущались еще больше. Собиралось все больше народа, кто-то кричал: «А пойдемте сами к губернатору (мэру)». И люди перекрывали дороги, иногда брали административные здания в осаду. Они стояли и активно общались между собой. Таким образом, происходила радикализация настроений – акции становились все решительнее, а лозунги принимали все более оппозиционный характер.

Протестующие действовали по-разному, но преобладали жесткие формы сопротивления – перекрытие дорог и блокирование административ-

ных зданий или кабинетов чиновников. Почему? Это была попытка обратить на себя внимание местной власти, склонить ее к диалогу с протестующими. На первые перекрытия в Развилке, Солнечногорске, Ижевске люди пошли, после того как в течение 1,5–2 часов к ним так и не вышел никто из первых лиц, хотя митинги проходили в рабочее время прямо перед зданием администрации. Как только перекрывалась дорога, начальники, как правило, появлялись. Однако дело не только в эффективности и принуждении власти к ответу. Люди, описывая события в интервью, использовали метафору войны и военных действий², в которых жесткие меры представляются единственным адекватным средством. Однако в данном случае скорее был использован метод проб и ошибок (найти то, что «работает» на практике). Иногда из-за стихийности и плохой координации митинги происходили одновременно в разных районах города. В других случаях группы рассерженных пенсионеров блокировали проезд трамвая, из которого их высадил кондуктор. В Барнауле пенсионеры, собравшись группой, коллективно отказались платить за проезд («всех не высадите»).

Недовольство сначала было обращено к региональным властям, от которых и зависело решение вопроса о региональных льготниках и о бесплатном проезде на общественном транспорте. Люди проводили митинги у административных зданий, требовали появления губернатора или мэра, публичного объяснения позорных действий властей. Но довольно быстро – особенно со второй половины января – стали выдвигаться лозунги и против федеральной власти – сначала против Зурабова, которого считали виновным в монетизации, а затем против Путина, который «обманул народ». Стали появляться требования отставки Правительства РФ.

Протест начался бурно и неожиданно для властей, и власти просто растерялись. Способность пенсионеров к самоорганизации оказалась намного выше, чем предполагалось. Поэтому сначала представители региональных властей и отказывались общаться с митингующими. Затем они все же стали выходить к ним – сначала вторые лица, а затем и первые, – но, как правило, делали абстрактные и достаточно грубые заявления, которые только усиливали гнев собравшихся. Они просили «спокойно расходиться», «не поддаваться на провокации», «не верить слухам». Тема о провокаторах и «зачинщиках» акций вызывала обратную реакцию протестующих, шокированных тем, что о них думают власти. «Никто нас не собрал, мы сами себя собрали», – возмущались люди. В то же время предста-

вители власти пытались успокоить людей, они им объясняли, что «монетизацию не так поняли», обещали исправить «недоразумения», «отдельные недочеты» или «технические проблемы».

В целом реакция властей сводилась к излюбленному методу – использованию «кнута и пряника». С одной стороны, они шли на мелкие уступки. Например, в Удмуртии после первых митингов всем льготникам предоставили право бесплатного проезда еще на один месяц, в Петербурге запретили кондукторам и контролерам высаживать безбилетных льготников из транспорта. Но одновременно с мерами, призванными сбить накал протеста, разворачивала действие репрессивная машина. В организации стихийных митингов обвиняли коммунистов, лимоновцев или неких таинственных «provokatope» и «экстремистов». Начались задержания. Во время акций в ряде городов магистрали разблокировали с применением милиции и ОМОНа. В дальнейшем против активных участников акций (или случайно попавших под руку, или лиц, «выделяющихся внешним видом») возбуждались административные дела и налагались штрафы, сотрудники уголовного розыска и ФСБ проводили с ними «воспитательные» беседы. Губернатор Московской области Борис Громов даже заявил, что в отношении «зачинщиков» будут возбуждаться уголовные дела.

Но ни тот, ни другой метод властям реализовать не удалось. Люди не дали себя запугать, не поверили в легенды о «зачинщиках», они боролись за задержанных участников акций, добиваясь их освобождения. Более того, несмотря на попытки дискредитации протестующих, общественное мнение было на их стороне (это подтверждают опросы³). Случаи столкновения с ОМОНОм и избиваний милицией пожилых людей вызывали только осуждение. Воодушевленных массовостью и энтузиазмом движения людей не удовлетворяли пустые обещания. Люди испытывали чувство эйфории оттого, что их собралось так много («такие, как я»), чтобы предъявить счет власти и отстоять свое достоинство, и оттого, что они завоевали себе первое место на публичной сцене (ведь это они держали центральные дороги и площади). В те дни присутствовало ощущение, что «власть – это мы», и это было новым явлением.

Более того, ряды протестующих постоянно расширялись: к пенсионерам и льготникам стали присоединяться другие группы населения – молодежь и студенты, бюджетники, безработные, малообеспеченные, социально незащищенные люди, а также некоторые политические партии и

профсоюзы.

Все это показало властям, что ситуация чревата потерей массовой поддержки. Избиения пожилых людей и сам факт лишения малоимущих и пожилых (напомним, что почти в каждой семье был человек, затронутый монетизацией) создали ситуацию, когда пропагандистская машина вдруг забуксовала. Поэтому в большинстве регионов властям пришлось довольно быстро пойти на переговоры с представителями взбунтовавшихся пенсионеров и других льготников. Для ведения таких переговоров митингующие начали создавать делегации, общественные советы и прочие органы. В них входили не только пенсионеры, но и активисты с общественным или политическим опытом. Во время переговоров, чтобы оказывать давление снизу, акции протеста продолжались – но они уже были скоординированы стихийно созданными советами⁴.

В тех регионах, где традиционные партии (в основном КПРФ) смогли перехватить контроль за движением протеста, оно постепенно теряло радикальность – местные коммунистические боссы, как правило, связанные с местной властью, по окончании заявленного митинга призывали людей «спокойно расходиться» и не «устраивать беспорядки», то есть не блокировать улицы. В других регионах, где контроль взяли общественные советы, протестное движение продолжало расти и добивалось более существенных уступок. На сцену там вышли новые общественные игроки в виде координационных советов и прочих комитетов солидарных действий.

К концу января началась фаза координированных действий. Пришло понимание, что в одиночку и на уровне региона мало что можно сделать. Местные власти шли на скромные уступки, которые были восприняты как подачки, а федеральная власть пыталась сбить волну, делая успокоительные заявления, ведя пропаганду в СМИ и применяя угрозы и репрессии. О возврате льгот речи не было. В результате недовольство росло и встал вопрос о необходимости воздействовать на федеральную власть. Из регионов в московские организации СОС поступали сигналы и предложения о проведении общероссийской акции. Начиная со второй половины января вся сетевая структура СОС включилась в подготовку Дней солидарных действий 10-12 февраля 2005 года.

Из открытого заявления СОС 9 февраля:

«Мы, Совет общественной солидарности, призываем к солидарным действиям, чтобы предотвратить попытки власти разжигать социальную

рознь между разными регионами, разными категориями льготников, селами и городами, льготниками и не льготниками. СОС не претендует на роль главного организатора протестных акций, но пытается координировать действия так, чтобы они приобрели всероссийский и массовый характер. Только солидарностью между нами мы можем заставить власть провести реальную справедливую социальную политику».

В День солидарных действий акции прошли по меньшей мере в 50 городах страны. По данным ИКД, не менее 150 тысяч человек вышли на улицу, чтобы сказать «нет» антисоциальной политике правительства. Общие требования были согласованы в рамках СОС и касались далеко не только вопроса о льготах.

Мы приводим их ниже:

1. Отмена Федерального закона № 122.
2. Сохранение в полном объеме социальных льгот для всех категорий граждан России с гарантиями их предоставления и реального финансирования за счет федерального бюджета.
3. Отмена решения о 100-процентной оплате услуг ЖКХ населением.
4. Двукратное повышение размера пенсий.
5. Справедливая налоговая реформа в пользу регионов и малоимущего населения.
6. Прекращение преследования всех активистов протестных акций.
7. Отзыв ВСЕХ депутатов, избранных от «Единой России», внесение поправки об отзыве депутата в ФЗ «О статусе депутата...»
8. Отставка правительства.

В результате правительство РФ пошло на уступки: льготы были частично восстановлены в виде обязательного внедрения льготных социальных проездных билетов, а граждане получили бесценный опыт пусть и частичной, но чрезвычайно важной как прецедент победы над властью.

На днях солидарных действий 10-12 февраля стоит остановиться подробнее, поскольку они ознаменовались появлением новых координационных структур на региональном уровне. На митингах 12 февраля во многих городах было провозглашено создание координационных советов или комитетов, которые объединили уже не только представителей организаций льготников и ветеранов, но и более широкий круг организаций

(профсоюзы, политические партии, другие общественные организации), решивших координировать свои действия для борьбы с антисоциальной политикой. Против этих новых игроков сразу выступила, с одной стороны, КПРФ, а с другой – «Единая Россия».

Именно в этот день – 12 февраля – «Единая Россия» попыталась организовать акцию в поддержку монетизации и курса правительства. Но она не добилась успеха – хотя с телеэкранов, конечно, вещали о массовых митингах в поддержку Президента РФ, – проправительственные митинги собрали гораздо меньше народу, чем оппозиционные.

В тот же день и КПРФ решила провести свою общероссийскую акцию протеста, то есть попыталась перехватить инициативу общественной коалиции. И хотя во многих городах коммунисты представляли меньшинство протестующих (да и вообще препятствовали созданию общественных координационных советов), СМИ освещали почти исключительно мероприятия КПРФ. Видимо, появление координационных структур типа СОС было тогда (и отчасти остается и по сегодняшний день) слишком большим новшеством для российского общественного поля.

Однако именно к этому времени относится создание первых координационных структур местного уровня (советы, комитеты солидарных, протестных, гражданских действий), поставивших перед собой задачу координировать протестную деятельность и содействовать самоорганизации и самозащите граждан. Именно они стали центром кристаллизации протестных инициатив, помогая гражданам формулировать требования и поддерживая их солидарными действиями.

Примечательно, что с течением времени движение не свелось к нулю, даже несмотря на то, что требования были частично удовлетворены. Созданные координирующие органы во многих регионах продолжили свое существование, они перепрофилировались, расширив свою социальную базу и сферу деятельности. В поисках выхода на федеральный уровень некоторые из них установили постоянные отношения друг с другом и создали сети. Одной из таких сетей стал Союз координационных советов России (СКС), объединивший в момент своего создания в апреле 2005 года шесть региональных центров (Ижевск, Пермь, Подмосковье, Санкт-Петербург, Астрахань, Томск) и координирующий сегодня 27 региональных коалиций и несколько городских инициативных групп. Впоследствии СКС

сыграл важную роль в привлечении новых групп, координации борьбы и расширении повестки дня.

С момента появления Совета общественной солидарности (СОС), массовых выступлений против монетизации льгот и создания региональных координационных советов непрерывно идет процесс консолидации различных гражданских инициатив и движений. Важной площадкой для консолидации стали социальные форумы, первый из которых был организован в Москве в апреле 2005 года по инициативе СОС и региональных советов. На Российский социальный форум съехались представители самых разных организаций и движений: от радикальных политических до экологических и правозащитных. В общей сложности собралось около тысячи человек более чем из 40 регионов страны (практически без постороннего финансирования).

«Мы убеждены, что нет непреодолимых препятствий для нашего сотрудничества. Подтверждением этому служит накопленный в ходе протестных акций середины 2004 – начала 2005 года опыт совместной деятельности разных организаций по защите социально-политических прав. Мы можем и должны взаимодействовать между собой – и при этом уважать автономию каждой организации», – говорится в декларации форума.

Форум (РСФ) стал важным этапом консолидации, поскольку именно здесь было положено начало трем общероссийским сетям, которые в том или ином виде продолжают действовать до сих пор, – Движение «Образование для всех», «Левый фронт» и Союз координационных советов России (СКС).

Главные итоги массовых волнений начала 2005 года. Важный итог массового протестного движения начала 2005 года – появление на общественно-политическом поле новых игроков. Акции протеста, начавшиеся отчасти спонтанно, в силу солидарного и решительного настроя их участников привели к появлению новых субъектов коллективного действия, которые взяли на себя функции координации и дальнейшего развития движения. Эти низовые гражданские координационные структуры – совершенно новое явление для современной России: в их состав вошли активизировавшиеся «обычные» люди, которые действуют независимо от властных структур и стремятся не «возглавить» борьбу, а скоординировать ее путем самоорганизации низовых гражданских инициатив, от ко-

торых зависит развитие всего движения.

С тех пор организационные катализаторы протеста и самоуправления по всей стране растут как грибы после дождя. Они структурированы по принципу межорганизационных или межгрупповых сетей. Некоторые из них объединились в межрегиональные сети. Сетевой принцип организации коллективных действий впервые был широко использован на волне мобилизации против закона о монетизации. Эта гибкая форма объединения людей, инициативных групп, коалиция разных организаций, профсоюзных и партийных структур призвана решать конкретные задачи, мобилизуя и объединяя людей, а также оформляя протестные настроения в систему социальных требований к власти. Сетевые стратегии, возникшие накануне реализации реформы льгот и оформившиеся и укрепившиеся в силу необходимости координировать протестные действия, не просто сохранились и сберегли свой главный ресурс – коллективное участие, но и получили дальнейшее организационное развитие в форме межрегиональных гражданских движений.

Подробнее мы расскажем о них в материале, посвященном анализу социально-протестного движения в Ижевске. О судьбе одной из межрегиональных сетей – СКС – в последней главе. Пока отметим лишь, что первые координационные структуры и первое массовое протестное движение в постсоветской России послужили катализатором дальнейшего процесса активизации и самоорганизации обывателей, а также создали условия для процесса обобщения требований.

Главный итог протестного движения 2005 года – приобретение опыта солидарности, самоорганизации и координации. В общей кампании и с общей целью (сопротивление антисоциальной политике) приняли участие не только пенсионеры, а самые разные социальные категории и группы – студенты, молодежные активисты, профсоюзы, политические активисты, интеллектуалы. Все они внесли существенный вклад в развитие социально-протестного движения – своими навыками, опытом, квалификацией (среди них были и опытные агитаторы, и организаторы, и переговорщики, и пиарщики, и юристы и т. п.).

На это обращает внимание и Иван Климов в своем анализе событий тех дней: «Акции протеста льготников создали принципиально новую ситуацию – ситуацию, в которой оказалась возможна работа по консолидации требований и формированию «солидарных целей», что автоматичес-

ки подразумевает тематическое расширение исходной проблемы. Результатом такой работы становится, во-первых, феномен солидарности – ответственная поддержка «не своего» интереса, интересов иных социальных групп и общностей, и появление уверенности во взаимности обязательств, и, во-вторых, это практический опыт консолидированных действий и понимание ценности организованного, подготовленного – а не стихийного – протеста»⁵.

Санкт-Петербург крупным планом: «Ленинградская битва» глазами активистов

Для более глубокого понимания динамики мобилизации мы предлагаем подробнее остановиться на событиях 15 и 16 января 2005 года в Санкт-Петербурге. Мы основываем свои выводы на включенном наблюдении – отчетах, написанных самими активистами.

Взгляд активиста-правозащитника: *«Основную часть многотысячных манифестаций составили люди, не состоящие в каких-либо политических организациях»*

В субботу, 15 января, в полдень около тысячи человек собрались у Смольного (здание городской администрации) на стихийный митинг протеста против монетизации льгот. После двухчасового несанкционированного митинга в 14.00 толпа без какого-либо согласования с властями двинулась по Суворовскому проспекту, перекрыв по нему движение. Демонстранты прошли по Суворовскому до Староневского, миновали площадь Восстания и далее двигались по Невскому проспекту (движение по которому также было перекрыто). В ходе движения манифестанты не акцентировали своего внимания на вопросе о возвращении льгот, скандируя преимущественно политические лозунги: «Долой Путина!», «Долой правительство!», «Долой Матвиенко!», «Долой режим грабежа!», «Революция!», «Правительство – в отставку!», «Путина – в отставку!», «Путину – позор!», «Долой самодержавие!», «Банду Путина – долой!», «Путин – позор России!», «Долой царя!», «Долой полицейское государство!», «Хватит грабить народ!» и прочие. В процессе движения колонны число участвующих

в несанкционированном шествии постоянно возрастало, превысив при подходе к Садовой улице 5 тысяч человек.

Там колонна сомкнулась с группой протестовавших, собиравшихся в 13.00 около Гостиного двора. Толпа, собравшаяся у Гостиного и первоначально насчитывавшая около 400 человек, также постоянно увеличивалась. К моменту соединения с колонной, подошедшей от Смольного, на Невском уже стояло около 2 тысяч человек. После соединения манифестантов около 15.30 семитысячная толпа перекрыла узловой перекресток Невского проспекта и Садовой улицы, полностью блокировав на этом участке движение транспорта. Ораторами, выступавшими с парапета подземного перехода, был озвучен план предстоящих акций, намеченных на ближайшие дни в городе. Первая из них должна была пройти завтра, в воскресенье, на том же месте. Кроме того, говорилось о манифестациях, намеченных на 22 января у Гостиного двора (на 100-летие Кровавого воскресенья 1905 года), на 25 января (в 18.00, у памятника Ленину напротив Финляндского вокзала), на 26 января (в 9.30 утра на Исаакиевской площади у Мариинского дворца, здания Законодательного собрания города) и на последующие дни.

В тот же день около тысячи человек, собравшихся на параллельную акцию протеста у Парка Победы, блокировали движение по Московскому проспекту, после чего прошли, также несанкционированно, в направлении мемориального комплекса «Разорванное кольцо». В ходе движения на одного из участников шествия был произведен наезд. Пострадавший, пожилой пенсионер, погиб на месте происшествия. По информации ГУВД, совершивший наезд водитель в настоящее время задержан – однако никаких подробностей милиция не сообщает. Основную часть многотысячных манифестаций в городе составили люди, не состоящие в каких-либо политических организациях, хотя у Парка Победы и присутствовали представители «Яблока», «Родины» и коммунистических организаций. В движении колонны от Смольного к Садовой участвовали активисты РКРП, КПРФ, РКСМ(б), НБП, ДГИ, троцкисты, анархисты, члены либеральных и правозащитных организаций, однако «политизированный актив» по численности не превышал двух сотен. Для практически всех политических антиправительственных структур массовость сегодняшних протестных акций стала неожиданностью. Все агитационные и пропагандистские материалы, распространявшиеся в ходе протестных манифеста-

ций, стремительно разбирались. Милиция первоначально не проявляла практически никакой активности, ограничиваясь сопровождением колонн. С уменьшением числа манифестантов она несколько активизировалась, однако до 18.00 так и не осмелилась провести ни одного задержания.

Взгляд активиста Движения гражданских инициатив (ДГИ):

«Социальный пожар разгорается»

14 января 2005 года начались и на следующий день продолжились стихийные акции протеста питерских пенсионеров, вызванные отменой льгот и социальных гарантий. Особенно больно ударила по пожилым людям отмена бесплатного проезда на городском транспорте. Попытка губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко сбить накал страстей ни к чему не привела. Из 16 представителей митингующих пенсионеров и ветеранов, приглашенных к ней на переговоры в Смольный в 12.00 15 января, только двое поддержали предложенный губернаторшей вариант с неким «именным проездным за 230 рублей». Остальные требовали восстановить бесплатный проезд. Пока в Смольном перед телекамерами придворного пятого канала чиновники вкупе с главным питерским «единороссом» г-ном Тюльпановым принимали героические позы и изображали заботу о «простых» гражданах, эти самые граждане решили позаботиться о себе сами.

В 14.00 в районе станции метро «Парк Победы» около 500 собравшихся начали перекрытие Московского проспекта. Вместе с пенсионерами были руководители СПб РО РДП «Яблоко», социал-демократы и активисты ДГИ. В это же время около 400 человек начали перекрытие Невского проспекта в районе Гостиного двора. Здесь свою помощь ветеранам в организации акции протеста оказали участники ДГИ и комсомольцы. На поддержку к ним, получив сообщение по мобильной связи, от Смольного по проезжей части Суворовского, а затем и Невского проспекта двинулась колонна численностью примерно в 600 человек при активном участии нацболов, активистов ДГИ, свободных профсоюзов.

Около 15.30 на углу Невского проспекта и Садовой улицы колонна от Смольного соединилась с теми, кто перекрывал Невский. Представители ДГИ не только поддерживали мобильную связь с находившимися в трех точках протеста товарищами, но и оперативно передавали всю информа-

цию в СМИ, которая тут же поступала как на ленты информагентств, так и в эфир ряда питерских радиостанций. Благодаря этому на места обоих перекрытий начали подъезжать все новые горожане и к концу дня численность перекрывавших Невский и Московский проспекты в сумме достигла 10 тысяч человек. Лозунги и выступления на обоих митингах носили ярко выраженный антиправительственный и антипрезидентский характер.

На стихийно продолжавшемся митинге на углу Невского и Садовой удалось не только организационно оформить инициативную группу ветеранов и пенсионеров из различных районов города, но и согласовать с ними требования, обращенные к городским властям. Первое из них – восстановление бесплатного проезда для всех льготников. Представители протестующих настаивают на прямом теле- и радиозэфире на городских каналах. Акции протеста будут продолжены. Их участников не испугают угрозы, с которыми г-жа Матвиенко выступила в вечернем телеэфире принадлежащей городским властям телекомпании. Митинги и перекрытия, г-жа губернатор, проводят не «экстремисты». Их проводит народ, который впервые открыто выступил против произвола и злоупотреблений всех властей – как федеральных, так и петербургских. Социальный пожар разгорается. Его не затушить.

Взгляд молодого троцкистского активиста:

«Пробуждение от политической спячки»

15 января: второй день продолжаются массовые акции гражданского протеста. Сегодня в 14.00 собравшиеся у Гостиного двора пенсионеры в количестве не менее полутора тысяч человек перекрыли движение транспорта по Невскому проспекту. В этой акции приняли участие практически все левые силы города, хотя инициатива и желание активно протестовать родились спонтанно в среде самих униженных и оскорбленных пенсионеров.

Мощная толпа манифестантов запрудила пересечение Невского и Садовой. В центре сосредоточились наиболее активные пенсионеры. Здесь же под своими партийными знаменами расположилась коммунистическая оппозиция – РКСМ(б), ФСМ, группа «Рабочая демократия». Но их красные знамена только в сумме могли сравниться с количеством флагов пришедших на акцию некоммунистических организаций – НБП, «Ябло-

ка», «Нового Сопротивления», «Антиглобалистского патриотического союза» и прочих, которые расположились на периферии. Особняком у обочины встали какие-то националисты под бело-черно-золотым флагом самодержавной России.

Народ демонстрировал недюжинную политическую активность. Листовки и газеты рвали из рук. Группа старушек с воодушевлением пела «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», другие революционные песни. Некоторые пенсионерки ходили с пустыми кастрюлями. Было много плакатов, изготовленных самими пенсионерами. Милиция проявляла спокойствие и была довольно малочисленна.

В 16.25 лидер ДГИ Евгений Александрович Козлов сообщил собравшимся, что достигнута договоренность о встрече оппозиционных политиков и активистов с губернатором Матвиенко. Встреча должна состояться 17 января в 12.00 в Смольном. На встрече перед Матвиенко будут поставлены условия протестного движения – приостановление на территории Санкт-Петербурга действия антинародного закона № 122, расследование и наказание виновных в гибели пенсионера 15 января на Московском проспекте и прочее. Учитывая этот факт, Евгений Александрович предложил собравшимся разойтись сегодня и продолжить митинговую активность завтра. Но пенсионеры посчитали, что переговоры переговорами, а власть никогда не уступит, если не встретит народного сопротивления. Стихийный митинг продолжался, несмотря на довольно холодную погоду и снег.

Как февральская революция явилась полной неожиданностью для политического класса, так и сегодняшние гражданские действия пенсионеров были неожиданны как для правящего класса, так и для оппозиции. Лидеры официальных коммунистических партий (КПРФ и РКРП) пошли согласовывать свои протестные митинги в органы власти и, по действующему законодательству, смогут провести их не ранее последней декады января. Но доведенные до отчаяния пенсионеры не стали ждать помощи от политиканов и стихийно поднялись на борьбу за свои права. Как всегда, бюрократы от КПРФ и РКРП тут же попытались оседлать и приглушить активность масс, направить ее в нужное им русло. Один из «вождей» РКРП Г. Турецкий, который в прошлом году выделялся на оппозиционных митингах, наиболее рьяно пропагандируя идею блока либералов и коммунистов против «самодержавного режима», заявил вчера, 15 января, собравшимся на Невском пенсионерам: «Мы начинаем митинг, поэтому освободи-

дите трамвайные пути».

События показали, что пенсионеры настроены решительно и не намерены уступать. Сверхзадача организованной коммунистической оппозиции в этих условиях состоит в том, чтобы добиться от власти не жалких подачек, а удовлетворения требований пенсионеров в максимальном объеме. Это важно не только само по себе. Это важно прежде всего с той точки зрения, что успех в борьбе за сохранение льгот пробудит наконец от политической спячки наш отупевший от многолетней пассивности народ, придаст уверенность в своих силах не только пенсионерам, но и многомиллионным массам трудящихся. Успешный пример того, что с антинародной властью можно бороться и побеждать, сегодня необходим нам как воздух.

Комментарий левого интеллектуала и члена Движения «Альтернативы»
Это по большей части не то что бы мое твердое мнение, а скорее предположения и впечатления.

1) Лично я оцениваю численность митинга на перекрестке Невского проспекта и Садовой улицы 15 января где-то в 5 тысяч человек. Есть и более высокие оценки, но мне кажется, цифра в 10 тысяч – завышенная. В любом случае такая численность акции социального протеста для нашего города беспрецедентна за последние без малого восемь лет (если не считать «дежурных» митингов 1 Мая, 7 ноября и ежегодных ритуальных профсоюзных акций протеста).

2) При этом нынешние протесты совершенно беспрецедентны по характеру их организации, во всяком случае за весь период после 1993 года. Они готовились практически без активного участия каких-либо «формализованных структур», политических или общественных организаций. С некоторыми из инициировавших протест активистов (точнее, в основном активисток) поддерживались контакты в рамках Движения гражданских инициатив (ДГИ), но данная конкретная инициатива этих активисток, насколько я понимаю, через ДГИ не проходила.

Это говорит о том, что образовалась некоторая неформальная, не оформленная в виде какой-то «извне заметной» структуры сеть контактов людей на низовом уровне, способная на достаточно серьезное социальное действие. Часть «узлов» этой сети включена в ДГИ, часть, вероятно, взаимодействует с КПРФ, часть – с «Яблоком», но вся совокупность известных более или менее формализованных структур данную сеть отнюдь не «по-

крывает».

3) Это проявилось в том, что существующие политические организации оказались, по моему впечатлению, застигнуты в той или иной мере врасплох масштабом акции 15 января и организовывались в рамках этой акции уже «по ходу дела». Достаточно успешно проявили себя отдельные лица – в частности от КПРФ, ДГИ и нацболов.

Общее настроение собравшихся, по моей грубой прикидке, было где-то на 70-75% «красное». По лозунгам и выступлениям почти все время практически однозначно доминировали «красные».

4) В этой обстановке я с сожалением отмечаю признаки нездорового соперничества между лидерами общественно-политических организаций, принявших наиболее активное участие в акциях протеста. Имею в виду прежде всего ощутимую «ревность» руководства КПРФ в отношении ДГИ и лично его лидера Евгения Козлова. Оснований для такого выпада я не вижу. В ситуации, когда значительная часть протестующих неподконтрольна ни одной из действующих общественно-политических организаций и все равно будет пытаться проводить какие-то акции по собственной инициативе, вполне естественно для этих организаций постоянно работать с такими людьми, не давая их активность, а достигая с ними взаимопонимания. Попытка же КПРФ сразу «построить» протестную массу скорее всего будет воспринята отрицательно и снизит уровень протестной активности. Одновременно пойдут совершенно ненужные конфликты между оппозиционными организациями.

Выводы из питерских событий

Эти примеры хорошо показывают, что события разворачивались стихийно и неожиданно как для властей, так и для оппозиционных партий. Между тем почти с самого начала отдельные политические или общественные активисты внесли организационный фактор, чем способствовали дальнейшему развитию движения, его координации и оформлению общих требований. Кроме того, на волне протеста появились новые стихийные лидеры, которые влились в ряды координаторов.

Необходимо также отметить организационную способность, политическую сознательность и решительность самих протестующих. Нам при-

водили примеры, когда отдельные пенсионерки делали до 300 звонков, чтобы пригласить своих знакомых на митинги 14-15 января. Кроме того, митингующие сами выдвигали политические лозунги. Требования отставки Путина, роспуска Государственной Думы, роспуска Законодательного собрания родились в толпе, а не были выдвинуты какими-то политическими активистами, не были привнесены извне. На первых переговорах в Смольном (15 января), на которые представители региональной власти пригласили делегацию из 16 беспартийных пенсионеров, несмотря на попытки их «угovorить», «уболтать», «мурьжить», большинство делегатов (14 человек) отказались от уступки, предложенной властью. Они настаивали на полной отмене закона №122 и даже высказали политические требования губернатору, среди которых было и требование освобождения политзаключенных – нацболов, которых на пять лет осудили за захват приемной Зурабова.

Из опытных общественных или политических активистов в лидеры были выдвинуты в первую очередь те, кто с самого начала действовал в тесном контакте с людьми и с кем установилось взаимопонимание и взаимное признание; те, кто посвятил себя службе низовому движению и не навязывал другим свои представления, а вникал в нужды, настроения и мысли людей. Вместе со стихийными лидерами из среды пенсионеров они и образовали организационный костяк не только этого, но и последующих движений. Так, Движение гражданских инициатив (ДГИ)⁶, хотя и существовало до января 2005 года, расширилось благодаря этому уникальному опыту самоорганизации и проведения кампании.

Кроме того, к движению присоединилась молодежь, причем достаточно радикальная (от нацболов до троцкистов), что придало динамизм и необычный стиль действию.

Именно сочетание решительности, организационной способности, сознательности протестующих и опыта, авторитета и навыков ключевых активистов объясняет успех движения.

Вот как резюмирует свое видение ситуации Евгений Козлов: «Я хочу сказать, что сочетание стихийности и сознательности именно так и должно работать: есть стихийная мобилизация и есть активисты (многие, конечно, не я один), которые настроения масс формулируют, и между ними возникает вот это взаимодействие».

Движение льготников после 2005 года. Еще недавно казалось, что власти, пойдя на частичные уступки и сохранив часть льгот в натуральной форме (так называемый соцпакет) или в виде льготных проездных билетов, сумели стабилизировать ситуацию, но 2008 год показал, что эта стабильность обманчива. В нескольких регионах (Барнаул – октябрь 2008, Екатеринбург – ноябрь 2008-го и февраль 2009-го, Астрахань – январь-февраль 2007-го и февраль-март 2009-го, Челябинск – апрель 2008-го, Ижевск – сентябрь-ноябрь 2009 года) прошли массовые (также начавшиеся стихийно) акции протеста против попыток местных властей отменить транспортные льготы.

Самыми массовыми и непреклонными стали социальные волнения 28-30 октября 2008 года в Барнауле: несколько тысяч льготников на три дня фактически парализовали движение в центре города и осадили местный Белый дом, почти силой усадили администрацию за стол переговоров и вырвали у нее обещание отменить непопулярное решение по замене социального проездного неадекватной, по мнению протестующих, денежной компенсацией.

Следует отметить, что так же, как и в 2005 году, ни одна из политических сил (в том числе внесистемная оппозиция) не была готова стать организатором выступлений пенсионеров (хотя власти старались озвучивать именно версию о «темных силах» – провокаторах протеста, и даже объявили виновным одного из организаторов – несовершеннолетнего активиста движения «Левый фронт»). Несмотря на то что оппозиция предвещала властям повторение бунтов 2005 года, ее лидеры, как позже они сами признались, не верили в реальность своих прогнозов. По всей видимости, не верила этим прогнозам и местная власть, хотя на всякий случай она все же заранее нейтрализовала потенциальных вождей (КПРФ в алтайских событиях участвовала лишь на уровне отдельных деятелей ее левого крыла).

И в очередной раз власть и системная оппозиция недооценили способность людей к самоорганизации.

Первоначально власть игнорировала протесты и объясняла, в чем, по ее мнению, «благотворность» проводимой реформы (показательно, что местные власти апеллировали к требованию федерального центра продолжить реформу). Однако нарастающая волна протестов, подпитываемая присоединившимися к ним (неофициально) активистами оппозиции,

заставила местные власти аннулировать решение об отмене «социальных» проездных и возобновить их продажу.

Инцидент был исчерпан. Показательно, что на этот раз власти даже не пытались прибегнуть к силовым методам – видимо, они понимали, что разгон митинга и массовые задержания пожилых людей могут привести к крайне негативным последствиям. Это еще один ресурс, которым обладают пенсионеры как социальная группа, – моральный капитал, обеспеченный их положением в обществе. События в Барнауле имели огромный резонанс и стали поводом для самых мрачных прогнозов в отношении перспектив российского режима.

Однако проблема заключается в том, что реализация закона №122, раздробившего льготников на разные категории, относящиеся к разным уровням власти, затруднила появление общероссийского движения и проведение общей кампании, в которой транспортная проблема была бы увязана со всем комплексом проблем, порожденных монетизацией. Тем не менее многие проблемы до сих пор остаются нерешенными и постепенно очаги сопротивления возникают в разных сегментах социального поля, появившего под пяту антисоциального закона №122.

Пока эти ручейки еще не объединились в единый бурный поток, так как не хватает ресурсов (прежде всего информации), и пока еще слабо понимание необходимости и возможности солидарных действий. Однако уже есть отдельные свидетельства того, что процесс идет именно в этом направлении. Например, протестующие в Ростовской области (г. Зверово) против отмены льгот шахтеры-пенсионеры (с августа 2008 года они проводят ежедневный пикет за исполнение решения судов, предоставивших пенсионерам право не платить за отопление и уголь), используя сведения и контакты в Интернете, объединились со своими коллегами из Кемеровской области. Они констатировали общность проблем и договорились о совместных действиях.

Подводя итог, можно сказать, что протестный потенциал льготной темы не исчерпан, тем более в условиях кризиса и дефицита бюджета.

Самый главный итог движения льготников – то, что большая часть полустихийных сетевых или координационных структур, возникших на

этой волне, не только продолжают действовать, но и расширили свою сферу деятельности (при этом они не отбрасывают проблему льгот). Многие участвовавшие в антимонетизационной борьбе пенсионеры остались в общем движении, некоторые из них частично перенесли свою активность на другие направления. Так, в некоторых регионах ветераны оказались в первых рядах в борьбе против повышения тарифов на ЖКУ или за создание домовых комитетов. Даже те группы, организации и люди, которые после того, как добились определенных уступок, отошли от солидарных действий, сохраняют навыки совместных действий и неформальные связи с оставшимися в движении активистами. Потенциально они могут возобновить свое участие в любой момент.

¹ Хронику акций протеста против реформы социальных льгот можно реконструировать, в частности, по новостной ленте Института «Коллективное Действие».

² Климов И. Реформа социальных льгот 2004–2005 годов и значимые итоги протестной активности. // Доклад на международной конференции «Вовлеченность, солидарность, социальные связи: осмыслить коллективные действия в России». Париж, 12 июня 2008 года.

³ Данные общероссийского опроса ФОМ от 22–23 января 2005 года. <http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0504>

⁴ Например: Комитет единых действий в защиту социально-трудовых прав граждан (Санкт-Петербург и Ленинградская область), Комитет протестных действий (Новосибирск), Комитет общественного контроля (Тула), Комитет общественного спасения (Ярославль), Координационный совет (Орел), Штаб протестных действий (Воронеж), Движение гражданских инициатив (Санкт-Петербург), Общественный городской штаб по организации акций протеста (Владимир), Движение жителей Татарстана за свои права, Общественное движение «Мое жилье» (Архангельск), Общественный совет по контролю за социальной реформой (Барнаул), Общественный совет пенсионеров Удмуртской Республики (Ижевск), «Льготники из Ангарска» (Иркутская область).

⁵ Климов И. Реформа социальных льгот 2004–2005 годов и значимые итоги протестной активности. // Доклад на международной конференции «Вовлеченность, солидарность, социальные связи: осмыслить коллективные действия в России». Париж, 12 июня 2008 года.

⁶ В апреле 2005 года активисты ДГИ участвовали в создании СКС и с тех пор играют в этой межрегиональной коалиции ключевую роль.

Жилищное движение – от квартплаты к самоуправлению

Движение жителей – наиболее интенсивно развивающееся и охватывающее самое большое количество простых людей. Именно через заботу о своем жилье, доме, окружающей среде, городе большая часть людей приходит к общественной деятельности. Жилищные и городские «битвы» массово стали разворачиваться с конца 2005 года, это было связано с изменениями в жилищном и градостроительном законодательстве, а также с либерализацией строительной сферы и ЖКХ, которая привела к резкому ухудшению уровня социальных гарантий и прав в жилищной сфере.

Жилищное движение (как и везде в мире, но в России особенно) – это ответ жителей на ультралиберальную и антисоциальную жилищную и градостроительную политику, проводимую властями всех уровней совместно с бизнес-структурами, это коллективные попытки влиять на жилищную и городскую среду. Люди реагируют на тот или иной аспект жилищной и градостроительной политики властей и бизнес-структур, который угрожает их праву на жилье, нарушает благоприятную окружающую среду или лишает их права голоса в местном самоуправлении.

Из этого перечня уже понятно, что в жилищно-градостроительной сфере мы имеем дело скорее с многочисленными инициативными группами, которые слабо связаны между собой и ориентированы на решение конкретных проблем. Поэтому применительно к этой сфере правильно было бы говорить не о движении, а о констелляции рядовых общественных инициатив. С другой стороны, последние годы показывают, что здесь образуется множество координационных структур и сетевых связей, происходит процесс консолидации инициатив по тематическому сходству либо по территориальному принципу, создается общее информационное пространство, проводятся общие кампании, завязываются контакты между группами, городами и движениями разной направленности. Кроме того, термин «движение жителей», или «жилищное движение», становится все более популярным и многие активисты могут себя ассоциировать с ним. Поэтому мы считаем, что мы вправе говорить о жилищном движении.

Жилищное движение – это пространство общих проблем и коллективных действий, в котором функционируют группы, организации, движения и отдельные активисты. Общее число участников жилищного движения с 2005 года мы оцениваем в несколько десятков тысяч человек.

Условно можно выделить несколько тематических движений, приоритетом деятельности которых является та или иная сторона жилищной или градостроительной политики: городские движения (движение против уплотнительной застройки, против выселений, против изъятия земли, в защиту памятников, зеленых зон), движение обманутых соинвесторов, движение жителей общежитий, движение за жилищное самоуправление (и капремонт), движение против повышения тарифов и плохой работы коммунальных служб. Рассмотрим, как эти тематические движения взаимодействуют между собой на уровне города и на межрегиональном уровне и какие вопросы они затрагивают.

Ультралиберальные реформы в жилищной и градостроительной сфере. В целом реформы в жилищной, коммунальной и градостроительной сфере можно определить как принесение интересов малообеспеченных слоев населения на алтарь бизнеса и богатых слоев. Сразу отметим, что подобные реформы лоббируют международные финансовые институты вроде МВФ и ВБ, и проводятся они не только в России – это общемировой тренд. Но в России эти реформы приобретают специфические формы, что еще более затрудняет борьбу с ухудшением жилищных условий. Препятствиями на пути тех, кто сопротивляется подобному положению дел, становятся грубость чиновников, отсутствие (или же игнорирование) демократических процедур, позволяющих учитывать мнение жителей, слабое или одностороннее информирование населения, масштабная коррупция. Отстаивая свои права, жители сталкиваются не только с властью (от глав районов до федеральных политиков), но еще и с бизнесом (строительные фирмы, коммунальные монополисты, карманные ЖЭКи, «частные-государственные» управляющие компании и т. п.).

За долгие советские, а затем и ельцинские годы жители привыкли, что государство их обеспечивает жильем и предоставляет недорогие жилищно-коммунальные услуги (хорошо это или плохо – это другой вопрос). Кроме того, подавляющее большинство жителей (90%) воспользовались возможностью, данной постсоветским правительством (как и во всех других постсоциалистических странах), бесплатно приватизировать свои квартиры. Отметим, что этот шаг был предпринят не в рамках целенаправленной социальной политики, а как вынужденная мера в условиях, когда (в 90-е годы) большинство населения не получало заработной пла-

ты или зарабатывало слишком мало, чтобы оплатить дорогостоящие ЖКУ, а тем более приобрести квартиру по рыночной цене. К тому же бесплатная приватизация была не совсем «бесплатной», поскольку свои квартиры люди заработали годами труда на государственную экономику.

И вдруг в 2005 году политика государства в этой сфере резко изменилась: отныне жилье стало коммерческим, тарифы ЖКУ – свободными, а строительство и ЖКХ перешли в руки частного бизнеса. Тогда был принят огромный пакет законов (о реформировании ЖКХ, о новой системе регулирования тарифов, о новой системе местного самоуправления), а также полностью переписаны Градостроительный и Жилищный кодексы. Реформаторы использовали те же аргументы, что и для оправдания реформы льгот: денег у государства нет, пора людям (благо уровень жизни все же повысился) платить всю стоимость услуг ЖКХ, частный бизнес улучшит качество услуг, темп строительства ускорится – в общем, все на благо людей. Однако, как и в случае с льготами, за этим занавесом риторики скрывалась совершенно другая картина, и она открывается людям по мере того, как они испытывают те или иные прелести реформ. Пока законы принимались и еще долгое время после того, как они были приняты, но прежде, чем был получен первый практический опыт, в обществе царил незнание или непонимание реформ. Мнения, альтернативные правительственному, почти не звучали (напомним, что хоть в ходе кампании против упразднения социальных гарантий, организованной антимонетизационной коалицией, и были затронуты жилищные реформы, однако для информирования значительной части населения общественного резонанса было явно недостаточно).

Спустя несколько лет после вступления в силу этих реформ можно говорить о том, что практика их проведения выявила следующие проблемы:

1 масштабные нарушения строительных, экологических и демократических норм в градостроительной политике в угоду строительным фирмам и в ущерб интересам и правам жителей («дикое» строительство, которое сопровождается ликвидацией детских площадок, гаражей, зеленых насаждений, изъятием частной земли в пригородах, получило название уплотнительной застройки);

2 постоянный и практически бесконтрольный рост тарифов на коммунальные услуги (несмотря на заявления властей, жители давно уже платят

100% стоимости, в среднем тарифы каждый год повышаются на 25% и этим обеспечивают прибыль монополистам);

3 отказ государства участвовать в содержании жилья и регулировании жилищных тарифов; контроль со стороны жителей затруднен (несмотря на то что новый Жилищный кодекс предусматривает возможность участия владельцев квартир в управлении своим домом, местные власти и преобразованные в частные предприятия коммунальные службы стараются не допускать жителей к принятию решений и контролю над расходованием средств);

4 перекладывание на жителей расходов по капитальному ремонту старого жилищного фонда (многие годы государственные ЖЭКи и ДЕЗы работали крайне недобросовестно, деньги разворовывались, в результате многие многоквартирные дома требуют дорогого капитального ремонта);

5 отсутствие реальных программ строительства социального жилья для нуждающихся категорий (например, для детей-сирот) и невыполнение программы по переселению жителей ветхих домов;

6 приватизация бизнесом жилищной сферы и жилищно-коммунальных услуг;

7 масштабная коррупция властей всех уровней и их сотрудничество со строительными фирмами;

8 упрощение процедуры изъятия земли или дома под сомнительные «государственные нужды» или по формальному признанию здания «ветхим», что нередко является способом выселить людей, иногда без предоставления альтернативного жилья или с выплатой неравнозначной компенсации;

9 отказ признавать различные права отдельных категорий жителей (в частности, жителей, постоянно проживающих в общежитиях, или беженцев и других категорий без определенного жилищного статуса; эти категории лишены даже тех ничтожных прав, которые признаны за обычными жителями, и стоят первыми в очереди на выселение).

Другими словами, чтобы обеспечить свободу действий пользующемуся поддержкой со стороны федеральных и местных властей строительному лобби, реформы ставят под вопрос права и гарантии жителей – как собственников, так и квартиросъемщиков.

Реформы в России имели разрушительные последствия еще и в силу

того, что население было к ним не готово: люди привыкли к тому, что жилищная сфера – предмет заботы государства. Необходимо время – так происходило и с приватизацией предприятий в 90-е годы, – чтобы жители избавились от своих иллюзий относительно патернализма государства, ведь многие и сегодня еще свято верят в «старые знакомые ЖЭКи» (которых уже не существует) или в то, что государство предоставит им квартиры. В этом состоит главное препятствие на пути активизации людей в защиту своих жилищных прав. Власть и приближенные к власти бизнесмены умело играют на патерналистских ожиданиях граждан, создавая видимость заботы о них: якобы государство регулирует тарифы, ЖЭКи сражаются за благополучие жителей, а мэрии не передают эксплуатацию домов сомнительным управляющим компаниям. Всю эту риторику тиражируют СМИ.

До начала реформ, по оценкам депутата Госдумы РФ Олега Шеина, общий размер платежей за ЖКУ в России составлял около 3 триллионов рублей в год, и именно за эти деньги сегодня сражаются управляющие компании. ЖКХ – прекрасный источник легких денег для окол властных структур, ведь жители уже «привыкли» к тому, что за ЖКУ надо платить (иначе свет, тепло и т. п. отключат, а то и выселят) и не получать взамен соответствующих услуг. Более того, предметом интереса являются не только жилищно-коммунальные деньги, а также и привилегия управлять домами и землей, то есть зарабатывать на этом. Так как ставки очень высоки, жители постоянно сталкиваются с серьезным давлением со стороны заинтересованных структур – их пытаются «обмануть», «ободрать», у них хотят «украсть» и «продать» их собственность (слова активистов). Фальсификации голосований, «подтасовки» публичных слушаний, «компромат» на активистов, бандитские нападения, поджоги, подкуп, запрет на сборы, задержания – в ход идет буквально все, вплоть до избиений.

Все больше и больше возмущенных наглым «беспределом» людей начинают бороться за свои права, и в первую очередь противостоять ухудшению своего жилищного положения и среды обитания. Именно здесь происходит самый бурный рост гражданских инициатив.

Проводимые реформы являются многосторонними и масштабными, в силу этого жилищное движение также представлено разнообразно и фрагментированно – как по темам, так и по регионам, городам и даже по районам. Фрагментация объясняется тем, что люди в первую очередь защищают среду обитания, которая находится в непосредственной близости, и

именно опыт коллективных действий в близкой среде помогает им более широко понимать собственные проблемы.

Движение против повышения тарифов и плохой работы коммунальных служб (коммунальное движение). Цены на ЖКУ начали расти с 1993 года, однако темп их роста отличался от темпа инфляции в целом. С начала 2000-х рост тарифов стал опережать средний уровень инфляции и оплата ЖКУ превратилась в существенную и ощутимую статью расхода в бюджете малообеспеченных семей.

Некоторые из региональных властей утратили чувство меры и повысили тарифы на 200 и выше процентов, что стало причиной бунтов местного населения (например, в Воронеже в 2002 году). В 2005 году тарифы в очередной раз были повышены в среднем по стране на 35%, что вкупе с монетизацией льгот еще больше усугубило бедственное материальное положение населения и вызвало недовольство существенной его части. Поэтому в конце 2005 года законом №210 было установлено минимальное государственное регулирование тарифов на коммунальные услуги (электрооснабжение, тепло). Теперь тарифы растут в рамках «предельных индексов» (в 2006 году – в среднем на 20–25%, в 2007-м – на 10-15% и в 2008-м – на 15–20%), однако этот рост все еще выше, чем средний по стране уровень инфляции. В 2009 году государство прекратило регулировать тарифы и коммунальные компании получили практически полную свободу в определении их размеров. В условиях кризиса, когда снизились доходы большинства населения, повышение тарифов (в среднем на 25%) вызвало резкое недовольство, которое стало причиной настолько массовых уличных выступлений, что правительство РФ было вынуждено временно сохранить «предельные уровни тарифов».

В условиях, когда государство почти отказалось от регулирования тарифов, монополисты-коммунальщики (в частности, «Газпром», теплосети и электрокомпании) диктуют цены, это объясняет «экономическую необоснованность» тарифов, против которой протестуют жители. Монополизм коммунальных структур, их финансовая непрозрачность в сочетании с коррумпированностью власти стали причинами, вследствие которых тарифы оказались существенно выше себестоимости. Кроме того, начиная с 2005 года появилась новая проблема – разворовывание средств ЖКХ фирмами-посредниками. Ситуация усугубляется еще и тем, что с 1

января 2009 года стартовала полная монетизация льгот по оплате ЖКУ, которая без твердого финансового обеспечения может стать причиной крупных конфликтов и скандалов (первые признаки этого уже заметны, например, в Астрахани). Отныне льготы по оплате отопления, квартплаты и электроэнергии пенсионеры будут получать в денежном виде, а коммунальным компаниям они будут обязаны платить 100 процентов стоимости услуг.

Таким образом, большая часть населения ощущает на себе бремя тарифов, и в первую очередь пенсионеры, жители малых городов или жители, уже попавшие в сети управляющих компаний. Протестные выступления против роста тарифов происходят, как правило, в начале года, после того как жители получают новые счета.

До недавнего времени для того, чтобы оспорить «экономическую обоснованность» тарифов в суде (например, в 2004 году в Мурманске было выиграно дело против мэрии, тогда суд постановил отменить незаконное распоряжение городских властей о повышении тарифов), активные жители использовали несовершенство законодательства. Но с реформой законодательства эра судебной практики завершилась, и теперь жители бессильны использовать закон в борьбе с коммунальщиками и произволом местных властей. Остается лишь один путь – массовые акции протеста.

В начале 2005-го, а также в начале 2006 года уличные выступления, начинавшиеся стихийно (хоть и в рамках акций, объявленных КППРФ) и часто заканчивавшиеся перекрытием дорог; прошли в ряде крупных городов – например, в Благовещенске, Липецке, Ульяновске, Екатеринбурге, Воронеже, а также и во множестве малых городов. В ряде случаев, проводя акции повторно, люди добились пересмотра решения городских властей.

Затем протест – по крайней мере инициированный снизу – на некоторое время стих, во многом по причине установления минимального государственного регулирования тарифов, и стал исключительным делом политических оппозиционных организаций, в первую очередь КППРФ. Так, в феврале 2007 года прошла организованная КППРФ Всероссийская акция протеста против повышения тарифов на ЖКХ. В ряде регионов на совместную с коммунистами акцию вышли «Яблоко», ОГФ и другие. Среди лозунгов – не только протест против тарифов, но и требование отмены Жилищного кодекса, восстановления льгот и повышения пенсий. По инициативе КППРФ в резолюции митингов также было включено требование

нормализации отношений с «братской Беларусью». Наиболее многолюдные акции, по данным организаторов, прошли в Красноярске (5000), Хабаровске (1500), Омске (1000), Ижевске (1000) и Владимире (800). На митинге в Хабаровске был поднят лозунг отставки правительства России.

В начале 2009 года очередной скачок тарифов, а также последствия мирового финансового кризиса всколыхнули новую волну протеста против роста цен (на ЖКУ, но также на общественный транспорт и на продукты питания). В марте-апреле 2009 года прошли общероссийские дни протеста, организованные КППРФ, с одной стороны, и Союзом координационных советов (СКС), с другой. Кроме того, для борьбы с завышенными тарифами создаются городские движения, например, в подмосковном Клину (где 21 и 22 марта 2009 года прошли многотысячные «несанкционированные» митинги) было образовано движение «Согласие и правда». В качестве общего обозначилось требование к правительству РФ о введении моратория на рост тарифов во время кризиса.

Самые массовые уличные акции прошли в начале 2010 года, знаковым событием стало проведение 10-тысячного митинга 30 января 2010 года в Калининграде. Однако повышение тарифов на ЖКУ – это только одна из многих тем, которые вызвали возмущение людей и заставили их выйти на центральные площади городов, протестуя против «чиновнического произвола» и «ограбления народа» властной верхушкой.

Проблема роста тарифов тесно связана с плохим качеством работы коммунальщиков. Отключения тепла и электричества нередко вызывают массовые протесты, особенно если они затрагивают большое количество людей. Самые крупные проблемы с коммунальщиками являются следствием жилищной реформы, которая породила многочисленных посредников между поставщиками услуг и жителями и стала причиной взаимных неплатежей между разными агентами. Поэтому проблема ЖКХ особенно остро обозначилась начиная с 2008 года.

Из всех акций, посвященных работе коммунальных служб, наиболее массовыми были выступления в Дагестане. В столице Дагестана Махачкале в течение всего 2008 года протестовали против постоянных отключений электроэнергии и газа, поднимались и другие коммунальные вопросы. При этом в отличие от других регионов России жители Махачкалы сразу прибегают к радикальным мерам – перекрывают проспекты и главные улицы. Перекрытия происходили 11 января, 23 января, 23 мая, 14 октября

и 10 ноября и носили массовый характер – в них участвовало от нескольких сотен до тысячи человек. В течение года дороги перекрывали и в других городах республики. Однако проблемы так и остались нерешенными.

Можно привести и более частные примеры. Около 200 жителей Сочи 2 сентября перекрыли улицу Красноармейская с требованием восстановить энергоснабжение в их домах. Электричество отключили 31 августа, объяснив это аварией с повреждением кабеля. Срочно прибывшие к митингующим заместитель мэра и представители «Сочинских электросетей» пообещали восстановить энергоснабжение до конца дня.

На акции, проходившей в Саратове 3 октября 2008 года, около 400 человек протестовали против незаконно выставленных ТСЖ корректировок на свет, воду и отопление и стихийно перекрыли шоссе. Осенью в нескольких российских городах прошли акции против плохого отопления жилья, отсутствия электричества и прочих неудобств. В частности, акции прошли в Северске (Томская область), Петербурге, городах Ленинградской области.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что о коммунальном движении можно говорить только условно, поскольку из всех движений жителей оно наиболее слабо структурировано, больше прочих инструментализировано и в наименьшей мере опирается на самоуправляющиеся гражданские инициативы. Имеется в виду, что недовольство тарифами – это скорее фоновая ситуация, которую те или иные оппозиционные партии используют для привлечения людей на свои митинги. Несомненно, иногда случается стихийный всплеск протеста или партийная организационная помощь удачно сочетается со стихийным протестом, но их результатом крайне редко становится целенаправленная кампания или образование самостоятельных низовых гражданских структур.

Хотя есть и исключения. Например, в Воронеже в 2002 году массовые протестные акции привели к созданию штаба протестных действий и сопровождались политической и судебной борьбой за пересмотр и перерасчет тарифов (что было достигнуто). Также в рамках некоторых городских координационных советов образовались комитеты по ЖКХ, где группы активистов (как правило, пенсионеры) отслеживают ситуацию и контролируют тарифы. Но в целом одноразовые акции протеста, как правило, не оформляются в структурированное движение ни на городском, ни тем более на межрегиональном уровне.

Кроме того, основная часть участников этих акций – люди, ощущающие себя беспомощными, которые приходят выразить свой гнев властям, чтобы государство повернулось к ним лицом. Это типичный электорат КПРФ (пожилые, государственники, склонные к делегированию своей власти). Как правило, активность большинства из них ограничивается участием в одноразовых митингах. Мало кто из них у себя дома пытается хоть как-то контролировать качество коммунальных услуг (это по законодательству возможно), цены на них (контролируя управление домом), вникать в тарифы, избавиться хотя бы от лишних посредников и организовать оплату так, чтобы она поступала напрямую коммунащикам. На митингах редко звучат конкретные предложения о том, как реформировать ЖКХ, чтобы коммунальные услуги предоставлялись хорошего качества и по доступным ценам.

Приведем в качестве контрпримера человека, принимавшего участие в митинге против роста тарифов на ЖКХ в Новосибирске в марте 2006 года. Он – старший по дому и, по его собственному утверждению, «занимается вопросами ЖКХ и оплаты уже много лет». Он активно ищет информацию (в газетах и по Интернету) о реформе ЖКХ и считает, что реформа «нужна», но не в том виде, в каком ее предлагает правительство. Реформа необходима, чтобы люди могли «экономить», например, ставя счетчики тепла. Этот человек пришел на акцию, так как считал, что повышение тарифов необоснованно и является результатом «махинации монополистов».

Он очень серьезно подходит к этому вопросу: «Я хочу понять, из чего складываются эти тарифы. Почему они не могут быть прозрачными. Почему не могут расписать, сколько в этих тарифах работы человека, сколько заложено зарплаты чиновников в ЖЭУ или в Москве, сколько аренды, где заложена какая техника?»

Он пессимистически оценивает эффективность митинга: «От такой акции не много будет проку. <...> Да власть просто посмотрит на это, посмеется – и все. Это неэффективно. Поэтому и акцию-то разрешили только на отшибе. <...> Эти митинги – только для красоты. Потому что руководители этих митингов не могут сделать ничего лишнего. Они не могут себе многого позволить. Они боятся за себя».

Сам он мыслит категориями эффективности, поэтому предлагает соответствующие меры: «Для того чтобы был эффект, перекрывать надо основные магистрали. И надо, чтобы приходили массы. Вот в Новосибирске 1,5

миллиона. Наверное, тысяч 500 сидящих дома детей, бабушек и дедушек. Ну, вышли бы они на улицу, только без всяких там партийных руководителей, которых подставлять нельзя, перекрыли бы Транссибирскую магистраль, автомобильную дорогу. Вот и весь вопрос. Тогда и толк будет».

Таких, как он – тех, кто критикует формат митингов за их неэффективность и формальный характер, – довольно много. И многие предпочитают изучать тарифы ЖКХ у себя дома, бороться в одиночку (мы встречали немало таких одиночных борцов, которые вечно судятся с коммунальщиками, для того чтобы снизить оплату для себя лично).

Но герой нашего повествования отличается от остальных тем, что нацелен на коллективные действия: «Я всегда хожу на такие акции и в доме своем объясняю людям, что бессмысленно возмущаться, сидя у телевизора <...>. Наши же люди нецивилизованы. Законов они не понимают. Почему во Франции чуть бензин подорожал – автомобилисты встали по всей стране. Почему мы сегодня не можем сделать то же самое? Это еще целому поколению надо будет учиться. А у нас народ привык до последнего прогибаться, жить на хлебе и воде».

Критичная оценка митинга нашим героем нам кажется наиболее существенной – это не только абстрактные слова обывателей, любителей дать умные советы и при этом ничего не делать или действовать эгоистично. Поэтому в оценке движения против роста тарифов мы склонны опираться на его мнение – это скорее одноразовые акции, организованные политическими партиями, чтобы выпустить пар, а не добиться результатов.

Это тем более верно, так как организаторы этих митингов все еще, по словам нашего собеседника, «не занимаются чем-то постоянно», то есть не реализуют последовательную кампанию, а «время от времени зарабатывают очки». Однако, несмотря на это, а также на то, что он понимает зависимость КПРФ, которая не может себе позволить резкие поступки («если бы лидеры компартии призвали перекрыть дорогу, им завтра голову бы открыли»), он приходит на эти митинги и агитирует людей участвовать в них.

Более того, он пытается делать все, что от него зависит, чтобы ситуация изменилась, и причем не только у себя дома. Он пытается создать в своем доме ТСЖ («и это очень нелегко сделать»), информировать людей («Я на собраниях по проблеме ТСЖ всегда выступаю, рассказываю о возможностях, которые у нас есть...»), делиться опытом (он бывший строитель, навыки какие-то есть).

Мы неспроста так долго рассказывали об этом жилищном активисте. На наш взгляд, его деятельность содержит больше признаков общественной активности, чем многие одноразовые митинги. С другой стороны, то, что он ходит на эти митинги, все же показывает, что они бы могли (и иногда могут) стать местом кристаллизации долгосрочных и самоуправляющихся гражданских структур.

Движение жителей общежитий. Именно так себя называют жители общежитий, активно борющиеся за право на жилье. Этот термин – однозначно не социологический конструкт, а знамя активных жителей общаг.

Об этом движении тем более можно говорить, так как оно представляет собой одно из наиболее хорошо структурированных движений, объединяющих людей с общими целями, общей судьбой и жизненными условиями. Отметим, что это движение выросло из сетевых взаимоотношений между самоорганизующимися домовыми комитетами, которые осознали необходимость объединения для признания своего существования на федеральном уровне.

«Ноги» этой проблемы «растут» из нарушения законов о приватизации предприятий начала-середины 1990-х годов. Новые владельцы заводов были обязаны передавать жилой сектор на баланс муниципалитетов, но вместо этого многие включали его в уставной капитал компаний. Зачастую вместе с предприятиями были приватизированы и общежития, несмотря на то что в них жили люди, не имевшие другого жилья. Новый Жилищный кодекс еще больше усугубил и без того тяжелое положение жителей общежитий: в нем просто-напросто забыли о существовании такой категории граждан, как люди, постоянно проживающие в общежитиях (а это более 2,5 миллиона). В результате общежитские оказались «персонами нон-грата». После вступления в силу в марте 2005 года нового Жилищного кодекса жители общежитий начали требовать признать свои права на жилье – то есть предоставить им право приватизировать свои комнаты или заключить договор социального найма. По их словам, они просто требуют признать за ними те же права, что есть у обычных жителей.

Для них это тем более важно, поскольку они как самая уязвимая категория граждан (без четкого правового статуса, многие – малообеспеченные семьи, многие – беженцы) больше других подвергаются угрозе принудительного выселения. Мы зафиксировали множество случаев, когда

частные владельцы зданий и государство пытаются выселить жителей общежитий (насилованным образом, даже без решения суда), уплотнить их (заселить в одну комнату несколько семей) или ввести оплату за жилье в несколько раз выше, чем обычно.

Произвол собственников общежитий стал причиной быстрой активизации жителей. В первую очередь они организовали комитеты, чтобы оказать коллективное сопротивление попыткам выселения, отменить установленный собственником пропускной режим и не платить безумные деньги за ЖКУ.

Большую роль в мобилизации сыграла и вопиющая несправедливость ситуации: новое законодательство не только отрицает наличие прав у жильцов общежитий, но и сами они как люди не существуют. «Мы вообще бесправны», – возмущались жители общежитий на своих сходах. «Нас вообще нет в Жилищном кодексе», «Нас продали вместе с домом», «Мы новые крепостные», «Нас нет даже на бумаге – написано, что дом не обременен жильцами».

Стоит также подчеркнуть, что само устройство жизни в общежитиях уже предполагает коллективность – большинство постоянных жителей годами жили вместе, нередко вместе работали. Даже если во многих общежитиях некоторые комнаты и приспособили для жизни отдельных семей (особенно в семейных общежитиях), сохранились места общего пользования и система дежурства по этажам. В таких условиях создать комитеты по этажам, подъездам, а далее по дому – несложная задача, особенно если это жизненная необходимость. Ячейки самоорганизации, как правило, создаются сначала по инициативе нескольких подвижников, затем информация распространяется и в ячейку вступает большое количество членов.

Правда, когда приходят милиционеры или бандиты во главе с комендантом общежития, чтобы начать выселение, активно им противодействует лишь меньшинство. Другие либо демонстрируют пассивность в надежде на то, что их лояльность будет вознаграждена, либо оказывают сильную помощь – сидят с детьми активных жительниц или готовят еду для «бойцов». Но несмотря на это, взаимопонимание и взаимная поддержка в общежитиях все же выше, чем в многоквартирных домах.

Самую большую активность общежитские проявили в 2005–2006 годах, когда собственники почувствовали, что законодательство и местные власти позволяют выселять людей из общежитий, и начали усиленно вы-

теснять жителей из их домов, с тем чтобы превратить их в гостиницы.

Первым делом общежития одного города начинали сотрудничать между собой. Как правило, когда одна общежитская группа активно заявляла о себе (сначала кампанией в прессе, небольшими пикетами, акциями прямого сопротивления), другие общежития узнавали об этом и выходили на контакт. На этом этапе подключались и некоторые группы более опытных активистов – либо от партий (в частности, левые маленькие группировки, но где-то и «Родина», РКРП и КПРФ), либо от городских координационных комитетов, созданных на волне протеста против монетизации. Эти активисты принесли организационную и – довольно часто – квалифицированную юридическую помощь. В результате образовалось множество городских движений жителей общежитий – в Перми это «Пермские общаги», в Омске – Совет жителей общежитий, в Москве – Движение общежитий Москвы и Подмосковья (ДОМ), в Ижевске – «Ижевские общаги».

Городские движения за короткий срок наладили между собой связи – посредством Интернета, телефона, проведения межрегиональных встреч и конференций. Иногда жители общежитий узнавали о ведущейся борьбе за их права из сообщений СМИ. Например, битва между жителями и новыми «собственниками» (УФСИН) московского общежития в Ясном проезде¹ освещалась СМИ достаточно широко, после этого лидер совета дома получила десятки звонков со всего города и из других регионов.

В июле 2006 года в рамках Российского социального форума в Санкт-Петербурге было создано Всероссийское движение жителей общежитий. В общее движение тогда вошли представители более десяти городов – Москвы, Ижевска, Перми, Санкт-Петербурга, Ярославля, Кирова, Череповца, Нефтеюганска, Томска, Чебоксар, Ханты-Мансийска и других. Теперь стало возможным проведение общероссийских кампаний за признание статуса жителей общежитий на уровне федеральной власти и подтверждение статуса в законодательстве. С этой целью в 2006 году прошли две всероссийские акции протеста движения жителей общежитий (5 марта и 30 сентября), в которых приняли участие десятки городов (в каждом городе в акциях участвовали от 100 до 500 человек). Требования были общими – право на приватизацию комнат и передача общежитий в ведение города.

Упорное сопротивление жителей общежитий, которые непрерывно вели общественные кампании, обращались во все инстанции, дало результаты. К концу 2005 года высокие представители власти были вынуж-

дены признать существование проблемы, и к концу 2006 года (7 июня) жителям удалось добиться того, что Верховный суд вынес решение в пользу проживающих в муниципальных общежитиях и узаконил приватизацию жильцами своих комнат.

Эта (частичная, так как еще не все проблемы решены) победа облегчила судебную борьбу. Увеличилось число выигранных дел по заключению договоров социального найма или бесплатной приватизации занимаемой жилплощади. Однако суды – этот огромный груз, который активные жители общежитий взваливают на свои плечи, иногда им помогают профессиональные юристы или юристы-самоучки (компетентные активисты, которые получили опыт на практике). Чтобы отстоять свои права, жильцам приходится штудировать законы, постигать все нюансы судебной практики и приобретать квалификацию, близкую к профессиональной. Выиграть суд можно лишь в том случае, если иск составлен безупречно грамотно, кроме того, суды низшей инстанции часто продолжают отказывать жильцам в удовлетворении их исков и им приходится подавать многочисленные кассационные жалобы.

Общежитские пытаются влиять и на само законодательство. Так, некоторые из их требований (в частности, признание права на приватизацию занимаемой жилой площади и запрет на выселение при смене собственников) были включены в поправки к Жилищному кодексу, внесенные депутатами Госдумы, сотрудничающими с жилищными активистами (в частности, Олегом Шеиным и Галиной Хованской). Принятие этих поправок входит в список требований, которые жители общежитий озвучивают на акциях протеста. Однако эти поправки блокируются «Единой Россией» (они были приняты в первом чтении в июне 2006-го и до сих пор «дорабатываются»).

Подводя итог, еще раз отметим сплоченность участников этого движения. Несмотря на то что одни из них живут в муниципальных общежитиях, другие – в частных, третьи – в федеральных или даже «бесхозных», и несмотря на то что они принадлежат к разным социальным категориям – есть более благополучные, есть матери-одиночки, есть беженцы, – они единым фронтом встают на защиту всех жителей общежитий. Например, в упомянутом случае конфликта в Ясном проезде в Москве активистки (большинство из них – женщины) совета дома четко заявляют, что берут под свою защиту беженцев (которых первыми пытаются выселить), и дей-

ствуют соответствующим образом. Так, в июне 2008 года, когда сотрудники УФСИН в очередной раз пришли выселять беженцев, активисты совета дома при поддержке активистов левых движений и движения общежитий Москвы держали оборону двое суток. В ходе этих событий было избито множество жителей (включая детей) и несколько журналистов. Милиция находилась рядом, но не препятствовала действиям УФСИН. Выселения большинства беженцев удалось не допустить.

Жители общежитий помогают друг другу советами и приходят друг другу на помощь, обмениваются тактиками действий, делятся опытом. Инициативные группы из разных городов контактируют между собой, обмениваются информацией, оказывают друг другу юридическую и солидарную помощь. Благодаря этому, а также поддержке со стороны групп активистов (в основном правозащитников и левых молодежных организаций) движение жителей общежитий добилося существенных успехов как в судах, так в политической борьбе.

Чувство сплоченности и общности также проявляется и в интервью с жителями. Общежитские склонны называть друг друга «братьями по несчастью». Они чувствуют себя «бесправными», «обделенными», «крепостными» людьми и поэтому единственный выход видят в объединении: «Таких униженных и оскорбленных, как мы, очень много в нашей стране. Очень много. Поэтому нам нужно объединяться. Нужно искать их. Если они сами не отзываются, не идут на контакт, нужно их искать и поднимать на борьбу за свои права. Потому что люди в основном запуганы и забиты, совершенно не знают своих прав и думают, что с ними можно делать все, что угодно. Нужно им объяснить, что они все-таки люди в этой стране, полноправные члены нашего общества».

Среди мотиваций, которые приводят участницы движения, они выделяют два мотива.

Первый – борьба за детей.

«Когда я столкнулась с тем, что в нашем общежитии есть дети, которым никто не помогает, сидеть так просто я не смогла».

«Для себя я трусливая, но за своих детей глотку перегрызу и за соседних – они все наши, они на глазах росли».

«Этим занимаюсь, чтобы у детей была нормальная жизнь».

Второй мотив – защита своего достоинства, реакция на несправие, насилие и бесчеловечное отношение к себе.

«Я подключилась, когда увидела, как стояли на пропускном пункте нашем с дубинками, у меня детей остановили. Меня отправили за пропуском, а они у меня стояли, маленькие, 10 лет мальчишке. И мне страшно за них, что они будут жить в этом мире и с этими семьями, если они сюда заселятся. Ну и уже пришлось подключаться, пришлось начинать бороться».

«Хотелось бы ничем этим не заниматься, хотелось бы просто жить своей семьей, своей личной жизнью, но нет другого выхода. Иначе тебя задавят, иначе ты просто не человек, тебя не считают человеком, начиная с нашего коменданта и дальше. О тебя вытирают ноги. Ну и приходится изучать законы, приходится куда-то ходить, набирать опыт, учиться разговаривать с людьми, учиться себя чувствовать полноправным хозяином жизни, учиться требовать чего-то и думать, что у тебя все-таки есть какие-то права, а не только обязанности. Конечно, получаешь большое удовлетворение, потому что ты чувствуешь, что в конце концов что-то можешь в этой жизни, что можешь что-то делать и для себя, и для других. И это, конечно, приятно».

Последняя цитата наглядно иллюстрирует то, как человек, возмущенный беспределом собственников, начинает борьбу, защищая себя и свою семью от выселения, и как, отстаивая свои права, он приобретает самоуважение, юридическую грамотность, способность влиять на свою жизнь, одерживать победу над более ресурсными оппонентами, считающими, что им все позволено.

Именно так выделяются лидеры – они все лучше выступают перед журналистами и чиновниками, становятся специалистами по жилищному законодательству. И, по словам многих из них, общественная деятельность становится наркотиком – она дает статус, положение в обществе, возможность общаться с широким кругом людей, известность, публичность (постоянно раздаются звонки от активистов и журналистов, известные правозащитники и чиновники начинают общаться с ними на равных).

Заметим, что в процессе активизации жителей общежитий довольно большую роль играет поддержка извне. Поскольку жители считают себя малограмотными и малозначимыми, любая помощь – будь то помощь партий, более опытных активистов, правозащитников или журналистов – приобретает огромное значение.

«Это очень важно, потому что это большая поддержка. Мы, наверное, не смогли бы ничего делать без этой поддержки. То есть поддержка тех

людей, к которым в общем-то прислушиваются. Правозащитники, депутаты, помощники депутатов – те, кто имеет какой-то вес в нашем государстве. Так бы нас, наверное, и не заметили».

«Роль организации (которая нам помогает) – донести до нас, неразумных, хоть какую-то информацию, сделать так, чтобы каждый мог защитить свое право. Мы же – как беззащитные котята. Всего боимся, не умеем себя защищать. Даже заявление в суд страшно отнести – думаешь, а вдруг не примут. А они вселяют уверенность в себе».

То есть большое значение имеет не только практическая помощь (материальная, юридическая), но еще и моральная поддержка. При этом политическая составляющая – второстепенна.

«Какая разница, кто нам помогает».

«О политической организации сказать ничего не могу, я просто могу сказать по поводу этого человека, который нам хорошо помогает».

Но внешние помощники не могут заменить ни активистское сообщество внутри дома, ни доморожденных лидеров. От взаимоотношений между лидерами и рядовыми жителями зависит в первую очередь мобилизационный потенциал дома. Наивысший потенциал наблюдается там, где лидеры много общаются с жителями, проводят агитацию и постоянно информируют их об активистской деятельности. Несомненно, авторитет лидера тем выше, чем более он общителен и менее «оторван» от других жителей. Кстати, на проблему угрозы «оторванности» лидера от остальных жителей указывали многие активисты: часто бывает так, что, став лидером, человек вдруг растворяется в судах, телепередачах и прочих престижных местах и становится лидером-одиночкой.

В целом внутренняя среда активных жителей общежитий является высокосолидарной, но все же есть исключения, о которых необходимо рассказать.

Например, движение жителей общежитий Санкт-Петербурга достаточно быстро раскололось из-за «несовместимости» двух лидеров. Один из них – очень сильная личность – явно считал себя единоличным лидером и не допускал существования альтернативных своему мнению и инициатив. Этот человек был сторонником радикальных и демонстративных акций, сотрудничал с сомнительными патриотическими организациями. Другой лидер – женщина, более мягкая по характеру, она одобряла такой стиль лидерства и делала ставку на судебные иски и кропотливую активистскую

работу, сотрудничала с Движением гражданских инициатив. В результате сегодня питерское движение достаточно слабо и раздроблено.

Можно привести другой пример. В Москве нашлись жители общежитий, которые все еще надеялись получить квартиры из муниципального фонда и считали, что бороться за приватизацию «комнатушки» в общежитии – неправильный путь.

(Отметим, что такие иллюзии до сих пор свойственны в основном москвичам, в регионах о получении муниципальной квартиры люди давно уже забыли).

Две женщины, твердо убежденные, что им положена квартира, начали вносить раздор в ряды Движения общежитий Москвы (ДОМ). К делу сразу же (это происходило в 2006 году) подключились активисты ОГФ Каспарова, которые помогли этим женщинам создать некий «Комитет защиты детей, проживающих в общежитиях Москвы и Московской области» (он просуществовал недолго). Далее активисты этого комитета на акциях ДОМ стали распространять листовки, в которых они называли ДОМ «provokatorom», «вводящим жителей в заблуждение», организовывать контртракции и распространять слухи о недобросовестности лидеров ДОМ.

ДОМ выпустило публичное заявление о «провокации ОГФ», в котором говорилось:

«Мы прекрасно осведомлены, кто и для чего ведет подобную пропаганду. Дело в том, что в последние несколько месяцев в различных регионах страны активисты Объединенного гражданского фронта ведут агрессивную кампанию, направленную на подчинение этому так называемому «фронту» различных протестных структур, инициативных групп жильцов, координационных советов и т. п. <...> Методы, которые использует ОГФ для достижения своей цели, – это интриги, провокации, попытки внести раскол в существующие протестные структуры, а зачастую откровенный материальный подкуп. Когда ОГФ не может заполучить в орбиту своего влияния какую-либо организацию целиком, делается попытка отколоть от нее хоть «кусочек». Именно эту тактику применил ОГФ в отношении нашего движения. Поскольку ОГФ, видимо, было известно, что мы не желаем входить в недавно созданный «Временный городской гражданский Совет Москвы» (ВГГС) и сотрудничать с ним, ставка была сделана на двух женщин из общежитий, которые ввиду полной юридической неграмотности, неадекватности и склонности к конфлик-

там выступили против поправок Хованской и на этой почве разошлись с Движением общежитий Москвы и Московской области».

С 2007 года, после того как были достигнуты первые успехи, наблюдается некоторая демобилизация жителей тех общежитий, в которых проблема отчасти решена, однако в движении, как правило, остается активистское ядро. Кроме того, к движению подключаются новые общежития в Москве (сейчас в основном это ведомственные и незаконно приватизированные общежития), а также в городах, ранее не участвовавших в движении (например, Киров, Жуковский, Тольятти, Новосибирск, Томск и другие). Более опытные жители делятся информацией, опытом, дают юридические и другие консультации и советы. В настоящее время в качестве инструмента борьбы преобладают «точечные» акции протеста возле того или иного проблемного общежития (в том числе и довольно радикальные выступления в случае угрозы выселения, такие как блокады дорог, «захваты» кабинетов чиновников, голодовки), общегородские митинги и пикеты. На общегосударственном уровне проблема частично решена (несмотря на то, что до сих пор не приняты поправки к Жилищному кодексу и статус жителей общежития не признан), и поэтому на первый план выходит борьба с собственниками или с местной властью.

Движение жителей общежитий показало, что оно может включиться в общероссийские кампании в защиту жилищных и социальных прав; общежитские активисты проявляют солидарность с другими движениями и могут выйти вместе с ними на улицы под общими лозунгами о социальной справедливости, а не только со своими требованиями. Например, в «День народного гнева» 25 октября 2008 года, который проходил под общим лозунгом «Власть – под общественный контроль!», общежитские движения массово вышли на общегородские митинги, в частности в Перми, Кирове, Ижевске, Уфе.

Движение обманутых соинвесторов. «Обманутые соинвесторы» (или дольщики) – так себя называли люди, обманутые строительными пирамидами. Это сотни тысяч человек, которые передали все свои сбережения преступным строительным фирмам или фондам и потеряли их после приостановки строительства. В итоге они оказались без новой квартиры, без другого жилья (старое, если оно имелось, они, как правило, уже про-

дали) и без сбережений. У всех в руках договор со строительной фирмой, нередко положительные решения суда, а в голове – уверенность в том, что власть – местная или федеральная – несет ответственность за сложившуюся ситуацию.

Причина данной проблемы коренится в курсе на либерализацию строительной отрасли. Отказ государства от контроля над деятельностью строительных компаний стал причиной многочисленных авантюр в сфере жилищного строительства, организованного по принципу соинвестирования строительства будущими владельцами квартир. В 2000-е годы в стране появилось несколько сотен тысяч обманутых соинвесторов – людей, вложивших все свои накопления в компании, которые обещали построить им квартиры и обанкротились на начальном этапе строительства. Очевидно, что во многих случаях это была преднамеренная афера. Соинвесторы требуют от государства дать им жилье или предоставить льготы надежным строительным компаниям, чтобы заинтересовать те в достройке домов, в которых находятся квартиры соинвесторов.

Общим для всех жертв этого мошенничества является чувство отчаяния. Люди в один момент потеряли и свое жилье, и надежду на новое жилье, а шаги, предпринятые для восстановления справедливости – письма, обращения, судебные иски, – не привели к какому-либо результату. От властей приходят «отписки»; решения судов, даже положительные, не исполняются. Многие пострадавшие готовы предпринимать отчаянные меры, вплоть до голодовки.

Приведем некоторые цитаты:

«Мы готовы голодать до победного конца. У нас выбора нет, нам терять нечего, нам жить негде. Люди продали квартиры, вложили деньги, то есть снимают квартиры. А я живу вообще в бараке» (житель Смоленска, участник голодовки в Москве 25 сентября 2006 года).

«Нам ничего не остается, как идти на голодовки, потому что в эти стройки вложен кусок жизни каждого человека! 5, 10, 15 лет. Я 14 лет вложил в это! Я 14 лет работал, получается, бесплатно, просто для того, чтобы эти деньги украли. Я с этим до конца моей жизни не смогу смириться» (житель Белгорода, участник голодовки 25 сентября 2006 года).

«Люди издерганы. Вот у нас, например, одна женщина заболела сахарным диабетом на этой почве. Есть суициды. Понимаете, люди умирают от инфаркта. Молодежь ссорится. Ну, не знаю. Это очень трудно. Мы не

можем ни работать, ни жить нормально» (участница митинга в Москве 16 мая 2006 года).

С самого начала люди самоорганизовались достаточно эффективно и быстро. Как только стало понятно, что строительство остановлено, люди начали собирать информацию. Самые инициативные из них достали списки вкладчиков своего объекта и всех обзвонили. Жертвами аферы стали многие молодые люди и представители так называемого среднего класса, то есть те, кто имел возможность, накопив деньги, купить квартиру, и у большинства из них был доступ к Интернету. Во многом через Интернет люди налаживали контакты друг с другом: сначала жертвы одного и того же строительного проекта, чтобы создать инициативную группу, затем – инициативные группы города, чтобы поднять вопрос на городском и далее на региональном уровне. Часто коалиции создавались по принципу принадлежности недостроенного объекта к той или иной инвестиционной компании, чтобы эффективнее бороться с единым оппонентом.

Рассказывают сами участники.

«Мы сами организовались. Просто очень сложно, когда ты один. Идешь к юристам, нанимаешь адвоката, который берет деньги и ничего не делает. Есть две категории адвокатов – которые берут деньги и ничего не делают и которые берут очень большие деньги (смеется) и как бы...»

«Ну, как-то начали по Интернету общаться. Потом назначали какие-то встречи, и в конечном итоге это переросло в такое движение. Потому что по одному мы вообще не можем пробить эту стену. Когда приходишь один, с тобой даже не хотят общаться, когда приходят двое, уже как-то более или менее слушают. А когда приходит группа и мы говорим, что мы – инициативная группа, тогда уже что-то невнятно начинают отвечать».

«Ну, мы такие же вкладчики. Теперь мы все друзья, теперь мы знаем, кто с кем должен будет жить рядом. Мы просто люди, которые более инициативные. И мы объединили, в частности, свой дом, единственный дом, который стоит и видит, что он без окон, без дверей. Потом потянули остальных вкладчиков. Вот сейчас мы выступаем единым фронтом».

Движение обманутых соинвесторов получило широкое освещение в СМИ, тем более что нередко среди жертв оказывались сами журналисты или их знакомые. Интерес СМИ к этой проблеме дал активистам преимущество – им было проще собрать людей в одно движение, поднять вопрос

до федерального уровня и огласить свои претензии.

Таким образом, решающим мотивом для объединения стало осознание ограниченности своих индивидуальных возможностей (тем более перед «стеной союза чиновников и бизнеса») и стремление усилить свои позиции. Важную роль в установлении контактов сыграл Интернет: многие инициативные группы имели свой сайт, на котором люди смогли получить соответствующую информацию и найти контакты. С 2006 по 2008 год также существовал сайт специально созданного информационного агентства «Открытое письмо власти», освещающий проблемы обманутых инвесторов, – www.pismo-vlasti.net2, куда присылали свои материалы инвесторы со всей страны.

Обманутые дольщики считают себя «пострадавшими» и «жертвами», то есть их коллективная идентичность сложилась. Кроме того, они считают себя честными и прогрессивными людьми (они сами платили, не просили помощи у государства), которых обманули фирмы и власть. Фирмы – потому, что собрали деньги, а потом либо исчезли, либо обанкротились, либо просто приостановили строительство из-за нехватки средств. Власть – потому, что после первых разбирательств с фондами и строительными фирмами стало понятно, что брать с них нечего, даже если суд признает право людей на квартиру или возврат денег, а во многих случаях местная власть выступала заказчиком строительства или гарантом инвестиционного контракта. Кроме того, люди хорошо помнят мощные рекламные кампании, в которых местная или региональная администрация расхваливала тот или иной проект. Именно поэтому требования обманутых дольщиков в первую очередь обращены к местной или региональной власти. Федеральная власть в данном случае является гарантом соблюдения прав потребителей, она призвана контролировать ситуацию и должна была не допустить массового мошенничества.

Какой видят власть обманутые дольщики? Вот несколько пунктов из очень длинного списка претензий:

1. Власть завязана на бизнес: «Очень сложно пробиться. Потому что почти во всех компаниях замешаны чиновники, так или иначе есть сговор. И поэтому на самом деле очень сложно добиться каких-то результатов».

2. Власть коррумпирована: «Все хотят получить побольше денег за наш счет. <...> Это коррупция, это невыполнение договоров, начиная с местной организации и кончая на самых верхах, там, в правительстве

Московской области. Вот эта коррупция, вот эта борьба за деньги, что ли, я не знаю».

3. Власть глуха к требованиям людей: «Мы все время проводим в бесконечных коридорах чиновников, где ничего в конечном итоге не решается. Мы ходим по этим митингам, разным акциям. Вообще, очень сложно сдвинуть эту систему, эту нелезлую гору».

4. Власть уходит от ответственности: «Городская администрация заключила договор с «Социальной инициативой». Она выделила им участки, явилась стороной контракта, а потом говорит: «Мы ни за что не отвечаем, «Социальная инициатива» ничего не строит, а мы вообще ни за что не отвечаем».

5. Власть несправедлива: «Я считаю, что государство, которое я кормлю, по отношению ко мне поступило несправедливо, так же как и ко всем остальным вкладчикам».

6. Власть не исполняет законы: «Но сейчас наши люди оказались в ситуации стихийного бедствия – без жилья. И в этом стихийном бедствии виновна исполнительная власть нашей страны, которая не исполняет законы».

7. Власть презирает народ: «Мы везде приходим, и такое впечатление, что мы какие-то ВРАГИ! Что мы мешаем им жить – депутатам, чиновникам, правоохранительным органам (смеется)! Это очень ощущается»; «Идет какая-то игра, опять издеваются над вкладчиками, более того, над народом».

8. Власть не нужны люди: «Государству мы нужны, когда мы платим налоги. А когда у нас возникают проблемы, получается, что не государство живет для людей, а люди для государства. Отработанный материал просто».

9. Власть – враг народа: «Сколько можно, я палаточников поддержала. И видела все: и ОМОН с собаками, и как солдат пригнали – таких же, как мой сын, восемнадцатилетних. Я смотрела на этих солдат со слезами на глазах. <...> Я просто представила, что вот мой сын пойдет в армию, и я буду думать, что он защищает Родину, а его тоже выставят против беззащитных женщин. У нас ни оружия, ничего не было».

Это цитаты из интервью с рядовыми участниками различных акций 2006 года. Они объясняют, почему обманутые дольщики самостоятельно и с большим рвением пошли на объединенные акции. Видно это и по требо-

ваниям на плакатах.

Митинг в Москве 26 мая 2006 года, 2000 участников: «Громов, Тихонов, достройте оплаченное жилье!», «Власть к ответу!», «ВВП. Чтобы стимулировать рождаемость в российских семьях, нужно отдать обманутым дольщикам их квартиры!».

Или вот лозунги митинга 25 сентября 2006 года в Москве перед началом голодовки, 500 участников: «Меняю место на Горбатом мосту на квартиру чиновника», «Щербинка – не Сталинград, чиновник – фашист», «Тверские чиновники спихивают недострой на обманутых по их вине людей!!!», «Администрация Смоленска бездействует!», «Власти! Почему оплаченное нами жилье нам недоступно?».

Власть на решительные и массовые действия соинвесторов ответила четырьмя способами.

Во-первых, она изобразила заботу. Вследствие массовой мобилизации 2006 года было создано множество комиссий при органах федеральной власти, но власть не признала свою ответственность, а законы, которые были приняты, являются, по мнению самых дольщиков, полумерой, призванной ограничить строительный беспредел только в будущем.

Во-вторых, были предприняты попытки (удачные) разделить людей. Кому-то из лидеров движения быстро дали квартиру – после этого те прекратили свое участие. Были составлены списки пострадавших, которые признавали потерпевшими не всех обманутых соинвесторов, кроме того, за разными потерпевшими признавались разные права.

В-третьих, были сделаны попытки (неудачные) запугивания участников движения, разгона митингов или палаточных лагерей, блокирования милицией зданий, где проходили голодовки.

И в-четвертых, власть начала контрпропаганду.

Обманутых соинвесторов стали изображать как наивных людей, поверивших в красивые слова мошенников о дешевом жилье. Эту риторику, которую сначала использовали чиновники, подхватили и журналисты, в том числе из либеральных СМИЗ, – они стали с удовольствием выражать негодование, почему, мол, митингующие обратились к государству, хотя это вопрос рынка, личного риска и личных денег, при чем здесь государство? Эти обвинения задел активистов движения. Судя по тому, насколько часто обманутые дольщики приводили одни и те же аргументы, они чрезвычайно важным считают то, что они «от государства ничего не жда-

ли», «не просили у государства бесплатного жилья», «сами заплатили за свои квартиры и по рыночным ценам».

Именно поэтому ложная пропаганда, нацеленная на дискредитацию их борьбы, так сильно их возмущает. Вот некоторые цитаты:

1 «...А когда эта компания лопнула, власть отвернулась от нас и сказала: “А зачем вы понесли деньги? Это же все равно, что вы их проиграли в казино”. Мы отвечаем: Мы не играли в казино, мы не покупали счастливые фишки, мы не покупали фишки МММ, мы вложили кровью и потом заработанные деньги в жилье! Мы помогли государству строить жилье, мы не просили у государства бесплатного жилья. А строя для себя жилье, мы помогаем строить это же бесплатное жилье».

2 «Обвиняют нас, потерпевших. Я от государства не жду! Нет! Я хочу купить, вот дайте мне возможность купить, на мои деньги купить квартиру».

3 «И платили мы, не как там говорят: «МММ, вы хотите дешево, сыр в мышеловке».

4 «Ангажированные сытые журналюги, вроде Черкизова с “Эха”, <...> показывают несчастных людей такими буратинками, возжелавшими несправедного за счет других».

Стоит отметить, что операция по дискредитации источника гордости активистов («мы сами купили») была эффективной: журналисты отвернулись от этого дела, и сегодня о нем уже почти не пишут, хотя и проблемы остались, и акции протеста по-прежнему проводятся.

Хронологически самые крупные и хорошо скоординированные выступления прошли с конца 2005-го до второй половины 2007 года. Тогда почти каждую неделю в столице и во всех крупных городах собирались многотысячные митинги. Они были тщательно подготовлены координационным (неформальным) оргкомитетом. Яркие и красноречивые транспаранты готовились заранее, а сценарий действия тщательно продумывался (благо в рядах активистов были журналисты и пиарщики). В качестве примера можно привести трехтысячный митинг на Калужской площади в Москве 27 ноября 2005 года, на котором участники акции установили два гроба с надписями: «жилье для людей» и «программа президента «Доступное жилье».

Кроме того, в Москве прошли две длительные голодовки: с 25 сентября по 5 октября 2006 года – голодовка жертв компании «Социальная ини-

циатива» (от 12 до 20 голодающих), которая сопровождалась ежедневными митингами поддержки, и с 17 апреля по 8 мая 2007 года – всероссийская эстафетная голодовка с участием людей из разных регионов (от 15 до 20 голодающих). Затем голодовки прошли и в других городах.

В мае 2006 года оргкомитетом обманутых соинвесторов была организована и проведена самая необычная акция, которая имела широкий резонанс. Утром 19 мая без какого-либо разрешения несколько сотен активных участников коалиции пришли к Белому дому, разбили палатки и обороняли палаточный городок в течение всего дня. Эту акцию показали все телеканалы. Ночью палаточный лагерь был разогнан (довольно мягко) ОМОНОм, однако соинвесторы взяли на вооружение новую форму протеста и палаточные лагеря начали организовываться на площадях и около недостроенных домов в разных регионах страны.

Палаточный лагерь: как это было.

Включенное наблюдение

Примерно в 11 часов у Белого дома собралось около 700 человек с плакатами, транспарантами, палатками и спальниками. Люди попытались пройти на Горбатый мост, но редкое оцепление из сотрудников милиции с помощью металлических конструкций перекрыло им дорогу. ОМОН отгородил людей от проезжей части, опасаясь перекрытия. Начались долгие переговоры, а так как организаторов у акции формально не было, разговаривать было не с кем. Милицейский чин в звании подполковника около 20 минут выслушивал нужды и чаяния собравшихся. Тем временем обманутые соинвесторы все прибывали, и люди начали просачиваться через оцепление и занимать лужайку у Горбатого моста. Когда путь был открыт, все митингующие переместились на газон и стали устанавливать палатки. В рядах сотрудников милиции началось замешательство. Вокруг разрастающегося палаточного городка бегали сотрудники милиции с рациями и пытались выяснить, где тот или иной начальник. Через какое-то время на Горбатом мосту возник милиционер с мегафоном. Время от времени сотрудник обращался к собравшимся: «Митинг не санкционирован, просьба всем немедленно разойтись». Подполковник в это время вслед за митингующими переместился на лужайку и в окружении ОМОНа попытался сломать одну из палаток. Обманутые соинвесторы подняли невероятный шум. «Достройте Щербинку!», «Хотим детей!», «Путин, защити!» – кричали они. Кто-то затянул революционную песню. Сотрудников ми-

лиции было около 100 человек, 40 из них – ОМОН, митингующих – около 1000 человек. Силы были неравны, милиция ретировалась и построилась у памятника борцам революции.

Митингующие тем временем установили восемь палаток и заняли почти всю лужайку. Люди все прибывали и прибывали, пролезали под Горбатым мостом, пробирались через ограду стадиона, перепрыгивали через ограждения. Больше всего радовались журналисты – все телеканалы и новостные радиостанции прислали к Белому дому своих сотрудников. От количества камер было жутковато, создавалось впечатление, что находишься на съемках реалити-шоу «Где моя квартира, чувак?!». В то же время СМИ сделали свою работу – на лужайке оказывались люди, которые узнали о происходящем по радио и TV. Особенно отличилась радиостанция «Эхо Москвы». Услышав по «Эху» о палаточном городке, на место приехали Илья Яшин и депутат Сергей Митрохин от «Яблока». Кроме них к тому времени из политических активистов присутствовали представители РКСМ и «Левого фронта». Через какое-то время через ограждение перескочил активист «Авангарда красной молодежи», пикетчики дали ему мобильный телефон, чтобы он связался с Сергеем Удальцовым. Тем временем депутат Московской городской думы Сергей Митрохин взял с собой пятерых соинвесторов и пошел на переговоры в Белый дом. Позже выяснилось, что там был короткий день и вести переговоры было не с кем.

Обманутые соинвесторы продолжали жаловаться на невнимание политических партий к их проблемам, хотя количество политических активистов, не связанных напрямую с темой митинга, росло. За ограждением были замечены представители «Социалистического движения «Вперед» в компании с троцкистами из Киева, вокруг Ильи Яшина тусовались несколько молодых яблочников. Тем временем в стане правоохранительных органов началась перегруппировка сил. ОМОН был построен в колонну по двое, начался второй решительный штурм. В этот раз митингующие выстроились в цепь и сотрудникам милиции не удалось даже проникнуть на территорию палаточного городка. ОМОН покинул территорию у Горбатого моста и сел в автобус у проходной Белого дома. На какое-то время стало казаться, что правоохранные органы потеряли интерес к происходящему. Это впечатление оказалось ложным – через несколько минут в этом убедились все присутствующие, увидев несколько сотен солдат внутренних войск, окружающих палаточный городок. С этого момента доступ на лужайку существенно осложнился.

Штурмов больше не предпринималось – митингующих решили брать измором. Весть о палаточном городке тем временем разлетелась по всей Москве. Пресс-центр соинвесторов выступил с обращением ко «всем, всем, всем» поддержать протестующих и прийти на площадь. Количество людей «за забором» превысило количество людей в палатках. Разница была в том, что в палатках сидели на 90% действительные соинвесторы, а за ограждением было много зевак, прохожих и политических активистов. Активисты АКМ и НБП, хоть и пришли без символики, быстро были вычислены милицией. Концентрация пассионарной молодежи заставила милицееское руководство принять решение об аресте «provokatorov». В результате проведенных мероприятий пять акаэмовцев во главе с Сергеем Удадьцовым были задержаны и направлены в Пресненский отдел УВД.

Тем не менее, несмотря на аресты лидеров, молодежь все прибывала. Вместе с соинвесторами снаружи находилось около 200 человек. Прорыв заграждения и воссоединение соинвесторов и сочувствующих не входили в планы милиции, и подтянувшийся к этому времени ОМОН в количестве примерно 200 бойцов начал зачистку пространства перед ограждением. В результате в милиции оказались еще 150 человек. С этого времени в противостоянии милиции и пикетчиков наступил коренной перелом. Количество людей убывало, милиция же, наоборот, наводила порядок в своих рядах, перекрывала все возможные доступы на площадь и к вечеру плотно контролировала всю прилегающую территорию. Вплоть до того, что было выключено уличное освещение и происходящее на лужайке становилось трудноразличимым с тротуара из-за темноты.

Примерно в 23.00 подъехала машина с полевой кухней и двумя биотуалетами; постояв немного, машина уехала. Группа поддержки стремительно редела, люди, боясь опоздать на метро, расходились по домам, несколько человек решили остаться на ночь, принесли одеяла, воду и еду. В это время в палаточном городке соинвесторы пели песни и скандировали лозунги. Генерал Козлов заявил, что, если пикетчики не уйдут до 00.00, палаточный городок будет разогнан. Однако к собравшимся за ограждением поступила и другая информация: им сообщили, что милиция не может принять решение о разгоне митинга, потому что мэра Лужкова нет в городе. Короче, все спокойно, дорогие товарищи, можете идти спать, приходите завтра.

В этот момент ОМОН стал надевать каски и выползать из автобусов – те, кто решил пойти спать, бегом вернулись обратно.

Разгон занял около 10 минут, задержанных посадили в автобусы и развезли в разные отделения милиции. На лужайке остались только сломанные палатки, разбросанный мусор и бутылки с водой.

К концу 2006 года общими усилиями соинвесторам удалось заставить федеральные власти приступить к решению их проблем. Было создано четыре комиссии (при Минрегионразвития, при фракции «Единая Россия», в Общественной палате и при президиуме генерального совета «Единая Россия»). Однако, по мнению координационного совета пострадавших соинвесторов, эти комиссии по существу ничего не делали, а занимались лишь имитацией деятельности. Федеральные власти по-прежнему старались свести к минимуму свои обязательства, кое-как решение вопроса продвигалось на уровне субъектов Федерации (в разных субъектах по-разному).

После 2006 года движение пошло на спад. В 2008 году массовых выступлений обманутых соинвесторов почти не было по нескольким причинам.

Во-первых, многие жертвы строительных пирамид либо решили свою проблему и прекратили борьбу, либо отчаялись и больше не проявляли активность в защиту своих прав. Однако можно смело прогнозировать, что экономический кризис еще не раз даст дольщикам повод для борьбы за свои права – об этом открыто заявляют эксперты строительного рынка.

Во-вторых, поскольку централизованного решения проблем всех дольщиков, которого требовали соинвесторы в 2007 году, посредством вмешательства правительства РФ добиться не удалось, каждая группа начала отдельно бороться за решение собственных проблем.

В-третьих, из-за подкупа координаторов, нехватки средств, усталости и разочарования в обещаниях власти распались общероссийские координационные структуры. Способствовала их распаду также и нездоровая конкуренция между двумя координационными комитетами.

С одной стороны, интересы людей представлял Оргкомитет обманутых соинвесторов – в 2007 году он стал называться «Объединенный координационный совет пострадавших соинвесторов». У этого комитета не было официального лидера, а только координационная группа по основным направлениям его работы (по спецификам объектов и регионов). С другой стороны – Ассоциация помощи пострадавшим соинвесторам, которая далее стала называться «Общероссийское общественное движение «Комитет помощи: Жилье, Земля, Люди», в ее главе стоял единолично

провозглашенный лидер. Рядовые участники двух разных сетей общались друг с другом, участвовали в совместных действиях, но активнее использовали помощь «своего» центра.

Мы в основном следили за деятельностью первого координационного центра, поскольку с его помощью были организованы самые массовые акции протеста, а также в силу коллегиального состава его лидеров, выдвинутых «снизу» (за исключением редактора сайта pismo-vlasti.ru, все они были обманутыми соинвесторами). Второй орган нам менее известен, и мы можем лишь сказать, что его создатель и лидер в декабре 2007 года прошел в Госдуму РФ по списку «Справедливой России», после чего продолжил сотрудничество с соинвесторами, но уже гораздо менее активно.

Так или иначе – в силу их неопытности, наивности или по их воле, но эти две координационные группы были «съедены» верхушечной властью. Вторая группа вошла в большую политику и в гораздо меньшей степени играет роль координирующего звена для консолидации рядовых инициативных групп. Активисты первой группы (или те, кто в ней остался) с конца 2006 года вошли в рабочие группы при органах власти, сотрудничали с Общественной палатой и депутатами от «Единой России», объявившими о своем желании помочь в решении проблемы соинвесторов. Все они впоследствии разочаровались в этой деятельности и к середине 2007 года прекратили сотрудничество как с «Единой Россией», так и с различными комиссиями. Многие из них отошли от активной общественной деятельности «для всего движения».

Стоит также добавить, что обманутые соинвесторы первой координационной группы в наименьшей степени взаимодействуют с другими движениями и держатся особняком. Например, солидарность с другими пострадавшими (других объектов и регионов) афишируется и демонстрируется на всех акциях и во всех заявлениях, но по отношению к другим тематическим движениям и потенциальным союзникам они остаются закрытыми. Активисты движения с большим подозрением относятся к потенциальным союзникам, не связанным напрямую со строительным обманом. В первую очередь они остерегаются политических неинституциональных групп и партий. В некоторых случаях даже были приняты и опубликованы официальные заявления координационного совета движения, в которых соинвесторы четко отмежевывались от таких политических партий.

Например, после организации палаточного лагеря на Горбатом мосту

19 мая 2006 года оргкомитет акции выпустил следующее заявление:

«Недавно на печально известном Горбатом мосту мы услышали новую оценку своих действий: мол, за нами стоят «оранжевые» политические силы. Эта оценка звучит настолько нелепо, что нет необходимости разъяснять ее детально. Да, нам поступали и продолжают поступать предложения от радикально настроенных активистов политических партий: позвольте нам выступать с вами со своими ПОЛИТИЧЕСКИМИ лозунгами, и мы обеспечим вас и деньгами, и бесплатным телеэфиром, и публикациями в газетах. Но мы всегда отказываемся от такого сотрудничества. Подчеркнем, что мы поддерживаем существующий государственный порядок в стране и ни разу не заявляли в своих требованиях о «смене власти». Наши требования касаются политики ТОЛЬКО в части защиты наших конституционных прав и свобод – и права на жилище в том числе. Жертвовать волей ради «15 минут славы» в эфире мы не готовы».

Эта цитата показывает, чего именно опасаются соинвесторы, – не столько самих политических союзников, сколько запятнать свою репутацию. Если движение стремится быть респектабельным, то в условиях, когда на большинство оппозиционных политических организаций («запрещенная» НБП, «Авангард красной молодежи», «Другая Россия» и т. д.) навесили ярлык «экстремистских», его активисты будут стараться сделать все возможное, чтобы их движение не ассоциировалось с демонизированными силами. Напомним, что обманутые соинвесторы считают себя уважаемыми рыночными потребителями и придают огромное значение своей репутации как серьезных, респектабельных и законопослушных граждан – жертв недобросовестных фирм, которым власть обязана «протянуть руку». Отсюда сложные отношения с потенциальными политическими союзниками. Несмотря на хорошие отношения, сложившиеся между отдельными лидерами движения и лидерами политических организаций, организационное сотрудничество не допускается, поскольку оно считается вредным для достижения цели движения – вмешательства в решение проблемы федеральной власти. Вплоть до того, что на уже упомянутой акции у Белого дома соинвесторы, опасаясь провокаций, сами сдали в милицию акаэмовцев.

Если рассмотреть различные городские движенческие структуры в целом, то можно заметить, что инициативные группы соинвесторов

очень редко входят в их состав. Некоторые представители движения обманутых дольщиков могут иногда принимать участие в совместных акциях, но почти никогда местное движение соинвесторов как таковое не является членом какой-либо коалиции, даже если радикальные политические партии и не играют в них ведущую роль.

Хотя были и исключения. Отметим, например, участие представителей движения обманутых соинвесторов в некоторых общероссийских акциях протеста социальных активистов. Так, в нескольких городах инициативные группы соинвесторов приняли участие во всероссийском «Дне гнева» 25 октября 2008 года. Накануне акции один из лидеров всероссийского движения (несколько, правда, отошедший от дела) выпустил публичное обращение к инициативным группам соинвесторов с призывом к «более жестким действиям и объединению с другими социальными силами». Приведем выдержку из этого обращения: (предлагаю) «участвовать в акциях других социальных сил, невзирая на их политическую окраску. Включать в резолюции свои требования, выходить со своими лозунгами. Участвовать в борьбе наравне с профсоюзами, учителями (против реформы образования), рабочими железных дорог, жителями общежитий...».

Так что не стоит интерпретировать отказ обманутых соинвесторов от союзничества как полное отсутствие солидарности. Скорее это следствие политической осторожности и сплоченности соинвесторов, которые считают себя самодостаточными. Кроме того, нельзя отрицать и тот факт, что многие не хотят, чтобы их требования оказались «размытыми» в общем списке требований других движений. Многие участники акций – из тех, у кого мы брали интервью – отмечают, что сами они вроде бы не против участия в совместных акциях, но «пришлось уже слышать от других соинвесторов, что это ослабит нашу борьбу». С другой стороны, есть и такие высказывания: «Почему бы нет? Почему люди не должны поддерживать друг друга? Может быть, поэтому все так и происходит. Потому что, когда приходит беда, все остальные остаются в стороне. А когда это касается тебя... Ну, так и происходит, наверное... И то, что у нас нет культуры митингов, отстаивания позиций своих. В нашей стране этой культуры не существует».

В итоге в 2008 году движение соинвесторов распалось на вяло взаимодействующие между собой инициативные группы. Однако к концу 2009

года «новое поколение» лидеров и инициативных групп (в частности, подмосковная «Щербинка») инициировало новое движение к консолидации. 20 марта 2010 года в Москве прошел съезд межрегионального общественного движения «Защита прав участников строительства жилья», объединяющего представителей более 40 инициативных групп недостроенных объектов разных регионов России. Появился новый сайт – odnodolshiki.ru. Собрались около ста делегатов из Московского региона, Рязани, Воронежа, Сочи, Анапы, Ростова-на-Дону, Саратова, Ульяновска и других городов. Участники конференции выразили крайнее возмущение бездействием властей всех уровней в решении затянувшейся проблемы обманутых дольщиков, а также тем, как многие пытались использовать жертв строительных пирамид для собственной рекламы. Участники в один голос, опираясь на данные статистики, опровергли официальные заявления властей о том, что «проблема обманутых дольщиков решена», они согласились, что в сложившейся ситуации виноват не кризис и даже не бизнес, а местные власти, которые либо бездействуют, либо пытаются извлечь из ситуации выгоду, и что рабочие группы и комиссии, созданные властями, себя полностью дискредитировали.

Однако по вопросу о дальнейшей стратегии мнения разошлись. Некоторые участники считают, что надо продолжать искать поддержку со стороны официальных лиц и партий, участвовать в комиссиях, теперь уже с другими партнерами, в том числе КПРФ. Другие полагают, что это бесполезно и что пора уже перейти к более активным мерам сопротивления, в том числе организуя массовые акции протеста, выдвигая политические лозунги и консолидируя действия с другими «обманутыми» гражданами страны.

Городские движения (инициативные группы против уплотнительной застройки, за сохранение исторических памятников и за благополучную окружающую среду). Самое разнообразное и, пожалуй, наиболее укорененное в привычной для людей бытовой среде движение – это движение жителей, борющихся против так называемой уплотнительной, или «точечной», застройки.

Эти термины означают строительство объектов на внутриквартальных территориях, вблизи домов и в ущерб зеленым, рекреативным или общественным зонам. Эти движения появились примерно в 2002 году в связи со строительным бумом, они выражают эмоционально негативное

восприятие жителями новой градостроительной политики властей городов. Официально – в законодательстве и выступлениях градоначальников – терминов «уплотнительной», или «точечной», застройки не существует, им предпочитают более нейтральные выражения, такие как «благоустройство города», «реконструкция кварталов» и прочие.

«Уплотниловка», как говорят в народе, вызывает огромное недовольство у жителей, в первую очередь близлежащих домов. Чтобы пресечь попытки застроить двор, зеленую зону, снести детскую площадку, детский сад – то есть то, что составляет их привычную среду обитания, – люди демонстрируют самую высокую готовность к активному сопротивлению. Вокруг тысяч таких проблемных точек по всей стране завязываются конфликты локального характера.

Противодействие уплотнительной застройке не является отличительной чертой российских граждан. Например, в США существует даже отдельный термин, указывающий на эту практику, – NIMBY (Not In My Back Yard, или Не В Моем Дворе). В США это выражение носит отрицательный оттенок и используется консервативными политиками для делегитимации локального протеста, который считается эгоистичным. Социологи же говорят о NIMBY-синдроме в случае, если какое-то социальное движение остается привязанным к местности и отвергает всякое вторжение «чужих» на свою территорию. В России многие российские социологи, эксперты, политики и чиновники, не используя каких-либо специальных терминов, говорят об эгоизме жителей. Иногда слышатся обвинения в «местечковости». Но так ли это на самом деле?

Опираясь на наши выводы, сделанные в ходе наблюдений за сотней случаев «точечных» конфликтов в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах, мы пришли к выводу, что картина намного более многогранна. Мотивации и ценностные ориентации участников инициативных групп различны, так же как и степень их вовлеченности в общественную деятельность. Лидеры и самые активные жители, как правило, мыслят шире рядовых жителей и достаточно легко увязывают борьбу за сохранение сквера, например, с общей борьбой за сохранение зеленых зон по всему городу, а иногда и с правом жителей влиять на градостроительную политику городских властей в целом. Да и сами инициативные группы бывают разные: среди них есть более сплоченные, активные, готовые взаимодействовать с другими группами, учитывать их мнения и интересы.

Как инициативные группы и рядовые жители приходят к общему для всех пониманию проблемы? Сначала у многих из них появляется оборонительная реакция на попытку застройщика посягнуть на «наш двор», «нашу площадку». Люди начинают писать письма представителям власти, чтобы те вмешались и защитили их права. Отписки чиновников заставляют людей взглянуть на проблему шире и увидеть в ней проявление договоренностей между застройщиком и чиновниками. Чтобы побороть сговор между бизнесом и властью, люди начинают пытаться разобраться в законодательстве; если они при этом обращаются в разные государственные инстанции (Ростехнадзор, прокуратуру, суды и т. п.), то узнают, как на практике функционирует государственная система. И тогда встает не только вопрос «как защитить свой двор?», но и «как заставить власть с нами считаться?».

В то же время, если тот или иной участник инициативной группы попадает в активистскую среду города, он становится членом более широкого активистского сообщества и получает возможность соотносить свою собственную проблему с проблемами других. Например, когда новый человек впервые приходит на собрание коалиции Совета инициативных групп Москвы, он обычно только и делает, что просит слово для подробного рассказа о «наболевшем». Несмотря на то что в зале могут сидеть представители двадцати других инициативных групп, что собрание идет уже два часа, он говорит долго, детально, показывает письма, возмущается, кричит, что такого безобразия, как у них, нет нигде. Остальные его слушают, подбадривают, дают советы, выражают готовность помочь. «Надо организовать сход? Придем, поможем. Но вы только проводите работу у себя в доме, чтобы ваши люди пришли! А то мы не бригады прямого действия и не пожарники». Так примерно происходит первый контакт с новым активистом. На следующем собрании, как правило, человек уже понимает, куда он попал, и меньше требует внимания исключительно для себя – новый член сообщества интересуется рассказами других, начинает сам давать советы.

Эти же люди потом будут ходить на общегородские акции, ездить на сборы других инициативных групп, участвовать в совместных мероприятиях, транслировать жителям своего дома информацию, исходящую от совета, распространять общую газету и листовки и приглашать их на общие акции. С другой стороны, они передают мнения членов своей иници-

ативной группы совету. Вот такими мостиками-трансляторами становятся самые активные жители, попадая в активистскую среду.

Конечно, приведенная схема в реальности не всегда выглядит именно так.

Во-первых, после первых отписок и явной обструкции со стороны чиновников новоиспеченные жилищные активисты могут опустить руки, прийти к выводу, что «высовываться» себе дороже.

Во-вторых, взаимодействие с активистским сообществом может показаться непривлекательным.

В-третьих, вращаясь в кругу более «универсальных» активистов, лидеры инициативных групп могут оторваться от своей собственной группы и проблем собственного двора.

В Совете инициативных групп Москвы, например, немало тех, кто увлекся общей борьбой «граждан против власти». При этом они почти прекратили работать с жителями своей точки – дескать, те ничего не понимают и не хотят. Их приобщение к более глобальным вопросам оборачивается презрением к тем, кто остался на более «низком» уровне. Если при этом они стали лидерами (моторами) своей инициативной группы, активность жителей их точки постепенно сводится к нулю. А лидеры-одиночки становятся легкой добычей для политических организаций, чьи интересы состоят не в том, чтобы решить конкретные проблемы, а чтобы поднять флаг оппозиции власти. Сами лидеры увлекаются политической фразеологией, и создается впечатление, что, чем более они отрываются от собственной базовой группы, тем радикальнее становится их речь. Таких «лидеров» немало на акциях «Другой России». Удачно действующие инициативные группы, как правило, находят более удачный баланс между собственными узкими и общими проблемами.

Являются ли жители, борющиеся с уплотнительной застройкой, эгоистами? Задать этот вопрос необходимо, поскольку подобное обвинение чаще всего им предъявляет власть: якобы городские чиновники заботятся об общем благе, о том, чтобы строить дома и обеспечивать квартирами нуждающихся, а они тут рыдают из-за нескольких вырубленных деревьев во дворе. На это жители возражают, что они знают массу примеров других застроек, куда тоже должны были вселиться «нуждающиеся», но вместо этого построили элитный дом, в котором не было социальных квартир. Жители требуют доказательств того, что строящиеся квартиры действительно предназначены для социальных целей. Нередко жители выражают

готовность идти на компромисс: например, построить объект не так близко к дому и не такой высокий, а если строится жилой дом, то необходимо продумать инфраструктуру, строительство дополнительных дорог и детского сада. Ответ чиновников, как правило, всегда один: «Мы все делаем по правилам». В итоге участники инициативных групп вообще ставят под сомнение все, что говорят и обещают чиновники.

В целом же подчеркиваем, что неправильно противопоставлять узкой и ограниченной сфере интересов дворовой инициативной группы широкую и более сознательную политическую позицию. В действительности в борьбе за собственный двор заложены элементы общности. Именно в силу привязанности к своему близкому окружению и готовности встать на его защиту жители обращаются к более универсальным понятиям, таким как права граждан на выражение своего мнения, гражданский контроль над властью и так далее. Присвоение собственной придомовой территории – это первый шаг к присвоению публичного пространства. Некоторые активисты необязательно привязаны к привычной (близкой, родной, «своей») среде, но эта привязанность является необходимым условием первичной активизации большинства – особенно в таком обществе, как российское⁴.

К такому выводу пришла и другой исследователь российских городских движений – Миляуша Закирова. Она пишет об общественном движении Санкт-Петербурга: «Городское общественное движение развивается из локальных образований. В ходе протеста локальные движения пополняются новыми участниками, находят множество союзников, таким образом, происходит расширение движения. В то же время, развиваясь, движения переживают процесс переосмысления собственных целей и аргументации действий»⁵. Опыт совместных действий и переосмысление целей приводят жителей к самому сегодня популярному лозунгу в городских движениях страны – «Это наш город!» (или вариант – «Выйди на улицу, верни себе город!»).

Однако далеко не все, кто готов встать на защиту своего двора, готов выйти на центральную площадь вместе с другими группами и поднять более общие лозунги. Движение против уплотнительной застройки – одно из самых раздробленных. Да, инициативные группы растут как грибы во всех городах страны, но от инициативной группы до городского движения – длинный путь. Лишь недавно, начиная с 2007 года, отмечены попытки

координировать инициативы и объединить их в общее движение.

Подобную раздробленность легко объяснить: основную роль здесь играет привязанность к конкретной территории, к близкому окружению, а также соображения комфорта (одно дело – выходить к себе во двор, другое – ехать на другой конец города, чтобы принять участие в акции с незнакомыми людьми). Чтобы спасти свой двор, люди готовы к таким действиям, как круглосуточное дежурство во дворе, блокада стройки, снос забора, организация митинга, перекрытие улицы и так далее. Проблема уплотнительной застройки провоцирует настоящие уличные бои. Приведем несколько примеров.

Бунтующее Бутово. Это история битвы в столичном микрорайоне Южное Бутово летом 2006 года. Все лето жители района держали оборону против принудительного сноса своих частных домов. Напомним, 8 июня 2006 года жительница Южного Бутова Юлия Прокофьева и ее сын не захотели переезжать из своего пятикомнатного частного дома с большим двором в однокомнатную квартиру. Соседи, которым вскоре предстояло оказаться в такой же ситуации, разбили на участке Прокофьевых палаточный лагерь и не позволили снести дом и насильно переселить его обитателей. Мгновенно собрались две сотни местных жителей. Попытка силой (с помощью милиции и ОМОНа) провести решение судей в жизнь вылилась в настоящую потасовку. Более 200 жителей Бутова, включая седовласых стариков, сошлись врукопашную с представителями правоохранительных органов. Было проведено два штурма, и ни один из них не закончился успехом. Часть людей засели непосредственно в домах, другие держали оборону на участках.

Против чего боролись люди? Дело в том, что московские чиновники предложили жителям поменять дома на однокомнатные квартиры, хотя рыночная стоимость одной только земли в несколько раз превышает стоимость квартиры. Поэтому свои действия жители считают более чем оправданными. После первой попытки штурма жители организовали постоянное дежурство, разбили палатки во дворе дома и по очереди в них ночевали.

19–20 июня 2006 года: вторая попытка насильственного выселения (записки наблюдателя)

В московском микрорайоне Бутово жители по-прежнему находятся в палаточном лагере и протестуют против переселения семьи Прокофьевых. Напротив довольно обширного участка уже возводят многоквартирные дома, а во дворе – грядки, растут яблони, вишни, липы и акации у забора, целый луг нескошенной травы, поставлены качели и кольцо для баскетбола. Взамен всего вышеперечисленного Юлии Прокофьевой и ее взрослому сыну дают однокомнатную квартиру. Они отказываются переселяться, требуя большую квартиру и компенсацию за потерянный участок. Но Зюзинский межрайонный суд посчитал подобную замену равноценной и на руках у судебных приставов появился ордер о выселении.

В обороне участка Прокофьевых участвуют в общей сложности несколько сотен жителей Бутовского поселка. Другого выхода у них нет, так как в ближайшее время в Бутово собираются снести еще более 500 частных домов.

19 июня в 7 часов утра судебные приставы, милиция и ОМОН начали штурм дома по адресу: улица Богучарская, 19. Но соседи Прокофьевых еще с вечера поставили на их участке палаточный лагерь. Когда забор вокруг участка сломали и двух жителей дома вытащили на улицу, одной из пожилых женщин стало плохо. Еще несколько человек пострадали от дубинок ОМОНа. После вмешательства жителей поселка, которых собралось на месте около 200 человек, Прокофьевых отпустили и они смогли вернуться в дом. Основной въезд во двор жители Бутова спешно забаррикадировали.

На место событий приехал помощник одного из депутатов Мосгордумы от КПРФ, живущий в Южном Бутове. Он вызвал на подмогу жителям Бутова несколько активистов АКМ и НБП, которые незамедлительно оказались на крыше выселяемого дома. Они размахивали флагами своих организаций, что, по мнению некоторых местных жителей, было не больше чем самопиаром. «Лучше бы размахивали плакатами!» – сетовал один из соседей Прокофьевой. Двоих политических активистов днем задержали, но довольно быстро отпустили.

К пяти часам вечера, когда рядом с домом осталось около 50 жителей поселка, омоновцам удалось обеспечить подъезд к крыльцу двух «бычковых», в которые начали загружать мебель. К 9 часам вечера, когда из дома была вывезена почти вся мебель, выбиты все окна и двери, обрублены свет, газ и телефонная связь, а забаррикадовавшиеся в комнате хозяева, несколько их соседей и трое спустившихся с крыши политактивистов добровольно оставили помещение, ОМОН покинул место события. После этого была

предпринята попытка сноса дома бульдозером. Протестующие поспешно укрепили утреннюю баррикаду на основных воротах, и бульдозеру пришлось повернуть обратно. Милиционеры в обычной форме после провала попытки штурма разошлись по своим машинам, припаркованным за пределами двора. Оживление в милицейском лагере наблюдалось между 3 и 4 часами утра, но нового штурма не последовало.

Около полуночи вывезенная мебель была свалена возле подъезда, где находится будущее пристанище Прокофьевых. Хозяева дома последовать за ней отказались и остались на участке. В Бутово приехал известный адвокат и член Общественной палаты Анатолий Кучерена, с недавних пор представляющий интересы Прокофьевых в судебных инстанциях. Протестующие забаррикадировали вторые ворота, протянули электричество из соседнего дома и восстановили двери.

20 июня в 8.15 утра во дворе появился заместитель префекта ЮЗАО г. Москвы по строительству. Он заявил, что данная земля является собственностью города, и настоятельно рекомендовал всем присутствующим, кроме милиционеров и строителей, покинуть территорию. Никто его советом не воспользовался. Анатолий Кучерена и Юлия Прокофьева ссылались на отсутствие у них документа о собственности на новую квартиру и на незаконность менового договора (обмена собственности на дом на собственность на квартиру) с муниципалитетом, который был подписан не ею и ее сыном, а бывшим собственником одной из частей дома. Чиновник уехал, обещав вернуться с требуемыми бумажками. После этого около дома осталась только одна милицейская машина.

Участники лагеря протеста начали организовывать свою жизнь, к 10 часам утра был составлен график дежурств, чтобы протестующие, сменяя друг друга, могли отдыхать и заниматься необходимыми делами. На 26 июля намечено выселение жильцов из соседнего, 17-го, дома по Богучарской улице, и палаточный лагерь может переместиться на соседний участок. Жители Бутова заявляют, что участником палаточного лагеря может стать любой желающий, если он разделяет требования его инициаторов о соблюдении властями законодательства и о прекращении беспредела в Бутове.

Как и зачем борются жители Южного Бутова: глас народа (интервью с участниками палаточного лагеря, 21 июня 2006 года)

Алексей, сосед по поселку Бутово: «Как появились судебные приставы,

мы все пришли на помощь, поскольку это нам всем грозит. Снос незаконен! С людьми надо считаться! А что делают? Присылают нам омоновцев! Я очень устал. Я здесь дежурю уже четвертый день. У меня глаза слипаются. А власть все врет, что люди на самом деле согласны на переселение. Это не так! Только капля согласна съезжать, а большинство – против. А нас насильственно пытаются выселить. Семья Прокофьевых – первый случай, когда людей вынуждают съехать. Они не хотят покидать землю. Поэтому, конечно, мы все пришли на помощь».

Елена, из соседнего поселка Липки:

– Московская власть врет, когда говорит, что люди дали согласие на переселение. У нас точно такая же ситуация, точно так же через некоторое время могут прийти и снести все. Нам не дают приватизировать землю. Это Лужков дал команду. Он никому в Москве не дает оформить землю. А это же наша земля! И по закону мы имеем право ее приватизировать, но Лужкову наплевать на федеральные законы. Он хочет отобрать у нас землю и перепродать в 100 раз дороже! Это целая мафия! И судиться как? Все суды под Лужковым! У нас защита – только в Верховном суде.

– А как вы сюда приехали?

– Мы раньше жили на Садовом кольце, продали двухкомнатную квартиру, чтобы купить дом – развалюху маленькую и перестроить его. Это было в 1995-м. А сейчас нас тоже будут сносить. Мы семья небогатая. Когда мы перестраивали дом, мы влезли в долги, дети фруктов не видели.

– Как получилось, что вы так сплоченно поддерживаете друг друга?

– А просто! Это же частный сектор. Как я говорю своим детям, мы все деревенские. Ходим друг к другу в гости, поэтому и поддерживаем друг друга. Более того, мы поддерживаем связи со многими поселками. Со всей Москвы к нам приезжают. Как не поддерживать! Вы бы видели, когда омоновцы пришли! Против старух и детей нагнать таких головорезов! Такие квадратные рожи. Глаза то ли обжурены, то ли еще что. Мозгов нет, какие-то роботы. А они на людей напали! На детей и на старух.

То, что нас мало, это еще ничего не значит. Мы же по очереди дежури́м. Причем мы еще пытаемся продолжать вести нормальную жизнь. Надо же работать.

– Как вы организованы?

– У нас инициативная группа. Нас объединили люди, местные жители, которые себя зарекомендовали. У многих есть юридический опыт. А мы,

кстати, в своем поселке создали общину, но муниципальное собрание отказывается признать нашу общину.

– Как начались ваши действия по защите ваших домов?

– Мы давно пишем, ко всем обращаемся. Везде отписки. Суды все подкуплены. Все наши протесты, пикеты и митинги игнорировались. И это при том, что Лужков публично заявил, что ничего не будет сделано без согласия людей. И большинство верило. И только когда начался насильственный снос, у всех глаза раскрылись. Все, конечно, в шоке. Мне кажется, половина Москвы его просто уже ненавидит. Ведь проблема касается не только частного сектора. Из центра людей тоже выгоняют. Люди к нам приезжают со всей Москвы и рассказывают о подобных случаях.

И только вот такая акция пробудила общественное мнение. Мы рады, что на эту проблему обратили внимание федеральные власти. Мы очень надеемся на помощь федеральной власти. Пусть президент услышит нашу молитву!

– То есть вы считаете, что все дело в московской власти?

– Ну, в Москве однозначно беспредел! Лужков уже перепутал свой семейный бюджет с городским. Это все строительная мафия. Надоело это все! На всех идет давление. Всех собственников выжимают, выкручивают руки, а потом говорят – они согласны! И врут постоянно! В 2004 году, когда пошел разговор о нашем сносе, префектура провела опрос. Община попросила результат, и оказалось, что чуть ли не все согласны со сносом. Естественно, мы провели свой собственный опрос. И получилось, что только восемь семей согласились на переселение. А всего у нас в поселке 65 домов! Но наш опрос, конечно, никто не признает.

До сих пор сохраняется активная инициативная группа бутовцев, не желающих покидать свои дома. Летом 2007 года они вошли в состав Совета инициативных групп Москвы. До сих пор оставшиеся жители живут в осаде, в домах, окруженных многоэтажками и стройками, под постоянной угрозой насильственного сноса. За три года было еще несколько попыток принудительного выселения. Большинство из них было отбито благодаря активному сопротивлению соседей, активистов других инициативных групп и молодых политических активистов. Были случаи криминальных поджогов, сноса домов в отсутствие владельцев (даже без вывоза мебели!). Бутовцам неоднократно приходилось строить баррикады возле та-

ких домов, благодаря чему многие попытки насильственного выселения удалось отбить.

Кое-какие успехи у бутовцев есть. Прокофьевы получили две двухкомнатные квартиры и 1 миллион 200 тысяч рублей компенсации за свой участок. Но в целом предложенные компенсации были намного ниже. Чиновники продолжают препятствовать оформлению земельных участков в собственность, ведь в этом случае им придется выплачивать жителям компенсации в миллионы долларов – по рыночной стоимости столичной земли.

С момента создания коалиции инициативных групп бутовцы активно участвовали в совместных действиях и в еженедельных координационных собраниях. Их представители принимали участие и в межрегиональных конференциях и мероприятиях. Бутовцы показали, что они понимают солидарность не только в одностороннем порядке. «Другие нам помогли, мы тоже помогаем», – часто повторяют представители Бутова.

Итог: большой общественный резонанс, который имел этот конфликт, положил начало движению против точечной застройки в Москве и в других городах. Бутово стало брендом антиуплотнительной борьбы. Появились новые лозунги: «Нет новому Бутову!», «Нет ижевскому (пермскому) Бутову!».

Этот пример наглядно демонстрирует, каковы мотивы столь решительной борьбы.

Во-первых, необоснованные и насильственные действия власти, которая игнорирует мнение жителей и нарушает их права (на землю и на дом).

Во-вторых, отказ представителей власти от ведения равноправного диалога и переговоров. Так, в случае с Южным Бутовым мэр то обещал, что ни один дом не будет снесен без согласия жителей, то публично обзывал бутовцев «жлобами», то посылал бульдозеры на небооруженных людей. В результате для подавляющего большинства жителей Бутова власть в лице мэрии Москвы стала врагом номер один. «Мэр воюет со своим народом», – гласил транспарант на месте руин, которые остались от снесенного дома семьи Барановых 31 июля 2008 года. Чем одиознее выглядели действия власти, тем радикальнее становились слова продолжавших сопротивляться бутовцев.

Необходимо также отметить высокую степень сплоченности местных

жителей – они быстро и эффективно организовались. Моментально нашлись специалисты по связям со СМИ, по юридическим вопросам, по связям с другими общественными и политическими организациями. Положительную роль сыграло и широкое освещение конфликта всеми СМИ, включая официальные и федеральные.

Со временем многие жители сдались и согласились переехать, но многие остались и проявляют активность не только у себя в поселке, но и в рамках более широких коалиций. Некоторые из них стали политическими активистами.

В целом Бутово можно считать удачным примером коллективных действий. Жители вынудили мэрию пойти на уступки и повысить сумму компенсации. Кроме того, им удалось преодолеть разногласия (одни боролись за равномерные компенсации, а другие – за право остаться у себя в доме) и вести многолетнюю борьбу. В зависимости от политического контекста они использовали разнообразные способы давления на власть – судебные иски, обращения в СМИ, мирные сходы жителей, даже уличные чаепития, переговоры и акции прямого действия, но главными их оружием, и это очевидно, стали сплоченность и решительность действий. Жители Бутова, несомненно, сумели прорваться в публичное пространство и завоевать симпатии общества.

Раздавленные жители: улица Маршала Бирюзова. Другой пример – менее удачный. Сейчас на улице Маршала Бирюзова (северо-запад Москвы) уже возведен 31-этажный элитный дом, против строительства которого жители боролись в течение года. Самая активная фаза сопротивления прошла летом 2007 года, когда улица превратилась в арену непрерывных боев с застройщиком «Дон-Строй». Мы стали непосредственными наблюдателями-участниками нескольких показательных событий.

22 августа 2007 года: бандиты от застройщика напали на жителей и активистов

Вечером 22 августа во дворе ул. Маршала Бирюзова, 41, собрались жители, чтобы обсудить результаты встречи с префектом и дальнейшие действия. Сход прошел спокойно и без инцидентов. Однако по дороге обратно к метро активисты из других районов столкнулись с группой озверевших бандитов.

Ранее на встрече с жителями, которая состоялась на другой территории «точечной» застройки (ул. Авиационная, где «Дон-Строй» строит «Алые паруса»), префект СЗАО объявил инициативной группе с ул. Маршала Бирюзова, что стройка законна и будет продолжаться дальше. Это вызвало возмущение собравшихся, и люди на сходе как раз решали, какие методы использовать дальше. Было решено идти тремя путями: добиваться личной встречи с префектом, продолжить судебную кампанию и не ослаблять кампанию прямого действия в случае оживления строительства.

Поскольку в этот день движения стройтехники особенно не наблюдалось, группа поддержки, состоящая из активистов и жителей других районов, спустя полтора часа собралась уходить и направилась к станции метро. По дороге к метро на них напали четыре человека спортивного вида, вооруженные бейсбольными битами и травматическим пистолетом. Прямо на улице бандиты стали избивать людей с криками: «Чтобы вас здесь больше не было!» Пострадали минимум пять человек.

Вызванная милиция приехала достаточно оперативно и с помощью свидетелей быстро поймала нападавших. «Скорую помощь» пришлось ждать намного дольше. Всех пострадавших увезли в больницу.

Свидетели (около 30 человек, которые шли вместе с пострадавшими к метро, включая и автора этих строк) видели, как бандиты вышли с территории стройки и вернулись туда же после нападения. Кроме того, во время нападения они не раз упоминали стройку.

Непонятно, чего ожидал застройщик, но эффект оказался прямо противоположным: жители и активисты сразу же решили собраться на следующий день и потребовать встречи с представителями власти и правоохранительных органов, чтобы призвать их к принятию мер за нарушение порядка.

В этот же день вечером на московском телеканале прошел сюжет об этом событии. Выступил префект СЗАО Козлов, но вместо того, чтобы осуждать нападавших, заявил, что провокаторы из других районов («а некоторые вообще не москвичи») приехали на ул. Маршала Бирюзова, чтобы устроить беспорядки. При этом он назвал фамилии тех активистов, которые дали показания против бандитов. Жертвы стали обвиняемыми, потому что имели не ту прописку. Этот телесюжет видели многие жители точки, что, конечно, только усилило их возмущение.

23 августа 2007 года: народный сход закончился перекрытием

На сход собрались люди, возмущенные нападением на активистов накануне. Около 200 человек, представлявших местных жителей, молодежные левые организации и инициативные группы из разных районов собрались у ворот стройки. Поддержать активистов и жителей прибыл депутат Мосгордумы от КПРФ, председатель Комитета защиты прав граждан Сергей Никитин. Люди хотели услышать отчет исполнительной власти о принятых мерах. Однако префект СЗАО Козлов, несмотря на специальное приглашение, от встречи решил уклониться.

Тогда в среде участников схода прозвучало предложение проявить настойчивость и пригласить префекта, предприняв действия, которые он не сможет проигнорировать. Кто-то бросил клич, сразу отозвалась молодежь, лидеры инициативной группы сами пошли вперед, и все участники схода, кто более решительно, кто более робко, держась друг за друга, вышли на проезжую часть и перекрыли улицу Маршала Бирюзова.

Движение машин остановилось, появились милиционеры и гаишники, но люди стояли, крепко сцепившись руками. Поднимало боевой дух и постоянное скандирование лозунгов: «Хотим префекта!», «Козлов – выходи!» и еще много других кричалок, самыми популярными из которых были: «Это наш город!» и «Лужков, уплотняйся сам!».

Одна бабушка сначала стояла напуганная и изумленно озиралась вокруг. Потом ее взяли за руку молодые люди, и она стала выкрикивать лозунги в едином со всеми ритме. Очевидно, гордость взяла верх. Вдруг она широко улыбнулась и произнесла: «Вот теперь я понимаю, что такое быть гражданином».

В это время нервные автомобилисты начали сигналить, кричать и даже оскорблять людей. Они, мол, мешают им добраться до дома. Несмотря на все попытки объяснить, что «вчера здесь стреляли» и что «здесь люди борются за свои права», жители столкнулись с полным отсутствием понимания.

Но, несмотря на образовавшуюся огромную пробку, префект так и не явился, поэтому после 30-минутного перекрытия, прокричав напоследок «Козлова – в отставку!», протестующие так же организованно освободили проезжую часть и вернулись к стройке.

Затем на коротком импровизированном митинге лидер Совета инициативных групп Сергей Удальцов поблагодарил всех, кто пришел на ак-

цию, не испугавшись террора. «Мы доказали, что мы – настоящие граждане, настоящие патриоты своего города и нас не запугать», – сказал он. Действительно, именно на страх и панику рассчитывали организаторы вчерашнего нападения. Однако они добились обратного эффекта.

В ответ на попытки властей и строительных компаний представить деятельность инициативных групп как «экстремистскую» и инициированную темными политическими силами, жители разных «горячих точек» столицы (ул. Маршала Бирюзова, Жулебино, ул. Косыгина, Митино) 28 августа 2007 года провели пресс-конференцию «Строители и бандиты против москвичей: на чьей стороне власть?». Активисты хотели обнародовать свою версию, привести факты и озвучить свою позицию, они принесли с собой документы и фотографии, наглядно доказывающие, какая из сторон применяет «экстремистские» методы. К сожалению, на пресс-конференцию пришло очень мало журналистов.

А в это время версия компании «Дон-Строй» широко распространялась в СМИ: их сотрудники не причастны к нападению. О версии мэрии мы уже упоминали. Разные СМИ, и в первую очередь канал ТВЦ, активно навязывали версию о том, что нападение совершили «неизвестные лица кавказской национальности без регистрации» и что они не имеют никакого отношения к компании «Дон-Строй».

Жертвы нападения подали на бандитов в суд. Целью активистов было доказать причастность «Дон-Строя» к этому нападению. Ответным ударом компании «Дон-Строй» стала подача иска в несколько миллионов рублей к противникам уплотнительной застройки во дворе дома №41 по улице Маршала Бирюзова. Строительная компания обвинила шестерых активистов в том, что они заблокировали строительную площадку на восемь суток. Суд против нападавших закончился 17 января 2008 года: бандитов приговорили к условным срокам, причастность же «Дон-Строя» к организации нападения судом признана не была.

После событий 22–23 августа 2007 года мэр Москвы дал распоряжение «разобраться», префект заверил жителей, что стройка заморожена, первый заместитель столичного мэра Владимир Резин подтвердил это в официальном письме. Однако затишье продолжалось недолго, и уже к сентябрю строительные работы возобновились.

Жители провели еще несколько акций, в том числе и театрализован-

ную акцию «Похороны надежды на Лужкова» 18 сентября, вели переговоры, ходили к чиновникам, участвовали в общемосковских мероприятиях. В качестве инициативной группы, входящей в Совет инициативных групп, они принимали участие в работе Межведомственной комиссии по вопросам «точечной» застройки. Но стройка все равно продолжалась. Сегодня напротив дома №41 по улице Маршала Бирюзова возведен высокий 31-этажный элитный дом – таким образом, жители добились всего лишь отказа от четырех этажей. У большинства жителей пропало всякое желание заниматься общественной деятельностью. Лишь один-два человека изредка продолжают участвовать в совместной деятельности совета.

Итог: инициативная группа в доме была очень сплоченной и активной – на пике деятельности не менее 15 человек могли взять на себя организационную работу по решению проблемы в доме, а также участвовать в общегородских мероприятиях. Жильцы достаточно массово принимали участие в борьбе (до 300 человек могли поддержать приглашение инициативной группы к активным действиям).

Жители потерпели поражение, и в первую очередь на медийном поле. Кроме того, необходимо учесть коммерческий интерес компании «Дон-Строй», входящей в сферу влияния мэра города. В борьбе с таким противником жители имеют мало шансов, если она не дополняется массовым городским движением против незаконных уплотнительных застроек. Члены инициативной группы это поняли и активно участвовали в формировании коалиции, но, увы, их усилия оказались недостаточными. Коалиция была образована, но она не была достаточно массовой. Кроме того, от данной точки (и это общее правило) в общегородских акциях, как правило, принимали участие не более 15 человек. Лидеры инициативной группы не смогли донести до своих жителей, что именно такие акции необходимы для достижения результатов.

Отметим также, что, несмотря на некоторые трения, сотрудничество между местными жителями, активистами других районов и политическими активистами шло конструктивно, в атмосфере взаимопонимания и взаимной поддержки. Так, после первого нападения местные жители стали сопровождать активистов из других районов до метро, иногда оставляли их на ночь в своих квартирах или давали скрыться от милиции в подвале дома.

Объединительные процессы – Москва: Совет инициативных групп (СИГ). Борьба за сохранение своего двора или дома не исключает проявлений солидарности с другими гражданскими и даже иногда политическими инициативами.

Во-первых, если местным жителям помогли, они тоже пытаются помочь.

Во-вторых, личный мотив «сохранить благоприятную среду обитания у себя» неразрывно переплетен с общим стремлением «заставить считаться с нами».

А для того чтобы заставить «учитывать наше мнение», необходимо, чтобы «нас было много» и чтобы «мы действовали скоординировано». Именно поэтому идеи об объединении или, по крайней мере, о совместных действиях обсуждаются уже давно. Однако до тех пор, пока какое-то лицо или организация не взяли работу по координации деятельности на себя, они остаются лишь идеями.

Заметим, что, если эту работу пытается вести политическая партия, редко создается дееспособное и самостоятельное общественное объединение. Причина, скорее всего, в том, что в отношении политических партий жители настроены скептически – они согласны взаимодействовать с какой угодно партией (за исключением, пожалуй, только «Единой России»), если получают от нее реальную помощь. Поэтому искусственные конструкции коалиций гражданских инициатив «при какой-либо партии», как правило, быстро умирают. Гораздо лучше работает схема объединения при содействии тех или иных партий или представителей партий. Так, в Москве существует гражданское объединение при «Яблоке», еще одно – при КПРФ, но они проявляют мало активности. Пожалуй, самое низовое и активное объединение создано самими активистами инициативных групп при содействии партийных или политических активистов – это Совет инициативных групп Москвы, впоследствии он преобразовался в Моссовет.

Прежде чем приступить к подробному анализу его деятельности, уточним, что большинство может осознавать солидарность как необходимость и ценность, но на пути ее воплощения в реальную практику существует множество препятствий.

Во-первых, это практические соображения: мне хватает и борьбы в доме, зачем мне еще куда-то бегать? Было бы хорошо, но слишком уж за-

тратно...

Во-вторых, это сомнения в эффективности солидарных действий, а также более отстраненное отношение к общим требованиям, так как в рамках общих требований мой дом всего лишь один частный случай из десятков. А в абстрактных или политических лозунгах, которые необходимо выдвигать для скрепления общей логики действия, отдельный житель вообще мало себя узнает. И наконец, еще одно соображение – зачем я буду участвовать в митинге, собирающем двести-триста человек в центре города, когда у меня дома акции проходят не менее массово? Получается своего рода порочный круг: люди не готовы участвовать в малочисленных митингах, поэтому не приходят, а общегородские митинги так и остаются малочисленными, и если неподготовленный человек попадает на такой митинг, то он только убеждается, что толку от этого мало.

В-третьих – и это, наверное, главное, – власти и информационная машина действуют именно так, чтобы усилить раздробленность гражданских инициатив и не дать им прорваться в публичную сферу. Мы уже упоминали эту проблему, когда описывали конкретные примеры конфликтов. Хотелось бы еще раз остановиться на том моменте, что одним из любимых приемов представителей правоохранительных органов и власти стали попытки внести раздор между местными жителями и активистами из других районов или политическими активистами.

Так, 8 октября 2007 года по окончании массового схода жителей (около 300 человек собрались на Чертановской улице, ЮАО), который закончился перекрытием улицы (люди требовали приезда префекта), были задержаны 30 человек – в основном приезжие из других районов. Это произошло, несмотря на то что приехал заместитель префекта и обещал, что никто не будет задержан. Общение с представителем власти длилось долго и проходило на высоких тонах. Люди выразили недовольство тем, как с ними поступают: строительство ведется без учета их мнения и без информации, варварски снесли детскую площадку и гаражи. Главное – расстояние между строящимися высотками и уже существующими жилыми домами – 12–20 метров, а иногда даже меньше 12 метров. Жители требовали, чтобы был построен детский сад, как предполагалось ранее. Как только зампрефекта ушел и часть местных жителей начала расходиться по домам, около сотни милиционеров стали брать оставшихся активистов в кольцо. Им было сказано, что они не имеют права здесь находиться, по-

скольку не живут в этом районе. Затем милиционеры накинулись на активистов, затащили их в автобусы и увезли в отделение милиции, где те и провели ночь. По логике правоохранительных органов жители одного и того же города не имеют права приехать в другой район поддержать товарищей по несчастью.

Однако на этой точке местных и «инорайонных» не удалось столкнуть лбами, так как инициативная группа была уже достаточно давно включена в деятельность Совета инициативных групп, да и жители прекрасно знали, что перекрыли улицу они сами, а не «приезжие».

Зато год спустя, 8 октября 2008 года, во время мирного схода (без каких-либо акций протеста) жителей у себя во дворе на улице Вавилова (ЮЗАО) появились около 100 милиционеров и омонцовцев (при том что собралось около 60 жителей, включая группу поддержки из 15 человек). Они взяли в плотное кольцо часть участников схода и растащили по милицейским автобусам. Немного позже милиционеры выхватывали из толпы «подозрительных», на их взгляд, людей, и тащили к автозакам. Всего было задержано 24 человека. Задержанные провели ночь в отделении милиции.

Помимо милиции на сходе присутствовал замглавы управы района «Ломоносовский», который пытался доказать жителям, что они проводят несанкционированный митинг. И представитель власти, и милиционеры говорили жителям, что к ним приехали провокаторы и экстремисты, в частности из «страшной» организации АКМ («Авангард красной молодежи»). Жители же настаивали, что они собрались самостоятельно и что собрание граждан без плакатов и транспарантов не требует согласования с властями. Оставшиеся на свободе участники схода, попытки которых отбить своих товарищей не увенчались успехом, кричали стражам порядка: «Позор!» и «Фашисты!». После этой акции стройка была приостановлена (временно), но попытки натравить жителей на политических «экстремистов» продолжились и далее – например, на дверях подъездов появились листовки, предупреждавшие жителей об опасности сотрудничества с «экстремистами». Тактика запугивания увенчалась успехом – большинство жителей испугались и затихли. Во многом это объясняется относительно слабой мобилизацией местных жителей, но также и проведенной операцией устрашения – никому не понравится увидеть толпу омонцовцев у себя во дворе.

В Москве коалиция инициативных групп против уплотнительной застройки начала создаваться в июле 2007 года. Совет действительно возник в результате инициативы снизу, как сеть солидарности и взаимопомощи инициативных групп. Он принципиально носит непартийный характер. Лидеры разных инициативных групп и молодежных политических организаций (в частности, АКМ, СКМ, РКСМ(б), «Вперед», анархисты, в какое-то время и нацболы) решили сотрудничать для повышения эффективности борьбы. СИГ начал действовать на основании устной договоренности и принципов непартийности и взаимопомощи. Только в апреле 2008 года он оформился, приняв на общей конференции устав и декларацию.

На первом подготовительном собрании (4 июля 2007 года) были сформулированы две задачи.

Первая – создать мобильный отряд быстрого реагирования. Автор идеи Александр (представитель ИГ Митино) объяснил эту задачу потребностью оперативно реагировать на любые попытки начать или продолжить незаконное строительство. «Опыт показывает, – сказал Александр, – что зачастую только прямое физическое противодействие незаконным действиям строителей способно заставить их отступить». Как выразился представитель Бутова, «они боятся двух вещей: толпы и прессы».

Вторая задача – координация усилий разных инициативных групп и политических организаций для проведения массовых кампаний. «Мы пикетируем управы, пора идти на мэрию», – так сформулировал задачу один из выступавших.

Деятельность началась с еженедельных собраний, в которых принимали участие поначалу от 30 до 40 человек – представители различных инициативных групп и организаций. Они обменивались информацией о ситуации у себя на точках, делились советами (в том числе юридическими) и обсуждали общие планы – выбирали, какая точка на данный момент наиболее «горячая» и куда необходимо бросить общие силы.

Таким образом, «бригады» из совета стали приезжать на сходы той или иной инициативной группы и оказывать эффективную помощь в проведении акций прямого действия, будь то снос забора, блокада стройки или перекрытие дороги. На эти акции политические активисты всегда приходили без флагов, и если какая-то организация все же пыталась поднять свой флаг, ей быстро объясняли, что это не соответствует общепри-

нятым правилам. Таким образом, летом 2007 года совместными усилиями одновременно во многих районах города была проведена настоящая «антиточечная» битва. И достаточно эффективно: тогда в большинстве точек удалось затормозить процесс и таким образом выиграть время для судебных и политических разбирательств. Совет приобрел популярность, и все больше групп стали обращаться к нему за содействием.

Но упор на акции прямого действия имел и обратную сторону. Представители некоторых инициативных групп стали воспринимать СИГ как команду бойцов, которую можно позвать на помощь, когда это необходимо, и при этом самим не участвовать в совместной деятельности. Для совета же принцип взаимопомощи представлял главную ценность. «Мы поможем вам, вы помогите нам» – так звучал этот принцип на собраниях. В 2008 году курс был скорректирован и круг задач, так же как и методов действия, был расширен.

Кроме того, совет стал организовывать общегородские акции – митинги и более оригинальные мероприятия. Одной из самых успешных акций с точки зрения результата стал общегородской сход жителей у мэрии, прошедший 30 августа 2007 года.

Коллективный поход к мэрии. Около ста представителей инициативных групп собрались у здания мэрии на Тверской, чтобы потребовать встречи с московским руководством. Пообещав пригласить Ресина и других высокопоставленных чиновников на переговоры, сотрудники приемной вызвали ОМОН. Впрочем, переговорами и солидарной самозащитой удалось отбить нападение правоохранительных органов и добиться встречи.

Акция протеста началась примерно в 15 часов. Около здания мэрии собрались представители инициативных групп из Митина, Бутова, Теплого Стана, Жулебина, с улиц Маршала Бирюзова, Косыгина, Дмитровского проезда и других точек. Представители левых молодежных организаций, участвующих в совете, пришли их поддержать. В помещение приемной правительства Москвы охрана пропустила только трех представителей от участников акции протеста во главе с Сергеем Удальцовым, лидером АКМ. Представители начали вести переговоры о немедленной встрече с руководителями правительства. Они также передали Лужкову общее обращение от имени всех собравшихся инициативных групп.

Оставшиеся на улице достали плакаты, на которых были написаны на-

звания «горячих точек». У некоторых были майки с художественно оформленными надписями. Люди из разных инициативных групп передавали друг другу последние новости, общались с журналистами. Время от времени скандировали: «Требуем Лужкова!», «Нет уплотнительной застройке!», «Лужков, уплотняйся сам!» От каждой отдельной инициативной группы представители ходили по очереди в приемную, чтобы передать письмо по поводу своей проблемы.

Накал собрания усилило сообщение об очередном избиении жителей. В тот день рано утром был избит лидер инициативной группы «Зеленая горка» (бульвар Рокоссовского, 42). Его под бытовым предлогом вызвали в подъезд и избили битами неизвестные люди. В 16 часов на место событий приехали два автобуса с ОМОНОм, омовцы потребовали от собравшихся разойтись. Люди отказались (ведь они ждали результатов переговоров), тогда ОМОН попытался оттеснить их от здания мэрии. Но участники акции протеста сцепились и оттеснить их не удалось. В результате ОМОН получил приказ уехать. Тем не менее одного активиста им удалось задержать. После того как выяснилось, что в одном из автобусов находится задержанный, жители перекрыли выезд и потребовали освобождения. Спустя несколько минут правоохранительные органы подчинились голосу народа.

Несмотря на долгие и настойчивые требования, чиновники категорически отказались выходить к людям. Однако удалось договориться о встрече трех представителей «антизастрочного» движения 6 сентября с Ресиным. Власть приняла обращение инициативных групп, в котором содержалось требование включить представителей инициативных групп в комиссию, созданную столичной мэрией по проблемам уплотнительной застройки.

После этой акции встреча с заместителем мэра состоялась. Представители совета озвучили согласованные на собрании СИГ четко сформулированные общие требования и вопросы. Ответы Владимира Ресина были не столь ясными. Часто звучали фразы «не волнуйтесь», «это сложно», «мы будем работать» и тому подобное. Единственным обещанием, которое выполнила московская мэрия, было приглашение представителей совета на заседания Межведомственной комиссии по вопросам «точечной» застройки (МВК). Чтобы было понятно, что это за комиссия, вернемся немного назад. 21 августа 2007 года мэр Москвы Юрий Лужков подписал постановление правительства, фактически запрещавшее «точечное» строительство

в городе. Однако теперь было необходимо, чтобы соответствующий конфликтный объект был признан «точечной» застройкой. На практике лишь малая часть точек признавались таковыми даже после рассмотрения ситуации вышеназванной комиссией.

Данная проблема существует до сих пор, но к концу 2008 года большинство первоначальных участников СИГ уже потеряли веру в возможность добиться отмены строительства, если в нем заинтересована мэрия. Однако на смену первоначальному активу приходят новые люди, поэтому СИГ продолжает действовать, хотя уже и в несколько другом формате.

На повестку дня вышли вопросы общегородского характера. Постепенно меняются акценты – от проблемы уплотнительной застройки к проблеме сохранения исторического облика города, экологической обстановке (протесты против строительства мусоросжигательных заводов, против вырубки деревьев и т. д.) и общей политической ситуации в городе. Так, чтобы демократизировать систему местного самоуправления, СИГ инициировал общегородской референдум. Наиболее инициативные участники СИГ активно продвигали идею создания совета, объединяющего все гражданские инициативы города, результатом их деятельности стало учреждение в июле 2009 года Моссовета, призванного координировать действия различных социальных движений Московского региона (жилищных, рабочих, градостроительных, экологических и т. д.) и политических активистов.

Показательным примером деятельности Моссовета можно считать общемосковскую акцию «День гнева», состоявшуюся 14 марта 2009 года в рамках межрегиональной акции «День солидарных действий против роста цен и тарифов».

«День гнева» (репортаж наблюдателя)

14 марта в Москве прошел митинг недовольных москвичей в рамках всероссийской акции солидарных действий. Акция проходила в таком формате уже второй раз, и было любопытно, как повлиял кризис на численность протестующих. Несмотря на то что общее количество участников по сравнению с предыдущим митингом увеличилось лишь на сотню человек (всего около 500), мероприятие получилось более динамичным и широким по охвату.

Из новобранцев-участников можно отметить движение автомобилист-

тов «ТИГР», инициативные группы против строительства мусоросжигательных заводов (МСЗ), оргкомитет по созданию движения в защиту детских клубов, пайщиков ПИК «Строим вместе», членов дачного товарищества «Речник», движение против сноса Центрального дома художника и прочие. Активно выступили как сторонники жилищного самоуправления, председатели ТСЖ из общемосковского движения «Жилищная солидарность», так и противники фальшивых ТСЖ из движения «Против произвола в жилищных объединениях».

Политически преобладали левые. Хотя Д. Катаев («Жилищная солидарность») выразил удивление, что нет флагов так называемых «демократических» организаций, но факт остается фактом – их не было, несмотря на то что организаторы отнюдь не препятствовали участию в акции ни партии «Яблоко», ни вновь созданному движению «Солидарность».

Большая часть ораторов представляла Совет инициативных групп (СИГ), который являлся одним из организаторов акции. СИГ, ранее специализировавшийся на проблемах точечной застройки, в последнее время явно перерос эту тему. Среди проблем, которыми занимается СИГ, и вопросы строительства мусоросжигательных заводов, и закрепление земли в собственность жителей, и развитие жилищного самоуправления. Не случайно именно представители СИГ продвигают идею создания общемосковского совета солидарных действий как органа альтернативной, народной власти. И кажется, глядя на сегодняшний митинг, что эта идея реализуема – столь широкая палитра инициатив была на нем представлена.

Выступавшие представители инициативных групп нескольких районов Москвы рисовали одинаковую картину: произвол застройщика, подкрепленный содействием коррумпированных чиновников. Жителям – либо вранье, либо репрессии. Возмущенным гулом встретили собравшиеся рассказ одной из жительниц о том, как судья, рассматривавшая дело задержанных милицией во время схода жителей, вынесла решение о том, что жители не имеют права... собираться в своем дворе. «Правильно, – прокомментировал один из участников, – юркнул по-быстрому на кухню и сиди там. А кто замешкался – пеняй на себя. Вот такая у нас демократия».

Следует отметить, что, несмотря на преобладание неополитических, социальных активистов, градус возмущения собравшихся был довольно высок. Эти люди сформировали свое мнение о власти в ходе непрерывных попыток добиться справедливости и уважения своих прав, закрепленных в законе. А в

ответ, как сказала одна их активисток из Жулебина, «не только плюют на нас, но еще и утираться не смей, стой руки по швам, жди, когда еще раз плюнут». Поэтому провокация, которую устроили неизвестные молодые люди, разбросавшие на митинге листовки, вряд ли кого-то могла поколебать в желании протестовать. Да и аргументация в листовках была явно слабенькой: «Оппозиция тащит нас к тоталитаризму». И это говорят люди, которые давно задушили все независимые СМИ, а последних редакторов и журналистов отлавливают, как зайцев, в темных подъездах.

Было принято два важных решения: инициировать проведение городского московского референдума по вопросам, касающимся разных насущных для москвичей тем, начиная с всенародных выборов мэра и заканчивая правом распоряжения дорогой московской землей и проблемами «точечной» застройки, и сформировать Московский совет социальных инициатив. Всем желающим участвовать было предложено оставить свои координаты.

Объединительные процессы – Санкт-Петербург: коалиция коалиций. В Петербурге процесс объединения идет по другому пути. В городе действует несколько тематических коалиций, в той или иной мере ориентированных на борьбу с уплотнительной застройкой: Движение гражданских инициатив (ДГИ), движение «Живой город», движение «Охтинская дуга» и другие. Каждое из них сосредоточено на определенном аспекте этой борьбы. ДГИ занимается уплотнительной застройкой и жилищными вопросами, «Живой город» – сохранением культурного и архитектурного наследия. «Охтинская дуга» изначально возникла как протестная инициатива против строительства газпромовского небоскреба.

Эти коалиции имеют сложные отношения между собой, обусловленные различиями в конкретной работе и взаимоотношениях с политическими партиями. Однако они способны скоординировать свои усилия ради общей цели, в том числе провести общегородские акции под общими лозунгами и требованиями.

Одной из общих кампаний в 2007–2008 годах, вокруг которой объединились все три движения, стала кампания за внесение поправок в Генеральный план Петербурга и Правила землепользования и застройки (ПЗЗ). Активисты требовали четко зафиксировать условия, при которых разрешается новая застройка, чтобы снизить влияние «корруп-

ционных связей чиновничества со стратегическими и нестратегическими инвесторами» (именно такая формулировка содержится в открытом обращении, переданном ДГИ в Комитет по градостроительству и архитектуре города).

Для достижения этой цели активисты разработали поправки к правилам, организовали в кварталах альтернативные общественные слушания, отправили письма, обращения и петиции, провели пикеты, митинги, подняли этот вопрос на нескольких общегородских акциях. Уже на этапе предварительного обсуждения проекта ПЗЗ развернулись настоящие общественные баталии. Остановимся на одном из общегородских митингов, свидетелем которого стал автор.

Марш за сохранение Петербурга

13 сентября 2008 года в полдень в Петербурге должен был начаться Марш за сохранение Петербурга. Вернее, оргкомитет (представители пяти движений и организаций) подал заявку на шествие, а мэрия отказала согласовать какой-либо маршрут. В итоге в начальной точке объявленного марша у станции метро «Спортивная» состоялся митинг. Людей встречало огромное количество омоновцев и милиционеров, которые блокировали все подходы к проезжей части (на случай, если вдруг участники акции вздумают начать движение). Так что митинг прошел непосредственно на площади у метро.

Собралось около 1000 человек. Количество милиции, по словам петербуржцев, было беспрецедентным для города и сравнимо только с Маршами несогласных. Впрочем, ОГФ и нацболы (боевой отряд Маршей несогласных) в последний момент отказались от участия в акции, не согласившись с запретом на политическую символику со стороны организаторов. Основную массу участников составили активисты Движения гражданских инициатив, «Живого города» и многочисленных инициативных групп жителей, выступающих против точечной застройки и уничтожения исторических памятников.

Митинг начался с небольшого концерта, в котором приняли участие питерские музыканты, в том числе Юрий Шевчук. Затем слово было предоставлено представителю Московского совета инициативных групп против точечной застройки, который выразил солидарность жителей Москвы с собравшимися и пожелал успехов в борьбе.

Остальные ораторы обличали деятельность питерской мэрии, которая в угоду крупному бизнесу ведет целенаправленную политику по разрушению

исторического центра города, являющегося объектом всемирного культурного наследия и жемчужиной мировой архитектуры.

Особенно тепло собравшимся было встречено выступление пожилой блокадницы, которая, проведя параллели между попытками уничтожения города со стороны гитлеровцев и нынешних властей, призвала жителей к столь же самоотверженной борьбе за спасение родного города, как и в годы войны.

Участники митинга держали множество плакатов, наиболее часто повторяющимся лозунгом был: «Сохраним живое сердце города».

На взгляд наблюдателя из Москвы, особенно замечательной была общая дружественная и достаточно веселая (при этом боевая) атмосфера, царившая на митинге. Не произошло никаких провокаций, представители от каждого движения и политической партии (в частности, от «Яблока» и КПРФ) спокойно, без тени ревности или напряжения ожидали своей очереди выступить. Рок-музыканты пели, жители читали стихи. Люди активно общались между собой. Видно было, что они получают удовольствие от участия в мероприятии, а также от ощущения общей гражданской позиции.

Эта атмосфера, как кажется, способствовала сближению позиций и созданию общего духа гражданского сопротивления. Правда, не хватало «драйва», который так нравится некоторым непреклонным оппозиционерам. Нацболы и активисты ОГФ отказались принять участие в мероприятии в том числе и по этой причине. По их мнению, акция должна быть несанкционированной.

Благодаря последовательной и длительной кампании, а также помощи некоторых депутатов Законодательного собрания от фракции КПРФ удалось добиться внесения существенных поправок в ПЗЗ. Это большое достижение.

Лидер ДГИ оценивает его следующим образом: «Действительно, ПЗЗ представляют уникальный пока пример активного участия общественности в принятии важного для города закона. Многие требования, выдвигавшиеся в ходе публичных слушаний, попали в окончательный текст. Это создаст дополнительные правовые условия для борьбы жителей с произволом застройщиков. Но не надо забывать, что закон носит компромиссный характер: его отдельные положения имеют общий, а иногда и расплывчатый характер. Это означает, что с принятием закона борьба общественных организаций за благоприятные условия проживания жителей и сохранение историко-культурного наследия будет продолжаться».

Еще одной кампанией, объединившей все движения (с активным участием историков, архитекторов, оппозиционных политических партий), стала битва за сохранение исторического центра города – в частности, протест против проекта строительства «Охта-центра». По информации, который располагают местные жители, инвестиционный проект предусматривает снос исторических зданий, расселение не менее 800 квартир и строительство огромного небоскреба. Эта борьба идет с 2007 года и в момент написания этих строк продолжается. На сегодняшний день были использованы все методы: альтернативные слушания, обращения, сборы подписей, обращения в суд (вплоть до Верховного суда), проведение пикетов, митингов, вплоть до референдума.

Одним из показательных эпизодов этой баталии является описанное ниже событие.

Публичные слушания с ОМОНам

27 июня 2008 года прошли публичные слушания по проекту планировки и межевания территории под строительство делового комплекса «Охта-центр». Из-за отказа организаторов (городские власти) предоставить слово представителям общественных организаций, выступающих с обоснованной критикой проекта, активисты общественных объединений ДГИ, «Живой город» и «Охтинская дуга» вышли на сцену и пытались блокировать слушания, организованные с грубыми нарушениями закона. Тут же и на них напали омоновцы, которые окружали сцену с самого начала мероприятия. Омоновцы грубо вытаскивали активистов со сцены и из зала. Так был создан прецедент использования ОМОНа для «охраны» общественных слушаний.

Кроме всего прочего, как удалось доказать активистам, большинство присутствующих в зале были фигурантами, нанятыми за деньги, которым было поручено одобрять все предложения власти.

Официальная версия, которая была растиражирована официальными СМИ, гласила, что слушания прошли успешно, общественность одобрила план строительства, а кучка провокаторов была нейтрализована. Для дискредитации акции власти использовали тот факт, что среди выходивших на сцену активистов были нацболы, которые выставили на всеобщее обозрение свою символику. Таким образом, акция могла быть преподнесена как провокация каких-то политических партий.

В связи с этим и с дезинформацией со стороны властей ДГИ выпусти-

ло информационное сообщение, которое мы приводим ниже. К сожалению, информационное сообщение дошло далеко не до каждого и было размещено лишь на дружеских сайтах.

Информационное сообщение координационного совета Движения гражданских инициатив

В связи с возможностью появления в СМИ различных версий событий 27 июня в бизнес-центре «Буревестник» на так называемых публичных слушаниях по проекту планировки территории под строительство «Охта-центра» координационный совет ДГИ принял решение проинформировать общественность Санкт-Петербурга о следующем:

1. Решение о блокировании начала публичных слушаний с требованием отозвать представленную на них градостроительную документацию, не соответствовавшую требованиям законодательства, было принято на совместном совещании представителей общественных объединений ДГИ, «Живой город» и «Охтинская дуга». Политические партии или иные политические силы не были инициаторами или участниками этого решения.

2. Данное решение носило вынужденный и обоснованный характер, так как по опыту всех других общественных обсуждений, в том числе по проекту временного регламента застройки территории «Охта-центр» 14 января 2008 года, органы власти – организаторы слушаний игнорировали и фальсифицировали их результаты; кроме того, в организации информирования населения и проведении экспозиции материалов к слушаниям 27 июня были зафиксированы такие нарушения, которые требовали как минимум переноса слушаний на более поздний срок.

3. На совещании общественных объединений 26 июня было решено, что если организаторы слушаний проигнорируют наши требования, а большинство в зале их не поддержит, продолжить участие в этих слушаниях в обычном режиме, чтобы довести наши аргументы до жителей и прессы, что и было реализовано 27 июня.

4. Особое негодование общественности, пришедшей на слушания, вызвало присутствие в зале бизнес-центра «Буревестник» нескольких сотен человек, специально нанятых организаторами слушаний для фальсификации общественного мнения по вопросу о строительстве высотной башни «Газпрома» на Охте. Эти факты прямого подкупа и нарушения если не буквы, то духа законодательства об общественных слушаниях, зафиксирован-

ные многочисленными свидетелями, требуют, на наш взгляд, правовой оценки прокуратуры Санкт-Петербурга.

5. Выход на сцену президиума слушаний нескольких десятков участников слушаний, инициированный группой нацболов и лидером питерского «Яблока» Максимом Резником, был осуществлен после отказа организаторов слушаний поставить микрофоны в зале и предоставить слово представителям общественных организаций в рамках предусмотренного регламента проведения слушаний.

Пытаясь при помощи мегафона, несмотря на obstruction организаторов и подкупленной части участников слушаний, довести до собравшихся информацию о нелегитимности их проведения, представители общественных организаций несколько раз обращались к организаторам с предложением о прекращении акции протеста сразу после того, как директору Центра «ЭКОМ» А. С. Карпову будет предоставлена возможность озвучить сообщение о нарушениях законодательства при подготовке этих слушаний, а также продемонстрировать фотографии, свидетельствующие о подкупе значительной части их участников. Эти компромиссные предложения были проигнорированы представителями власти, которые предпочли использовать грубую силу.

6. Применение физической силы ОМОНа к участникам мирной акции гражданского неповиновения и фальсификация судебных дел против восьмерых задержанных по статье 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» (по рапортам милиционеров – за нецензурную брань) еще раз показало, насколько далеко нынешняя Россия находится от идеалов правового государства. Прецедент использования ОМОНа на общественных слушаниях, впервые созданный органами власти Санкт-Петербурга 27 июня этого года, заставляет задуматься о целесообразности дальнейшего участия общественных организаций в подобных «демократических» процедурах обсуждения градостроительных решений.

7. Участники внеочередного заседания координационного совета ДГИ, проведенного у помещения мирового суда, где рассматривались дела задержанных на слушаниях, единогласно поддержали решение совещания общественных объединений 26 июня о блокировании слушаний по документации «Охта-центра», одобрили действия членов ДГИ в ходе проведения слушаний, выразили сожаление, что демонстрация символики НБП незначительной частью тех, кто вышел на сцену зала «Буревестник», будет использована властью и некоторыми СМИ для извращения общегражданского характера этой

правомерной акции протеста.

Действия активистов позволили отложить начало строительства и принятие окончательного решения, но проект до сих пор не отозван. В начале апреля 2009 года правительство Петербурга утвердило очередной проект планировки территории под «Охта-центр». Активисты ответили формированием еще более широкой коалиции (под условным названием «Антикукуруза»), в которую вошли представители «Яблока», ДГИ, ОГФ, КПРФ, КЕД, АКМ, РКРП, «Левого фронта», движения «Солидарность», «Охтинской дуги», РОО «Полюстрово». Это сообщество открыто для всех оппонентов газпромовской башни. Деятельность оргкомитета движения и значимость этого вопроса для всех жителей города позволили собрать на Марш в защиту Петербурга 10 октября 2009 года более 4000 человек.

Процесс объединения ускорился в начале 2010 года, с развитием городских движений по всей стране. Так, 13 марта 2010 года, накануне общегородского митинга гражданской солидарности 20 марта, в Санкт-Петербурге прошла конференция активистов социально-протестного движения «Социальные проблемы Санкт-Петербурга и очередные задачи протестного движения». В ней участвовали около 130 делегатов от более чем 30 организаций, движений и инициативных групп, в том числе от Ассоциации малого бизнеса, Движения гражданских инициатив, «Живого города», «ТИГР», профсоюзов, дольщиков, жителей общежитий, антимансардной коалиции, гаражников, градозащитников, движения «Зеленая лента». По итогам конференции был одобрен принцип создания единого координационного органа для консолидации усилий всех социальных движений города.

Итог. Эти и другие примеры (подобные коалиции формируются сейчас во многих городах страны) наглядно показывают, что, несмотря на обособленность и противодействие процессам консолидации со стороны городских властей и бизнеса, конфликты редко остаются в границах одного дома или одного двора. Во многом это происходит по причине того, что частные проблемы тесно связаны с общей проблемой – как заставить власть и бизнес считаться с гражданами-горожанами. На кону вопрос о том, кто управляет городом, кто в городе хозяин.

Жилищные активисты все чаще поднимают общие проблемы градост-

роительной политики, экологии, культурной, образовательной и социальной инфраструктуры, проявляют интерес к местным выборам. Так, в некоторых городах (Москва, Пермь, Ижевск, Астрахань, Иркутск и другие) представители инициативных групп приняли участие в выборах и кое-где (правда, таких случаев мало) им даже удалось пройти в местные органы власти.

Расширение спектра интересов жителей способствует процессу объединения различных инициативных групп и точечных движений в единую сетевую структуру. На уровне городов уже возникло множество координационных структур (Совет инициативных групп в Москве, расширенные оргкомитеты единых акций в Санкт-Петербурге, Совет общественных инициатив в Иркутске, движение «Наш город» в Калининграде и т. п.). Чаще всего эти структуры существуют неформально – в рамках проведения конкретной кампании или единой акции. Однако некоторые из них действуют на постоянной основе, например, московский совет (СИГ) или Движение гражданских инициатив Санкт-Петербурга (ДГИ). Большинство этих городских движений взаимодействуют между собой и знают о существовании друг друга. Многие (как, например, СИГ и ДГИ) входят в межрегиональную сеть Союза координационных советов России (СКС).

Движение за жилищное самоуправление и капремонт. В рамках жилищного движения одно из его тематических направлений сильно отличается от прочих как по методам действий, так и по содержанию деятельности – речь идет об инициативах, связанных с проблемой управления многоквартирными домами. Существует небольшой, но все увеличивающийся пласт жителей, которые добиваются возможности управлять своим домом или по крайней мере контролировать это управление. Эти люди проявляют самый высокий уровень организации и готовности к самоуправлению, в том числе по хозяйственным вопросам, выдвигают инициативы, способные дать большой толчок развитию низовых социальных движений и преобразовать общественную культуру «обывателей».

Итак, люди, объединенные в домовые комитеты, инициативные группы или советы дома, борются против захвата своего дома или жилищного фонда в целом связанными с местными властями частными управляющими компаниями, которые препятствуют жителям в организации управления общим имуществом дома. Эта категория жилищных активистов отли-

чается высокой степенью самостоятельности, инициативности и новаторских способностей. Именно в их числе большая доля тех, кто полностью избавился от иллюзий государственного патернализма, решил не ждать милости от государства, а действовать самостоятельно и в случае необходимости заставлять государство выполнять свои обязательства перед жителями (например, по проблеме капремонта).

Подвижников жилищного самоуправления немного. Основная масса жителей пассивна и консервативна, они занимают выжидательную позицию и надеются, что государство позаботится о них⁶, – эти люди действуют и мыслят привычными схемами и не знают или не осознают, что государство уходит из жилищной сферы. Другая часть – не столь многочисленная – ограничивается выражением протеста (иногда на улице, но чаще всего на кухне) против реформы и возмущается отказом государства от ответственности в жилищной сфере. Наконец, лишь небольшая часть пытается взять управление домом в свои руки и использовать новый Жилищный кодекс в своих интересах.

Именно их мы называем жилищными активистами, подвижниками жилищного самоуправления – они те, кто идет по пути создания непосредственного управления (НУ), «народного» ТСЖ (термин, использованный самими активистами для обозначения ТСЖ, созданного снизу по инициативе жителей, а не навязанного ЖЭКом) или коллективного органа контроля над управляющей компанией (домком, совет дома). Сегодня их еще мало, но с каждым днем таких людей становится все больше – к началу 2009 года многие из них убедились, что бесконтрольные управляющие компании работают неудовлетворительно, и пытаются уходить от них.

Термин «жилищное самоуправление» – условно общее название, предложенное во многом экспертами для обозначения разных практик самоуправления или контроля со стороны жителей над тем, что происходит с домом, в котором находится их квартира, – за что они платят, на что идут деньги, каково качество услуг. Но и сами жители все чаще используют эту формулировку. По крайней мере среди активистов этот термин уже вошел в обиход.

Отметим, что движение за жилищное самоуправление является менее протестным и более ориентированным на конструктивное решение проблем дома. Протест против плохой работы ЖЭКов и других псевдомуни-

ципальных контор, как правило, заключается не в уличной деятельности, а в укреплении самоуправления домом, повышении способности к сопротивлению и стремлении выйти за пределы собственного дома, чтобы найти союзников и оказать влияние на общий курс жилищной политики.

Описываемое движение достаточно раздроблено, оно действует в двух взаимосвязанных направлениях.

Задача первого направления – добиться реального самоуправления без участия лишних посредников и без препятствий со стороны властей и бизнес-структур. Для достижения этой цели проводятся семинары, конференции, встречи, в рамках которых жилищные активисты обмениваются опытом. Кроме того, ведется кампания по внесению поправок в Жилищный кодекс, которые призваны упростить процедуру самоуправления и удалить препятствия на пути к нему. Часть этих поправок уже внесены в Госдуму несколькими депутатами-жилищниками и даже приняты в первом чтении. Но, очевидно, лобби управляющих компаний блокирует их дальнейшее продвижение.

Цель второго направления – добиться, чтобы государство признало свою ответственность за несделанный капитальный ремонт зданий, пришедших из-за бездействия ЖЭКов в упадок. Жители в течение многих лет оплачивали счета этих муниципальных контор, но основная часть денег шла не на ремонт домов, а на иные цели – особенно начиная с постсоветского времени. По официальной статистике, износ жилищного фонда – 60%! Теперь, после принятия нового Жилищного кодекса, власть говорит жителям: ремонтируйте ваши развалюхи сами и за свой счет!

Жилищные активисты, особенно те, кто действует в рамках Союза координационных советов (СКС), провели кампанию с основным требованием: сделать капитальный ремонт старых домов за счет государства. Ответом на это требование отчасти является принятие Федерального закона №185-ФЗ (от 21 июля 2007 года), по которому правительство выделяет 250 миллиардов рублей из государственного бюджета на проведение капитального ремонта. Однако жилищные активисты продолжают вести кампанию «капремонт старого фонда за счет государства». Дело в том, что закон №185-ФЗ признан всеми недостаточной мерой: выделенная сумма явно мала, закон имеет слишком ограниченный срок действия, он ставит множество условий, в нем не предусмотрена возможность контроля со стороны объединений жителей за расходами, кроме того, этот закон пред-

полагает огромные возможности для разворовывания денег чиновниками. Все эти позиции отражены во множестве резолюций и подтверждаются фактами из практики.

Основная ячейка самоуправляющегося жилищного движения – коллективный орган управления домом. От того, насколько он сплочен, активен, принципиален и насколько представительным является его состав, зависит успех не только в деле содержания и восстановления дома, но и в деле развития движения в целом: сможет ли он найти союзников, подражателей, эффективно бороться за изменение курса в жилищной политике.

Как простые люди – пенсионеры, домохозяйки, работяги – вдруг преобразуются в активистов жилищного самоуправления? Это ключевой вопрос, и мы попытаемся дать на него подробный ответ в пятой главе на примере жилищного движения в Астрахани.

В данной главе мы хотим показать, как ячейки самоуправления и подвижники, взаимодействуя между собой, образуют целостное движение.

Самоуправляющиеся сообщества объединены прежде всего в городские движения («Союз жителей» в Астрахани, Движение домкомов в Ижевске, «Народный жилищный форум» в Саратове, «Жилищная солидарность» в Москве и Ярославле, Движение жилищного самоуправления в Новосибирске и т. п.). Это объясняется тем, что на уровне города происходит распространение опыта – из уст в уста, от соседа к соседу, от родственника к родственнику, а также через местные газеты. Кроме того, сотрудничество стимулирует необходимость объединения для оказания эффективного давления на коммунальщиков-монополистов и противодействия попыткам местных властей подавить самоуправляющиеся инициативы.

Несколько общероссийских сетевых структур существуют и на федеральном уровне. Самой динамичной и действительно низовой структурой является Межрегиональный общественный союз жителей. Он был создан в сентябре 2007 года и объединяет исключительно самоорганизованные объединения жителей в 40 регионах страны – дома в НУ, «народные» ТСЖ, домкомы или инициативные группы при управляющих компаниях, если те ими контролируются и были выбраны. Союз четко стоит на принципах жилищного самоуправления и осуществления жителями контроля над всеми вопросами, касающимися их дома.

Существуют и еще несколько межрегиональных структур. Одна из них носит формальное название Проект «Поддержка собственников жилья». Эта поддерживаемая рядом фондов структура не претендует на статус движения, а занимается обучением и информированием. Тем не менее и она связывает дееспособные самоуправляющиеся сообщества. В начале 2009 года этот проект вылился в создание Ассоциации ТСЖ и ЖСК.

Наконец, следует упомянуть и Ассоциацию организаций в сфере управления недвижимостью «Жилищная стратегия» (АЖС), президентом которой является депутат Госдумы Галина Хованская. Основной метод действия этой организации – проведение конференций и лоббирование интересов. АЖС отличается тем, что лоббирует интересы частных управляющих компаний (по заявленной цели – выбранных и контролируемых жителями). Однако на организованных ею мероприятиях можно встретить представителей многих дееспособных самоуправляющихся объединений.

Учредительная конференция Российского движения жилищного самоуправления «Союз жителей» (Астрахань, 29-30 сентября 2007 года): заметки наблюдателя-подвижника

Название движения отражает его суть. По замыслу инициаторов, движение жилищного самоуправления должно опираться на передовую часть жителей – тех, кто не ждет манны небесной, а берет контроль над своим домом и землей и активно сопротивляется попыткам властей саботировать самоуправление. Как сказал один из участников, «жилищное самоуправление – это школа самосознания и коллективизма».

За создание движения проголосовали единогласно все делегаты съезда, прошедшего 29-30 сентября в Астрахани. Собралось свыше 300 человек из 37 регионов – председатели ТСЖ и ЖСК, уполномоченные домов в непосредственном управлении, уполномоченные жильцами дома на проведение переговоров с управляющими компаниями, лидеры домкомов, региональные объединения и эксперты.

Организаторы постарались отсеять любые мнимые формы самоуправления, созданные «сверху». Может быть, некоторые «туристы» и подкормленные активисты проскочили, но они не смогли повлиять на ход событий.

Съезд прошел в Астрахани не случайно, этот город – с тысячей домов в непосредственном управлении (НУ) – можно считать своего рода столицей жилищного самоуправления, несмотря на серьезное противодействие со сто-

роны местной администрации. В других регионах эта форма намного менее развита, а порой и полностью игнорируется.

Одной из целей конференции являлась пропаганда этой формы самоуправления, демонстрация жилищным активистам из других городов ее жизнеспособности и привлекательности. В рамках достижения этой цели были организованы семинары по поводу НУ, а также экскурсии участников по домам в НУ. Примеры убедили далеко не всех, многих активистов ТСЖ смущало то, что движение средств чаще всего идет в виде наличного расчета между соседями. Многие активисты домкомов не понимают, как можно брать дом в самоуправление без гарантий со стороны властей, что переданный дом подлежит капитальному ремонту. Тем не менее энтузиазм местных активистов и улучшение состояния домов отметили все.

Ведущую роль в подготовке и проведении мероприятия сыграл депутат Госдумы РФ от Астраханской области и давний защитник жилищного самоуправления Олег Шеин. Он же стал фактическим лидером созданного движения.

Открывая конференцию, депутат четко выразил суть проекта – создать эффективную общественную структуру, наподобие «жилищного профсоюза», представляющую реальную силу и способную преодолеть «палки в колесах, которые вставляют государственные органы тем, кто встал на путь самоуправления».

После него на первом пленарном заседании выступила Ирина Каверина, председатель Союза собственников жилья Санкт-Петербурга, и подтвердила, что создание всероссийского движения необходимо для укрепления позиций самоуправляющихся активистов.

Андрей Коновал, председатель Движения домкомов г. Ижевска, напомнил, что Жилищный кодекс и другие жилищно-строительные нормы в целом негативно отражаются на правах жителей и что с этим надо бороться. Кроме того, он добавил, что нельзя ограничиваться только протестом, поскольку, по его словам, «если мы не научимся управлять своим домом, мы никогда не сможем управлять страной».

«Мы не кухарки, мы сами управляем»

Мысль Коновала наглядно проиллюстрировала Валентина Воронина, председатель «Союза жителей» г. Астрахани и уполномоченная дома в НУ. С трибуны она начала свою речь следующими словами: «Хотя нам говорят, что мы кухарки, которые взялись управлять государством, и что нам нечего вме-

шиваться в дела ЖКХ, именно мы поднимаем наши дома из руин!». Эти слова вызвали бурные аплодисменты. Продолжая, Воронина отметила, что взять дом в самоуправление не означает простить долги государству. «Нет, – уточнила она, – мы боремся и дальше будем бороться, чтобы государство ответило за развалюхи, которые передает жильцам без предварительного восстановления».

Карин Клеман подчеркнула, что основная цель конференции – выяснить, на каких принципиальных позициях, несмотря на отдельные разногласия, жилищные активисты могут объединиться. Она добавила, что необходимо выработать общую стратегию по разным направлениям работы – по протестной борьбе, лоббированию, самоорганизации и судебной практике. Этому была посвящена работа по секциям, которая шла весь первый день.

Основная часть конференции проходила в форме жилищного форума, в ходе которого было организовано 19 секций или круглых столов, касающихся всех важных тем жилищного самоуправления: стратегии в отношении естественных монополистов и властей, договоров с поставщиками услуг или управляющими компаниями, защиты общего имущества, земельного вопроса, капремонта и, конечно, необходимых изменений в жилищном законодательстве.

Во всех секциях было отмечено, что закон не работает даже в тех случаях, когда защищает интересы жителей, и что необходимо требовать от Министерства регионального развития, чтобы оно подготовило все необходимые подзаконные акты (в том числе типовые договора), конкретизировало процедуры передачи земли в общую собственность и предусмотрело уголовную ответственность для должностных лиц, противодействующих праву жильцов на управление домом и землей.

Также были отмечены все негативные или противоречивые пункты законодательства, по которым были предложены альтернативные решения. Например, по мнению участников конференции, необходимо законодательно снять коллективную ответственность всех собственников за неплатежи в случае ТСЖ, а также принять четкие нормы регулирования деятельности управляющих компаний, которые сейчас обладают почти неограниченной свободой действий и практически не подлежат контролю со стороны государства.

По вопросу о капремонте, который вызвал наибольший интерес наряду с секцией о земле, участники конференции единогласно отметили явные недостатки закона №185-ФЗ «О фонде содействия реформированию жилищно-

коммунального хозяйства». По их мнению, он является просто «элегантным» способом для государства отказаться от своих обязательств перед жильцами. Среди прочих предложений звучала идея ремонтных сертификатов, которые должны быть розданы всем недоремонтированным домам и в которых должен быть зафиксирован объем необходимых ремонтных работ. Несмотря на ограниченные законодательные возможности, участники секции долго обсуждали примеры положительных судебных решений – например, в Ижевске, где суд признал ответственность мэрии за несделанный капремонт и обязал ее оплатить все необходимые работы.

По вопросу о земле и общем имуществе участники конференции пришли к единому мнению: закон не работает, и даже формальная регистрация прав на общую домовую территорию или общее имущество не защищает от покушения на общую собственность со стороны как местной власти, так и строительного бизнеса. Поэтому Михаил Беляев, член Движения гражданских инициатив и председатель ТСЖ (Санкт-Петербург), выразил мнение, что необходимо отстаивать право фактического распоряжения и управления общей собственностью, а не только право ее формальной регистрации. Для убедительности он повторил известный лозунг: «права не дают, права берут».

Хотя некоторые участники и были склонны полагаться исключительно на помощь «сверху» – от депутатов или влиятельных должностных лиц, – большинство все же не только понимало, но и уже испытало на себе необходимость ведения ежедневной борьбы за самоуправление. Одними прекрасными законодательными предложениями ситуацию не переломить, необходимо сильное давление снизу на власть. В области организации массовых протестных кампаний своим богатым опытом поделились представители Координационного совета гражданских действий г. Ижевска и Движения гражданских инициатив г. Санкт-Петербурга. Лидеры этих движений акцентировали внимание на том, что в протестной кампании у движения жилищного самоуправления есть козырь – оно может привлечь людей не просто абстрактными политическими лозунгами, которые уже не работают, а практическими делами.

На этой конференции иногда звучали странные высказывания некоторых «экспертов» о том, что самоуправление – это дело профессионалов и простым жильцам не надо этим заниматься. Однако это мнение явно противоречило общему настрою и убеждениям: большинство участников – как раз те «простые» жители, которые с удовольствием занимались бы более интерес-

ными делами, если бы не то наплевательское и наглое отношение к ним со стороны властей, которое привело их дома в столь плачевное состояние. Возмущенные речью «экспертов», участники конференции не дали им вообразить себя «профессионалами» и возразили, что они накопили такой опыт, что уже намного более компетентны, чем любой так называемый «эксперт». Кроме того, собравшиеся обратили внимание на то, что одной из целей движения как раз является повышение уровня подготовки жилищных активистов путем налаживания системы постоянного обучения и обмена опытом.

«Самоуправление – это школа коллективизма», – к такому выводу пришли участники секции, посвященной проблемам и перспективам жилищного самоуправления. В ходе дискуссии выяснилось, что среди главных проблем, с которыми сталкиваются «подвижники» жилищного самоуправления, – сопротивление, пассивность и раздробленность соседей, склонных действовать по принципу «сосед соседу – враг».

Отсюда и ежедневная работа уполномоченных дома по сплочению коллектива, проведению собраний, информированию жителей, обеспечению финансовой прозрачности, достижению конкретных результатов по восстановлению дома, сглаживанию конфликтов, коллективному противостоянию общему врагу, созданию общегородского движения, организации акций протеста и так далее. То есть об огромном объеме работы, без которой самоуправление невозможно и который приносит радость в виде роста коллективной вовлеченности жильцов.

После отчетов модераторов о работе секции конференция плавно перешла к организационной части. Оказалось, что позиции участников по общим вопросам настолько близки, что проект декларации (ее название: «Жилищное самоуправление – народный ответ на произвол чиновников и управляющих компаний!») был принят единогласно и без существенных поправок. На единодушие повлияло и то, что главы региональных делегаций накануне уже согласовали основные моменты. Таким образом, участники конференции утвердили создание Движения жилищного управления.

Это движение предстояло зарегистрировать, поэтому был обсужден проект устава. Его также приняли без принципиальных возражений.

Согласно уставу членами движения могут быть следующие сообщества: региональные общественные объединения, которые представляют самоуправляющиеся дома, ТСЖ, ЖСК, НУ, а также лица, уполномоченные жильцами на проведение переговоров с управляющими компаниями, и уполномо-

ченные общежитий от не менее одной пятой жителей соответствующего общежития. Принцип представительства обозначен предельно четко: один дом – один голос.

Столь жесткие ограничения, как объяснил Олег Шеин, нацелены на то, чтобы оградить движение от паразитирующих элементов, которые либо способны лишь на то, чтобы давать экспертные мнения, либо просто наживать-ся на жилищном движении. Кроме того, такое разграничение позволяет опереться на реальных активистов самоуправления, стимулирует коллективных членов объединить больше домов и не исключает сотрудничества с экспертными сообществами, НГО другого профиля и протестными движениями. Эти аргументы стали решающими для тех, кто боялся слишком сузить движение.

По окончании дискуссии участники выбрали членов рабочей группы, которой предстояло непосредственно на практике сформировать движение и зарегистрировать его.

Положительным является тот факт, что движение создается четко в противовес попыткам властей всех уровней, и в первую очередь на местном уровне, симулировать или уничтожить жилищное самоуправление, что является гарантией независимости от властей.

Что касается партий, то дела обстоят следующим образом: проведению съезда содействовала партия «Справедливая Россия», членом президиума которой является Олег Шеин. Однако ее присутствие оказалось достаточно ненавязчивым – ни флагов, ни другой символики партии не было.

Лидер партии Сергей Миронов, который должен был приехать на второй день работы конференции, отменил свой визит из-за срочного созыва Совета Безопасности. С одной стороны, это огорчило ряд активистов, которые надеялись получить возможность передать третьему лицу в государстве свои предложения и претензии, касающиеся жилищного законодательства. С другой – его отсутствие позволило сфокусировать внимание на рабочих вопросах.

От имени партийного руководства делегатам конференции был предложен проект соглашения между движением и «Справедливой Россией», которая обязалась поддерживать законодательные инициативы движения по изменению жилищного законодательства. Проект был поддержан. Констатируем и тот факт, что пока только одна партия имеет отвечающую интересам жителей программу реформирования ЖКХ. К «Справедливой России» принадлежат и самые активные законодатели и эксперты в этой сфере – Олег

Шейн и Галина Хованская. Впрочем, новое движение готово к контактам со всеми, кто хочет помогать жителям, не выдвигая предварительных условий.

В целом на конференции преобладали беспартийные жилищные активисты, среди партийных были представлены почти все цвета нынешнего партийного поля – от КПРФ до партий «Яблоко» и «Патриоты».

Первоочередной задачей вновь созданного движения была обозначена необходимость наладить оперативную систему обмена информацией и опытом – ее решение все участники сочли наиболее срочным и необходимым. С этой целью предполагается создать базу данных, открытую для всех членов движения, и организовать систему электронной рассылки. Кроме того, рабочая группа взяла на себя работу по созданию и поддержанию сайта движения.

Другим направлением работы станет обучение и составление пособий и практических материалов.

Чтобы оказать влияние на чиновников и политиков, необходима массовость и сплоченность, поэтому участники конференции обещали создать в своих регионах мощные региональные движения, подобные тому, что уже существует в Астрахани под названием «Союз жителей».

Все поставленные задачи в той или иной степени были выполнены.

В качестве примера, иллюстрирующего деятельность «Союза жителей», а также отношение государственных чиновников к жилищным активистам, приведем заметки о круглом столе, прошедшем 27 мая 2008 года в Москве.

Круглый стол с чиновниками: *«Управление многоквартирными домами: что нужно изменить в законодательстве?»*

Круглый стол был организован рабочей группой «Союза жителей» с целью установить диалог между жилищными активистами и чиновниками, от которых зависит судьба поправок к Жилищному кодексу. Круглый стол проходил в Центральном доме журналистов (Москва), но журналистов на него пришло мало. Да и от чиновников присутствовали в основном вторые лица. Жилищное движение было представлено достаточно широко: двадцать лидеров региональных объединений жителей – от Калининграда до Иркутска – высказали прессе и чиновникам свои претензии и предложения по изменению жилищного законодательства.

Суть выступлений жилищных активистов сводилась к следующему:

1 раз государство снимает с себя ответственность по управлению многоквартирными домами, люди готовы взять свои дома в самоуправление;

2 государство, заявляя на словах о поддержке жилищной реформы (потребители сами должны выбирать обслуживающие компании и прочее), на деле ставит все новые и новые барьеры.

Пожалуй, впервые за всю историю реформы ее идеологи встретились с правоприменителями в лице жилищных активистов.

Активисты затронули основные проблемы: дать жителям возможность напрямую заключать договора с коммунальными службами, какая бы форма управления ни была ими выбрана, обязать монополистов заключать индивидуальные договоры, упорядочить вопрос о бесплатной передаче придомовой территории в собственность жителей дома, остановить распродажу общей собственности жителей (подвалы, чердаки), упорядочить процедуру передачи домов в управление (с обязательным составлением акта технического состояния дома), признать непосредственное управление как равную с другими форму управления (включить НУ в федеральную программу о капремонте). И главное – законодательно установить ответственность чиновников за нарушение норм Жилищного кодекса.

Чиновники и эксперты от правительства слушали, слушали и наконец высказались сами. Стало очевидно, что они не услышали того, что пытались до них донести.

Сергей Сиваев («Фонд экономики города»), после того как назвал себя «независимым» экспертом, стал объяснять жилищным активистам, что он придерживается позиции, чтобы весь жилищный фонд был передан управляющим компаниям. ТСЖ – это хорошо, если оно будет лишь посредником между жителями и УК. Почему? Потому что управлять должны «профессионалы».

«Вежливостью» всех превзошел молодой представитель Фонда содействия реформированию ЖКХ Андрей Чибисов, который сразу же, в начале своего выступления, начал высмеивать самоуправленцев, спрашивая, как те решают вопрос с вывозом мусора. «Не отвечайте, – тут же продолжил он, – я знаю – вываливаете мусор в конце улицы!» Люди отреагировали громко и возмущенно. Зазвучали фразы: «Проявляйте хоть уважение!», «А частные конторы с уставным капиталом в 10 000 рублей – ответственные профессионалы?», «Мы как раз не выносим мусор на улицу, мы – ответственные люди!».

Таким образом проходил «диалог» между чиновниками и общественниками.

После этого инцидента представитель Минрегиона уже не нашел что сказать по существу. Он лишь призвал всех наладить диалог без взаимных оскорблений. И отметил, что раз государство выбрало такой путь в жилищной политике, то с этим надо мириться и пытаться приспосабливаться.

Если оценить мероприятие в целом, то оно не было бесполезным. Во-первых, впервые чиновники увидели в лицо тех, с кем им придется еще часто сталкиваться – будь то в кабинетах или на улицах. Во-вторых, жилищные активисты получили опыт общения с авторами и исполнителями нынешней жилищной политики. Они смогли убедиться в том, что борьба за жилищное самоуправление будет еще очень и очень долгой. В-третьих, стало понятно (особенно в ходе утреннего – подготовительного – собрания активистов), что сообщество жилищных активистов из разных регионов уже сложилось, что они набирают колоссальный опыт использования судебной практики, ведения переговоров и противодействия произволу властей. Всех их объединяет общая позиция – дома и придомовые территории должны контролироваться жителями.

Общая активистская среда подвижников жилищного самоуправления. Подводя итог, отметим, что в 2008 году, несмотря на привязанность активистов жилищного самоуправления к своему дому или городскому движению, сформировалась общая среда.

Во-первых, люди, в том числе из разных регионов, установили горизонтальные связи – они созваниваются, помогают друг другу.

Во-вторых, многие из них участвовали в общероссийских акциях протеста под общими лозунгами, в частности в рамках акций, инициированных Союзом координационных советов.

В-третьих, сформировался общий массив требований и позиций. Если вначале люди еще спорили о том, какая форма управления лучше и следует ли вообще идти на поводу у реформаторов жилищного законодательства, то сейчас позиции сблизились настолько, что споров на конференциях почти не возникает. Все согласны с тем, что не важно, какая именно форма управления была выбрана, – важно, чтобы она была выбрана жителями и реализовывалась их силами.

В ходе дискуссий люди обмениваются опытом и делятся советами. На-

пример, активисты объясняют жителям, как можно усилить контроль над управлением своим домом. На межрегиональных встречах 2009 года речь шла уже о необходимости обобщения борьбы и расширения круга интересов. Например, на конференции, прошедшей 26 апреля 2009 года в Москве (под названием «Вернуть город людям»), активисты отметили, что управлять только своим домом уже недостаточно, пора задуматься о том, чтобы начать управлять своим городом.

Так что процесс консолидации движения идет уже сам по себе. Этому способствуют несколько факторов. Во-первых, регулярное проведение конференций и форумов (в том числе по инициативе чиновников), на которые съезжаются опытные и новые активисты жилищного самоуправления, где они делятся опытом, устанавливают связи и понимают, что у них одинаковые проблемы и стремления. Во-вторых, создание множества информационных сетей и инструментов: электронных рассылок, сайтов, некоторых специализированных журналов («Председатель ТСЖ», например). Большую роль играют и городские газеты, такие как, например, астраханский «Житель». В-третьих, четкое понимание всеми активистами того, что у них общий оппонент – городские власти и федеральное лобби управляющих компаний.

Развитие движения ограничено в силу того, что до основной массы жителей информация о положительном опыте жилищного самоуправления не доходит – крупные официальные средства массовой информации рассказывают только о прелестях управляющих компаний, о государственной программе «Доступное жилье» или о программе капитального ремонта. Именно отсутствие информации является причиной того, что все те, кто перешел по указанию сверху в руки получастных (бывших муниципальных) управляющих компаний или мошенников разного рода, как правило, занимают пассивную гражданскую позицию.

Итоги: о формировании общего жилищного движения. Несмотря на то, что описанные движения чрезвычайно разнообразны и довольно сильно фрагментированы, все же наблюдается хоть и медленный, но уверенный прогресс в сторону их консолидации: сначала устанавливаются связи между движениями разных районов одного города, затем – разных городов и регионов.

В качестве примера консолидированной кампании можно привести

кампанию «За народную жилищную политику», проведенную по инициативе Союза координационных советов России (СКС) в 2006 году. Кампания велась по всем фронтам: выработка общих требований и изменений в законодательстве, юридическая защита жилищных прав, переговоры с чиновниками, встречи с депутатами, информационная кампания, единые протестные действия.

Протестная кампания прошла в несколько этапов. С 12 февраля по 18 марта 2006 года был проведен «месячник акций за народную жилищную политику», 27–28 октября – всероссийская акция протеста движений жильцов, с 1–2 декабря – единые акции протеста «За народную жилищную политику». Единые требования были согласованы на межрегиональной конференции СКС, прошедшей в Ижевске в ноябре 2005 года. Среди главных требований – перенос сроков выбора способа управления многоквартирными домами и проведение капремонта ветхого жилья за счет государства. Акции под единым лозунгом прошли в 25 городах страны. Несмотря на скромное число участников (всего по стране около 10 тысяч человек), последовательность кампании, ясность и общность требований позволили заполнить информационное поле и таким образом повлиять на общественно-политическую повестку дня во властных структурах. Решение правительства о переносе сроков выбора формы управления многоквартирными домами можно отчасти считать реакцией на эту кампанию. Кроме того, кампания позволила в ряде городов установить контакты между различными инициативными группами граждан, до сих пор действовавшими разрозненно – каждая по своему направлению (против уплотнительных застроек, обмана строительных фирм, мошенничества правления ТСЖ, произвола муниципальной власти и т. д.).

Процесс консолидации набирает силу – движение расширяется, политизируется (приобретает политическое видение проблем, а не сближается с партиями) и открывается к сотрудничеству с другими социальными движениями. Эти, а также другие изменения в общественно-политической ситуации привели к тому, что в конце 2009-го – начале 2010 года на авансцене появился новый потенциальный влиятельный актор – городские общественные движения. О них, а также о трудностях пути солидаризации пойдет речь в последней главе.

Расширение географического и отраслевого охвата

Забастовки и трудовые конфликты распространены по всей стране – от Владивостока до Калининграда. Забастовки происходят не только в больших городах, являющихся крупными индустриальными центрами, значительная их часть проходит в малых городах и поселках, особенно на градообразующих предприятиях. В этом случае работники вместе с жителями борются за спасение всего поселка. Именно так можно интерпретировать конфликты на Байкальском ЦБК, где с октября 2008 года прошло несколько массовых митингов с требованиями не проводить сокращения персонала и выплатить задолженность по зарплате. Или митинг, который прошел 20 декабря в Магнитогорске в связи с массовыми увольнениями на металлургическом промышленном комбинате, ростом тарифов ЖКХ и стоимости проезда в общественном транспорте (собралось около 1000 человек, но в основном пенсионеры). Против угрозы массовых сокращений 8 ноября на митинге выступили работники ОАО «Пикалевский цемент» (входящего в «Евроцемент-групп»). С декабря 2008-го по февраль 2009 года против сокращений и повышения тарифов в несколько раз выступили работники и жители Тутаева. 2 ноября и 2 декабря протестные акции прошли в поселке Петровском Гаврилово-Посадского района Ивановской области, работники местного спиртзавода требовали погасить задолженность по заработной плате, а жители поселка – прекратить «чиновничий беспредел».

Также велик и отраслевой разброс трудовых конфликтов. Это и перерабатывающие отрасли (особенно металлургия, цементная, деревоперерабатывающая и химическая отрасли), и добывающие отрасли (особенно угледобыча и золотодобыча; нефтяные и газовые гиганты держат своих работников в железном кулаке), и строительство, и транспорт. Забастовки проходят в машиностроении, здравоохранении, в оборонной промышленности, в сфере обслуживания и коммунального хозяйства, легкой промышленности, не остается в стороне и бюджетный сектор.

Пожалуй, главное отличие 2008 года от 2007-го состоит в том, что в российских филиалах транснациональных компаний было зафиксировано меньше трудовых конфликтов. Либо профсоюз выстоял на предприятии и сумел навести порядок (как в случае с «Фордом»), либо, наоборот, идет жесткая борьба против вновь созданного профсоюза (как в случае с ТаГАЗом).

Растущая роль профсоюзов

Увеличение роли профсоюзов является положительным признаком появляющейся организованности и координации действий. Профсоюзами – и в первую очередь «альтернативными» – были организованы самые громкие забастовки 2008 года. Приведем в качестве примера забастовку на шахте «Красная Шапочка» при содействии Независимого профсоюза горняков (НПГ). В конце марта 2008 года более ста горняков шахты отказались подниматься из забоя на поверхность, выдвинув ряд требований владельцам шахт, в том числе о повышении зарплаты на 50%. Затем последовала голодовка, которая 18 апреля – после получения соответствующих обещаний – закончилась. Работа была возобновлена.

Но еще раз повторим, что самым распространенным методом действия профсоюзов стала организационная помощь при оформлении индивидуальных отказов от выполнения работы из-за невыплаты зарплаты. Этот метод используют все дееспособные профсоюзы – как и новые, так и традиционные.

В 2008 году по сравнению с 2007 годом профсоюзы подвергались усиленному прессингу. Известны случаи избития профсоюзных активистов «неизвестными лицами» (на «Форде», ТаГАЗе, АвтоВАЗе и других предприятиях), их задержания и даже ареста (лидер профсоюза АПРОСА Валентин Урусов⁷ инициировал создание профсоюза и провел успешную голодовку-забастовку работников автобазы №2 и ремонтно-механических мастерских Удачинского ГОКа АК «АПРОСА» 25–27 августа, 13 сентября он был арестован «за хранение наркотиков» и в декабре приговорен к шести годам лишения свободы). Кроме того, повсеместно распространена практика дискриминации работников за их принадлежность к «нелояльному» профсоюзу.

Ужесточение политики управления со стороны работодателей

Борьба с независимыми профсоюзами – одно из проявлений ужесточения политики управления рабочей силой, применяемого работодателями

ми во время кризиса.

В условиях кризиса работодатели стремятся сократить затраты на рабочую силу, сохранить прибыль или хотя бы капитал, а также установить полный контроль над профсоюзами и прочими «бунтовщиками». При этом, как отмечают многие эксперты, руководители целого ряда предприятий списывают на последствия кризиса собственные недоработки и результаты некачественного управления, а в отдельных случаях вообще мошенничество. Огромное негодование работников вызывают и многочисленные случаи, когда акционеры и управленцы, в течение нескольких лет клавшие в свой карман все возрастающую прибыль, после начала кризиса бросили обанкротившиеся предприятия, оставив огромную задолженность по зарплате и угрозу массовых увольнений. В качестве примеров можно упомянуть авиакомпанию «КрасЭйр», почти все «кризисные» строительные фирмы, многие цементные заводы, некоторые металлургические заводы и так далее.

Особенно тщательно работодатели скрывают информацию об истинном положении дел на предприятии, чтобы работники не смогли иметь достоверных данных, которые позволили бы им предпринимать адекватные контрмеры. Открытые источники и официальная статистика сильно искажают реальность – это касается данных по количеству трудовых конфликтов, объему задолженности по заработной плате и планируемым сокращениям. В этих условиях можно было бы использовать информацию, которой располагают профсоюзные организации. Большинство из них – те, кто входит в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), – отказываются передавать общественности и работникам имеющуюся у них информацию об увольнениях и реальном положении дел на предприятиях. Таким образом, отказываясь обнародовать информацию, которой они располагают, профсоюзы ФНПР занимают позицию работодателя и создают препятствия для эффективных действий по защите интересов работников во время кризиса. В свою очередь свободные профсоюзы (намного менее представительные) начинают кампании по сбору информации на предприятиях, где они присутствуют.

Паника властей

В то время как власти настойчиво призывали людей не паниковать, а население спокойно реагировало на начало кризиса, создается впечатление, что паника охватила правящие круги. Иначе как объяснить ужесточение законодательства об экстремизме и «госизмене»? Или жестокий разгон омонотцами акций протеста автомобилистов во Владивостоке 20 и 21 декабря 2008 года? Или охоту на выдуманных «организаторов» стихийных акций протеста барнаульских пенсионеров 26-30 октября против отмены льготного проездного, и неких «зачинщиков» акции матырцев (по названию поселка в Липецкой области), которые 30 декабря перекрыли железнодорожную трассу в знак протеста против вредного стекольного производства?

Профсоюзные деятели редко участвуют в стихийных уличных акциях, и их трудно задержать во время протеста, поэтому власти применяют другой метод – задержание под выдуманным предлогом; так было в случае с задержанием лидера профсоюза АПРОСА или председателя нового профсоюза ООО «Теннеко Аутомотив-Волга», которого арестовали как «похожего» на разыскиваемого преступника. Кроме того, участились случаи бандитских нападений на профсоюзных лидеров – Алексей Этманов, лидер профсоюза «Форда» и одновременно Межрегионального профсоюза работников автопрома, подвергся в ноябре двум нападениям. По слухам, распространенным отдельными интернет-СМИ, некоторые из этих случаев могли быть организованы частью элиты, нацеленной на силовой путь подавления протеста, и являться попыткой, профилактически «обезвредив» потенциальных мятежников, пересечь таким образом протесты.

Но контролировать ситуацию и избежать бунтов подобным образом невозможно. Скорее наоборот, лишая протестную волну организующего начала, эти лица провоцируют разворачивание спирали насилия.

То же самое можно сказать и о репрессивном законодательстве, особенно в части регулирования трудовых споров. Напомним, с конца 2007 года социологи и юристы – эксперты в этой области – работают над поправками к Трудовому кодексу, которые упростили бы процедуру проведения забастовки. Свои опасения, что в связи с кризисом ожидается всплеск акций протеста, в том числе на производстве, они в очередной раз озвучили в ходе пресс-конференции 31 октября 2008 года в Москве. Они объяснили, что сейчас особенно важно вернуть работникам право на проведение забастовки, иначе акции протеста будут иметь все более стихий-

ный и деструктивный характер как для самих рабочих, так и для общества в целом.

Однако политики их не услышали. С мая 2008 года поправки, предложенные экспертами, зависли в Роструде. Есть предположение, что существует негласный приказ «не трогать» законодательство о труде во время кризиса. По крайней мере о необходимости введения такого моратория публично заявлял глава ФНПР Михаил Шмаков. В противовес этому свободные профсоюзы и некоторые прогрессивные депутаты Госдумы пытаются провести кампанию за внесение в связи с кризисом целого ряда поправок, расширяющих права профсоюзов и наемных работников.

Новый актер – гастарбайтеры

Трудовые конфликты охватывают почти все социально-профессиональные категории работников (исключением является лишь также затронутый кризисом «офисный планктон»). Если в 2007 году передовой отряд забастовочного движения составляли высококвалифицированные и относительно молодые работники, то с началом кризиса и распространением такой формы протеста, как митинги, все больше активизируются пожилые и малоквалифицированные работники и работающие пенсионеры.

Особенно стоит отметить активизацию специфической категории работников – наиболее дискриминированной и уязвимой – гастарбайтеров. За 2008 год было зафиксировано несколько случаев стихийных забастовок иностранных строителей. Самой шумевшей и показательной из них стала акция строителей-гастарбайтеров, устроивших двухнедельную забастовку в Екатеринбурге с 27 ноября по 9 декабря. Более 300 строителей из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, строивших элитный дом в центре города, требовали выплатить зарплату за выполненные работы. Люди не получали зарплату на протяжении трех-четырех месяцев, при этом строительство было почти закончено. Фактически использовался рабский труд. Рабочие решили не покидать стройку до тех пор, пока им не выплатят то, что они заработали. Благодаря организованности и сплоченности им удалось этого добиться. Во многом эта победа была одержана благодаря помощи со стороны таджикского сообщества и региональных профсоюзов, а также широкому и объективному освещению конфликта в

СМИ, что вызвало большой общественный резонанс и заставило прокуратуру вмешаться.

Этот случай ярко показывает, что благодаря самому значимому в деле коллективных действий ресурсу – солидарности – можно добиться успеха.

Консолидация движения

Очевидно, чтобы в условиях кризиса действия были успешными, необходимо адресовать требования как работодателям, так и властям, которые ответственны за общий экономический курс. В этой связи предпринимаются попытки выйти на региональный и федеральный уровень, с тем чтобы получить шанс разрешить кризисную ситуацию в пользу работников.

Для решения этой задачи крайне необходимо наличие не только организационных структур, но и координирующих – межрегиональных и межотраслевых. Где их взять?

ФНПР – инертная и бюрократизированная структура, не способная действовать в конфликтных ситуациях, она вряд ли может играть сколько-нибудь активную роль, по крайней мере на федеральном уровне.

Свободные профсоюзы все еще мало представлены и довольно слабы. Несмотря на становление сетевых структур солидарности (в рамках которых взаимодействуют свободные профсоюзы, часть традиционных профсоюзов, социальных движений и левых активистов), дееспособная координационная структура пока не сформировалась. Пожалуй, одним из самых перспективных претендентов на эту роль является Межрегиональный профсоюз работников автомобильной промышленности (МПРА). Можно также упомянуть некоторые отраслевые профсоюзы, входящие в ФНПР, такие как Горно-металлургический профсоюз (ГМПР) или Профсоюз агропромышленного комплекса (АПК).

Отметим и возможную роль координационных советов или комитетов солидарных действий, действующих в рамках Союза координационных советов России (СКС) или самостоятельно на уровне отдельных городов. Если процесс сближения профсоюзно-рабочих структур и коалиций социальных активистов пойдет и дальше (это уже происходит в Санкт-Петербурге, Ижевске, Перми и ряде других городов), то координация будет возможна на базе этих расширенных комитетов. О такой возможности го-

ворит успех проведенной 25 октября 2008 года в 32 регионах страны исключительно по инициативе низовых сетей социальных активистов единой акции социального протеста «День гнева». О возможной солидарности между различными социальными активистами и профсоюзными деятелями говорят и акции протеста, прошедшие 30 ноября в Москве (300 участников), Санкт-Петербурге (около 100 участников, но большая профсоюзная делегация) и ряде других городов в знак протеста против нападений на социальных и профсоюзных активистов.

Наконец, положительную роль могут сыграть и некоторые левые активисты или прогрессивные депутаты, имеющие организационный опыт и способные придать динамизм процессу консолидации сил. Но в целом левое движение в России находится в зачаточном состоянии.

Влияние экономического кризиса на движение 2009 года: противоположные тенденции консолидации и разобщения. С одной стороны, кризис тормозит некоторые процессы обновления профсоюзно-рабочего движения, с другой, бросает вызов; массовое движение либо способно влиять на общий экономический курс, либо оно будет раздроблено и подавлено. В начале года работники встретили кризис достаточно пассивно, однако в мае-июле наблюдался резкий подъем активности. В первую очередь это выражалось в виде всплеска уличных выступлений и малоконтролируемых акций протеста, выходящих за рамки законодательства о разрешении трудовых споров. Затем последовал медленный, но устойчивый рост числа социально-трудовых конфликтов – в первую очередь в виде митингов. Рост напряжения также отмечался в увеличении числа выступлений в непубличной и зачастую индивидуальной форме (голодовки, «итальянская» забастовка, иногда и самоубийства).

Всего за прошедший год, по данным ИКД, произошло 183 трудовых конфликта (в действительности, вероятно, больше). И тенденция явно нарастающая. За первое полугодие 2009 года произошло 67 трудовых конфликтов, причем за май-июнь случилась почти половина из них. Во втором полугодии отмечено 116 случаев конфликтов (половина из них – митинги протеста).

В 2009 году по сравнению с 2007 годом на смену забастовкам пришли уличные акции протеста. Это является как следствием кризиса, который сделал остановку производства более рискованным оружием, так и ограни-

ченности трудового законодательства, ставящего забастовку вне закона.

География конфликтов очень широка – они происходят практически во всех регионах. Наиболее напряженная ситуация наблюдается в моногородах, где вместе с работниками в акциях протеста участвуют жители города. Если говорить об отраслях, в которых конфликты наиболее распространены, то прежде всего стоит упомянуть автомобилестроение, оборонные предприятия, сельское хозяйство и металлургию. Но в целом число конфликтов увеличивается практически во всех отраслях.

Основные цели коллективных действий трудящихся – выплата зарплаты и/или спасение предприятия. То есть преобладают оборонительные действия – это неудивительно, учитывая кризисный контекст. Однако в условиях жесточайшего прессинга со стороны работодателей и усиления эксплуатации рабочей силы даже оборона приобретает привкус контрнаступления. Ведь дело не только в кризисе и якобы объективных экономических трудностях предприятий. Зачастую работники и профсоюзные деятели недоумевают – предприятие рентабельно, продажи идут, а руководство тем не менее, ссылаясь на кризис, экономит на рабочих – на их зарплате, условиях труда, безопасности и так далее. При этом реальное финансово-хозяйственное положение тщательно скрывается как от общественности, так и от наемных работников и профсоюзов (по крайней мере от «настоящих» профсоюзов).

Агрессивные действия работодателей провоцирует кризис, ужесточивший конкуренцию за ресурсы, а также пособничество власти, которая, будучи зависимой от олигархического капитала, помогает олигархическим структурам справиться с кризисом за счет налогоплательщиков и наемных работников (об этом см.: доклад «Постпикалевская Россия» http://inozemtsev.net/doc/vert/1251655062_krichevsky.pdf).

Массовые нарушения трудовых прав. Массовые нарушения трудового законодательства происходят со стороны как частных, так и государственных работодателей. В первую очередь это невыплата или задержка заработной платы. Кроме того, в одностороннем порядке (а Трудовой кодекс предусматривает согласие всех сторон) работодатель сокращает заработную плату, урезает премии, сокращает зарплату, непропорционально уменьшая рабочее время. Также проводятся массовые увольнения, в том числе с нарушением закона – работникам угрожают и принуждают их

к увольнению по собственному желанию. Иногда увольнения маскируются под перевод работников за штат или в фирму-однодневку (именно так, предполагают профсоюзные активисты, обстоит дело на АвтоВАЗе). Часто сокращения и/или снижение зарплаты не обоснованы реальными финансовыми трудностями (правда, проверить реальное положение дел крайне трудно).

Об официальной безработице (официально безработными считаются те, кто встал на учет на бирже труда) говорить даже не стоит – слишком мало желающих выстаивать огромные очереди ради крошечного пособия (от 800 до 4900 рублей). Согласно данным, рассчитанным по методике Международной организации труда (в ее основе лежит заявление человека о том, что он ищет работу), уже в начале мая 2009 года число безработных составило 7,5 миллиона человек, или 10% экономически активного населения. А сколько еще «скрытых» безработных, которые числятся, но не получают зарплату, или получают 2/3 среднего заработка за вынужденный простой? Целая армия людей! Многие из них выплачивают кредиты, все несут расходы на жизненно необходимые продукты и услуги, цены на которые в отличие от зарплат растут. Особенно тревожная ситуация складывается на градообразующих предприятиях, где альтернативной работы вообще нет. Однако и в целом по стране в условиях общего кризиса и высокого административного давления на мелкий бизнес людям некуда идти за заработком.

Зачастую увольнения приводят к увеличению нагрузки на оставшихся работников при уменьшении их заработка. Инспекция труда в разных регионах фиксирует увеличение стресса и переработок, что приводит к росту числа производственных травм, в том числе с летальным исходом (иногда работодатели экономят еще и на безопасности, шантажируя людей угрозой увольнения).

В такой ситуации большинство работников ограничиваются проявлением пассивного протеста. Многие предпочитают терпеть, надеясь на сохранение рабочего места. Многие используют индивидуальные методы приспособления – договариваются, выторговывают для себя отдельные условия. Некоторые люди находят возможности подработать или сэкономить и ждут лучших времен. Однако с углублением кризиса таких возможностей стало гораздо меньше и начались массовые стихийные и малоконтролируемые выступления отчаявшихся людей.

Но самое главное – появляются все новые профсоюзы: все большее число работников пытаются организовать, чтобы коллективно отражать наступление на их права. Новые профсоюзы появляются в таких сферах, в которых традиционно их не было, – СМИ, питание, торговля и так далее. Кроме того, под натиском низового недовольства многие традиционные профсоюзы вынуждены занять более решительную и боевую позицию.

Работодатели и власти: курс на подавление и раскол профсоюзов.

Российские капиталисты никогда не относились к профсоюзам как к нормальному явлению и всегда пытались либо избавиться от них, либо «обезвредить» их, подкупив их активистов или включив в административную вертикаль предприятия. Чувство паники, вызванное кризисом, появление новых боевых профсоюзов и активизация некоторых традиционно инертных и лояльных профсоюзов подтолкнули менеджмент и собственников бороться с профсоюзами с удвоенным рвением. А властные и государственные структуры им в этом помогают. Примечательно, но преследования, репрессии и дискриминация касаются далеко не только свободных профсоюзов, но также и реально работающих профсоюзов традиционной системы ФНПР.

Своего рода знамя антипрофсоюзной кампании поднял гендиректор ОАО «Концерн «Калина» (Свердловская обл.). В интервью интернет-газете «Деловой квартал» от 5 октября он открыто заявил: «Профсоюзы в течение многих лет, как тараканы, как клопы, пытаются проникнуть на предприятие разными потешными способами, и это меня раздражает. Для меня это как секта. Если бы в компании появились какие-нибудь кровопийцы-педофилы, поклоняющиеся Сатане, закрепились и начали затягивать в свои липкие сети коллектив, вам наверняка было бы понятнее, почему я их бью по рукам. А для меня одинаково гадки что секта, что манипуляторы, преследующие свои материальные и политические цели за счет предприятия. Неважно, какого...»

С профсоюзами расправляются разными способами: подвергая преследованию со стороны правоохранительных органов, которые вызывают профсоюзных лидеров на «беседы», пытаются возбудить дела – чаще по поводу несанкционированной акции протеста или сфабрикованного уголовного правонарушения. В качестве примера можно привести лидера профсоюза «Единство» АвтоВАЗа Петра Золотарева, которого регулярно

приглашают на беседы в разные «внутренние органы», или случай с незаконным арестом лидера «Профсвобода» АПРОСА Валентина Урусова, приговоренного к шести годам лишения свободы за якобы хранение наркотиков. Более изощренный способ выбрал для себя «Центр Э», который пытается найти признаки «экстремизма» в призывах создать профсоюз (например, в листовках, распространенных профсоюзом МПРА на ОАО «Центросвармаш» в Твери).

Еще один способ стал широко доступным работодателям благодаря помощи Конституционного суда РФ, который определением от 3 ноября 2009 года признал противоречащей Конституции единственную норму Трудового кодекса (ст. 374 ТК, запрещающую увольнять неосвобожденных членов выборного профсоюзного органа без согласия вышестоящего профсоюзного органа), которая обеспечивала хоть какую-то защиту профсоюзных активистов. Эту норму использовали в первую очередь активисты свободных и независимых профсоюзов, борьба которых за соблюдение гарантий и прав наемных работников не устраивает работодателей. Именно их пытаются уволить в первую очередь – благо сфабриковать повод несложно. Из последних примеров – увольнение председателя профсоюза МПРА «ДжиЭм Авто» (г. Санкт-Петербург) Е. Иванова и активистки профсоюза О. Шафиковой после проведения на предприятии 21 октября и 11–20 ноября так называемых «итальянских» забастовок с требованиями отмены премий в пользу увеличения гарантированной части заработной платы, предоставления рабочим возможности распоряжаться своим отпуском, отмены суммированного годового учета рабочего времени и введения 40-часовой рабочей недели.

Однако на этом фантазии работодателей и/или власти не заканчиваются. Иногда профсоюз без повода лишают помещения, как в случае с профсоюзом авиадиспетчеров ФПАД, у которого по распоряжению главы Госкорпорации по организации воздушного движения внезапно 26 октября отобрали помещение в Москве. Иногда у профсоюзных активистов отбирают пропуск, чтобы те не имели возможности свободно ходить по цехам, или на предприятиях распространяют листовки, дискредитирующие профсоюзных активистов. Иногда для подавления акции протеста, агитационного мероприятия или даже просто профсоюзного собрания вызывают милицию и ОМОН. Из новых изобретений – арест личного имущества за организацию забастовки, как в случае с председателем профсоюза Ту-

апсинского морского торгового порта С. Шхалаховым, с которым судится руководство ОАО «ТМТП», требуя возмещения убытков в связи с забастовкой 2007 года.

Некоторые СМИ и эксперты напрямую связывают последние перипетии судьбы профсоюзных активистов с бюрократическими маневрами «наверху» и попытками Кремля нейтрализовать боевитые профсоюзы и поставить их под свой контроль. Это предположение они аргументируют тем, что с сентября 2008 года до конца 2009 года в Администрации Президента сменились уже три куратора профсоюзов. Видимо, считается, что это профсоюзное направление работы достойно особого контроля.

Власть ведет с профсоюзами достаточно циничную игру – то пассивно поощряет преследования и дискриминацию со стороны работодателя, то подписывает пустые соглашения с традиционно лояльными профсоюзами ФНПР, то содействует появлению псевдопрофсоюзов или ведет борьбу с «экстремистскими» профсоюзами.

Самый известный пример создания псевдопрофсоюза – новоиспеченный «Соцпроф», во главе которого с начала 2008 года стоит совершенно чужой в профсоюзном движении, но наверняка имеющий хорошие связи «наверху» человек – Сергей Вострецов. Если судить по его основной деятельности – встречи с представителями власти, вплоть до Президента РФ, призывы к социальному партнерству и воздержанию от забастовки, – он пытается превратить старейший профсоюз постсоветской России в подконтрольный и провластный профсоюз, создающий видимость независимого и боевитого.

В борьбе с профсоюзами сегодня в наибольшей мере применяется тактика «разделяй и властвуй»: создание желтого – подконтрольного – профсоюза, подкуп отдельных лидеров или обещание «близости к власти», попытки внести раскол или столкнуть разные профсоюзы друг с другом. Например, в начале 2009 года «под боком» мощного свободного профсоюза МПРА (Межрегиональный профсоюз работников автопрома) на заводе «Форд», который входит в ВКТ, была создана ячейка «Соцпрофа». По слухам, в ней «прописались» 30 добровольцев. Основной вид деятельности его председателя – критиковать неконструктивные действия председателя МПРА Алексея Этманова.

На эти действия профсоюзы отвечают борьбой за сохранение независимости и сплочением рядов, они ищут способы консолидировать усилия

и возможности оказывать друг другу солидарную помощь.

Профсоюзные лидеры ВКТ и КТР продолжают вести подготовительные мероприятия к объединительному съезду (его проведение было намечено на июль 2009 года, с тех пор оно было перенесено несколько раз) и стремятся сохранить независимость от властей и единство своих рядов. Против методов Вострецова восстала часть активистов «Соцпрофа», что привело к фактическому расколу этого профсоюза. Против председателя Евгения Куликова (он член команды Вострецова), пытавшегося оспорить решение съезда КТР 16 апреля 2009 года, на котором он не был избран президентом организации, восстали члены исполкома профсоюза локомотивных бригад – РПЛБЖ. В открытом обращении, сделанном накануне съезда РПЛБЖ (10 сентября 2009 года), они призвали своих товарищей по профсоюзному движению сопротивляться угрозе потери независимости и попыткам «назначенцев правящей политической партии превратить профсоюз в приводной ремень партии власти». На съезде практически все члены исполкома ушли в отставку.

В начале 2009 года профсоюз «Форда» выступил с заявлением: «Рабочий Петербурга – не враг рабочему Дальнего Востока» – после попытки столкнуть лбами рабочих отечественного автопрома и любителей иномарок, предпринятой властями после массовых выступлений автолюбителей во Владивостоке. Им ответило «Товарищество инициативных граждан России» («ТИГР» – сетевое движение, возникшее в конце 2008 года на волне протеста против повышения пошлин на иномарки), сделав заявление: «Рабочий Дальнего Востока – не враг рабочему Петербурга!»

Есть и другие примеры сотрудничества: так, профсоюзами разных отраслей, регионов и объединений подписаны соглашения о взаимной поддержке. Такие соглашения заключены между АПК Ярославского филиала «Балтики» (входит в ФНПР) и МПРА ЗАО «Форд Мотор Компании» (входит в ВКТ); между профсоюзом ОПРТУ ООО «ММ Полиграфоформление Пэкэджинг» и профсоюзом «Леруа Мерлен» («Торговое Единство», ФНПР).

Так что одни профсоюзы двигаются в сторону раздробления, другие – в направлении консолидации.

Больше других затормозился процесс сближения профсоюзов и общественных движений – последние попытки солидарного взаимодействия между социальными и профсоюзными активистами не увенчались успехом. Об этом свидетельствует, например, слабость общей кампании в за-

щиту социальных и трудовых прав, которая была начата в апреле 2009 года на Социальном форуме в Ижевске (в нем участвовали и социальные, и профсоюзные активисты). В неделе единых действий «Выход из кризиса – не за счет народа!» (10-17 октября 2009 года) профсоюзы почти не участвовали (за исключением Тольятти).

Преобладающая форма сопротивления: перекрытие транспортных магистралей и митинги. Как правило, почувствовав ухудшение своего положения, работники сначала обращаются к руководству предприятия, пытаются провести с ним переговоры, используя профсоюз или другие способы, прописанные в трудовом законодательстве. В тех случаях, когда эти действия не имеют эффекта, люди выходят за пределы предприятия, чтобы обратиться за помощью к общественному мнению и власти и не оставаться один на один с работодателем. Таким образом, они выходят за рамки трудового законодательства, что свидетельствует о его крайнем несовершенстве. На подобные действия идут люди, отчаявшиеся получить иным путем заработанные деньги или крайне обеспокоенные судьбой своего предприятия.

В 2009 году прошло не менее 88 уличных акций трудящихся – в основном в форме массовых митингов, в том числе возле зданий местных властей. Всплеск числа уличных выступлений, в ходе которых перекрывались трассы, произошел в мае-июле (18 случаев), вслед за пикалевскими событиями. Как правило, уличные выступления используются как дополнительный метод давления вкупе с другими действиями.

Большинство уличных акций прошли в моногородах и поселках. Многие из них были очень массовыми, поскольку от спасения завода зависела жизнь всего поселка или города. Как правило, местные власти пытались сделать вид, что предпринимают меры, однако, как показывает опыт, чтобы владельцы заводов или местная власть предприняли реальные шаги, требуется вмешательство федеральной власти. Именно поэтому самым эффективным (по факту) инструментом стало либо перекрытие автомобильных магистралей, либо угроза перекрытия, сопровождаемая активными коллективными действиями. Сигнал дало само федеральное правительство после Пикалево: хотите получить свою зарплату – перекрывайте дорогу, иначе власти до вас нет никакого дела. После того как Дмитрий Медведев пригрозил полпредам и губернаторам увольнениями в случае

повторения пикалевских событий на их территориях, иногда решительной угрозы перекрытия стало достаточно, чтобы региональные власти оказались готовы взять на себя все долги частных собственников.

Но надолго ли хватит денег у государства, чтобы тушить разгоревшиеся социальные пожары и защищать безответственных и вороватых собственников? Видимо, нет. Тревожный сигнал правительство дало уже в конце года, внеся в Госдуму законопроект, предполагавший серьезное ужесточение уголовной ответственности за «незаконное вмешательство в работу транспорта» (то есть перекрытие транспортной магистрали). Это сигнал: денег нет, возможностей добиться справедливости в пределах предприятия нет, но все равно не смейте выносить протест на улицу!

Ниже приводим некоторые наиболее знаковые случаи уличных выступлений.

Город Пикалево (Ленинградская область) стал символом новой протестной волны. 2 июня жители этого города перекрыли движение по федеральной трассе Санкт-Петербург – Вологда. В стихийной акции приняли участие около 300 работников предприятий города и членов их семей. Они решительно требовали погашения долгов по заработной плате и запуска предприятий. Как известно, Путин отреагировал мгновенно и демонстративно, заставив перед камерами владельца «Базэлцемент-Пикалево» Дерипаску подписать документ о запуске производства на простаивавшем заводе. Проблема временно была решена. Напомним, что до этого, 20 мая, доведенные до отчаяния жители Пикалево пытались «захватить» здание мэрии, когда в нем проходило совещание по решению городских проблем, участие в котором принимали местные чиновники, представители прокуратуры, поставщика газа и владельцев предприятий.

В Алтайском крае работники ООО «АТЗ-Запчасть» (и других юридических лиц, на которые оказался раздробленным бывший гигант советского машиностроения Алтайский тракторный завод – ныне ОАО «Алттрак») начали угрожать новым «пикалево» – они писали открытые письма с угрозой перекрыть федеральную трассу и железную дорогу. И это были не пустые слова – уже 18 июня они провели несанкционированный пикет напротив здания администрации Алтайского края. Акция протеста была привязана к приезду в Барнаул Владимира Путина. После вмешательства сотрудников милиции акция была прекращена, но власти побоялись применить репрессии против ее участников и не только выплатили часть за-

долженности, но и постарались обеспечить завод заказами хотя бы на первое время. Затем в июле рабочие завода, члены их семей и сочувствовавшие им жители города Рубцовска еще несколько раз проводили уличные акции, в том числе предпринимали попытку повторного перекрытия трассы (в этом случае их оттеснили омоновцы). Начиная с сентября подключилось местное отделение КПРФ, которое стало оказывать помощь в организации акций протеста. Однако, по мнению некоторых наблюдателей, цель заключалась скорее в том, чтобы предотвратить социальный взрыв и не допустить перекрытия трассы. Последняя акция рабочих «Алттрак» прошла 1 декабря в Новосибирске у офиса РАТМ, которому принадлежит завод (собралось более 1100 работников). Поскольку «Алттрак» вместе с другими сопутствующими производствами является для 150-тысячного города Рубцовска градообразующим предприятием, основным требованием рабочих было возобновление работы предприятия и погашение долгов по заработной плате.

Громкий резонанс получил другой конфликт, сравнимый с Пикалево по своему значению, так как впервые на улицу вышли обычно пассивные врачи и медперсонал. Цель была благородной – спасение здравоохранения. 29 мая в Архангельске прошел митинг, в котором приняли участие около 450 человек: медики Архангельска, Северодвинска, Новодвинска, специалисты из районов области. Работники здравоохранения требовали, в частности, обеспечить клиники области оборудованием, необходимым для качественной работы, улучшить условия и повысить оплату труда, разработать программу по устранению кадрового дефицита в клиниках области. 29 июня на территории больницы прошел пикет в поддержку врачей, которым грозили выговоры.

Менее громкие, но заметные уличные акции проходили в самых разных регионах и отраслях.

Моногорода Кировской области стали полем для мобилизации работников на борьбу за судьбу предприятия и города. Поддержку им оказывает местное отделение РКРП в лице депутата заксобрания В. Туруло.

1 Рабочие оборонного завода «Молот» в городе Вятские Поляны несколько раз выходили на акции протеста. 26 июня прошел митинг у административного здания завода, в котором проходило собрание акционеров. Это далеко не первая акция протеста работников, которым в течение

нескольких месяцев не платили зарплату. В тот же день завод получил обещанную госсубсидию и на счета заводчан поступила зарплата за три месяца. 14 октября рабочие провели очередную акцию протеста: предупредительную забастовку, которая переросла в стихийный митинг. Они снова требовали полного погашения задолженности по зарплате.

2 В Кирово-Чепецке жители борются за «спасение города от экологической катастрофы». 8 сентября на площади у завода «Вэлконт» прошел митинг под этим лозунгом. На митинге было принято решение о создании Комитета спасения города, призванного контролировать деятельность предприятий и администрации Кирово-Чепецка в вопросах экологии.

3 В Стрижах работники требуют сохранить завод «Силикат». Летом прошло несколько акций протеста, на которых поднимались вопросы о выплате зарплаты (которая не выдается с конца 2008 года), а также о сохранении рабочих мест и недопущении банкротства завода. В июле был создан комитет спасения поселка, затем профсоюз «Защита». 14 декабря работники поехали протестовать в Киров – возле здания правительства Кировской области они провели митинг с требованиями о сохранении предприятия и «предоставлении трудовому коллективу возможности выкупа завода совместно с государством для создания народного предприятия на принципах самоуправления».

В Ивановской области из-за невыплаты зарплаты бунтуют работники несколько городских заводов.

1 ОАО «Спиртзавод «Петровский». 5 марта жители Петровского городского поселения вышли на митинг к зданию администрации завода с требованиями выплатить задолженность по заработной плате и прекратить развал спиртзавода. 30 июня рабочие планировали начать «поход трудящихся на Москву», но затем акцию решили перенести – отчасти из-за того, что наметились некоторые сдвиги по выплате зарплаты и спасению завода, а отчасти из-за давления, оказанного местной властью. После анонсирования похода губернатор Ивановской области пригласил лидера инициативной группы на переговоры и обещал сделать все возможное, чтобы запустить предприятие и погасить долги, если акция будет отменена.

2 Меланжевый комбинат. 27 июля, после нескольких митингов работники комбината устроили несанкционированное шествие у здания областного правительства.

Очень напряженная ситуация на Урале.

1 23 июня работники Богдановичского фарфорового завода (Свердловская область) пытались перекрыть федеральную трассу, чтобы спасти свое предприятие. В стихийной акции участвовали около 150 работников. Таким образом рабочие пытались добиться возобновления подачи газа, который утром был отключен представителями поставщика из-за больших долгов предприятия. Власти сразу отреагировали: после вмешательства на областном уровне подача газа была возобновлена.

2 22 июня работники завода «Кузбассэлемент» в Ленинск-Кузнецком провели четырехчасовой пикет и перекрыли проспект Ленина в центре города. Около 300 доведенных до отчаяния работников (часть из которых были с детьми) требовали выплаты зарплаты за 10 месяцев. Движение транспорта было практически парализовано, что заставило власти принять срочные меры. К протестующим вышел заместитель губернатора, который попытался успокоить людей обещаниями. Однако митингующие отказались покинуть проезжую часть до тех пор, пока не получат деньги. Страсти утихли лишь после того, как было объявлено, что деньги – 30 миллионов рублей – переведены на счета работников из бюджета области.

3 На бокситовых шахтах Дерипаски зреет очередной трудовой конфликт – к этому выводу пришли сотрудники ИКД после проведения полевого исследования в сентябре в Североуральске. Уже 5 июня около ста шахтеров «Североуральского бокситового рудника» (СУБР, входит в ОК «РусАл») вышли на пикет и почти час стучали касками перед офисом СУБРа, протестуя против отмены дотационного питания, низкой зарплаты и нарушений техники безопасности, что уже привело к человеческим жертвам. Затем в сентябре по инициативе профсоюза НПГ рабочие с разных шахт пытались собраться, чтобы обсудить назревшие проблемы и план действий. Однако проведению собрания воспрепятствовали охранники и начальники, угрожавшие уволить тех, кто примет в нем участие. «Повторяется все то же самое, что предшествовало предыдущей забастовке в марте 2008 года, как будто опыт ничему их не научил», – сожалеет Валерий Золотарев, председатель НПГ на СУБРе. Напомним, что тогда 123 шахтера третьей смены шахты «Красная Шапочка» без предупреждения, спонтанно остались под землей после смены.

4 В Кургане по инициативе профсоюза «Защита» работники нескольких предприятий – в первую очередь ОАО «Регион-Автотранс-Курган» и ОАО «Промстрой» – летом и осенью провели целую кампанию по выплате долгов по зарплате, в том числе проводя пикеты, голодовки и коллективные походы в кабинеты чиновников.

Боролись работники и на западе страны.

3 В Калининграде особенно решительно за выплату задолженности по зарплате боролись работники «КД Авиа». В июле отдельные категории работников провели несколько краткосрочных забастовок, после которых прокуратура начала действовать. Затем начались митинги. При содействии КПРФ и других местных общественных и политических сил 27 октября в центре города прошел митинг, в котором приняли участие более 500 человек (всего на предприятии работало около двух тысяч человек). В ноябре после многих месяцев борьбы работники добились частичных компенсаций невыплаченной зарплаты и оказания материальной помощи из бюджета области.

4 В Ярославской области с января по апрель 2009 года прошли несколько массовых митингов работников Тутаевского моторного завода и жителей Тутаева. В результате глава Тутаева Николай Васильев подал в отставку.

Конфликты не обошли стороной и Дальний Восток, причем они проходили во всех отраслях.

1 Так, например, 13 мая во Владивостоке прошел краевой митинг работников военных судоремонтных заводов, организованный Федерацией профсоюзов Приморского края. В нем приняли участие около 400 человек. В своих выступлениях работники заводов жаловались на повсеместное неисполнение Трудового кодекса, невыплату заработной платы, неполную рабочую неделю, увеличение количества штатных единиц на заводах за счет расширения количества административного персонала.

2 Продолжали бороться жители поселка Светлогорье: 4 апреля большинство жителей поселка (около 1000 человек) в очередной раз вышли на митинг, требуя погасить многомесячные долги по зарплате горно-обогатительного комбината «Русский вольфрам» и организовать бесплатное питание для их детей. Поселок тогда умирал с голоду. С августа ГОК час-

тично возобновил работу. В конце года приморское Светлогорье включили в правительственную программу развития моногородов.

3 Работники предприятий горнорудной и горнохимической промышленности Приморья тоже мобилизовались – 11 марта более тысячи из них вышли на акцию протеста в городе Дальнегорске, требуя снизить тарифы на услуги ЖКХ и вовремя выплачивать зарплату. Инициатором акции стал профсоюз ЗАО ГХК «Бор», поддержали инициативу краевые профсоюзы металлургов и химиков. Кроме того, акцию пришли поддержать представители профсоюзных организаций работников здравоохранения, образования, культуры, лесной промышленности.

Всплески уличного протеста достигли и Заполярья.

1 24 мая более тысячи человек вышли на митинг на центральную площадь Воркуты. Шахтеры и жители города потребовали от руководства ОАО «Воркутауголь» отказаться от планов по сокращению рабочих мест в текущем году, а от властей муниципалитета – сдержать рост тарифов на ЖКХ. Кроме того, митингующие требовали переселить вдов шахтеров, погибших на производстве. По их данным, средств на переселение ожидают около ста семей, потерявших кормильцев.

2 10 апреля в Мурманске состоялся митинг, организованный областной организацией профсоюза Северного флота. В нем участвовали рабочие восьми военных предприятий – несколько сотен человек. Люди требовали от Министерства обороны погашения долгов по заработной плате. Акция подействовала, часть денег была выплачена.

Наконец, нельзя не упомянуть о массовых митингах работников АвтоВАЗа в Тольятти. Эти акции протеста, направленные на сохранение автогиганта и против сокращений, сильно волнуют федеральных и региональных чиновников, которые пытаются успокоить людей обещаниями (отчасти пустыми), угрозами, схемами полуувольнений и прочими хитростями. Несмотря на сильное давление и исключительно благодаря стойкости свободного профсоюза «Единство», 6 августа и 17 октября были проведены два крупных (двухтысячных) митинга на площади перед Дворцом культуры и техники АвтоВАЗа.

По сути в Тольятти речь идет о проверке сил профсоюзного и, шире, социального движения, способного повлиять на политику правительства

в отношении моногородов. Председатель профсоюза «Единство» АвтоВАЗа Петр Золотарев четко выражает эту мысль: «Мы не хотим пассивно наблюдать за тем, как правительство решило начать с Тольятти новый эксперимент по моногородам, мы хотим спасти свой город, свою промышленность. Мы ищем пути, как повлиять на свою судьбу так, чтобы интересы рабочих и горожан были учтены».

В большинстве случаев, особенно когда коллективные действия проводились последовательно и сопровождались угрозой перекрытия или действия касались градообразующего предприятия, региональные или федеральные власти вмешивались и хотя бы частично брали на себя долги собственников, которые привели заводы к банкротству.

Сохранение забастовочного потенциала. Как и в 2008 году, в 2009-м преобладали «кризисные» забастовки – приостановка работы из-за невыплаты зарплаты, позвольтельная форма «забастовки» по Трудовому кодексу. Однако не исчезли и наступательные забастовки – коллективная остановка работы, чтобы отстоять пакет требований, с которыми не согласен работодатель. За год мы насчитали всего 70 случаев забастовки, из них более двух третей можно охарактеризовать как «кризисные».

«Кризисные» забастовки

До мая 2009 года работники в качестве формы легальной забастовки чаще всего использовали право на индивидуальный отказ от работы (условно говоря, «кризисная забастовка»). Эти акции приняли форму коллективно организованных индивидуальных отказов от работы из-за невыплаты зарплаты (ст. 142 ТК РФ). В большинстве случаев результат был достигнут и задолженность была хотя бы частично погашена. Однако, если работники опасаются простоя производства и лишения работы, это оружие теряет эффективность.

Приведем несколько примеров:

1 Сотрудники 11-го ЖЭУ города Орла забастовали в середине сентября. Сидячая забастовка дворников, сантехников и водопроводчиков продолжалась больше недели. Причина – невыплата зарплаты с июля. После вмешательства прокуратуры выяснилось, что коммунальщики заполняют

фиктивные акты выполненных работ, а с лицевых счетов многоквартирных домов бесследно исчезают сотни тысяч рублей – в частности, такой была ситуация в одной из крупнейших управляющих компаний Орла ЗАО «ЖРЭУ-1».

2 На шахте имени Чиха в Ростовской области горняки провели несколько забастовок, в том числе и подземных. В начале октября в забое бастовали несколько горняков, они вновь требовали погашения долгов по зарплате. На поверхности их поддерживали больше сотни коллег. В результате директор шахты уволился, а собственник обещал ликвидировать долги по зарплате за август. 24 июня 34 горняка объявили забастовку и отказались выходить на поверхность. В мае шахтеры провели под землей почти сутки – в результате с горняками обещали рассчитаться в ближайшее время. Чтобы выплатить зарплату, компании пришлось взять кредит.

3 14 сентября на Астраханском заводе им. 3-го Интернационала рабочие приостановили работу, требуя погашения задолженности по заработной плате. В акции протеста приняли участие около 50 работников, занятых на основном производстве. После переговоров с администрацией, которые проходили при посредничестве депутата Госдумы РФ Олега Шеина, администрация обещала погасить часть долга уже в тот же день.

4 Рабочие московского Калибровского завода бастовали лишь один день – 22 июня, – и дирекция согласилась срочно погасить долги по зарплате. Однако затем задержки заработной платы возобновились и работники вновь 3 августа вышли на забастовку.

5 Более 50 работников Чажминского (30-го) судоремонтного завода (поселок Дунай Приморского края) с 20 июля по 3 августа приостановили работу из-за долгов по зарплате за пять месяцев. Им помогала профсоюзная организация, и уже 24 июля администрация начала выплачивать часть долгов, а 3 августа забастовщики вышли на работу, так как на счета всех работников предприятия поступила часть заработной платы – за июнь. От работы отказались лишь шесть человек, которые настаивали на полной выплате зарплаты.

6 Горняки шахты «Енисейская» провели суточную подземную забастовку – с 27 по 28 мая – и добились выплаты зарплаты.

7 Сварщики цеха №45 ТагАЗа: 23 мая приостановили работу на 1,5 часа, но возобновили ее после угроз начальства.

Наступательные забастовки

Несмотря на кризис, в 2009 году были отмечены и наступательные акции протеста. Обычно такие акции проводятся либо в форме стихийной забастовки, либо в форме организованной профсоюзом коллективной приостановки работы в рамках коллективного спора или со ссылкой на условия труда, дающие право на проведение законной забастовки. Кроме того, используется также метод снижения темпа и норм работы («итальянская» забастовка). Самым действенным способом давления является угроза проведения забастовки (если имеется реальная возможность ее проведения).

Несколько примеров стихийных забастовок:

1 15 мая рабочие колбасного цеха ОАО «Липецккомплекс» отказались продолжать работу из-за плохих условий труда, низкой зарплаты и карательной системы контроля. Руководство завода добилося возобновления работы под угрозой возбуждения уголовного дела.

2 21 июля на шахте «Коркинская» в Челябинской области шахтеры, недовольные мизерной зарплатой, начали стихийную забастовку. Все три рабочие смены отказались работать, чтобы добиться встречи с администрацией предприятия и повышения зарплаты (около 6000 рублей).

Как правило, стихийные забастовки быстро заканчиваются, так как руководство может легко запугать работников наказанием и привлечением к ответственности.

При помощи профсоюза и ссылаясь на законодательные нормы, работники находили и другие способы проведения законных забастовок. Например, на заводе «Фольксваген» в Калуге в течение нескольких дней, начиная с 15 июня, работники цеха сборки отказывались выполнять работу в связи с жарой, представлявшей «угрозу жизни и здоровью». Таким образом, они воспользовались возможностью самозащиты, предусмотренной статьей 379 ТК РФ.

Самая шумевшая «итальянская» забастовка прошла на питерском заводе «ДжиЭм Авто» с 11 по 20 ноября. По инициативе профсоюза МПРА 11 ноября некоторые работники цеха сварки максимально замедлили работу, дав старт «итальянской» забастовке. Профсоюз потребовал немедленного созыва конференции трудового коллектива завода, отмены ежегодных премий и введения гарантированного ежегодного повышения

зарплаты на уровень инфляции плюс 8% за каждый отработанный год, установления четких правил регулирования ежегодного отпуска, но самое главное – перехода от суммированного годового учета рабочего времени к нормальной 40-часовой рабочей неделе. В этой акции приняли участие не только члены профсоюза, но и рядовые работники. На несколько часов цех покраски полностью остановил конвейер, но восстановил работу после «убедительных разъяснений» начальства. Публично администрация не признавала проведения забастовки на предприятии, однако 20 ноября администрация завода уволила председателя профсоюза МПРА Евгения Иванова с формулировкой за «прогул».

Более эффективно проходят организованные профсоюзом акции, в ходе которых угроза проведения забастовки используется как способ давления в ходе коллективного трудового спора. Именно так работодатель, Федеральная аэронавигационная служба, 19 мая согласился с условиями работников – пролонгацией действия коллективного договора. Правда, за это профсоюз расплатился – его лишили помещения.

Полноценных наступательных забастовок в 2009 году не было, однако угроза забастовки, причем основанная на реальном потенциале, была неоднократно использована дееспособным профсоюзом в ходе коллективного трудового спора.

1 Например, на ООО «Данон-Индустрия» (Московская область) по инициативе профкома (входящего в «Соцпроф») 2 декабря начался трудовой спор и работодателю было направлено предупреждение о проведении с 15 декабря забастовки, если на предприятии не будет сформирована согласительная комиссия и/или не будут удовлетворены выдвинутые профсоюзом требования. Уже 11 декабря руководство предприятия пошло на переговоры. Требования, выдвинутые профсоюзом, были четко сформулированы и юридически обоснованы. Они касались вопросов регулирования рабочего времени, должностных инструкций, обязанностей и нормативов, заемного труда и дискриминации в отношении профсоюзных активистов.

2 Такой же прием использовал профсоюз металлистов «Соцпроф» на ОАО «Карельский окатыш», но на этом предприятии профсоюзные активисты встретили жесткое сопротивление со стороны администрации, которая даже пыталась использовать правоохранительные органы, чтобы предотвратить профсоюзное собрание 20 октября. Однако активность и решительность профсоюза в противодействии планам администрации по сокраще-

нию персонала привлекали все больше работников в ряды профсоюза.

В качестве наступательной акции стоит упомянуть о начале кампании против заемного труда (наем через агентства по аутсорсингу). После акций протеста нанятых через ООО «Петролайн» и не получивших зарплату работниц ОАО «Кондитерский концерн «Бабаевский» (Москва) по инициативе целого ряда профсоюзов (в том числе Международного союза пищевиков – IUF) в ноябре-декабре прошли пикеты в нескольких городах страны. Они требовали не допустить распространения практики аутсорсинга и нестандартных форм занятости на производстве. В данном вопросе профсоюзы работают на опережение – с целью противодействовать легализации новых, нестандартных форм занятости, которые лишают работников гарантий.

Голодовки. К сожалению, особенно с весны, участились и случаи голодовок (до 20 случаев). Этот метод давления на работодателя довольно малоэффективен, но главное – он вреден и опасен для здоровья людей. Обычно работники прибегают к голодовке в том случае, если слишком малая часть коллектива готова к активным действиям (не хватает солидарности), или же в случае банкротства предприятия. Чаще всего спустя некоторое время люди прекращают голодовку, поверив обещаниям скорейшего погашения задолженности, но, как правило, если за голодовкой не следуют более массовые и организованные действия, обещания так и остаются обещаниями.

Можно привести множество примеров неудачных голодовок, которые деморализуют людей:

1 29 июня железнодорожники Северомуйска приостановили голодовку, начатую 22 июня, в связи с тем, что наметились некоторые сдвиги в решении проблемы сокращения работников и снижения им зарплаты.

2 1 июня бортпроводницы авиакомпании ОАО «Красноярские авиалинии» («КрасЭйр»), требовавшие полного погашения многомесечных долгов по зарплате, прекратили голодовку, длившуюся 19 суток. Им пришлось прервать голодовку из-за резко ухудшившегося состояния здоровья участниц, хотя их требования так и не были выполнены.

3 В Ахтубинске 15 июня коммунальщики предприятия «Центржилкомхоз» (МП «ЦЖКХ») начали вторую (посменную) голодовку протеста за год. Таким образом работники по инициативе профсоюза «Защита» пыта-

лись не допустить «умышленного» банкротства единственного в городе предприятия ЖКХ. Никаких действий со стороны властей не последовало.

4 В январе из-за задержки зарплаты провели голодовку рабочие брянского 111-го военного завода. Участники были госпитализированы на десятки сутки голодовки. Голодовка была прекращена, несмотря на то что работникам так и не была выплачена задолженность по заработной плате. 421 сотрудник завода не получал зарплату в течение семи месяцев.

5 В феврале и затем в марте, выражая протест против снижения зарплаты, голодовку объявили работники Златоустовского металлургического завода (ЗМЗ, Челябинская область). Первая голодовка (16 февраля) заставила руководство предприятия немедленно отреагировать и отступить, по крайней мере на словах. Однако проблема осталась и акция возобновилась 10 марта. Но в этот раз руководство завода обвинило голодающих в политическом экстремизме.

Лишь в редких случаях голодающим удавалось добиться выплаты зарплаты. Как правило, в этих случаях работники либо не ограничивались голодовкой, либо им удавалось добиться широкого общественного резонанса и привлечения СМИ.

1 В Ростовской области на шахте им. Чиха, где 23 июня началась подземная голодовка тридцати шахтеров, уже 25 июня шахтеры поднялись на поверхность, так как акция вызвала серьезную панику среди областных чиновников. На шахту приехали вице-губернатор области и министр энергетики.

2 На Байкальском ЦБК выплата задолженности по зарплате началась после массовой голодовки, в которой приняли участие 60 человек (они разместились в палаточном городке перед администрацией Байкальска), многократных митингов и пикетов.

3 На Ямале 10 августа после более двух недель голодовки работники геологоразведочной компании «Северная экспедиция» добились погашения задолженности по зарплате. Ранее работники компании уже объявляли голодовку, которая длилась с 25 июня по 3 июля и закончилась обещаниями.

Выводы: динамика развития профсоюзно-рабочего движения затормозилась. Благодаря эффекту «пикалево» стихийные и локальные конфликты в виде уличных акций с перекрытием дороги, и в первую очередь

в моногородах, стали самым эффективным способом привлечения внимания властей к решению вопросов. В ходе акций поднимаются более широкие проблемы, чем выплата задолженности по заработной плате, – практически везде на повестке дня стоит спасение предприятия. Все чаще работники обращаются к государству с требованием национализировать предприятие или по крайней мере «навести порядок» и наказать «неэффективного» собственника.

В целом конфликты 2009 года носят оборонительный характер, наступательные действия работников, которые начали разворачиваться в 2007–2008 годах, происходят редко, хотя их потенциал по-прежнему сохраняется в виде инициированного профсоюзом коллективного трудового спора и угрозы забастовки.

В условиях кризиса трудовые конфликты выходят за пределы предприятий. Число публичных, стихийных и демонстративных акций стало резко увеличиваться, это свидетельствует о том, что трудовые конфликты не могут разрешаться на предприятиях, особенно с учетом существующего трудового законодательства. Работники расширяют арсенал форм протестных действий, при этом большинство акций выходит за рамки тех форм, которые предписаны законом для регулирования трудовых споров. Так происходит не потому, что люди стремятся нарушить закон, а потому, что сам закон малоприменим для разрешения трудовых споров.

Наконец, необходимо отметить еще одну важную характеристику нынешней протестной волны: конфликты вспыхивают беспорядочно и стихийно, но не выливаются в массовое движение, способное повлиять на общий курс властей по преодолению кризиса – за счет трудящихся или за счет собственников. Сегодня действия властей и крупных собственников направлены на выход из кризиса за счет трудящихся (снижения зарплаты, сокращения, невыплаты), а не за счет собственников (снижение дивидендов, бонусов и прибылей, накопленных в период экономического роста). Более того, государство взваливает на себя долги собственников, не желающих отвечать перед работниками, – за долги Дерипаски и прочих олигархов расплачиваются налогоплательщики, то есть те же трудящиеся.

Общее движение трудящихся не формируется из-за того, что конфликты строго локализованы, отсутствуют координационная структура и горизонтальные связи между борющимися коллективами. Существует лишь общее информационное поле в СМИ – «Пикалево – раз, два, три». Кроме

того, для массового и устойчивого движения необходимы организационная структура, координационные органы и профсоюзная солидарность, а их появлению очевидно препятствует курс работодателей и властей на подавление и раскол профсоюзов.

Наконец, раздробленность объясняется еще и тем, что большинство самых радикальных конфликтов происходит вне сетевых структур свободных профсоюзов. У альтернативных профсоюзов накопились свои проблемы на предприятиях, они также (в частности в автопроме) страдают от кризиса (либо же от давления со стороны властей и/или работодателей) и поэтому направляют свои усилия в основном на организацию борьбы у себя на местах или в собственных организациях. А Федерация независимых профсоюзов России крайне не заинтересована в содействии координации и консолидации общего движения за трудовые права.

Другими словами, вследствие кризиса процесс консолидации и возобновления профсоюзно-рабочего движения если не приостановился, то все же замедлился.

Тем не менее положительной тенденцией является то, что на волне стихийного протеста за спасение производства появляются новые лидеры и активизируются местные ячейки ФНПР. Профсоюзы начинают отражать попытки внести раздор в их ряды и отнять у них независимость. Однако в большинстве случаев лидеры жалуются на слабую поддержку со стороны руководства ФНПР или отраслевой организации.

Перспективы перерастания локальных и раздробленных выступлений в единое социальное движение: солидаризация профсоюзов и социальных движений.

При всех трудностях, связанных как с кризисом, так и с усиливающимся давлением на организационное крыло рабочего движения, тенденция к консолидации продолжается. Дееспособные профсоюзы все больше взаимодействуют как между собой, так и с союзниками из среды социальных движений или политических активистов.

Очевидно, чтобы качественно улучшить ситуацию с соблюдением прав трудящихся во время кризиса, необходима массовая кампания, на-

правленная на изменение взятого правительством курса на выход из кризиса за счет ухудшения положения трудящихся и нарушений их прав.

Отдельные сдвиги в этом направлении уже есть. В недрах Межрегионального профсоюза работников автопрома (МПРА) родилась инициатива по проведению массовой кампании под лозунгом «Рабочие не должны платить за кризис!». 14 февраля 2009 года состоялась первая межрегиональная акция протеста под этим лозунгом. 19 апреля на Уральском социальном форуме в Ижевске социальные активисты, в основном Союз координационных советов (СКС), и некоторые свободные профсоюзы договорились о совместном проведении кампании в защиту социальных и трудовых прав и согласовали список предложений по выходу из кризиса «не за счет народа». Среди главных требований – сделать информацию о реальном финансово-экономическом положении предприятия открытой для профсоюзов и дать им право контролировать принятые меры для выхода из кризиса. Однако сама кампания прошла довольно слабо, по крайней мере в неделю единых действий «Выход из кризиса – не за счет народа!» (10-17 октября) профсоюзы почти не участвовали.

Но и здесь намечаются позитивные сдвиги. В том числе существует план проведения круглого стола по теме взаимодействия и солидаризации между социальными и профсоюзными движениями накануне предстоящего объединительного съезда профсоюзов ВКТ и КТР. Наиболее перспективным направлением является создание коалиций в рамках города, особенно в моногородах. Взаимодействие может быть максимально эффективным и выгодным для всех участников и в случае городской кампании – вокруг самых социально болезненных/значимых точек соприкосновения в рамках города.

Если первый опыт сотрудничества окажется удачным, то вполне может появиться координационная сила, которой так не хватает для преодоления разрозненности и локальности общего движения в защиту социальных и трудовых прав. Но на сегодняшний день координационные структуры еще находятся в зачаточном состоянии.

Именно от усилий профсоюзов и социальных движений будет зависеть, насколько стихийная волна протеста сможет трансформироваться в организованное движение, способное добиться от правительства реальных мер по защите трудовых прав.

Власть должна быть заинтересована в развитии профсоюзного движе-

ния, поскольку в противном случае она останется один на один с неуправляемой стихией, что может повлечь крайне плачевные результаты для страны в целом. Однако сегодня прессинг в отношении профсоюзов, наоборот, усиливается. Работодатели избавляются от наиболее активных защитников трудовых прав, увольняя их или арестовывая по сфабрикованным делам. И практика показывает, что в этом им помогают местные или региональные «хозяева», Государственная Дума – своим нежеланием принять поправки к трудовому законодательству, которые бы облегчали жизнь независимых профсоюзов, и даже правительство, которое своими действиями провоцирует социальную напряженность в стране.

Однако работники уже не те, что в 90-е годы, в России уже выросло другое поколение рабочих, с иными представлениями о своем достоинстве и иными притязаниями. Они не станут затягивать пояс без веских оснований, не будут «входить в положение» людей, которые отказываются пожертвовать очередным джипом или коттеджем.

Поэтому выбор прост – либо рост организованного рабочего движения, либо «стихийное бедствие».

¹ Борьба жителей общежития в Ясном проезде с УФСИН идет с 2004 года, когда это бывшее общежитие фабрики «Смена», вместо того чтобы перейти в муниципальную собственность, как это положено по закону, отошло в федеральную собственность и было вместе с людьми передано в оперативное управление Главному управлению исполнения наказаний по г. Москве (ныне УФСИН). Люди столкнулись с прямым насилием: их принуждали к выселению не только запугиванием – некоторых жителей просто избивали. Одно время дом даже охранял штурмовой отряд спецназа ГУИН и люди могли попасть к себе домой только по пропускам. Отнятые у жителей жилые помещения использовались не только для заселения сотрудников УФСИН, но и для сдачи в наем посторонним лицам и под офисы. С 2005 года жители организовались и борются методом прямого сопротивления, проведения митингов и судебного разбирательства (о незаконной передаче общежития в федеральную собственность). Они стоят у истоков Движения жителей Москвы (ДОМ).

² Сайт существует до сих пор, но сегодня он является коммерческим и занимаются им уже не активисты движения.

³ См., например, передачу на «Эхе Москвы» от 20 мая 2006 года: «Кто виноват, что люди остались без денег и жилья?». <http://www.echo.msk.ru/programs/kitchen/43625/>

⁴ На это обращает внимание Ольга Ковенева, когда сравнивает две инициативные

группы: одна – во Франции, другая – в России. Французская группа характеризуется «отрывом от близкого во имя общего», российская – «вхождением в публичность без отказа от привычного пространства». См.: Ковенева О. Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции. // «Неприкосновенный запас». №2 (46), 2006.

⁵ Закирова М. Образы города в мобилизации городского общественного движения (на примере Санкт-Петербурга) / Общественные движения в России – точка роста, камни преткновения. // Журнал исследований социальной политики. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. Ст. 182.

⁶ Официальная статистика подтверждает пассивную реакцию населения на реформу управления многоквартирными домами. В ходе проведенного Федеральной антимонопольной службой в июле 2008 года мониторинга выяснилось, что более 50% россиян так и не выбрали способ управления своим многоквартирным домом. А из жителей многоквартирных домов, сделавших свой выбор, большая часть выбрала управляющие компании (УК) – они управляют 33,4% общего объема жилищного фонда, 2,1% домов управляется собственником самостоятельно (непосредственное управление или НУ), 8,3% – ТСЖ.

⁷ 12 мая 2009 года Верховный суд Республики Саха (Якутия) отменил приговор суда первой инстанции в отношении Валентина Урусова, который был освобожден прямо в зале суда под подписку о невыезде. Это результат длительной кампании профсоюзного и социального движений за пересмотр дела, которое все активисты считали сфабрикованным. Однако 26 июня на повторном рассмотрении дела суд г. Удачный подтвердил свое предыдущее решение, вновь приговорив Урусова к шести годам тюрьмы.

Глава четвертая

Ключи к пониманию социальных движений в России - в поисках теоретического подхода

Как объяснить то, что иногда люди действуют коллективно и результатом их действий становятся социальные изменения?

Антимонетизационные выступления (движение за сохранение социальных гарантий), жилищное движение, профсоюзно-рабочее движение, движение автомобилистов, движение в защиту Байкала, разнообразные инициативные группы и координационные советы – что это за странное социальное оживление? Неважно, что оно касается лишь небольшой части населения, главное – на общественной сцене появляются новые акторы. Этот факт заставляет отвергнуть шаблон о легендарной пассивности, вечном терпении и традиционной покорности российского общества. Социальные движения возникают, несмотря на репрессии, на закрытость политической системы и слабость демократических структур. Возможно, даже отчасти как реакция на эти факторы.

В любом случае существует нечто, что следует объяснить и понять, чтобы содействовать развитию этих пионерских движений. Такова позиция социологов-активистов. Есть и другая цель – внести вклад в общее социологическое знание о социальных движениях. Мы считаем, что российское поле бросает вызов упрощенным теориям социальных движений, а анализ результатов полевых исследований позволяет сделать общую дискуссию о причинах вовлеченности людей в современные социальные движения и их характеристиках более богатой.

Предлагаем рассмотреть теоретические подходы, которые, как нам кажется, проливают свет на те или иные характеристики существующих сегодня в России социальных движений. В выборе теоретического подхо-

да мы не ограничиваемся единственным «правильным» подходом, а допускаем эвристический характер нескольких теорий.

Подход в терминах политического контекста и его ограниченность

Подъемы и спады общественной активности могут быть связаны с изменениями политико-институционального контекста.

Согласно одному из основных направлений социологии социальных движений таковые появляются в зависимости от «структуры политических возможностей»¹. Последнюю разные авторы трактуют по-разному. Наиболее известное определение принадлежит Дугу МакАдаму², он перечисляет четыре критерия: открытость или закрытость институциональной политической системы, сплоченность или раскол властвующих элит, возможность или невозможность заключения союза с частью элит, репрессивные возможности государства или, наоборот, его способность реагировать на общественные требования.

Если в анализе развития политической системы в России опираться на эти четыре пункта, придется признать, что после некоторого ее освобождения, которое произошло в конце 1980-х – начале 1990-х годов, дальнейшие изменения в России вызвали постепенное сужение политических возможностей. Первая волна общественной активизации проходила одновременно с борьбой внутри советских элит и завершилась разрушением советской политической системы, однако пришедшая ей на смену постсоветская система становится все более закрытой для инициатив «низовых» гражданских образований.

Однако структуру современных политических возможностей можно рассматривать иначе: с одной стороны, перед «невхожими» в правящую элиту захлопываются двери официальной политической системы, акции непарламентарной политической оппозиции жестко пресекаются, а в окол властные органы кооптируются лояльные представители «гражданского общества», но с другой – перед «неприсоединившимися» открывается огромное поле для ведения самостоятельных действий.

К неприсоединившимся относятся все обычные граждане, которые пытаются организовать для защиты своих прав, возмущены «беспределом» представителей власти и потому лишены всякого желания про-

являть лояльность к ней, и стремятся в первую очередь повлиять на ближайшую окружающую среду, в силу чего скептически относятся к чисто политической оппозиции. Нельзя сказать, что пространство действий «неприсоединившихся» имеет четкие границы: гражданские инициативы могут в некоторых случаях пересекаться с инициативами официальной власти, лояльной общественности или радикальной политической оппозиции. Это обширная, гибкая и динамичная констелляция общественных инициатив, которые действуют прагматически и исходя из обстоятельств. Именно такую картину мы наблюдали с 2005 по 2008 год.

И все-таки поле деятельности низовых социальных движений преимущественно лежит по ту сторону официальных институтов власти. Сверхцентрализация и монополизация власти, с которой граждане сталкиваются в своей непосредственной практике, заставляет их отвергать эту власть и пересматривать свой взгляд и на саму власть, и на проводимую ею политику. Активисты говорят: «Власть сама заставила нас стать бойцами за справедливость».

Еще одна характерная черта нынешней политической системы (условно говоря, «путинской») – пафосный официальный дискурс, который, как становится очевидно, не совпадает с действительностью. Эта черта объясняет и тот факт, что граждане массово поддерживают существующий режим и лично главу государства, и то, что все большая часть населения отказывается это делать. Причина в том, что Путин сумел вернуть легитимность политической системе, апеллируя к тем ценностям, которые соответствовали ожиданиям и чаяниям большинства людей. Однако, сталкиваясь в реальности с тем, как эти ценности воплощаются в жизнь, люди обнаруживают несоответствие официального дискурса и действительности. О каком «наведении порядка» идет речь, если чиновники коррумпированы и злоупотребляют своей властью? Где «диктатура закона», если законы (даже недавно принятые) не соблюдаются или трактуются в пользу чиновников, строителей или работодателей? Эти несоответствия подрывают доверие населения к идеологической оболочке режима. Многие из наших рядовых активистов не так давно еще голосовали за Путина, сегодня они его жестко критикуют.

Люди утрачивают патерналистские иллюзии после того, как они на собственном опыте смогли убедиться, как выглядит «забота» государства.

Однако таким испытанием сталкиваются далеко не все, а с проявлением «произвола» государства, как правило, встречают люди, которые уже начали активизироваться и требовать соблюдения их законных прав.

Если рассматривать политический контекст еще шире, то главной предпосылкой к подъему общественной активности можно считать новый виток постсоветских реформ. Именно 2004 года положил начало самым крупным реформам в социальной сфере, которая является самой чувствительной, так как непосредственно затрагивает повседневную жизнь каждого человека.

«Шоковая терапия» 1992 года, несомненно, дестабилизировала жизнь людей, но она воспринималась как неизбежная и переходная мера, которая гарантировала процветающую рыночную экономику в будущем. Кроме того перемены затрагивали прежде всего экономическую, а не социальную сферу – и в глазах населения ответственными за обнищание были «олигархи» и прочие инициаторы этой затеи, а отнюдь не «государство» или «власть». До тех пор пока реформы затрагивали сферы, наиболее удаленные от обыденной жизни, население могло легко укрыться от них в частном пространстве, тем более если учитывать традиционное разделение российского общества на «них» (власть) и «нас» (низы)³, которое на протяжении 1990-х годов только усиливалось. Но с того момента как реформы коснулись общественных услуг и коллективных благ, государство заявило о себе в повседневной жизни. С наступлением на социальные права (монетизация льгот, новый Жилищный кодекс, новый Градостроительный кодекс, реформа образования) власть наступила на частную жизнь людей. Путь к гражданской мобилизации открылся.

Нельзя также забывать о том, что для большей части населения, которая лишь недавно преодолела черту бедности – а это основная часть «новых активистов», – любая дестабилизация их положения или покушение на приобретенное хрупкое благосостояние означает риск вернуться назад. Именно социальные реформы угрожают устойчивости положения людей этой категории – монетизация льгот отнимает у них «запасную подушку безопасности», жилищная реформа угрожает их жилью, а градостроительная реформа отнимает у них землю.

«Структура политических возможностей» в нынешней России является противоречивой: с одной стороны, она подавляет гражданские инициативы, а с другой – стимулирует их возникновение.

Таким образом, политико-институциональный контекст задает лишь общие рамки для коллективных действий, а его структура находит свое отражение в их конфигурации.

Некоторые авторы критикуют объективистский структуралистский подход к понятию политического контекста и выдвигают в качестве определяющего фактора субъективное восприятие политических структур акторами. Другими словами, даже при объективно неблагоприятной «структуре политических возможностей» люди могут прибегнуть к массовым коллективным действиям, если они считают, что систему можно сломать. Например, изучение Чарльзом Курцманом⁴ иранской революции показало, что, накануне революции иранский народ видел в государстве сильную репрессивную машину, поэтому он относился к политической оппозиции все более и более серьезно, в конце концов люди поверили в вероятность ее победы и это сделало революцию возможной. Курцман наряду с другими исследователями отдает приоритет восприятию, эмоциям, ценностям и ожиданиям акторов, то есть субъективной реальности. «Если шанс – это своего рода дверь, то тогда общая теория социальных движений рассматривает случаи, когда люди понимают, что дверь открыта, и проходят в нее. Иранская революция, видимо, и есть тот случай, когда люди видели, что дверь закрыта, но считали, что оппозиция достаточно сильна, чтобы открыть ее. Получается, что иранцы сами сумели открыть эту дверь»⁵.

В нынешней России мало кто сомневается в том, что дверь прочно закрыта, и поэтому биться лбом о закрытую дверь мало кто решается. Данное обстоятельство объясняет общую пассивность подавляющей части населения, однако оно не отрицает возможности зарождения социальных движений. Во-первых, люди могут прорваться через другие двери, расшатать петли или использовать иные ходы – именно на это указывает распространение таких форм коллективных действий, как самоорганизующиеся сообщества или самоуправленческие структуры. Во-вторых, нельзя исключить возможность возникновения субъективного ощущения, что дверь можно открыть. Это тем более вероятно в период экономического кризиса, который ослабляет влияние власти. На данный момент российские активисты не еще не осознали, что они способны разрушить существующую систему, однако у них есть чувство гражданской силы и понимание, что существующий порядок неприемлем.

В целом наш вывод остается прежним: субъективно воспринятый или объективно существующий политический контекст формирует лишь общие предпосылки к коллективным действиям.

Социокультурный подход: обывательская культура и ее островки сопротивления

Культурные стереотипы, традиции, нормы являются чем-то более глубинным, чем политические институты, поэтому для анализа обывательской культуры мы будем использовать социокультурный подход.

В нынешней России люди погружены в обывательскую (или антиактивистскую) среду. Обычные паттерны (схемы) действий заставляют людей, столкнувшихся с несправедливостью, либо занять выжидательную или пассивную позицию, либо попробовать обойти возникшую проблему, но не пытаться восстановить справедливость, тем более если это подразумевает необходимость идти на открытый конфликт. Отрешенность, покорность или хитрость – вот основные тренды российского общества.

С точки зрения объекта нашего исследования имеют значение следующие черты культуры: слабый уровень доверия между людьми, превосходство неформальных правил и практик над формальными (в том числе для восстановления нарушенных прав), значимость патерналистских установок, отсутствие привычки вести самостоятельную (тем более конфликтную) активистскую деятельность. К этому можно добавить негативное представление о протестующих, которое сформировалось в российском обществе: по распространенному мнению, в России протестуют либо неудачники, которые не смогли вписаться в рыночную экономику, либо экстремисты, цель которых все разрушить. В таком обществе нет места мысли о том, чтобы принять участие в коллективных действиях, тем более протестного типа.

К счастью, деятельно-активистские теории показывают, что культура не имеет исключительно структуральный характер, а следовательно акторы способны оказывать на нее воздействие и (в определенных рамках) конструировать ее. Однако с учетом культурных характеров, которые мы привели выше, конструирование новых культурных кодов и значений затруднено и весьма ограничено. Поэтому здесь мы будем говорить об островах активистской культуры, которые существуют благодаря постоян-

ной деятельности, направленной на формирование и воспроизводство активистского духа в российском обществе (при условии, что она не вступает в полное противоречие с общей культурой).

Деятельность по изменению культуры⁶ имеет успех в том случае, если она находит отклик (resonance) у публики или совмещается с доминантной культурой⁷. Добавим, что преобразование культуры возможно, если активистская и обывательская культура будут сочетаться друг с другом, и если бреши и противоречия обывательской культуры, которые становятся особенно очевидны в проблемных ситуациях, послужат плодородной почвой для развития активистской культуры.

Если внимательно проанализировать культурную надстройку современного российского общества, то эти бреши и противоречия будут легко найдены: это и массовая коррупция, и недоступность власти для большинства людей, и патернализм и так далее. Кроме того, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что некоторые современные активисты социализированы в постсоветской общественной системе и имеют иные ценности и цели, чем предыдущее поколение. Также большую роль играют глобализация и становление альтернативных информационных сетей, которые позволяют все большему числу людей узнавать о другом опыте и культуре. Мы считаем значимым и тот факт, что немалая часть нынешних общественных активистов умеют играть по рыночным правилам: кому-то из них доводилось создать свою маленькую фирму, кому-то – найти в рыночной экономике высокооплачиваемое место, кому-то – стать преуспевающим политтехнологом. Многие из них на собственной шкуре испытали прелести административных барьеров для малого бизнеса, произвол работодателей или цинизм PR-технологий.

Таким образом, в нашей выборке есть и бывшие преуспевавшие бизнесмены, разве они станут отождествлять себя с «неудачниками»? И интеллигентные журналисты и квалифицированные юристы, разве соратники могут думать о них, что они «озлобленные экстремисты»? Так что нынешняя волна протестующих прекрасно готова к конфликтным отношениям.

Но нельзя забывать и о негативных факторах. Пожалуй, наиболее слабым местом рождающихся движений является культурная установка общества на недоверие. Попытки активизации постоянно сталкиваются с недоверием даже со стороны тех людей, чьи права они защищают. Кажется, до тех пор пока социальные движения не смогут отвоевать себе

большее пространство, им не суждено выйти за пределы небольших островов доверия. В этой связи активистская составляющая имеет особое значение, поэтому предлагаем подробно остановиться на анализе возможностей установления доверительных отношений между обществом и активистами.

Коллективные действия в условиях существования культуры недоверия предполагают действия по продвижению культуры доверия. Наши исследования показывают, что люди начинают коллективно действовать в том случае, если между ними существует хотя бы межличностное доверие. В дальнейшем уровень доверия между взаимодействующими людьми постепенно повышается и их круг расширяется.

В российском обществе, где (по результатам опросов) общий уровень доверия чрезвычайно низок, люди используют различные заменители, такие как «авось», коррупционные практики, узкие неформальные связи взаимопомощи, цинизм и так далее. Как в этих условиях действовать активистам, которым доверие необходимо для коллективных действий?

Обратимся к теории Петра Штомпки о доверии⁸. Как рождается доверие? Согласно теории Штомпке, доверие предполагает некую гарантию (но не окончательную уверенность) того, что люди или институты будут действовать предсказуемым образом. Человек, который чему-либо или кому-либо доверяет, принимает решение действовать вопреки неопределенности будущего и сомнениям в действиях других. Доверие – это прыжок в неизвестность. В столь неопределенном институциональном контексте, как российский, эта фраза приобретает прямой смысл. Что заставляет некоторых людей, даже когда они не уверены в намерениях других участников действия, участвовать в коллективном действии?

Ответить на этот вопрос очень сложно. Мы считаем, что первые шаги к активизации делаются под влиянием эмоций⁹. Человека возмущает какая-то несправедливость, или он восхищается смелостью некоторых активистов, или обнаруживает, какие прекрасные у него соседи, или попадает на первое собрание бригады, первый субботник, первый сход жителей...

В дальнейшем поддерживать доверие в рамках активистских сообществ могут только целенаправленные действия самих активистов. Ключевую роль в этом играют лидеры, а именно насколько они стремятся быть достойными доверия, и насколько они сами доверяют другим людям. Степень доверия к лидеру зависит от его репутации, «перформанса»

(эффективности выполнения роли лидера) и от впечатления (*appearance*), которое он производит. Штомпка называет эти факторы «имманентными фундаментами», которые напрямую связаны с личностью лидера. Однако также существуют контекстуальные фундаменты, которые особенно важны для формирования и поддержания доверия за пределами узкой группы. Это степень отчетности (*accountability*), которая предполагает наличие прозрачных правил взаимодействий, и степень вовлеченности (*pre-commitment*) человека в активистское сообщество. Наконец, сюда относятся характеристики самого сообщества: насколько тесны социальные связи сотрудничества и насколько развито чувство принадлежности к этому сообществу. Активистские сообщества по этим параметрам сильно различаются, есть среди них и очень удачные примеры культуры доверия (образцовым примером является рабочий коллектив завода «Форд»).

Так как в России активистская деятельность погружена в общую культуру недоверия, доверие внутри активистского сообщества (а тем более за его пределами) может сохраняться и развиваться лишь при условии проведения целенаправленной работы по установлению доверительных отношений. Это предполагает наличие организации, какой бы она ни была: неформальная сеть, инициативная группа, координационный совет или профсоюз.

Однако в таких странах, как Россия, где общество структурировано по вертикальному принципу (власть – подданные, начальство – безмолвные рабочие) существует еще одна специфичная проблема: чтобы не погибнуть, активистское сообщество должно иметь четкие границы – не пускать в свои ряды представителей вертикальных центров влияния, и быть достаточно сплоченным, чтобы не позволить вертикальной логике властных структур обрубить горизонтальные связи. Другими словами, это модель «мы – они», в которой «мы» не сводится к микрогруппе своих, но при этом исключает «они» из своего сообщества. В народном языке это звучит так: «сосед соседу не враг, а товарищ». Враги – это ЖЭК, департамент ЖКХ и прочие организации.

На теоретическом уровне наш аргумент, что залогом развития доверительных отношений внутри активистского сообщества является недоверие к официальным властным структурам, соответствует тезису Чарльза Тили, что для демократизации политической системы необходимо наличие элемента недоверия в отношении представителей власти¹⁰.

Другими словами, речь идет о создании активистами островов «культуры доверия». Мы сознательно не используем термин «контркультура», так как он обладает специфической коннотацией, которая включает элемент маргинальности. Быть может, островов культуры доверия пока мало, но потенциально это универсальная культура.

Для производства и особенно распространения этой культуры необходимо, чтобы деятельность активистского сообщества включала в себя «культурный фрейминг», то есть целенаправленные действия по продвижению культуры доверия. Причем делать это необходимо таким образом, чтобы она могла быть понятной и привлекательной для других, получила общественный отклик и вошла в резонанс с установками целевой аудитории. Пример «Форда» наглядно показывает, что для этого культура доверия должна быть встроена в повседневную жизнь людей, должна стать распространенной на практике и применяться ключевыми фигурами (лидерами) движения, которые способны показать пример другим. Это весьма непростая задача, но мы считаем, что активистские сообщества являются единственно возможными агентами для ведения такой деятельности. Во-первых, они – в этом заинтересованы, так как их эффективность находится в прямой зависимости от наличия доверия. Во-вторых, им проще получить отклик, поскольку они действуют в низовых структурах общества, постоянно контактируют с «обывателями» и их деятельность в первую очередь направлена на решение насущных для большей части населения проблем.

Культурный праксис: некоторые выводы. Сделаем некоторые общие выводы о влиянии культурной составляющей на нынешнюю волну общественной активизации.

В подавляющем большинстве случаев общие культурные рамки ограничивают возможность коллективных действий. Однако в определенных проблемных ситуациях люди могут обнаружить несовпадения между разными культурными установками либо между культурной надстройкой и конкретным опытом, и если ситуация вызывает эмоциональную реакцию (энтузиазм, возмущение, сочувствие), то перед ними открываются окна возможностей. Чтобы семена иных культурных установок дали всходы, необходимы целенаправленные действия акторов (в первую очередь лидеров и организаций) по производству встроенных в повседневные практики смыслов (*culture works in practice*).

Таким образом, мы предлагаем рассматривать культуру не как жесткую матрицу или субъективную конструкцию, а как пространство, в которое конкретные практики взаимодействия людей могут внести определенные изменения.

В России практически не представлены чисто «культурные» движения, которые стремились бы изменить культуру или продвинуть альтернативную культуру (такие движения, как женское движение или движение сексуальных меньшинств, широко представленные на Западе). В современных российских условиях нестандартные культурные элементы могут прорваться на сцену общественной жизни только в том случае, если они сочетаются с общей обывательской культурой и включены в повседневную практику. Здесь мы вплотную приблизились к нашему основному подходу (назовем его пока «прагматистским»), но подробно мы остановимся на нем ниже.

Так или иначе, но политически-институциональный и социокультурный контексты являются лишь общим фоном, на котором разворачиваются те или иные действия людей. Этот фон позволяет объяснить существующие диспропорции между обывательским миром и активистским миром. Однако для того, чтобы понять, почему в одном и том же контексте некоторые люди склонны использовать обывательские практики и стратегии, а некоторые – активистские, следует смотреть глубже, только тогда можно увидеть, что конкретные ситуации, события, испытания и проблемы на разных людей оказывают разное влияние.

Мотив действий: эмоции и ценности, а не рациональный выбор

На сегодняшний день самой спорной теорией коллективных действий является теория коллективного поведения. Исторически она играла в социологической науке ведущую роль с начала 1920-х до 1960-х, однако в наши дни подвергается жесткой критике – за преобладание психологизма, концепцию манипулируемых лидерами иррациональных толп, а также за то, что она отождествляет протестующее и девиантное поведение (особенно в ранних версиях теорий Гюстава Лебона¹¹ и Габриеля Тарда¹²). Кроме теоретических искажений в работе этих авторов наблюдается явный идеологический перекосяк в сторону консерватизма.

Из концепций, существующих в рамках теории коллективного поведения, мы хотели бы подвергнуть критике популярную в России теорию Т. Р. Гарра¹³, выдвинувшего концепцию относительной депривации, результатом которой, по его мнению, становятся социальная фрустрация и протест. Гарр определял относительную депривацию как расхождение между притязаниями и реальным социальным положением людей. Так, люди склонны бунтовать, если их положение сравнительно хуже положения других, другими словами, если они испытывают зависть. Несмотря на простоту схемы, она, в сущности, ничего не объясняет. Мало ли в России людей, которые резко все потеряли, в то время как другие резко обогатились? Но мы отнюдь не видим сносящих все на своем пути озлобленных толп. Таким образом вопрос, почему одни недовольные протестуют, а другие – нет, остается открытым.

В более поздних версиях парадигмы социологи пытались отбросить коллективный психологизм. Например, в теории Смелзера¹⁴ коллективное поведение обусловлено главным образом социальными условиями. Он выделяет структурные факторы, которые способствующие коллективному поведению, главные из которых – структурная напряженность (расхождение между системой верований или ценностей общества и реальной окружающей обстановкой) и процесс распространения обобщенного верования. Однако его теория тоже мало объясняет, почему люди начинают одинаково реагировать на «структурную напряженность» или почему они стали разделять одни и те же (иррациональные) верования.

Другими словами, даже в усложненных схемах люди исчезают за структурами или же являются иррациональными объектами факторов-раздражителей.

Именно в противовес теории коллективного поведения возникла теория рационального выбора¹⁵, которая предполагает, что люди действуют коллективно исходя из рационального расчета: они сравнивают потенциальный выигрыш и издержки своего участия в коллективных действиях. Этот подход, однако, почти до нуля сокращает возможность коллективных действий в современной России. Например, чтобы решить проблему, с которой сталкивается обычный человек в российском обществе, наиболее рационально (с точки зрения выигрышей и издержек) было бы бездействовать и ждать, пока воображаемое патерналистское государство решит проблему, или же предпринять какие-то действия в рамках имею-

щейся сети неформальных межличностных отношений. Этот выбор (он соответствует наиболее распространенной практике и господствующей структуре властных отношений) имеет все шансы оказаться более эффективным, менее затратным и, несомненно, менее рискованным, чем коллективные действия, и тем более открытый протест.

Вышесказанное отнюдь не означает, что нынешние общественные активисты действуют иррационально. Просто расчет, тем более индивидуальный, не является единственным мотивом их действий. Как показывают наши полевые исследования, мотивы у всех людей разные. Они могут быть как вербализованными (высказанными в интервью), так и существующими на уровне ощущений (проявляющимися в наблюдениях).

Мотивом для первых шагов на пути к социальному протесту часто служит ощущение угрозы, нависшей над социальным благополучием индивида или семьи. Сколь бы неромантичным это ни казалось, но люди редко активизируются «во имя всего человечества», гораздо чаще активизация происходит вокруг проблем, связанных с личной ситуацией и прагматическими интересами (чтобы не выселили из дома, чтобы не платить высокие коммунальные платежи, защитить площадку перед домом, получить льготные лекарства). В таком удаленном от политики обществе, как российское, чтобы коллективное действие было привлекательным, люди, погруженные в бытовые проблемы, должны видеть в нем смысл. Локальные кампании проводятся именно по конкретным практическим вопросам (воспрепятствовать планам строительства нового дома или автостоянки на месте зоны отдыха, не дать выселить людей из общежитий, получить государственные деньги на капремонт, вернуть льготы, добиться повышения зарплаты).

Пожалуй, одним из самых мощных стимулов к началу активных действий является возмущение. Людей возмущает несправедливость (когда у них отнимают их права без легитимных на то оснований), произвол (когда наделенные властью лица злоупотребляют своими полномочиями), покушение на человеческое достоинство (когда люди чувствуют себя униженными, оскорбленными, отрицаемыми как люди). Ценностная составляющая мотива действий в данном случае очевидна. Приведем несколько примеров высказываний: «Мы же купили свои квартиры (стали собственниками участка), по какому праву у нас ее (его) отбирают?», «Просто невозможно не возмущаться, когда видишь, в каком бедственном положении находятся люди, которые честно работали всю жизнь»,

«Мы заслужили эти льготы, как они посмели отнять их у нас?», «Они все могут себе позволить, плевать им на нас», «Мы для них не люди, мы не существуем»...

В этих словах выделяется еще один мотив, который выражен в местоимении «мы»: еще нельзя говорить о наличии четко осознанной и сформированной коллективной идентичности, но уже есть ощущение, что я – не один в таком положении, а нас много. «Мы» – не вполне оформленное сообщество людей, над которым нависла одна и та же угроза, и которые стали заложниками схожей несправедливости. Для идентификации этого «мы» используются разные слова: «обманутые (соинвесторы, земельные дольщики, жители)», «униженные пенсионеры», «мы все потенциальные бомжи», «мы не рабы». Все эти определения объединяет одно – сопоставление себя и других, ощущение духовной близости с другими жертвами несправедливости, сочувствие (для тех, кто сам не жертва). Коллективный характер этих проблем (например, под угрозой находится не только собственная квартира, а весь дом, не личные льготы, а социальная помощь целым категориям льготников) постепенно приводит людей к пониманию необходимости именно коллективных действий.

Именно эмоция и понимание необходимости публичного протеста превращают чувство в действие. К публичному протесту люди приходят, осознав бесполезность кабинетных или письменных дискуссий, почувствовав себя одним из тех, кто решился вынести сор из избы и публично осудить несправедливость.

Акцентируем внимание на значимости протестного момента: ни одна более или менее продолжительная гражданская инициатива, а тем более движение, не обошлись без использования протестных моментов. Практика всех наблюдаемых нами инициатив показала, что не прибегая к протесту, что-либо доказывать, требовать или отстаивать невозможно. В российском обществе насколько глубоко укоренена властная система, что просто выражая альтернативные взгляды или действуя автономно, ничего нельзя добиться. Если общество не использует протест, стражи существующего порядка – наверху и внизу – не дадут установить иной порядок.

Так, часть гражданских инициатив возникла благодаря новым возможностям управления своим домом, которые формально Жилищный кодекс предоставил жителями. Однако сделав только первые шаги, инициативы сразу столкнулись с множеством препятствий: в первую очередь, со

стороны местной власти, но также и со стороны бизнеса, жилищно-коммунальных монополистов и, к сожалению, части самих жителей, которые не желают менять ставшую для них привычной схему действий. Преодолеть же эти препятствия без ведения коллективной борьбы невозможно.

Протест имеет и еще одно важное свойство: он делает очевидным, кто – «с нами», а кто – «против нас», и таким образом объединяет участников акций протеста. Именно в ходе протеста устанавливаются солидарные отношения между «нами», утверждается понятие «мы», ломаются привычные частные доверительные отношения между «мной» и «своим» начальником или чиновником.

Таким образом, коллективный протест (публичное заявление о своем несогласии) и заложенный в нем эмоциональный заряд (наряду с ощущением угрозы и чувством возмущения несправедливостью) составляют два значимых момента активизации.

На то, что эмоции имеют большое значение, указывают и сторонники теории коллективного поведения. Однако мы отвергаем выдвинутый ими тезис об иррациональном характере коллективных действий. Действующие вместе люди – не безмозглая толпа, а эмоционально заряженные личности, которые протестуют против несправедливости и признают себя братьями по несчастью или борцами за справедливость.

Некоторые авторы, работающие в данной парадигме, также оспаривают иррациональный характер коллективного поведения. В этой связи стоит упомянуть концепцию «возникающих» (эмерджентных) норм Р. Тернера и Л. Киллиана¹⁶. Эта концепция отвергает понятие однородности и единодушия толпы и механизм эмоционального и бессознательного заражения. Напротив, она говорит о том, что люди, которые вступают во взаимодействие, настроены и вовлечены в коллективное поведение по-разному, но постепенно они вырабатывают общие нормы поведения в рамках определенной ситуации. Новые нормы возникают в процессе коммуникации и интеракции между людьми в ситуации, когда традиционные нормы начинают казаться неприемлемыми. Таким образом, главным объектом исследования становится процесс образования новых норм поведения в конкретной ситуации взаимодействия. Мы подробнее остановимся на этом вопросе, когда будем рассматривать процесс рефрейминга.

«Новые» и «старые» социальные движения

В начале 90-х в постсоветской социологии стала модной теория «новых социальных движений» (в Западной Европе она преобладала в 80-х). Однако, по нашему мнению, для понимания рождающихся социальных движений в нынешней России эта теория совершенно не подходит. Дело в том, что ее сторонники (и изобретатели) – А. Турен¹⁷ и А. Мелуччи¹⁸ – исходят из тезиса о постиндустриальном или постматериалистическом обществе, в котором главными движущими силами являются культура и идентичность. Это означает, что «старые» социальные движения (читай: рабочее движение) вымирают, а им на смену приходят «новые» социальные движения (экологическое, женское, этническое, демократическое и прочие культурные движения). «Новые» движения появляются по мере того, как их участники создают «новую» идентичность, опираясь на особую культуру, отличную от господствующей культуры.

Проблема данной парадигмы в том, что она слишком идеологизирована, нормативна и требовательна. В схеме Алана Турана, например, социальное движение должно сознавать себя, иметь хорошо разработанную коллективную идентичность и противопоставлять себя ясно обозначенному противнику, чтобы овладеть Целостностью или Историчностью (борьба за получение контроля над культурными ориентациями общества). Конфликты отныне могут происходить только по поводу культурных изменений общества, его смыслов и стилей жизни.

Теория помогает переместить акцент на субъективные (построение коллективной идентичности), когнитивные (слова, классификация и интерпретации социальной реальности), ценностные (альтернативные взгляды на то, как должно быть построено общество) и культурные (стиль жизни) ресурсы. Однако даже если убрать идеологическую оболочку (разве в России может идти речь о «постматериалистическом» обществе?), эта теория упускает из виду основной мотив, необходимый для понимания социальных движений, возникающих сегодня в России, а именно: прагматический мотив начала активизации. Кроме того, она наделяет движение чрезмерно высоким уровнем целей, общности и самосознания, чего не наблюдается в России.

Наконец, еще раз повторим, что чисто культурные движения или движения, опирающиеся на стиль жизни и продвигающие новые культурные коды, в стране достаточно слабы. Они представлены молодежными дви-

жениями контркультуры, которые, даже если они находятся в фазе подъема, слабо соприкасаются с множеством низовых гражданских инициатив и наиболее массовыми социальными движениями.

Более подробно стоит остановиться на вопросе о «новом» и «старом». Мы считаем, что необходимо уйти от стереотипного мышления, использующего эти термины, и тем более от однозначных трактовок того, что считать «новым», а что «старым». Подавляющее большинство людей в российском обществе погружено в традиционную культуру, для которой характерен консерватизм внешних форм публичности, поэтому активисты с трудом найдут понимание, если будут демонстративно отвергать некоторые условности. Например, принимающие участие в коллективном действии люди могут априори относиться с недоверием к незнакомым молодым людям, если у тех «необычный» вид (рваные джинсы, серьги в ушах или непривычной длины волосы), несмотря на то, что те пришли их поддержать.

Подробнее об этом мы будем размышлять дальше, но уже сейчас можно представить наш тезис следующим образом: деятельность активистского сообщества имеет тем больше шансов вызвать одобрение окружающих, чем больше его внешний вид согласован с окружением. Другими словами, донесенный под видом «старого», инновационный месседж с большей вероятностью найдет понимание, чем какой-либо конформистский месседж в инновационной оболочке. Самые динамично развивающиеся социальные инициативы скорее делают что-то «новое» со «старым» или же обращаются к гибридным формам действий. Более конкретно в нашем исследовательском поле мы отметили, что некоторые обновленные формы «старого» довольно хорошо работают (находят отклик). Например, некоторые удачные случаи реформирования традиционных профсоюзов ФНПР («старая» оболочка – принадлежность к ФНПР – остается, а сущность – конкретная профсоюзная практика – меняется). Или субботники, проводимые во дворе домов, находящихся в самоуправлении («старый» день общественной работы во благо дома без советской идеологии и обязаловки).

Теория «мобилизации ресурсов», или Организационный подход

Исходя из специфики зарождающихся социальных движений, достаточно продуктивным представляется подход в терминах «мобилизации ресурсов»¹⁹, поскольку в качестве мотива создания объединений и сетей активисты называют как раз необходимость аккумуляции ресурсов, которые обычно очень ограничены.

В целом – и это свойственно не только России, – акторы социальных движений или мобилизуемых групп – малоресурсные люди. Имеется в виду, что коллективные действия в целом – это дело эксплуатируемых и социально ущемленных людей или общественных групп. Ведь социальное движение обиженных олигархов или отверженных бюрократов с трудом мыслимо. У сильноресурсных групп есть другие способы отстаивать свои интересы, нежели чем коллективные действия. А малоресурсные люди мобилизуются как раз для преодоления своего подчиненного положения. При этом они могут это делать только при условии, что они обладают хоть какими-то ресурсами, во многом альтернативными тем, которыми обладает правящая элита. То есть люди активизируются посредством мобилизации ресурсов и с промежуточной целью увеличения общих ресурсов движения.

В качестве мобилизуемых ресурсов социологи рассматриваемого нами теоретического направления обращают внимание на следующие: организационные (роль организации), информационные (тип и развитость формальной и неформальной коммуникативных сетей), материальные (деньги, помещения, оборудование), стратегические («репертуар коллективных действий») и социальные (солидарность), наличие лидеров («предприниматели» коллективных действий).

Особое значение имеют социальные ресурсы, поскольку они малозатратны и более доступны для ущемленных общественных групп. В первую очередь это солидарность (способность помочь друг другу в общем деле, способность учесть интересы других участников движения), горизонтальные взаимоотношения между участниками, то есть прочность и развитость взаимосвязей и сетевых отношений внутри движения (то, что Чарльз Тилли называет *netness*²⁰), а также коллективная идентичность или

чувство принадлежности к сообществу или общей категории (catness). К этим внутренним социальным ресурсам некоторые авторы добавляют еще и вертикальные отношения между движением и властными группами или лицами (от полного разрыва до частичной интеграции через посредников; разные конфигурации дают движению разные ресурсы²¹).

Для оценки релевантности этой теории применительно к зарождающимся социальным движениям России мы предлагаем коротко суммировать (более подробный анализ будет проведен в ходе конкретных кейс-стади) основные ресурсы, которыми активисты этих движений располагают или которые они могут пытаться мобилизовать. Но сначала следует кратко обрисовать социальный портрет участников движений и гражданских инициатив.

Люди, знающие себе цену. Большинство из них не имеют опыта активистской деятельности. Встречаются все возрасты, кроме того с приходом людей среднего возраста прослеживается тенденция к омоложению участников. Удельный вес молодых (до 25 лет) достаточно небольшой, но, поскольку они обычно более склонны к акциям прямого действия, их присутствие достаточно заметно. Что касается людей среднего и пожилого возраста, до начала вовлечения в активистскую деятельность многие были социально активными, но в сферах, далеких от публичной (и тем более от политической): малое предпринимательство, профессиональная карьера, клубы, интеллектуальные кружки, ассоциации досуга, традиционные домкомы, ассоциации ветеранов и так далее.

Это люди самых разных социальных категорий, однако принадлежащие к той большой части населения, которую можно охарактеризовать как «социально уязвимая». Речь идет о людях, чьи доходы позволяют им сводить концы с концами до тех пор, пока в их ситуации не случаются существенные перемены (внезапное лишение социальных гарантий, риск потерять свое жилье, свое малое предприятие). Эти люди, укрепившие свое материальное положение за годы экономической стабильности, но подверженные социальным рискам, составляют большинство населения, по меньшей мере в больших и средних городах (в целом социальные движения, за редким исключением, – городское явление), что позволяет сформулировать гипотезу о возможном расширении социальной базы социальных движений, в частности в условиях кризиса. Во всяком случае ес-

ли сети окажутся прочными и способными к объединению и вовлечению столь различных социальных акторов. В любом случае это не маргинальные группы, а представители самых массовых слоев населения²².

Подчеркнем, что социально уязвимые люди не лишены некоторого благосостояния, но они его приобрели относительно недавно – благодаря общей политической и экономической стабильности в стране с начала 2000-х. Главное, что они приобрели свое благосостояние собственным трудом и, как говорится, в поте лица. То есть к 2005 году они уже имели почву под ногами, что позволило им поднять голову над проблемой выживания и открыло горизонт для общественной деятельности. В то же время почва хрупка и находится под угрозой, которую представляет фактически любой социально-экономический инцидент (такой, как визит налоговой службы, резкое повышение тарифов на ЖКХ, отмена льгот). Одновременно гордясь тем, что они «состоялись», и сознавая хрупкость своего положения, многие готовы сегодня бороться если не за улучшение своего положения, то по крайней мере за его сохранение. Главное здесь не столько то, что человек что-то имеет, сколько то, что он ощущает себя состоявшимся или способным за себя постоять. Дело не столько в наличии собственности, сколько в самоутверждении. Отсюда и более болезненное отношение к покушению на свое достоинство, будь то через попытки отнять собственность, унижение или отрицание человеческой ценности. Одним словом, люди, составляющие большинство новых активистов, – это люди, знающие себе цену.

Слабые материальные ресурсы движений. Если говорить в целом о социальных движениях, то в чисто материальном плане они мало обеспечены: редко имеют свое помещение, еще реже располагают собственным бюджетом. По виду своей деятельности они мало подходят для получения грантов, поскольку грантодателей обычно пугает протестная деятельность и неформальный статус организаций (отсутствие регистрации).

Однако нехватка средств достаточно удачно преодолевается добровольной работой активистов и симпатизирующих, личными пожертвованиями, взаимопомощью и консолидацией ресурсов. Так, относительно более состоятельные активисты (и таких все больше, как мы уже писали) могут пожертвовать собственные деньги. Кроме того, люди часто скидываются – кто сколько может – на подготовку определенного мероприятия

(разовые целевые сборы). Также распространена практика использования оборудования или помещения союзной – более ресурсной – организации. И конечно, подключается любимое умение «выкручиваться» (печатать листовки на принтере у себя на работе, обращаться к личным связям с более обеспеченными людьми, искать «дешевые» варианты). Иногда практикуются взносы: нерегулярные в общественную организацию или сеть, более существенные и регулярные в профсоюз или дом в самоуправлении. Бывают (но редко) коммерческие проекты. Бывает спонсорская помощь бизнеса или финансовая помощь более богатой организации. В двух последних случаях стоит вопрос об угрозе независимости. Зависимость особенно ощущается при финансировании молодежной организации «материнской» организацией (комсомольцев – КПРФ, например). Зависимость от бизнеса сложнее отследить, поскольку источники публично не раскрываются. Но, поскольку бизнес заинтересован в потенциальном партнере во власти, можно смело предполагать, что финансируемые бизнесом организации более ориентированы на участие в выборах или по крайней мере на какую-то форму борьбы за власть.

Для тех организаций, которые имеют широкий круг «полезных» контактов, проблема частично решается диверсификацией источников финансирования. Но еще возможно использование альтернативных источников, внутрисетевых. Например, Российский социальный форум (РСФ) апреля 2005 года – съезд более 100 общественных и политических организаций из 40 регионов страны – финансировался благодаря добровольным взносам основных организаторов, привлечению некоторой спонсорской помощи, созданию фонда солидарности (по принципу перераспределения средств между более богатыми и менее богатыми организациями или лицами), а также экономии и «выкручиванию». На том же РСФ–2005 люди разместились в дешевых рабочих общежитиях, помещения были предоставлены бесплатно благодаря межличностным связям, оформление и оборудование во многом обеспечивалось усилиями и работой самых активистов.

Альтернативные информационные каналы. Институциональных информационных ресурсов также остро не хватает: у активистов мало доступа к крупным средствам массовой информации, их действия и имидж часто подаются в информационном поле в искаженном виде, если вообще не игнорируются. Но у социальных движений появляются свои собственные

информационные каналы и коммуникативные сети – Интернет, «сарафанное радио», обзвоны, некоторые симпатизирующие местные газеты, листовки, доски объявлений в подъездах, интенсификация общения (на разных конференциях, форумах). Появляется активистская среда, где происходит обмен информацией и опытом.

В этом отношении интересно отметить формирование общего «репертуара коллективных действий». Удачный опыт коллективных действий быстро распространяется на другие группы и места. И катятся волны. Волна сносов заборов вокруг стройки и перекрытий ближайших улиц – после обострения борьбы с уплотнительной застройкой (в Москве). Волна забастовок после на шумевшей первой забастовки на «Форде» (Ленинградская обл.). Волна коллективных исков по приватизации комнат в общежитиях после первых побед (в Перми). Или же волна использования символов оранжевого цвета после «оранжевой» революции на Украине.

Важно здесь учесть, что большинство активистских инициатив стали обращать внимание на освещение своих акций в средствах массовой информации. Передача информации журналистскому сообществу стала обязательной задачей любой организации. Для этого активисты рассылают пресс-релизы, приглашают знакомых журналистов (у многих «завязтых» активистов образовалась своя сеть лично знакомых журналистов), учитывают медийные требования для подачи информации об акциях. Например, завязтые активисты в целом усвоили, что журналистам необходимо зрелище или скандал (начинающие активисты обычно отправляют журналистам жалобные письма, которые почти никогда не публикуются). Кроме того, интервью показывают, что большая часть активистов озабочена проблемой вынесения информации за пределы своего активистского общества и донесения ее до противоположного лагеря и до более широкого круга людей. На практике, правда, мало кто этим занимается целенаправленно и удачно. Кажется, многим активистам общение с обывателями кажется сложной и неблагодарной задачей.

Широкий репертуар коллективных действий: что работает на практике. Отметим, что репертуар действий очень широкий и корректируется в зависимости от специфики конкретной ситуации. Разнообразие форм действий во многом объясняется отсутствием традиции коллективных действий, тем более оформленной как публичное наследие (публикации и репорта-

жи, посвященные низовым коллективным действиям и общественным движениям, крайне редки). Участники движений и гражданских инициатив обычно используют широкий набор методов, проверяя их один за другим. Почти все начинают с написания писем в органы власти и посещения кабинетов чиновников, но быстро приходят к выводу о бесполезности этого занятия (по крайней мере если оно не подкрепляется другими действиями). Все большую популярность приобретают судебные иски, обращения в СМИ. Многие обращаются за помощью в опытные общественные организации и политические партии, к депутатам. Но в тот или иной момент своей мобилизации активисты почти всегда прибегают к протестным действиям, что объясняется, как правило, непродуктивностью других тактик.

Главный критерий выбора лежит в плоскости прагматичности: какая акция «сработает» для достижения цели. Далее выбранная тактика опробуется на практике. Главное при организации протестных действий – стремление добиться эффективности (чтобы хоть как-то прорваться в СМИ) и эффективности (публичной реакции противоположной стороны). То есть уместнее говорить о практическом чутье, чем о сознательной стратегии, которая есть дело относительно маленького круга лидеров.

Здесь стоит отметить несущественность законных ограничений. В условиях, когда законодательство вытесняет протестные действия в резервацию (разрешение митингов только в далеком или безлюдном районе города, загон митингующих за ограждение, фактический запрет забастовок и шествий), люди, стремящиеся к публичности, не имеют других возможностей, кроме как нарушить жесткие законодательные рамки либо же использовать нечеткие положения закона (проведение «схода жителей» вместо митинга, «итальянской» забастовки вместо стачки). Важно подчеркнуть, что в данном контексте само действие становится вызовом произволу власти и наполняется смыслом. В качестве иллюстрации вспомним бабушку, стоящую посередине дороги рядом с уплотнительной застройкой. Держась за руки со своими соратниками и крича вместе со всеми: «Вернем себе город!», – она гордо глядит на растерянных милиционеров и образовавшуюся пробку: «Вот это да, я понимаю, вот что значит быть гражданином».

При всем многообразии коллективных действий мы можем выделить одну общую черту: они почти все отличаются от скучных (без внутренней

энергии), формальных («для галочки») и бюрократизированных (по схеме руководителей и «массовки») мероприятий, свойственных публичной сцене советской системы. Исключение составляют разве что обращения и жалобы властям, практика которых уходит корнями в советскую политическую культуру. Наверное, поэтому она так распространена и является самым первым шагом (обычным рефлексом) при мобилизации. И поэтому она не очень эффективна, будучи малоадаптированной к нынешним реалиям.

Остальные типы действия во многом из-за их прагматичности изобретаются не с чистого листа и несут отпечатки традиционной политической культуры. Чисто импортные формы («флешмоб», «хэппенинг», «сит-ин» и другие) остаются участю узкой группы активистов, в основном молодежи, ориентированной на западных активистов. Удачные формы действия могут транслироваться из одного региона в другой внутри страны, но не из-за рубежа. Да и внутреннему импорту предшествует, как правило, собственный путь проб и ошибок.

Если проанализированные выше типы ресурсов достаточно равномерно распределены между разными акторами, то оставшиеся категории (организационные, социальные и лидерские ресурсы) обнаруживают разницу между успешно развивающимися движеническими структурами и вялой констелляцией низовых инициатив.

Самоорганизация. Рассмотрим сначала организационные ресурсы. В целом они достаточно слабые: низовые активистские группы чаще всего обходятся без создания организации, а большинство активизирующихся людей относятся скептически к уже существующим организациям (будь то НКО или профсоюзы).

Нежелание вступать в организации распространено во многом из-за их плохой репутации (профсоюзы дискредитированы общими представлениями о них как о недееспособных или подчиненных заводской администрации, некоммерческие организации мало известны широкой публике и кажутся оторванными от забот новых активистов). Возможно сотрудничество с ними и обращение за помощью, но вступление массово отвергается. В этом отвержении играет роль еще и нежелание попасть в зависимость от внешней и малоизвестной организации, стремление избежать лишних обязательств и неудобных уз, а иногда и боязнь наложить на себя клеймо преследуемой или стигматизированной организации.

Так что в подавляющем большинстве случаев активизирующиеся люди предпочитают самоорганизацию. Но при этом самоорганизующиеся сообщества имеют самые разные степени организационности. Ведь организация – это прочные и стабильные рамки взаимодействий. Это способ определения, распределения и легитимации ролей, обязанностей, вознаграждений, инструмент установления, обсуждения и легитимации коллективных правил сотрудничества, вектор горизонтальных коммуникаций, основа для устойчивой активистской деятельности. У многих самоорганизующихся групп не хватает той или иной составляющей организации, отсюда слабый организационный потенциал: не совсем понятно, кто и как принимает решения, кто за них отвечает, кто контролирует их реализацию. Активисты слабо организованного сообщества не связаны с ним обязывающими узлами, что приводит к слабой интеграции и возможному последующему отдалению членов сообщества. Но есть примеры крепких и динамично развивающихся самоорганизующихся сообществ, которые часто превращаются в полноценную организацию со своим уставом, программой и прочими атрибутами. При этом формальный статус организации (зарегистрированной или нет) не играет роли в ее организационной способности – это может быть инициативная группа, неформальная сеть, профсоюз, комитет или совет.

Так или иначе, активизирующиеся люди самоорганизуются и, соответственно, с той или иной степенью успешности и рвения мобилизуют организационные ресурсы.

Солидарность на словах и на деле. Как обстоят дела с социальными ресурсами? Здесь главный вопрос – солидарность: насколько активизирующиеся люди готовы бороться не только за себя, но и учесть интересы других активных граждан, поддержать их борьбу, принять участие в совместных действиях? Массовые опросы среди активистов разного рода²³ показывают, что солидарность провозглашается большинством важной ценностью, но она понимается весьма своеобразно: либо как абстрактный и нежизнеспособный принцип (общая взаимопомощь и сотрудничество между людьми, которое ни к чему не обязывает), либо как узкое сотрудничество между «своими» (лично знакомыми) людьми по принципу «ты – мне, я – тебе» (норма специфичной реципрокности по терминологии Александра Хлопина²⁴). В целом же солидарность является скорее абст-

рактной ценностью, а не практическим ориентиром. Здесь, в слабости практической солидарности, – самое серьезное препятствие к становлению социальных движений.

По нашим наблюдениям, солидарность воплощается в реальной практике в двух случаях. Во-первых, в ходе коллективных действий бок о бок с людьми из других инициативных групп или организаций, под воздействием эмоционального порыва, который порождает энтузиазм и чувство, что «мы все вместе». Об этом говорит, между прочим, популярность таких общепринятых лозунгов, как: «Все вместе мы победим» или «Когда мы едины, мы непобедимы». Но проблема здесь в том, что на одном энтузиазме чувство солидарности долго не продержится. К тому же солидарность проявляется там, где завязанные активисты и лидеры прилагают целенаправленные усилия по развитию и распространению солидарности, чтобы она была не только красивым словом, но и делом, общим делом, которое служит ориентиром в коллективных действиях. Подробный анализ деятельности активистов по развитию солидарности мы проводим в кейс-стади, посвященном процессу солидаризации рабочих завода «Форд».

Есть много других примеров. В частности, многие объединения носят в своем названии термин «солидарность»: Совет общественной солидарности (общероссийская коалиция против монетизации льгот в 2004–2005 годах), Комитет солидарных действий (Новосибирск, Санкт-Петербург, Сургут). Прошло несколько общероссийских акций под названием «Единый день солидарных действий» (в частности, 26 января 2007 года – «за гражданские права и социальную справедливость», участвовали общественные коалиции в 24 регионах страны, акция проходила в рамках всемирного дня солидарности).

Есть примеры конкретного проявления солидарности. Когда люди из одной «проблемной точки» города приезжают на сход жителей, борющихся с уплотнительной застройкой, в другой район. Когда активисты одного профсоюза жертвуют деньги на поддержку забастовки, проводимой другим профсоюзом. Когда молодежь участвует в акциях протеста пенсионеров. Когда люди из самых разных движений и социальных инициатив приходят на митинг солидарности с жертвами репрессий или бандитских нападений.

Есть и противоположные примеры, когда активисты отвергают возможность участия в акциях, организованных не ими или поднимающих

отдаленные от их проблемы темы. Когда обманутые соинвесторы отказываются участвовать в общегородском митинге в защиту жилищных прав, аргументируя это тем, что их собственная проблема утонет в длинном списке общих требований. Когда профсоюзы игнорируют приглашение активистов социальных движений собраться на социальный форум, потому что у них «более серьезные дела». Когда арест, убийство или избиение активиста другого города или другой организации вызывает лишь абстрактное сочувствие, но не приводит к конкретным действиям.

Следует особенно подчеркнуть, что подавляющее большинство лидеров и завязанных активистов прекрасно осознают проблему и проводят большую деятельность по внедрению чувства солидарности в активистские группы. Деятельность состоит из воспитательных бесед, листовок, волевых инициатив по проведению акций солидарности, демонстрации собственного примера. Для наглядности вот несколько заголовков листовок: «Один в поле не воин», «Солидарность не роскошь, а средство выживания», «В солидарности наша сила». Приводятся слова Мартина Нимеллера: «В Германии они сначала пришли за коммунистами, но я не сказал ничего, потому что не был коммунистом. Потом они пришли за евреями, но я промолчал, так как не был евреем. Потом они пришли за членами профсоюза, но я не был членом профсоюза и не сказал ничего. Потом пришли за католиками, но я, будучи протестантом, не сказал ничего. А когда они пришли за мной – за меня уже некому было заступиться».

Показательна реакция активистов на попытки властей (читайте: «Единой России») зимой 2009 года столкнуть друг с другом автолюбителей во Владивостоке и работников отечественного автопрома. Сначала профком «Форда» выступил с заявлением: «Рабочий Петербурга не враг рабочему Дальнего Востока!», затем «Товарищество инициативных граждан России» («ТИГР», сетевое движение, возникшее в конце 2008 года на волне протеста против повышения пошлин на иномарки) ответило: «Рабочий Дальнего Востока не враг рабочему Петербурга!» А 14-15 февраля 2009 года в ряде городов по инициативе Межрегионального профсоюза работников автопрома (МПРА) прошли акции под лозунгом: «Рабочие не должны платить за кризис», в которых участвовали несколько сотен активистов профсоюзов, «ТИГР» и других общественных объединений.

В своей деятельности по развитию солидарности активисты сталкиваются с огромными препятствиями, связанными как с общей социетальной культурой (достаточно чуждой пониманию солидарности), так и с целенаправленными действиями оппонентов социальных движений (властей и/или бизнеса) по раскалыванию движений. Эти действия, которые проистекают из известной логики «разделяй и властвуй», принимают самые разные формы.

Одна из них – отрицание конфликта способом создания видимости союза. Это регулярные призывы к единству народа и власти, к сплочению перед лицом терроризма или кризиса, корпоративная солидарность на предприятии²⁵ (патерналистская политика работодателей в обмен на согласие рабочих «входить в положение»), парадные митинги «Единой России» (показательный случай произошел в Кургане 31 января 2009 года, где на трибуне был развернут огромный транспарант «Народ – Медведев – Путин! Вместе!»).

Другая форма более хитра и состоит в попытках внести раскол изнутри через подкуп активистских организаций, создание альтернативных протестным объединениям организаций, кооптацию отдельных активистов. Пример подкупа – избирательная выдача квартир бунтующим участникам (чаще – лидерам) движения обманутых соинвесторов. Пример создания лояльных организаций – Общественная палата. Пример кооптации – предложение лидерам хорошего места в органах власти или руководстве компании.

Третья форма, которую принимают действия, направленные на подрыв солидарности, – представление интересов разных групп как противоположных. Мы уже указали случай с автолюбителями Владивостока и рабочими отечественного автопрома. Можно также привести пример с выступлениями префектов и глав районов, когда противников строительства обвиняют в безразличии к интересам очередников или обманутых соинвесторов.

Четвертая форма (последняя в нашем списке, но фантазии властей на этом не заканчиваются), наиболее коварная и тонкая, – распространение слухов, дискредитирующих передовых активистов или организации, среди еще только активизирующихся людей. Например, глава инициативной группы по созданию ТСЖ вдруг становится «жуликом». Молодежные политические организации, которые приходят поддержать жителей или

профсоюзы в их борьбе, обзываются «экстремистами». Конкретный случай из московского опыта. Весной 2007 года образовался Совет инициативных групп (СИГ), объединяющий «антиточечные» группы из десятков кварталов столицы. Очень эффективно шел и бурно развивался процесс взаимопомощи. То есть, когда что-то происходило в одной точке города, люди из других мест реально приезжали. Не только из числа молодых политических активистов, а просто жители других районов приезжали и помогали. Это производило большой эффект. Благодаря этому активисты провели ряд успешных акций, эффективных перекрытий дорог и добились немалых уступок. В итоге СИГ громко заявил о себе. Но к концу лета власть начала препятствовать процессу консолидации. Была реализована кампания по дискредитации в СМИ, причем дискредитации самой идеи солидарности, дескать, есть жители проблемной точки и есть остальные, экстремисты, которые приезжают «извне». После того как бандиты-строители напали и избili активистов (случай на ул. Маршала Бирюзова, 22 августа 2007 года), префект района выступил по московскому каналу, показал паспорта жертв (копии получили в милиции, куда избитые активисты, естественно, пожаловались) и заявил примерно следующее: «Смотрите, что происходит: люди из других районов, даже не живущие в этом доме, приезжают и устраивают тут бардак».

Активисты, нацеленные на солидарность, всячески пытаются противостоять и нейтрализовать манипуляции властей, но силы явно не равны. Что противопоставить мощной пропагандистской машине? Активисты мобилизуют свои альтернативные информационные сети, устраивают контракции, не поддаются соблазну получить доходное место. На каждое действие есть контрдействие. Например, против «святого союза» народа и власти зимой 2009 года в нескольких городах прошли «марши согласных» с портретом Путина, изображенного в виде святого. Но кто услышал об этих акциях, собравших несколько десятков молодых людей, задержанных «за оскорбление государственного флага»?

Активисты же ссылаются на касающееся всех право на благоприятную окружающую среду (в случае с застройкой), предлагают альтернативные варианты строительства, выходят на контакт друг с другом и ищут компромисс, доказывают в своих газетах и листовках несостоятельность аргументов властей. Но до скольких людей они могут донести свою точку зрения? А как главе инициативной группы доказать, что он не жулик? Даже

если его поведение безупречно, кому это мешает подозревать злой умысел? И как доказать, что ты не экстремист? Даже если ты грамотно говоришь и являешься квалифицированным юристом, раз власть считает тебя экстремистом, значит, как минимум есть некий риск в том, чтобы иметь с тобой дело.

Корень проблемы лежит в ограниченности информационного поля, доступного активистам, и связанном с этим недоверии людей к источнику информации. В условиях, когда полно псевдоактивистских организаций (в том числе созданных с подачи властей), проблему нельзя свести даже к общей культуре недоверия. Если люди вообще ничего не знают о деятельности той или иной группы, с какой стати они не должны верить информации, распространенной властью? Доверие к информации, донесенной властью по центральному телевидению из уст уважаемого господина, потенциально выше, чем доверие, оказываемое молодому небритому активисту в дырявых джинсах. Особенно если ни того, ни другого люди не знают и не могли проверить на практике состоятельность их слов.

В отношении властей есть еще и другая проблема. Ведь в условиях острой нехватки ресурсов притягательная сила власти очень велика. Не стоит забывать о склонности – во имя эффективности – к поиску административных ресурсов (иметь «своего человека во власти»), большом соблазне кооптации во власть, страхе перед репрессиями: орбитальная сила власти столь многогранна, что ей трудно сопротивляться.

Вместе с тем, закрытость институционального поля политической системы для «неподконтрольных» организаций ограничивает возможности для открыто протестных движений войти в систему, контролируемую властями. Таким образом, сохранение собственной самостоятельности возможно при условии, что у появившихся социальных движений достаточно ресурсов для выживания в конфликтных отношениях с властями. А главное оружие в этом противостоянии – горизонтальная солидарность.

Лидеры: герои поневоле, носители морали, создатели новых практик

Если мы обратимся к результатам нашего полевого исследования, поразительной в случае России, особенно при эмпирическом сравнении с западными странами, оказывается решающая роль, которую в процессе социальной активизации играют лидеры. Под лидерами мы понимаем людей, которые на разных уровнях берут на себя инициативу по соединению людей, их вовлечению в активистскую деятельность, их информированию, организации и так далее. В отсутствие такой фигуры, даже если все прочие элементы имеются, протест остается пассивным и приватным (на кухне). Именно лидер играет основную роль в сборке сообщества или сети и начале длительной активизации, то есть в рождении социального движения.

Из ключевой роли лидеров отчасти исходят некоторые последователи теории мобилизации ресурсов²⁶, которые настаивают главным образом на их роли в активизации социально ущемленных групп, мобилизации ресурсов и определении стратегии. В этом теоретическом подходе лидеры называются «предпринимателями» социальных движений и рассматриваются инструментально. Лидеры делают целенаправленные усилия для того, чтобы создать активистское сообщество, собрать людей вместе, найти ресурсы для коллективных действий, согласовывать интересы и мировоззрения участников действий, сконструировать общую идентичность и план. Такое видение лидера как стратега и демиурга может казаться привлекательным. Ведь в условиях отсутствия опыта коллективных действий и солидарности и крайне разобщенного общества как бы люди вообще пришли к коллективным действиям, если бы не существовало лидеров, которые дают первичный импульс, убеждают, поощряют, показывают пример возможной альтернативы?

Этот тезис тем более убедителен, что наши интервью, так же как и наблюдения, однозначно свидетельствуют об огромной роли лидеров в процессе активизации. Причем эта значимость лидеров хорошо сочетается с традиционным представлением о российской культуре как об обществе, пронизанном вождизмом и придающем большую роль сильным личностям. Сами активисты в интервью говорят о необходимости лидера с учетом этой специфичной культуры: «Система у нас построена так. В большинстве своем люди, к сожалению, хотят, чтобы у них был лидер, вождь или что-то в этом роде.

Чтобы он заботился о них, они так думают», «В целом наш народ живет по принципу: вот приедет барин, барин нас рассудит. Кто такой барин – вот это и есть лидер. И наши люди без лидера просто жить не могут, я так поняла».

Однако, как нам кажется, тезис необходимо несколько скорректировать. Лидеры, о которых люди говорили в интервью и которых мы сами определили как лидеров в ходе наблюдений, не являются сверхчеловеками, пришедшими откуда-то сверху для просвещения и указания пути. Это обычные люди, вышедшие из той же обывательской среды, что и другие активисты, которые в силу разных обстоятельств и личных качеств оказались востребованными и были сделаны лидерами признанием их таковыми остальными участниками коллективных действий («На мой взгляд, лидера рождает ситуация», – говорит один из наших лидеров). С умножением очагов активизма таких лидеров становится все больше. Они бывают самые разные и на самых разных уровнях (домохозяйка – лидер своего дома, бабушка – лидер совета пенсионеров города, токарь – лидер профсоюза). Они отличаются от других тем, что они более инициативны, больше вовлечены в активистскую деятельность, несут (и осознают это) больше ответственности за эту деятельность и других участников действий.

Как они ввязались в это, мы подробно расскажем, когда отдельно рассмотрим происхождение лидеров или завязых активистов. А пока отметим, что лидерами люди становятся не совсем по собственной воле (сколько бы некоторые ни хотели видеть себя в качестве лидеров, за ними не идут), а по негласному (в сложившейся практике) или публичному (на уличном мероприятии, например) плебисциту взаимодействующих с ними людей. Случайно или менее случайно собравшиеся люди и обстоятельства делают их лидерами («Лидеров формируем мы, нам решать, с кем идти», – говорит один из рядовых активистов Новосибирска). Но дальше они утверждают в роли лидеров, только если коллективное действие не рассыпается, если люди, которые их поддержали вначале, дальше действуют сообща, а также если на практике они оказываются достойными оказанного им доверия. Во многом это зависит от их способности исполнять роль активизатора и скрепляющего звена активистского сообщества.

Поэтому мы говорим, что лидерами людей делают обстоятельства и другие участники действий, а те, кто стал лидером, в свою очередь, делают участников действий активистами самоорганизующегося сообщества или социального движения.

Здесь мы размышляем уже в духе другой социологии (социологии инновации или модели «актор – сеть»²⁷), которая исходит из того, что само существование «общественного» проблематично, а случаи консолидации сообщества происходят крайне редко и при определенных условиях, одно из которых – наличие лидера-спикера, который берет на себя работу по собиранию сообщества (собиратель), переводению его в публичную плоскость (переводчик) и сведению воедино разных точек зрения (создатель общего фрейма).

В связи с этим скорректируем теоретическое определение лидеров: они не только инструмент, но еще новаторы или созидатели новых общественных практик.

Кроме того, лидеры являются еще и носителями морали. Их созидательная деятельность может проходить успешно только при условии, что она поддерживается и воспринимается теми, на кого она направлена. По словам рядовых участников, лидер должен пользоваться авторитетом. А главный признак авторитета – моральный образ. Интервью четко отвергают такие признаки (критерии) авторитета, как формальный статус или социальное положение человека. Главное для активистов – «моральный авторитет». Что под этим подразумевается? Называются такие качества, как «порядочность», «честность», «искренность», «преданность обществу (общему) делу», «принципиальность», «неподкупность». Казалось бы, откуда берутся такие святые люди? Они берутся из обычных людей, поставленных жизнью в такие обстоятельства, в которых они могут (или нет) проявлять те или иные лидерские качества. Эти качества не столько личностные (хотя у многих они могут быть отчасти чертами характера), сколько проявляющиеся под воздействием ситуации и взаимодействий. Основа появления авторитета – доверие. О фундаментах доверия мы уже писали, подчеркнем лишь, что оно зависит как от самого лидера, так и от активистского сообщества и что оно во многом (по крайней мере вначале) ситуативно (встроено в ситуацию) и проверяется исключительно на практике. Об этом говорят слова рядовых активистов о том, что лидер «заслужил уважение», «достоин доверия», «показал на деле, что он хороший лидер». Важно, что лидер должен не только хорошо говорить, но соответственно себя вести. Люди судят его «по делам», «по результатам», «на конкретных примерах».

Лидеры как источник ресурсов для движения. Если роль лидеров не сводится к предпринимательской деятельности (по мобилизации ресурсов, как это предполагает одноименная теория), они в среднем действительно относятся к более ресурсным категориям населения и, главное, делают целенаправленные усилия для того, чтобы найти ресурсы для коллективных действий. Рассмотрим, о каких ресурсах идет речь и насколько лидеры направляют их на развитие движения.

Прежде всего речь идет о ресурсах времени. Они посвящают себя общественному делу и действительно тратят на него много времени. По словам большинства опрошенных лидеров, их общественная деятельность занимает больше времени, чем профессиональная или частная жизнь. Часто из-за общественной деятельности страдает и частная (вплоть до развода), и профессиональная жизнь (снижается уровень заработка).

Лидеры обладают также достаточно высоким культурным капиталом. У большинства из них – высшее образование, и многие из них при этом еще продолжают обучаться. Юридическое образование особенно привлекательно, так как очень полезно в общественной работе. Среди лидеров много лиц творческих или интеллектуальных профессий: юристы, музыканты, артисты, учителя, ученые, журналисты, высококвалифицированные рабочие.

Что касается материального положения лидеров, то оно очень различно и зависит от социального положения родителей, рода занятости, географического пункта. В среднем нельзя сказать, что лидеры относятся к обеспеченному слою населения, тем более что их взгляды и погруженность в общественные дела препятствуют личному обогащению. Тем не менее важно отметить, что на лидерах часто замыкаются функции добычания материальных ресурсов для организации или сети. С одной стороны, это дает им преимущество перед активистами, поскольку они выступают в роли добытчиков и часто сами распоряжаются деньгами по своему усмотрению, но, с другой, это возлагает на них дополнительную ответственность, поскольку не так просто в сегодняшней России найти желающих спонсировать социальное и часто оппозиционное движение.

Плюс ко всему лидеры обладают сильным символическим капиталом, если пользоваться определением Пьера Бурдьё (проще говоря, известность, репутация, социальное признание), что проявляется в первую очередь в присутствии лидеров на информационном поле (причем как и

«официального», так и «активистского» типа). Каждый на своем уровне (городском, региональном, общероссийском, далее иногда международном) сосредоточивает вокруг себя внимание СМИ, о них нередко знают больше, чем о движении, которое они представляют. Это усугубляется еще и тем, что они больше других занимаются продвижением имиджа движения в публичное и медийное пространство. Некоторые из них по основной профессии даже являются специалистами по пиару. В информационном поле их фамилии мелькают чаще. Это им прибавляет авторитет, что в целом помогает движению, но и создает проблемы межличностного характера, особенно если за лидером не одна организация, а коалиция или сеть разных групп и организаций, каждая из которых имеет своего лидера. Многие из наших респондентов отметили проблему равновесия между лидерами в рамках сети, для решения которой требуются большие «дипломатические усилия».

Наконец, и это главное, лидеры выступают обладателями существенного социального капитала²⁸ (то есть в нейтральном смысле – способности к созданию социальных связей).

Во-первых, у всех лидеров огромное количество контактов (несколько сотен в среднем): от ближайшего круга соратников до более далеких «товарищей по движению», а также «полезных» людей из противоположного лагеря, которые могут иногда быть задействованы для решения тех или иных вопросов. У всех или почти у всех есть четкое понимание необходимости работы по наращиванию контактов в самых разных целях: для развития организации, поиска ресурсов, создания сетей. Этому занятию посвящено огромное количество времени и сил: это и личные встречи, и телефонные разговоры, и поездки по стране, и электронная корреспонденция. Чем «выше» уровень лидера (от локального до общероссийского), чем больше у него ресурсов разного типа, тем шире и разнороднее его сеть. Это, несомненно, прибавляет ему авторитета, но и создает проблему неравенства в группе или сети.

Контакты – это человеческий капитал, информация, возможность получить финансовые и административные ресурсы, это мобилизационные ресурсы, потенциал солидарности и прочее. Все это крайне нужно организации, но при условии, что лидер будет делить все это с организацией, а не оставит за собой. Однако, если будет полная прозрачность контактов, это может подорвать позиции лидера. К тому же полностью передать все

контакты, во многом основанные на межличностных связях, невозможно. Так что в любом случае социальный капитал вряд ли может быть равномерно перераспределен между всеми членами активистского сообщества или сети.

Нужно добавить, что работа по расширению круга контактов может идти в ущерб укреплению связей внутри базового активистского сообщества. Так, в нашей выборке есть представители исключительно «сетевых лидеров», у которых пространная личная сеть, но нет ни одной референтной группы или организации, и от этого движение в целом не усиливается. Есть, наоборот, лидеры, у которых мало контактов за пределом референтной группы, что тоже неблагоприятно сказывается на развитии самой группы и движения в целом. Лучше всего обстоят дела у лидеров, которые выращивают социальные связи приоритетно в рамках опорной группы, но время от времени выходят за рамки своей организации.

Подведем итоги. Социальный капитал лидеров, хотя носит противоречивый характер, является скорее огромным плюсом для движения в целом. Да, он фактически концентрируется у лидеров, и этим усиливает неравенство внутри активистского сообщества (главный тезис Пьера Бурдьё). Но он не монополизируется лидерами и им могут воспользоваться все активисты (что ближе к тезису Роберта Путмана). Социальный капитал может стать коллективным благом при условии осуществления лидерами уполномочивающей власти, о которой речь пойдет дальше.

Empowerment, или уполномочивающая власть: путь к раскрепощению. Отметим некоторые отличия между тем, как сами лидеры рассматривают лидерство, и тем, как на него смотрят рядовые активисты или участники. Вторые могут хвалить или критиковать каких-то лидеров, но все довольны тем, что они есть. Лидеры тоже могут себя критиковать (реже – хвалить), но редко (по крайней мере на словах) радуются тому, что они лидеры. Для многих это «тяжелая ноша», «большая ответственность». Многие считают, что они стали лидерами «поневоле», «того не желая», некоторые мечтают о том, чтобы «от роли лидера отвязаться», «уступить место», «передать дело». Большинство из них прекрасно осознают ответственность и обязательства, которые накладывает на них роль лидера. В этом и проявляются их моральные качества. Если судить по интервью, меньше себя ощущают связанными с людьми узам обязательств лидеры

НКО и самопровозглашенные лидеры почти без активистов (лидеры-одиночки). Локус (центр внимания) у них, наверное, иной, чем отношения с людьми.

Ключевая черта новой волны лидеров – приоритетное внимание, которые они уделяют отношениям с людьми, с кем делают общее дело. И первая задача, которую они ставят перед собой (и которую ставит перед ними активистский костяк), – это «работа с людьми», «общение», «психологический контакт с людьми», «человечность», «товарищеские отношения», «уважение к проблемам людей», умение «иногда входить в положение», «держаться с людьми за руки». Хорошим лидером считается не просто тот, кто может «повести за собой» (так думают практически все активисты), а тот, кто «заводит», «зажигает», воодушевляет своим примером. Но не «подстрекатель, который говорит, а сам находится на обочине». И не тот, кто страдает от «вождистского комплекса». «Вождизм губит российскую общественно-политическую жизнь», – говорит завзятый активист питерского движения. «Авторитарный лидер разрушает организацию и движение, люди привыкают ничего не делать и только смотреть в рот этому лидеру», – уверяет лидер того же движения. «Народ не должен быть быдлом, массовой, которую пригласили на митинг, а потом отпустили», – заявляет лидер новосибирского движения.

В отличие от вождей лидеры пытаются «включить как можно больше людей в работу», «давать им самостоятельность», «распределять обязанности», «помогать только тем, кто готов помочь себе сам», «научить людей брать на себя инициативу», «помогать людям расти», «делать из людей полноценных граждан», «пробудить население», «помогать людям самоорганизовываться». «Людей нужно включать в работу, давать им самостоятельность на своем мелком участке работы, чтобы они также становились лидерами у себя во дворах, в доме», – говорит лидер новосибирского движения. Все эти высказывания указывают на стремление лидеров не подавлять своим авторитетом, не злоупотреблять своей властью, а ее распределять, давать людям почувствовать, что «наша власть – это мы с вами» (лидер иркутского движения).

И наблюдения показывают, что это не пустые слова. Лидеры на самом деле оказывают помощь по созданию инициативных групп, домкомов или городских движений, помогают в организации местных акций, в установлении отношений различных групп друг с другом. Они скорее радуются,

когда эти группы обретают самостоятельность, «могут обходиться без нас». Они также пытаются работать на появление новых лидеров, с удовлетворением констатируя, насколько некоторые активисты «вырастают», если пользоваться их собственным словом.

В этом смысле, опираясь на интервью и на наши наблюдения, мы можем характеризовать авторитет таких лидеров (назовем их лидерами активистского типа) как уполномочивающий. Более подходящим здесь, может быть, является английский термин *empowerment*, который мы понимаем как «власть, наделяющая властью других участников взаимодействий». Уполномочивающие лидеры побуждают других к тому, чтобы те пользовались своей властью, создают условия для преодоления чувства лишенности власти. Другими словами, лидеры активистского типа укрепляют людей, дают им возможность ощутить свою власть, освободиться от беспомощности.

В этом кардинальное отличие лидеров активистского типа от вождей, бюрократов и администраторов верхушечных структур. И в этом залог успеха социальных движений, по крайней мере в нынешней России. Чтобы сломать привычки патернализма, иждивенчества, безразличия, безучастия, отстранения и беспомощности (все, что принижает «обывательскую культуру»), нет другого пути, чем показать и доказать людям, что они тоже сами могут, что они тоже наделены властью. Если сложившаяся властная система внушает людям, что они сами по себе не могут влиять на свое окружение и лучше им не «высовываться», то деятельность по уполномочиванию несет прямо-таки подрывной характер и является настоящим вызовом существующим отношениям господства-подчинения.

Несколько слов, чтобы обосновать использование понятия *empowerment*. Эта теория²⁹, сейчас весьма модная и авторитетная на Западе, используется даже экспертами международных финансовых институтов (МВФ и Всемирного банка). Она хорошо укладывается в либеральную парадигму (по принципу: решайте свои проблемы сами, государство не будет мешать, но и помощи от него не ждите, или, по-русски говоря, спасение утопающих – дело рук самих утопающих). Мы же, опираясь на наши данные, вкладываем в это понятие совершенно другой смысл. Для нас *empowerment* – это восстановление чувства того, что «я тоже наделен властью». Это не индивидуальное решение сознательного гражданина, а результат опыта коллективных действий, а также взаимодействия с другими

участниками и с уполномочивающими лидерами. Люди начинают верить в то, что у них тоже какая-то частица власти, и это происходит не вследствие самоотстранения государственных властных структур (которые, наоборот, сегодня наступают на частную жизнь людей) и не по снисходительному делегированию каких-то полномочий государственной властью (которая, наоборот, монополизирует власть и допускает делегирование лишь формальных и несущественных полномочий). Они начинают верить в свою силу что-то менять и на что-то влиять в ходе коллективной борьбы, сталкиваясь с гласным или негласным посланием представителей вертикальной власти: «Вы никто, вы лишены всякой власти, решаем все равно мы, ждите, может быть, что-то дадим, если будете хорошо себя вести». На этот посыл люди реагируют либо отказом от всякой протестной деятельности, либо же, наоборот, бросая вызов монополии власти. «Права не дают, права берут!» – в этом популярном лозунге нынешних социальных движений основная суть вызова низов вершущей власти. В этом смысле empowerment, или уполномочивающая деятельность активистов, носит подрывной характер. Мы убеждены, что от развития этой власти уполномочивающего вида будет зависеть развитие социальных движений и демократизация политической системы в целом.

А здесь, если рассмотреть тенденцию с 2005 года, есть основания для оптимизма. По нашему мониторингу, лидеров с раскрепощающим стилем становится все больше и больше в разных городах. Также можно отметить тенденцию к изменению стиля у некоторых лидеров с вождистскими или бюрократическими привычками (особенно среди тех, кто приходит из политической организации или давно существующей общественной организации). Это связано с умножением очагов низовой активистской деятельности и с процессом «вхождения в народ» уже состоявшихся руководителей организаций, которые, отвечая на запрос гражданских инициатив, иногда меняют свой стиль (по крайней мере когда они взаимодействуют с более широким кругом людей, а не только с членами своей собственной организации).

Здесь вскрывается первая проблема: кто те люди, на которых ориентируются лидеры? Ни идентичность, ни организационная форма, ни границы активистского сообщества или движения четко не сформированы. В интервью и в разговорах активисты чаще всего апеллируют к «народу». Что конкретно подразумевается под «народом», не совсем понятно, но

обычно имеются в виду активные или потенциально активные «простые» люди, которые противопоставляются власти или бизнесу (тем, кто «наверху», кто монополизирует власть). Считается, что лидер служит общему для всех благу в группе, организации или сети.

Отсюда первое требование к лидеру: он должен говорить «от имени всех нас», а не от имени собственной партийной организации, если таковая у него есть. Часто вопрос о том, что должно превалировать: политическая или общественная линия, – становится источником конфликтов внутри сообществ. Так, на одном социальном форуме активистка движения жителей общежития в Омске жалуется на то, что лидеры (члены анархистской организации) тащат ее на все анархистские сборища, вместо того чтобы ходить на секции по жилищной проблеме. Жилищные активисты Москвы жалуются на то, что разные политические группировки, входящие в Совет инициативных групп, ругаются между собой, вместо того чтобы заниматься общим делом. Пенсионерка-активистка Перми жалеет о том, что ее лидер всегда и всем объявляет, что она «троцкистка» и «иногда восстанавливает против себя людей, – люди практически не знают, что это такое, они только знают, что троцкисты плохие, а как лидер она хорошая». Пенсионерка-активистка Солнечногорска говорит об одном лидере – представителе левой партии РКРП: «Он, так сказать, неплохой лидер, я бы сказала... в вопросах проведения митингов и всего прочего, но так, если честно, поменьше партийности ему надо... не выставлять ее вперед. Сначала все-таки народ... Не надо заикливаться на этом: партийный-непартийный – неважно. Важно, чтобы лидер был приверженцем нашего движения! Это самое главное. К какой партии он принадлежит – это абсолютно неважно. Это его личное дело». Проблема возможного противоречия между партийной линией и общественной обычно решается именно таким образом: все политические принадлежности допустимы (за некоторыми исключениями, о которых расскажем позже) при условии, что лидеры отстаивают в первую очередь линию «движения» или «народа». Отметим здесь, кстати, относительное безразличие активистов к идеологическим взглядам лидеров.

Вторая проблема, которая возникает перед лидером, – это вопрос эффективности. Уполномочивающая деятельность предполагает распределение задач и активное привлечение как можно большего числа людей к их выполнению. Проблема в том, что зачастую лидеру кажется более эф-

фективным (а часто так и есть) делать все самому или задействовать узкий круг проверенных активистов. Особенно четко об этом говорит лидер новосибирского движения: «Вместо того чтобы загрузить других, они (лидеры) загружают себя. Тут маленькие и большие лидеры не сильно друг от друга отличаются. Просто я по себе сужу, потому что мне приходится делать практически все. Я собой закрываю эту брешь, тем самым не даю другим людям включиться в работу. Все в умении распределять обязанности. Так и происходит в принципе. Только иногда они боятся, они не знают, как это сделать. Их нужно научить. Ничего сложного нет в том, чтобы листовку написать, отпечатать ее и так далее». Проблема в том, что и для обучения людей нужно время, часто быстрее сделать самому и не обращаться ни к кому.

Вопрос о бесконечных собраниях поднял лидер ижевского движения: «Да, признаюсь, надо бы чаще собираться, чтобы все смогли участвовать в принятии решений, делать предложения, общаться. Но эти собрания часто длятся часами – и все впустую. Люди просто общаются, пускаются в длинные политические речи, а кто будет рисовать плакаты, кто будет готовить листовки, мы так до конца и не решаем. Поэтому, признаюсь, иногда обхожусь без собрания, просто звоню людям, и быстро договариваемся». Эта проблема возможного противоречия между, условно говоря, демократичностью и эффективностью решается на практике ситуативным арбитражем лидеров.

Искра, веточки и пламя: к теории практического рефрейминга

Подведем промежуточные итоги. Из всех макросоциологических теорий, рассмотренных выше, самая подходящая для нашего объекта – подход, который уделяет особенное внимание лидерам и деятельности акторов по преодолению политических и социокультурных препятствий. Главная переменная – лидеры и их уполномочивающая деятельность. Однако предстоит еще выяснить, откуда берутся лидеры и как объяснить их расцвет. Этому посвятим отдельную (шестую) главу.

А пока повторим, что они не ангелы или инопланетяне, упавшие с неба, они обычные люди, которые в определенной ситуации проявляют качества, отвечающие запросам группы активизировавшихся людей. Образ-

но говоря, попадая в среду готовых к действиям людей, лидеры становятся той искрой, из которой может возгореться пламя. Но костер зажжется, только если собраны первые веточки, то есть активистские сообщества, которые сейчас повсюду в стране пускают ростки.

И тут мы как раз подходим к основной теории, которую считаем наиболее релевантной для понимания происходящей общественной активизации. Условно назовем ее теорией практического рефрейминга. Она наилучшим образом позволяет ответить на наш центральный вопрос: как обыватели становятся активистами?

Поскольку активистские очаги развиваются скорее на микроуровне и имеют мало публичной видимости, они во многом ускользают от внимания макросоциологических опросов и мало поддаются макросоциологическому анализу, охватывающему лишь фон, на котором происходят те или иные действия. Поэтому необходимо спуститься на микроуровень и тщательно, внимательно слушать и смотреть, что нам говорят и показывают сами люди. Ведь опросы фиксируют абстрактные представления и сводят анализ почти исключительно к когнитивному подходу. А новые активистские практики и установки вырабатываются из повседневных жизненных ситуаций и закрепляются в них. Поэтому их можно познать, только если рассматривать без отрыва от конкретного опыта человека, через метод наблюдения людей в конкретной ситуации. То, что люди «абстрактно» могут мыслить штампами, наиболее распространенными в какой-то культуре, еще не значит, что нет других норм, ценностей, ориентиров, к которым можно апеллировать в определенной ситуации.

Поэтому мы предпочитаем этносоциологический метод и прагматистскую социологию. В таком подходе, кстати, присутствуют макросоциологические факторы, так же как и структурные параметры, они просто имеют смысл лишь в том, как они испытываются людьми в конкретной ситуации. Это особенно наглядно видно на примере того, как люди-обыватели становятся активистами. Мы установили, что, если общие институциональные структуры в целом не приветствуют общественную активизацию, это вовсе не значит, что активизация невозможна в рамках данных структур. Конкретные случаи активизации уходят корнями именно в обычную институциональную среду. Обычные люди, которые жили обычной жизнью, вдруг начали активно действовать. Причем действовать отнюдь не в отрыве от привычной им среды. Их действия в этой

самой среде укоренены, но это не помешало им измениться и посмотреть на ситуацию другими глазами, стать самостоятельными акторами. Одним словом, даже при общественной культуре, поощряющей обывательские установки и поведение, обыватели не обречены остаться обывателями на всю жизнь.

Что такое прагматистская социология? В России больше знают о прагматизме в философии (Чарльза Пирса, Уильяма Джеймса, Джона Дьюи³⁰) и меньше о прагматическом течении в современной социологии³¹. Между тем наши материалы, так же как и первоначальный их анализ, идеально укладываются в эту парадигму. Из прагматистской социологии³² мы берем несколько ключевых идей. Во-первых, угол зрения: преимущество отдается повседневной жизни – от индивида в конкретной ситуации взаимодействия с другими или с окружающей средой к более общим картинам мира. Во-вторых, внимание к практикам и практическим испытаниям, которые составляют главный материал анализа. В-третьих, идея того, что взаимодействия и смыслы, во многом заданные «извне», испытываются каждый раз в конкретной ситуации и могут меняться, особенно в случае проблемной ситуации (когда априорные схемы действия и мышления не совсем подходят, вызывают дискомфорт или диссонанс).

Особенно полезными и вдохновляющими оказались для нас работы Ирвинга Гофмана³³ и Лорана Тевено³⁴.

От первого мы взяли анализ фреймов³⁵, который полностью ложится на материал поля и релевантность которого мы проверили на нескольких кейс-стади. Несколько слов об обосновании нашего выбора. Как уже понятно из предыдущих рассуждений, вероятность того, чтобы остаться обывателем, гораздо выше, чем вероятность стать активистом. Поэтому мы считаем особенно плодотворным теоретический подход И. Гофмана для осмысления процесса превращения «обывателей» в активистов. В отличие от закоренелых активистов, для понимания мотиваций которых необходимо учитывать вес мировоззренческих принципов или ценностей (но также не в отрыве от ситуации), «недавние» активизировавшиеся – и это основная масса – подключаются к общественной деятельности на основании практического смысла или чувства. То есть активизация людей является не прямым результатом сознательного интеллектуального или идеологического размышления, а происходит в определенном контексте (при определенных условиях), в непрерывной взаимосвязи с практиками

и мало рефлексруется (по крайней мере не сразу). В этом смысле знаменательной составляющей процесса активизации является рефрейминг, или трансформация фрейма.

Анализ фреймов тем более нам подходит, что он используется в теориях коллективных действий, хотя и в несколько другом понимании. Как мы уже писали, эти теории делают акцент не на процессе изменения фреймов, а на фрейм-деятельности, то есть на том, как люди, уже ставшие активистами, и в первую очередь лидеры, занимаются конструированием, распространением и институционализацией (стабилизацией) определенных активистских фреймов³⁶. Данный подход скорее помогает анализировать второй этап фрейм-трансформации, когда изучаются условия, позволяющие закрепить изменения первоначального обывательского фрейма.

Наконец, теория Гофмана в отличие от ультрасубъективистских теорий феноменологов, для которых социальная реальность почти полностью поддается конструированию свободными действующими субъектами, напоминает, что привычный фрейм – жесткая матрица, которая мало поддается воздействиям со стороны взаимодействующих лиц. Геннадий Батыгин формулирует «теорему Гофмана» таким образом: «Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас»³⁷. Эта формула несколько утрирует структуралистскую составляющую теории Гофмана, однако позволяет понять, почему активистский фрейм остается маргинальным в таком обществе, как Россия.

Поскольку общественными активистами становятся люди из среды социально ущемленных и лишенных власти, добавляется еще одно существенное препятствие для трансформации фрейма – социальное неравенство перед заданными фреймами (рамками). Как отмечают многие теоретики (неомарксисты, в частности), невластные типически живут в привычных рамках субординации (подчинения). Для того чтобы они поставили эти рамки под сомнение, необходимы почти чрезвычайные условия.

С одной стороны, теория Гофмана позволяет учесть силу тяжести привычных рамок действий, а с другой – обратить внимание на возможность многообразной интерпретации ситуации и взаимодействия в ней, особенно в случае кризисной ситуации. По Гофману, вероятность того, чтобы действовать по привычной схеме, гораздо выше, чем вероятность того, чтобы начать оспаривать эту схему и тем более изменять ее. Однако дей-

ствительность многогранна и рамки ситуации – не железные стены, возможны расхождения, нестыковки, трещины, через которые открывается путь к становлению активистского фрейма.

Что касается теории Лорана Тевено, она нам позволяет осмыслить многообразие «режимов вовлеченности» (engagement), то есть состояние людей и вещей, «вовлеченных» в ту или иную прагматическую деятельность. В зависимости от режима (от «режима близости» до «режима публичности») люди по-разному взаимодействуют между собой и подходят к разным ситуациям. Особенно важно здесь, что люди постоянно и незаметно переходят от одного режима к другому, это допускает многообразие в поведении одного и того же человека. Например, женщина одновременно активистка (дежурит во дворе у незаконной застройки), бабушка (сидит с внуками) и хозяйственный субъект (вяжет носки).

Кроме того – и это соответствует нашим наблюдениям, – Тевено подчеркивает, что изменение обычных смыслов и практик происходит под воздействием проблематичной ситуации, которая вызывает споры и ставит под вопрос привычные представления о состоянии дел и вещей.

Также примечательно, что главные вопросы для Тевено – способы координации между людьми и возможность перехода от близкого (или локального) к общему – перекликаются с нашим вопросом о путях трансляции активистского фрейма и возможностях обобщения опыта.

Наконец, теория Тевено обращает наше внимание на взаимоотношения между активистской деятельностью и повседневной средой бытовых требований, что перекликается с нашей гипотезой о том, что для успешного развития активистского опыта необходима его укорененность в знакомой и привычной среде.

Российские социологи о социальных движениях

Что нам дает отечественная социология для понимания нынешней волны общественной активизации? Приходится признать, что дает очень мало. В России социология социальных (общественных, как принято здесь их называть) движений так и не стала самостоятельной областью. В настоящее время крайне мало социологов изучают общественные инициативы, а скорее рассуждают о слабости гражданского общества, сводят дискуссию к вопросу о роли НКО и отслеживают «протестный потенци-

ал». По сравнению с уровнем дискуссии на Западе, где социальным движениям отводится ключевая роль не только при изучении коллективных действий, но вообще в понимании социальных трансформаций, в российской социологии этот предмет является делом узкого круга специалистов и почти лишен научной легитимности. Есть исключения, и о них мы расскажем дальше, но в целом на общественном фронте – тишина.

Этому безразличию есть несколько достаточно очевидных причин. Во-первых, период самых оживленных научных дискуссий о социальных движениях совпадает с пиком общественного подъема на рубеже 1980–1990-х годов. Вместе со спадом социальной активности упал и интерес к этим движениям. Тем более – и это существенно – что последующие движения не носили столь выраженный (во многом выдуманный социологами) демократический характер. Во-вторых, социологи не видят объекта для исследования. С той высоты, с которой большинство из них смотрят на общество, они не замечают и даже не подозревают, что вообще есть какие-то гражданские инициативы. А если даже они и есть, то вряд ли достойны внимания (наверное, это «неадаптированные», «девиантные» люди или «марионетки» в чужих руках). По крайней мере явление кажется слишком незначительным, чтобы заслуживать внимания уважаемых социологов.

Стереотипы научного сообщества авторы данной книги знают не понаслышке, поскольку неоднократно сталкивались со скептической и насмешливой реакцией коллег на вопрос о рождающихся социальных движениях в нынешней России. Все из-за того, что эмпирических исследований остро не хватает. В основном знание черпается в книгах и в массовых опросах, а познать низовые гражданские инициативы без полевых исследований невозможно. Нежелание общаться с людьми – это вообще болезнь российской социологии.

Третий фактор пренебрежения к теме общественной активности – слабость «публичной социологии», если использовать терминологию Майкла Буравого³⁸. Как показал преобладающий тон выступлений на открытии Всероссийского социологического конгресса 2008, социологи в России ставят перед собой задачу «управлять» обществом и «служить государству». О каких социальных движениях может идти речь, если социологи должны вносить вклад в то, чтобы нейтрализовывать протест и создавать единое бесконфликтное общество.

Соответственно, за редкими исключениями, российские социологи участвуют совместно с ведущими СМИ и политиками в деле вытеснения социальных движений из публичной сферы. Вместо того чтобы вступать в диалог с активизировавшимися людьми, интересоваться ими, делать их легитимным предметом анализа и дискуссий – и этим же способствовать их появлению в публичной сфере, – они занимаются «экспертизой» для чиновников и формулированием теории о гражданском обществе без граждан.

Но отдадим дань уважения тем редким социологам, которые все же занимаются социальными движениями. Не станем повторять имена тех, кто изучал разные общественные движения в начале 90-х и на кого мы ссылались в ходе исторического экскурса, тем более что большинство из них бросили это дело. Достаточно будет сослаться на обзорный анализ Елены Здравомысловой о состоянии социологии общественных движений в России в 1998 году³⁹, где констатируется ослабление научного интереса к этой теме. Отметим лишь, что, если описания и анализы того или иного движения были весьма документированными и богатыми, собственных теоретических открытий не было – отечественные социологи в основном применяли тот или иной западный подход. В частности, популярными оказались: теории депривации, теории мобилизации ресурсов, теория структуры политических возможностей, а также теория новых социальных движений. Ссылаясь на Анну Темкину⁴⁰, Е. Здравомыслова заключает: «Использованию разных элементов западной социологии общественных движений в настоящее время не существует цельной теоретической альтернативы».

Вслед за новым общественным подъемом интерес к предмету немножко возрождается, но все же очень мало российских социологов провели основательные исследования, посвященные проблематике социальных движений⁴¹. По отдельным тематическим движениям можно цитировать работы Владимира Костюшева⁴² (о молодежном движении) или Олега Яницкого⁴³ (об экологическом движении), сотрудников Института сравнительных трудовых отношений (ИСИТО, о рабочем и профсоюзном движении).

Под руководством первого динамично работает группа молодых исследователей при секторе социологии общественных движений Института социологии РАН (СПб-филиал). Ценно то, что исследователи используют в том числе качественный метод (вплоть до включенного наблюде-

ния), что позволяет анализировать богатейший материал. Во многом их социально-антропологический и социокультурный подход пересекается с нашим. Разница в том, что мы изучаем обширный пласт самых разнообразных социальных и гражданских инициатив и движений, среди которых молодежные активистские сообщества составляют лишь небольшую часть. Как отмечает В. Костюшев в предисловии к сборнику, «Пассивность, индифферентность, апатия – характеристики, возможно, более значимые и существенные для молодых людей в российском обществе конца 1990-х годов, чем различные формы молодежного активизма». Во многом это замечание остается верным и сейчас, хотя намечается тенденция к росту молодежного активизма и даже к подключению молодежных организаций или молодых к более широким инициативным группам граждан.

Что касается работ О. Яницкого об экологическом движении, то в них превалирует экспертный подход. То есть социолог выступает в качестве эксперта для экологических организаций, ставя перед собой цель выработать «алгоритмы эффективного социального действия». Анализ сосредоточен на экологических некоммерческих организациях (экоНКО) и направлен на выяснение путей мобилизации ресурсов для экоНКО. При этом практически не анализируются ни низовые гражданские инициативы (особенно процесс их появления), ни сложные взаимоотношения между экоНКО и этими инициативами. Наш же подход отличается тем, что, во-первых, мы занимаемся не только экологическим движением, во-вторых, тем, что мы пытаемся выяснить скорее не условия эффективности движений (хотя попутно они выясняются), а условия начинания процесса общественной активизации, и, наконец, тем, что мы не учим активистов движения, а скорее учимся у них.

И.А. Халий об инновационных движениях, отвергнутых традиционалистскими местными сообществами. Более обзорное видение общественных движений нынешней России содержат работы Ирины Халий⁴⁴.

Ценным является то, что используется обширный материал, собранный из разных источников, в том числе способом применения качественных методов. Интересно то, что Халий рассматривает общественные движения во взаимосвязи с местными сообществами, то есть в непосредственной среде их деятельности и возникновения. Акцент делается на во-

просе самоорганизации, что соответствует нашему интересу.

Однако работы основаны на исследованиях, проводимых до 2006 года, что исключает возможность оценить общественное оживление, начало которого мы датируем 2005 годом. Кроме того, основная часть материала исходит из опыта экологического движения, которое нам не кажется самым значимым движением новой волны (за исключением мобилизации 2005–2006 годов против строительства трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» вблизи Байкала), поэтому не вполне соответствует нашей проблематике, касающейся вовлечения обывателей в общественную деятельность.

Но вопрос временных рамок – не самое главное. Нам бы хотелось оспорить более существенные линии работы И. А. Халий. Самый спорный момент – выбор автором нормативного подхода. Халий пытается ответить на вопрос, в какой степени общественные движения несут инновационный потенциал. При этом инновационные установки считаются априори соответствующими реформам, инициированным сверху реформаторами. С таких позиций непонятно, о каких вообще инновационных движениях можно говорить, если даже на Западе самые крупные социальные движения кристаллизуются именно вокруг противодействия реформам, которые центральная власть пытается навязать. Или в России более просвещенные реформаторы? Может быть, так склонна думать Халий и ее взгляд проистекает из периода 90-х годов, когда перестроечные лидеры общественных движений были во власти или в окол властных структурах. Эта версия выглядит тем более вероятной, что, по мнению Халий, общественные движения состоят из «массовых слоев интеллигенции» (а потому, наверное, «просвещены»). Мы, со своей стороны, не считаем ту или иную группу априори инновационной или нет и рассматриваем инновационную установку (в общественном смысле) как стремление изменить существующее состояние властных отношений, вернуть себе и другим участникам движения желание и возможность влиять хоть на каком-то уровне на свою окружающую среду.

Второй спорный момент. Несмотря на название работ и анализ местных сообществ, общественные движения в целом отождествляются с НКО, что для нас недопустимо, тем более что мы в наших собственных исследованиях отмечаем крайне низкую представленность НКО в нынешних гражданских инициативах и движениях.

Позволим себе оспорить и теоретические рамки, в которых работает Халий. Автор считает плодотворным использование всех самых весомых западных теоретических течений: в частности, теорий мобилизации ресурсов, структуры политических возможностей и коллективного поведения (в ее версии — модель иррациональной толпы). При этом теории используются без критического осмысления и в отрыве от уроков собственного поля – как набор инструментов, которые освещают, по решению исследователя (а не в соответствии с требованиями поля), тот или иной аспект изучаемого объекта. Кроме того, отдается предпочтение двум подходам: парадигме «героя и толпы» (основанной на теориях российских мыслителей конца XIX – начала XX века, в частности Н. К. Михайловского, трактованных как способ выявить «российскую специфику»), а также модели «новых социальных движений» постмодернистского и глобального общества. Приведенные аргументы, почему эти два подхода более релевантные, нам кажутся неубедительными или даже отсутствующими. Например, говорится о том, что изучение современных общественных движений в России будет опираться на парадигму «новых социальных движений», поскольку «они таковы по определению»! Имеется в виду, что эти движения формировались в соответствии с современными западными образцами. (А если бы по китайскому образцу, тогда не новые? А если в соответствии с потребностями российских творческих людей – не новые?) Также автор пишет, что таких движений не было при советской власти. (Допустим, но где провести временную границу между новым и старым? Движения ельцинской эпохи сегодня разве еще не устарели? Да и что делать со всеми старыми-новыми или гибридными формами общественной деятельности, которые мы уже упомянули?) К сведению автора, все движения когда-то были новыми, поскольку прошли через фазу рождения. И нам как раз интересна эта загадочная фаза. Это как раз то, что надо объяснить и практически не объясняет Халий, которая рассматривает факт существования движений как данность и сосредоточивается на вопросах эффективности их действий, их инновационного характера и прочих характеристиках. В других местах Халий пишет, что экологическое движение является образцом «новых социальных движений», поскольку имеет «ценностные основания». И тут мы с удивлением обнаруживаем, что активисты других (не экологических) движений, видимо, лишены ценностей и явля-

ются сплошными материалистами и циниками... Надеемся, что данная книга позволит развеять такие стереотипы.

Самым спорным местом подхода Халий (и, к сожалению, это центральная часть ее работы) является ее противопоставление общественных движений (потенциально инновационных) местным сообществам (носителям традиционализма). Почти не утрируя, разъясняем тезис следующим образом: просвещенные представители интеллигенции, организованные в НКО, пытаются привносить в массы рядовых россиян социальные инновации, во многом некоего «западного образца», а традиционалистски ориентированный «базовый слой общества» не воспринимает эти попытки и не желает преобразовываться («адаптироваться») по образцу этих продвинутых руководителей НКО.

Без ехидства и при всем уважении к автору (относящемуся к тем редким отечественным социологам, которые занимаются этой темой и даже помогают развитию движений) мы бы хотели аплодировать всем этим местным жителям, которые не покоряются призывам реформироваться, не позволяют делать из себя подопытных мышей. Мы исходим из совершенно других предпосылок: смотрим, в какие инициативы вовлекаются именно рядовые граждане (а не представители НКО), пытаемся выяснить, какие темы созвучны их внутренним стремлениям, при каких условиях они начинают активизироваться, как происходит процесс связывания разных инициатив между собой, какие ценности и требования возникают в совместных действиях. И только в конце этого основного анализа мы ставим вопрос о возможном влиянии наблюдаемых нами движений на общественную культуру. В общем, по нашему мнению, все необходимо перевернуть с головы на ноги. Быть может, потому, что мы не из слоя просвещенной интеллигенции...

С. В. Патрушев о социальных движениях и мифическом гражданском обществе.

Под руководством Сергея Патрушева с 2006 команда исследователей Института социологии РАН (в том числе авторы данной книги) работает над проектом «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации»⁴⁵.

Этот проект соответствует нашим временным рамкам, поскольку исходит из констатации факта возникновения новых общественных движе-

ний в нынешней России, который анализируется участниками проекта как признак изменений политической культуры России. Участники проекта ставят себе цель определить особенности и условия общественной вовлеченности, в частности через сравнительный анализ ценностей и уровня доверия у вовлеченных и не вовлеченных граждан, их отношения к власти и политике.

При этом метод отличается от нашего, поскольку используются в основном количественные данные анкетирования. Однако здесь опрос адаптирован к задаче изучения активистских установок, поскольку направлен на целевую аудиторию активистов. Опрос был проведен наполовину среди «неактивистов», наполовину среди «активистов»⁴⁶. Поэтому, какие бы ни были претензии к формированию выборки, полученные данные однозначно позволяют судить о существовании (или отсутствии) особых черт поведенческих и мыслительных установок активистов.

В этом отношении результаты являются особенно интересными, поскольку доказывают значимые качественные различия между «активистами» и «неактивистами». Анализ данных опроса показал, что «активисты» (руководители или сотрудники НКО или просто участники какой-то общественной или политической деятельности – всего около 50% выборки) сильно отличаются от невовлеченных респондентов, особенно по своим ценностным ориентациям. В частности, установлено что:

1. чем больше вовлеченность в общественную деятельность, тем выше уровень доверия, в том числе общего доверия (не основанного на личном знакомстве);
2. чем больше вовлеченность в общественную деятельность, тем критичнее респонденты оценивают существующие институты и изменения в стране;
3. чем больше вовлеченность в общественную деятельность, тем значимее ценностные ориентации в жизни.

Также примечательны выводы о социальной привлекательности общественной деятельности. Анализ опроса показал, что большинство населения скорее положительно относится к общественным организациям и к общественной деятельности. Модель общественной организации, которую описывают респонденты, и в первую очередь активисты, приближается к идеальному обществу, такому, каким его хочет видеть большинство респондентов.

Исследования группы С. В. Патрушева хорошо улавливают основное противоречие, которое одновременно и порождает, и ограничивает активистские инициативы⁴⁷. Институциональная структура (то, что опрошенные описывают как «сущее», то есть, одним словом, «произвол») не соответствует средовым потребностям рядовых граждан в нормах, однозначных и обязательных для всех (то, что они описывают как «должное»). Отсюда неуверенность в себе, в других, в своих правах и возможностях. Отсюда и уход от общественной жизни или индивидуальные адаптационные практики к институциональной структуре. Но отсюда возможны и попытки привести институциональную структуру в соответствие с собственными средовыми потребностями или с потребностью в самостоятельно организованной среде повседневной жизни. В этом случае люди предпочитают коллективные действия.

Все эти выводы соответствуют тем, к которым пришли мы, или же дополняют их. Однако мы расходимся по двум параметрам.

Во-первых, исследования, руководимые Патрушевым, ставя перед собой цель выяснить демократический потенциал коллективных действий, ограничиваются рамками неких нормативов. Отслеживается не просто общественная активность или коллективные действия, но «гражданская» активность и «гражданское» действие. При этом гражданское действие, хотя и понимается по-разному, все же ассоциируется с легальным или законным действием. Гражданским активистом считается тот активист, который действует в рамках закона и чья деятельность санкционирована правовым государством. В этой нормативной схеме нет места всем «хитростям» активизировавшихся людей в отношении закона, когда им приходится действовать при произвольном применении закона со стороны властных лиц. Также нет места творческим и раскрепощающим (уполномочивающим) действиям людей, когда они сами делают себя гражданами (показывают своими действиями, что они вправе и в состоянии влиять на свою среду), несмотря на отрицание их гражданственности со стороны государственных структур (напомним красноречивый лозунг: «права не дают, права берут»). Отсюда скептический настрой у команды Патрушева, когда выясняется, что многие активисты, так же как и население в целом, связывают мысль о солидарности с нелегальными способами взаимопомощи и сотрудничества.

И тут мы подходим ко второму расхождению. Поскольку исследование наших коллег основано на опросах, в целом преобладает когнитив-

ный подход. Исследователи исходят из того, что люди говорят о тех или иных явлениях. Считается, что индивидуальное или коллективное действие – это результат стратегического выбора людей, которые должны знать о чем-то (и говорить о том, что знают) для того, чтобы соответственно действовать. Однако, как мы уже много раз писали, такой подход сосредоточивается на абстрактных представлениях и рефлексивном знании и не обращает внимания на практическое чувство и нерефлексивное знание, которое проявляется только в конкретном опыте человека. Например, мы установили (и докажем на примере «Форда»), что люди могут иметь самые разные абстрактные представления о самом слове «солидарность», но это отнюдь не означает, что они не могут реализовать эту солидарность (в том числе и в самом общем ее виде) на деле и в действиях.

В целом же исследования, проводимые под руководством С. В. Патрушева, представляют для нас огромный интерес, особенно тем, что подталкивают нас к рассуждению о том, при каких условиях возможен переход от локальных активистских инициатив к коллективным действиям более общего характера, возможно ли вообще распространение активистских установок и изменение институциональных структур.

Е. Ш. Гонтмахер о «новых неформалах». В феврале 2008 года состоялась презентация результатов исследования «Общественные объединения нового типа»⁴⁸, проводимого под руководством директора Центра социальной политики Института экономики РАН Евгения Гонтмахера. Благодаря этому (наверное, из-за известности главного автора в высших либеральных кругах) впервые в научных и медийных кругах заговорили о появлении в России начиная с 2005 года (датирование совпадает с нашей оценкой) нового типа общественных объединений. Поэтому спасибо Евгению Шлемовичу за то, что он придал хоть какую-то публичность низовым гражданским инициативам.

Материал для исследования собран методом мониторинга СМИ (в том числе и нашего сайта – ikd.ru) и анкетирования участников гражданских инициатив.

Приветствуем то, что команда Гонтмахера уловила объект и не свела общественные инициативы к совокупности НКО. Во многом выборка соприкасается с нашим собственным полем. В рамках исследования были

составлены паспорта на 228 инициативных групп, которые отвечали критериям авторов: реальная самоорганизация группы граждан, неполитический характер, причина самоорганизации – конкретная проблема взаимоотношений с местной властью, устойчивый характер самоорганизации, появление не ранее 2005 года. Общее число людей, охваченных этой новой формой общественной деятельности, оценивается в несколько сотен тысяч человек.

По нашим же оценкам, число инициативных групп в России намного больше, чем 228. Авторы исследования не очень четко формулируют, что такое «устойчивый характер самоорганизации». Устойчивость определяется через проведение «неединичных мероприятий». Но если под мероприятиями понимать не только уличные акции протеста, но и сборы подписей, собрания во дворе дома, встречи с депутатами, подачи исков в суды, участие в общественных слушаниях, то практически любая инициативная группа не ограничивает свою деятельность одним-двумя-тремя случаями коллективных действий. Большинство людей, не имея опыта общественной деятельности, «на ощупь» ищут пути решения проблемы, и происходит немало событий, пока сформируется группа и обнаружится путь к успеху. Только в Москве известны около сотни жилищно-экологических инициатив (разделить эти два аспекта в данном случае нельзя), которые выступают против уплотнительной застройки, переселения в другой район, вырубки лесных насаждений, нарушения прав на выбор управления своим домом. На основе мониторинга ИКД мы с уверенностью можем сказать, что инициативных групп в масштабах всей России по крайней мере не менее тысячи. Кроме того, непонятно, почему профсоюзные самоорганизующиеся инициативы не попали в выборку.

Но разница в оценках масштаба явления не столь важна. Гораздо важнее отметить качественные изменения в содержании и процессе общественной активизации. Что же отмечают авторы?

Они определяют круг самых больных проблем, вокруг которых чаще всего возникают общественные объединения. И этот круг соответствует нашим собственным наблюдениям и подтверждает тезис о том, что люди включаются в коллективные действия, реагируя на попираемые права в самых чувствительных сферах повседневной жизни.

С констатацией того, что инициативные группы собираются вокруг харизматичного лидера, можно отчасти согласиться, поскольку мы сами

уделяем огромное внимание роли лидеров. Но, во-первых, лидеры бывают не только харизматичными. И во-вторых, сказать, что лидеры харизматичны – еще не значит объяснить, откуда они взялись, как они действуют и почему они взращивают именно низовые гражданские инициативы. На самом деле у команды исследователей, видимо, не хватало информации об этих лидерах, не хватало общения. Об этом говорят фразы интервьюеров, что активисты часто были «насторожены и напуганы». Здесь вопрос не о боязни активистов, а о простых мерах предосторожности, когда из Москвы приезжают некие «эксперты» и расспрашивают об источниках финансирования, членстве, методах действий... В условиях жесткого прессинга со стороны властей, а также учитывая априорное недоверие к «московским экспертам», реакция лидеров неудивительна. Это поле труднодоступно, и мы располагаем бесспорным преимуществом, будучи активистами. Если бы интеллектуалы в целом проявили больше гражданской активности и повернулись лицом ко всем этим инициативам, нет сомнений в том, что двери широко открылись бы перед ними.

В числе мотиваций к участию авторы исследования называют две главные: реакция на попытки государства или мошенников отнять личную собственность (когда «есть что терять») и активное личное сочувствие и сопереживание в связи с попираемым общественным интересом. Кроме того, значимую роль играет неудовлетворенность людей тем, как соблюдаются их права. С последним утверждением трудно спорить: у истока подавляющего большинства гражданских инициатив есть опыт столкновения с «произволом» (отнюдь не только со стороны власти, но еще и бизнеса).

Но у нас есть основания критиковать предложенные формулировки двух первых групп мотиваций. Во-первых, они на практике неразделимы – человек, участвующий в коллективных действиях для защиты того, что у него пытаются отобрать, обычно «растет» до понимания общего интереса (своей группы), если не общественного интереса (что станет предметом наших размышлений в последней главе). То есть пренебрежение властью (и опять-таки бизнеса) к общественным интересам задевает в той или иной степени всех участников низовых движений, а не только «правозащитников». Во-вторых, невозможно свести непосредственные интересы, которые люди готовы защищать, к частной собственности. Помимо собственности есть человеческое достоинство, самоуважение, минимальная социальная стабильность, возможность передвигаться, лечиться, дышать

свежим воздухом, получать нормальные деньги за свой труд. Это правда, что активизировавшиеся граждане не маргиналы; как мы показали, они сумели обеспечить себе некоторое (шаткое) благосостояние. Но главное – они приобрели веру в то, что они сами чего-то стоят.

Скептическое отношение вызывает и название, под которое загнаны активизировавшиеся люди. «Новые неформалы» вызывают ассоциации с неформальным движением рубежа 80-90-х годов. Но, как мы попытались показать в исторической части, нынешняя волна общественной активности достаточно радикально отличается от перестроечной волны, а нынешние «неформалы» не имеют с тогдашними почти ничего общего, за исключением того, что они не хотят или не могут получить официальный статус в виде регистрации или юридического признания.

Однако самым спорным тезисом является утверждение о том, что «новые неформалы» – это представители формирующегося среднего класса. Зачем нужно было здесь упоминать об этом мифическом, но любимом либералами классе, понятно. Но неубедительно. Может быть, если выбрать такие инициативы, как движение обманутых соинвесторов или движение автомобилистов (и не случайно о них говорят относительно больше, чем о других инициативах), они в чем-то соответствуют мечте либеральных интеллектуалов о среднем классе. Но в целом, повторим, участники низовых движений – это люди, которые только в последнее время, с трудом и без гарантий, смогли нащупать почву под ногами. Это люди, чьи доходы позволяют им сводить концы с концами, но они подвержены социальным рискам. В иерархии социальных классов российской социологии они находятся ниже среднего класса. В нашей терминологии это огромный пласт социально уязвимых групп.

В целом же исследование остается описательным (представлен портрет «новых неформалов») и мало объясняет процесс общественной активизации, ее причины и значение. Основной теоретической линией, кажется, выступает теория структуры политических возможностей вкупе с экономическими предпосылками. Теоретический посыл сформулирован следующим образом: с одной стороны, рост благополучия (в связи с экономической стабилизацией) и формирование среднего класса, с другой – массовая коррумпированность государства и перекрытие институциональных возможностей для «неполитического использования энергетики» (*sic*) этого слоя.

В этой формулировке ярко проявляется главный замысел Гонтмахера⁵⁰: разделить движения на социальные и политические, причем в строгом смысле этих слов. Он выделяет три типа активности:

1. «бытовая»: вокруг одной проблемы;
2. «правозащитная»: активисты, занимающиеся решением не только своих проблем, но и «чужих»;
3. «политическая»: те, кто требует гражданского контроля над властью.

С этим разделением нельзя согласиться, поскольку границы между типами крайне размыты и почти отсутствуют. Одни и те же люди перемещаются из одного в другой в зависимости от ситуации и продолжительности опыта. Кроме того, здесь философский вопрос: что считать политикой? Ведь политикой может быть все, что касается принятия решений о коллективной судьбе какого-то сообщества. А если считать политикой позиции относительно власти, то мы уже отметили явную тенденцию к политизации активистов, начинающих как «бытовые активисты». Вся общественная значимость новой волны активизации как раз в том, что изобретается новая политика, новые формы встроенности обывательского мира в политическое пространство. Социальные движения в нашем понимании – это не «неполитические движения», а движения-носители новой политики.

По этому пункту наши позиции расходятся, скорее всего, по идеологическим мотивам. Гонтмахер жалеет о том, что «энергетика» зачаточного среднего класса не может реализоваться в экономике и других неполитических сферах, а тратится на экономически невыгодные и политически неперспективные протесты (либеральная позиция). Мы, со своей стороны, приветствуем начало процесса преодоления политического отчуждения большинства части населения (демократическая или социал-демократическая позиция).

И. Климов о перманентной институционализации протестной активности. Основывая свои рассуждения на данных массовых опросов ФОМ и на мониторинге СМИ, Иван Климов⁵¹ также отмечает рост общественной деятельности с 2005 года, когда прошли массовые выступления против монетизации льгот.

Главная заслуга работ Климова в том, что они на макросоциологическом уровне доказывают тезис о том, что в нынешней России складыва-

ются новые формы социальной активности. В качестве их главных черт автор называет:

1. развитие низовых социальных инициатив;
2. проявление сетевого характера движений, возникновение координирующих структур;
3. подключение к протесту ресурсных групп, напрямую не затронутых проблемой, совместные действия сильноресурсных и слаборесурсных групп;
4. рост солидарности (работа по формированию «солидарных целей», поддержка не только «своего» интереса, приобретение практического опыта консолидированных действий);
5. появление новых субъектов действия (по мнению Климова, если большинство из них распадается в течение короткого времени, некоторые остаются и включаются в сетевые структуры гражданских инициатив);
6. тенденция к радикализации протестных действий (в реакции на отсутствие отзыва или низкую респонсивность со стороны властей).

Все названные характеристики отмечены и в наших исследованиях, мы более детально рассматриваем каждую из них, поскольку располагаем большим полевым материалом, но исследования Климова позволяют нам надеяться на возможное обобщение наших выводов.

В качестве главного теоретического подхода И. Климов выбирает теорию структуры политических возможностей, при этом он, так же как и мы, отмечает в целом неблагоприятные условия для социальной активизации (будь то конструктивного или протестного характера), созданные политико-институциональным контекстом. Кроме того, на основании других исследований ФОМ он более основательно, чем это делаем мы, доказывает незаинтересованность институциональных политических партий (в том числе из оппозиции) в поддержке гражданских инициатив. При этом Климов задается вопросом: а нет ли у власти иногда запроса на социальную активность? В качестве пищи для размышлений он приводит пример Имеретинской бухты (Сочи), где, по его словам, власть не готова решить проблему силовым путем и ищет «представителей» общественности, с кем можно было бы провести переговоры. Правда, ожидания от «представителей» весьма своеобразны и форматированы под запросы власти. Мы, со своей стороны, тоже допускаем возможность запроса у власти на социально активных граждан, но только где их взять? Бывают (редкие)

случаи конструктивного диалога, но на локальном уровне и, как правило, не без предшествующего протеста. В целом же представители власти не доверяют не поддающимся манипулированию социальным инициативам и поэтому предпочитают их игнорировать или подавлять.

Главный тезис Климова заключается в установлении феномена «перманентной институционализации» протестной активности. То есть по его мнению, ни одна форма активистского сообщества не смогла приобрести устойчивый и институционализированный характер. Процесс подъема и падения активности он описывает следующим образом:

1. более или менее спонтанная (стихийная) реакция на проблемную ситуацию;
2. реактивное подключение к протесту «политических предпринимателей»;
3. включение в ситуацию структур – «политических тяжеловесов»;
4. начало институционализации;
5. компромиссное разрешение проблемной ситуации;
6. демобилизация и деинституционализация протестной активности.

В целом тезис нам кажется верным, хотя мы покажем, что институционализация активистских практик и сообществ тем не менее возможна (во втором этапе того, что мы называем «рефрейминг»). Разница в наших подходах состоит в том, что мы больше сосредоточиваемся на процессах, идущих внутри самого активистского сообщества, и придаем меньше значения «отношению к власти» и «отношениям с властью», по крайней мере если понимать под этим государственную власть.

Дискуссия Т.Е. Ворожейкиной с отечественными социологами об источниках социальных изменений. Никто не выступает лучшим адвокатом низовых самоорганизующихся гражданских инициатив перед научным сообществом, чем Татьяна Ворожейкина⁵². Будучи специалистом по странам Латинской Америки, Т. Ворожейкина смотрит на российское общество и на отечественную социологию как бы со стороны и свежим взглядом. Благодаря этому она уловила значение феномена, которому мы посвящаем эту книгу: «Впервые в постсоветской истории защитой своих прав начинают заниматься те самые люди, которых это непосредственно касается. <...> Новые ассоциации и движения вырастают «снизу», в обоих смыслах этого слова – и как grass roots, и как процесс самоорганизации низов обще-

ства». Отсюда воодушевляющие статьи и выступления, противопоставляющие скептицизму и подавленности коллег сильные аргументы о динамиках, происходящих в низах общества. Ворожейкина призывает отвлечься от властно(государственно)-центристской модели и обратить взор к общественному оживлению «снизу». В этом мы ее полностью поддерживаем, тем более (долой фальшивую скромность!) что в качестве доказательной базы она часто ссылается и на наши работы. Ворожейкина выступает для нас источником вдохновения и стимулом для дальнейших размышлений о перспективах нынешних социальных движений.

В частности, она убедительно демонстрирует следующий тезис: от дальнейшего развития общественных инициатив по защите своих прав и достоинства напрямую зависит возможность демократизации российской политической властной системы.

А препятствует развитию этих инициатив не столько государственная власть, сколько «базовые отношения социального господства» и блокада интеллектуалов. Как пишет Ворожейкина, крах демократической системы и ценностей после первой волны гражданской мобилизации 1987–1989 годов обусловлен именно пренебрежительным отношением либералов и реформаторов к гражданскому участию. Наоборот, в странах Латинской Америки, где народные и социальные движения получили ощутимую поддержку со стороны интеллектуалов и части политиков, процесс демократизации смог развиваться более успешно.

С этим мы не станем спорить, так же и не будем ставить под вопрос еще одну отмеченную причину ограниченного развития низовых инициатив – отсутствие или крайнюю слабость левых интеллектуальных кругов и политических партий, традиционно выступающих партнерами социальных движений. Да, в России сегодня социальные движения хотя и слабы, но все же намного сильнее, чем левое движение (при всем желании КПРФ за редкими локальными исключениями мы не можем отнести к левому движению).

Ворожейкина блестяще опровергает аргумент скептиков и снобистских интеллектуалов о том, что если все эти низовые инициативы вообще существуют, то они есть не что иное как бессмысленная реакция ущемленных, «обиженных» или «стигматизированных» людей, дерущихся за «свой кусок» государственной помощи. Четко заявлено и доказано: «Самозащита является первым и необходимым шагом для того, чтобы в обществе могли возникать более общие формы солидарности».

В теоретическом плане Ворожейкина видит суть проблемы приблизительно там, где ее обнаруживаем мы, – в укорененных в обществе отношениях господства-подчинения, которые тормозят процесс общественной активизации. Однако они подлежат изменению, но не сверху (верхушечные реформы только усугубят проблему), а снизу. А появившиеся низовые гражданские инициативы уже начали изменять отношения господства.

Приглашение к путешествию. Вслед за Ворожейкиной заметим, что большинство социологов (не все!!!) не может оценить и даже увидеть рождающиеся социальные движения по той простой причине, что они не туда смотрят. Они скрываются от людей и от действительности за массовыми опросами, жесткими и всеобъемлющими теоретическими схемами, находятся слишком далеко от земли, чтобы заметить противоречивые картины, многогранность жизненной энергии людей. Они начинают с обобщений и игнорирования тонкостей и противоречий, тогда как надо начинать с низового уровня и постепенно подниматься до уровня обобщения, следуя за людьми и за их траекториями.

Поэтому мы и пошли «в народ» не только по зову души (хотя не скрываем, что поэтому тоже), но еще по требованию поставленной нами же перед самими собой научной задачи. Мы задались целью посмотреть, а вдруг люди и ситуации намного сложнее, интереснее, многообразнее, чем кажется с высоты академических кабинетов или фондов по изучению некоего «общественного мнения»? А вдруг там, внизу, в глубоком поле, мы увидим те самые нити, за которые можно зацепиться, чтобы выйти на более общие, но сбалансированные, теоретические модели? Вдруг там находится ключ к пониманию базовых процессов, происходящих в обществе? С этой мыслью мы отправились в длительное и захватывающее путешествие в мир обывателей и «простых людей», которые оказались не такими уж и обывателями и не такими уж простыми. К этому путешествию мы сейчас приглашаем читателей.

¹ См., напр.: Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1994.

² McAdam D., McCarthy D., Zald M.N. (eds.). *Comparative Perspectives on Social Movements*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

³ «Обычные люди не верят, что они могут повлиять на правительство, но, с другой стороны, правительство не может вмешаться в их жизнь» – цит. в Rose Richard, Mishler

William & Haerpfer. *Getting Real: Social Capital in Post-Communist Societies* // *Studies in Public Policy*, 1997, № 278. P. 9.

⁴ Kurzman Ch. *The Iranian Revolution* // *The Social Movements Reader: Cases and Concepts* / J. Goodwin and J.M. Jasper (ed.). Oxford, Blackwell publishing, 2003.

⁵ Kurzman Ch. *Op.cit.* P. 112.

⁶ В любом случае, и особенно в российском контексте, культура не может быть воспринята исключительно как инструмент или ресурс, свободно мобилизуемый некими лидерами для конструирования активистских норм или выстраивания иных культурных рамок. Поэтому концепцию «культурного фрейминга» или «когнитивного освобождения» (*culture framing or cognitive liberation*), выдвинутую в рамках теории мобилизации ресурсов, мы принимаем с ограничениями. См.: McAdam D., McCarthy D., Zald M.N. (eds.) *Comparative Perspectives on Social Movements*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

⁷ См.: William Rhys H. *The Cultural Contexts of Collective Actions: Constraints, Opportunities and the Symbolic Life of Social Movements* // D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi. *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing, 2004. P. 91-115.

⁸ Sztompka P. *Trust. A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁹ На значимость эмоционального момента обращают особое внимание: Goodwin J., Jasper M. (ed.) *Structure, meaning and emotion*. N.Y.: Rowman and Littlefield Publishers, 2004.

¹⁰ Tilly Ch. *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 94.

¹¹ Лебон Г. *Психология народов и масс*. Макет. СПб., 1995.

¹² Тард Г. *Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы*. М.: Инфра-М, 2008.

¹³ Гарт Т. Р. *Почему люди бунтуют*. Питер, 2004.

¹⁴ Смелзер Н. *Социология* / пер. с англ. М.: Феникс, 1998. Гл. 19.

¹⁵ Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965; Oberschall A. *Rational Choice in Collective Protests* // *Rationality and Society*. 1994. №6. P. 79–100.

¹⁶ Turner R. H., Killian L. M. *Collective behavior*. Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice Hall, 1957.

¹⁷ Турен А. *Возвращение человека действующего*. М.: Научный мир, 1998.

¹⁸ Melucci A. *Getting Involved: Identity and Mobilization in Social Movements* // *International Social Movement Research*. 1988. №1. P. 329-348.

¹⁹ McCarthy J., Zald M. *Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory* // *American Journal of Sociology*. 82:1212-41, 1977; Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, M.A.: Addison-Wesley, 1978; Oberschall A. *Social Conflict and Social Movements*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.

²⁰ Tilly Ch. *Op. cit.*

²¹ См.: Oberschall A. *Op. cit.*

²² «Социально уязвимые группы – это не бедные, это те примерно 65% населения, ко-

торые находятся между бедными в собственном смысле слова (15%) и теми примерно 20%, кого по доходам и статусу условно можно отнести к средним слоям». См.: Ворожейкина Т. Указ. соч.

²³ Исследовательский проект «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт старых и новых демократий в условиях глобализации». 2006–2007 годы. Под руководством С. Патрушева. Отчет для РГНФ. Материал исследования: массовый опрос среди активистов и неактивистов.

²⁴ Хлопин А. Указ. соч.

²⁵ Есть и успешные примеры корпоративной солидарности, см. Климова С. Персонализация и солидарность. *Отечественные записки*, №3, 2003.

²⁶ См., напр.: Edwards B., McCarthy J.D. *Ressources and Social Movement Mobilization* // *The Blackwell Companion*. P. 116-152.

²⁷ Наши размышления во многом являются отражением теоретического взгляда Брюно Латура (его работы относятся к общему течению прагматистской социологии): Latour B. *Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005; Латур Б. Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. №2. 2007.

²⁸ В теоретических спорах об интерпретации социального капитала мы ближе к концепции Роберта Путмана (для которого социальный капитал означает активную кружковую, коммунальную и союзную жизнь и способствует демократизации), чем к критической позиции Пьера Бурдьё (для которого социальный капитал усугубляет политическое и экономическое неравенство). См.: Bourdieu P. *Le capital social. Notes provisoires* // *Actes de la recherche en sciences sociales*. № 31. 1980; Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993.

²⁹ Изложение либерального взгляда на понятие: Alsop R., Bertelsen M. F., Holland J. *Empowerment in practice: from analysis to implementation*. World Bank, Washington, DC. Для критики либерального смысла понятия: Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso; Jessop B. *Liberalism, Neoliberalism and Urban Governance: A State Theoretical Perspective* // Brenner N., Theodore N. (eds.). *Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe* London: Blackwell. P. 105–125.

³⁰ Социологи ссылаются особенно на Джона Дьюи. См. Dewey J. *The Public and its Problems*. New York: Holt, 1927.

³¹ На русском языке см.: Алиева Д. Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // *Социологический журнал*. 1995. №1. С. 110–122; Бурдьё П. *Практический смысл*. Москва: Алетейя, 2001; Хархордин О. В. *Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено* // *Социологические исследования*. 2007. № 1. С. 32–41.

³² Мы предпочитаем этот термин выражению «прагматическая социология», которое

может создать ложное впечатление о социологии, не имеющей практического применения. Огромное количество современных социологов вписываются в прагматистскую социологию, наиболее сильно развивающуюся с конца 70-х. Среди множеств работ цитируем: *De Certeau M.* The Practice of everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984; *Scott J. C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Heaven: Yale University Press, 1998; *Latour B.* Reassembling the Social. Oxford University Press, 2005; *Cefa? D., Joseph I.* (eds) L'Héritage du pragmatisme: conflits d'urbanité et épreuves de civisme. La Tour d'Aigues: Editions de l'Aube, 1992.

³³ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИСПАН, Институт фонда «Общественное мнение», 2004; О значимости теории Гофмана с точки зрения социологии социальных движений см.: *Céfaï D.* Pourquoi se mobilise-t-on? Les théories de l'action collective, Paris: La Découverte, 2007. Особенно IV глава: «Le legs d'Erving Hoffman à la sociologie de l'action collective».

³⁴ *Thevenot L.* Pragmatic Regimes Governing the Engagement with the World: From Familiarity to Public «Qualifications» / *K. Knorr-Cetina and T. Schatzki*, eds., London: Routledge, 2001; *Тевено Л.* Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3(35). С. 5–14; *Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris, La Découverte, 2006.

³⁵ Напоминаем, что фрейм по Гофману обозначает совокупность привычных практик, латентных смыслов действий и взаимодействий в определенной ситуации, которые участниками взаимодействия воспринимаются как должные.

³⁶ Напомним, что речь идет о двух других пониманиях фрейма. Либо о «культурном фрейминге», или «когнитивном освобождении» (*culture framing*, «*cognitive liberation*») в рамках теории мобилизации ресурсов, либо о «символическом» мире социальных движений, который резонирует с общим социокультурным контекстом – в рамках социокультурного подхода.

³⁷ Батыгин Г., вступительная статья к книге И. Гофмана.

³⁸ *Буравой М.* Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. №2; *Буравой М.* За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008.

³⁹ *Здравомыслова Е.* Социология общественных движений: становление нового исследовательского направления // Социология в России / под ред. Ядова В. А. – М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 545–569.

⁴⁰ *Temkina A.* Russia in Transition: New Collective Actors and New Collective Action / Dissertation submitted for the Degree of Ph.D in the University of Helsinki, 1997.

⁴¹ Кроме нижеупомянутых авторов можно сослаться и на работы Нины Беляевой, которые касаются все же скорее гражданского общества, НКО и вопроса об экспертизе.

⁴² Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / под ред. В. В. Костюшева. СПб.: Норма. 1999.

⁴³ *Яницкий О. Н.* Акторы и ресурсы социально-экологической модернизации / Социологические исследования. 2007. №8.

⁴⁴ Последнее время сотрудники ИСИТО стали больше заниматься социологией управления, но в Институте собран богатый полевой материал о профсоюзах и рабочем движении. На некоторые полевые исследования будем ссылаться в ходе нашего анализа. Из современных публикаций см.: Профсоюзы России: организация или пространство? / под ред. В. Борисова, С. Кларка. М.: ИСИТО, 2004; *Бизюков П. В., Бизюкова В. А., Бурнышев К. В., Донова И. В.* Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений. М.: ИСИТО, 2004.

⁴⁵ *Халий И. А.* Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России / Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук // Официальный сайт Института социологии РАН www.isras.ru; *Халий И. А.* Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007.

⁴⁶ Из опубликованного, см.: Патрушев С. Массовые движения и институты политического представительства в современной России // Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономика. Социальная политика. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 275–300; *Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Кертман Г. Л., Клеман К. М., Машезерская Л. Я., Мирясова О. А., Павлова Т. В., Хлопин А. Д., Цыпина Г. А.* Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: ИСПАН, 2008. С. 518–542.

⁴⁷ Первые результаты опроса (объем выборки – 818 респондентов), проведенного методом «снежного кома» в 16 регионах России в августе-сентябре 2006 года, приведены в научном докладе для РГНФ, декабрь 2006.

⁴⁸ См., в частности, *Хлопин А.* Новые сети доверия: стиль мышления и выбор стратегий коллективного действия. Научный доклад, не опубликован.

⁴⁹ *Гонтмахер Е., Шаталова Е., Бачманова Н., Львова Е.* «Новые неформалы». Общественные объединения в современной России. <http://www.liberal.ru/article.asp?Num=746>

⁵⁰ Он четко ее озвучил на презентации доклада Карин Клеман о рождающихся социальных движениях в Франко-российском центре гуманитарных и общественных наук (ИНИОН), 2 декабря 2008 года. См.: <http://ikd.ru/node/8050>

⁵¹ *Климов И.* Деньги вместо льгот: история и значение протеста // Социальная реальность. ФОМ. 2006. №4; *Климов И.* Реформа социальных льгот 2004–2005 гг. и значимые итоги протестной активности. Доклад на международной конференции «Вовлеченность, солидарность, социальные связи: осмыслить коллективные действия в России». Париж, 12 июня 2008 года.

⁵² *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности. Pro et Contra, март-

июнь 2008. С. 6–23; Ворожейкина Т. Ценностные установки или границы метода? / Вестник общественного мнения. №4. 2008.

Глава пятая

От обывателя к активисту: первые и последующие шаги в активистскую деятельность

Мы подошли к главной части нашего исследования: начинаем путешествие в глубину социального мира, где люди живут обычной жизнью, мыслят обычными (часто обывательскими) категориями и на какое-то время (а некоторые – надолго, а то и навсегда) вдруг активизируются – поднимают общественные вопросы, собирают людей вокруг себя, встают против несправедливости. Самая большая загадка как раз в том и состоит: как простая бабушка, обычный преуспевающий мелкий бизнесмен или ничем не примечательный работяга вдруг начинают вести активистскую деятельность, причем коллективного свойства?

Чтобы разгадать этот феномен, нам придется отправиться в дома, дворы, районы, цеха, заводы, города – туда, где эти странные люди живут, где они сталкиваются с проблемами, общаются и меняют свои привычные действия. В этой главе мы будем подробно рассказывать о конкретных случаях коллективной активизации, происходящей на микроуровне общества, как можно ближе к повседневному миру людей. Мы будем пытаться разглядеть глубинные процессы активизации и постараемся не навязывать читателям априорные взгляды социологов о том, как «это должно быть».

В нашем исследовании мы стремимся выявить как можно больше деталей, раскрывающих разнообразный и противоречивый мир повседневности. Мы располагаем большим массивом данных, собранных нами с 2005 года, – это глубинные интервью, наблюдения, в том числе включенные наблюдения, неформальные беседы, а также непосредственное участие в активистских инициативах.

Читатель может подумать, что мы как социологи-активисты необъективны и выдаем точку зрения активистов за истину в последней инстанции. Предоставляем читателю самому составить свое мнение, лишь заметим, что наши выводы не основаны исключительно на словах и заверениях активистов, и именно в этом заключается преимущество нашего метода, так как мы можем сопоставить слова с фактами, действиями и ситуациями. Кроме того, наша активистская позиция заставляет нас критично относиться к тому, что мы видим и слышим, и дистанцироваться от взглядов активистов, поскольку если мы хотим приносить им пользу, то можем это сделать, только указывая на недостатки и проблемы. Лесть и похвала – не наша стезя.

Несколько слов о теоретических рамках (о рефрейминге)

Прежде чем мы начнем углубляться в повседневную жизнь активистов, необходимо представить общую теоретическую схему, которую мы будем использовать, чтобы понять и объяснить процессы активизации в разных контекстах и разных сферах общественной деятельности. Данная схема появилась после проведения первых полевых исследований, и затем, в ходе последующих исследований, она была проверена и уточнена.

Постановка проблемы: откуда берутся общественно активные граждане? В массе данных о коллективных действиях, имеющихся в нашем распоряжении, есть категория активных граждан, которая в свете только что обозначенной проблематики интересует нас более всего. Это люди, которые еще недавно даже не мыслили себя участниками какой-либо коллективной и тем более протестной акции, но в силу ряда причин стали активистами, а иногда даже лидерами инициативных групп, общественных организаций или движений.

Интервью и наблюдения показывают, насколько переворачивается мир этих «недавних активистов» – вплоть до того, что некоторые из них с трудом себя узнают. В качестве примера можно привести слова мужчины среднего возраста, обычного представителя среднего класса Москвы, произнесенные с трибуны конференции столичного жилищного движения в июне 2006 года. Заканчивая рассказ о том, как он вместе с жильцами уже

больше года борется против сноса своего дома, он резюмировал: «И это все при том, что еще год назад я был нормальным человеком!»

По нашему мнению, эта фраза – типичное эмпирическое проявление рефрейминга, или фрейм-трансформации.

Делая этот вывод, мы исходим из того, что доминантный (обычный) стиль мышления и поведения (то, что Ирвинг Гофман называет «фрейм»¹) – это «обывательский» стиль, о котором мы говорили в первой главе данной книги. Обывательский фрейм свойственен подавляющему большинству населения – в обычных ситуациях и в повседневной жизни люди действуют именно по «обывательскому» фрейму. И вот здесь возникает загадка (и наша главная научная проблема): почему некоторые люди действуют не в соответствии с доминантным фреймом? Сколько таких людей – неважно, важен сам факт: существуют люди, которые в момент, когда их жизнь резко меняется, начинают понимать ситуацию иным образом и действовать совершенно не так, как они действовали и мыслили прежде.

В этой связи возникает ряд вопросов: что должно случиться в жизни человека, чтобы с его личностью произошли подобные изменения, какие существуют общественные условия для такого перехода и что зависит от самого человека.

Все аспекты того, что мы называем «рефрейминг», или «фрейм-трансформация», мы детально рассмотрим на конкретных примерах.

Мы уже обосновали нашу характеристику доминантного фрейма как обывательского. Не вкладывая в слово «обыватель» ничего предосудительного или унижительного, мы считаем допустимым использовать этот термин для обозначения доминантного фрейма, поскольку он доминирует (но с другим знаком) в дискурсах активистов (когда они говорят о других, пассивных, или о себе «раньше»). Выбор второго термина – «активист» – для обозначения измененного фрейма, обусловлен тем, что этот термин используется самими респондентами для самоидентификации, причем как нечто само собой разумеющееся, а это и есть определение фрейма.

О теоретическом понимании фрейма мы уже писали в четвертой главе, остается разъяснить, как мы его адаптируем к изучению полей исследования.

Специфика полей

Мы концентрируем внимание на микропроцессах биографических перемен, поэтому мы считаем возможным и эффективным для их анализа опираться на изучение случаев (кейс-стади).

Все активисты – разные: например, в нашей общей выборке есть «укорененные» активисты, о которых можно сказать, что они почти всю жизнь занимаются общественной или общественно-политической деятельностью и уже не представляют себя вне ее. Активистский фрейм этих людей давно стабилизировался, и их мотивации во многом лежат в области идеологии или сформированного мировоззрения. Они уже настолько давно активизировались, что реконструировать последовательность событий, приведших их к нынешнему состоянию, практически невозможно. Есть и более массовая категория «недавних» активистов, опираясь на опыт которых, намного проще разобраться в процессе рефрейминга. Особенно много таких новых активистов мы обнаружили в ходе полевых исследований жилищного самоуправления и недавних забастовок.

Среди огромного количества примеров, которые мы собрали за два с половиной года, наиболее поучительными нам кажутся четыре случая: жилищное движение в Астрахани (основное поле проведено с 22 апреля по 2 мая 2007 года), забастовочное движение на АвтоВАЗе в Тольятти (основное поле проведено с 3 по 5 сентября 2007 года), забастовочное поле на заводе «Форд-Всеволожск» (основное поле проведено с 18 по 20 февраля 2008 года) и социально-протестное движение Ижевска (основное поле проведено с 1 по 10 июня 2005 года). Даты указаны для ориентира, так как все данные актуализировались в ходе последующих поездок, бесед и интервью.

Общая схема фрейм-трансформации

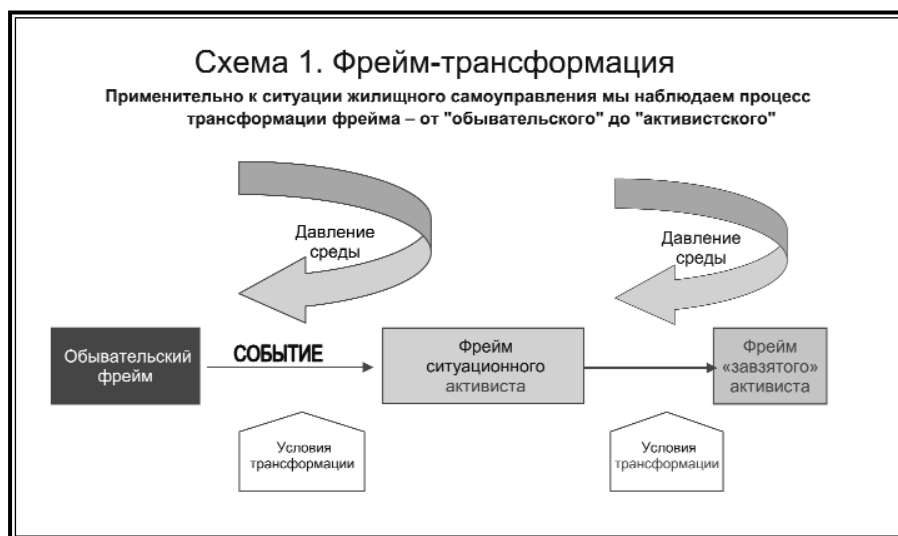
Напомним, активизация многих людей происходит не в результате интеллектуального размышления, рационального расчета или идеологического озарения, а под воздействием конкретных обстоятельств. Знаменательной составляющей процесса активизации является рефрейминг, или трансформация фрейма. Рассмотрим условия, этапы и содержание процесса рефрейминга.

Приведенная ниже схема фрейм-трансформации² была выработана по результатам первичного анализа жилищного движения в Астрахани.

Схема 1 предполагает, что основная масса людей изначально живут обычной обывательской жизнью, то есть они не особенно озабочены общими делами и тем более не готовы пожертвовать своим личным временем для решения общих вопросов. Эти люди действуют в рамках обывательского фрейма, конкретное содержание которого зависит от конкретной сферы общественной деятельности (жилищной, трудовой и так далее).

Некоторые из этих людей при определенных условиях начинают по-другому воспринимать текущую ситуацию и, таким образом, изменяются сами. На представленной схеме это первый этап трансформации фрейма.

Текущая ситуация предполагает наличие проблем, которые затрагивают не одного человека, а коллектив в целом: ухудшение положения группы людей, нарушение коллективных прав и так далее. Обычные действия в подобных обстоятельствах еще относятся к фрейму обывательской жизни: написать индивидуальное письмо, обратиться к нужным людям, ругаться на кухне и ничего не делать. Чтобы фрейм трансформировался, необходимо, чтобы человек взглянул на ситуацию иначе. Стимулом может стать какое-то значимое для человека событие: инцидент в личной биографии (потерял работу, умер родственник), мероприятие общественного характера (случайное участие в крупном митинге, новое знакомство). Главное, чтобы это событие произвело на него сильное впечатление.

Однако ни ситуация, ни события сами по себе не способны стать причиной разрушения фрейма – для этого нужны определенные условия. Таких условий, отчасти в зависимости от рассматриваемой сферы общественной деятельности, может существовать великое множество, и именно их действие заставляет человека изменять привычные действия и смысловые ориентиры. Процесс трансформации зависит от того, как долго человек является активистом, насколько часто он взаимодействует с другими участниками и насколько глубоко он встроен в сеть взаимоотношений с активистами. Можно с большой уверенностью предположить, что если человек завязанный, встроенный в сеть активист, то ему трудно будет вернуться к прежней обывательской жизни. Мы располагаем множеством интервью, в которых люди говорят о том, что они мечтают об обывательской жизни – она представляется им царством спокойствия без забот, – но при этом продолжают вести активистскую деятельность. И здесь встает вопрос об устойчивости активистского фрейма, о его укреплении, что предполагает некоторую степень институционализации (все участники сети должны следовать одним и тем же правилам), а также «рутинизацию» активистской деятельности – на схеме это второй этап трансформации. Этот этап, так же как и первый, предполагает определенные условия.

Не стоит забывать о том, что обывательский фрейм обладает высокой привлекательностью: он более привычен и признан обществом. На обоих этапах трансформации фрейма противодействует целый ряд сил (на схеме это обозначено как «давление среды»). Человек, ставший активистом, нередко подвергается осуждению или насмешке со стороны окружающих людей, и в первую очередь со стороны семьи, если та осталась в привычном фрейме обывателя. Оказывает влияние и официальная пропаганда, порицающая «экстремистов», «радикалов» или просто «идиотов». А поскольку активистские ряды включают лишь небольшую часть населения, которая при этом лишена доступа к крупным СМИ, они не в состоянии изменить мнение основной массы людей о себе. Впрочем, это лишь несколько примеров противодействующих динамик. Однако сила их противодействия уменьшается по мере того, как прогрессирует трансформация. Чем дольше и привычнее для человека активистская жизнь, тем меньше сила сопротивления.

Существует множество условий институционализации фрейма, они различаются в зависимости от рассматриваемой сферы деятельности, но

все так или иначе благоприятствуют появлению устойчивых структур (формальных и неформальных правил) взаимодействия и взаимной поддержки.

Мы представили общую теоретическую схему, с помощью которой можно ориентироваться в лабиринтах разнообразных случаев общественной активизации. Начнем путешествие по активистскому миру.

Когда домохозяйки становятся лидерами движения:

опыт жилищного самоуправления в Астрахани³

Идущая в России реформа ЖКХ ставит людей перед выбором: либо самим взяться за управление своим многоквартирным домом, либо ничего не делать и надеяться, что «все как-нибудь образуется». Ниже мы рассмотрим уникальный опыт движения жилищного управления в Астрахани, где свыше 1000 домов перешли в непосредственное управление (НУ)³, а еще 200 – в управление ТСЖ⁵. Большинство этих домов управляются самоорганизующимся коллективным органом жителей, во главе которого стоят жилищные «подвижники», так или иначе взаимодействующие с местной общественной организацией «Союз жителей». Учитывая распространенность в Астрахани непосредственного управления домами, а также развитость низовых жилищных инициатив, мы рискуем назвать Астрахань городом, который стоит в авангарде движения жилищного самоуправления.

Подвижники – это пионеры жилищного движения, они первыми проявили активность в своем доме и открыли путь к самоуправлению. Эти люди – бойцы, так как они противостоят препятствиям, которые ставят на их пути новый Жилищный кодекс. Многие из них в своей деятельности опираются на достаточно сплоченное сообщество жителей дома и на коллективный орган самоуправления – это отличает опыт Астрахани от многих других случаев, с которыми мы сталкивались в других городах, где лидер-подвижник борется почти в одиночку и иногда даже сталкивается с группой внутренних вредителей. Наличие коллективного органа управления домом – ключевой фактор не только в деле ухода за домом, но также в развитии движения в целом.

На примере жилищного движения в Астрахани мы попытаемся ответить на два основных вопроса: во-первых, как люди начинают управлять

своим домом и преобразуются в активистов жилищного самоуправления? Во-вторых, как происходит процесс формирования солидарных сообществ жильцов?

В поисках ответов на эти вопросы мы вышли в поле⁶ и попытались уловить те микроскопические изменения в повседневной жизни обычных жителей, которые составляют путь к формированию самоуправляющихся сообществ. Именно в ходе проведения первого полевого исследования в Астрахани нам стало очевидно, что макросоциологические теории и схемы малопригодны для понимания процесса активизации. Мы пришли к выводу, что необходимо проводить наблюдения за людьми там, где они живут и действуют, стараться смотреть на вещи их глазами, обращать внимание на малейшие оттенки и противоречия и что самая приемлемая теоретическая рамка для понимания этого – теория фреймов в духе Ирвинга Гофмана.

Рефрейминг как составляющая процесса формирования активистов жилищного самоуправления. Исследование в Астрахани предоставило прекрасную возможность изучить процесс формирования самоуправляющихся сообществ. Первое, что мы отметили, – основная масса жителей домов, выбравших НУ, положительно оценивают самоуправление. Второй важный момент – на пути к НУ находится огромное количество препятствий, источником которых в первую очередь является внешняя среда (власти всех уровней и предприятия ЖКХ), и поэтому внедрить жилищное самоуправление очень сложно. Третье – переход к самоуправлению во многих домах был бы невозможен без коллективной мобилизации, но процесс перехода содержит конфликтную составляющую, которая часто принимает форму противостояния. Однако, несмотря на конфликт, а во многом именно благодаря ему жители (сначала узкая инициативная группа либо подвижники, а затем, видя положительный пример, все больше людей) подключаются к коллективной борьбе.

Мы понимаем коллективную борьбу как совместные действия, нацеленные на преодоление препятствий – как созданных внешними акторами, так и явившихся следствием внутренних разногласий среди жителей. Именно совместный опыт борьбы и участие в коллективном обсуждении общих для всех проблем объединяют соседей, позволяют людям осознать коллективные полномочия и права, а также превращают некоторых из них в активистов.

Рассмотрим каждую из стадий рефрейминга.

Метод: «социолог-активист беседует с жителями»

Что мы делали в Астрахани? Как мы вышли на людей? Как мы с ними общались? Каким был наш метод?

Мы концентрируем основное внимание на микропроцессах изменений в биографии, установках, степени вовлеченности людей, а также на ситуативных изменениях, происходящих в сообществах жителей, поэтому в своем исследовании мы опирались в основном на наблюдения и изучение случаев (кейс-стади). В качестве объекта исследования мы выбрали начинающих активистов, так как, опираясь на их истории, можно разобраться в процессе рефрейминга.

Полевая работа состояла в основном из многочисленных бесед с жителями домов, интервью с активистами-подвижниками и наблюдений. В Астрахани проводить беседы с жителями было намного легче, чем в других городах. Мы без особого труда посещали квартиры, свободно говорили с людьми, сидящими во дворах, легко общались во время коллективных встреч. Всего было проведено 30 неформальных интервью такого рода.

Интервью с подвижниками, после того как возникали взаимная симпатия и доверие, также принимало форму непринужденной беседы, причем нередко это было общение социолога и членов инициативной группы. Главное отличие таких бесед от обычных интервью и фокус-групп в том, что социолог в данном случае был заинтересован в решении проблемы, он мог что-то рассказать о реформе ЖКХ и сочувствовал собеседнику. Именно поэтому люди открыто рассказывали о своем жизненном пути, личных переживаниях, успехах и неудачах.

Наблюдение велось в процессе посещения квартир активистов, также социологам удалось присутствовать на двух субботниках, на одном собрании инициативной группы, на двух общих домовых собраниях, на одном общем совещании «Союза жителей» и на общероссийской конференции движения «Жилищное самоуправление».

Объектами «кейс-стади» стали четыре дома в разных районах города, в каждом из которых жители выбрали форму непосредственного управления. Все дома были построены в одно время (середина 1970-х гг.) и находились примерно в одинаковом состоянии (до того, как по инициативе жителей был начат ремонт); все они нуждались в капитальном ремонте (крыш, коммуникаций, стояков, подвалов). Отличались эти дома фор-

мой организации самоуправления, временем выбора НУ и степенью активности и причастности жителей к процессу самоуправления.

Город в авангарде: общий контекст

По состоянию на август 2008 года свыше 1000 домов, то есть более 50% всех многоквартирных домов в Астрахани, выбрали непосредственное управление (НУ) – форму управления многоквартирным домом, предусмотренную новым Жилищным кодексом. Можно считать, что «критическая масса» была достигнута, и жители доказали, что эта форма реализуема и привлекательна.

Основные баталии за признание НУ городской властью велись еще в конце 2005 года, сегодня новые дома уже действуют по отработанной схеме. Конечно, осталось еще немало нерешенных проблем с коммунальными предприятиями, но благодаря упорству и сплоченности жильцов они постепенно решаются. А вот вопрос о капитальном ремонте стоит достаточно остро, причина в том, что мэрия обещает оказание финансовой помощи на его проведение только тем домам, которые выбрали «правильную позицию» (как показывает практика, такие дома на деле также не получают реальной помощи).

Астрахань – это уникальный случай по нескольким критериям. Во-первых, нигде не было такого количества инициатив (снизу и без вмешательства городской власти) по выбору формы управления. Во-вторых, жители массово предпочли самую малораспространенную форму управления. Власти обычно либо умалчивают о возможности НУ, либо сообщают, что эта форма нереализуема в больших многоквартирных домах (больше 10–15 квартир). Опираясь на результаты наших исследований в других городах, можно сказать, что и самим жителям неизвестно о существовании этой формы либо они также считают ее малореализуемой.

Факторы, способствующие самоуправлению

1. Содействие лидера-инноватора. Одной из особенностей Астрахани, которая способствовала развитию самоуправления, можно выделить роль депутата Госдумы РФ от Астраханской области Олега Шеина. Будучи горячим сторонником непосредственного управления, он с самого начала жи-

лищной реформы выступает в качестве главного пропагандиста этой формы. Более того, он всеми доступными средствами (используя административные, организационные и статусные ресурсы, а также высокий личный авторитет среди местных жителей) способствует развитию НУ в городе и помогает жителям реализовывать самоуправление. Безусловно, именно его поддержка позволяет более эффективно бороться с бюрократическими препятствиями. Но самое главное – он выступает в роли лидера-инноватора.

Остановимся подробнее на некоторых социобиографических чертах этого лидера⁷. Несмотря на свою молодость (37 лет), Олег Шеин трижды был избран депутатом: два раза от Астраханского одномандатного округа в качестве независимого депутата, а на последних выборах – по списку «Справедливой России». Впервые он попал в Думу РФ на волне палаточных лагерей весны-лета 1998 года как кандидат от «трудящегося народа» – в то время он возглавлял профсоюз «Защита труда», который являлся ведущей силой местного палаточного городка. Обстоятельства, способствовавшие его продвижению «наверх», имеют огромное значение: по его собственным словам, он до сих пор ощущает свой долг перед активной частью местного населения. Основные стимулы его деятельности – справедливость, труд и солидарность. В своей политической деятельности он руководствуется двумя принципами: действовать вместе с людьми в тех областях, которые их больше всего волнуют, и помогать им в самоорганизации и отстаивании своих прав.

И это не пустые слова. Олег Шеин легко доступен для местных жителей, он регулярно проводит с ними встречи, и номер его мобильного телефона широко известен. Именно непосредственная связь с местными жителями является особой чертой этого депутата-лидера. Стратегический стиль мышления, который присущ Олегу Шеину, позволяет заранее предугадывать, в каких направлениях должны развиваться самые значимые для жизни людей проблемные фронты деятельности. Например, он в числе первых отметил социальную значимость и взрывоопасный характер законопроекта о так называемой монетизации льгот и уже летом 2004 года инициировал формирование коалиции общественных сил для организации федеральной кампании информации и протеста. То же можно сказать и о принятии нового Жилищного кодекса. Олег Шеин настроен реалистично, и в случае, если кампания протеста не дает ожидаемых резуль-

татов, способен переориентироваться и указать людям те направления активной деятельности, которые могут быть предприняты в рамках существующего (пусть и несовершенного) законодательства.

2. Обширная активистская сеть («Союз жителей»). Как мы уже упоминали, в Астрахани создана общественная организация – «Союз жителей», которая объединяет уполномоченных домов в НУ и некоторых председателей ТСЖ. Она структурирована следующим образом: во главе стоит совет сопредседателей, далее идут координаторы районов и их помощники, которые несут ответственность за свой район, далее – уполномоченные домов или председатели ТСЖ, которые время от времени собираются на большие конференции. Союз существует и действует благодаря совокупности многих факторов, но прежде всего самоотверженной работе «за идею» подвижников жилищного самоуправления.

Валентина Воронина одной из первых стала инициатором организации НУ в своем доме (он стал объектом нашего полевого исследования). Как сопредседатель «Союза жителей» она проводит огромную работу по координации действий жителей, их информированию, обучению и поддержке. Почти ежедневно совместно с другими добровольцами Валентина Воронина ведет прием по вопросам самоуправления. Она – молодая энергичная и общительная пенсионерка. Имеет опыт технической работы: закончила Горьковский институт инженеров водного транспорта, проходила практику на судах, проектировала новый танкер, затем пятнадцать лет преподавала технические дисциплины. По ее собственным словам, она «прошла очень большую школу, и опыт работы у нее в техническом плане большой». Кроме того, Валентина Воронина имеет богатый организационный и административный опыт (за свою жизнь она создала семь методических кабинетов): она работала в райкоме партии и в разных областных структурах. Благодаря этому она не только хорошо разбирается в технических проблемах самоуправления, но и имеет достаточно обширную сеть контактов, в том числе в областной и городской администрации, которую она использует в своей общественной деятельности для решения проблем. Именно она занималась хлопотной процедурой регистрации союза, и, несмотря на бюрократическую волокиту, союз был зарегистрирован в сентябре 2007 года.

То, что Валентина Воронина знакома со многими политическими деятелями региона, вовсе не означает, что она питает к ним дружеские

чувства. Скорее наоборот – она жестко критикует местных бюрократов и политиков за их «продажность», «нечестность» и «несправедливость». О цели своей политической и общественной деятельности она говорит: «Я хочу избавить наших людей от этих мерзавцев и бандитов и верю, что Олег Шеин – честный политик, что мы занимаемся правильным делом, которое приносит пользу людям». На вопрос о мотивах своей деятельности она отвечает: «Видимо, это во мне с кровью матери, с молоком матери впиталось. В нашем роду были меценаты, был даже один святой. Вот это все, да еще то, что я стараюсь как можно больше сделать людям добра. Я всю жизнь такая. Не потому, что я хваюсь... А я не знаю, как будто бы мною кто-то руководит сверху... У меня много неприятностей в жизни было, но вот живешь вся нараспашку, своей благотворительностью...»

Валентине Ворониной присуще чувство самопожертвования. Например, она категорически отказывается получать какую-либо зарплату за свою деятельность как в качестве уполномоченной дома, так и председателя «Союза жителей». В своем регионе она уже стала известным политическим деятелем и в 2007 году пошла на выборы депутатов Государственной Думы вторым номером по списку «Справедливой России». Ей не хватило немного голосов, чтобы пройти в Думу.

В «Союзе жителей» на добровольной основе вместе с Валентиной Ворониной работает широкий круг ее единомышленников – в основном это женщины, в том числе и уполномоченные домов с большим стажем. Они искренне преданы своему делу, в чем мы могли лично убедиться во время третьей поездки в Астрахань, когда шла бурная подготовительная работа к всероссийскому съезду Движения жилищного самоуправления 28–30 сентября 2007 года. Каждый день в маленьком помещении «Союза жителей» собирались 10–15 человек, которые обзванивали людей, готовили папки, тиражировали материалы, распределяли между собой задачи. Однажды – за день до приезда иногородних – у женщины, которая должна была встречать людей на вокзале, муж попал в больницу с инфарктом. Она об этом никому не сказала и на следующий день в 6 часов утра была на своем посту и встречала всех с улыбкой.

Трудно сказать, что объединяет этих людей, наверное, чувство солидарности в спасении своих домов от упадка и попыток захвата со стороны мэрии или возможность поделиться опытом и почувствовать свою

собственную полезность. Кроме того, «Союз жителей» – это место встречи и общения единомышленников, где всегда царит дружелюбная атмосфера, что также привлекает людей.

Благодаря деятельности депутата-лидера и его соратников по взглядам в городе уже давно существует обширная сеть активистских организаций. Это профсоюзы, в частности «Защита труда», организации мелких предпринимателей, ассоциация погорельцев (она объединяет жителей, дома которых были преступно сожжены в 2005–2006 годах), молодежные организации, ассоциации пенсионеров и так далее. Кроме того, общественные и профсоюзные движения и различные политические объединения Астрахани имеют давний опыт сотрудничества: в прошлом это были ОФТ, Партия труда, Партия трудовой солидарности, Совет общественной солидарности, а в последнее время местное отделение партии «Справедливая Россия». Заметим, что в Астрахани партия «Справедливая Россия» создана на базе социальных инициатив и в первую очередь помогает их развитию.

«Союз жителей» частично состоит из людей, которые уже являются членами той или иной организации, а частично из новых людей, для которых цели и деятельность союза являются привлекательными.

Основная цель союза – отстаивать право жителей на самоуправление своими домами и земельными территориями. Для ее достижения используются различные инструменты: еженедельные собрания уполномоченных домов в целях координации деятельности и обсуждения текущих проблем, информационные или просветительские кампании, взаимопомощь жителей, переговоры с представителями власти и предприятиями ЖКХ и так далее, вплоть до массовых акций протеста.

3. Общественная кампания за внедрение НУ. Массовая кампания за внедрение НУ проводится силами активистской сети Астрахани, и в первую очередь силами «Союза жителей». Так, активисты распространяют газету «Житель», которая выходит тиражом 100 тысяч экземпляров один раз в месяц. Как показали интервью с жителями, газета пользуется популярностью и считается достоверным источником информации.

Кроме того, эффективным способом проведения агитации и оказания помощи жителям являются регулярные квартальные встречи, которые местные активисты проводят на протяжении уже нескольких лет. Объяв-

ления о встрече с указанной в них повесткой дня вывешиваются у подъездов за несколько дней до ее проведения. В назначенное время люди собираются во дворе, как правило, от 30 до 100 человек. Сначала главный эксперт по теме делает небольшой информационный доклад, затем жители задают вопросы, докладчик или другие активисты со стажем на них отвечают. Нередко именно таким образом выявляются проблемные точки квартала. Но особенно важно то, что в результате подобных встреч активные жители начинают контактировать с активистской сетью и/или брать на себя инициативу в своем доме.

4. Плачевное состояние ЖКХ и ЖЭКов. Переходу к самоуправлению в Астрахани способствует плачевное состояние системы ЖКХ, именно оно вызывает большое недовольство и является причиной недоверия как к городской власти, так и к ЖЭКам.

Большая часть города стоит на болотистой местности, теплосети (трубы) лежат на поверхности, улицы (а порой и дома) затапливаются, многие дома, в том числе в центре, разваливаются. Процент ветхих, аварийных домов в Астрахани один из самых высоких в стране – 14%. Складывается впечатление, что службы ЖКХ практически ничего не делают уже много лет: почти не проводится ремонт домов и инженерно-технического оборудования (даже текущий), и ржавые трубы и стояки, затопленные подвалы, вонючие подъезды и сломанные лифты стали самой обычной ситуацией.

Факторы, препятствующие самоуправлению

1. Позиция местных властей. На первоначальном этапе, с марта 2005 года (дата вступления в силу Жилищного кодекса) и до конца 2006 года (когда стало очевидно, что волну переходов на НУ уже не остановить), городская власть активно сопротивлялась внедрению этой формы управления. Об истинных мотивах этого сопротивления можно только гадать, но есть предположение, что таким образом городские власти пытаются сохранить контроль над денежными потоками, связанными с содержанием домов. По оценке депутата Олега Шеина, общий размер платежей за ЖКХ в России составляет около 3 триллионов рублей. Местные власти могут сохранить максимальный контроль над средствами ЖКХ только в том случае, если поставщиками услуг будут выбраны частные управляющие компа-

нии, которые, как правило, создаются на базе старых ЖЭКов. Видимо, именно по этой причине Астраханская городская администрация отказывалась признавать правомерность НУ.

На втором этапе (конец 2006-го – первая половина 2007 года), когда количество домов в НУ достигло критической массы, городская администрация резко изменила тактику. Она попыталась перехватить инициативу у «Союза жителей», создав при департаменте ЖКХ другую общественную организацию, также объединявшую жителей домов в НУ.

На третьем этапе, который начался с лета 2007 года, позиция местных властей снова резко изменилась. Против НУ была начата пропаганда, в ходе которой власти агитировали жильцов за создание ТСЖ и выбор управляющих компаний. В местных СМИ стала появляться информация, что именно такие дома будут иметь преимущественное право получения денег на капремонт. Подобная политика явилась следствием принятия нового закона РФ о создании Фонда содействия реформированию ЖКХ (№185-ФЗ от 21 июля 2007 года), который исключал дома, находящиеся в НУ, из списка претендентов на получение денег для проведения капремонта.

Этот закон вызвал огромное недовольство у местных уполномоченных домов. Общее городское собрание уполномоченных, состоявшееся накануне второго чтения закона, приняло решение не подчиняться несправедливым требованиям закона и отстаивать свое право на государственное финансирование капремонта до конца. В ходе обсуждения законопроекта депутат Олег Шеин пытался внести соответствующие поправки, но встретил активное сопротивление со стороны думского большинства. Вот как он публично оценил этот закон: «Пока чиновники от «Единой России» публично рассказывают о любви к жилищному самоуправлению, они на деле его уничтожают, решив не давать денег на капремонт домам, вышедшим в самоуправление. Назвать это иначе чем подлостью со стороны государства нельзя. Власть, которая требовала от людей в сжатые сроки определиться с формой управления, сегодня наказывает тех, кто решил действовать, а не ждать у моря погоды».

2. Позиция федеральных властей в отношении НУ. Федеральная власть уже давно, почти сразу же после принятия нового Жилищного кодекса, взяла курс на ликвидацию НУ. Однако самый сильный удар по НУ нанес новый закон о создании Фонда содействия реформированию ЖКХ.

Во-первых, насколько можно судить по информационному освещению жилищной реформы, существование такой формы управления, как НУ, старательно замалчивали. Например, СМИ распространяли информацию о том, что жителям необходимо в определенный срок создать ТСЖ или выбрать управляющую компанию, но о НУ не говорилось ни слова.

Во-вторых, с января по апрель 2007 года регулярно собирался думский комитет по законодательству (во главе с Павлом Крашенинниковым), где обсуждались принятые 28 июня 2006 года в первом чтении поправки к Жилищному кодексу. Среди прочих предлагалась поправка, предусматривавшая упразднение НУ (предлагалось ограничить возможность использования этой формы в домах, насчитывающих более 16 квартир), – ее активно лоббировали эксперты из Института экономики города (он является одним из авторов нового Жилищного кодекса). К счастью, поправки, ограничивавшие применение НУ в многоквартирных домах, так и не прошли второе чтение и остались в виде проекта.

С целью отразить наступление властей на НУ астраханские активисты жилищного самоуправления предприняли контрмеры. Так, в январе 2007 года они организовали для экспертов Института экономики города, которые специально приехали из Москвы для изучения астраханского опыта, экскурсию по домам, находящимся в НУ. В результате московские эксперты, по крайней мере на словах, отказались от идеи упразднения НУ. Были использованы и другие методы воздействия, такие как коллективные письма и обращения, встречи с представителями федеральной власти (например, зимой 2007 года состоялась встреча лидеров жилищного движения России со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым), городские публичные собрания жителей и митинги. Напомним и о местной газете «Житель», которую многие жители считают достоверным источником альтернативной информации и которая в этой связи служит эффективным способом ведения контрпропаганды.

3. Позиция коммунальных служб. Активисты жилищного самоуправления потратили много времени и сил на то, чтобы урегулировать отношения с коммунальными службами. Коммунальные службы отказывались заключать индивидуальные договоры с жителями домов в НУ, ссылаясь на то, что вопрос о прямых договорах с жителями не проработан. В ответ активисты НУ организовывали общественное давление, и чем больше домов

переходили в НУ, тем больше обращений и жалоб поступало руководству этих служб, в городскую администрацию и правоохранительным органам. Кроме того, делегации «Союза жителей» вели активные переговоры с представителями каждой службы в отдельности. В итоге в мае 2007 года с большинством коммунальных служб разногласия были улажены и образцы договоров были одобрены обеими сторонами.

Однако многие проблемы до сих пор так и не решены, в их числе и проблемы принадлежности подвальных помещений и оформления земельных участков.

Жилищному самоуправлению препятствует также запутанная и сложная система ЖКХ, которая не приспособлена к децентрализации управления. Например, сложные и трудноосуществимые для жителей правила эксплуатации лифтов, установленные Ростехнадзором, требуют наличия ответственного за состояние лифта, прошедшего специальное обучение, имеющего статус юриста и являющегося собственником лифта. Однако жители пытаются преодолеть эти препятствия, проводя переговоры и пытаясь убедить все стороны в целесообразности изменений. Так, по проблеме лифтов «Союз жителей» провел в мае 2007 года круглый стол с участием уполномоченных, директоров лифтовых компаний и представителей Ростехнадзора.

4. Позиция ЖЭНов. Все или почти все ЖЭКи в Астрахани уже преобразованы в ООО, некоторые из них сменили название и превратились в управляющие компании. Формально эти перемены происходят в соответствии с новым жилищным законодательством. Однако ни юридическое преобразование, ни реформа ЖКХ не оказали влияния на эффективность работы ЖЭНов или их отношение к жителям – жители не стали клиентами или заказчиками, каковыми они являются по новому законодательству, а остались все тем же источником легких денег для чиновников от ЖКХ.

Жильцов домов, находящихся в НУ, руководители ЖЭНов сначала пытаются отговорить от выбора НУ. Их тактика проста: они либо рассказывают жильцам, что НУ – это очень рискованно и трудноосуществимо, либо обещают в ближайшее время отремонтировать дом. Такие действия понятны, ведь при непосредственном управлении ЖЭК теряет возможность распоряжаться деньгами жильцов дома по своему собственному усмотрению, более того, если жильцы выбрали другую обслуживающую компанию, он полностью утрачивает эти средства.

С подобными маневрами жильцы справляются достаточно легко: большинство из них недовольны работой ЖЭКов, и поэтому на общем собрании жильцов принимается решение отказаться от услуг ЖЭКа и либо заключить договор напрямую с работниками, либо с другой компанией. Если жильцы все же решают остаться при ЖЭКе (в виде нового ООО), они требуют, чтобы между ними и ЖЭКом был заключен договор. Однако в этом случае, как правило, возникает еще одна проблема: если ЖЭК был выбран обслуживающей компанией, он редко (по крайней мере на первых порах) выполняет условия договора, заключенного с жителями. В ответ жилищные активисты снова вынуждены оказывать постоянное давление на ЖЭК.

Таким образом, организовать в своем доме жилищное самоуправление, особенно в форме НУ, очень трудно. На пути к самоуправлению жители сталкиваются с сопротивлением со стороны многих внешних акторов, немало существует и объективных проблем. В этой связи мы считаем возможным использовать для определения одного из направлений деятельности сообществ жителей термин «борьба».

Заметим, что именно в ходе борьбы жители превращаются из обывателей в жилищных активистов. Приведенные выше четыре случая наглядно иллюстрируют, как, участвуя в коллективной борьбе и реализуя собственную форму самоорганизации, менялся взгляд людей на себя и на окружающую среду.

От обывательского фрейма к фрейму ситуативной активности. В исходном состоянии, до того как включиться в жилищное движение, люди жили в рамках привычной повседневности. Среди активистов есть домохозяйки, пенсионеры, бизнесмены, люди разных профессий, которые занимались работой, семьей, ходили в гости, ездили на дачи, платили за услуги ЖКХ и не интересовались тем, как расходуются эти средства. Их жизнь ограничивалась стенами квартиры, они общались только с жителями своего подъезда, и то, как правило, ограничиваясь фразами «здоровствуйте!» и «до свидания!».

Обывательский фрейм отличает иждивенческий настрой в отношении общих дел. Обыватели надеются, что государство или другие люди решат все проблемы. Несомненно, некоторые из них могут проявлять эпизо-

дическую активность, но она в основном направлена против деятельности активистов, которым они не доверяют и которых подозревают в стремлении «обогатиться за счет других». Эти обыватели распространяют сплетни, устраивают скандалы и пишут доносы – такой «оппозиционер» имеется практически в любом доме. Однако, несмотря на то что эти люди действуют на нервы и мешают деятельности активистов самоуправления, реальным препятствием они становятся только в том случае, если их много, если они заключают союз между собой или с внешними агентами (местной властью, управляющей компанией или ЖЭКом). В Астрахани мы не встретили ни одного подобного случая, но в других городах таких примеров было множество.

Плачевное состояние ЖКХ и жилищная реформа являются лишь фоновыми ситуациями и сами по себе не делают из человека активиста. Люди в разной степени компетентны и информированы, они по-разному рассматривают и реагируют на новую ситуацию. Одни не замечают реформ ЖКХ, другие до последнего верят в заботу государства, надеясь, что оно не позволит их дому рухнуть или предоставит им квартиру, третьи полагают, что «в случае чего» переедут в другой дом, купят новую квартиру и так далее. Кто-то изучает Жилищный кодекс и пишет «наверх» письма, как, по его мнению, должна пройти реформа ЖКХ, кто-то ограничивается жалобами и пересудами с соседями, и лишь небольшая часть жителей становится самостоятельными субъектами коллективных действий. Что этому способствует?

Во-первых, важную роль играет значимое событие, которое происходит в биографии человека или в окружающей среде и благодаря которому человек меняет свой взгляд на ситуацию. Это может быть потеря близких родственников (у человека возникает желание заняться полезным делом), выход на пенсию («я не могу сидеть дома, мне надо чем-то заниматься»), получение информации, которая «зацепила» человека (в качестве такого события несколько жильцов указали чтение газеты «Житель» в Астрахани), знакомство с людьми, уже имеющими опыт активных действий (сеть самоуправляющихся домов в Астрахани хорошо развита) или возникновение прямой угрозы для дома (вот-вот развалится, угроза сноса).

Событие служит толчком к началу процесса активизации, в результате обывательский фрейм оспаривается, но, так как альтернативный фрейм еще не укреплен, «пережитки» прежнего фрейма сохраняются. Это

первый этап трансформации, в результате которого человек становится ситуативным активистом.

В домах Астрахани, где мы проводили исследования, как и в большинстве известных нам случаев, активизация происходила следующим образом: появлялись один или два-три инициатора, которые собрали информацию о реформе ЖКХ и решили, что, если домом будет управлять неизвестная частная компания, это может повлечь неприятные последствия. Чтобы предотвратить их, они стали искать специалистов и компетентных людей вне дома, а затем – сторонников среди соседей, которые могли и хотели им помочь. Таким образом формировалась инициативная группа, которая начинала проводить собрания жильцов и распространять информацию о самоуправлении среди соседей. Далее жители выбирали форму управления домом в соответствии с процедурой, закрепленной в Жилищном кодексе.

Рассмотрим подробнее факторы, которые влияют на переход к ситуативной активности.

В первую очередь активизации способствует появление единомышленников и помощников среди соседей и формирование команды.

Одна из пенсионерок так высказалась о начале процесса: *«Я, конечно, до этого много чего читала в газетах, ну и сначала неправильно поступила – обратилась к одному, к другому, спрашивала их, как наш дом будет переходить, какими путями. И к жильцам подходила – все просто ждут, что кто-то должен взять и повести всех за собой, и это не только в наших домах. У нас взялись наши мужчины, они сильные, вот они и стали таким коллективом и пригласили меня быть замом».*

Продолжают мужчины инициативной группы этого же дома: *«Мы прошли по каждой квартире дома, по всем жильцам, поговорили и взяли данные, вплоть до телефона, у каждого собственника дома. Мы искали того, кто мог бы стать уполномоченным, и вот нашли его».*

Уполномоченный, предприниматель по роду деятельности, подтверждает: *«Я вообще тогда не был в курсе. А вот приходят ко мне эти трое, представились, уговаривали. Я согласился, потому что мне стыдно смотреть на наш дом, неухоженный, и хотелось бы своим товарищам по несчастью чем-нибудь помочь. Финансовая сторона не играла роли, хотелось начать, чтобы было не стыдно пригласить кого-нибудь в гости. Одним из моих условий было, чтобы инициативная группа мне помогала, потому*

что по роду деятельности мне иногда приходится уезжать, и мне спокойно, что люди знают, что делать».

В процессе перехода к самоуправлению жители рассказывают, что они другими глазами стали смотреть на своих соседей. Теперь они друг друга знают по имени-отчеству, появилось взаимное уважение. *«Я Наталью Спиридонову (члена инициативной группы другого подъезда) раньше вообще не знала. Ну, проходим, здороваемся, фразой-другой перекинемся. И все... Так вот сейчас многих узнали. О некоторых думали плохо, а когда поговорили, оказывается, люди хорошие, а с другими наоборот получилось: ой, какой человек неприятный! А вообще, хочу сказать: тьфу-тьфу-тьфу, но когда мы начали, больше хороших людей встречалось, не только в доме, а вообще».*

Первые – даже самые незначительные – положительные результаты активизации, будь то удачное собрание, просто приятное общение или расширение круга знакомств, играют огромную роль.

Вот как активисты описывают первый в их доме воскресник и первые результаты ремонта: *«Мы переживали, что вдруг не придут. А когда все вышли – в 9 часов люди стали друг за дружкой выходить, и дети, и взрослые, и старики – минимум 80% наших жителей, и взялись за работу около дома, с такой инициативой, с таким азартом, с таким желанием все изменить. Не вышли только те, кто работал. Как одна бабушка сказала, что такое впечатление, как будто люди проснулись после 20-летнего бодуна», «Когда увидела, как стал выглядеть подъезд, это было такое счастье – наконец-то не стыдно в гости звать!»*

Оказывают влияние и положительные примеры – в других домах и даже в других городах (через публикации в газетах и Интернете). Они вселяют в людей чувство уверенности в собственных силах: если другие смогли, то и я смогу, по крайней мере стоит хотя бы попробовать. Люди узнают, что действовать – это не так уж сложно и обременительно, а даже приносит удовольствие.

Восприятие ситуации постепенно меняется: человек определяет коллективную проблему (ухудшение технического состояния дома, например), она его беспокоит, он понимает, что проблема может быть решена (это не «природный катаклизм», а результат действия или, скорее, бездействия людей), начинает что-то делать для всех и, поскольку проблема общая, вместе со всеми.

Как правило, таким переменам предшествует период, в течение которого люди ждут, что кто-то решит имеющуюся проблему: чаще всего надежды возлагаются на жилищно-коммунальные конторы либо местные власти. У кого-то терпение лопается после нескольких отписок из ЖЭКа, у кого-то – после обрушения первого балкона или прихода судебных приставов для выселения. После того как человек понимает, что помощи ждать не от кого (от властей и от ЖЭКа можно ждать только неприятностей), он переходит к активным действиям. Логика жилищных активистов примерно одинакова: «Беда нашего народа в том, что все ждут, что кто-то придет и поведет людей за собой. Мы решили никого не ждать».

Активизировавшиеся люди иначе смотрят на людей вокруг, на ситуацию и на самих себя: «Люди заняты своими проблемами, но, я думаю, это со временем пройдет...», «Нам сложно перестроиться, ведь большую часть жизни мы прожили при советской власти...», «Самому себя приходится ломать, но при этом мы меняемся, и даже в лучшую сторону...»

«Приходится себя ломать» – о чем еще это говорит, если не о сломе прежнего фрейма?

Однако есть и факторы, которые мешают переходу к ситуативной активности. Некоторые из них сознательно формируются различными контракторами.

В качестве контракторов выступают органы местной власти, которые не желают отказываться от контроля над денежными потоками в сфере ЖКХ. О противодействии мэрии в Астрахани нам рассказала уполномоченная одного из первых домов, перешедшего в самоуправление: «Очень долго препятствовала городская администрация. То одного документа нет, то другого. Все не хотела нас внести в реестр домов, перешедших на НУ. Пришлось биться, несколько месяцев мы проходили по всем кабинетам. Помог наш депутат. Через него мы обратились в прокуратуру. И прокуратура осудила городскую администрацию за препятствование исполнению Жилищного кодекса. Но они продолжали нам ставить палки в колеса...»

Еще один контрактор – частные управляющие компании или бывшие ЖЭКи, тесно взаимодействующие с мэрией.

Одна из активисток привела пример того, как ЖЭК навязывает свои услуги: «Как узнали, что создана инициативная группа, из ЖЭКа позвонили, пригласили на собрание. Им нужно было, чтобы мы с ними заключили

договор на обслуживание, и нас пугали, что, если мы этого не сделаем, мы уйдем по конкурсу на управляющую компанию. Они нам принесли листы для голосования, хотели, чтобы мы выбрали их. Нас успокаивали – ну, как, мол, вы с нами были, так все и остается. Но мы стали читать, интересоваться, разбирались и тогда поняли, что ЖЭК нас просто обманывает. Он, как бы сказать, лукавит. Лукавит, потому что мы могли и сами, как сейчас, этими деньгами распоряжаться, а мы фактически отдаем им деньги и потом будем ходить и за эти деньги с них каждый раз требовать: а вы нам вот это сделайте, а вы вот нам это, а вот у нас там течет. И ко всему прочему еще нет уверенности, что они это сделают. У нас есть пример из другого дома: мы пригласили их уполномоченного, которая в течение восьми месяцев с ними мучилась, и она все нам рассказала, как у них обстоят дела с ЖЭКом, и мы поняли, что ничего из этого хорошего не выйдет. Мы решили не повторять чужих ошибок».

В отличие от многих других городов, где жилищное движение представлено слабо, в Астрахани ЖЭКам действовать сложнее, так как здесь образовалась обширная сеть жилищных активистов, а находящиеся в плохом техническом состоянии дома являются наглядным примером их бездействия. В Астрахани жителям легче противостоять агитации ЖЭКов, так как в их услужливом поведении они видят не заботу о жителях, а материальную заинтересованность.

Жилищный кодекс жители также воспринимают как препятствие на пути самоуправления: «Господ, которые составили этот Жилищный кодекс, я бы оштрафовала за этот труд. Сколько вреда-то нанес! Почему каждая строчка может читаться и так, и так?» (из интервью с председателем ТСЖ в Перми).

Конкретный пример привел астраханский активист: «Принят Думой кодекс, на основании этого у нас городская организация издала постановление, в котором помимо всего сказано, что районная администрация должна передать образовавшемуся правлению техническую документацию. Мы дошли до уровня передачи нам документации, так как понимаем, что для организации осушения подвала нам необходимо посмотреть кое-что по техпаспорту. Мы обратились официально в районную администрацию, они нам ответили – обращайтесь в ЖЭК. Мы написали туда три письма, но нам документацию не дают. Мы снова обратились в администрацию, а нам сказали, что там нет документации, – получается замкнутый круг!»

Практически в каждом интервью есть несколько «лестных» слов о Жилищном кодексе: «Как разобраться, как справиться с этим разнообразием в Жилищном кодексе? Но депутаты сами этим не занимаются, а законы составляют. Если бы они этим занимались вместе с нами, они бы другие законы составляли!»

Наконец, огромную противодействующую силу имеет проблема капитального ремонта, а именно те риски, которые несет новая жилищная политика (она обязывает собственников квартир осуществлять капитальный ремонт за свой счет). Люди просто боятся брать дом в самоуправление до тех пор, пока в нем не будет проведен капитальный ремонт. Вот несколько цитат: *«Государство сначала довело дом до ветхого состояния, а теперь передает нам развалюху в самоуправление, да еще говорит – ремонтируйте ее за свой счет и несите за нее ответственность!»*; *«Администрация, которая передает нам этот дом, должна передать его в нормальном состоянии. Ему 35 лет, и ни разу капитальный ремонт не был сделан. Это непорядочно»*.

Однако упомянутые выше проблемы могут не только препятствовать активизации жителей, но и объединять их для коллективной борьбы против внешних оппонентов. Начинающие активисты постепенно понимают, что интересы дома и жителей не совпадают с интересами властей и жилищных фирм: *«Цель у них одна – зарабатывать деньги», «Кровью и потом выбиваем деньги. А родной ЖЭК, мэрия, правительство – от них нет ничего!»*. Наконец, противодействие властей разрушает иллюзии о «заботе» государства, и люди начинают брать ситуацию под свой контроль. *«Конечно, мы сначала пытались сделать капремонт за счет бюджетных денег, но пришли к выводу, что, пока будем ждать, дом окончательно придет в упадок, и взялись за это сами», «Обидно, конечно, но что делать? Не ждать же сложа руки, пока дом развалится!», «По плану предстоит еще борьба за выбивание денег из бюджета хотя бы на капремонт крыши»*.

Несмотря на реформу, ЖЭКи не собираются менять принципы своей работы. Так, в одном из известных нам случаев жители дома выбрали НУ, но решили нанять в качестве обслуживающей организации бывший ЖЭК (он был преобразован в ООО) при условии, что тот заключит предложенный ими договор обслуживания и откроет специальный субсчет для их дома. Последовали долгие переговоры, и по прошествии года ЖЭК согласился. Однако через месяц жители констатировали, что в работе ЖЭКа ниче-

го не изменилось, условия договора не соблюдаются и субсчет на дом так и не открыт. Жители опять вынуждены бороться: *«Я и мои товарищи по несчастью бьемся с ними прямо в пух и прах. Мы будем отстаивать свою точку зрения в свете новых договорных отношений. Ни на йоту от них не отступим. Мы начали новую жизнь, и вы тоже перестраивайтесь!»*

От того, как начинающие активисты относятся к возникающим на их пути преградам, а также от степени активности жителей трудности могут либо способствовать дальнейшей активизации, либо остановить ее. Так, если жители считают их результатом незаконной и несправедливой деятельности враждебных им сил, то препятствия скорее склоняют людей к борьбе. Если же они воспринимают их как следствие деятельности «всемогущих», «всесильных» субъектов и/или «знающих», «компетентных», «заботящихся» сил, они отказываются от активности и передают свое право управления домом этим силам. Поэтому, чем больше людей участвуют в коллективных действиях, чем больше доверия между жителями, тем меньше у внешних акторов шансов остановить процесс активизации.

Труднее всего справиться с препятствиями, которые создают жильцы – противники самоуправления. Как мы говорили ранее, российское общество отличается слабым уровнем доверия между людьми (исключение составляет специфическое доверие внутри групп «своих» людей)⁸. Многие его представители испытывают недоверие к людям, которые пытаются действовать в интересах всех жителей, – такой альтруизм просто не укладывается у них в голове и поэтому кажется подозрительным. Скептически настроенные соседи начинают искать источники личной выгоды для активистов. Если при этом власть или ЖЭК распространяют информацию о мошенниках или другими способами пытаются внести раздор среди жителей, скептики начинают действовать еще более активно. Поразительно, насколько трудно бывает убедить людей в добропорядочности их соседей и как же легко люди верят чиновникам!

В Астрахани, в отличие от других российских городов, эта проблема менее актуальна. В ходе исследования мы выделили всего несколько человек – «внутренних» противников самоуправления, но они активно не препятствовали его деятельности. Дальше выкриков на собраниях – «все равно обманут», «зачем они это делают, если не для того, что заработать деньги для себя?» – и редких отказов платить по новой системе дело не шло. Это свидетельствует о том, что в тех домах, которые уже в течение двух

лет идут по пути самоуправления, процесс активизации зашел настолько далеко, что в них установился климат доверия.

Фрейм ситуативной активности: основные характеристики. В результате описанного выше процесса часть жителей становятся ситуативными активистами. Этим термином мы называем шаткое состояние активности, которая еще не стала для человека образом жизни. Ситуативные активисты уже дистанцировались от обывательского фрейма, для них уже очевидны достоинства активной позиции, однако альтернативный фрейм в их сознании еще не укреплен.

Ситуативные активисты считают, что решить проблему (управление домом) можно лишь при условии, что решать ее будем «мы» (активные жильцы). Они имеют следующие характерные установки:

- 1 Ситуативные активисты испытывают страх перед последствиями своей активизации. Об этом свидетельствуют такие высказывания: «А вдруг не получится?», «А вдруг будет еще хуже?», «Очень сильно боялись», «Буквально не спали ночами от переживаний».
- 2 Они испытывают неуверенность в собственных силах: «Как нам поднять капремонт?», «Разве мы потянем?»
- 3 При возникновении трудностей у них возникают сомнения в правильности сделанного ими выбора.
- 4 Начинаящих активистов не оставляет соблазн передоверить свои полномочия (и груз ответственности) третьему лицу (государству, управляющей компании, лидеру или инициативной группе). Этот соблазн тем более силен, когда капремонт дома (основная забота самоуправляющихся домов) считается обязанностью государства, которое передало дом на самоуправление в ненадлежащем состоянии.
- 5 Ситуативные активисты испытывают удовольствие и радость оттого, что расширили круг знакомств («оказывается, очень много интересных и способных людей у нас в доме»), что дом выглядит лучше («пока есть силы, мы будем этим заниматься, потому что так приятно видеть, как дом сейчас выглядит, не стыдно принимать гостей»), а также оттого, что в решение общих проблем вовлекаются соседи и формируется сообщество жителей («вышли все на субботник, и такое ощущение, что впервые увидели друг друга!»).
- 6 Они осознают свои полномочия: «Оказывается, я не только домохозяйка без опыта работы, я вникла во все эти дела, я сумела...»

От фрейма ситуативной активности к фрейму завязанных активистов. Укрепление нового фрейма («активиста») зависит от того, насколько долго человек остается активистом, как часто он взаимодействует с другими участниками процесса, насколько он убежден в полезности своих усилий и как плотно включен в общую деятельность.

В обследованных нами четырех домах этот процесс проходил по-разному и с разной степенью успешности.

В отношении одного из домов, который перешел на НУ только в марте 2007 года, еще рано было говорить об институционализации и переходе к фрейму завязанных активистов. По прошествии нескольких месяцев деятельность активистов в нем все еще характеризовалась порывами энтузиазма.

В остальных трех домах наблюдался процесс институционализации, который главным образом проявлялся в формировании костяка активистов и регулярном функционировании коллективного органа управления и принятия решений.

Институционализация самоуправления в наименьшей степени развита в том доме, где оно осуществляется узкой группой лиц – мужем и женой – при поддержке жителей. В данном случае избранный уполномоченный дома (главное лицо в непосредственном управлении) организовал свою собственную обслуживающую фирму и взял на обслуживание еще четыре соседних дома. Опрос жильцов показал, что они довольны тем, что обслуживает их дом «свой человек, а не чужой дядя», однако они почти не чувствуют себя причастными к управлению. Их участие в управлении сводится в основном к контролю над деятельностью уполномоченного – его и его жену (бухгалтера) соседи воспринимают как новый вариант ЖЭКа (так его и называют – «ЖЭК»). В этом варианте самоуправления уполномоченному была установлена зарплата, он покровительствует жильцам и берет на себя решение всех проблем, а коллективный орган самоуправления представлен двумя профессионалами.

Намного более развита институционализация в «доме-ветеране» движения, который находится в самоуправлении с конца 2005 года. Коллективный орган управления состоит из шести старших по подъезду, уполномоченного и бухгалтера. Главные решения по дому принимаются на общем домовом собрании, которое проводится один раз в год (фактически люди встречаются гораздо чаще, особенно жильцы некоторых подъездов). Большинство жильцов этого дома хорошо информированы и в высо-

кой степени включены в процесс самоуправления. Так, на ежегодном общем собрании, которое состоялось 11 августа 2007 года, около сотни человек (в доме 98 квартир) в течение нескольких часов (до поздней ночи) разбирали отчеты уполномоченного о проделанной работе и финансовый отчет ревизионной комиссии. Без трений и конфликтов не обошлось, но в результате были согласованы дополнительные правила функционирования самоуправления: чаще собираться, регулярно вывешивать финансовые отчеты. Доказательством, что в этом доме есть главный элемент устойчивости сообщества – доверие, – может служить тот факт, что собираемость платежей достигла почти 100% (деньги за жилищные услуги собирают старшие по подъездам).

Отрицательной стороной ситуации в этом доме является то, что уполномоченная дома обладает слишком большими полномочиями и подавляет инициативу снизу. При этом старшие по подъездам вместе с уполномоченной по дому постигают азы дипломатии – учатся сглаживать конфликты и налаживать со всеми отношения.

Наконец, в четвертом доме, где члены инициативной группы после долгих обсуждений выбрали такую форму, как Общественный совет дома, наибольшее внимание уделяется утверждению правил самоуправления. Общественный совет дома – это неформальный (незарегистрированный) коллективный орган, в который входят представители всех подъездов (больше 20 человек). Все его члены были избраны на собраниях подъездов и на общем собрании дома. Причем в совет входят не только собственники. «Ведь квартиросъемщики тоже живут в доме, они же могут участвовать в его управлении», – объясняют члены инициативной группы. Члены совета собираются часто – почти каждую неделю, и у каждого есть своя специализация и сфера ответственности. Кроме того, активисты целенаправленно пытаются вовлечь в процесс самоуправления как можно больше жильцов. Они ориентированы на следование букве закона и пытаются заставить выбранную ими обслуживающую фирму (ЖЭК) действовать строго в рамках договорных отношений. Их собрания похожи на военный совет: они долго обсуждают каждый шаг, чтобы не совершить ошибку и действовать максимально эффективно, – обдумываются стратегия, тактика, способы ведения переговоров.

Таким образом, на наш взгляд, жилищные активисты больше всего обращают внимание на три элемента: формирование основанного на доверитель-

ных отношениях и участия в общем деле дома соседского сообщества, восстановление дома и борьбу за признание своих прав внешними акторами.

Конечно, в первую очередь активисты занимаются восстановлением своих домов. В половине интервью они говорят о трубах, стояках, крыше, подъездах. Это нелегкое дело, особенно для тех, кто не имеет опыта, однако результат оправдывает усилия – состояние всех домов после перехода на самоуправление улучшилось.

Активисты тратят много сил на улучшение социального климата в доме: стараются сгладить конфликты между жителями, найти компромиссы: «с людьми надо работать, а не ругаться». Они используют гибкий подход к неплательщикам: «рано или поздно они сами поймут», «если есть проблемы в этом месяце, то заплати в следующем!». Активисты стремятся установить доверительные отношения с жителями и между жителями – например, особое внимание они уделяют тому, что у них «все прозрачно», «все документально оформлено». «Любой может прийти и проверить, сколько было собрано, сколько потрачено и на что». Вознаграждением за свой труд они считают то, что жители «стали говорить спасибо», «стали уже сами что-то делать, проявлять инициативу».

О третьем аспекте – взаимоотношениях с внешними агентами – мы уже достаточно подробно говорили выше. Напомним лишь, что война с мэрией за получение бюджетных денег для капремонта продолжается, непрерывно идут конфликты с ЖЭКом или с коммунальными службами – и всем этим также занимаются активисты, для которых уже не стоит вопрос, надо им это или нет, у которых уже укрепился активистский фрейм.

Фрейм завязанных активистов: основные характеристики. Рассмотрим некоторые характерные установки фрейма долгосрочных активистов, которые мы сформировали на основе интервью и бесед с ними.

1 Завязанные активисты противопоставляют «нас» (активистов) остальным, при этом возможна ностальгия по прежней спокойной и простой жизни обывателя. «На основную массу жителей мы не возлагаем особенных надежд, мы выбрали в совет самых активных и способных и доведем дело до конца», «Те, кто регулярно приходит на собрания, они уже вроде бы активисты».

2 Активистская деятельность становится частью своего «я»: о себе они говорят как об активистах, заявляют, что «тяжело, конечно, но без этого было бы уже скучно».

3 Они часто употребляют местоимение «мы», причем в контексте «мы можем» и «мы должны». «В общественный совет дома входят представители от всех подъездов. Мы собираемся часто, каждый раз, когда необходимо, но каждое решение мы обязательно принимаем все вместе. Единолично решение не принимается», «Это наше общее имущество, надо о нем заботиться», «Удивительно, но мы смогли самостоятельно содержать наш дом и мы начали его восстанавливать».

4 Долгосрочные активисты идентифицируют себя с коллективом жильцов. «Дом у нас – это одна большая семья», «Мы уже знаем наших людей, знаем все их разборки».

5 Они ценят такие явления, как взаимопомощь и солидарность, часто с радостью отмечают, что «соседи, мужья помогают, поддерживают».

6 Завязтые активисты меньше, чем ситуативные, боятся ответственности. Они ведут себя более уверенно, проникаются чувством собственной правомочности (права на что-то влиять). «Это налагает на нас обязательства, конечно, мы должны ответственно относиться друг к другу».

7 Они выходят за пределы частных интересов (ограниченных рамками семьи) и живут общими интересами жителей дома. «Свой дом – это уже как своя квартира», «Мы вынуждены объединяться, и каждый должен заботиться о доме в целом, об общих местах», «Мы привыкли, что все общее и не наше, теперь поняли, что общее – это наше».

На этапе перехода к фрейму долгосрочной активности противодействие со стороны третьих лиц и внутренних противников хоть и теряет силу, но не нивелируется совсем. Человек меньше обращает на него внимания (он сосредоточен на других аспектах), чувствует себя увереннее и в большей степени готов ему противостоять.

Примером того, как завязтые активисты относятся к внутренним контрагентам, служит спокойная реакция жилищных активистов на принципиальных неплательщиков и скептически настроенных жильцов. Иллюстрацией отношения к внешним акторам является пример того, как активисты астраханского «Союза жителей» восприняли новость, что дома в НУ не могут быть включены в список домов-претендентов на государственное финансирование капремонта. На собрании союза, состоявшемся сразу после принятия закона о создании Фонда содействия реформе ЖКХ (№185-ФЗ от 21 июля 2007 года), активисты не показали ника-

ких признаков отчаяния или разочарования, а, наоборот, выразили гнев и заявили о намерении бороться. В обоих случаях большую роль играет наличие поддержки, чувство принадлежности к сплоченному коллективу или активистской сети.

Тем не менее обывательский фрейм остается привлекательным и удерживает в себе большинство жителей. Он более привычен и «нормален», более «общественно признан», тогда как активистский фрейм все еще остается маргинальным. Несомненно, в Астрахани житель может вполне комфортно чувствовать себя в роли активиста, но это далеко не обшая ситуация по стране.

Что может обеспечить устойчивость активистского фрейма? На основе исследования, проведенного в Астрахани, можно выделить следующие условия:

1 Продолжительность – долгосрочное участие человека в процессе самоуправления.

2 Доверие – ощущение активистом доверия к себе со стороны жильцов, его доверие к жильцам.

3 Утверждение (ratification) – ощущение активистом благодарности или признания со стороны жильцов.

4 Регулярность и постоянство взаимоотношений с другими активными жителями дома – частое общение, тесные межличностные связи между жильцами.

5 Участие в коллективной разработке правил самоорганизации и самоуправления.

6 Наличие коллективного органа управления (совет дома, домком, объединение старших по дому и так далее), который отличается от инициативной группы тем, что это уже не временный и неформальный коллектив, а также эффективное и демократичное (высокая степень прозрачности и открытости) функционирование этого органа.

7 Наглядные положительные результаты деятельности – моральное удовлетворение оттого, что дом лучше выглядит.

8 Достижение критической массы – противники самоуправления остаются в меньшинстве и находятся в изоляции.

9 Налаживание контактов с активистской сетью за пределами дома.

10 Улучшение социального климата в доме (снижение противоречий между обывателями и активистами), которое приносит чувство комфорта в среде обитания и активистской деятельности. Здесь большую роль играют пове-

денческие стратегии самих активистов: насколько они стремятся убеждать соседей, сглаживать внутренние конфликты.

11 Соучастие – причастность каждого жителя к самоуправлению, вовлеченность в конкретную деятельность и внесение своего вклада.

12 Повышение статуса – превращение домохозяек или ничем не примечательных жителей в активистов, имеющих определенный авторитет.

13 Эмоциональный заряд – положительные эмоции, которыми богата активистская деятельность.

14 Борьба с препятствиями, создаваемыми властью, коммунальными службами, ЖЭКом и так далее. Сопротивление объединяет участников, затрудняет их уход из активистской деятельности (трудно покинуть поле борьбы, оставить других без поддержки).

Очевидно, что все вышеуказанные элементы в реальной жизни никогда вместе не встречаются (иначе в стране было бы уже мощное и массовое жилищное движение). Однако некоторые из них в разных комбинациях всегда в той или иной степени присутствуют у того или иного сообщества. Не бывает и так, чтобы человек линейно и механически прошел путь от обывателя к активисту. В зависимости от конкретной ситуации, комбинации этих условий и жизненного опыта человека перечисленные выше условия будут действовать по-разному. Понятно и то, что переход от первого этапа активизации ко второму может не произойти, наоборот, возможно возвращение к исходному или промежуточному состоянию.

Процесс рефрейминга не является линейным: на каждом шагу существует возможность вернуться к прежнему обывательскому фрейму. Сила притяжения изначальной схемы уменьшается в зависимости от того, как давно человек занимается общественной деятельностью и насколько он вовлечен в эту деятельность. Тем более что на каждом этапе на него сильное влияние оказывает как окружающая среда, так и внутренние препятствия. Сила их противодействия уменьшается вместе с укреплением активистского фрейма, но маловероятно, что когда-либо она будет сведена к нулю.

В итоге самыми значимыми условиями институционализации активистского фрейма мы считаем следующие: наличие коллективного органа управления и формирование коллектива с высокой степенью солидарности.

В Астрахани жители сплотились благодаря самоуправлению. Вот что сейчас они говорят о социальном климате в доме:

1 «Недоверия абсолютно нет».

2 «Войной друг на друга шли, а теперь просто никаких претензий больше нет, все дружны».

3 «Недоверие было вначале, потому что мы не знали друг друга до того, как приняли дом, а сейчас мы все как одна семья. Ведь мы себе помогаем и помогаем друг другу».

4 «14 лет здесь живу, не знала, как соседей по площадке зовут, заново узнаем людей, а среди них многие замечательные люди».

5 «Сердце и душа поют, как мне приятно сейчас в доме».

На наш взгляд, залог успешности и устойчивости активистских практик – в прочности и обширности горизонтальных связей между соседями и в формировании сообщества жильцов. В исследованных нами домах в Астрахани такое сообщество уже сложилось, а горизонтальные связи были хорошо развиты. Этому способствовали совместные действия жителей по восстановлению дома, наличие коллективного органа самоорганизации, объединение усилий перед лицом внешних «враждебных сил», а также целенаправленная деятельность активистов по развитию культуры доверия. Для производства и особенно для распространения этой культуры, как это установлено теорией коллективных действий, необходимо, чтобы фрейм-деятельность активистского сообщества включала в себя и «культурный фрейминг» (усилия по экспорту этой культуры). Учитывая тот факт, что во многих домах происходит процесс подтягивания новых жильцов к общему делу дома, а также то, как развивается жилищное движение (в форме «Союза жителей» и просто сетевых связей между самоуправляющимися сообществами), мы можем предположить, что в настоящее время идет процесс экспорта активистского фрейма.

Образцовый пример удачной активизации и солидаризации в рабочей среде: «Форд–Всеволожск»

В 2007 году фордовцы для страны и мира стали символом возрождения профсоюзного и рабочего движения в России. Они продемонстрировали, что такое настоящий профсоюз, солидарность и достоинство. Одна из соавторов этой книги – Карин Клеман – отправилась в феврале 2008 года во Всеволожск. Перед ней стояла цель выяснить, как стала возможна столь продолжительная (месяц) и победоносная забастовка.

Начну с личных впечатлений. За 15 лет своей научной деятельности (начиная с 1995 года) я побывала во многих регионах России, где на десятках предприятий проводила полевые исследования и брала интервью у сотен наемных работников. Но то, что я услышала и увидела на «Форде», меня поразило. Нигде прежде я не ощущала такую уверенность людей в себе, нигде не сталкивалась с таким чувством собственного достоинства и готовностью к коллективным действиям. У меня почти сложилось впечатление, что вот он – гордый рабочий класс, описанный в свое время Марксом. Чтобы не идеализировать ситуацию, пришлось взять себя в руки и подвергнуть собранный материал критическому анализу. Результат этой работы я и предлагаю читателю.

Материалом для анализа мне служили личные беседы, которые я провела с активистами во время забастовки, статьи в СМИ и, главное, 25 глубинных интервью, взятых как у членов профкома (таких – 5), так и у рядовых членов или активистов среднего звена (на уровне цехкомов). Выборка – если не считать членов профкома – получилась случайной. Интервьюер просто стоял у проходной завода во время пересменки и останавливал проходящих работников. При этом следует признать, что в основном это были участники забастовки – исключение составили трое работников, которые или устроились на завод после забастовки, или работали в подрядных организациях. Кроме этого, были использованы отчеты и рассказы самих членов профкома и симпатизирующих им активистов, помогавших в ходе двух забастовок, проведенных работниками «Форда» в 2007 году. Понятно, что проведенное исследование является качественным, то есть оно не претендует на охват всех работников, но события говорят сами за себя: в обеих забастовках приняли участие большинство работников, а в самом профсоюзе состоит

подавляющее большинство работников (около 1100 человек в двухтысячном коллективе).

Обывательская схема

Мы исходим из того, что в целом по стране количество забастовок (вне зависимости от методики их подсчета) крайне мало⁹. Если индикатором считать не забастовку, а, например, другие действия – такие как обращения в суд, реальное участие в профсоюзе (а не инертное членство) или в обсуждении проекта коллективного договора, то картина будет та же. Судя по данным массовых опросов¹⁰ и по другим качественным исследованиям¹¹, для защиты своих интересов или нарушенных прав рабочие коллективным действиям предпочитают индивидуальные и неформальные методы «выкручивания», в том числе путем налаживания хороших отношений с кем-нибудь из начальства. Да и вообще многие просто пассивно подчиняются сложившейся системе социально-трудовых отношений (по принципу «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак»), предпочитают неопатерналистские или корпоративные схемы солидарности (которые предполагают более тесное взаимодействие с начальством, чем с товарищами по работе) либо же злятся на слова, но ничего не делают.

Эти черты характеризуют доминантный (обычный) стиль мышления и поведения, который мы называем обывательским фреймом рабочих. Повторяем, что мы исходим из того, что люди в обычных ситуациях и в повседневной жизни действуют по обывательскому фрейму, силе притяжения которого подвергаются все. И вот здесь-то и заключается загадка: как могут некоторые люди действовать вразрез с доминантным фреймом? Ведь «Форд» – не остров, работники живут в обществе, имеют опыт работы на других заводах, общаются с родственниками, друзьями, другими людьми. Более того, на «Форде» в момент основания завода, в 2002 году, возник профсоюз традиционного типа, который продолжал вялое существование практически вплоть до августа 2005 года, когда был переизбран состав профкома. То есть преобразование профсоюза в активный и солидарный орган самоорганизации стало не продуктом контекста или особенностей иностранного предприятия, а результатом целенаправленных действий людей, которые изменили свой взгляд на себя и на то, что такое профсоюз. Как это стало возможным, как стали возможными нес-

олько забастовок («итальянские» забастовки ноября 2005 года и марта 2006 года, забастовки февраля 2007 года и ноября 2007 года) с участием большинства работников – вот что нам предстоит выяснить.

Забастовки 2007 года: развитие событий

В феврале 2007 года состоялась первая полноценная забастовка. Рабочие сначала пытались решить конфликт другими средствами, в частности путем переговоров. Однако долгие месяцы администрация завода игнорировала требования профсоюза относительно коллективного договора, где речь в основном шла об улучшении условий труда. Она согласилась на переговоры только после того, как работники, проведя забастовку, доказали на деле, что они способны защищать свои права. Было достаточно забастовки в течение суток, 14 февраля, чтобы администрация согласилась пойти на уступки.

Однако требование о повышении зарплаты (примерно на 30%) не было удовлетворено. Этот пункт был внесен в протокол разногласий. Переговоры и примирительные процедуры шли все последующие месяцы, но ни к чему не привели, что заставило профком предложить трудовому коллективу возобновить забастовку. Решение было принято на собрании подавляющим большинством наемных работников. В результате примерно 1,5 тысячи работников (всего на заводе работают 2 тысячи человек) 7 ноября остановили производство почти на сутки. Забастовку пришлось прекратить по решению суда. Иностранному работодателю пошел по излюбленному пути своих российских коллег – обратился в суд по поводу незаконности забастовки.

20 ноября снова началась забастовка – при полном соблюдении всех формальных процедур (по крайней мере организаторы старались), – и на этот раз она длилась почти месяц. Это стало возможным благодаря ежедневным собраниям участников забастовки и членов профсоюза. Каждый день люди коллективно планировали митинги и пикеты, обсуждали тактику проведения переговоров. В общем, демократичностью и постоянным общением активисты профкома обеспечили единый фронт сопротивления, который работодателю никак не удавалось сломить – ни наймом штрейкбрехеров, ни угрозами и обещаниями, ни дезинформацией.

Однако и руководство пошло на принцип и отказалось начать переговоры, пока не будет прекращена забастовка. В конце концов забастовщики победила нищета: нельзя было дальше компенсировать потери зарплаты через забастовочный фонд, несмотря на финансовую поддержку, проявленную многими трудовыми коллективами из России и не только. Поэтому коллективным решением 17 декабря 2007 года забастовка была приостановлена.

В результате переговоров, которые проходили уже в феврале 2008 года, работодатель предложил увеличить зарплату на 16–21%, то есть меньше, чем требовали забастовщики. Рабочие обсудили и большинством голосов проголосовали за принятие этих предложений.

Примечательно, что работодатель не посмел до конца расправиться с лидерами профсоюза, которых он грозился уволить, и, несмотря на приостановку забастовки, пошел на уступки – опять-таки под угрозой ее возобновления.

Стоит особенно отметить демократическую процедуру, которую профсоюзные лидеры использовали для решения конфликта. Они организовали не просто голосование, а тайное голосование. Такая практика очень редко применяется среди профсоюзов, да и вообще общественных организаций. Профком «Форда» здесь показал свою дееспособность, демократичность, переговороспособность, сплоченность. Но об этом ниже.

Предпосылки забастовки

Забастовки на «Форде» не были кратковременным всплеском эмоций и недовольства, как это часто бывает на других предприятиях, но явились результатом длительной подготовки.

Во-первых, необходимо рассматривать забастовки 2007 года в контексте растущей активизации и сплоченности рабочего коллектива, о которой можно говорить начиная с 2005 года и появления нового профсоюза. Напомним, что за плечами у многих рабочих уже есть опыт участия в коллективных действиях, в первую очередь это «итальянские» забастовки 2005–2006 годов, которые многие упомянули в интервью как важный этап роста профсоюза и их собственного морального роста. По оценкам опрошенных рабочих, эти акции кое-что дали, но далеко не все. То есть

люди приобрели опыт коллективных действий, но при этом не были удовлетворены уступками со стороны администрации. Поэтому очень важно отметить, что работники сами пришли к выводу о необходимости забастовки. Идея отнюдь не навязывалась профкомом. Наоборот, в профкоме активисты спокойно ждали, пока люди сами созреют до забастовки. Как говорят члены профкома: *«Забастовку назначает не Этманов [председатель профкома] и не профсоюзный комитет».*

Если учесть, что участие в какой-либо коллективной акции сопровождается изменениями в самом человеке и группе людей, принявших в ней участие, можно заключить, что прошедшие акции, несомненно, подготовили почву для проведения массовой бессрочной забастовки.

Вторым важным фактором явилась подготовка, осуществленная профкомом и активными членами профсоюза. Работа велась активно и продолжительно во многих направлениях. В первую очередь это была работа в коллективе, в частности через листовочную кампанию, сбор информации и предложений от самих рабочих, формулирование проблем и аргументов, согласование требований, их экономическое обоснование...

Рассказывает член профкома: *«Мы начали говорить людям в листовках, что мы достойны лучшего, что это все возможно, что у администрации есть на это деньги и средства. Естественно, при живом общении выяснялось мнение коллектива, выслушивались идеи, потом это обсуждалось на профкоме и после шло обратно через листовки в народ... Самое главное – это то, что мы смогли показать – профсоюз не врет, наоборот, администрация зачастую людей обманывает. Еще за полгода до февральской забастовки у нас началась активная информационная война с работодателем за умы рабочих, и потом, конечно, мы постоянно продолжали заниматься агитацией и разъяснительной работой».*

Здесь важно отметить сильную обратную связь и непрерывную работу с рабочими непосредственно в коллективах. Перед последней забастовкой, по словам членов профкома, были проведены пять конференций только для того, чтобы утвердить требования коллектива, прежде чем их отправить работодателю. Затем прошли еще шесть конференций по объявлению забастовки. Причем делегатами конференции были как члены профсоюза, так и нечлены. То есть в течение многих месяцев шел следующий процесс: сбор предложений от рабочих профсоюзными активиста-

ми, их разработка профкомом, возврат разработанных требований к рабочим, последующее обсуждение, внесение корректив в требования с учетом мнений людей. Это позволило рабочим сформулировать свои требования, которые, таким образом, стали общими и «нашими». Поэтому после отказа руководства их удовлетворить люди сами уже требовали принятия решительных мер в виде забастовки. А попытки администрации отговорить рабочих от забастовки или отвлечь их от «безответственного» профсоюза, которые часто удачно используются в других случаях, не увенчались успехом.

Вот как Алексей Этманов описал сцену встречи директора с коллективом накануне забастовки 14 февраля 2007 года: *«Ну а выходит генеральный директор [к собравшимся людям], говорит, значит, вы – это одно, а профсоюз – другой. То есть задача такая, разделить профсоюз и работников. И вот директор говорит, что вот с профсоюзом на переговорах мы не договорились, но мы планируем вам сделать такое повышение заработной платы в марте, что в общем-то вам пока ничего и не надо будет больше. А типа профсоюзу мы сделаем предложение. А люди ему уже кричат: «Дружище, иди домой, что ты нас делишь, делай нам предложение, вот нас здесь специально собрали». Ну и... двести человек развернулись вместе и ушли. Генеральный директор стоит, и двести человек поворачиваются к нему спиной и уходят. То есть люди уже накушались обещаний, народ с каждым днем все больше и больше возмущался... как бы и профзаболевания, и то, что у нас не платят за вредность. На самом деле результаты обследований показывают, что «Форд» действительно у людей... высасывает, высасывает здоровье. Вот и, скажем так, поэтому люди сами говорят: давайте бастовать. Нам нужен коллективный договор, нам нужна доплата за вредность, потому что работаем на износ, должно быть нормирование труда, у нас должна быть аттестация рабочих мест, чтобы мы знали, где вредное производство, а где нет. Этого нет, поэтому мы и устроим забастовку».*

В результате в сменных собраниях, организованных на улице возле завода в пятнадцатиградусный мороз (администрация отказала в предоставлении помещения), участвовали 1300 человек, что составляет почти 70% всех работников. При пяти воздержавшихся все проголосовало за начало забастовки 14 февраля. Примерно по этой же схеме начались последующие забастовки.

Кроме того, огромная организационная работа велась в самом профкоме, поскольку надо было решить сразу множество задач, что укрепило команду и заставило всех членов профкома активно взяться за работу. Таким образом, у всех членов профкома вырос уровень компетентности и причастности, а также ответственности за общую деятельность. Один или даже два-три человека не смогли бы справиться с таким объемом работы, пришлось другим помочь, что они и сделали. Наконец, в последние дни перед забастовкой и во время нее профком вообще превратился в своего рода стратегическую штаб-квартиру, где шли бурные дискуссии «о каждом шаге». Членам профкома пришлось взять на себя коллегиальную ответственность за серьезные вопросы: начинаем или не начинаем забастовку, когда начинаем и как. Это однозначно превратило членов профкома (11 человек) в завязанных активистов, которые уже в 2007 году, как показывают интервью, не мыслили себя вне профсоюзной деятельности.

Здесь стоит отметить один важный момент в плане организационной работы, а именно гибкий и творческий подход профсоюзных активистов. Так, оглядываясь на опыт предыдущей предупредительной забастовки 7 ноября 2007 года, признанной в тот же день судом незаконной, они подстраховались и попытались перевыполнить все требования закона. Рассказывает член профкома: *«При подготовке к забастовке 20 ноября мы постарались сделать все в рамках закона – за 10 дней предупредили о ее начале, согласовали минимум работ. При этом, заранее проведя шесть конференций, мы тем самым подстраховались, на случай если администрация снова будет через суд пытаться признать забастовку незаконной. То есть, если бы нам принесли решение суда о незаконности одной забастовки, мы тут же начали бы другую»*. Вот такое ноу-хау придумали активисты, этим показывая, что умеют учиться на собственных ошибках и демонстрируя повышение грамотности.

Подготовительная работа велась также в направлении контрагентов – в основном работодателя. Долгие месяцы, предшествующие забастовке, шли переговоры по заключению коллективного договора, однако руководство отказалось принять пункты, предложенные профсоюзом после консультации с работниками, – они все были внесены в протокол разногласий. Забастовка оказалась единственным инструментом давления. В ходе предзабастовочных переговоров профсоюзные активисты, участво-

вавшие в них, приобретали опыт, вникали в аргументы работодателей, совершенствовали свои аргументы, получали навыки дискуссии на равных. Все это пригодилось им потом во время забастовки.

Наконец, в ходе подготовки были задействованы и внешние акторы, особенно в период от февральской забастовки до ноябрьской. Во многом по инициативе фордовцев летом 2007 года был создан Межрегиональный профсоюз работников автопрома (МПРА), который объединил самые активные свободные профсоюзы автомобильной промышленности страны. Были установлены контакты с профсоюзами других отраслей, а также с другими общественными структурами, то есть пошел процесс становления сети активных (активисты их называют «реальными») профсоюзов и симпатизирующих им активистских групп. Это, безусловно, играло положительную роль при организации кампании солидарности.

Как прошла забастовка: взгляд изнутри

С социологической точки зрения, забастовка – это не просто инструмент и элемент стратегии, но и значимый момент в создании или укреплении коллективной идентичности, или субъектности. Она наглядно показывает, какие конфликтные линии сложились внутри коллектива, а также между ним и контрагентами. Как люди, принимающие участие в забастовке, меняются сами и меняют свой взгляд на ситуацию. Поэтому необходимо тщательное описание забастовки с точки зрения тех, кто в ней участвовал. Итак, какие основные моменты вспоминают забастовщики спустя два месяца после забастовки (напомним, полевое исследование проводилось в феврале 2008 года)?

Здесь очень отличаются впечатления и воспоминания членов профкома и рядовых участников. Для членов профкома забастовка была скорее «тяжелая», а для остальных – «прошла нормально» или «отлично». Это легко объясняется тем, что члены профкома работали очень напряженно в течение всего месяца забастовки и ощущали большую моральную ответственность за ход и результат акции. Рядовые же участники просто делали, что им предлагали делать члены профкома (*«во время забастовки профком заменил для меня администрацию завода»*). Они, конечно, несли потери в зарплате, но последние были не настолько ощутимы, чтобы затмить другие – «нормальные» или «отличные» – аспекты событий. Кро-

ме того, рабочие, не входящие в профком, в меньшей степени участвовали во всех мероприятиях, связанных с забастовкой.

Начинаем разбирать впечатления членов профкома. Их рассказы о забастовке напоминают сводки с фронта, они явно пережили забастовку как боевые действия, в которых, подобно стратегам и генералам, они должны победить, одновременно воюя на нескольких фронтах.

Хроника «боевых действий»: забастовка с точки зрения членов профкома. Главный фронт – поддерживать мобилизацию рабочих, так, чтобы она продолжалась во времени, несмотря на потерю в зарплате и на ослабление изначального энтузиазма. При этом необходимо уберечь рабочих от возможных преследований и еще больших потерь. По-видимому, активисты профкома блестяще справились с задачей, проявив чудеса изобретательности и творчества. Они постоянно придумывали новые ходы и новые события, при этом адаптируя свои действия к флуктуациям настроения в коллективе и к ответным шагам администрации и властей.

Опишем сначала ход забастовки и изменения в тактике. В первый день, 20 ноября, началась обычная забастовка – с остановки второй смены («наиболее организованная смена»), которая заканчивает работу в два часа ночи. При этом заводская администрация реагировала на забастовку закрытием завода – уже с утра 20 ноября никого из работников – участников забастовки не пустили на завод. Забастовщики собрались у проходной. С 20 по 23 ноября забастовка проходила примерно по одному сценарию. Завод полностью стоял, утром бастующие сначала не пускали работников администрации, потом ворота разблокировали и начинали собрание. После 23 числа начался новый этап, так как стало понятно, что конфликт затягивается и администрация не идет на переговоры.

Забастовка перешла в другой формат. Члены профкома придумали новый ход, и опять-таки надо отметить, что идею обсуждали все на общем собрании забастовщиков.

Рассказывает Алексей Этманов: *«Чтобы люди совсем не сидели без зарплаты, мы решили пустить на работу около 500 человек, чтобы они получили хотя бы две трети заработной платы за вынужденный простой».*

Уточняет замысел член профкома: *«Соответственно, мы снова попросили всех, за исключением ключевых бригад, написать заявление на 2/3.*

При этом просчитали так, чтобы в каждом цехе в каждой смене ключевые звенья были в состоянии забастовки и конвейер нельзя было запустить. Интересно, что нужно было объяснять многим, что писать заявление на 2/3 нужно для дела, что всем профсоюз платит из забастовочного фонда просто не может. Многие не хотели писать заявление о выходе из забастовки, говорили, что не могут стоять в стороне в то время, когда их братья бастуют! Пришлось чуть ли не уговаривать людей».

Все последующие недели пошли по этой схеме, при этом постоянно менялся состав забастовщиков и «вынужденных простойщиков» – профком следил за тем, чтобы руководство завода не смогло укомплектовать бригады и запустить производство. А это было непросто, поскольку сотрудники администрации обзванивали людей, которые написали заявление на 2/3, меняли тактику (пытались запустить разные смены и комбинировать смены), поэтому пришлось быстро адаптироваться: то писать заявление на 2/3, то отзываться его, то брать больничный. А всю эту «игру в прятки» координировал профком. Так продолжалось до 28 ноября, когда администрации почти удалось укомплектовать одну смену и запустить конвейер. По оценкам профкома, она смогла набрать около 350 человек из двух тысяч рабочих предприятия. При этом на многих участках рабочим (в частности, штрейкбрехерам) приходилось работать на двух рабочих местах и зачастую выполнять работу, не вполне соответствующую их квалификации.

После этого относительного поражения профком опять принял новые меры: надо было срочно мобилизовать всех бастующих, чтобы поднять их боевой дух и показать всем и себе, что забастовка продолжается. Поэтому обзвонили всех и попросили в массовом порядке прийти к утру 28 ноября на сход у проходной. И люди отозвались. Собралось порядка 1000 человек. В этот день случился инцидент, который многих шокировал: один из участников митинга был сбит машиной, в которой находились сотрудники Всеволожского ГУВД. Профсоюзные активисты заявили, что не исключают намеренного столкновения, этим они тоже поддерживали возмущение бастующих.

При этом постоянно велась информационная борьба (возобновилось ли производство или нет, насколько качественны выпускаемые машины) и борьба «за умы и души» людей (например, внушить штрейкбрехерам, что их осуждает масса бастующих).

Поскольку главным аргументом администрации завода были деньги, профком решил начать кампанию по сбору средств, чтобы он смог оплачивать бастующим хотя бы половину зарплаты из профсоюзного фонда.

Когда администрация убедилась, что «пряник» работает плохо, в ход пошел «кнул». По словам Этманова, 29 ноября с 6.30 «около сотни омоновцев, оперов и куча важных милицейских боссов перекрыли все подступы к заводу «Форд» для охраны штрейкбрехеров от криков бастующих рабочих». Однако и тут профком оперативно и грамотно среагировал, что позволило по максимуму уберечь людей от репрессий.

Рассказывает член профкома: *«Штрайт [генеральный директор завода «Форд» в России] выступил перед штрейкбрехерами и сказал, что он непременно решит проблему забастовщиков, мешающих нормальной работе, и сделает все, чтобы люди могли трудиться, не испытывая дискомфорта. Буквально на следующий день к нам начала поступать информация, что к заводу стягиваются значительные силы милиции и ОМОНа и что дана команда задерживать всех профсоюзных активистов. Сообщили, что будут выставлены посты ДПС, для того чтобы отсекал нас еще при подъезде. По нашей информации, милиции была дана команда обязательно арестовать Этманова. Как нам стало известно, планировались провокации со стороны сотрудников милиции в штатском – они должны были завязать драку, чтобы был повод всех повязать. Все эти сведения действительно подтвердились через связи в милиции. Вечером 28 ноября прошло заседание профкома по этому поводу и было принято решение не рисковать людьми и на несколько дней какие-либо посещения завода прекратить».*

Милицейский прессинг усилился к концу забастовки, в четвертую неделю. Лидеров профсоюза постоянно вызывали в милицию, прокуратуру и суды. Комментирует член профкома: *«Это сильно отвлекало. Понятно, что людей, которые могли бы принимать решения и руководить, у нас гораздо больше, но это напрягало, когда людей, которые ведут основную работу по забастовке, дергают по судам и кабинетам милицейских начальников».* То есть если цель правоохранительных органов была – запугивание, они ее не достигли, однако затруднили работу профкома.

В последнюю неделю, 10 декабря, администрация завода нанесла сильный удар, используя пиар-ход: она заявила журналистам, что запустила дополнительную, вторую, смену. Эта информация распространи-

лась, и опровержения профкома не имели большого эффекта. Профсоюзные активисты твердили, что работать в двух сменах не получилось: за время работы третьей смены произведено 38 автомобилей при плане 98, а за время работы второй смены – 60.

Комментирует член профкома: *«В общем, нужно признать, что с точки зрения пиара, психологического давления на людей и управляемости производством это был достаточно сильный ход. Они всюду трубили, что работают две смены, но при этом умалчивали, что эти две смены делали столько же или даже фактически меньше, чем одна комбинированная».*

Сразу после этого профком в срочном порядке обзвонил бастующих, чтобы они пришли к проходной на следующий день. Собралось около 500 человек. Люди обсуждали ход переговоров, тактические вопросы и решили организовать крупный митинг 13 декабря, а также при помощи Комитета солидарных действий – символическую акцию у дилера «Форда» в Санкт-Петербурге. Вторая акция имела большой резонанс, но митинг у завода собрал мало народу. Поэтому профсоюзные активисты начали думать о выходе из забастовки.

На общем собрании 14 декабря профком организовал всеобщее тайное голосование: и участников, и неучастников забастовки. Большинство приняло решение о приостановке забастовки, чтобы, как рассказывает член профкома, *«администрация могла сделать те предложения, о которых рассуждает в прессе».* В голосовании приняли участие около 750 человек. В тот же день профсоюз подписал соглашение с администрацией завода о регламенте ведения дальнейших переговоров.

В завершение этой богатой хроники отметим, что в ходе всей забастовки параллельно шли переговоры. Забастовка четко использовалась как инструмент давления и свидетельство решительности и сплоченности работников. Однако и здесь администрация завода не сдалась и отчасти преодолела трудности, заняв хитрую позицию: никаких уступок до окончания забастовки (когда коллектив уже демобилизован и меньше будет контролировать ход этих самих переговоров). К тому же администрация согласилась на переговоры только на одиннадцатый день забастовки, 30 ноября, после того как испробовала все другие методы давления.

Итоги: хроника действий четко показывает, насколько оперативно и чутко (благодаря постоянным собраниям и голосованиям) профком реа-

гировал на перемены настроения бастующих, как сменялись фазы относительного покоя и быстрой мобилизации. Она также демонстрирует силу профкома, который смог одновременно вести работу в самых разных направлениях. В описанных событиях открыто проявился процесс борьбы между бастующими и руководством завода при активном участии правоохранительных органов, средств массовой информации, а также дружественных структур – других профсоюзов и рабочих организаций. В ходе этой борьбы стороны наносили и парировали удары, изобретали оригинальные приемы и контрприемы. *«Мы учимся, и они учатся, – говорит член профкома. – Они видят, какие шаги мы предпринимаем, мы видим, какие новые приемы они придумывают. Надо просчитывать каждый шаг».* И профком нельзя признать побежденным в этой борьбе, несмотря на отсутствие пиар-технологов на его стороне. Его сила была в том, что профсоюзные активисты постоянно опирались на коллектив, не навязывали своих представлений, но вели информационные и мобилизационные кампании среди людей.

Несколько красочных эпизодов. Спустимся еще на уровень ниже, чтобы подробно рассмотреть несколько красочных эпизодов, о которых вспомнили в интервью сразу несколько человек. Такая углубленность позволит нам лучше почувствовать субъективную составляющую борьбы, ее эмоциональное содержание. Именно через общие пережитые события и формируется коллективная субъектность, если угодно, дух общности.

Самым впечатляющим, особенно на взгляд рядовых участников, стал первый день забастовки. Понятно, что это самый эмоционально заряженный момент. Можно даже сказать, что судьба дальнейших коллективных действий во многом решается в первый момент. До этого людей терзают сомнения и опасения: много ли будет народу, как отреагируют, будут ли журналисты и так далее. А первый день на «Форде» как раз прошел на очень высокой эмоциональной ноте. Здесь тоже не обошлось без изобретательности профкома, но и не состоящие в профкоме рабочие добавляли от себя новые инициативы. Итак, начинаем сбор впечатлений об этом первом дне.

1 Женщина-маляр: *«С удовольствием я вспоминаю то количество народа, которое участвовало тогда. Я лично не ожидала, что будет так много народу. <...> Энтузиазм большой чувствовался, когда все сюда собирались. Мас-*

совость же. Ты видишь, что не один, что рядом с тобой много народу, людей, с которыми ты работаешь. То есть чувствовались очень и поддержка, и энтузиазм, и желание победить».

2 Член профкома: *«...[больше всего понравилась] сплоченность людей. И хороший настрой. Первый день, когда мы здесь играли в футбол, сосиски жарили, то есть такое редкое в наше время единение людей».*

3 Мужчина, рядовой участник: *«В первый день был просто праздник, играли в футбол, жарили шашлыки, многие пели, здорово все прошло!»*

4 Член профкома: *«Особенно вначале была толпа народу. Площадка была забита. Люди дежурили у проходной, даже ночами сидели в машинах, согревались. Все это было... Радует это, очень радует!»*

Кстати, стоит упомянуть, что забастовщики произвели впечатление и на внешних наблюдателей, которые ожидали совсем другого. Послушаем рассказ одного члена профкома, который остался ночевать на заводе в первые дни, *«чтобы контролировать, не производится ли работа»:* *«Вот было интересно смотреть, как в офисах, бухгалтерии обсуждают наши действия. Они рассказывали, как наши ребята играют в футбол, поставили мангал, жарят шашлыки. Они себе представляли совсем по-другому. Крушение, дубинки! (Смеется.). Нет, все спокойно. Все организовано, никаких действий... Непонятно. Они были, конечно, в шоке!»*

Обратный эффект произвело на участников то, что люди стали выходить из забастовки. Это самый негативный момент, упомянутый респондентами. Можно предполагать, что он ослабил решимость остальных и привел к выводу о том, что забастовка должна быть приостановлена. Вот что говорили об этом респонденты.

1 Женщина, рядовой участник: *«Мне очень не понравилось, и я как бы разочарована (долго ищет слова) в тех людях, которые приступили к работе. Мы в принципе из-за них проиграли, ну, не добились того, чего хотели. <...> Они сначала присоединились, а потом приступили к работе. Их было не так много, но... не знаю даже, как сказать. Просто люди вышли работать и работали за нескольких человек, и получали только свою зарплату, то есть они даже себя, свой труд не оценили. Поэтому, честно говоря, в этом плане было противно, противно то, что мы все-таки выдержали и простояли целый месяц и потеряли, да, в деньгах, потеряли во многом, но из-за этой кучки людей...»*

2 Член профкома: *«Люди в большинстве своем не были готовы так долго стоять, поэтому потом уже начали отсеиваться, они не думали, что так долго будет. Конечно, был основной костяк, который бы и дальше стоял. Поэтому тяжело было. И в денежном плане тоже. Ведь перед Новым годом все прошло».*

3 Мужчина, рядовой участник: *«Не хватало единства, я считаю. Потому что первая смена заработала, третья частично работала, так что смогли работодатели обеспечить выпуск, пусть в половинном размере, но мы им позволили».*

Другие эпизоды иногда упоминаются в беседах как особенно возмутительные (в частности, инцидент с митингующим, сбитым машиной ГУВД). Меньше упоминаются, поскольку о них уже забыли, мелкие эпизоды, которые эмоционально и морально играли роль ежедневной поддержки духа. Например, когда вслух на сходах зачитывались письма солидарности, которые приходили со всей страны и из-за рубежа. А также обмен мнениями и разговоры между собой у проходной. Особенно важны здесь разговоры и сплетни о том, как худо-бедно руководство пытается запустить завод и как это у него не получается. На этой почве возникает два взаимосвязанных момента: утверждение своего профессионализма и издевательство над начальством.

Вот как рабочие обсуждали между собой работу «якобы в двух сменах» (дискуссия шла в том числе на интернет-форуме профкома): *«По первой смене – большинство офисных служащих стоят на линии и крутят гайки кто как умеет, гепсы делает Лоскутов один за четверых, сварщики выполняют работу слесарей, не имея навыков и допусков. Многие, устав работать на три рабочих места, готовы уйти на больничный, потому что эксплуатация тех, кто работает, выросла многократно и потому что администрация преследует политические цели, усиливая нагрузку на людей...»; «В цехе сварки в третьей смене вместо одиннадцати человек в бригаде работали четыре человека, при этом супервайзер заставлял работать быстрее, а когда ему говорили, что нет людей, он орал матом и говорил, что, если не нравится, пожалуйста, бастуй».*

В целом у рядовых участников осталось впечатление, что забастовка шла гладко, тем более что за исключением членов профкома и убежденных профсоюзных активистов мало кто приезжал на митинг каждый день.

У членов профкома более детальные воспоминания о своих тактических шагах, и одна сцена несколько раз ими упоминалась, наверное, как воодушевляющий поступок.

Дело было 12 декабря, когда уже ощущались усталость и деморализация, поэтому и поступок вернул веру в себя. Около ста работников со знаками и кепками участников забастовки пришли на проходную за какими-то документами, их в очередной раз отказались пропустить, после чего около 35 человек все-таки прошли на территорию, намереваясь посетить начальника кузовного цеха.

Рассказывает член профкома: *«Лица у них всех, конечно, были, когда нас на заводе увидели, это что-то! Как обычно, мы заслали разведчиков сначала посмотреть, что на КПП происходит. Подождали, пока основные силы милиции уехали, стали подходить к КПП. Неожиданно для нас у части людей опять сработали пропуска, и человек 15 прошли прямо через турникеты, остальные, воспользовавшись неразберихой и паникой, которая у милиционеров и охранников началась, прошли через двери КПП. Всего нас человек сто у проходной тогда было, но внутрь зашли примерно человек 30–40. Атрибутика профсоюзная у всех была, то есть видно, что это забастовщики идут. Мы пошли по цехам, разговаривали с людьми, смотрели, как там обстановка. У администрации, естественно, сначала просто шоковое состояние было, паника в офисе началась, бегали куда-то, звонили... А когда мы по кузовному цеху мимо офиса проходили, навстречу нам Штрайт со Стедом (директор по персоналу) выворачивают... Надо было видеть их обалдевшие лица! Они не могли несколько минут понять, что это такое происходит, как так получилось. Был у них тогда растерянный вид, очень растерянный вид был!»*

Этот эпизод показывает, откуда, по крайней мере частично, самые активные берут моральные силы: переиграть начальство, внести панику в ряды руководящего состава, демонстративно показать, что «мы» не боимся, что «мы» не меньше хозяева, чем «вы».

Итоги: для тех, кто ее прожил от начала до конца и участвовал хотя бы в нескольких эмоционально заряженных событиях, вся эта борьба плечом к плечу привела к возникновению новой коллективной идентичности. Утвердилась группа людей, которые «продержались месяц» и прославились (об этом аспекте подробнее позже) на всю страну своим

участием в «самой длительной забастовке за последние десять лет». Есть чем гордиться, и есть стимул дальше оставаться на уровне нового образа себя самих и тех, кто стоял рядом.

Оценки забастовки

Спустя два месяца, когда проводилось полевое исследование, у респондентов было достаточно времени, чтобы остыть и дать оценку забастовке и ее достижениям.

У всех на первом месте с наилучшей оценкой стоит сплоченность. К ранее приведенным цитатам добавим следующие.

1 Член профкома: *«Я хочу сказать, что очень много примеров вступающих в забастовку не членов профсоюза. Я, например, от некоторых вообще не ожидала. Я не перестаю удивляться людям. Очень все удивительно. Непонятно, что у людей в голове поворачивается. Но интересно, конечно. Есть поле для работы, скажем так».*

2 Член профкома: *«Те, которые готовы были отстаивать свои права, они все вышли. И я рад за этих людей и за то, что я был с ними вместе».*

3 Рядовой участник: *«Главное – поддержка. Такое чувство, когда ты видишь, что выходит целиком бригада, отдел. Очень впечатляюще смотрится».*

4 Рядовой участник: *«...[участвовали в забастовке], по-моему, около 80%. То есть достаточно сплоченный коллектив был. Да он и сейчас сплоченный, почему был? Ну, между рабочими, я не говорю о тех, кто наверху (иронически смеется)... В моей бригаде практически все участвовали в забастовке, не считая тех, кто новенький».*

Здесь неважно, действительно ли 80% работников участвовали, действительно ли коллектив был таким сплоченным, важно впечатление, которое сохранилось у рабочих, что они все как один, за редким исключением, вышли и показали начальству, чего они стоят. И это достижение, несомненно, стоит хотя бы отчасти (сам процесс активной борьбы тоже сплачивает) приписать профкому, который сумел все время, пока шла забастовка, поддерживать дух общности.

Что касается результатов забастовки, то среди случайных опрошенных не нашлось ни одного человека, который выразил удовлетворение достигнутым результатом. По их словам, все голосовали за продолжение

забастовки и против принятия предложений администрации. Послушаем аргументы: *«Это не результат, это какие-то подачки»*; *«Мы бастовали за какие-то конкретные вещи, нам дали какую-то подачку, извините, за что я тогда бастовал месяц?»*. Рассуждение примерно у всех одинаково: мы потратили столько сил и денег, а требования были только частично удовлетворены. Здесь прослеживается рациональный прагматизм у большинства забастовщиков: они бастовали не просто за абстрактные идеалы, а за конкретное повышение зарплаты. Соответственно, они соизмеряют потраченные средства и достигнутую цель и приходят к выводу о том, что игра не стоила свеч. Никто из них не говорил, что жалеет об этом, – опыт сам по себе ценен, но они разочарованы, можно даже сказать, ущемлены в чувстве своего достоинства.

Однако, и этот момент – показатель силы коллектива, они все выразили полное понимание необходимости подчиниться мнению большинства: *«Я была против [принятия предложений администрации], но я подчиняюсь решению приостановить [забастовку], поскольку так решило большинство рабочих»*; *«Я голосовал против, но люди посчитали по-другому. Это их право, это их мнение, правда?»* Только один участник забастовки (по данным интервью) реагировал по-другому: он собирается покинуть завод, *«раз здесь не хотят нормально платить»*. Но у этого работника есть другие, более индивидуальные мотивы уволиться, личные сче-ты с начальством.

Отсюда следующий вывод: коллектив вышел укрепленный и сплоченный из забастовки, несмотря на внутренние разногласия. Во многом помогла разрешить внутренние конфликты в пользу общей позиции стратегия профсоюза, который постоянно организовывал дискуссии и – по всем важным проблемам – тайные голосования. Такое голосование смягчает давление со стороны наиболее активной части коллектива и позволяет быть более свободным в своем волеизъявлении. В контексте забастовочной ситуации на «Форде» тайное голосование отнюдь не имело таких последствий, которые оно имеет в целом в обществе. Люди голосовали не изолированно друг от друга, а в конкретном контексте, где играет роль общий настрой, а также эффект подражания. Таким образом, многие соизмеряли свои личные интересы с интересами коллектива в целом и было стремление к общим интересам. Ведь несколько раз подряд в течение месяца люди голосовали за про-

должение забастовки. И только спустя месяц, когда многие опустили руки, было решено приостановить забастовку, несмотря на то что большинство было обеспечено неучастниками забастовки, которые тоже голосовали. Отметим, что среди участников забастовки большинство голосовало за продолжение забастовки, однако профком, а за ним и активные члены профсоюза подчинились общему настрою, именно во имя спасения коллектива.

Отношение к штрейкбрехерам

Открытость и демократичность, отмеченные уже по поводу метода голосования, выражаются еще и в отношении к так называемым штрейкбрехерам, то есть к тем, кто не участвовал в забастовке.

Члены профкома четко делят неучастников на тех, кто не мог бастовать по объективным причинам, и тех, кто не хотел из-за индивидуального или корыстного интереса.

Долго рассуждает по этому поводу один из них: *«Штрейкбрехеры – это не монолит, не однородная масса. Есть молодые рабочие, которые на испытательном сроке находились и не могли к нам присоединиться, иначе их просто не взяли бы на работу. Многие из них говорили, что не участвуют в забастовке только из-за испытательного срока. Вторая категория – контрактники. Это люди, работающие по системе аутсорсинга, они, грубо говоря, юридически вообще бесправны, что им скажут, то они и делают, потому что, если они откажутся, начальник позвонит в фирму, работниками которой они юридически числятся, и скажет, что этот человек нам больше не нужен. Для этого ему вообще никаких поводов не надо, не нужен – и все! <...> Другая часть штрейкбрехеров – те, кому нужны деньги неимоверно, поэтому они отказались в забастовке участвовать. Есть люди, которым просто плевать на всех, их позиция – никуда не дергаться, и главное их желание – выехать на чужом горбу. Такие тоже на «Форде» есть. Кому-то нужен грейд (разряд) второй или третий получать, они предпочли получать свой разряд, а не стоять рядом со своими товарищами. Кто-то хотел какую-то должность получить и боялся в забастовке участвовать. Кого-то запугали. То есть те, кто работал во время забастовки, – это разные люди. У кого-то просто выхода другого не было, а кто-то свои шкурные интересы преследовал».*

Во время забастовки борьба велась за каждую душу: начальство обзванивало, угрожало и обещало, для того чтобы люди вернулись на работу; профком обзванивал, поощрял, давил на совесть и призывал к солидарности. Постоянные утренние пикеты имели также цель сопровождать людей, шедших на работу: *«Фактически на протяжении всей забастовки с того момента, когда запустили смену штрейкбрехеров, мы организовывали коридоры позора, освистывали тех из рабочих, кто на работу шел, когда они на автобусах проезжали и выгружались у проходной. Многих из них мы выдергивали и обратно вводили в забастовку. Были такие случаи, причем достаточно много таких людей было».*

Слова респондентов подтверждаются данными исследования, где единственные работники, заявившие о том, что не участвовали в забастовке, были либо работники подрядной организации, либо вновь прибывшие на завод. Если вторые говорили о том, что, да, что-то слышали о профсоюзе и забастовке, но не успели еще вникнуть, то первые однозначно заявляли, что им совершенно нельзя бастовать: *«Нам нельзя поддержать [забастовку]. У нас другое предприятие, нет у нас профсоюза. У нас совсем другое: не нравится – уходите!»; «Если у нас забастовка бы была, это бы очень просто разрешилось... [имеется в виду – увольнениями]. Как бы все на честном слове. Да, да, обещания, обещания, обещания. Вот не платят, например, водителям зарплату, вот не платят и не платят. Просто увольняйся – и все»; «Мы подрядные, какая для нас забастовка?»*

Понятно, что к «объективно небастующим» отношение намного более терпеливое (многие их даже жалеют, потому что у них «рабское положение», «намного хуже, чем у нас / у меня»), но интервью показывают, что толерантное отношение не ограничилось ими.

Фрагменты из одного интервью.

Интервьюер: «А отношение к тем, кто не бастовал?»

Член профкома: *«Каждый со своей причиной. Это на их совести. Я знаю некоторых, которые боятся, кто-то хочет стать бригадиром, кто-то кредит набрал и не знает, как с ним разобраться».*

Интервьюер: «А вы с ними сейчас работаете? И как?»

Член профкома: *«Ну как, сейчас они как бы подняли голову, а поначалу ходили и в глаза смотреть боялись. Сейчас уже смотрят, видят, что*

никто особенно их не презирует, не прессует, поэтому отношения нормальными становятся».

Фрагменты из другого интервью.

Интервьюер: «Как вы это объясняете, что некоторые все же работали?»

Рядовой участник: «Я объясняю это тем, что у профсоюза недостаточно средств финансовых для борьбы с капиталом. Забастовщики получали по 500 рублей за один день забастовки, при том что за обычный день работы мы получаем 1000–1200 рублей. Ведь многие снимают квартиру, они люди подневольные. Просто дело в деньгах, мне кажется».

Интервьюер: «То есть вы думаете, что те, кто не бастовал, не были принципиально против забастовки?»

Рядовой участник: «Да, они просто не смогли экономически себе этого позволить, а если бы профсоюз был побогаче немного, если бы смог выплачивать вдвое больше, то и все бы присоединились, и результат бы был другой. <...> Конечно, были у меня финансовые потери, но мне проще, потому что я не снимаю квартиру, у меня свое жилье. Поэтому в этом смысле я в лучшем положении, чем большинство рабочих».

Приведем еще несколько показательных цитат из интервью: «Кто хотел участвовать, тот участвовал, кто не хотел, тот не участвовал. Это дело каждого, по-моему»; «Невозможно же [чтобы все участвовали], у всех свое мнение!»; «Среди моих товарищей почти все участвовали. Но были, конечно, исключения, и в нашем отделе тоже. Они посчитали, что им это не надо, наверное, испугались чего-то. Ну, люди по-разному смотрят на эти вещи».

У большинства интервьюированных рабочих, особенно из профсоюза, доминирует толерантное отношение к тем, кто не участвовал в забастовке: люди имеют право на свое мнение, у всех свои трудности. Эта позиция особенно заметна у профкома и его лидеров – они придерживаются ориентации на объединение всех и смягчение внутренних конфликтов. 1 марта 2008 года как раз для примирения всех после забастовки был организован «рабочий праздник» в одном из кафе в Санкт-Петербурге. «Денег в профсоюзной кассе почти не осталось, но необходимо отпраздновать победу и собрать всех в расслабляющей атмосфере», – заметил по этому поводу Алексей Этманов.

Однако есть одна категория работников, по отношению к которой забастовщики настроены более критично, – это те, кто состоит в профсоюзе, говорит и критикует многое, но не участвовал в забастовке (или вернулся на работу раньше других).

Напомним слова рядовой участницы: «...я разочарована (долго ищет слова) в тех людях, которые приступили к работе. <...> Они сначала присоединились, а потом приступили к работе».

Также активисты сильно разочаровывались из-за того, что подвели те, кого они считали друзьями. Вот так, например, высказывается член профкома: «Были люди, которые дважды подводили. Одна член профсоюза не бастовала в прошлом году 14 февраля. Определила для себя проблему, что надо было ей поднять грейд. Должно быть, она боялась, но твердо сказала, что в следующий раз пойдет с нами. Вот она вступила в забастовку в этот раз. Отстояла с нами определенное количество дней, а за две недели до окончания забастовки вышла на работу. А потом вышла из профсоюза... Моя подруга, между прочим. Мы не разговариваем сейчас».

Отметим сразу такой момент, относящийся к логике формирования коллективной субъектности: неформальные и/или дружеские отношения далеко не всегда первичны. Люди начинают действовать коллективно отнюдь не всегда потому, что они до этого дружили. А иногда первый опыт коллективных действий означает пересмотр оценки друзей и изменение круга общения.

Обобщающие рассуждения: фрейм забастовки. Как ни поразительно, на «Форде» забастовка была воспринята большинством работников как обычное действие, не вызывающее ассоциаций с каким-либо экстремизмом или героизмом. Причем забастовочные мероприятия оказались даже более повседневными для рядовых участников, чем для членов профкома, которые пережили забастовку намного тяжелее.

Рядовой участник: «Ну, вы знаете, удар по капиталу мы нанесли, но особенных успехов не добились. <...> А забастовка – это нормальное отношение между капиталом и рабочей силой. Это не что-то из ряда выходящее». Для полного понимания позиции уточним, что этот человек считает себя «аполитичным».

Рядовой участник: «Кушать-то хочется, я участвовал в забастовке».

Ну, было холодно стоять на улице. А так все нормально. Хорошо, что она закончилась». Здесь тоже уточним, что человек, так обыденно высказавшийся о забастовке, участвовал в ней от начала до конца.

Рядовой участник: «Просто это обычная практика, когда работодатель не хочет что-то давать, а рабочие хотят больше, и тогда надо компромисс искать. Пусть не забастовочными такими методами, но это один из приемов переговоров, пусть жесткий. <...> И я считаю, что людям, которые бастуют, небезразлична судьба завода. Это люди, которые давно работают, которые хотят здесь работать и никуда особенно не собираются».

Эти слова повергли в шок социолога с 15-летним стажем полевых исследований. Забастовка – обычное дело, более того, достойное дело для тех, кто болеет за производство. Напрочь исчезли доминирующие в общественном мнении и у подавляющей части рабочих стереотипы об «экстремистских действиях», о «дестабилизации производства», о «безответственности» забастовщиков, о «бесполезности» забастовки – все то, что обычно приходится слышать в интервью. Другими словами, забастовка вошла в привычный фрейм работников.

Таким образом, забастовка стала восприниматься уже не как экстремальное событие, а как мера, которая может быть использована в любой момент, в случае если работодатель отказывается идти на компромисс. Такой статус она приобрела вследствие прошедших коллективных действий, о которых мы уже упомянули, вследствие целенаправленной работы профкома, которую можно назвать теоретическим понятием «фрейм-деятельность»; а также в связи с общим состоянием социально-трудовых отношений, о котором мы поговорим позже.

Отметим также, что для членов профкома забастовка является хоть обычным делом, но все же свершением. Многие акцентировали внимание на том, что это «самая длительная забастовка за последние 10 лет в стране», «самая на шумевшая забастовка». Многие гордились тем, что «создали прецедент», «подали пример», «стали символом» и прочее. То есть для организаторов забастовки, которые несли за нее ответственность и остро ощущали эту ответственность на себе, забастовка была более эмоционально и морально заряжена. Как элемент фрейма для активистов забастовка намного более значима, чем для рядовых участников. Они-то знают, чего стоит бастовать, насколько это рискованно и тяжело,

насколько много дает успешная и насколько губительной может стать неуспешная забастовка.

Складывается такая картина: профсоюзные активисты по максимуму взяли на себя все риски, связанные с забастовкой, стараясь придать ей в глазах рядовых участников привычный, безопасный и ультразаконный вид. Поэтому профком отказался от идей, которые прозвучали в коллективе, насчет более радикальных действий. Послушаем высказывание члена профкома по этому поводу: «Были такие мнения, что надо прорываться на завод и блокировать там все. И в принципе при желании мы могли бы это сделать. Но с точки зрения целей, которых мы добивались, в этом большого смысла не было. Завод работал и так на 30% мощности, останавливать, делать такие радикальные шаги, чтобы завод не выпустил 50–100 машин, учитывая, что и так 4000 машин завод из-за забастовки выпустить не смог, смысла большого лично я не вижу. Я считаю, что это был бы ущерб для нас, потому что время было бы потрачено в милиции, в прокуратуре, в судах. Карательные меры могли бы ужесточить, реакция государства непредсказуемая была бы. И с точки зрения всего профсоюзного движения страны, если бы начала муссироваться тема, что забастовщики – это чуть ли не террористы, это нам невыгодно было бы. Учитывая сегодняшние расклады в органах государственной власти, все было бы против нас. Вполне могли бы ужесточить карательные меры против профсоюзов и вообще рабочего движения. Но главное – большого практического смысла в таких радикальных шагах на тот момент не было...»

Стоит отметить важный элемент установок профсоюзных активистов, который мы будем развивать дальше, – ответственность, которую они ощущают не только за свой коллектив, но и за будущее рабочего движения в целом. Их фрейм-деятельность направлена на изменение не только фрейма рабочих своего завода, но и шире – круга тех, кто на них смотрит (публика).

Социальные отношения внутри коллектива: взрослые, достойные и образованные люди, объединенные общими интересами (элементы нового фрейма). Что собой представляет коллектив работников «Форда»? Можно ли говорить о существовании коллективной субъектности? Уже после предыдущего рассуждения о забастовке ответ напрашивается сам собой: по

крайней мере во время забастовки рабочие ощущали сильную коллективную поддержку со стороны большинства своих коллег, чувствовали, что они часть большого и сплоченного коллектива. Как уже было отмечено, те, кто не участвовал в забастовке, воспринимались как люди, у которых есть свои причины. И за некоторыми исключениями (личное разочарование в определенных людях, о которых думалось лучше) более или менее нормальное общение с неучастниками забастовки возобновилось после ее приостановки. Со своей стороны профком целенаправленно пытался смягчить внутренние конфликты между наиболее активной частью коллектива и наиболее пассивной, в том числе через организацию праздника.

Все это говорит о том, что коллектив видится рабочими как солидарная сила, на которую они могут опереться (*«не подведет»*) и которую стоит дальше укреплять. Забастовка, конечно, сплотила участвовавших в ней людей, но коллектив сформировался еще до нее. Он сложился вследствие целенаправленной работы профсоюзных активистов, которые однозначно видят в коллективе основной источник общей мощи и гарант успешной деятельности по защите трудовых прав. Также играли роль все предыдущие коллективные действия, прошедшие с тех пор, как профсоюз был создан.

В коллективе черпается чувство силы и достоинства. Очень показательным в этом отношении следующее высказывание водителя погрузчика: *«[Мне нравится] даже не то, что мы отстаиваем свои права перед работодателем, а просто когда ты ощущаешь, что с нами считаются. Когда это один человек, это один рабочий, а когда это довольно много людей, здесь послать куда подальше уже не получается. Вот это нравится. Нравится, что это действительно сплоченный... ну, может быть, еще не до конца сплоченный, потому что здесь еще работать и работать, но по крайней мере уже какой-то сплоченный большой коллектив»*.

Еще одним доказательством наличия коллективной субъектности является интенсивность общения, плотность и широта социальных связей между людьми, в том числе работающими в разных цехах и сменах. Многие говорили в интервью, что *«все работники более или менее знают друг друга»*. Новости, судя по всему, распространяются быстро и широко, в первую очередь через неформальное общение. Многие, например, говорили, что узнали о существовании профсоюза «как-то сразу» из общения с коллегами. Вот как высказывается один из них: *«Человек, который при-*

ходит, просто участвует в разговоре с другими, и, естественно, эта тема [о профсоюзе] проходит. Волей-неволей он оказывается в этом общении. Кому-то интересно, кому-то нет». Среди интервьюированных попался молодой парень, который, поработав всего лишь один день, успел уже «услышать о профсоюзе». То есть неформальное ежедневное общение является первым источником информации. Но, что примечательно, на этом заводе поразительно много обсуждаются именно профсоюзные дела. Другими каналами информации являются листовки, которые передаются из рук в руки, а также целенаправленная работа членов профкома, для которых *«общение с людьми, конечно, приоритет»*.

Обширное общение объясняется, естественно, маленьким масштабом завода, но это далеко не единственный фактор. К нему надо добавить уже указанные усилия профкома по созданию культуры общения. И наконец, значимую роль играет родившаяся коллективная идентичность. Как рабочие говорят о себе, когда говорят «мы» (что, как показали наши интервью, происходит часто)? «Мы, рабочие» однозначно противопоставляется «работникам офисов» и, конечно, «администрации». Иногда даже звучат уже забытые в устах рабочих (но не левых активистов) слова «рабочий класс».

Среди самих рабочих «достойные», «взрослые», «самостоятельные» противопоставляются «лояльным», «привыкшим к рабским отношениям», «обывателям». Четкого разделения по возрастным или половым признакам сделать нельзя, хотя среди «лояльных» рабочие отмечают больше пожилых и женщин, поскольку они больше боятся за свое рабочее место.

Кстати, отметим сразу, что среди тех, кто считается «достойными» людьми, есть и не члены профсоюза: *«Есть люди, по которым видно, что они не разделяют позиции профсоюза. С ними я могу поспорить, но по крайней мере к этим людям есть уважение, потому что у них есть жесткие позиции. А есть люди – вроде бы они с профсоюзом, но непонятно, какие у них позиции, то ли боятся, то ли еще что-то...»* То есть коллектив, который строится активными членами профсоюза, – это коллектив людей, которые имеют четкие позиции и способны их отстаивать. Поэтому если даже человек член профсоюза, но при этом не участвует в коллективной деятельности, а «просто числится», – такой человек недостойн уважения.

И с таким иждивенческим поведением профсоюзные активисты (отнюдь не только и не столько члены профкома) пытаются бороться:

– А так до сих пор такое есть, я не спорю: пишут заявление в профсоюз, платят взносы, и больше ничего – делайте за меня все! Я дал вам деньги, а дальше уже не моя забота.

Интервьюер: «А эти составляют все еще большинство, или вы переломили ситуацию?»

– Ну, на это я могу сказать, что люди, которые вышли на забастовку, это люди, которые в этом заинтересованы, которые не просто дают деньги, и «делайте все за нас». Потому что кроме них – кроме нас – никто ничего не сделает. Потому что Алексей один, с Володей или, допустим со мной, мы не можем повести за собой столько людей.

Поразительна частота, с которой работники произносили фразу: «мы же все взрослые». В отношении к людям у активных профсоюзников совершенно отсутствует патернализм, стремление убаюкивать людей, делать и решать за них или каким-то образом ими манипулировать. Цитируем: «Я считаю, что мы уже в том возрасте, когда человек должен сам понимать, что хорошо, что плохо», «Мы же все взрослые, каждый принимает решение сам за себя».

Каковы еще признаки «достойных людей»? Это люди, которые знают себе цену, на должном уровне оценивают свой труд: «Кого-то переубеждать [чтобы прекратили работу], вести какую-то агитацию, нет, я не стала. Я считаю, что люди, которые работали, выполнили за нас свою и нашу работу, и все равно завод толком не поехал... Но они работали за одну зарплату, а мы тут. Нельзя так. Унизили себя и других заодно. Поэтому кого-то убеждать... нет. Ну, когда мы приехали к первой смене, когда хотели запустить первую смену. Нас было больше, нас было много. Хотя бы этот вид должен был спровоцировать на то, чтобы подумать, а правильно ли то, что ты делаешь».

На противоположной стороне шкалы достоинства – обыватели и лояльные. Вот что опрошенные рабочие говорили о них:

«Скажем так, женщины более пассивны. Которые дальше своего кошелка, домашних каких-то забот ничего не видят и не слышат» (говорит женщина);

«Может быть, есть такое старое рабское отношение. Они привыкли, что как сказал начальник, так и будет. Они не могут идти против на-

чальства. Есть такая поговорка: «начальник всегда прав»;

«Будь лоялен к руководству, и продвинешься вперед. Будь с начальством помягче, выполни все его распоряжения, не спорь, и ты получишь должность, какую – неизвестно, но какую-то получишь»;

«Но я могу сказать, что тяжелее разговаривать с людьми, которые не в профсоюзе, но работают на заводе года уже три-четыре. Те, которые только приходят, с ними проще. А те, которые давно варятся в этой каше, они просто уже лояльны к начальству и думают, что начальство лояльно по отношению к ним. То есть они не хотят вступать в конфликтные отношения с начальством. Потому что, если откроется какое-то местечко, они знают, что пойдут туда».

Но даже относительно обывателей и лояльных взгляды активных профсоюзников неоднозначны: их осуждают, только если не находят объективных «смягчающих» обстоятельств. Например, один говорит про девушек: «Боятся девушки. Здесь работы очень мало, а зарплата все-таки приличная. Поэтому, если их уволят... А у многих один-два ребенка, и они без мужей». Другой про пожилых: «Старшее поколение не менее активно, они просто больше боятся, потому что сложно устроиться на работу, если тебе уже 45–50 лет. Ну, меня, если так получится, что уволят – ну, мало ли, – я себе работу найду. Я еще молод, найду. А когда до пенсии остается ничего...» Этим более уязвимым категориям работников (к ним надо добавить и работающих по подряду, рабское положение которых признают активисты) профсоюз пытается помочь, «поддержать».

То есть однозначно подвергаются осуждению только пассивные и лояльные работники, у которых есть выбор стратегии действий, которые «могли бы, но не хотят». Еще ниже по шкале престижа – те, которые могли бы, не хотят, но делают вид, что делают. Это люди, которые не участвуют в деятельности профсоюза, но при этом критикуют. Это еще те, кто всем завидует, не доверяет «из зависти».

Например, возмущают одного рабочего те, кто без оснований критикует Этманова: «А то, что говорят, вот он поднимается, по лестнице лезет, – это люди, которые либо ничего не хотят делать, либо завидуют. А кто тебе мешает? Иди, занимайся! Зачем, он лучше дальше будет сидеть тихо-мирно и ничего делать не будет!» Другой еще яснее выражается: «Я не люблю тех, кто явно завидует, а сам ничего не делает».

Еще одной примечательной чертой этого коллектива является рациональная основа его формирования. Эмоциональные, оценочные и моральные элементы укрепляют коллектив, но люди себя отождествляют с ним в первую очередь потому, что он соответствует их видению того, как более эффективно отстаивать свои индивидуальные интересы. То есть рабочие стремятся к удовлетворению собственных интересов, в частности повышению зарплаты и улучшению условий труда, но считают, эта цель недостижима без объединения с другими рабочими. По крайней мере для них защита своих индивидуальных интересов полностью сочетается с защитой интересов всех наемных работников завода.

О значимости рационального расчета многие рассказали достаточно ясно, например, в качестве главного стимула к участию в забастовке: «Меня интересовало в первую очередь повышение зарплаты»; «Мы ведь бастовали обоснованно, а не просто так». Причем люди знали, чем обосновать свои требования, например, о повышении зарплаты: «Для нас ориентиром служат общеевропейские оценки труда, и мы стремимся показать, что мы работаем не хуже и что мы должны получать за свой труд не настолько меньше, чем на Западе».

Этому способствовала информационная кампания, организованная профкомом задолго до начала забастовки. По словам профсоюзных активистов, такая работа оказалась необходимой, чтобы сломать психологический барьер, – вначале рабочие просто не могли себе представить, что они могут претендовать на другую, более высокую зарплату.

Рассказывает об этом один из членов профкома: «Мы начали говорить людям в листовках, что мы достойны лучшего, что это все возможно, что у администрации есть на это деньги и средства. Естественно, при живом общении выяснялось мнение коллектива, выслушивались идеи, потом это обсуждалось на профкоме и после шло обратно через листовки в народ. Кроме того, официально запрашивали экономическую и бухгалтерскую документацию у компании. И из баланса за предыдущий год мы четко увидели, что у компании немаленькая прибыль. Вот, например, интересный факт мы выяснили из общения с нашими зарубежными коллегами: оказывается, в Европе и США доля затрат на рабочую силу в стоимости конечной продукции составляет примерно 35–40%, у нас же в России – всего около 5%».

Примечательно еще в этом отношении, что профсоюзники делают

акцент на необходимости роста уровня знаний и образованности рабочих: «Как любой, кто этим [профсоюзным делом] стал заниматься, я могу спокойно разговаривать на равных с начальником. Не кричать, а нормально разговаривать, то есть более образованным становишься», «Кто понимает ситуацию, тот, конечно, не будет говорить такие глупости [речь идет о непонимании сути профсоюза, которая состоит не в том, чтобы раздавать льготы и путевки]». Причем они себя считают профессионально более компетентными, чем начальство, и более озабоченными судьбой завода: «Я считаю, что людям, которые бастуют, небезразлична судьба завода».

В итоге можно сказать, что интенсивность общения, целенаправленная деятельность профсоюза по созданию коллектива, а также такие значимые события, как забастовки, укрепили коллектив до такой степени, что существование коллективной субъектности не оставляет сомнения. Этот коллектив не включает в себя всех работников, он четко разграничен изнутри, где критериями являются солидарность, самостоятельность, достоинство, активность, рациональность и образованность. Также коллектив отделен внешней границей, которая проходит четко между рабочими и начальством.

Работодатель-капиталист. Работодатель однозначно воспринимается активными рабочими как основной оппонент, чьи интересы противоположны интересам рабочих, поэтому между ними идет постоянная борьба.

Вот как выражаются сами респонденты (не члены профкома):

«Хотя администрация говорит, что мы все одна команда, на самом деле следует понимать, что это все до определенной степени. Карманы у всех свои. И здесь, конечно, идет борьба»;

«Мы же знаем свое дело и достойны высшей зарплаты, а администрация заинтересована только в прибыли».

В словах интервьюированных рабочих не осталось ни капли патерналистских ожиданий в отношении работодателя. Более того, они осуждают тех, кто устраивает клиентелистские (лояльные, для получения обратной услуги) отношения с начальством. Однако, если отношения оппозиционны, они не враждебны. Работодатель – не враг на уничтожение, а обычный оппонент, с кем надо бороться в случае конфликта интересов, но с кем надо и можно найти компромисс. Речь идет именно о со-

циально-трудовом конфликте, а не о войне. Это социальный конфликт особенного типа, который несет в себе новые ценности и новое – для России – видение взаимоотношений между работодателем и наемными работниками.

Интервьюированные рабочие видят себя на равных с работодателем и претендуют на должное уважение и признание своего человеческого достоинства и профессиональных качеств. Обычно – мы это наблюдали на многих исследуемых нами заводах – пересмотр отношений с работодателем (от рабских или лояльных к равным и конфликтным) происходит, когда рабочие сталкиваются с унижающим поведением работодателя. Это вызывает гнев и возмущение, которые усиливаются, если сопровождаются коллективным обсуждением и получают должное формулирование со стороны профсоюза или коллективного органа.

Это было и на «Форде», особенно в начале активизации профсоюза. Многие рабочие говорили в интервью о «презрении» и «хамстве» менеджеров. Это стало одним из стимулов профсоюзной борьбы – чтобы «заткнуть им рот». Приводим несколько показательных цитат.

«Ну, у нас с открытия завода начальниками цехов, мастерами брали инженеров, так сказать, «нерабочих людей». Поэтому относились они к нам недоброжелательно, с презрением. Когда профсоюз еще только зарождался, они нам говорили: «Чего, мол, вы, быдло, сумеете добиться?»; «Вы – идиоты, ничего у вас не получится», – ну, в таком духе, в общем, с нами разговаривали. Но у нас получилось создать профсоюз, и мы их заткнули за пояс. Хамства было предостаточно. Вот был такой случай: на пересменке молодой парень что-то спросил у начальника цеха, а тот на него наорал. Мат-перемат там, а парень стоит, словно в рот воды набрал, ничего ответить не может. Так его к тому же еще чуть и не уволили: заставили подписать заявление об уходе, но дату не поставили. Сказали, еще раз высунешься – уволим. Тогда у нас еще никто и не задумывался о том, что начальник тебя не только обругать не может, но и голос повысить на тебя не имеет права!»

«У меня и моих коллег тяжелая работа физически, недостаточный процент подъема зарплаты плюс, можно сказать так, засилье наших руководителей и менеджеров цехов, полная бесправность, наглость. Многие были недовольны этой ситуацией. Хотелось бы знать свои права элементарно. И не только обязанности [поэтому и вступили в профсоюз]».

Однако на «Форде» процесс пошел дальше. Во-первых, своей постоянной деятельностью и коллективными действиями профсоюзные активисты сумели переломить ситуацию: «За несколько лет профсоюзной борьбы мы заставили начальство себя уважать, будь то начальник смены или же директор»; «После забастовки стало понятно, что они нас принимают всерьез»; «Они привыкли как? Рабочий ничего не знает, ему сказали, как это должно быть. А здесь другая ситуация получается».

Во-вторых, процесс утверждения коллектива достойных, активных, образованных и сплоченных рабочих настолько укрепил уверенность в себе, настолько помог личностному развитию и росту сознательности, что сейчас уже конфликт интересов фактически приобретает идеологический оттенок. С одной стороны – капитал, который заинтересован только в прибыли, а с другой – рабочая сила, которая эксплуатируется или по крайней мере недооценивается. В таких чисто идеологических категориях («рабочий класс», «эксплуатация») ясно выражаются только члены профкома, да и то не все. Но многие рабочие противопоставляют капиталу квалифицированную рабочую силу. Идеологическая составляющая их мировоззрения приходит из опыта конкретной рабочей ситуации, общения и профсоюзной борьбы и гораздо меньше из книг или абстрактных теорий, пусть марксистских. Некоторые сами удивляются, что, «оказывается, марксизм – это все еще то, что мы живем». Это отметил уже В. Ильин¹² в ходе своего полевого исследования на «Форде» в 2005 году. Вот что он пишет о тогдашних идеологических мировоззрениях А. Этманова: «Вероятно, впервые [в Бразилии] А. Этманов столкнулся с вопросами идеологии, которые переплетаются с повседневными проблемами труда на предприятии. <...> В Бразилии А. Этманов с удивлением обнаружил, что люди, никогда не жившие в СССР или в подобных странах, говорят о марксизме как ключе к пониманию реальностей современного капитализма. И он, кажется, удивляясь самому себе, увидел в этом большой смысл: «Говорят о марксизме, о борьбе рабочего класса против капитала. Но ведь это так и есть на самом деле! Они из нас все жилы вытягивают. Их цель – как можно меньше заплатить, а наша – противоположная: как можно больше получить. Действительно борьба».

Сейчас у Этманова солидный идеологический багаж, о борьбе рабочего класса и капитала он говорит уже без удивления, как о вещи само собой разумеющейся.

У многих других идеологическая составляющая менее ясно выражена, но гордость за свой труд и неготовность мириться с его недооценкой очень распространена. Об этом ясно говорил один рабочий, участник забастовки, который собирается увольняться с завода, поскольку считает, что забастовка не достигла нужного результата: *«У меня производственная травма, но справка врача. И вот я уже второй день работаю в обычном режиме. То есть меня ни от чего не освободили. Хочешь, иди на больничный, – мне объясняют. Такое отношение к специалистам – я считаю, это свинство. Это ниже моего достоинства. Вот я могу любую машину разобрать и собрать, независимо от модели и названия. <...> Я перспектив для себя на заводе не вижу. И перспектив для развития завода, честно, не вижу. Тем более что деградация нации происходит в Америке. Я могу это заявить с уверенностью, потому что тупее нации, чем американцы, я еще не видел – и я объездил всю Европу. Тупее американцев я еще не видел. Поэтому будущего у завода я не вижу. Начальство стало уже нам заявлять, что вот возьмем таджиков, они за ваши 25 тысяч столько будут работать! Вот что думают, как оценивают наш труд и как работает завод!»*

Основной инструмент и элемент активизации: профсоюз нового типа (новый профсоюзно-активистский фрейм). Несомненно, профсоюз «Форда» служит образцом коллективного органа защиты трудовых прав. Он стал не только инструментом для эффективной борьбы за свои права, но еще и институтом самоорганизации и самоидентификации рабочих.

За два года новый свободный профсоюзный комитет сумел перевернуть привычные представления о профсоюзе и создать ситуацию, при которой каждый член профсоюза может чувствовать себя причастным к делу профсоюза. Профсоюзные активисты этого добились через непрерывные воспитательные беседы, постоянное информирование рядовых членов о состоянии трудовых отношений и о своих действиях.

Понятно, что маленький размер предприятия способствовал тому, что профсоюз смог охватить большинство работников. Однако нельзя свести объяснение уникальности фордовского профсоюза исключительно к этому. Напомним, что сначала – в 2002 году – на «Форде» был создан профсоюз старого типа, который воспринимался рабочими совсем иначе.

«[Когда создавался профсоюз] образ профсоюза у меня был еще по ста-

рым временам. Я, честно говоря, не доверяла. Потому что, когда училась в институте, я помню, на первом курсе, нам сказали: вступите все в профсоюз, вот вам карты, и мы будем с вас брать процент. И все, больше нет никаких дел, больше ничего не слышно о профсоюзе. Никаких даже поездок. То есть что он, зачем он, я не понимала».

«Когда я пришел на завод в 2003 году, был какой-то профсоюз, непонятный такой. Периодически мы видели бумаги на стенде, что вот вступайте в наш профсоюз. Но мы не ощущали особенно присутствие профсоюза, никто к нам не приходил, никто с нами не общался. Еще на старой работе я связался с этими профсоюзами ФНПРОВскими. Я работал в Уфе на заводе. Там что мне больше всего не понравилось, это то, что председатель профкома ФНПРОВского вместе с генеральным директором летом ездили на дачу пить водку. То есть какой профсоюз, когда друзья – профсоюзники и директор? Ну и здесь я тоже думал, что все то же самое».

«Надо сказать, что здесь профсоюз довольно передовой, я должен признаться. Потому что на других предприятиях, где я работал, фактически и профсоюза не было. Или был придаток администрации, грубо говоря. А здесь более или менее похоже на правду».

«Опыт общения с профсоюзом есть. Профсоюз был на другом заводе, где раньше работал. Но там профсоюз был плохой. Там скучно было. Он был куплен и сидел себе тихонько».

«Профсоюзы, как правило, никогда не работали. До сих пор. Просто у меня жена работает на железной дороге, и там профсоюз существует как определенная категория людей, которые собирают взносы и все. То есть они не отслеживают, какие интересы у рабочих. Иногда работодателю выгодно оставлять на старых позициях все это дело».

«Когда я пришел на завод в марте 2004 года, уже был профсоюз, но никаких действий он не предпринимал. Ну, я для себя их не ощущал».

«У меня нет опыта общения с профсоюзом до этого, но я все-таки воспитывался в Советском Союзе. Через разговоры с родителями и так далее. Но я понял, что такого не будет сейчас. То есть не то время, чтобы профсоюз давал путевки, подарки...»

Судя по этим высказываниям, отражающим сильное негативное отношение к профсоюзу (в соответствии с общероссийскими стандартами), можно оценить, насколько трудно шел процесс разрушения сложившихся стереотипов. Как это произошло и какие факторы здесь играли

главную роль, по крайней мере на взгляд самих рабочих?

Начнем с того, что образ профсоюза сначала резко изменился у будущего лидера нового профсоюза Алексея Этманова после поездки в Бразилию, где он общался с зарубежными коллегами по профсоюзному движению: *«Я попал в Бразилию и увидел, что такое настоящий профсоюз. Посмотрел, что там настоящая борьба, борьба ежедневная. Понял, что надо делать. Если у них такое возможно, почему бы не у нас? Я получил вот такую цель. Ну, вот как вернулся, получилось, что у нас был потом отпуск и со мной отдыхали еще восемь человек с завода. Я им все уши прожужжал с этим профсоюзом».*

Самые активные члены профсоюза и первые члены профкома до сих пор помнят эту поездку Этманова в Бразилию. Это и есть переломный момент – профсоюз до поездки и профсоюз после поездки: *«Ну и потом, когда наш товарищ Алексей съездил в Бразилию, там ему действительно показали, что такое профсоюз и для чего он нужен, и сразу стала чувствоваться работа»; «Вот потом, после одной командировки в Бразилию Этманова, профсоюз стал работать».*

В числе первых причин вступления в новый профсоюз интервьюированные рабочие назвали общение (приходили люди из профкома, стали объяснять), затем реальные дела (что-то делается), индивидуальное стремление к получению образования для защиты своих прав и только потом – роль лидера.

О роли общения мы уже упоминали. В первую очередь культуру общения развивали профсоюзные активисты. Об этом рассказал Этманов: *«Начали работать... начали привлекать людей... Просто шли тупо в каждую бригаду, спали по четыре часа... Значит, в каждую бригаду шли и говорили: «Давайте попробуем». Они говорят: «Да мы накушались, взносы платим – ничего не получаем», но мы дальше общались, разговаривали с каждым».*

Рабочие рассказали, что они получили информацию о новом профсоюзе и о профсоюзных делах из общения между собой. То есть сначала образовался небольшой круг близких знакомых, дальше процесс пошел через сеть личных знакомых этого первого круга. Об этом этапе говорит один активный рабочий: *«Стали подходить Саша, Вова – мы давным-давно знакомы были, – говорили, что мы можем этого добиться. Вот и, соответственно, я вступил в профсоюз».* Однако процесс не ограничился

сетью друзей и знакомых: дальше уже общение вышло за пределы круга неформальных и личных связей.

О том, что решение о вступлении в профсоюз не зависит исключительно от личного знакомства с кем-то из активистов, говорили многие: *«Дело в том, что я читал программу профсоюза, то есть основные задачи, пообщался с людьми и понял, что это единственное правильное решение, по крайней мере для рабочих».* В некоторых случаях интерес к профсоюзу предшествовал близкому общению: *«Ну, я знал просто, что есть Алексей [Этманов], что он там работает, и все. Уже близко общаться, как друзья, как товарищи, мы стали позже, когда вступил в профсоюз»; «Я вступила сразу на первой конференции, потому что чувствовала, что возникает необходимость нормального профсоюза. Алексей тогда пришел к нам в бригаду, общался с нами, раздавал листовки. <...> Но сначала была листовка. А люди, которые уже были морально готовы к такому профсоюзу, естественно, читали листовку и делали свои выводы, понимали, что к чему. И вот к его приходу в нашу бригаду в принципе его пояснения мне были уже не нужны. Я была морально готова вступить».*

Реальные дела и особенно ощущение, что что-то делается, служат вторым фактором вступления в профсоюз. Стоит отметить, что по сравнению со старым профсоюзом, который представляется как не имеющий никакого отношения к рабочим, само общение профсоюзных активистов с рабочими уже воспринимается как дела, по крайней мере на начальном этапе, пока еще нет конкретных результатов профсоюзной деятельности.

Интервьюер: *«Как удалось вас убедить, что возможен другой профсоюз?»*

– *Не знаю, нашли подход (смеется), правильные слова говорили. Ну, я видел, что ребята начали что-то делать. Не просто клеят какую-то листовку, а ходят, разговаривают. Я видел, что есть четкая программа, убедился, что чего-то можем добиваться. А потом, можно сказать, практически сразу первые победы. Соответственно, закрепились мы.*

– *Когда все это организовывалось, проходила большая работа. И листовки проходили, и Алексей и Володя приходили в бригады, беседовали. Ну, чувствовалась какая-то работа.*

В качестве мотивации для вступления в профсоюз некоторые рабочие еще называют стремление к повышению знаний: *«Хотелось элементарно знать свои права»* (но получение образования скорее способствует

дальнейшей активизации, а не начинанию). Например, признает недавний член профкома: *«Как любой, кто этим стал заниматься, я могу спокойно разговаривать на равных с начальником. Не кричать, а нормально разговаривать, то есть более образованным становишься. Разбираешься в Трудовом кодексе... Ты получаешь знание, и надо его использовать. И я начал это использовать. <...> Кому это интересно, он будет читать, и в следующий раз он будет уже знать».*

Наконец, интервьюированные рабочие говорили и о личной роли будущего лидера Алексея Этманова, однако этот фактор упомянут среди других и реже, чем другие. Например: *«[Я вступил в профсоюз] потому, что лидер – Этманов, это такой энергичный лидер по своей сути, чисто по-человечески. С ним приятно общаться, он переживает за те процессы, которые идут у рабочих. То есть он в курсе всего, что происходит здесь. И даже симпатии к профсоюзу, что они пытаются что-то делать, какое-то движение, какие-то дела конкретные. Можно говорить очень много, а дела – они просто раскрывают определенную суть».*

Любопытно отметить, что сейчас уже – спустя два года после образования нового профсоюза – рабочие, которые в нем состоят, говорят о своем членстве как о чем-то само собой разумеющемся. На вопрос интервьюера, состоите ли вы в профсоюзе, как правило, следуют ответы: *«Да, конечно!», «Разумеется!»*. Поразительный ответ получил интервьюер у одного рабочего на вопрос о том, чем он сам помогает профсоюзу: *«Ну, особенно ничем я не помогаю, ну, кроме взносов. Ну, и я помогаю тем, что участвую в мероприятиях, участвовал в забастовке [от начала до конца]. Ну, иногда раздаю листовки».* До сих пор помнится смущенный и извиняющийся вид рабочего, который был вынужден признать, что он «так мало» делает для профсоюза. То есть мы здесь имеем дело с явным проявлением институционализации профсоюзной деятельности, которая вошла уже в привычную практику и мироощущение. Установки на участие (а иногда активное участие) в профсоюзной деятельности не рефлексировались и становятся для многих фордовских рабочих обычным стилем мышления и поведения (напомним, это именно то, что Ирвинг Гофман называет «фрейм»). Отсюда вывод: для значительной части рабочих утвердился профсоюзно-активистский фрейм.

Однако из того, что профсоюзное дело стало обычным занятием, не следует, что это всегда было так. Иногда, если заставить рабочих вспо-

мнить, они сами признают, что прошло время перед тем, как они стали по-другому рассматривать профсоюз и свое место в профсоюзе: *«Леша [Этманов], конечно, пытался объяснить, что это совсем другое [имеется в виду другой профсоюз], что надо постоять за себя. Уже потом, со временем, пришло понимание. Надо было время, конечно, не очень много, но должен быть период, чтобы понять, зачем это все, как это делается».*

«Знаете, это [имеется в виду начинание профсоюза] как тогда, когда разбудили в спячке. Сначала не понимаешь, что происходит, а потом понимаешь, что что-то происходит. Вот то же самое было и здесь. То есть многие понимали, что что-то происходит, но не понимали, что именно, куда они тянут, туда-сюда».

Толчок к изменению привычного отношения к профсоюзу, несомненно, дали первые профсоюзные активисты, которые буквально уговаривали всех и каждого, да и начали своим примером и первыми делами показывать и доказывать, что другой профсоюз возможен.

Однако сейчас на «Форде» появилась другая проблема, противоположного свойства. Из-за того что профсоюзно-активистский фрейм стал уже доминантным, находятся люди, которые вступают в боевой профсоюз по традиционным мотивам. Поэтому в забастовке участвовали не все члены профсоюза и, наоборот, некоторые не члены профсоюза. Как рассказали активные рабочие, некоторые «просто числятся» в профсоюзе из-за конформистских мотивов или потому, что, по крайней мере на «Форде», «так положено», но особенно не принимают участия в его деятельности, да и не понимают сути нового профсоюза. Особенно ярко об этом говорила одна женщина (член профсоюза): *«У меня в бригаде пять человек вышли из профсоюза. Женщины. У них отцы, матери и деды, которые в свое время от профсоюза видели немножко другие вещи. Они не понимают, что сегодня ситуация другая с профсоюзами, что те льготы, которые тогда распространялись, эти путевки, детские сады, – сейчас всего этого можно добиться только от работодателя. Что профсоюз не может материально на себе тащить такие вещи. То есть шли такие разговоры в бригаде, что если бы мне хотя бы дали бесплатные путевки или еще что-то...»* Таких людей немного, но они есть. Профсоюзные активисты признают, что *«пока не удалось полностью переломить ситуацию, еще работать и работать».*

Это говорит о том, что процесс рефрейминга (трансформации фрейма) требует от профсоюзных активистов непрерывной работы по трансформации привычной схемы действий и мышления, то есть фрейм-деятельности. На эту деятельность обращает внимание в первую очередь один теоретический подход к изучению коллективных действий – теория мобилизации ресурсов. Для приверженцев этой теории фрейм-деятельность ведется людьми, уже ставшими завзятыми активистами, и в первую очередь лидерами. Они занимаются конструированием, распространением и институционализацией (стабилизацией) определенных активистских фреймов¹³.

В чем же состоит новый профсоюзно-активистский фрейм? Самая главная, наверное, составляющая – активность. Опрошенные рабочие акцентировали внимание на том, что «профсоюз активно действует», что «коллектив активно защищает свои права». О себе нередко говорят: «я стал активно этим заниматься», «я стал активистом», «есть более активные профсоюзные лидеры, чем я, но я тоже...». То есть профсоюз однозначно ассоциируется у многих с активной деятельностью по защите коллективных прав рабочих.

Второй важный аспект – самоидентификация с профсоюзом. Как утверждают рабочие, профсоюз – это «все мы и каждый в отдельности». Приводим некоторые яркие высказывания: «Профсоюз уже укрепился, с нами считаются»; «[Развитие профсоюза] будет зависеть от нас. Опять-таки это не зависит от 15 человек в профкоме, а от каждого из нас. Просто до тех пор, пока каждый человек для себя не решит, что надо что-то делать самому, трудно сказать, будет ли профсоюз развиваться. Вообще хочу, чтобы он развивался – и шире, и глубже. Но все зависит от каждого человека в отдельности».

Самоидентификация и активизация представляются как взаимно развивающие процессы – они питаются друг другом. Профсоюз для меня это «мы», в том числе и «я», именно потому, что профсоюз – активный. А я активен именно потому, что многие активны, а результат деятельности профсоюза в целом тоже зависит от моего личного вклада. «Я повторяю, что коллективное действие, любое коллективное действие – это не работа одного человека. Было бы неправильно так рассуждать. Это работа очень многих людей, и мало того, каждого в отдельности», – говорит член профкома. Такая высокая степень сознания значимости личного

участия каждого присутствует, наверное, не у всех. Однако нам не встретился в ходе исследования ни один рабочий (за исключением подрядчиков), который бы сказал о профсоюзе «они». Наверное, такое отчужденное отношение к профсоюзу все же имеет место, поскольку профсоюз не охватывает 100% работников, но в целом очень мало рабочих, кто отделяет себя от профсоюза. И именно к этому стремятся профсоюзные активисты, которые считают эту задачу самой главной в своей работе. «Мы до сих пор разъясняем и разъясняем, что Этманов и профком это ничто, если не будет вас», – говорит Этманов.

Есть еще одна составляющая профсоюзно-активистского фрейма – стремление к самосовершенствованию и удовольствие оттого, что я получаю знание и могу постоять за себя. Например, член профкома вспоминает, как он начинал заниматься активной профсоюзной деятельностью: «Два года назад я начал заниматься этим более активно, а почему... Я не знаю, потому что стало понятно, что, кроме меня, там... Я стал ездить на все наши мероприятия, на заседания профкома, на семинары, участвовать в активных действиях. Может быть, я хотел получить какие-то знания... <...> Потому что начальство боится чего? Когда люди образованными становятся, когда они умеют ответить».

Чем больше знаний, тем больше уверенности в себе и удовольствия от профсоюзной деятельности – такова одна из логик укрепления нового фрейма.

На «Форде» есть еще один аспект, который побуждает рабочих к активизации и активному участию в профсоюзной деятельности, – гордость за то, что фордовский профсоюз стал символом возрождения профсоюзного и забастовочного движения в России. Некоторые хвастались («самая длинная забастовка», «такого сколько лет не было в стране»), некоторые более скромно упоминали о «большом резонансе» забастовки, но стало совершенно очевидно, что все гордятся и ощущают на себе внимание общественности. Энтузиазм по этому поводу особенно сильно ощущается в следующих высказываниях:

«Очень горжусь, да, тем, что о нас заговорили. Не просто что о нас заговорили, но что люди начали понимать, что можно отстаивать свои права. И не просто можно, но и нужно. И мы действительно как пример. Люди вышли, и, не знаю, уже пятнадцать лет, может быть, и больше, никто так долго не выходил. Я думаю, что наше руководство до сих пор в

шоке от этого. Не понимает, как мы так долго продержались»;

«Действительно, тот размах, который получила забастовка, нет, даже не забастовка, а тот огромный общественный резонанс – это действительно меня удивило. Звонили люди, с которыми я не общался много лет. Они где-то находили телефон, звонили. Это помогло, да, конечно».

Так что здесь тоже кроется важный стимул к активизации – в гордости от причастности к общественно признанному важному явлению, в чувстве общественной поддержки, которое повышает мнение о себе и своей деятельности, укрепляет внутреннее чувство правоты.

Для самых активных профсоюзных деятелей это стало стимулом к выносу профсоюзной работы за пределы завода, что очень редко происходит в нынешней России, где профсоюзы настолько погружены в проблемы своих предприятий, что сил и желания заниматься еще другими делами не остается. А на «Форде» профсоюз мыслится многими как инструмент, который должен служить не только рабочим завода, но и шире. Например, профсоюз «Форда» регулярно участвует в митингах жителей Всеволожска по темам ЖКХ, иногда даже в митингах гражданских коалиций в Санкт-Петербурге. Кроме того, одно из направлений профсоюзной деятельности – это содействие установлению связей между профсоюзами как на уровне региона, так и между регионами. Летом 2007 года по инициативе фордовского профсоюза был учрежден Межрегиональный профсоюз работников автопромышленности (МПРА), объединяющий свободные профсоюзы «Форда», АвтоВАЗа, «Автофрамоса», «Дженерал Моторс» и других предприятий. Уже в ноябре 2007 года МПРА был принят в Международную федерацию металлистов (IMF). В помещении профкома в центре Санкт-Петербурга регулярно проходят семинары и конференции, открытые для участия всех других профсоюзных организаций. В этой внешней деятельности профсоюза, конечно, участвуют не все рабочие, но и нельзя сказать, что это исключительно члены профкома. На «внешние» митинги приезжают от 10 до 100 человек от «Форда», иногда рабочие, не входящие в профком, ездят на семинары и конференции в другие города.

Так что в итоге отметим, что профсоюз на «Форде» представляется как одновременно инструмент активизации и солидаризации коллектива, составляющий (и главный) элемент нового активистского фрейма. Можно предложить следующую упрощенную формулу этого фрейма:

я достойный рабочий = я член сплоченного коллектива = я член профсоюза = я активен. Причем непонятно уже сейчас, что первично в этой формуле, однако, судя по данным исследований на других заводах, главная составляющая здесь – профсоюз. Именно благодаря ему пошел процесс трансформации фреймов и именно благодаря ему происходит процесс институционализации (стабилизации и укрепления) активистского фрейма.

Процесс активизации на уровне человека. Мы рассмотрели процесс активизации на уровне всего коллектива и его организации (мезоуровень), остается проанализировать, что происходит на уровне человека, как процесс трансформации фрейма изменяет практику и мироощущение человека. Здесь стоит различать две стадии: начало активизации человека и его превращение в завязанного активиста.

Многие рабочие остались начинающими активистами и участвуют только эпизодически в деятельности профсоюза (*«Хотя я не такой яркий лидер, я, конечно, сюда приезжала, но так сутками морозиться я не смогла»*), тем не менее они говорят о себе как об активистах (*«Я активист вообще»*, *«Я вообще девушка активная»*).

Как и вследствие чего начиналась их активизация? Они сейчас уже с трудом вспоминают первые шаги и стимулы, но все помнят достаточно резкую перемену, как будто «пробудились от спячки».

Если многие говорят о роли общения с более активными людьми, в том числе (но не только) из числа знакомых, они сейчас уже не считают, что это стало главным стимулом для их активизации. В первую очередь они ссылаются на «внутреннюю», или «моральную», готовность, на субъективное осознание необходимости собственной активизации: *«стало понятно, что кроме меня...»*. Никто не описывал себя как бывшего обывателя. Почти все, с кем удалось побеседовать, наоборот, акцентировали внимание интервьюера на том, что они «всегда» были активными, «всегда» говорили, что думают, «давно» поняли, что старая модель профсоюза уже невозможна. Наверное, отчасти люди реконструировали постфактум свою собственную биографию, но отчасти это свидетельствует о появлении нового поколения работников, которые уже не полностью воспитывались в советской системе и в меньшей степени впитали представление о работодателе как благодетеле и о государстве как заботливом отце. То есть они менее патерналистски настроены и более склонны к самостоя-

тельному отстаиванию своих прав.

Самыми активными работниками действительно являются относительно молодые рабочие, высококвалифицированные, с хорошим уровнем образования, нередко имеющие опыт общения с зарубежными коллегами и обладающие широким кругозором. Они высоко оценивают свои способности и не согласны продавать свои умения и навыки за бесценок. Об этом говорят, например, следующие высказывания: «Я профессионал и не готов делать не свою работу»; «В случае чего я не дам себя обидеть. Я не мальчик, который пришел первый день на завод и с которым можно делать что хочешь»; «Я не дурак, получил образование, знаю свои права, меня нельзя так просто обмануть».

Так или иначе, но основным стимулом, как нам кажется, служило внутреннее ощущение человеком перемен, чувство того, что многое меняется вокруг, соответственно, пора и мне в этом участвовать. Эти процессы шли одновременно и питали друг друга – изменения в себе и изменения вокруг себя: человек изменился из-за чувства общих перемен в социальном климате, а социальный климат изменился из-за изменений в самом человеке.

Отличный пример саморефлексии дает активный рабочий (сегодня председатель цехкома): «Вот и это [создание профсоюза] обсуждалось в кругу, что надо что-то делать, то, что есть сейчас, никуда не годится, надо делать что-то другое. Ну и появился интерес, потому что стало интересно, это... Ну, действительно интересно стало. <...> Потому что, во-первых, это какая-то деятельность, это уже не голые слова, а это какие-то реальные действия, реальные перспективы. Хотя о перспективах мы тогда еще не думали, это была попытка что-то сотрясти, даже внутри самого себя, наверное. И когда слышишь, что люди говорят, что они хотят делать что-то другое, не то, что я представлял себе, естественно, это мне стало интересно, и мне захотелось в этом участвовать. Чтобы это узнать поближе».

Другими словами, создается впечатление, что установки на активность были присущи многим до вступления в активную деятельность, но профсоюз сформулировал эти установки, назвал вещи своими именами и разбудил в людях спящие активистские установки. Этот процесс анализирует на себе один рабочий: «Да, у нас организуются семинары, уже не один раз. Очень интересно. Очень интересные люди приезжали, рассказы-

вали... Вот, знаете, есть такие вещи, которые ты вроде бы знаешь, но как-то для себя не сформулировал, поэтому и недопонял. Для себя я могу сказать, что мне дообъяснили очень много. Это действительно интересно. О некоторых вещах мы бы даже не подозревали, а они есть на самом деле. <...> Именно я в себе такие вещи заметил». Для Этманова тем, кто назвал вещи своими именами, стал бразильский профсоюз: «Я попал в Бразилию и посмотрел, что такое настоящий профсоюз. Посмотрел, что там настоящая борьба, борьба ежедневная... хотя бы получил уже какие-то... цели!», или же: «...говорят [в Бразилии] о борьбе рабочего класса против капитала. Но ведь это так и есть на самом деле!»

На втором этапе, после первых шагов на пути к активизации, среди мотивов активности, упомянутых рабочими, общение приобретает уже первое место: «Общение с людьми – это самое главное», «Встречи с интересными людьми. Общение. Человек же рожден, чтобы общаться и узнавать что-то новое, а не замыкаться на себе и никуда дальше. Поэтому интересно – это общение. Много новых знакомых появилось».

Упомянуты также первые дела, первые победы. О коллективных победах: «Наши успехи, конкретные результаты. У нас же очень много уже побед. Та же вредность, то, что мы грейды в свое время отбили. И много-много другого». Об индивидуальных победах: «Я могу спокойно разговаривать на равных с начальником».

Когда процесс активизации зашел уже достаточно далеко, появляются радость, удовольствие, гордость: «На самом деле все нравится теперь, когда организация [профсоюз] стала уже серьезна... Действительно, за исключением докеров, такого мощного профсоюза, как у нас, наверное, нет нигде, по крайней мере в России. Вот это все интересно, когда организация набирает силу, когда с организацией начальство уже начинает считаться. Вопрос даже не в том, что мы отстаиваем свои права перед работодателем, а просто когда ты ощущаешь, что с нами считаются»; «Конечно, если бы не получал личное удовольствие, я бы этим не занимался... на самом деле, как и каждый из тех, кто чем-то занимается в профсоюзе. Это же все построено на добровольных началах, правильно? То есть, если человеку не нравится, он не станет этим заниматься».

Стимулы для того, чтобы начать строить профсоюз, у нынешних членов профкома, кажется, не очень отличались, за исключением того, что не было примера (если не считать бразильский пример), к которому

стремиться. Однако было состязание между собой, взаимное убеждение и подбадривание. Сейчас, конечно, когда они уже стали завзятыми активистами, их мотивации немного другие. После неосторожных фраз интервьюера некоторые члены профкома возмущенно опровергли наличие материального или карьерного стимула, ссылаясь на то, что все работают добровольно, а карьеру делать активная профсоюзная деятельность как раз мешает. Например: *«Я не использую профсоюз, чтобы добиться каких-то своих целей. У нас в профкоме никто ведь не получает зарплату и все этим занимаются в свое личное время, поэтому я карьеры в профсоюзной работе не вижу (смеется). Не то что не вижу. Просто нет моральной заинтересованности, поэтому в профкоме я или нет – для меня это не столь важно. Я профсоюзной деятельностью занимался и буду заниматься. То есть если профком считает, что я нужен, то почему бы нет, а стремиться туда попасть – нет. Зачем?»*

На первом месте выступают такие стимулы, как гордость, чувство своей власти (того, что они могут), а также рутинизация активистских установок, которые уже стали частью самого человека (что и есть определение фрейма).

Например, говорит Этманов: *«[Профсоюзная деятельность мне приносит] огромное моральное удовлетворение. Это уже как наркотик, вот когда спортом в спортзал ходишь заниматься и как будто один день не сходил – уже чувствуешь себя плохо... Один день дома, ничего не делаю, и это уже тяжело».*

Рассказывает другой член профкома: *«Ты видишь реальные плоды своего труда, вот эту активность профсоюзную, ты видишь, что что-то меняется на твоих глазах, благодаря и нам в том числе, то есть мы тоже свою частичку вкладываем».*

Профком: сильная команда завязанных активистов. У членов профкома, да и у некоторых активных членов профсоюза утвердился и укрепился другой фрейм – фрейм завязанных активистов. То есть процесс трансформации фрейма совершился и приобрел устойчивость. У завязанных активистов уже нет сомнений, как вести себя, не стоит вопрос о выборе схемы действий – они активные профсоюзные деятели и по-другому себя не мыслят.

В общей аналитической схеме трансформации фрейма это уже второй этап, который предполагает некоторую степень институционализации

(чтобы все участники сети следовали одним и тем же правилам), а также рутинизации активистской деятельности. Институционализацию обеспечивают профсоюзная организация, ее устав, постоянные собрания и дискуссии. Рутинизацию – продолжительное время, в течение которого человек занимается профсоюзными делами, изменение его взгляда на самого себя и взгляда других на него. Например, Этманов из простого сварщика стал своего рода лидером зарождающегося рабочего движения страны.

Профком – это одиннадцать человек (то есть достаточно большая команда), связанных между собой сильными товарищескими узами и общим стремлением к защите коллективных интересов рабочих. Примечательно, что, по словам его членов, каждый может заменить каждого, несмотря на минимальную специализацию.

Между членами профкома – взаимоуважение и доверие, уверенность, что никто не предаст и не подведет.

Несколько цитат для иллюстрации:

«Я общаюсь с очень хорошими людьми [в профкоме], с очень настойчивыми, преданными. Я знаю, что мои товарищи меня никогда не подведут. То есть само общение нравится. Ну и работа, видны ее плоды, это тоже нравится»;

«Люди очень дружны, часто проводим совместные праздники»;

«У нас очень сильная команда. <...> Самая их беда, нашей администрации, что я уже давно взаимозаменяем, – говорит Этманов. – После меня будет следующий, после следующего... человек волен выбирать...»;

«У нас, можно сказать, троица самых известных: это Алексей, Астафьев Александр и Лесик Владимир. Они пользуются большим авторитетом, поскольку все очень активны и компетентны».

То есть никто не выдвигает себя вперед и все убеждены, что залог успеха лежит именно в сильной и сплоченной команде.

Стоит отметить, что сплоченность и дружность – не только результат неформальных личных связей между людьми. Многие вошли в профком, не будучи особенно знакомы с другими членами. Главные критерии – активность и компетентность. Например, говорит женщина (единственная), недавно приглашена в профком: *«Я была активной, мне не было жалко в 10–15-минутный перерыв подбежать, узнать, передать, те же листовки раздать. Ну, видимо, заметили неиспользованный потенциал и пригласили...»*

Надо также подчеркнуть, что команда – не клан, она не подавляет

личность и плюрализм мнений. Решения принимаются в результате коллективных дискуссий, где каждый высказывает свою точку зрения, и «иногда до мордобоев доходит». Особенно в напряженные периоды деятельности, как во время забастовки, дискуссии бывают очень оживленными: «В процессе забастовки вообще очень много ругались»; «Я помню, как мы долго сидели по вечерам, все обсуждали, как это лучше проводить, что делать, как начинать, когда начинать, какие действия проводить. Все пытались разграничить функции – кто отвечает за эту часть, кто за эту, как лучше все организовать».

Об оживленных дискуссиях во время забастовки говорили очевидцы заседаний профкома: «Прямо военные заседания, где все настолько переживают, что постоянно спорят, многие орал».

Показательно в этом отношении, что, если Этманов, безусловно, пользуется огромным авторитетом (о нем все знают и отзываются скорее положительно), он не единоличный лидер и отнюдь не давит своим авторитетом.

О его авторитете говорили все интервьюированные, часто упоминали его как один из стимулов к вступлению в профсоюз. К уже приведенным цитатам добавим ответ на вопрос: «Этманов повлиял больше всего на ваше решение вступить в профсоюз?» – «Ну, не то что Этманов. Просто я был наслышан о том, что профсоюз делал и когда была «итальянская» забастовка, и еще какие-то дела. Это все и есть причина общения с Этмановым. То есть непосредственно общались, очень плотно общались. Человек очень неординарный, скажем так. Он выделяется среди других». О нем знают, что он создал профсоюз: «Именно благодаря ему профсоюз стал нормальным, он сумел сплотить народ. Раньше этого не было».

Члены профкома подтверждают, что у Этманова самый большой авторитет на заводе: «Его все знают. У всех есть его телефон. Ему могут звонить в любой момент: Алексей, помоги! Я не хочу его идеализировать, но я знаю, что люди часто ему звонят по вопросам, даже не касающимся завода, и он всегда пытается помочь»; «Он пользуется огромным авторитетом. Если бы у него не было авторитета или если бы он был недостаточно виден, то люди не пошли бы на забастовку».

Однако авторитет Этманова не означает, что все подчиняются ему в профкоме, где все равны: «Профком – это дело такое... Там не бывает, что я авторитет, поэтому я говорю и вы все молчите. Это же непра-

вильно! Каждый абсолютно свободно может высказаться, согласиться, не согласиться с чем-то или с кем-то. Просто для какого-то порядка избирается председатель, да, чтобы дебаты не зашли в совсем нездоровое русло, но особенного авторитета у Этманова в общении внутри профкома – нет, я бы не сказал».

Члены профкома подчеркнули внутреннюю демократию, активность всех членов в дискуссиях:

– Ему [Этманову] очень быстро затыкают рот, если он начинает, там... полная в этом смысле демократия.

Интервьюер: «А если вы не согласны с его точкой зрения?»

– Это бывает. Мы стараемся его уговаривать, мы спорим и пытаемся найти лучшее решение – и он, и мы можем ошибаться, правильно? Но это не был бы профком, если бы он все решил один, тогда получается уже монархия какая-то!

– Есть рабочие моменты, которые мы решаем на профкоме, где мы спорим. Алексей высказывает свою точку зрения, мы рассказываем свою, и находим общее решение».

Следует отметить, что Этманов сам содействовал установлению этого демократического стиля обсуждения и принятия решений. Об этом рассказали сами члены профкома («Нет, он действительно не давит, просто мы много ему доверяем»), а также внешние наблюдатели, которые признали его демократический стиль. То есть его авторитет основан на его поступках, а не на авторитарных методах управления.

В итоге создается впечатление, что все члены профкома поддерживают Этманова в качестве лидера, более того, поддерживают его авторитет для того, чтобы он укрепился в качестве лидера. Однако здесь главное – наличие лидера, а не конкретная личность. О роли лидера четко рассуждал один из членов профкома: «Смотря о чем мы говорим, о лидере или об Этманове? Потому что, если говорить именно о лидере Этманове, это значит, что не будет Этманова – не будет профсоюза... Это неправильно. Ну, я думаю, что будет трудно, но мы справимся, найдутся люди, которые поднимут знамена, и будет профсоюз. А если вопрос о лидере, то лидер всегда нужен. В любом начинании, в любой организации. Без лидера не может быть организации, любой, профсоюза или другой. Нужен человек, за которым идут, для которого это интересно».

Такое прямое социологическое рассуждение! Все наши исследования

доказывают, что без лидера никакой активной инициативы не может быть, не может долго существовать и организация. На «Форде» лидер нашелся, и члены профкома участвуют в укреплении его лидерства в коллективе, поскольку оно укрепляет профсоюз в целом. Однако они не распространяют это лидерство на профком, где все считаются равными, и этим они тоже укрепляют организацию, которая не зависит только от одного человека.

Трудно сказать, насколько слова соответствуют действительности и насколько свобода выражения своего мнения в профкоме сопровождается равномерным распределением задач, но кажется, что забастовка активизировала и членов профкома, которые больше стали брать на себя. Наверное, и Этманов, и другие крупные лидеры стали больше перекладывать на других. Об этом, по словам Этманова (интервью февраля 2007 года), просили сами члены профкома: *«[Было время, мы стали думать] нас вроде много, много, да, готовы сражаться, а все мы тащим на себе, зачем это нам надо? Вот сели, сказали на собрании, вот, ребята, так и так, и получили ответ – а извините, друзья, а вы хоть кому-нибудь до того, как вы взваливаете на себя что-либо... Своим авторитетом вы так давите остальных, что они не могут предложить что-то сделать...»*

В своей работе профком делает акцент в первую очередь на активизацию рабочих, а также – что взаимосвязано – на их обучение. Для этого постоянно идет общение, распространяются листовки, организуются семинары и конференции. Общение здесь, похоже (судя по высказываниям самых членов профкома), главное. И кажется, это самый эффективный инструмент воздействия на рабочих.

В целом деятельность направлена на трансформацию привычного фрейма. В устах членов профкома это звучит так: *«истребить рабскую психологию»* и вместо нее внушить принцип: *«никто не сможет помочь мне без меня»*.

На «Форде» эта фрейм-деятельность, как видно выше, уже достаточно хорошо удалась, а теперь профсоюзные активисты, как пойдет речь ниже, начинают экспортировать ее на коллективы других предприятий.

Здесь мы имеем дело с образованием нового типа власти. Лидеры и члены профкома, как уже сказано, утвердили свою власть над событиями, власть что-то вместе делать. Кроме того, они стремятся передать эту

власть, дать другим возможность ощущать свои полномочия, приобретать собственный опыт власти. Они этого добиваются, проявляя заботу о empowerment, или уполномочивании, то есть побуждении других к тому, чтобы они сами пользовались своей властью.

На наш взгляд, именно эта характеристика фрейм-деятельности занятых активистов – главный залог успешного развития профсоюза.

Препятствия к активизации: уже не барьер, а стимул к борьбе. На «Форде» в начале 2008 года после двух достаточно успешных забастовок процесс активизации охватил уже настолько много рабочих и зашел так далеко, что сила препятствий стала намного менее ощутимой. Это особенно верно в отношении препятствий, исходящих от работодателя.

Из уст рядовых членов профсоюза социолог не услышал ни одного признака боязни или ощущения непреодолимых препятствий. Только один человек, говоря о тех, кто вернулся на работу до окончания забастовки, упомянул возможный страх перед наказанием. Остальные об этом даже не вспомнили. То есть ощущается большая уверенность в правильности активного пути в борьбе с работодателем. Опять-таки это результат работы профкома, который уже несколько раз восстановил незаконно уволенных рабочих и сумел внушить большому числу рабочих чувство уверенности в себе. Это тоже следствие давно проходящих коллективных действий и солидаризации коллектива. Отсюда и понимание борьбы рабочих и работодателя как неизбежного и естественного явления. Как мы уже отметили выше, это не борьба на смерть, противостояние сторон с противоположными интересами. В этом отношении главным своим достижением рабочие считают, кстати, не только повышение зарплаты и другие материальные уступки работодателя, но также и отвоеванное уважение к себе со стороны начальства: *«Стало понятно, что они нас принимают всерьез»*; *«Они уже вынуждены с нами общаться на равных»*.

То есть работодатель уже воспринимается не как всемогущая сила сверху, а как равный оппонент и актер социально-трудовых отношений. А справиться с таким препятствием сплоченному коллективу явно под силу. Очевидно, большинство рабочих мало боятся репрессий. Попытки внести раздор в коллектив, которые предприняла администрация через информационную кампанию (попытки отделить профсоюз от рабочих, представить профсоюзных лидеров как «безответственных экстремис-

тов», сплотить рабочих и работодателя в одной команде «во благо производства»), были нейтрализованы контрпропагандой профкома. Кроме того, провалу тактики администрации способствовало «наглое презрение» по отношению к рабочим со стороны начальников, а также общение рабочих между собой.

Во время последней забастовки новым для фордовских рабочих стало столкновение с противодействием властей. Но поскольку профсоюзные активисты оберегали рядовых членов от прямого столкновения и брали ответственность на себя, то препятствия со стороны властей особенно ощутили члены профкома и завязанные активисты.

Они вспоминают: «ОМОН пригнали, из прокуратуры сюда приезжали, за нами охоту устраивали», «Со временем стало намного жестче. Приезжало много милиции, хотели даже кого-то задерживать. Был прессинг».

Впрочем, и преодолевать препятствия, учиненные властями, они быстро научились, преимущественно способом строгого соблюдения закона (особенно по вопросу о процедуре забастовки) и оспаривания незаконных действий другой стороны. Например, они публично обвинили прокуратуру во вмешательстве во внутренние дела профсоюза, требовали соблюдения своего права на пикетирование. Рассказывает член профкома: «Я помню, когда мы пошли к мэру Всеволодска, чтобы нам официально разрешили пикетирование. Потому что нам сначала под надуманным предлогом отказали согласовать заявку о пикетировании. Так вот, нас собралось человек 15, наверное, и мы все прошли к нему в кабинет и просили: объясните нам, почему вы нам отказали. Ну и после небольших дискуссий нам все-таки разрешили. Но нам сразу сказали, что вы будете пикетировать отсюда и досюда, то есть шаг влево, шаг вправо – уже нарушение. Но все-таки мы добились этого и мы проводили пикеты, каждый день собирались».

Сначала профсоюзные активисты, как они сами рассказывают, были удивлены противодействием властей, которого не ожидали, поскольку думали, что закон на их стороне: «На самом деле это удивляет, потому что, казалось бы, никаких беспорядков не было, казалось бы, что никакого вмешательства правоохранительных органов, ну, по крайней мере массового, быть не должно. Потому что забастовка – это законное право, да? Это даже конституционное право (тут интервьюер смеется)...

Нет, это, может быть, заученные слова, но на самом деле так и есть!»; «Но все-таки почему ОМОН приезжал? Мы ничего противозаконного не делали, машины не жгли, как во Франции, никого не били, зачем нам ОМОН?»

Объяснения они дали сами в интервью: «И при чем здесь кордон милиции, это непонятно, то есть это уже... как-то... где-то немножко что-то куплено (смеется). По-моему, так просто ОМОН звать не получится...», «То есть что я хочу сказать, работодатель иностранец, ладно, но завод где расположен? Ленинградская область (хитрая улыбка), конечно! Все равно все получают, кто должен получать. Без этого никак. Ну, я не хочу все вести к этому, но...»

Отсюда следующий вывод: вследствие столкновения с властями у профсоюзных активистов разрушилось представление о власти как об институте, защищающем закон и действующем по нему. Они убедились в том, что власть стоит на стороне работодателя, а значит, вести борьбу надо и с властью тоже. О методах борьбы мы уже упомянули, они вполне мирные и совершенно законные: заявления в СМИ, демонстрация силы и сплоченности, строгое соблюдение закона, избегание провокаций. Против незаконности и коррупции властей профсоюзные активисты апеллировали к закону и Конституции, которые для них, оказывается, не являются пустыми словами.

Таким образом, в целом препятствия активизации имели на «Форде» очень незначительную противодействующую силу. Более того, активисты даже приветствуют их, поскольку они стимулируют борьбу и позволяют ощутить себя победителями. Об этом свидетельствуют следующие высказывания:

«Да (машет рукой), вся жизнь состоит из препятствий, ровной дороги не бывает, поэтому все зависит от нашей организации здесь, от организованности рабочих в стране, от поддержки со стороны профсоюзов других городов»;

«Непросто все это [профсоюзное движение] раскачать, все это заново. Все это повести, все это вывести. К тому же очень большое идет воздействие от работодателя, от администрации тоже большое противостояние. Из-за этого процесс [зарождения движения] идет медленно. Но было бы все легко, мне было бы неинтересно, ну и профсоюзу было бы неинтересно (смеется). Профсоюз был бы не нужен».

Установки завязых активистов: фрейм-деятельность на экспорт, солидарность, политика. Если речь идет об институционализации активистских схем действия и размышления, то есть об их устойчивости и распространности, то следует еще проанализировать ключевые моменты дальнейшего развития процесса активизации.

Распространение активистского опыта: удачный культурный фрейминг. На «Форде» обнаружено уникальное явление (по крайней мере в наших собственных полевых исследованиях мы впервые столкнулись с таким ярко выраженным случаем) – целенаправленные усилия профсоюзных активистов по распространению и экспорту активистского опыта. Это ключевой элемент институционализации новых практик и стиля мышления, поскольку даже очень успешное активистское сообщество, каким является коллектив фордовцев, не может долго просуществовать во враждебной среде, которая отвергает активистские установки.

Начнем с анализа близкого окружения профсоюзных активистов. На вопрос социолога о том, как семья, знакомые восприняли забастовку, как они относятся к профсоюзной деятельности, выясняется, что окружающие люди скорее поддержали забастовку и понимают, если не одобряют активную профсоюзную деятельность, в том числе членов профкома. Стоит подчеркнуть, что это довольно редкое явление, поскольку обычно активисты жалуются на непонимание своей деятельности близкими (нередко разногласия между супругами по этому поводу приводят даже к разводу). А здесь, если верить словам профсоюзных активистов, ничего подобного. Причем поддержка со стороны близких мало, видимо, зависит от рода занятия и активистского опыта супругов и родных.

Муж единомышленник, она – участник забастовки от начала до конца: «Мой муж полностью меня поддерживает. Он же участвовал в создании профсоюза. Сейчас ушел [на другой завод] и там тоже пытается что-то делать. Понятно, что это облегчает задачу, когда муж и жена одних и тех же взглядов».

Жена – домохозяйка, он – член профкома: «Она немножко ворчит, но я ей сказал, что для меня это важно, что это приносит успех и что в конце концов все наши победы в нашем семейном бюджете какие-то копейки добавляют. Ну, и я же не по бабам, не на пьянки, а занимаюсь серьезным делом! И она сейчас понимает».

Жена работает в другом месте, он – участник забастовки от начала до конца: «Да, жена поддержала нас, потому что понимала, что только таким путем можно добиться...»

Муж – член профсоюза на «Форде», она – член профкома: «Он иногда высказывается: опять поехала в свой профком! Но он все понимает, он тоже член профсоюза».

Жена работает на «Форде» и участвовала в забастовке, муж – член профкома: «Она меня поддерживает. Ну, конечно, бывает проблема по выходным. Она говорит: брось твой профком, пойдем погуляем. Ну, семья есть семья, конечно, я иду на это. А так, чтобы «зачем это тебе надо?» – нет, такого нет». Об отношении родителей тот же член профкома говорит следующее: «Мама говорит: тебе решать, ты уже взрослый человек. Ну, конечно, интересуется; когда была забастовка, спрашивала, что у вас там, как. И есть моя сестра, она меня полностью поддерживает. Она просто сейчас сидит в декрете. Она говорит: вот выйду в банк – она работает в банке – и тоже у себя создам профсоюз. Ну, она шутит, конечно, но полностью поддерживает, все время звонила, смотрела новости...»

Жена работает в другом месте, он – активный член профсоюза: «Вы знаете, когда это все только начиналось, когда я пытался это ей все рассказать, она очень скептически к этому относилась, потому что отношение у нее к профсоюзу было, наверное, такое же, как у меня до того, как... Потом этот скептицизм перерос в какой-то интерес, спрашивала, что у вас, как дела. И поскольку все наши забастовки были довольно хорошо освещены, люди отслеживали, у нее спрашивали, как там у мужа. То есть сейчас уже интересуется... И поддерживает. Без ее поддержки я бы, наверное, никуда... Все-таки забастовка – это дело такое, серьезное. Нужна и моральная поддержка, и вообще...»

Интервьюер: «То есть ничего, что вы приносили меньше денег во время забастовки?»

Активный член профсоюза: «Кстати, это тоже большая проблема! Ну, я пришел домой и сказал: извини, дорогая, вот так. Она сказала: ну что, раз это твое решение. Ну да. Да...»

Интервьюер: «То есть приняла это?»

Активный член профсоюза: «Да, конечно, спасибо ей большое за это!»
О родителях тот же активист говорит следующее: «Папа у меня все за-

писывал, что говорили по телевизору, по радио. Звонил и говорил, вот знаешь, там говорили такое и такое...»

То есть создается впечатление всеобщей поддержки со стороны родных. Нашелся только один человек, который заявил, что жена «сказала: увольняйся и найди себе другую работу», что в принципе он и собирается делать, но скорее всего не по просьбе жены, а потому, что он считает, что забастовка не достигла нужного результата и его труд недооценивается.

Как можно объяснить столь массовую поддержку? Здесь, как нам кажется, ключевое слово – «резонанс». Супруги, родные знали о забастовке не только по словам участников, они читали и смотрели новости в СМИ. А если событие освещается в СМИ, пусть даже не всегда в положительном свете, все же событие легитимизируется и, главное, приобретает общественную значимость. А участвовать в значимом событии, пусть опосредованно – через супругов или родных, – достаточно привлекательно и по крайней мере оправданно.

Об общественном резонансе забастовки говорят не только многочисленные репортажи, но – и это главное – отклики общественности, которые вернулись к забастовщикам путем писем, звонков, разговоров с соседями. Об отношении круга знакомых и дальних родственников к забастовке социолог тоже расспрашивал. И получил следующие ответы:

«Товарищи [бывшие коллеги по работе] из Уфы во время забастовки звонили, говорили: держитесь, мы с вами! Потом соседи – они все знают, где я работаю, – даже продуктами помогли, чтобы мы не умерли с голоду во время забастовки (смеется). Мы особенно не голодали, но все равно это приятно»;

«По-разному смотрят друзья. Некоторые очень хорошо, некоторые говорят, а что вы там бастуете, вы зарабатываете 20 тысяч, а мы 10,5 тысячи и мы работаем. То есть есть непонимание или даже осуждение. Было это, было». – «А что вы отвечаете?» – «Я говорю, что для нас ориентиром служат общеевропейские оценки труда и что мы стремимся показать, что мы работаем не хуже и что должны получать за свой труд не настолько меньше, чем на Западе».

«[Знакомые говорили] молодцы! Все понимали. Говорили – молодцы!» – «Не было такого, что говорили, что и так много зарабатываете?» – «Нет, ну живу в маленьком городке, здесь недалеко. Соседи каждый раз спрашивали, как у вас там дела. Потому что знают меня, моего мужа.

Мы не делаем никакого секрета из своей зарплаты. Мы объясняем, что работа тяжелая. Многие думают, что если на таком заводе работаешь, то очень много зарабатываешь, но это не так. Люди были солидарны, поддерживали».

«Я горжусь, очень горжусь тем, что о нас заговорили. Не просто что о нас заговорили, но что люди начали понимать, что можно отстаивать свои права. И не просто можно, но и нужно. И мы действительно как пример. <...> Многие люди звонят, приходят. Я знаю, что из Белоруссии звонили, просто так: побеждаете вы или нет, просто так звонили, это им интересно. Ну и во время забастовки <...> люди приезжали, с разных заводов приезжали, поддержать нас, посмотреть, как у нас все проходит, как все организовано. И многие говорили: мы смотрим на вас, если у вас все получится, мы будем пробовать и у себя. <...> То есть люди начали интересоваться».

«Родственники, которые услышали о забастовке, звонили. Даже те, кто не звонил очень давно, стали звонить – почему, как... Ну, объясняешь. Интересуются люди, интересуются».

Рабочие активисты явно разделяют мнение, что забастовка вызвала большой интерес общественности. Некоторые могли критиковать и осуждать, другие – многие – могли поддерживать, но все проявили интерес. Это тема гордости для многих участников забастовки. Отсюда первый вывод: существует сильная взаимосвязь между общественным резонансом и процессом утверждения активистских практик и убеждений: чем больше резонанса, тем больше желания проявить активность, в том числе вовне («показать пример»), чем больше активности, тем больше общественного резонанса.

Надо сказать, что распространение активистского опыта вовне происходит достаточно интенсивно. Все собрания профкома и семинары открыты для участия рабочих активистов других заводов и регионов. Представители профсоюза регулярно ездят в другие регионы на разные конференции и семинары. Лидеры профсоюза активно взаимодействуют со СМИ и проводят активную информационную политику (у профсоюза есть свой сайт, своя газета, свои пресс-релизы). Кроме того, они проводят активную политику по установлению горизонтальных связей между профсоюзными ячейками разных заводов, помогают становлению новых и неопытных профсоюзных организаций.

Сильный импульс к экспорту активистских практик и представлений был дан забастовкой, поэтому следует вернуться к ее анализу уже с точки зрения ее символического значения. Забастовки на «Форде» – в феврале и ноябре-декабре 2007 года – стали символом зарождения или возрождения профсоюзного или забастовочного движения в стране. Это символическое значение стало результатом трех факторов, воздействие которых случайно совпало во времени: редкая (особенно на фоне спада забастовочного движения предыдущих лет) массовая и длительная мобилизация коллектива, пробуждение интереса к забастовке у журналистского сообщества и стремление профсоюзных активистов придать забастовке символическое значение.

О мобилизации, которая состояла из сплоченности, решимости, организованности и энтузиазма рабочих, мы уже много писали. Это и есть основа – содержательная часть – события.

Интерес журналистов объясняется тем, что забастовок, по крайней мере такого значения, не было давно и многим хотелось понять, что это такое, что это за такой новый профсоюз, как такое возможно в такой «спокойной» и «стабильной» стране, как Россия. Кроме того, журналистам, видимо, дали карт-бланш освещать забастовку – несколько журналистов намекали автору данных заметок, что о забастовках на иностранном предприятии можно говорить сколько угодно, не то что на отечественном... Вторая забастовка на «Форде» совпала с крупным забастовочным движением, которое охватило всю Европу в конце 2007 года, – создавалось впечатление, что Россия стала частью общеевропейского движения.

О деятельности профсоюзных активистов по формированию символического смысла забастовки стоит рассказать подробнее. Дело в том, что активисты не заканчивали никаких курсов PR-технологий и не являются имиджмейкерами. Однако интуитивно, стремясь выполнить свою главную задачу (сплачивание и мобилизация коллектива) максимально эффективно, они поняли значимость информационной кампании и символической конструкции события. По их собственным словам, они вели «активную информационную войну с работодателем за умы рабочих». Для этой конструкции они использовали многочисленные инструменты: пресс-релизы, публичные заявления, обращения (иногда видео) к общественности (в том числе зарубежной), усовершенствование рациональнос-

ти аргументов для обоснования своих требований, создание ярких и знаковых атрибутов забастовщиков (кепка «участник забастовки»), забота о драматичности событий (драматический рассказ о том, как милицейская машина сбила участника забастовки), внимание к зрелищным элементам (шашлыки, песни, танцы, кулак вверх...). Отчасти эти сцены, рассказы, жесты были намеренно сконструированы, отчасти спонтанно возникали по ходу действий. Важно то, что символы и театральные моменты были наполнены реальной жизнью и реальными эмоциями – картина соответствовала содержанию, что увеличивало ее привлекательный эффект.

Что касается содержательной части, важно отметить, что послание профсоюзных активистов не ограничивалось пределами коллектива. Суть месседжа, который активисты пытались передать общественности, и в первую очередь рабочим других заводов, был таков: забастовка возможна, профсоюз – это что-то другое, чем то, к чему вы привыкли, рабочее не было, а достойные и активные люди, работодатель – не всемогущий, а простой смертный, которому можно противостоять. То есть послание предназначалось определенной аудитории и слова и символы попали в цель. По крайней мере многие откликнулись: за время забастовки профком получил несколько сотен писем поддержки из России и со всего мира, а также многочисленные звонки. Приезжали активисты с других заводов – пообщаться и поучиться. То есть фордовцы нашли – и отчасти сконструировали – свою публику. Они действовали не запершись в пределах предприятия, а в публичном пространстве: перед журналистами, на сайтах и в рассылках, у проходных и даже на улицах города во время пикетов. Это взаимодействие с публикой стало составляющей частью забастовки и сделало из нее событие общественного значения, благодаря ему фордовцам удалось то, что почти никакой низовой социальной инициативе не удастся, – они прорвались в публичную сферу.

В целом можно говорить о благоприятном стечении обстоятельств и целенаправленных действий профсоюзных активистов, то есть о благоприятных предпосылках культурного фрейминга.

Солидарность не на словах, а на деле. Зашел ли процесс укрепления активистских установок достаточно далеко, чтобы это привело к становлению главной основы всех коллективных действий – солидарности? Отметим сразу, что по результатам массовых опросов среди населения (а даже

среди активистов разного рода¹⁴), если солидарность провозглашается многими важной ценностью, она понимается весьма своеобразно: либо как абстрактный и нежизнеспособный принцип (общая взаимопомощь и сотрудничество между людьми, ни к чему не обязывающие), либо как узкое сотрудничество между «своими» (лично знакомыми) людьми по принципу «ты – мне, я – тебе» (норма специфичной реципрокности по терминологии Александра Хлопина¹⁵).

На «Форде», как видно из вышеприведенных цитат, солидарность однозначно считается очень важной: и в качестве ценности, и в качестве инструмента достижения эффективности в коллективной борьбе. Но что понимается под этим словом и насколько то, что понимается, воплощается в реальной практике?

Вот здесь и кроется отличие активистов «Форда», которые понимают солидарность главным образом как действенный регулятор взаимоотношений между людьми, готовыми к активной защите своих прав. То есть их понимание солидарности, как кажется, максимально приближается к общегражданскому: солидарность они готовы оказать всем, независимо от личных связей, симпатий или антипатий, тем, кто активно проявляет свою гражданскую позицию.

При этом анализ ответов активистов на вопрос о том, что такое для них солидарность, показывает, что респонденты имеют весьма приблизительное понимание самого слова «солидарность» и долго ищут подходящее определение, часто дают многогранные и противоречивые ответы (в зависимости от того, опираются ли на свой конкретный опыт или пытаются абстрактно определить термин). Поэтому здесь хочется подчеркнуть, что одним методом анкетирования (где варианты ответа однозначны и коротки, оторваны от реальных действий) нельзя полностью уловить смысл и значение, которые люди придают солидарности.

Так, несколько раз в интервью люди сначала затруднялись ответить, поэтому выдавали первый вариант ответа следующего рода: «*Это дружеское плечо товарища, на которое можно в случае чего опереться и который не бросит*»; «*Плечо друга, который тебя поддерживает и не бросит*»; «*Солидарность, это... Ну, есть такое понятие, как чувство локтя, когда чувствуешь поддержку товарища, даже когда он не рядом с тобой, а на расстоянии*». То есть само слово «солидарность» непривычно и требует дополнительных размышлений. Первая ассоциативная реакция –

это поддержка друга, который в мировоззрении фордовцев однозначно понимается как товарищ, а товарищ – стойкий, который не подставит, не предаст. При анализе этих определений можно было бы прийти к выводу о том, что и активисты «Форда» не перешли от узкого и персонифицированного понимания солидарности к более общему и безличному пониманию. Однако анализ дальнейшего развития ответов и данные наблюдения показывают, что такой вывод не соответствует действительности.

Эти же респонденты, которые сначала говорили о «плече друга», дальше продолжали рассуждать в таком же духе.

Для кого солидарность – плечо товарища: «*А в России, я скажу так, она зарождается. И практика показывает. Ребята, которые к нам выходят на контакт, тот же новый профсоюз из Таганрога, и ребята из АвтоВАЗа, и вообще много коллективов автопрома и дальше. Они показали, что они нас поддерживают. Кстати, хотя бы поэтому мы не имеем права проигрывать, потому что в России рабочие, которые хотят организоваться и отстаивать свои права, смотрят на нас, и если мы отступим, они, возможно, охладят свой пыл, и процесс пойдет назад*».

То есть солидарность, несмотря на то что это – «плечо товарища», предполагает взятие на себя обязательства: надо обязательно победить, чтобы рабочие других заводов не остановились в процессе активизации и самоорганизации в защиту своих прав.

Для кого солидарность – плечо друга: «*И мы готовы оказать поддержку всем*». – «*Всем?*» – «*Ну, как понять – всем? Кто готов отстаивать свои права, если попросит и даже если не попросит. Я лично готов приехать и поддержать*».

Здесь тоже «плечо друга» налагает обязательства: оказать поддержку всем, кто готов отстаивать свои права.

А вот активист, который определил солидарность как «чувство локтя», чуть раньше в интервью говорит: «*Все это, установление контактов [с другими коллективами], это все необходимо. Потому что один профсоюз – это один профсоюз, а все рабочее движение – это совсем другая вещь*». – «*А одно без другого не может существовать?*» – «*Нет, существовать может, но не должно. Ну, потому что, сами понимаете, когда на местном уровне – это одно, а когда это расходится уже на неограниченное какое-то пространство, это уже мощь, это уже сила, это уже... Скажем так, одно подтягивает другое*».

И еще в другом месте тот же активист отмечает, что другой мощный профсоюз есть у докеров, но добавляет: *«Профсоюз как-то у них обособлен. Насколько я знаю, да, мы же общались, они в своей каше варятся, стараются, трудятся, борются, чего-то добиваются, но это их такое...»*

Эти рассуждения свидетельствуют о наличии на практическом уровне чувства общей солидарности, которая не должна ограничиться группой «своих» или даже своим коллективом, а распространяться на другие коллективы.

Из других ответов цитируем:

«[Солидарность] это, конечно, очень важно, это объединение, это то, что должно было случиться в этой забастовке и благодаря чему мы бы могли победить [имеется в виду штрейкбрехеров]. А так этого не произошло, были упущения. Мы что-то, конечно, выиграли, но чего-то не добились»;

«Солидарность для меня – это умение отказаться от своих каких-то личных целей, пойти на жертву <...>. Солидарность – это то, что нужно поддержать своего товарища, это сплоченный фронт, и тогда будет успех»;

«Сейчас уже люди меняются, другое мнение, то есть они понимают и мы понимаем, что в одиночку ты ничего не сможешь сделать. Если бы мы остались один на один с работодателем, я думаю, что... ну, мы бы добились каких-то результатов, но больших мы бы не добились. Вот так я понимаю солидарность»;

«Это сплоченность. И общие взгляды. Конечно, она нужна, она очень важна». – «А у вас ее хватает?» – «Как показала забастовка – да. Потому что очень много людей участвовали в забастовке, действительно».

Здесь солидарность понимается как объединение людей общих взглядов и интересов, активно поддерживающих друг друга в общем деле. Люди мыслят рационально (объединение по интересам), но не эгоистично (есть понимание необходимости формирования общего интереса, который отнюдь не является совокупностью частных интересов). Более того, солидарность понимается как нечто, что можно развивать активными действиями: хватает ли ее или нет – это во многом зависит от усилий активистов.

Тут кроется, как нам кажется, ключ к успеху коллективных действий и к пониманию активистских установок на «Форде». В отличие от многих

активистов, которые просто констатируют, что «солидарность либо есть, либо ее нет, а развивать ее невозможно», они считают, что можно – и надо – ее развивать, распространять. Причем распространять не только по заводу, но и по другим заводам и по стране. И самые активные профсоюзные активисты именно этим и занимаются:

«Конечно, можно ее развивать! Надо просто чаще ездить, встречаться с людьми, общаться. Просто у нас не так много финансовых возможностей, и из-за этого недостаточно ездим. А так мы бы с удовольствием больше ездили, помогали, смотрели, может быть, узнали бы что-то новое»;

«Мы пытаемся содействовать другим профсоюзам и объединять их. Это обязательно надо делать, потому что без поддержки таких же организаций на других заводах нам все это не поднять». – «А пока вам удастся совместить работу внутри завода и работу в целом для усиления профсоюзного движения в России?» – «Ну... Не знаю... Не разрываться просто надо. Хотя по отзывам я знаю, что мы лидеры, авторитеты для многих заводов. Многие представители приезжают к нам на профком. Недавно была встреча. С открытым ртом слушают, что мы рассказываем. Это приятно»;

«Мы должны заниматься построением профсоюзного движения. Мы пытаемся это делать. Я сам еще с кем-то ездил в Нижний Новгород на конференцию союза трудящихся или что-то такое, я уже не помню. Ездили, общались с людьми из других профсоюзов». – «А если бы вопрос стоял о том, чтобы бастовать с требованиями о поддержке другого завода?» – «Да, в принципе это идеально. Я считаю, что к этому нужно стремиться. Но на этом заводе, если я хорошо оцениваю рабочий класс, пошли бы на такую форму забастовки не более одной трети».

Так или иначе, в этих высказываниях речь идет о деятельности по экспорту фрейма солидарности. Для многих солидарность, причем в широком ее понимании (вплоть до забастовки солидарности), – идеал, к которому надо стремиться. Каким образом? Активисты отвечают: поездки, общение, обмен опытом, встречи, конференции, семинары, сила собственного примера, использование своего авторитета (символического капитала), активная поддержка других коллективов в их борьбе... Необходимо здесь добавить, что активисты «Форда» на деле оказывают солидарную поддержку другим. Мы выше уже привели примеры: открытые для всех семинары, участие в митингах или пикетах в защиту требований других коллективов

или по тематикам, напрямую не связанным с трудовыми правами...

В общем, солидарность для активных рабочих «Форда» – не слово, а дело, общее дело, которое служит ориентиром в коллективных действиях.

В качестве заключения по этому поводу приводим показательные рассуждения Этманова о солидарности: «Солидарность для меня – это такое ритуальное слово, которое, если взять понятие книжное... то это какое-то совместное... принятие... принятие на себя воли другого человека! Во! То есть вот так, то есть которого ты даже не знаешь, и вместе ты должен помогать ему проводить какие-то действия. Может, это коллективное... коллективное действие для достижения определенных целей, чтобы изменить как-то сложившуюся ситуацию. У нас даже люди свои некоторые [этого не понимают]. Мы стараемся объяснять, что, если замкнуться в своем мирке... в мирке «Форда», мы много задач не сможем решить, которые не решаются внутри, а решаются снаружи. <...> Вот мы в этом направлении и воспитываем. <...> Но если мы не сможем вывести 100 человек на улицу – это наше поражение. Понимаешь? Интересы этого профсоюза решаются внутри, а не снаружи».

Здесь рациональное, безличное и широкое понимание солидарности (совершенно противоположенное «кликовому» пониманию), которая сопровождается конкретными действиями по ее развитию. И ясно отмечено, что деятельность по экспорту солидарности (вынесение ее наружу) опирается на внутреннюю солидарность (что вскользь отметили еще несколько активистов) и не может быть успешной, если проводится в ущерб внутренней солидарности. Деятельность вовне и внутри должна сочетаться и идти во благо общей солидарности.

Политика: мыслить политически, говорить аполитично? Выход на политику считается многими теоретиками наивысшей стадией обобщенности интересов и взглядов, когда речь идет уже о проекте преобразования всего общества. Как активисты «Форда» воспринимают политику и насколько они ею занимаются или готовы заниматься? По нашему ощущению, позиция активистов в этом вопросе сочетает рациональную оценку нынешней политической системы и адекватную оценку своих собственных сил и возможностей.

В отношении существующей сегодня в стране политической системы ни у кого нет иллюзий, что она каким-то образом отвечает требованиям

и стремлениям таких движений, как зарождающееся профсоюзное движение. Первая реакция активистов, когда речь зашла о политике: «Это неинтересно»; «Ну, вообще политики я особенно не касался. Не очень мне это все интересно. У нас в стране какая политика? Все на выборы, а кого изберут – известно уже давно. Ну, все это неинтересно, скучно»; «Политика, да что такое политика здесь, одна коррупция и издевательство над народом!»

Тем не менее – и это касается не только самых завязанных активистов – есть ощущение, что многие активисты занимаются именно политикой, сами того не осознавая. Мы уже упомянули выше самый, на наш взгляд, потрясающий пример. Один из рабочих, участвовавший в забастовке от начала до конца, постоянно повторял слова «рабочий класс», «капитал», «классовая борьба». При этом на вопрос социолога, не занимается ли он случайно политикой, он удивился и ответил: «Я? Нет, я совершенно аполитичен!» Хочется сформулировать мысль следующим образом: активист мыслит политически, но говорит аполитично (а политик мыслит не активистски, но говорит политически?).

Что касается завязанных активистов, которые уже начали думать о политике, они считают, что профсоюзу стоило бы заниматься политикой и ставить перед собой более общие цели, но очень осторожно (не в ущерб профсоюзной деятельности) и независимо от всяких партий. Приводим несколько цитат.

«Я считаю, что профсоюз должен заниматься политикой. Это мое личное мнение, потому что нельзя будет делать какие-то изменения, если профсоюз не будет этим заниматься. Но я считаю, что профсоюз не должен состоять ни в какой партии, он должен быть отдельно. Если профсоюз присоединится к какой-то партии, он будет вынужден поддерживать только ее позицию, и это будет очень сложно. А если он будет отдельным, то есть не отдельной политической структурой, а отдельными людьми, которые будут воздействовать, я думаю, да, от этого будет толк. <...> Профсоюз должен участвовать в политических действиях, занимать какую-то политическую позицию, выдвигать какие-то политические требования. И люди от профсоюза должны представлять профсоюз в политике, сидеть в Госдуме, например. Но чтобы они представляли именно профсоюз, а не партию».

«С одной стороны, я считаю, что не должен [профсоюз заниматься политикой]. Потому что, когда начинается решение каких-то более серьезных воп-

росов, более мелкие вопросы, такие как, например, увольнение рабочего, отходят на второй план. С другой стороны, может быть, и стоит. Потому что, если будет выход на какую-то законодательную власть, это развяжет руки, даст больше возможностей. То есть я не знаю, и да, и нет. Сложно сказать».

Мнения весьма умеренны и осторожны: с одной стороны, занятие политикой может дать ресурсы и возможность добиться более значительных социальных изменений, но, с другой, это может ослабить профсоюз или поставить его в зависимость от политических игр. Так что пока на деле профсоюзные активисты политикой не занимаются, они сначала укрепляют собственный профсоюз и профсоюзное движение в целом («Пока нет, мы этим не занимаемся, нам бы сначала на заводе разобраться»). По нашей оценке, это очень рациональная позиция с учетом российских реалий: пока профсоюзное движение не выросло до уровня самостоятельного политического актора, участие в политике несет с собой больше риска, чем пользы.

Одним из самых политизированных профсоюзных активистов является Алексей Этманов, так сказать, по роду деятельности (он же отвечает в профсоюзе за внешние связи). Кроме того, он почти уже стал узнаваемой фигурой общественно-политического поля федерального уровня. Вот его позиция относительно политики и профсоюзов: «Уверен, что к политике мы, профсоюзы, придем. Рано или поздно, но сама логика жизни заставит это сделать. Во всем мире профсоюзы так или иначе связаны с политическими партиями, где-то больше, где-то меньше, это естественно... Да мы и сейчас не изолированы от политики. Нам помогли разные партии. Я сам лично беспартийный, но на предстоящих президентских выборах я буду голосовать за Геннадия Андреевича Зюганова и этого не скрываю <...>. Мы входим в Комитет солидарных действий, куда входят многие левые организации. <...> Закономерности взаимоотношений между рабочим и работодателем при капитализме раскрыты именно Марксом. И вполне естественно, что ближайшими союзниками из числа политических организаций для нас являются левые, коммунистические партии. А что касается революционности, большевизма нынешних российских рабочих, то здесь я могу привести в пример нашу профсоюзную организацию: у нас есть и те, кто голосовал за «Единую Россию», и сторонники КПРФ. Есть и те, кто настроен более радикально, так сказать, большевики. Сейчас расслоение в обществе слишком велико,

и те структуры, которые стоят наверху, всех нас плющат, пытаются раздавить. Поэтому сегодня для нас главное – быть вместе». Тем более, как он отмечает дальше, что власть в лице «Единой России» явно пытается раздробить движение: «Они пытались урегулировать конфликт без излишней шумихи, чтобы оставить наш профсоюз на уровне одного предприятия. Но это у них не получилось, потому что мы изначально планировали выходить на масштабный межрегиональный уровень».

Здесь Этманов излагает идеальный образ массового социального движения, каковым оно является в теории и каковым оно отчасти является в западных обществах. Социальные движения занимаются политикой в той мере, в которой они стремятся преобразовать общество. Они стоят на левых позициях, поскольку именно левые партии поддерживают социальные движения и обычно разделяют те ценности и идеологические принципы, к которым апеллируют социальные движения. Однако они сами как таковые не превращаются в партию и не вливаются в партию, а становятся самостоятельными общественно-политическими акторами. В России, как отмечает сам Этманов, до воплощения модели в жизнь еще далеко, но «рано или поздно»... А сейчас самая главная и срочная задача для активистов – консолидация разрозненных сил, объединение, установление связей между профсоюзами разных предприятий и разных регионов. А этому как раз препятствует власть. По итогам предыдущих исследований мы уже пришли к выводу о том, что самые действенные препятствия активизации – противодействие консолидации и установлению горизонтальных связей. Судя по всему, без помощи социологов и теоретиков активисты «Форда» это поняли и предпринимают все усилия для преодоления разрозненности.

Подвести итоги данного анализа, основанного, как хочется верить, на тонком изучении внутреннего мира людей и их повседневной деятельности, почти невозможно, слишком много разных оттенков и точек зрения. Именно поэтому, а также из-за того, что автор был потрясен тем, что увидел и услышал на «Форде», заметки с поля превратились в настоящий трактат.

Из всех знакомых нам примеров случай с «Фордом» нам кажется уни-

кальным, причем далеко не только для России (но тем более для России). Это пример того, как с нуля или практически с нуля образуется совершенно новая, мощная, широкая и привлекательная активистская культура. Это пример удивительного профсоюза, который был фактически создан людьми без профсоюзного опыта и который стал образцовым органом координации действий, самоорганизации, активизации и солидаризации основной части коллектива. Это пример активистов, которые, не крича об этом, бросают самый убийственный вызов сложившейся общественной и политической системе.

Понятно, что на «Форде» произошло достаточно благоприятное стечение самых разных обстоятельств. Некоторые скептики скажут, что там, мол, предприятие иностранное, да и коллектив небольшой. Но обстоятельства надо еще уметь использовать – и именно в этом гениальность фордовских активистов. Кроме того, в ходе анализа достаточно подробно описаны многочисленные условия и факторы, не зависящие от внешних или случайных обстоятельств. Так что модель вполне годится для других коллективов.

Подавленная шаткая мобилизация: АвтоВАЗ

Опыт мобилизации на АвтоВАЗе кардинальным образом отличается от того, что мы наблюдали на «Форде». Главное отличие – грязь, которой руководство предприятия обильно поливало забастовавших рабочих АвтоВАЗа в СМИ и пресс-релизах. Они раз за разом повторяли, что за спиной бастовавших 1 августа 2007 года рабочих стоят ужасные, почти демонические силы: некие «социалисты», региональные организации ЛДПР и «Справедливая Россия», самарские промышленные группы ФПГ «Волгопромгаз» и «СОК», какая-то «крупная московская компания», претенденты на пост мэра Тольятти, «малочисленные, но радикальные» независимые профсоюзы и даже «революционерка» Карин Клеман¹⁶.

В богатстве воображения борцам за благополучие российских автопромышленных групп не откажешь. Даже непонятно, как, имея такую армию врагов, все автомобильные заводы страны до сих пор еще не встали. Конечно, АвтоВАЗ – это не «Форд», это российское предприятие – символ отечественной промышленности и дитя государства. Отсюда и иное отношение: на АвтоВАЗе должен царить рай на земле, все рабочие должны быть довольны и ни о какой акции протеста не может идти и речи, по

крайней мере публично.

Возмущенные вымышленными обвинениями в адрес неких «provokatorov» и самих рабочих, якобы «бесящихся с жиру» (на АвтоВАЗе зарплата составляет целых 16–28 тысяч!), мы отправились в Тольятти, чтобы понять, что там произошло. Ниже предлагаем вниманию читателей краткие заметки о полевом исследовании, проведенном на АвтоВАЗе с 3 по 5 сентября 2007 года.

Материалами для исследования послужили социологические интервью, взятые как у участников забастовки, так и у тех, кто в ней участвовать не стал. Также были проведены подробные интервью с внешними экспертами и лидерами профсоюза «Единство» – всего было взято 20 интервью. Вход на завод социологам был запрещен, но тем не менее с людьми удавалось общаться у проходных и в разных общественных местах. Правда, и это оказалось непросто. Так, во время одного из таких интервью беседа была прервана сотрудником Управления службы безопасности (УСБ) завода, который пригрозил вызвать милицию, если социолог продолжит интервью на «призаводской территории». Но это, так сказать, издержки профессии...

О «болевой точке» зарплаты. Недовольство уровнем заработной платы выражали все опрошенные рабочие. Причем, по мнению респондентов, заработная плата стала заметно снижаться после прихода на завод новой команды «москвичей» (так рабочие называют представителей нового руководства от «Рособоронэкспорта»). Снижение зарплаты опрошенные рабочие связывают с тем, что зарплаты менеджмента поднялись до заоблачного уровня, а на завод поступил запрет на «переработки».

Мужчина средних лет, работник конвейера, участник забастовки, объясняет, сколько он зарабатывает: *«У меня четвертый разряд, я 30 лет работаю на конвейере. У меня грязными, с учетом всех вычетов и прочего, получается 13 тысяч. Если все отдам – за коммунальные услуги, за проездной, за питание, – у меня остается на руках 7 тысяч. И это при том, что я еще перерабатываю. Как я могу кормить семью на такие деньги?»*. Его возмущает еще и то, что критерии начисления зарплаты совершенно непрозрачны: *«Я не знаю, за что получаю эти деньги, – мастер нам не показывает расчеты, от нас все скрывается. Складывается абсу-*

рдная ситуация: вроде бы, по их меркам, зарплата повышается, они говорят, что что-то добавляют, а мы смотрим – у нас зарплата снижается. Не знаю, как так получается. Как они считают? Вроде добавляют, а зарплата падает, как так?»

Есть и еще один источник недовольства – низкий уровень зарплаты по сравнению с другими заводами и с прибылью: «Самый низкооплачиваемый – это, мне кажется, АвтоВАЗ. Ниже некуда. Такой автогигант – представьте себе, сколько он вносит в областной, даже в российский бюджет, а мы получаем копейки! Ну что это? Это не дело!»

Молодой человек – участник забастовки, считает, что реальная средняя зарплата рабочих на заводе – 8 тысяч рублей: «И те деньги, которые они пишут – средняя заработная плата, 15 тысяч рублей, – фактически мало кто получает. Потому что это среднестатистическая цифра и туда включены и менеджеры, и начальники наши, которые получают и 300, и 400 тысяч рублей – есть такое у крупного менеджмента. То есть это средняя зарплата. А фактически наш заработок, если убрать все переработки и брать то, как мы по технологии, по нормам должны работать, это где-то в пределах 8 тысяч рублей. А на 8 тысяч рублей сейчас в России не проживешь. С такими ценами, с такой квартплатой, и если еще иметь детей. Вот в принципе из-за этого начали бастовать – кто не побоялся». В снижении зарплаты он также обвиняет новое руководство: «Пришли москвичи, которые купили, или, как некоторые говорят, отобрали завод. А мы получали, если с переработками, где-то в пределах 15 тысяч рублей. Нам в принципе на жизнь хватало. А так как переработку сейчас перекрыли, у нас осталось максимум 8 тысяч рублей. То есть отобрали почти половину. А цены-то выросли. Из-за этого нам этих денег категорически не хватает».

Женщина средних лет, участница забастовки, жалуется также на сокращение социальной сферы: «Надоело все. Надоело считать эти копейки. Раньше льготы были на транспорт, квартиры какие-то давали, были малосемейки, а сейчас все платно. Детям учиться надо. Внукам вообще давать нечего. Купишь что-то, если праздник, и уже все – денег нет. Да вообще сложно стало жить очень после прихода москвичей».

Рабочий средних лет, участник забастовки: «Сейчас другое время. Деньги есть. А какая прибыль у завода! <...> А начальники у нас спрашивают: что вам не хватает-то, зарплату получаете? Получаете! Что жалуется?»

Пусть попробуют жить на нашу зарплату! Пусть себе зарплату поубавят, поделаются с рабочими. Такие деньги не проешь, какие они получают!»

Низкий уровень зарплаты – первая причина забастовки, но недовольство зарплатой испытывают далеко не только участники забастовки.

Молодой человек, не участвовал в забастовке: «Я слышал о забастовке, да. Но я тогда был в отпуске. Если еще будет, я приму участие. Такая зарплата – это не дело!»

Молодой рабочий 6-го разряда, мастер, который во вспомогательном производстве на заводе работает уже восемь лет, говорит о забастовщиках, что они «молодцы» и «правильно сделали, поскольку и правда очень мало зарабатывают». Сам он получает «более или менее стабильно» 10 тысяч рублей. Он также связывает ухудшение ситуации на заводе (и социальной атмосферы в цехе) с приходом «москвичей»: «они урезали премии», «ужесточили контроль, приходят сюда комиссии и что-то проверяют, даже не знаем, что», «они нам не говорят ничего – мы думаем, что они собираются закрыть отдел, продать его или перепрофилировать, поэтому многие уже ушли».

У двух 50-летних женщин, которые не участвовали в забастовке, зарплата еще ниже: «Была зарплата 15 тысяч рублей, стала 6 тысяч, это как назвать? Они просто запретили двойную!»

От 6 до 13 тысяч (с переработкой) – вот что сказали о своей зарплате опрошенные рабочие. Если к этому добавить политику сокращения социальной сферы и льгот, то становится совершенно непонятно, откуда взялась легенда о «рабочих, бесящихся с жиру». Нам кажется, что поднять зарплату до прежнего уровня в 15 тысяч рублей было вполне реально. Забастовщики требовали 25 тысяч рублей в месяц – они считают эту сумму «достойной зарплатой», кроме того, именно такую сумму кандидаты от «Единой России» и по совместительству директора завода называли «реальной» в ходе своей предвыборной кампании.

Нельзя повысить зарплату? Несколько цифр... Отдельные «эксперты» объясняют, что увеличение зарплаты на АвтоВАЗе приведет к краху автогиганта. Но даже по официальным данным заводской бухгалтерии, за второй квартал 2007 года доля зарплаты и социальных отчислений в себестоимости продукции составляла всего лишь 12,33% (на Западе она намного больше – до 50–60%). В этих процентах учтены и высокие зарплаты ме-

неджеров. По данным аналитического агентства «АВТОСТАТ», средняя цена автомобиля составляет 7,8 тысячи долларов. По данным «Коммерсанта», выручка АвтоВАЗа в 2006 году составила 152,45 миллиарда рублей, чистая прибыль – 2,5 миллиарда рублей. Выручка за первое полугодие 2007 года – 67,5 миллиарда рублей, чистая прибыль – 5,1 миллиарда рублей. Таким образом, прибыль увеличилась вдвое, зарплата же не удвоилась.

Если взять бухгалтерские цифры, то в расчете на 120 тысяч работников (в реальности их меньше) средняя месячная зарплата за первое полугодие составляет 10 694 рублей. Если повысить зарплату до 15 000 рублей (то есть на 140%), то ее доля в себестоимости увеличится до 13,7%, а дополнительные расходы – на 3,1 миллиарда рублей за 6 месяцев. Где их взять? Эксперты объясняют, что способ один – повысить цену автомобиля. Но почему никто не предлагает снизить норму прибыли? Или зарплату менеджеров? Можно также улучшить качество автомобилей и продавать их дороже. При улучшении качества продукции можно было бы легко и безболезненно удвоить зарплату. Однако, чтобы это сделать, необходима компетентная и честная управляющая команда, которая вложила бы деньги в модернизацию завода и наладила эффективную систему производства и контроля качества. Но набить свои карманы, не прилагая усилий и возлагая всю ответственность на низкооплачиваемых рабочих, гораздо проще!¹⁷

Сплоченность коллектива и классовое сознание на почве демонстративного богатства и презрения со стороны менеджеров. Низкая зарплата и ее снижение служат фоном общего недовольства, предпосылки же таких активных коллективных действий, как забастовка, находятся в плоскости конфликтных отношений между рабочими и работодателем. Традиционно в России, и особенно это характерно для огромных предприятий, сложился патерналистский тип отношений, где руководитель – барин, а рабочие – зависимые крепостные, которые в лучшем случае способны выдумать хитроумный план обмана «хозяина». Однако в сознании некоторой части рабочих произошли явные изменения, они стали крайне негативно отзываться об отношении к себе руководителей и требовать от них должного уважения.

Одна из участниц забастовки сказала об этом так: *«Мы должны тре-*

бовать от начальства исполнения их трудовых обязанностей по отношению к нам. Вообще, отношение к рабочим – это просто унижительно!» Ее слова подтвердили и другие участники забастовки, они возмущались отсутствием какого-либо ответа руководства на все письменные обращения, которые предшествовали забастовке.

С чем связано такое изменение в восприятии? Судя по высказываниям рабочих, богатство менеджеров («первым делом новые руководители купили себе новые крутые иномарки», «приезжают сюда на своих джипах») стало слишком очевидным. На фоне снижения оплаты труда рабочих уровень зарплаты, который рабочие приписывают менеджерам (несколько сотен тысяч рублей в месяц), вызывает не только недовольство, но гнев и острое чувство несправедливости. Подозрения рабочих в марте 2007 года получили подтверждение: в ходе предвыборной кампании кандидаты в областную Думу были вынуждены декларировать свои доходы; председатель профсоюза АСМ и по совместительству член совета директоров завода Николай Карагин официально задекларировал доход в 780 тысяч рублей в месяц! Эта цифра у многих рабочих на устах.

Итак, все опрошенные нами рабочие выразили недовольство пренебрежительным отношением к себе руководителей, однако реагируют они на него по-разному. В частности, среди рабочих, не участвовавших в забастовке, мы выделили апатичную иждивенческую, а также злобную беспомощную реакцию.

К первому типу относится позиция двух 50-летних женщин, которые жалуются на руководство: *«Ничего для нас никто не делает. Нам ничего никто не предлагает»*. На вопрос о том, почему они не участвовали в забастовке, они отвечают: *«Кто бы нас отпустил с работы?»*

Ко второму типу принадлежит молодой человек, который нервно бормотал: *«Надо бы всем вместе, с автоматом на них – там иномарки и джипы, блин!»*

В текущем исследовании мы не встретили представителей еще одного типа реакции – тех, кто налаживает хорошие неформальные отношения с начальством, – однако наши предыдущие исследования не позволяют о них забыть, тем более что участники забастовки о них упоминали.

Приведем выдержки из коллективного интервью с рядовыми участниками забастовки.

Интервьюер: «Кто не участвовал в забастовке?»

Рабочий 1: «Ну, есть такая категория людей, которые, по-русски сказать, просто забоялись...»

Интервьюер: «Они более зависимы?»

Рабочий 1: «Они? Да, есть такие (называет фамилии), кто не стал подводить бригадиров и мастеров. Они остались на линии, но фактически тоже не работали вследствие того, что мы бастовали».

Рабочий 2: «Мастер нам говорит однозначно: кто мне делает хорошо, тому и буду поднимать заработную плату, буду давать премию, кто – нет, тот не будет получать! Правды не будет. Все конкретно и ясно. Его слова».

Интервьюер: «Он так говорит открыто?»

Несколько голосов: «Да, прямо на собрании! Да, открытым текстом!»

Рабочий 2: «Это проверено. Кто проработал 30 лет, тот за профмастерство не получает ничего. Кто около него, тот получает все. Те, кто ему что-то возит, например. Короче, ты – мне, я – тебе. Вот такое отношение». (Шумное одобрение в толпе.)

Интервьюер: «А многие играют по этим правилам?»

Рабочий 2: «Да, многие – 5–6 человек, а всего в бригаде у нас 30 человек».

Интервьюер: «А с этими людьми вы пытаетесь работать?»

Рабочий 2: «А бесполезно с ними работать, они нас игнорируют».

Рабочий 3: «Они чувствуют поддержку мастера».

Интервьюер: «То есть существует два лагеря?»

Рабочий 2: «Да, два. Только один лагерь – больше. Другой – меньше».

Рабочий 3: «Даже три. Третий – это те, кто ни туда, ни сюда. Плавающий лагерь!» (Смех в толпе.)

Подводим итоги. Участники забастовки от остальных рабочих отличаются тем, что не следуют ни традиционной схеме патерналистски-иждивенческих отношений с руководством, ни клиентелистской модели «ты – мне, я – тебе». Они избавились от иллюзий заботы руководства, не одобряют услужливое поведение некоторой части рабочих и при этом не подвержены беспомощно-злобному настроению. Презрительному отношению руководства к себе рабочие-забастовщики противопоставляют активное утверждение собственного достоинства. Раз они работают хорошо, они хо-

тят, чтобы их работа, мастерство, опыт (большинство забастовщиков имеют большой стаж) были оценены должным образом и чтобы руководство относилось к ним с уважением. Помогает им этого добиться вновь возникшее чувство принадлежности к сплоченному коллективу.

Самым удивительным было то, насколько часто забастовщики произносили слово «коллектив». Коллектив для них – это источник гордости, силы и взаимной защиты. Благодаря ему рабочие обрели чувство, что все вместе они что-то МОГУТ. Эта отличительная черта имеет огромное значение, так как в процессе активизации обычно сначала выделяются лидеры, которые инициируют коллективное действие, а уже за ними следуют все остальные. Здесь мы ничего подобного не обнаружили, напротив, по убеждению рабочих, забастовку инициировал коллектив.

Вот, например, на вопрос интервьюера о том, появились ли новые лидеры на волне протеста, мужчина средних лет, участник забастовки, отвечает: «Лидеры – нет, но народ все больше верит, коллектив поднимается. Сплачивается... в кулак. Это уже что-то, уже что-то значит. Это больше, чем лидер. Здесь коллектив уже соединяется».

Еще один рабочий так оценивает забастовку: «Мы показали себе, что мы МОЖЕМ ударить кулаком по столу, когда надо, когда почва есть. Поэтому мы и решили бастовать. Мы их не боимся – пускай они это знают, пускай пишут в газетах, что у нас есть свой рабочий кулак, которым мы можем ударить».

«Можем» (с ударением), «коллектив», «рабочий кулак», «сплоченность», «смелость», «не боимся» – вот ключевые слова, которые один за другим повторяют все забастовщики. Здесь очевиден процесс самоидентификации части рабочих с коллективом активных борцов: из бесправных работяг они превращаются в самостоятельных субъектов социального действия, осознающих свою общественную и производственно-трудовую ценность. Маркс называл этот процесс превращением класса «в себя» в класс «для себя». И как бы мы ни относились к общей теории Карла Маркса, закономерность становления социально-групповой идентификации – реальный факт нашего времени и необходимый элемент коллективных действий.

Преодоление страха. Сейчас уже трудно судить, как обстояли дела до забастовки, но, по словам рабочих, в забастовке участвовали как раз те, кто

нашел в себе силы преодолеть свой страх.

Мужчина средних лет четко описывает произошедшие в коллективе перемены: *«Нам терять уже нечего! Бояться нечего! Раньше мы боялись, да. Сейчас – нет!»*

Женщина на вопрос интервьюера о том, боится ли она стать членом профсоюза «Единство», обиженно отвечает: *«Нет, не боюсь! Почему я должна бояться? Просто хочу сначала подумать».*

Молодой рабочий на вопрос о дальнейших планах отвечает: *«Хотел бы возобновить забастовку, и даже долгосрочную. Если на месяц надо будет – месяц будем бастовать. Я не боюсь забастовки. Я не боюсь!»* (Твердо и с нажимом.)

Забастовщики разделяют людей на тех, кто боится, и тех, кто участвовал в забастовке: *«Люди – те, кто не боялся, – пошли на забастовочные меры».*

По их мнению, самые испуганные (и достойные только осуждения) – это среднее звено.

Интервьюер: «А на уровне среднего звена вас поддерживают, например, бригадиры?»

Сразу несколько голосов прерывают вопрос: *«Нет!»*

Разные голоса: *«Начиная от бригадиров...»; «Даже начальник участка...»; «Какой начальник? Даже бригадир и мастер...»; «Они все боятся!»*

Показательно, как забастовщики реагируют на репрессии, последовавшие за забастовкой (урезание зарплаты, увольнение двух человек, выговоры). Вот выдержки интервью с женщиной средних лет.

Интервьюер: «А какие дальнейшие планы?»

Мужчина: *«Бороться дальше, а что! Нам терять уже нечего! Бояться нечего! Раньше мы боялись, да. Запугали, мы испугались. Сейчас нам бояться нечего».*

Интервьюер: «Даже угрозы увольнения?»

Мужчина: *«Нет! (Махнул рукой) Это не страшно! Уже не страшно. Будем еще бороться, будем еще бастовать. Не послушают нас, не пойдут с нами на переговоры – еще раз остановим конвейер. Вот и все. Дальше нам идти некуда».*

Из интервью с женщиной средних лет.

Интервьюер: «Как сейчас атмосфера в цехе? Люди испуганы?»

Женщина: *«Некоторые – да, испуганы. Даже после того, как они при-*

няли участие в забастовке, они отказываются от нее, говорят, что не принимали в ней участия, что их операции, допустим, шли за той бригадой, и они не могли их осуществлять. Хотя мы-то знаем...»

Интервьюер: «Понятно. Но тем не менее как вы оцениваете, большинство готово продолжать или нет?»

Женщина: *«Мне кажется, да».*

Интервьюер: «А вы это обсуждаете между собой?»

Женщина: *«Да, конечно, обсуждаем. И я могу точно сказать, что из нашей бригады никто не испугался, наоборот, все возмущены».*

Из интервью с молодым рабочим: *«Агитацию в других цехах нам не дают вести. По крайней мере на заводе. Это с чем ассоциируется? Это ассоциируется с тем, что, если будешь открывать рот или бумажки разносить, просто часа четыре или сутки будешь сидеть у нас в ВАЗовском отделении. А то могут и на трое суток закрыть, и будешь там объясняться. Ну, типа, запугивают. Но мы их не боимся».*

В качестве заключения приведем пример из поля: в 100 метрах от проходной завода социолог беседовал с рабочими, которые уже начали собираться вокруг него в группу, сзади подошел охранник из управления службы безопасности (УСБ) завода. Он жестко прервал разговор и потребовал показать разрешение руководства, дающее право беседовать с рабочими на при заводской территории. На его угрозы вызвать милицию присутствующие рабочие реагировали с большим возмущением.

Рабочий: «А вы кто? Какое вы имеете право так поступать?»

Охранник: «Я не с вами разговариваю. Я выполняю свою работу».

Рабочий: «Мы имеем право здесь находиться и разговаривать с кем угодно. Там – да, там забор, а здесь общая территория!»

Охранник: «Здесь тоже территория завода. Вы стоите на при заводской территории».

Рабочий: «ЧТО?! Сколько метров? Может быть, выстроим конвой? А автобусная остановка – тоже территория завода?»

Охранник: «Вы устраиваете несанкционированный митинг. Будете дальше продолжать – я вызову милицию, вам это надо?»

Рабочий: «Ну, вызывайте! Пусть палками гоняют! Что, мы не можем здесь стоять? А вот я хочу стоять! Они из завода сделали зону!»

Другой рабочий: «Ну ладно, пошли! (Социологу.) Вот видите, наглядный пример, как к нам относятся на заводе!» (Все смеются.)

Кто бастовал: социально-демографический портрет. К сожалению, полного представления о социально-профессиональном составе забастовщиков нет, но качественное исследование позволяет сделать штрихи к портрету.

Во-первых, все опрошенные рабочие цехов, где проходила забастовка («Мотор-3» – механически-сборочное производство, цех 46-1 – сборочно-кузовное производство и цех 45-2 – главный конвейер), единодушны в оценке количества бастовавших: несколько тысяч рабочих, а не 150, как пишут некоторые издания. По словам рабочих, точное число бастовавших установить было сложно, так как все находились в разных местах: кто на митинге у входа в цех, кто в столовой, кто сидел в цехе, кто «бегал туда-сюда». Наиболее убедительной выглядит оценка зампреда профсоюза «Единство» Сергея Ершова, который во время забастовки ходил по трем цехам, он говорит о примерно 2000 забастовщиков.

Конечно, на заводе, где трудятся от 100 до 120 тысяч человек, это капля в океане, но даже эти два процента – не такая маленькая цифра, если учесть сложность и опасность задачи. Забастовка не имела организационной опоры, так как была организована не каким-либо профсоюзом, а коллективом рабочих. Кроме того, по их же словам, рабочие были предупреждены о возможных последствиях такой забастовки, которая никак не могла быть признана законной (законодательно необходимо решение половины коллектива). Тем не менее они на это пошли, «потому что терпеть дальше нельзя было».

Кто они, эти смелые?

Большинство забастовщиков – люди с большим стажем (от 20 до 30 лет), которые имеют возможность сравнивать положение дел на заводе тогда и сейчас и диагностируют ухудшение. В забастовке принимали участие и молодые люди, но костяк составили опытные работники, многие из которых имеют высокий разряд и считают себя хорошими специалистами, мастерами своего дела. Они острее остальных воспринимают низкую оценку своей работы и пренебрежительное отношение начальства.

К тому же, как рассказала одна из опытных работниц: *«Молодые больше месяца не работают, потому что зарплата маленькая, они смотрят расценку и сразу уходят. Говорят: нам не нужен завод, я в городе найду лучшую работу. Ну и правильно, он молодой, у него есть перспектива, он может устроиться. А я, например, 22 года здесь работаю, шесть лет ос-*

талось до пенсии, куда мне идти?»

Молодые предпочитают просто уходить с завода, а старшие работники уже с трудом отделяют свою судьбу от судьбы завода, где они проработали всю жизнь.

Что касается полового состава забастовщиков, то в акции принимало участие примерно равное число мужчин и женщин. Причем мужчины считают, что женщины проявили себя более активно.

Мужчина: *«Женщины активнее, смелее!»*

Интервьюер: *«Смелее? Почему, как вы считаете?»*

Мужчина: *«Ну как объяснить? Они сплоченнее, более выдержаны. А мужчины боятся всего, испуганы. Почему? Не знаю, они матери, наверное, заступницы».*

Наконец, в ходе интервью был выявлен еще один важный фактор – это роль семьи. Многие, объясняя, почему они пошли на забастовочные меры, ссылаются на ответственность, которую они несут за семью (*«Потому что надо кормить, одевать, учить детей».*). Кроме того, участники забастовки говорят о поддержке, которую оказывала им семья во время забастовочных событий. Ни один респондент не упомянул, что семья осудила его участие в забастовке. Этот фактор мы считаем очень существенным, так как нередко активизирующиеся люди сталкиваются с тем, что члены семьи не одобряют их деятельность. Ситуацию на АвтоВАЗе отчасти можно объяснить тем, что огромное количество людей работают на этом заводе целыми семьями и даже династиями, поэтому все члены семьи в курсе положения дел на заводе, а некоторые из них по собственному опыту знают о существующих проблемах.

«Надо бы, чтобы весь завод...»: трудности перехода от благопожеланий к действиям. Если забастовка и события, ей предшествовавшие, сплотили большую часть коллектива в трех цехах, которые принимали участие в забастовке, остальные цеха завода остались в стороне.

Это можно объяснить тем, что бастовали те цеха, без которых производственный процесс идти не может, – в первую очередь главный конвейер. Остановка главного конвейера воспринимается рабочими как главный инструмент давления на руководство, о его стратегическом положении говорят как сами участники забастовки, так и те, кто не принимал в ней участия. Например, вот что нам сказала женщина из вспомога-

тельного цеха: *«Нет, забастовка нам ничего не даст. У нас цех такой, даже если мы будем бастовать, то завод без проблем продержится без нас один-два месяца».*

Сами забастовщики гордятся тем, что «все же почти остановили конвейер, он три часа крутился впустую». Однако они также понимают, что к активным действиям желательно подключить как можно большее количество народа. Об этом говорили как участники забастовки, так и те, кто не бастовал. Но если первые ищут способ этого добиться, то вторые просто высказывают абстрактные лозунги или осуждают забастовщиков за то, что те «бастовали кучкой».

Вот несколько выдержек из интервью с рабочими, которые не принимали участия в забастовке.

С двумя женщинами.

Интервьюер: «Что вы думаете о тех, кто бастовал?»

Женщина 1: *«Молодцы ребята! Мы тут обсуждали все это, забастовку и все прочее. Они молодцы, сколько можно было терпеть! Зарплата у них действительно маленькая».*

Интервьюер: «А вы не думали присоединиться?»

Женщина 1: *«Мы же не работаем на конвейере. Не знаю, вроде бы обсуждали это, но никто об этом не подумал, никто не поднял вопрос... Если бы была общая забастовка, мы, наверное, тоже приняли бы участие. Надо, чтобы главный конвейер полностью остановился, тогда будет толк».*

Женщина 2: *«А вообще мы даже не были в курсе. Раньше были листовки, а последнее время их не стало. До нас по крайней мере ничего не доходит. Запретили, небось!»*

С молодым человеком.

Интервьюер: «Вы принимали участие в забастовке?»

Рабочий: *«Нет, не участвовал».*

Интервьюер: «Почему?»

Рабочий: *«А толку-то? Если бы все, весь завод сразу поднялся, тогда – да, а так... небольшая кучка. Что это дает? Надо было бастовать не там у себя, а у заводоуправления! Всем вместе...»*

«Надо было бы...» – вот что повторяют оставшиеся в стороне от забастовки. Однако помочь тем, кто бастовал, и таким образом содействовать расширению рядов забастовщиков они не додумались.

Забастовщики же реально пытались привлечь к участию большее количество людей. Те рабочие, которые стояли у истоков забастовки, рассказывают, что сначала каждая группа в отдельности писала письма руководству, и только с помощью неформальных межличностных связей между работниками из трех цехов стало понятно, что возмущение общее и необходимо скоординировать свои действия. Рабочие подготовили коллективные письма, в которых выдвигались примерно одинаковые требования. Особенно активные рабочие пытались найти потенциальных активистов и в других цехах, однако эти попытки не увенчались успехом, так как они носили несистемный характер, к тому же подошло время объявленной забастовки.

Рабочие поднимают проблему сплоченности и распространения информации, но плохо представляют, как ее преодолеть.

Женщина: *«Нужно больше сплоченности. Я имею в виду, что необходимо подключить другие цеха. Но есть проблема. Контролируют мастера. Это негласно так – что ты не имеешь права покинуть свой цех. Даже если, допустим, обеденный перерыв или приходишь к знакомому, мужу или жене, все равно считается, что это плохо».*

Проблема горизонтальной коммуникации между цехами. В ходе опроса рабочих, не участвовавших в забастовке, выяснилось, что многие узнали о ней постфактум, а информация о подготовительных мерах до них не дошла. К тому же многие из них явно очень плохо представляют, что такое забастовка, и путают ее с организованными сверху традиционными митингами. Все это свидетельствует о крайне низком уровне информированности основной массы рабочих.

Этому способствует целый ряд факторов.

Во-первых, в сознании рабочих крепко укоренены представления обывательского типа, которые могут принимать различные формы: от иждивенческого и патерналистского настроения до эгоистической установки.

Во-вторых, завод АвтоВАЗ имеет огромные размеры, объехать его можно только на транспорте, и на нем трудятся минимум 100 тысяч человек.

В-третьих, состояние общего информационного поля в городе, где главные СМИ находятся под контролем. В день забастовки, 1 августа, ад-

министрация завода заглушила «Эхо Москвы», на волне которого заводское радио вещало о событиях на АвтоВАЗе. Местные СМИ освещали забастовку в гораздо более критических тонах, чем федеральные, и в основном повторяли версию заводской администрации о том, что ничего не происходит.

Наконец, как видно из приведенных выше цитат, руководство завода предпринимало жесткие меры (по оценкам забастовщиков, ситуация явно ухудшилась в этом отношении перед забастовкой), чтобы пресечь общение между людьми из разных цехов и тем более ведение пропаганды. Например, одного из рабочих активистов, Антона Вичкунина, у которого с собой были листовки, за несколько дней до забастовки задержали на трое суток. Рабочие, распространявшие на заводе листовки, столкнулись с противодействием уже знакомого нам управления службы безопасности (УСБ). У активистов профсоюза «Единство» отобрали пропуск, который позволял им свободно передвигаться по всем цехам. Кроме того, известен не один факт задержания рабочих за распространение газет или листовок либо за нахождение в «чужом» цехе.

Трудности очевидны, но как их преодолеть? Прежде всего, и об этом говорили многие, необходимо налаживать полуподпольную систему оповещения и агитации. Существуют разные способы, многие из них используются уже сегодня, но пока не систематически. Это и семейные и соседские связи, поскольку многие работают семьями и живут в одних домах или недалеко друг от друга, и телефонная связь, в том числе мобильная, которая активно использовалась во время забастовки для поддержания контакта между бастующими цехами, а также между забастовщиками и «внешним миром» – в основном с журналистами и активистами из других городов, которые в это же время, например, в Москве проводили пикеты солидарности у представительства АвтоВАЗа. Последнее играло немалую роль в деле поддержания настроения забастовщиков, которые знали, что их поддерживают и что о них говорят по всей стране.

Но эти меры все же недостаточны для того, чтобы охватить весь завод. Главный недостаток состоит в том, что все добровольные и волевые попытки рабочих активистов носят несистематизированный характер. Именно здесь особенно остро ощущается тот недостаток организующей силы, какой мог бы выступить профсоюз.

Этот непростой шаг вступления в профсоюз: «Я ушел из АСМ, но пока не вступаю в «Единство». На автомобильном гиганте существуют два профсоюза. Один из них – более крупный – входит во Всероссийскую профсоюзную организацию работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения при ФНПР (АСМ) и известен своей лояльностью администрации завода, его председатель Николай Карагин входит в совет директоров завода.

Другой профсоюз – «Единство» – официально объединяет тысячу человек, но в реальности их гораздо больше, так как из-за дискриминационных мер в отношении членов «Единства» все больше рабочих предпочитают не афишировать свое членство и платить взносы напрямую, а не через бухгалтерию. Профсоюз «Единство» был создан в 1990 году, на волне возникновения новых свободных профсоюзов, и имеет большой опыт коллективной борьбы – вплоть до проведения забастовки, которую он достаточно успешно организовал в 1994 году. Тогда администрация также предпринимала репрессивные меры в отношении забастовщиков (в том числе производила увольнения), но рабочим все же удалось добиться ликвидации трехмесячной задолженности по заработной плате.

Профсоюз «Единство» АвтоВАЗа – известный и образцовый в среде свободных профсоюзов. В течение всего времени своего существования он действовал в условиях жесткого сопротивления как со стороны руководства, так и со стороны традиционного профсоюза. Он на деле доказал свою жизнеспособность и непреклонную позицию по защите прав наемных работников. На пике своей деятельности – в середине 90-х – профсоюз объединял до 3,5 тысячи членов, однако затем начались преследования. На его первого председателя Анатолия Иванова даже было совершено покушение.

На волне широкой общественной поддержки в 1999 году Александр Иванов стал депутатом одномандатного округа (Тольятти), и после его ухода в «большую политику» на посту председателя профсоюза его сменил Петр Золотарев. Он занимает этот пост и сегодня.

Рабочие, стоявшие у истоков забастовки (среди которых и рядовые члены профсоюза «Единство», и члены АСМ), а также профком категорически опровергают слухи о том, что именно «Единство» организовало забастовку. Более того, члены профкома сожалеют, что они слишком поздно получили информацию о готовящейся забастовке, что затруднило

оказание организационной помощи. Однако профком подключился и оказал забастовщикам методическую помощь сразу, как только получил эту информацию, – это очень важно, учитывая сложность процедуры забастовки и ведения трудовых конфликтов.

Традиционный профсоюз АСМ никак не поддержал забастовку. Более того, его председатель Николай Карагин сразу сообщил СМИ о том, что бастующие могут быть уволены и что он считает забастовку спланированной и хорошо профинансированной некими силами акцией, с помощью которой те «хотят дестабилизировать обстановку на заводе». Московское руководство ФНПР также публично жестко осудило забастовку. При этом большинство бастующих – члены традиционного профсоюза АСМ. Однако несмотря на это, после окончания забастовки, когда начались репрессии, профсоюз АСМ дал согласие на увольнение одного из своих членов, который принимал в ней участие.

Профсоюз «Единство», напротив, активно противостоит увольнению своих членов. Кроме того, с его помощью все забастовщики, пострадавшие от постзабастовочных преследований, независимо от их профсоюзной принадлежности, подготовили иски с требованием признать наложенные на них взыскания незаконными. Заместитель председателя профсоюза Сергей Ершов считает, что работа по защите активных работников принципиальна, так как она помогает «рабочим не разочароваться в своих силах».

Лидеры «Единства» жалеют о том, что забастовка прошла недостаточно организованно, что позволило работодателю не признавать факт ее проведения, не отвечать на требования рабочих и применять репрессивные меры. Но у профсоюза «Единство» мало сил для того, чтобы вести всю необходимую координационную и организационную работу. Единственный способ решить эту проблему – привлечь в свои ряды тех активизировавшихся рабочих, которые принимали участие в забастовке. Казалось бы, что может быть проще для тех, кто не побоялся бастовать, чем вступить в профсоюз. Однако в реальности рабочим легче участвовать в забастовке, чем сознательно вступить в свободный профсоюз.

Напомним, что в традиционный профсоюз рабочие не «вступают», их автоматически зачисляют при приеме на работу. Однако все опрошенные нами рабочие – как бастовавшие, так и не принимавшие в ней участия – придерживаются о профсоюзе АСМ единого мнения: «Он ничего не

делает». Однако этот вывод вовсе не означает, что рабочие предпринимают практические шаги. Приведем несколько примеров:

Из беседы с рабочим вспомогательного цеха.

Рабочий: «Я состою в АСМ. Они ничего не делают. Да, они раздают всякие там льготы, но я знаю, что льготы не они дают, а администрация».

Интервьюер: «Почему тогда вы не уходите?»

Рабочий: «Да мог бы уйти...»

Интервьюер: «Бойтесь, страшно вступить в «Единство»?»

Рабочий: «Нет, “Единство” – нормальный профсоюз. У меня нет напруга в отношении “Единства”, хорошие ребята. Сюда приходят, беседуем. У нас многие в нем состоят. Они борются за права рабочих. Но проблема в том, что у них очень мало денег».

Из беседы с двумя женщинами небазовых цехов.

Интервьюер: «Вы состоите в профсоюзе?»

Женщины: «Да».

Интервьюер: «В АСМ?»

Женщины: «Да».

Интервьюер: «А что вы думаете о нем?»

Женщины: «Он ничего не делает».

Интервьюер: «А вы слышали о другом профсоюзе – “Единство”?»

Женщины: «Знаем. Да мне кажется, они все одинаковы, все делают для себя, чтобы больше себе хапать».

Из беседы с молодым рабочим.

Интервьюер: «Вы состоите в профсоюзе?»

Рабочий: «Да, состою в профсоюзе... этот... который у Карагина. Толку нет».

Интервьюер: «А вы знаете, что существует еще другой профсоюз?»

Рабочий: «Знаю, что есть такой... “Единство”, кажется, но мало знаю о нем».

Из беседы с пожилым рабочим главного конвейера (не участвовал в забастовке).

Интервьюер: «Вы состоите в профсоюзе?»

Рабочий: «В профсоюзе? Нет, я давно с этим завязал! Зачем мне их кормить? Кормить господина Карагина, у которого доходы 780 000 рублей в месяц!!!»

Интервьюер: «А «Единство»?»

Рабочий: *«Был я в “Единство”, потом ушел. Вначале что-то делали для рабочих, а сейчас уже непонятно. Одни демагогические лозунги! У нас вообще нет профсоюзов, они есть только на Западе».*

Интервьюер: «Но ведь профсоюз – это же объединение самих рабочих...»

Рабочий: *«Нет, у нас профсоюз – это верхушка, живущая за счет рабочих, за счет наших взносов».*

Приведенные фрагменты интервью показывают, что рабочие знают о существовании другого профсоюза, знают, как он называется, однако имеют весьма смутное представление о том, чем он занимается и чем отличается от традиционного профсоюза. Обвинения в его адрес (занимается демагогией или обогащается за счет рабочих) повторяют официальную пропаганду. Но главное – рабочие совершенно не отождествляют себя с профсоюзом. По их мнению, профсоюз – это что угодно, только не «МЫ».

Этим АвтоВАЗ сильно отличается от завода «Форд-Всеволожск», где новые профсоюзные активисты упорным трудом добились того, что рабочие считают себя частью профсоюза. Несомненно, ситуация на АвтоВАЗе во многом объясняется масштабами завода и сложившимся старым коллективом, но, как вскользь и неохотно признают профсоюзные лидеры, причина еще и в том, что профсоюзные кадры пока не готовы и не способны проводить необходимую разъяснительную работу. Впрочем, и кадров для ведения такой работы не хватает. Получается замкнутый круг, который могли бы разорвать забастовщики, если бы они массово вступили в «Единство».

Однако не все так просто. Хотя все участники забастовки либо ушли из АСМ – в первую очередь из-за того, что расценили действия профсоюза в отношении бастовавших как «предательство», – либо заявляют о своей готовности это сделать, далеко не все они готовы вступить в «Единство». Приведем несколько примеров.

Из интервью с мужчиной средних лет.

Рабочий: *«...и начали нас наказывать. Уволили двух-трех человек, всех нас наказали... 500 человек. Вот профсоюз “Единство” нам помогает, но их мало».*

Интервьюер: «А вы член какого профсоюза?»

Рабочий: *«Сейчас никакого. Я был в АСМ, но вышел. Собираюсь всту-*

пить в “Единство”.

Интервьюер: «А много таких, кто решил, что АСМ ничего не делает?»

Рабочий: *«Да, много, особенно после забастовки. Вот у нас вся бригада вышла. Восемь человек сразу. В соседней бригаде тоже сразу семь человек. Многие уходят».*

Из интервью с женщиной средних лет.

Интервьюер: «Вы член АСМ?»

Работница: *«Вышла уже».*

Интервьюер: «После забастовки?»

Работница: *«Да, да, после того, как они дали согласие на все увольнения».*

Интервьюер: «А сейчас вы собираетесь в «Единство?»»

Работница: *«Не знаю, пока никуда не буду вступать».*

Интервьюер: «Почему?»

Работница: *«Неформалка», так скажем».*

Интервьюер: «Бойтесь?»

Работница: *«Нет, не боюсь (обижено)! Просто хочу сначала подумать».*

Из интервью с молодым человеком.

Интервьюер: «А по профсоюзной линии вы где?»

Рабочий: *«В АСМ. Но есть желание уйти, если вы хотите это узнать. Но я бы хотел, чтобы весь завод ушел. Тогда они бы уж точно испугались. Было такое, что профсоюз АСМ говорил руководству, что люди к ним приходят и жалуются, что денег не хватает. Но, откровенно говоря, он ни черта не делает, не шевелится. И я так думаю, что люди дотерпят до того, что все выйдут толпой из АСМ».*

Приведенные выше высказывания показывают, насколько нелегким шагом является для рабочих вступление в организацию, несмотря на то что она отстаивает интересы рабочих. Видимо, необходимо, чтобы рабочие переосмыслили роль профсоюза и свою собственную роль на заводе и в обществе. Вступление в профсоюз должно быть актом гражданского позиционирования, а не просто эмоциональным порывом, который может привести к кратковременной забастовке или к акции протеста.

«Эффект забастовки». 1 августа 2007 года в 10.45 по московскому времени главный конвейер был фактически остановлен. По сообщению экспертов-очевидцев, несколько сотен человек собрались у прохода к конвейеру.

Они пели и танцевали. Все пребывали в состоянии эйфории. «Ощущение было такое, – рассказывает эксперт, – что люди наконец-то обрели свободу. Решились на смелый шаг во имя защиты своего достоинства».

А вот что рассказывают сами рабочие о забастовке.

«Собрались в столовой. Было собрание, или митинг. Сначала мы писали декларацию, что нам нужна зарплата достойная, дайте ответ нам. Все молчали. Мы сказали: если ответа не дадите, значит, будем делать предупредительную забастовку. Снова никто ничего. Вот и решили сделать. На четыре часа. Могли бы больше, но нам сказали, что не надо больше. Нам обещали, что будут договариваться, но никто никого не принял».

«Это же была предупредительная забастовка, это нельзя назвать забастовкой. И мы показали себе, что мы МОЖЕМ ударить кулаком по столу, когда надо, когда почва есть. Поэтому и мы решили бастовать».

«Сначала мы написали нашему президенту о повышении зарплаты, так как у нас денег не хватает на проживание. Мы подписались, очень большим количеством. Я сейчас не скажу, сколько нас было, но очень много».

Ощущение силы, сплоченности, мощи и единодушия – вот чем наполнены эти высказывания, словно забастовщики родились заново.

«А какие дальнейшие планы?» – спрашивал у них интервьюер. Все опрошенные однозначно ответили: еще раз бастовать!

«Бороться дальше! Нам терять уже нечего! Бояться нечего! Раньше мы боялись, да. Запугали, мы и испугались. Сейчас нам бояться нечего».

«Будем еще бороться, будем еще бастовать. Не послушают нас, не пойдут с нами на переговоры – еще раз остановим конвейер. Вот и все. Дальше нам идти некуда».

«Мне кажется, большинство готово продолжать борьбу. Мы это обсуждаем. И я могу точно сказать, что из нашей бригады никто не испугался и все, наоборот, возмущены».

«Я хотел бы возобновить забастовку, и даже долгосрочную. Если на месяц надо будет, то месяц будем бастовать. Я не боюсь забастовки. Я не боюсь».

«Конечно, придется повторить».

«Будем стоять до конца теперь, а что нам делать? Премии лишили, 13-й и 14-й месяц тоже под вопросом (это наказание за участие в забастовке. – К. К.). Вернее, это уже точно. Так что нам терять нечего».

«Конечно, надо доводить дело до конца, иначе какой смысл?»

«Шаг влево, шаг вправо – расстрел!» (Смеется.)

«Надо поднять весь завод!»

Настрой, полный энтузиазма и воодушевления! Однако, к сожалению, оказалось, что этот эмоциональный подъем был временным – впоследствии активной осталась лишь небольшая часть забастовщиков.

Итоговое рассуждение: большинство забастовщиков остались ситуационными активистами. Спустя два месяца после проведения полевого исследования, в ноябре 2007 года, стало понятно, что большинство рабочих дальше участия в однодневной забастовке не пошли. Массового вступления в «Единство» не произошло. В пикете у заводоуправления, организованном 12 октября 2007 года профсоюзом «Единство» в знак протеста против репрессий в отношении участников забастовки, приняли участие всего 20 человек.

Несмотря на то что заводское руководство не выполнило своего обещания начать переговоры с представителями забастовщиков, а на совещании с руководством антизабастовочного профсоюза АСМ оно согласилось увеличить среднюю зарплату всего лишь на 10% с 1 октября, попыток возобновить забастовку предпринято не было. Из этого можно сделать следующий вывод: забастовка прошла на волне временного эмоционального подъема, и за ней не последовала дальнейшая институционализация протеста. Исключение составили лишь несколько человек, которые проявляли наибольшую активность во время забастовки: они либо вступили в «Единство», либо, уже будучи его рядовыми членами, стали намного более активными и даже вошли в профком.

Подавляющее же большинство участников забастовки остались ситуационными активистами – у них есть желание что-то делать и отстаивать свои права, но при этом нет ясного представления о том, как это делать. Со временем накал страстей среди забастовщиков стал утихать, а заводская администрация начала наступление – большинство участников забастовки получили расчетные листы с дисциплинарными взысканиями, двое были уволены. Кроме того, была развернута пропаганда, призванная дискредитировать забастовку и лидеров профсоюза «Единство», по цехам стали распространять листовки профкома АСМ, в которых говорилось, что до и после забастовки работники «были подвергнуты массированному

информационному воздействию с целью подталкивания их на действия, которые не вписываются в рамки Конституции и Трудового кодекса РФ, с целью дестабилизации работы предприятия». Эти листовки также рекламировали заслуги профсоюза АСМ по защите работников, в том числе увеличение зарплаты на 10% и социальные льготы. В местных СМИ (да и в некоторых федеральных) появилась информация, что забастовка была организована «темными политическими силами», преследующими цель «погубить» завод, а работников всего лишь использовали для ее достижения. На некоторых участников забастовки стали оказывать давление: начальство обещало «забыть» о дисциплинарных взысканиях, если они напишут объяснительные, в которых укажут, что профсоюз «Единство» ввел их в заблуждение. Как результат, забастовщики смогли убедиться, что они ничего не добились, и многие разуверились в своих силах.

Мы не можем утверждать, что они вернулись в исходное состояние обывательского фрейма, так как для обратного перехода нужны определенные условия и события. Нам кажется, что большинство участников забастовки сейчас находятся в подвешенном состоянии: они не могут спокойно ждать от работодателя заботы о себе, но и заставить работодателя считаться с ними они тоже не в силах.

Главным фактором здесь выступает отсутствие или слабость механизмов и институтов, поддерживающих солидаризацию коллектива. Ведь солидаризация и сплочение могут стать результатом эмоционального порыва, однако на одном энтузиазме они долго не продержатся. Коллектив не может постоянно пребывать в мобилизованном состоянии, поэтому поддерживать его должны механизмы и институты. В сфере социально-трудовых отношений основой для них может стать профсоюз.

Какой профсоюз? В случае с АвтоВАЗом есть вариант: АСМ, «Единство» или вновь созданный самими забастовщиками профсоюз. Для воплощения в жизнь последнего явно не хватает инициативы. Профсоюз АСМ в качестве самой массовой организации мог бы эффективно играть такую роль, если бы четко занял позицию работников в ходе забастовки, но этого не произошло. Остается миноритарный профсоюз «Единство». Он занимает наилучшую позицию, поскольку активно помогал работникам в ходе забастовки, а затем защищал их в суде. Однако нельзя забывать, что рабочие боятся вступать в нелояльный администрации профсоюз.

И все же главная причина не в страхе, а в том, что если обывательский фрейм пошатнулся во время забастовки, то привычный фрейм взаимоотношений между работниками и профсоюзами остался прежним. Работники привычно воспринимают профсоюз как чужую организацию, в лучшем случае как агентство по распределению каких-то льгот, а в худшем – как часть заводской олигархии, обогащающейся за счет наемных работников.

Почему не произошло изменения в отношении хотя бы к профсоюзу «Единство»? Существует несколько причин. Во-первых, профсоюз подключился к процессу забастовки на позднем этапе. Во-вторых, профсоюз маленький, он имеет мало ресурсов и выглядит не способным эффективно защитить работников. В-третьих, активисты этого профсоюза мало занимаются просвещением или воспитательной работой – они осознают необходимость просветительской работы, но сил на ее ведение не хватает. Забастовка лишь немного пополнила редущие ряды профсоюзной организации, но принципиально ничего не изменила.

Опыт социально-протестного движения Ижевска

Удмуртия представляет собой достаточно яркий пример новых форм социальной активности, или социальных движений. Таковым этот регион Российской Федерации делают следующие обстоятельства:

- в январе-феврале 2005 года здесь зародилось новое социальное движение в виде структур Координационного совета гражданских действий Удмуртии (далее – КСГД), и в отличие от многих других регионов оно не «рассыпалось» и сохранило относительно высокую форму мобилизации;
- в работе КСГД в период с 2005 по 2008 год проявился широкий спектр направлений работы по конкретным социальным проблемам (пенсионной, жилищной, градостроительной и другим), типичным для всей страны, а также широкий спектр методов (от уличных акций до законодательных инициатив и подачи судебных исков);
- частота и массовость уличных акций протеста КСГД выделяют Удмуртию, точнее Ижевск (главный города региона), среди других субъектов РФ;
- протестная кампания КСГД за социальные права совмещена с политической кампанией за отставку первых лиц регионального и муниципального уровня власти, а также с избирательными кампаниями;

■ представители КСГД активно участвовали (и участвуют) в попытке создать координирующие структуры для «новых социальных движений» в масштабах всей страны (в частности, в рамках Союза координационных советов России).

Антимонетизационная волна января–февраля 2005 года. Развитие социальных движений в Ижевске началось совершенно стихийно в январе 2005 года. Как и во многих городах, подъем социальной активности произошел на волне социальных выступлений против монетизации льгот.

Все участники первых стихийных митингов рассказывают примерно одну и ту же историю. После Нового года пенсионеры обнаружили, что их лишили права на бесплатный проезд в общественном транспорте. Для большинства ижевских пенсионеров, получающих мизерные пенсии, это был серьезный удар по их материальному положению. Кроме того, та часть пенсионеров, которая имела ветеранские звания, в большинстве своем восприняла отмену льгот (законодательно связанных со званием ветерана) как прямое оскорбление со стороны властей: «Мы работали всю жизнь, заслужили звание ветерана, и вот теперь так со мной обходятся?!» Возмущение росло как снежный ком, подогреваемое коллективными обсуждениями этого события. Обсуждения проходили в разных местах и в разных кругах, начиная от групп «своих» (в семье, с соседями, в кружках, с друзьями) до анонимного круга пожилых людей в публичных местах (в аптеках, продуктовых магазинах, в общественном транспорте). Новость, преподнесенная возмущенным тоном, распространялась путем разговоров, в том числе и телефонных (нередко люди сами звонили как можно большему кругу знакомых, чтобы поделиться своим возмущением).

В ходе этих встреч родилась идея назначить публичный сход людей на одной из центральных улиц, чтобы выразить свой протест представителям власти в республике. Новость о сходе передавалась таким же образом, как и возмущение (из уст в уста через встречи и телефонные разговоры), а также через самодельные листовки, которые некоторые инициативные граждане решили расклеить у себя в кварталах или на центральных площадях.

Поэтому было бы неверным утверждать, что какая-то партия или иная общественная сила (тем более некие «зачинщики» или «провокаторы», на которых впоследствии власть валила ответственность за «беспорядки») спровоцировала социальные волнения. Другое дело, что более организованные и искушенные в публичной политике силы приняли

участие в распространении информации о самой проблеме и о предстоящих акциях, а также предоставили оргтехнику (мегафоны, звукоусиление и прочее) для митингов. Однако подключение организованных сил произошло не сразу. Тем не менее в толпе быстро выделились стихийные лидеры, которые взяли на себя функции воодушевления собравшихся, распределения выступлений, выработки тактики действий и публичных требований. В Ижевске таких появилось как минимум трое-четверо. Это, с одной стороны, пожилые люди с опытом общественной деятельности или политическим стажем (в последнем случае состоявшие в Российской коммунистической рабочей партии – РКРП), а с другой – более молодые люди, сочувствующие борьбе пенсионеров, в частности молодой журналист практически без политического стажа, но с политтехнологическим опытом и идейными принципами.

Об одном из самых впечатляющих митингов, прошедшем 12 января 2005 года, рассказали многие.

Евгений, молодой активист движения «Оборона»:

«...И тогда – бац, вдруг стихийный митинг, это было нечто, это было сильно. <...> Против отмены льгот. Когда пенсионеров вышвыривали из троллейбусов. Это был не первый, у нас был еще 15 декабря митинг (этот митинг был организован КИРФ, но после его завершения часть участников акции, вопреки официальным организаторам публичного мероприятия, первый раз в Ижевске перекрыла движение транспорта на центральной улице. – К. К.), и тут люди говорили, я слышал от своих соседей по дому, хотя у нас дом благополучный такой, – там действительно было такое движение, люди переговаривались, когда следующий митинг. Это было не санкционировано, это было просто – встречаемся в такой-то день там-то. И вдруг такая толпа встретилась около памятника Ленину, покатила к Центральной площади. Просто смела».

Маргарита, пенсионерка, сталинистка по убеждениям, член РКРП-РПК (очень активна в последующей коалиционной деятельности):

«Мне позвонили товарищи, и я пришла. Я пришла, народу полно, народ уже возмущен 122-м законом, и молодежь там была. Я смотрю: депутаты идут мимо народа с надменным видом, народ все больше в ярость приходит <...>, и вдруг кто-то крикнул: «А перекроем улицу!» Перекрыли улицу, на которой стоит Госсовет, в толпе начали говорить, что хорошо бы перекрыть Пушкинскую – центральную улицу, и большая часть

людей пошла туда, а меньшая осталась у Госсовета. Это было неожиданно. Это было в первый раз. Улица перекрыта, КПРФ нас оттаскивать пришла: давайте, мол, поговорим в стороночке. Народ: ах, так! Нет уж, мы будем стоять на улице.

Потом подходят молодые ребята: «Мы сегодня в три часа собираемся, митинг на Центральной площади». И вот тут мы познакомились с Галиной Павловной – она из рабочих. Она политически безграмотная, конечно, но честный человек, рабочая всю жизнь. А она больше всех кричит, шумная такая, говорит, что завтра собираемся в восемь утра на Центральной площади у Дома правительства.

Прихожу я к восьми утра туда, там народу толпа целая. Так они опять с нами разговаривать не хотят! Приходят ребята, говорят, что митинг в три часа, Галина Павловна кричит, чтобы в три часа все были. Все стали спрашивать, а как мы узнаем, когда следующий митинг. Тут я сообразила и стала записывать фамилии и телефоны. Мы идем, а я соображаю, что у нас требований нет – мы должны что-то выставить. Я побежала домой, на своей «проклятой» (пишущей. – К. К.) машинке напечатала требования.

В три часа мы собираемся, студенты пришли, говорят, что им запретили проводить, им пообещали, что транспорт не отменят. Там я зачитала наши требования, и они были приняты единогласно. И наши требования оказались утвержденными.

Все это было еще в декабре, а в январе, когда мы собрались, у нас уже были требования. У нас уже прошел обзвон по списку контактов. Договорились проводить митинг у памятника Ленину.

У памятника Ленину нас собралось около пяти тысяч. Я снова зачитала наши требования, и уже тысячи людей проголосовали за них. Кто-то крикнул: «Идем к Дому правительства!», и вся толпа двинулась туда. Это натуральная стихия, никто ничего не готовил. Кто-то крикнул, и все пошли. Мы пришли к Дому правительства, там кордоны милиции, нас не пускают, кого-то стукнули, ах, ты, пошло-поехало, видят – дело неладное. Выходит человек от правительства и говорит: «Давайте нам ваших представителей, мы будем вести переговоры». Кто мог, тот через кордон пролез. Всего нас туда протолкнулось чуть больше 40 человек. И к нам выходит вот это правительство. Нам они говорят: «Создавайте комиссию, и мы будем разговаривать с вашей комиссией». Был избран Общественный

совет пенсионеров из 22 человек, я в их числе, и вот мы собрались.

Остальные вышли. Мы стали выбирать председателя, я предложила Фефилова (я знала этого товарища, у него есть хоть какое-то образование), и все поддержали. Нургалиев из КПРФ сидит, его никто не предлагает. А Галину Павловну мы выбрали координатором – обзвон и прочее. Началось заседание, переговоры».

Георгий, пенсионер, беспартийный:

«Сам возмущился, да и соседи позвали. Впервые оказался на митинге, и, когда увидел такую толпу, мне прямо стало радостно, я ощутил такую гордость за нас всех, вот так и ответили за то, что плюнули нам в лицо. Вот и я познакомился с людьми там. Когда люди пошли в Дом правительства, я тоже пошел и оказался среди делегатов. И тут начали нас унижать, сказали: не кричите, не надо орать. Нам сказали: «Мы знаем, кто вас собрал!» Издевались над нами, будто у нас своих мозгов нет. Тут я встал и сказал: «Меня никто не собирал. Я никогда не ходил ни на какие митинги и пикеты. С сегодняшнего дня я буду ходить на все пикеты, митинги и демонстрации!»

Владимир Фефилов, пенсионер, руководитель городской ячейки РКРП-РПК (впоследствии председатель Общественного совета пенсионеров – до мая 2006 года):

«Когда огромная толпа начала штурмовать здание правительства, все кричали, орали, но я видел, что все это так не должно быть – кто-то должен организовать эту неорганизованную толпу. И я подошел к начальнику и попросил: «Вы можете привести кого-нибудь из правительства? Иначе все разнесут и будут тяжелые последствия». Вышел Питкевич (глава правительства Удмуртии), я говорю: «Юрий Степанович, давайте изберем делегатов для переговоров», встал и назвал: ты, ты, ты, ты. И когда мы уже зашли туда, за дверь, все продолжали кричать (считали, что правы), но я призвал всех молчать и тут же начал организовывать разговор с членами правительства. <...> А потом мы с председателем правительства вышли на улицу, объявили о результатах наших переговоров. После 12 января я всю ночь не спал и думал о том, что же все-таки произошло. И я понял, что если мы останемся в прежнем состоянии, то это будет полумера, нужно расширить протест, нужен более широкий фронт».

Андрей Коновал, журналист оппозиционной региональным властям

газеты и преподаватель университета (возраст в 2005 году – 35 лет), впоследствии лидер местного Координационного совета:

«...И я пошел на этот митинг. Там действительно пять тысяч человек собрались, потом двинулись маршем. Я шел в этой толпе как журналист. На самом деле у меня не было никаких амбиций или еще чего-то. Я шел и фотографировал все это дело, ну и рассчитывал, по возможности, по заданию редакции, просто установить контакты с протестующими пенсионерами, чтобы впоследствии оказать им информационную поддержку. Пришли мы к Дому правительства. Там уже выстроились милиционеры, не пропускают. Но пенсионеры были возбуждены, стали давить на них, хотели прорваться. Милиционеры их не пускали, упираясь ногами в ступеньки крыльца. Я сначала зашел за оцепление и фотографировал все с крыльца здания. Потом подумал, что надо бы заснять все и с другой стороны. Вернулся в толпу и начал фотографировать оттуда. И думал, что надо бы прорваться. И пенсионеры начали нервничать, кричать: «Где Волков? (Президент Удмуртской Республики.) Пусть выйдет!» Начали скандировать: «Льготы! Льготы!» Потом это переросло в «Воры! Воры!» И мы как бы начали давить. Но тогда я еще с себя функции журналиста не снимал. А тут вышел председатель правительства, Питкевич, и предложил выбрать делегатов для переговоров. И люди стали выбирать, ну даже не столько выбирать, сколько сами вызываться в делегаты, и кто смог, тот прошел туда сквозь оцепление. Я смотрю – и прессу стали запускать. И тогда кричу: «Юрий Степанович, прессу пропустите?» Он на меня посмотрел и говорит: «Пресса уже прошла!» А я вижу – прошли все «купленные» (властями. – К. К.) газеты. Я и говорю: «А это не та пресса прошла, вы газету «День» пропустите». Он просто отмахнулся, повернулся и ушел. Тогда я обратился к людям, говорю: «Товарищи, если меня как прессу не пустили, может быть, вы меня как делегата двинете?» А мне ответили: «Давай, давай!» И я, короче, как делегат, поднялся в зал заседаний и сел за стол, за которым должны были вестись переговоры. Причем (смеется) я специально сел поближе к Питкевичу, чтобы капать ему на мозги, если он демагогией начнет заниматься. И тоже – вижу такого харизматичного пенсионера Владимира Николаевича Фефилова (впоследствии стал председателем Совета пенсионеров), с амбициями лидера, ну я и сел с ним рядом, чтобы по необходимости подсказать ему, что сказать или как поступить. Что и делал. В частности, когда пере-

говоры зашли в тупик, я предложил Фефилову озвучить предложение ввести мораторий на отмену бесплатного проезда пенсионеров до 1 февраля, пока не найдено иного решения. И это предложение было принято. Ну и в конце концов, уже после завершения переговоров, тут же, в зале заседаний правительства республики, образовали Общественный совет пенсионеров Удмуртской Республики. Собственно, я и предложил это название. И, кроме того, я предложил пенсионерам создать при совете пресс-службу. Ну и выбрали пять руководителей, меня в том числе как ответственного за информационную политику».

Все процитированные выше персонажи до сих пор активны, но уже в другом формате. Так что массовые митинги января 2005 года на всех произвели такое сильное впечатление, что все в той или иной степени вовлеклись в общественное движение. Что случилось 12 января, что оказало такое решительное влияние на участников событий? Как это случилось?

Во-первых, еще раз подчеркнем, что основные акторы действий – самые обыкновенные люди, пенсионеры и молодые ребята – возмущены наплевательским отношением власти к старикам. Тут схема мышления примерно такова: сначала нас лишают заслуженных льгот (несправедливость), потом, когда вышли на улицу, власть нас игнорирует (отрыв власти от народа). Давайте заставим их замечать нас!

Во-вторых, очевидна цепочка событий, которые от митинга к митингу привели к росту массовости. Кто-то пришел на один сход, поговорил с такими же пострадавшими и возмущенными, люди друг друга «зажгли», убедили, что обида не должна остаться без достойного ответа. Договорились встретиться там-то во столько-то на следующий день, передали информацию дальше, получили информацию о других сборах. Потом, увидев, как много народу собралось, энтузиазм взял верх. Массовость влечет за собой массовость. Люди поверили, что это возможно, что возможно не только выходить на улицу, но и стать хозяевами на улице, в городе (который превратился в публичное пространство). Они стали передвигаться по улицам и в административных зданиях как по своей территории. Кричали, шумно демонстрировали свое присутствие, обозначали свое главенство перед властью. И дальше распространяли это чувство, приглашали все больше народа, чтобы делиться энтузиазмом и возмущением.

Здесь важно несколько моментов. С одной стороны, это энтузиазм и

эмоциональный заряд, который получили все участники событий. Мы уже неоднократно наблюдали, какой эффект имеет на людей перекрытие улицы или массовый сбор эмоционально заряженных людей. Они преисполняются гордостью и самоуверенностью: «Вот что значит быть гражданином!»; «Это наша улица!»; «Вот так надо разговаривать с властью, надо заставить их с нами разговаривать, а не слушаться ее во всем как бараны». Бабушки и дедушки держат друг друга за руки. Лица значительны и сосредоточены. Обсуждают друг с другом случаи возмутительного «беспредела». Здесь рождается пусть ненадолго, но все же стремление к солидарности, к единению за общее справедливое дело.

С другой стороны, это чувство своего достоинства (я поднял голову) и собственного могущества, чувство того, что мы МОЖЕМ, мы имеем власть. Тут имеет место эффект толпы, но это отнюдь не иррациональная и безумная толпа, а толпа гордая и властная.

Причем толпа способна к самоорганизации. Как видно из отрывков интервью, очень быстро нашлись люди, политически более опытные или просто думающие, которые стали записывать контакты, напоминать о необходимости назначить следующую встречу, формулировать общие требования.

В-третьих, возникли стихийные лидеры толпы. Люди, которые кричали громче всех, либо говорили более привлекательные вещи, либо выглядели более авторитетными, либо сумели выразить настроения остальных более четкими формулировками лозунгов и требований, либо предложили конкретные меры воздействия на власть и методы самоорганизации.

Среди них были Андрей Коновал и Владимир Фефилов, впоследствии ставшие лидерами местной коалиции (Координационного совета гражданских действий Удмуртии). Важно отметить, что ни тот, ни другой не имели большого политического опыта.

Андрей – заместитель главного редактора ижевской оппозиционной газеты «День». Новичок в политике. Историк по образованию, преподавал год в школе, потом учился несколько лет в аспирантуре в МГУ, когда вернулся – начал преподавать в Удмуртском государственном университете. Одновременно начал заниматься журналистикой. К моменту антимонетизационных волнений приобрел определенный опыт в области рекламы и политических технологий, начал неплохо, по ижевским меркам, зарабатывать. В 2004 году, следуя своим убеждениям, создал не-

большую политическую организацию сторонников российского политика Сергея Глазьева – в основном из молодежи. События января 2005 года перевернули его жизнь. Он оказался в нужном месте в нужный момент и, увидев решительность и энтузиазм протестующих, но также их организационную слабость и слабую договорную способность, решил поставить свои организационные способности на службу движению. С тех пор он «погряз» в общественных и политических делах и занимается ими все больше и больше. В качестве одного из мотивов своего включения в активную протестную деятельность называет попытки региональных властей уничтожить независимую газету, в которой он работал.

Владимир – пожилой человек, всю жизнь трудился культработником и, как сам он о себе говорит, «владеет технологией публичных выступлений». Видно было по многим наблюдениям, что он обожает трибуну и ораторствует с огромным удовольствием и чувством собственного значения. Кроме того, он любит командовать (тут тоже сказывается большой стаж режиссера). Благодаря этому он и стал стихийным лидером пенсионеров, начиная чуть ли не с первых митингов. Нужен был такой человек, который говорит, кто что должен делать, который организует стихийный процесс. Большую роль в том, что Владимир стал признаваемым и узнаваемым лидером протестующих пенсионеров, сыграли газета «День» и Андрей, взявшие на себя функции интеллектуального центра движения (подготовка резолюций и требований, пресс-релизов, освещение событий на страницах «Дня»). Владимир состоял (до 2007 года) в политической партии РКРП – маленькой коммунистической организации сталинского уклона, но сам он отнюдь не фанатичный поклонник Сталина. Он вступил в партию, будучи уже на пенсии: «В политику я пришел совсем недавно. К тому времени, когда началось это брожение перестройки, мои сыновья выросли и предъявили мне счет: ты от своих родителей получил могучую процветающую счастливую страну, а что ты нам оставляешь? И вот в 2001 году я вступил в Российскую коммунистическую рабочую партию»; «Но я не сталинист, я критически отношусь к советской истории: то было хорошо, то плохо, и наша вина – по большому счету мы в долгу перед всей мировой цивилизацией, – что мы извратили идеал коммунизма (всеобщего равенства и братства)».

Нельзя сказать, что Андрей и Владимир стали лидерами случайно. У обоих были способности и таланты, оказавшиеся нужными в это время.

У обоих было желание помочь развитию движения, чувство того, что это всего лишь начало процесса и что необходимо его продвигать дальше. У обоих были оформленные идеологические взгляды. У Владимира это был идеал равенства, которое он воспринимает как равные возможности для всех самореализоваться: *«[Я стал этим заниматься] во имя своих детей, внуков, правнуков. За то, чтобы они были счастливы. Чтобы у нас всех были равные стартовые возможности. Лентяй в любом обществе останется лентяем, трудовой человек всегда найдет себе дорогу. Чтобы человек, который трудится, вызывал уважение, не важно, в какой области, важно, что человек трудится, созидает. И не ради куска хлеба, а ради самовыражения. Можно быть великолепным столяром, можно быть честным политиком. <...> Не важно, в каком костюме ты ходишь. Главное, кто ты. А сегодня кто-то ухватил, кто-то стал богатым, кто-то стал нищим. Это несправедливо».*

У Андрея это была теоретическая позиция, близкая к взглядам Сергея Глазьева (российский экономист и политик) и Иммануила Валлерстайна (известный американский социолог и историк): *«В 2003 году разворачивается кампания блока «Родина», в которой одним из лидеров являлся С. Глазьев, уважаемый мною как экономист и политик, на протяжении многих лет четко отстаивающий свою позицию. Взгляды Глазьева на место и задачи России в мировой экономической системе близки к той теоретической базе, которой я придерживаюсь, – это мир-системный подход Валлерстайна, неомарксистский по своей сути. Я считаю себя человеком демократических и одновременно левых взглядов – не леваком в чистом виде, а, скажем так, левая экономическая платформа и патриотическая позиция мне кажутся вполне привлекательными».*

Эти два стихийных лидера и еще несколько других активистов со стажем (в частности, активист профсоюза работников образования) способствовали переходу стихийного движения в более организованное русло. Ими же выдвинута идея создания Координационного совета гражданских действий Удмуртии (КСГД) как неформального (незарегистрированный) органа координации между различными сегментами и организациями протестного движения, возникшими на волне возмущения монетизацией. Владимир озвучил его создание на массовом митинге 12 февраля. Значимость этого момента нельзя недооценивать. Оба инициатора – Андрей и Владимир – долго останавливаются в своих интервью на том,

как был создан КС, и они придают большое значение тому, что он был легитимизирован массовым голосованием на крупном митинге. Кроме того, о значимости этого совета говорит еще и то, что руководство местного отделения КПРФ было настроено жестко против его создания. Ведь ставки были высоки: иначе, как традиционно водится в стране (и как это случилось во многих регионах), КПРФ постепенно возглавила бы движение, приручила бы его, перевела в лояльное русло (в Ижевске, как и во многих других регионах, чиновники и депутаты от КПРФ полностью зависимы от местной власти и поэтому встроены в систему), и движение бы быстро затухло.

Поэтому и случился конфликт на митинге 12 февраля. Рассказывает Владимир: *«К митингу КПРФ уже знала о нашей инициативе и подготовила свой список членов КС, совершенно другой список, согласованный с правительством. Было два списка членов КС – их и наш, а они сотрудничают с властью. Митинг на Центральной площади начал развиваться совсем не по тому руслу, которое мы предполагали. Вел его первый секретарь партии, и шел какой-то официоз. И я вынужден был прорваться к микрофону и повернуть митинг в ту сторону, в которую нам было нужно. И зачитал другой список, спрашивал людей, верят ли они мне, они кричали, что да. И тогда митинг повернулся».*

О том же инциденте рассказывает – более подробно и как об эпосе – Андрей: *«На этом митинге мы должны были объявить о создании Координационного совета гражданских действий Удмуртии (КС), который бы объединил не только пенсионеров, но и какие-то иные силы, каких-то людей, которые точно не прогнутся перед властью, которых мы знаем. Были и иллюзии в отношении КПРФ, которой тоже было предложено участие в КС <...>. Ну, вот этот список Координационного совета был подготовлен, но буквально за два дня что-то коммунисты начали крутить. Мы допустили ошибку – доверили подать официальную заявку на проведение митинга функционерам КПРФ и аренду звуковой установки, хотя тяжесть основной пропагандистской работы по созыву митинга легла на активистов Общественного совета пенсионеров и на газету «День». Про КС они вообще стали говорить, что мы не должны создавать его. Б. у них, первый секретарь, начал говорить, что мы должны создавать общественную палату и пригласить туда только членов партий и профсоюзов по два человека. То есть даже от «Единой России». А мы вообще не*

знали, как это понять. Зачем вместо протестной коалиции создавать заранее недееспособный орган? И накануне мы выясняем, что они просто-напросто согласовывают, то есть курсируют между нами и мэрией, где сидит человек из президентского дворца. То есть у них с подачи руководства республики был план переиграть весь сценарий митинга, возможно, даже провозгласить другой список КС.

Митинг начался, восемь тысяч участников – офигенный митинг для Ижевска. На трибуну вылезли и председатель ФНПР, и руководитель президентской администрации, и мэр города. То есть что это за митинг такой, сплошной официоз! В такой вот обстановке мы оказались... Да, и, понимая, что так может случиться, мы еще утром провели мозговой штурм, пропагандистское собрание с пенсионерами и молодежью «глазьевской». Где проговорили: товарищи, мы должны переломить ситуацию, «захватить» микрофон, наша задача – провозгласить список КС.

И фактически так и случилось. Практически мы прорываемся к микрофону, они не дают. Во-первых, КПРФ расставила людей из Союза офицеров, которые отгораживали место выступлений от толпы. Но я своих людей все равно протащил сквозь оцепление, создался такой «отряд» как бы на правом фланге от микрофона, который шаг за шагом постепенно подбирался к микрофону... В общем, когда начали выступать эти сами гады, один за другим, наши люди стали кричать: «Слово Совету пенсионеров! Слово Совету пенсионеров!» И Б. (ведущий митинга – функционер КПРФ) смутился и сказал: «Слово предоставляется председателю Совета пенсионеров К. (Андрею)» Я обалдел – какому «председателю Совета пенсионеров»? Он, конечно, должен был слово дать Ф. (Владимиру) по плану. Ну ладно, я вышел и зафигачил речь. О том, что у меня вот тут за спиной стоят функционеры ФНПР, представители администрации президента, члены политсовета «Единой России», которая этот самый закон №122 приняла. И еще делают «честные глаза». И я говорю: «А почему нет ни одного слова о том, что этот митинг готовил Совет пенсионеров?» 70% на митинге были пенсионеры. Ну, в общем, я всем им дал по мозгам. А до этого митинг был таким официальным. Народ стоял как мертвый. И тут проснулись. Начались крики, скандирования. Потом еще кто-то выступил. И потом Ф. (Владимир). Он, по нашему замыслу, должен был зачитать список КС. В конце концов Ф. вышел и начал произносить свою пламенную речь. А я испугался, что он забудет про список КС. Я достал

список и встал поближе к нему, чтобы передать. А Б. это увидел. И встал между мной и Ф. Говорит мне: «Это наш митинг, что ты тут?..» Но Ф. заканчивает, я ему передаю список, Б. пытается его схватить, промахивается, а Ф. его берет и зачитывает. А тут еще какой-то гад отключает микрофон. Народ не понимает, что происходит. Ф. кричит: «Голосуйте вы за этот список?» – «Да, голосуем!» Потом зачитывает нашу резолюцию, такую нормальную. А потом Б. берет микрофон и начинает опять давать слово не согласованным с нами выступающим, наша команда начинает скандировать, чтобы прекратить эти провокации, наша пенсионерка выдергивает из микрофона провод. Потом Б. его вставляет опять и объявляет, что митинг закончился. Я кричу, что «неправда, еще час положен!». Короче, митинговали еще полчаса».

Мы намеренно привели столь длинные цитаты – они показательны. Во-первых, очевидна неразбериха, в том числе на трибуне, что позволяет открыть пространство для новых дискурсов и новых лидеров, указать публично на новые проблемы. Во-вторых, видна разыгранная баталия за контроль над курсом митинга: он мог пойти в официальное русло (под контролем функционеров от КПРФ с поддержкой региональной власти) – свести требования людей к минимуму, превратить митинг в обычное выпускание пара, направить недовольство людей не на региональную власть (от которой по закону о монетизации зависела судьба региональных льготников и социальный пакет) и не на федеральную (которая и приняла закон), а на мэрию, которая фактически была бессильной в случае с монетизацией. Он мог закончиться ничем с принятием нейтральной резолюции ни о чем или обо всем. Однако усилиями новых лидеров и «боевых» отрядов пенсионеров он был направлен в необходимое русло для развития социального движения: был провозглашен и одобрен список КС с более репрезентативным составом по отношению к присутствующим силам (в частности, в совет вошли многие «рядовые» пенсионеры), были озвучены конкретные требования относительно проблемы монетизации льгот, наконец, митинг был представлен как лишь один момент в более общей кампании против монетизации.

Вот с тех пор продолжает действовать этот КС, который спустя четыре года существенно изменился и по составу, и по направлениям деятельности, что только свидетельствует о его гибкости (то есть чувствительности к изменениям обстоятельств) и жизнеспособности.

Выводы о первой фазе мобилизации

Что сделало ее возможной (фоновая ситуация)?

- Горизонтальная коммуникация по неформальным каналам (за пределами кругов «своих»): телефон, публичные места встречи, круг знакомых.
- Эмоция, в первую очередь возмущение и обида (чувство оскорбления), а затем энтузиазм.
- Внезапное и конкретное воздействие закона на повседневную жизнь людей (выгоняли из автобусов и троллейбусов).
- Закон затронул разные категории людей (почти каждая семья так или иначе была затронута), причем эти категории пользуются определенным уважением среди населения в целом: пожилые люди, инвалиды, жертвы политических репрессий.

Что превратило протест в коллективные действия?

- Изначальное отсутствие реакции властей (интерпретировано людьми как презрение).
- Эмоциональный заряд первых стихийных сходов.
- Эффект критической массы (когда массовость влечет за собой массовость).
- Наглядная демонстрация силы, которая убедила людей, что они на что-то способны: «нас много, с нами они ничего не могут сделать» (отсутствие репрессий вначале), «улица нам принадлежит».
- Подключение к мобилизации организаций с опытом (КПРФ, РКРП, профсоюз работников образования, общественные организации).
- Возникновение «стихийных» лидеров.
- Формулирование общих требований.
- Начало переговорного процесса с властью («нас были вынуждены услышать»).
- Стечение случайных обстоятельств (кто кого ругал, кто случайно оказался на месте): это тонкие мотивы человеческих действий, которые не поддаются социологической систематизации, а всего лишь детальному описанию.

Что поддерживало во времени процесс мобилизации (регулярные митинги в январе–марте 2005 года)?

- Продолжение переговоров и непрерывная связь «переговорщиков» с протестующими. Процесс переговоров шел по следующей схеме: встреча с представителями власти, отчет делегатов перед митингующими, коллективное обсуждение, новые предложения, отказ власти идти на компромисс (или же предложение полумер), решение о следующем митинге, осознание необходимости непрерывного давления «снизу».
- Первые уступки власти (сразу же после митинга 12 января митингующие отстояли бесплатный проезд льготников до 1 февраля 2005 года) и стремление добиться большего (открытие окна возможностей).
- Утверждение новых лидеров, не заложников организации, встроенной в систему власти.
- Создание организационных структур (Общественный совет пенсионеров и КС).
- Общероссийский контекст: новости о подобных акциях повсюду в стране.

Организационная составляющая: Координационный совет гражданских действий Удмуртии (КСГД). Все полевые исследования, проведенные нами, показывают, что на одном эмоциональном порыве мобилизация длится недолго. Возможна одна-две краткосрочные акции, а затем волна активности спадает. Люди не могут постоянно пребывать в мобилизованном состоянии. Поэтому для поддержания активности и солидарности нужны механизмы и институты, коим стал для многих Координационный совет (КС) г. Ижевска.

Необходимо остановиться на анализе этого коллективного органа и проследить его эволюцию. Анализ нацелен на выяснение следующих аспектов: состав, внутренние взаимоотношения, внутренние правила, деятельность, стратегия, идеология.

Во-первых, стоит выяснить, откуда возникла сама идея создания такой структуры. Все очевидцы этого процесса сошлись в одном: главное здесь – «человеческий фактор». Так сказала деятель профсоюза работников образования: «Несколько человек, давно борющихся за социальные

права, сошлись и решили укрепить протестное движение созданием координационной структуры. Ведь, когда пенсионеры стихийно вышли на улицу, стало понятно, что им нужна помощь. Они сами по себе не имеют достаточных организационных ресурсов. Потом, нам казалось необходимым включить другие слои населения в протест, раз закон №122 касается далеко не только ветеранов. Решение о создании Координационного совета было принято, кстати, на всероссийской акции протеста 12 февраля, когда нам стало известно о существовании Совета общественной солидарности и о попытках координировать движение на всероссийском уровне. Ведь очень важно для регионов иметь выход на всероссийский уровень, поэтому такая координация необходима».

Иными словами, создали совет инициативные участники протестных действий, которые при этом еще и имели либо опыт общественной деятельности, либо же абстрактное знание о необходимости организации. Кроме того, играло роль знание о том, что подобная координационная структура существует на всероссийском уровне. Впоследствии стремление к выходу на всероссийский уровень привело к тому, что региональные КС нескольких городов объединились в межрегиональную коалицию – Союз координационных советов России (КСР). Решение об этом приняли делегаты из шести координационных структур – из Перми, Ижевска, города Асино (Томская область), Санкт-Петербурга и Астрахани, собравшись на совместный семинар на первом Российском социальном форуме, состоявшемся в Москве в апреле 2005 года.

Сразу отметим, что в тех регионах, где были созданы широкие и структурированные координационные советы, протестная волна длилась дольше и охватила больше людей, чем в тех регионах, где либо не было никакой координационной структуры, либо она перешла под контроль системной партии (в частности, КПРФ).

Организационные принципы КС Ижевска изменились со временем, в первую очередь из-за внутренней борьбы за влияние между партийцами и общественниками. Первоначально в 2005 году в КС вошли следующие организации: Общественный совет пенсионеров УР (созданный на протестной волне в январе 2005 года), Удмуртское отделение профсоюза работников народного образования РФ, Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки, КПРФ, РКРП, РДП «Наш выбор», Партия трудовой солидарности, Общероссийская общественная ор-

ганизация «За достойную жизнь!», независимые профсоюзы студентов, оппозиционная газета «День» и ряд других политических и общественных организаций. В его состав также вошли индивидуально два депутата Государственного совета УР. Другие члены делегированы своей организацией.

Количество членов составляло 19 человек (в апреле 2005 года). По словам самих участников, члены КС были строго отобраны по следующим критериям. Цитируем: *«Это должны быть люди, способные конкретно и на деле защитить права. Это должны быть подвижники, люди, о которых мы знаем, что они не предадут под давлением властей. В третьих, это должны быть близкие по духу люди, люди, которые действительно хотят помочь движению, которые живут этим».*

Сначала решения принимались консенсусом. Этот метод принятия решений является формально самым демократичным, но имеет свои издержки, особенно в контексте, когда не все члены совета стоят на одинаковых мировоззренческих позициях и по-разному видят перспективы КС. Так, в Ижевске рано дало о себе знать противоречие между остальными членами и КПРФ (явно стремившейся к контролю над структурой и настроенной тормозить деятельность КС: «Приходится быть постоянно на чеку, дабы не давать КПРФ возможности монополизировать процесс»), а также между желающими политизировать протест (через лозунг об отставке президента республики, в частности) и не желающими этого (особенно профсоюзы, но также и КПРФ, у которой были свои представления о политизации). К этому надо добавить межличностные конфликты между сильными характерами. Сначала, несмотря на постоянные споры и дебаты, удавалось преодолеть разногласия путем дипломатических усилий и во имя сохранения коалиции. Цитируем: *«Нужно проявлять чудеса дипломатии, сгладить конфликты, но в то же время не слишком отступить от своих позиций, чтобы баланс сохранился. Это нелегко, но возможно благодаря тому, что все работают во благо народа. Никто из нас не пытается тянуть одеяло на себя или заработать очки. И каждый из нас очень много работает. Времени не хватает даже выспаться».* В таком составе КС действовал примерно до середины 2006 года, пока существовало минимальное доверие между разными членами, основанное на уверенности в том, что все нацелены хотя бы на развитие КС в целом.

Внутренние противоречия привели к расколу на собрании КС 19 июня 2006 года. Условно говоря, с одной стороны были партийцы (КПРФ и РКРП), с другой – общественники. Усугубило ситуацию предвыборное время (только что прошли выборы в горсовет и готовились выборы в Госсовет УР и Госдуму РФ), конкуренция лидеров, а также усиливающийся отрыв КС от реальных участников местного протестного движения. Дело в том, что системные партии и организации не могли идти на жесткий конфликт с президентом республики, особенно перед выборами. Кроме того, партийное руководство пыталось перехватить контроль над КС, выдвигая дополнительных представителей и заключая союз с представителями других партий. Эти аппаратные игры тем более раздражали других участников, что основную работу по организации кампаний проводила беспартийная часть активистов КС. В этот период к протестному движению как раз примкнули новые группы активистов – гражданские инициативы, борющиеся против уплотнительной застройки, против начатой властями политики ликвидации садоводческих товариществ, против завышенных тарифов на жилищно-коммунальные услуги, за право жителей ижевских общежитий участвовать в бесплатной приватизации своего жилья. При этом представители компартии отказались принять в КС в качестве полноправных членов делегатов от этих новых движений. В итоге в течение некоторого времени существовало два КС, а спустя несколько месяцев «партийный» КС исчез. Акции и мероприятия, организованные им, привлекали в десять раз меньше народу, чем акции, инициированные «общественниками».

Отметим, что «общественники» и «партийцы» – условные названия. Были и есть члены партий в КС «общественников», были общественники (например, некоторые члены Общественного совета пенсионеров) в распавшемся КС «партийцев». По нашим оценкам, оба лагеря отличались в основном тем, как они видели КС: как филиал политической партии или как самостоятельную гражданскую структуру, которая может выдвигать свои собственные политические лозунги. В борьбе за контроль над КС победил лагерь «общественников», что во многом объясняет дальнейшее развитие КС Ижевска, который регулярно выводит на улицу от 500 до 2500 человек (большой мобилизационный потенциал, учитывая размер города) и сумел добиться нескольких значимых результатов в борьбе за социальные права.

С аналитической точки зрения конфликтные моменты в организации говорят о многом, поэтому стоит остановиться на противоборстве двух лагерей. Напряжение началось давно из-за двоякой позиции КПРФ в отношении КС (то поддерживала, то отмежевывалась) и усиливалось по мере того, как изменялся баланс сил в пользу «общественников», которые стали костяком координационной структуры местного социального движения. Однако их реальный вес в общественном движении не отражался на структуре КС, «партийцы» могли блокировать принятие решений (учитывая метод консенсуса). К этому надо добавить борьбу за лидерство между бывшими соратниками Владимиром ФEFIЛОВЫМ и Андреем Коновалом. Ставший лидером на старости лет Владимир высоко ценил свой статус, мыслил себя гарантом коалиции (это означало для него быть выше конфликтующих сторон) и был весьма польщен общественным вниманием, которое обрушилось на него. На митингах и собраниях он мог часами говорить и очевидно наслаждался своей значимостью. Поэтому он начал напрягаться, когда авторитет молодого и энергичного Андрея стал расти, по крайней мере на взгляд «общественников», «новых активистов» и массы участников публичных мероприятий. В интервью, датированном июлем 2005 года, он уже намекал на амбиции молодого журналиста, которые ему показались вредными, поскольку Андрей был человеком непонятных взглядов и политически «неопределенным», на взгляд коммунистического активиста старой гвардии. Владимир стал искать союза с другими организациями, для того чтобы уравновесить авторитет Андрея. Для усиления собственного влияния он пытался играть на противоречиях между участниками коалиции. Например, он предпринял шаги (впрочем, неудачные) по включению в КС представителей партии «Союз правых сил» (СПС) и националистов из партии «Народная воля». В итоге в Ижевске сложился весьма невероятный союз между компартиями (КПРФ и РКРП) и Объединенным гражданским фронтом (ОГФ), который как раз в это время (2006 год) образовал свои местные ячейки. Владимир на какое-то время даже стал представителем ОГФ в Удмуртии (ему из Москвы обещали всячески помочь). Отсюда можно сделать вывод о том, что идеологические разногласия были всего лишь формальной оболочкой внутреннего конфликта (КПРФ и РКРП осуждали ОГФ за правые и либеральные позиции). Андрей, со своей стороны, стремился укрепить общественный характер

коалиции, расширить ее состав в сторону вновь активизирующихся категорий населения (жители общежитий, садоводы, жилищные активисты) и создать в Ижевске структуру общественного контроля над властью. Как он тогда говорил: «Какая бы ни была это власть, все равно без контроля со стороны организованных активных граждан она не будет подотчетна населению» (сравнить с обычной позицией активистов КПРФ или РКРП – «Голосуйте за нас, и все будет хорошо»). Конечно, Андрей не был лишен и лидерских амбиций, но при этом видел себя не гарантом сохранения баланса сил внутри КС, а скорее стратегом и организатором на службе развития протестного движения. Ему уже начало надоедать то, что он много работал для содействия самоорганизации жителей и других групп населения и для организации массовых мероприятий, а «партийцы» либо блокировали принятие решений, либо же пользовались результатами борьбы, при этом не прикладывая никаких усилий. Главными союзниками Андрея были вновь пришедшие активисты, «общественники» и газета «День», где он работал.

На основании этого конфликта мы можем оценить процесс становления внутренних правил организации и идеологических принципов (рамок организации в терминологии фрейма). Поначалу взаимодействие между членами КС регулировалось в основном личным доверием и уверенностью (или же предположением), что каждый участник заинтересован в развитии коалиции и разделяет похожие мировоззренческие взгляды. Однако как только встал вопрос о власти (в связи с выборами и с тем, кто же является лидером коалиции), противоборствующие стороны стали апеллировать к тем или иным правилам в зависимости от того, какие правила играют в чью пользу. То есть отношение к правилам было прагматическим и даже инструментальным. Так, КПРФ или РКРП, которые в своих собственных организациях действует по принципам жесткой вертикальной дисциплины, стали настаивать на принципе консенсуса и на регулярности и высокой частоте собраний. Против этого лагерь «общественников» выдвигал принципы эффективности, приоритета «полевой работы» по мобилизации активистских групп и апеллировал к фигуре гражданина (*versus* фигуры партии). Расстановка сил в пользу «общественников» позволила им принять новый, более четкий, регламент, где были прописаны некоторые ключевые идеологические принципы (см. вставку). Был четко зафиксирован общественный (надпартийный) характер

коалиции, а также основная цель – формирование структуры самоорганизующихся гражданских движений. Из этого примера мы можем делать вывод о том, что идеологические принципы (можно сказать, дух деятельности, или представление о том, как и с кем должна строиться коалиция) имеют более высокую регулирующую роль, чем внутренние организационные правила. Мы также видим, что правила как таковые не гарантируют сохранения духа деятельности, более важной является личная приверженность этому духу ключевых фигур коалиции. В Ижевске гарантом этого духа выступил Андрей, и для укрепления своего статуса он еще стал избранным председателем КС.

Фрагменты из регламента

Координационного совета гражданских действий Удмуртии

(принят за основу 19 июня 2006 года)

- 1.1.** Координационный совет гражданских действий Удмуртии (КСГД) является коалиционной «сетевой» структурой, стремящейся координировать усилия различных слоев населения, активистов и организаций Удмуртской Республики, направленные на защиту социальных прав граждан и демократических свобод.
- 1.2.** В КСГД делегируют своих представителей общественные, профсоюзные и партийные организации, средства массовой информации, активно участвующие в протестной и правозащитной деятельности.
- 1.3.** В КСГД не могут входить организации, придерживающиеся праволиберальной или националистической (ксенофобской) идеологии.
- 1.4.** Решения КСГД, как «сетевого» объединения, не являются обязательными для его организаций-участников. Последние сами принимают на себя обязательства по исполнению решений КСГД.
- 1.5.** Политические цели политических партий не могут быть решающими аргументами в определении стратегии и тактики действий КСГД.
- 1.6.** Важнейшими задачами КСГД является помощь в самоорганизации населения, формирование в обществе структур гражданского сопротивления антисоциальной политике, коррупции и произволу властей, практического опыта солидарных действий различных групп населения. <...>
- 3.9.** Члены КСГД стремятся преодолевать идеологические и «узкопартийные» разногласия для конструктивного взаимодействия и достижения провозглашенных целей.

3.10. КСГД входит в Союз координационных советов России (СКС) как «сетевой» структуры межрегионального протестного движения, добровольно участвуя в работе его конференций (других мероприятий), а также в инициированных им протестных кампаниях.

Стоит еще отметить, что лидеры КСГД хотя и могут влиять на правила, не могут обойтись без них, а лидерство не означает произвольного манипулирования правилами. Например, даже при всем желании Андрей или кто-либо не мог бы исключить из КС партийных участников, которые формально не нарушали никаких правил (во многом они действовали закулисно и через аппаратные игры). В качестве отдельной иллюстрации расскажем, как решился вопрос о «расколе» КСГД в Ижевске на федеральном уровне. Этот вопрос обсуждался на двух конференциях СКС – в Петербурге в июле 2006 года и в Тольятти в ноябре 2006 года. В Петербурге были представители обоих советов и каждый претендовал на легитимность. Надо уточнить, что, по правилам СКС, в одном городе может быть только один координационный совет (иначе считается, что это уже не коалиция, а конкурирующие организации, что противоречит принципу координации и сотрудничества). Поэтому перед делегатами конференции из других городов встал вопрос о том, какой из КС Ижевска признать полноправным членом (с правом голоса) внутри СКС. Сначала в Питере – после бурных и порой даже жестких дискуссий – большинство решило дать срок двум КС до следующей конференции установить между собой конструктивное взаимодействие. Ни одна из сторон не была удовлетворена этим решением. Взаимоотношения между двумя КС так и не улучшились, и в Тольятти делегаты от СКС услышали отчеты о деятельности двух КС, после чего приняли решение большинством голосов (делегаты, принадлежащие к партии РКРП, голосовали против) признать, условно говоря, «Совет Коновала» единственным легитимным в рамках СКС, учитывая большую массовость его акций и соответствие его деятельности «духу коалиции». После этого, напомним, «партийный» КС распался – впоследствии отдельные его члены вернулись в «КС Коновала».

Сейчас КСГД остался один, но, как по наблюдениям, так и по признанию самого Андрея, коалиционная структура стала «менее коалиционной», чем была, и потеряла в коллегиальности за счет укрепления лидерства. «Если в первый год-полтора КСГД был «координирующей коалици-

ей», то теперь, по сути, он трансформировался в «координирующий центр», – констатирует Андрей. На практике КСГД собирается редко (в отличие от Общественного совета пенсионеров, продолжающего оставаться важнейшей структурой КСГД), и важные решения Андрей нередко принимает самостоятельно с учетом оценки ситуации, мнений основных групп активистов и советов интеллектуалов коалиции (важную роль здесь играет главный редактор газеты «День»). Такая практика – не результат зломыслия Андрея, а следствие расширения круга вовлеченных, загруженности основных участников и порочного круга активистской обыденности. Как наблюдается во многих других случаях, люди, активные в своей собственной активистской группе или движении, с меньшей охотой посещают организационные и коалиционные собрания, тем более если доверяют лидеру и знают, что основное бремя по подготовке массового мероприятия все равно ляжет на него. Поэтому на практике сейчас координация осуществляется следующим образом: каждое тематическое движение (жители общежитий, обманутые соинвесторы и прочие) имеет своего лидера, который справляется с основными задачами и проблемами этого движения самостоятельно. Андрей и другие «общепрофильные» активисты только помогают (во многом за счет ресурсов газеты «День» и депутатских ресурсов самого Андрея). Когда приходит время коалиционных акций, Андрей и его «советники» оценивают их целесообразность, формат, направление. Затем Андрей выходит с предложением к ключевым тематическим лидерам и согласовывает акцию, привлекает помощников, запускает подготовительный процесс. Такой подход формально не очень демократичен, но зато эффективен, да и не вызывает особенной критики или претензий со стороны других участников коалиции. Молодые анархисты чуть больше выражают недовольство, но не до такой степени, чтобы предпринять активные действия для изменения ситуации. Кроме того, Андрей не действует авторитарно, в том смысле что он озабочен тем, чтобы каждый участник движения мог найти свое место в общей акции. И поскольку практика показывает, что плодами общего мероприятия пользуются все, то трений особенных нет.

Выводы об организации:

- обеспечение самостоятельной организационной структуры социального движения позволило движению расти и расширяться;

- для устойчивого развития социального движения правила внутреннего порядка менее значимы, чем приверженность ключевых участников духу общественной коалиции;
- для поддержания деятельности социального движения формальная внутренняя демократия может противоречить эффективности борьбы за демократизацию общей политической системы;
- для поддержания деятельности городского социального движения достаточен легкий координационный центр, главное – динамизм тематических движений;
- лидер – ключевая фигура, его стиль (поведенческий, мировоззренческий, управленческий) оказывает ключевое влияние на стиль всего движения;
- важна автономность социального движения от политических структур и их повестки дня.

Ресурсы движения. Как большинство исследуемых нами движений, выросших из стихийных волнений и гражданских инициатив, ижевское движение обладает незначительными финансовыми и материальными ресурсами, слабость которых уравнивается социальными ресурсами.

Что касается финансовых ресурсов, за четыре года существования ижевское движение лишь дважды получило очень небольшие гранты для изготовления методических материалов по юридической защите нарушаемых прав. То есть практически никакого значения этот источник ресурсов в случае с Ижевском не имеет. Следует отметить, что гранты обычно выдаются отечественными или иностранными фондами официально зарегистрированным некоммерческим организациям (НКО), причем, как правило, лояльным местным властям и не носящим протестного характера (результат усиленного государственного контроля над НКО и благотворительными фондами). Поэтому ижевское движение использует другие источники. В первую очередь, насколько можно судить, это ресурсы газеты «День» и ее главного редактора, а также помощь со стороны некоторых предпринимателей, сочувствующих движению или отдельным его участникам (либо же благодарных за помощь, оказанную им в отстаивании своих гражданских или социальных прав, – такое тоже бывает). В 2007 году определенную поддержку движение получило со стороны партии «Пат-

риоты России», поскольку часть КС преобразовалась в региональное отделение этой партии перед выборами в Госдуму в декабре 2007 года.

Имеет место эпизодическая, но тоже очень незначительная помощь со стороны участников движения из других регионов (особенно в случае общероссийских мероприятий, в которых принимают участие ижевские активисты). В случае необходимости найти большое помещение для массового схода организаторы обращаются в первую очередь к дружеским организациям за бесплатными помещениями. Но в связи с усиленным давлением на протестное движение со стороны местных властей становится все труднее рассчитывать на такую помощь со стороны организаций, во многом зависящих от властей. Приходится в основном полагаться на сеть личных контактов.

Основной материальный ресурс движения – помещение для сбора активистов, которое представляет собой штаб-квартиру редакции газеты «День». В условиях, когда большинство местных движений лишено такой возможности, наличие помещения – большое преимущество. Во-первых, люди могут постоянно звонить по городскому телефону. Во-вторых, всегда можно куда-то приходить со своими проблемами, с кем-то общаться. А личное и непосредственное общение, по мнению всех активистов, а также по нашим наблюдениям, – наиболее мобилизующее общение. Кроме того, есть место, где можно сохранить пропагандистский материал, откуда его забрать для раздачи, где его готовить. Наконец, есть площадка для встреч и собраний. По нашим наблюдениям, штаб-квартира газеты «День» действительно стала штабом движения. Хотя штат журналистов маленький, помещение никогда не пустует. Постоянно приходят люди, хотя бы пообщаться, передать информацию или получить ее. Журналисты привыкли к тому, что их помещение стало проходным двором, и уже не обращают внимания на приходящих. Андрей чаще всех вынужден отвлекаться, поскольку звонят и приходят именно к нему.

В Ижевске социальные активисты располагают исключительным для России ресурсом – газетой «День», которую они сами по праву считают рупором социального движения. В начале 2000-х годов редакция газеты четко встала в оппозицию региональным властям, в частности президенту республики Волкову, и в условиях монополизации политического поля и отсутствия весомых политических союзников она выбрала социальное движение в качестве стратегического партнера. Главный редактор газеты

Сергей Щ.– из среды первой демократической волны перестроечного времени (он тогда стал региональным депутатом). Он лично настроен жестко против президента Волкова и его «номенклатурной», «кондовой» и «коррупцированной» системы. Среди всех участников коалиции он, пожалуй, больше всех нацелен на борьбу против «режима Волкова». Щ. в меньшей степени занимается общественной деятельностью как таковой и больше заинтересован в борьбе с региональной властью и сохранении своей газеты как независимого, неподконтрольного властям СМИ. Между ним и Андреем бывают разногласия по поводу тактики и путей развития движения, но дружеские и партнерские отношения позволяют их преодолевать. Щ. в меньшей степени, чем Андрей, выполняет роль публичного политика, но для ядра активистов движения он является не менее авторитетным лидером. Не случайно в 2007 году он возглавил партийное крыло движения – региональное отделение партии «Патриоты России». Газета «День» обеспечивает движению место сбора, информационную поддержку, площадку для обсуждения актуальных социальных проблем.

Отметим, что газета подвергается жесткому прессингу со стороны региональных властей, который выражается в давлении на типографии, рекламодателей, перекрытии каналов распространения газеты (запрет на ее продажу в киосках и торговых сетях). Тем не менее газета выходит: ее печатают в другом регионе (субъекте Федерации), распространяют через сеть активистов, финансируют за счет привлечения средств из разовых (тайных) пожертвований и экономии средств (в том числе на зарплате журналистов, практически каждый из которых имеет дополнительные заработки вне стен редакции). Кроме того, у газеты есть свой сайт в Интернете, несколько других дружественных сайтов. Наличие газеты (еженедельной) и сайта позволяет смягчить жесткую информационную блокаду со стороны местных официальных СМИ: как правило, о двухтысячной акции КСГД в городе вообще умалчивают все СМИ за исключением собственных или дружественных информационных ресурсов. Преимущество газеты в том, что она традиционно пользуется уважением в местном политическом и экономическом сообществе, а ее авторитет и узнаваемость среди активных граждан растет.

Кроме того, с помощью редакции «Дня» движение выпускает массовые тиражи (обычно до 20 тысяч экземпляров, для города с 600 тысячами населения это неплохой охват) листовок, пропагандистских или просве-

дительских материалов накануне крупных акций протеста или во время массовых кампаний. Подготовку пропагандистского материала обычно берет на себя Андрей, который прибегает к помощи узкого круга активистов и профессиональных журналистов или верстальщиков. Нередко они делают не только приглашение на публичное мероприятие с соответствующими лозунгами и требованиями, но еще и практический материал в виде пособия или алгоритма действий («как добиться капремонта дома», «как управлять своим домом», «как защитить свои права при...»). Как показывает опыт, такие прагматические советы (с учетом интересов рядовых граждан, а не власти или бизнеса) очень востребованы, поэтому люди охотно берут листовки и брошюры, а авторитет авторов (материалы идут под «брендом» Координационного совета или отдельного тематического движения, например движения «Ижевские общаги») повышается. Следует отметить, что выпускаются и тематические листовки, адаптированные к нуждам специализированных движений (например, для жителей общежитий, для жителей многоквартирных домов). То есть выпускающие редакторы (члены КС, чаще всего – сам Андрей) уделяют особое внимание соответствию информации ожиданиям как населения в целом, так и определенных целевых аудиторий.

Но главный информационный ресурс движения – сами люди, неформальное общение между ними и сети распространителей информации. Информационная блокада преодолевается главным образом через листовочные кампании, сарафанное радио и сеть звонящих контактеров.

Сеть звонящих контактеров показала себя эффективно в самом начале деятельности коалиции (в 2005–2006 годы). За десятки акций и собраний образовалась широкая сеть контактеров. Причем часть из них сами являются обзвонщиками для своего круга контактеров, и так далее. Это уже налаженная система, которую активисты ядра расширяют еще через листовки. Например, они созывают на акцию и одновременно собирают подписи людей, допустим, за отставку президента республики. На каждом листе есть контактный телефон ответственного за 10 подписей, которому активисты ядра могут звонить и предупредить о предстоящей акции, чтобы тот, в свою очередь, распространил информацию среди подписантов. Таким образом, организовать крупную акцию можно достаточно оперативно.

Листовки и газета «День» распространяются активистами на добровольной основе. Мотивацией для них служит то, что они работают на под-

готовку значимого мероприятия, формат и требования которого они одобряют, смысл которого они разделяют. Кроме того, поскольку в материалах часто находятся практические советы, распространители еще заинтересованы тем, что могут давать полезную информацию людям, с которыми они работают или которых они пытаются агитировать за участие в общественной деятельности. Ведь часто распространители являются одновременно и лидерами групп или активистских сообществ: например, председатель домкома, председатель инициативной группы района или дома, активные члены советов ветеранов. Как правило, люди очень благодарны тем, кто раздает такую полезную и дефицитную информацию, поэтому низовые лидеры повышают свой авторитет и имеют более весомые аргументы для того, чтобы призывать к активизации.

Наконец, напомним о самом эффективном канале информации. Это так называемое сарафанное радио, или неформальное общение. В Ижевске большая часть участников движения – пенсионеры. У них много свободного времени, среди них многие часто встречаются в разных кружках (советы ветеранов, кружки самодеятельности, благотворительные мероприятия властей) и публичных местах (аптека, магазин, сбербанк), любят посплетничать и обсудить новости (особенно скандальные или полезные советы). У всех есть семьи. В среде пенсионеров информация распространяется лучше всего.

В настоящее время в Ижевске существует уже большая сеть различных точечных активистских групп или тематических движений. Информация распространяется еще и по этим сетям.

Сети распространителей информации и локальные сообщества составляют главный ресурс движения – так называемый социальный ресурс, или социабельность (прочность и развитие взаимосвязей и сетевых отношений внутри движения). Большинство авторов теории коллективных действий, в частности Чарльз Тили (он выдвигает в этой связи понятие *netness*¹⁸), отмечают эту характеристику как основной ресурс, которым могут располагать социальные движения. С этой точки зрения можно сказать, что сетевые солидарные связи достаточно развиты в Ижевске. Существует широкий спектр различных тематических движений. Интересы многих ветеранских организаций, коллективов интеллектуалов, молодежных сообществ, некоторых профсоюзов, какой-то части мелких предпринимателей пересекаются с деятельностью социальных движений.

Представители этих групп время от времени участвуют в совместных акциях под общими лозунгами. Здесь стоит подчеркнуть, что развитие сетевой структуры является во многом результатом целенаправленной работы активистов ядра, в первую очередь лидеров.

Выводы о ресурсах

В целом можно сказать, что ижевское движение располагает достаточно многими ресурсами по российским меркам – информационными, организационными, политтехнологическими, социальными. Не хватает только финансовых ресурсов. Стоит отметить, что все эти ресурсы созданы и накоплены лично участниками движения и почти никак не относятся к официальной институционально-политической системе, которая скорее лишает движение ресурсов и оттесняет его.

Места мобилизации и координации. Для более тонкого анализа процесса солидаризации и мобилизации стоит внимательно рассмотреть некоторые места, где происходят встречи между участниками.

Собрание – место координации. Для понимания динамики движения в Ижевске необходимо остановиться на анализе собраний, которые проводятся в штаб-квартире газеты «День». Помещение представляет собой удобно расположенную (в центре города) двухэтажную (включая подвал) квартиру со многими, но маленькими комнатами. Когда проходят собрания, комната часто переполнена и многие участники стоят, поскольку не хватает стульев. Атмосфера неформальна. Собрания обычно проходят без соблюдения регламента (без формального ведущего и правил очередности в выступлениях), тон часто повышается, люди могут легко перебивать друг друга, но общение остается в пределах взаимоуважения (по крайней мере в тех случаях, которые мы наблюдали). Просто люди горячо отстаивают свою точку зрения либо же театрально возмущаются несправедливыми случаями. Нередко люди (особенно когда приходят впервые) начинают долго рассказывать о своей проблеме, а остальные слышали (либо же пережили) подобные истории уже много раз, поэтому некоторые слушатели отвлекаются и начинают разговаривать между собой. Формальные голосования проходят редко – только в случае неразрешимого способом дискуссии разногласия. Обычно голос и аргументы Андрея или лидера группы явля-

ются решающими и его предложения принимаются с теми или иными поправками.

Собрание имеет важное мобилизационное и организационное значение. Мобилизационное – потому, что люди участвуют в принятии решений и это повышает шанс того, чтобы они более активно содействовали реализации решений. Кроме того, поскольку задачи распределяются публично, повышается также чувство ответственности каждого за свой участок работы (хотя практика показывает, что это далеко не всегда так). Но главное – участвуя в таком собрании, люди преисполняются чувством собственной значимости и причастности к серьезным делам. Ведь на собраниях часто составляются планы тактических и стратегических действий и активисты превращаются в членов генерального штаба борьбы. Этому способствует стиль Андрея, который очень серьезно относится к составлению планов кампаний. Он всегда сначала выясняет цель и, учитывая контекст и потенциальное контрдействие властей, предлагает оптимальные средства для ее достижения. Он учит рядовых активистов рассчитывать свои действия и выбирать наиболее эффективные методы борьбы. Наконец, на этих собраниях иницируется процесс формирования общего дела под воздействием самого факта участия людей из разных инициативных групп или проблемной точки, а также под влиянием ключевых фигур коалиции. Это особенно хорошо видно на примере подготовительных собраний к массовой городской акции, когда надо было согласовать общие лозунги и договориться о главных требованиях. Таким образом, постепенно расширяется кругозор участников и приходит понимание того, что для достижения собственной специфичной проблемы необходимо учесть интересы других групп.

Ниже приводятся примеры двух собраний, на которых присутствовали социологи.

Первое – собрание представителей нескольких общежитий (июль 2005 года). Собрались в основном женщины – 12 человек. Сначала некоторые рассказывают о проблеме своего общежития. Показывают бумаги (переписку с представителями власти или ведомств), возмущаются, жалуются, что «никто им не помогает», «не слушает». Андрей переводит разговор в конструктивное русло, объясняет тонкости Жилищного кодекса, выясняет общую цель (чтобы жители общежитий смогли приватизировать свои комнаты) и предлагает спектр различных действий: составить

публичное обращение от всех общежитий, подать в суд, попробовать организовать общую акцию протеста представителей общежитий. Аргументы Андрея: поскольку юридическое положение жителей общежитий весьма неясно, а решение вопроса во многом зависит от местной власти, необходимо публично и громко заявить о себе и сопровождать судебные дела акциями протеста. Причем он объясняет жителям, что, поскольку решение их вопроса зависит скорее от муниципалитета, то направить требования надо именно туда. Жители сразу соглашались, и речь далее идет о технических и организационных вопросах: кто что делает в связи с подготовкой акции, кто берет на себя написание судебных исков, за помощью каких специалистов или юристов можно обратиться и так далее. Уже на этом собрании выделилась одна женщина-лидер. Впоследствии она стала председателем движения «Ижевские общаги», которое было решено организовать к концу 2005 года после нескольких акций протеста. В результате этой работы 5 марта 2006 года в рамках первого межрегионального дня протеста жителей общежитий в Ижевске участвовали в демонстрации порядка тысячи человек, большинство из которых вышли на улицу впервые и не входили в ядро протестного актива.

Второй пример собрания – собрание Координационного совета (октябрь 2005 года). Собралось около тридцати человек. Обсуждается подготовка второй межрегиональной конференции СКС, проходящей в Ижевске. Все ключевые фигуры совета присутствуют, поскольку событие для них значимо – на их территории организуется общероссийское мероприятие, ожидаются гости из многих регионов. Надо быть «на уровне». Необходимо решить многие практические и технические вопросы логистики. Но участники собрания регулярно отвлекаются на общие политические рассуждения. Любителям подискутировать приходится постоянно напоминать, что разговоры будут позже, на самой конференции, а пока давайте решим, кто принесет брошюры, кто печатает программу, у кого останавливаются иногородние гости и так далее. Одна активистка профсоюза работников образования особенно пытается дисциплинировать остальных и нервничает: где же вариант программы, полный ли список гостей, нельзя ли заранее подготовить проект резолюции... Андрей тоже призывает сосредоточиться на оргвопросах, но более спокойно и с юмором. И также без особенного рвения: «Да не волнуйся ты, что-то придумаем». В итоге собрание плавно переходит в не-

формальное общение группами, тем более что некоторые иногородние гости уже приехали и хочется с ними пообщаться. К началу конференции многие дела оказались не сделаны или забыты, но в срочном порядке и за несколько минут что-то действительно «придумали». Конференция СКС дала толчок развитию местного движения домкомов (приехало много специалистов-жилищников из других городов) и много сделала для понимания значимости принадлежности местного КС к общероссийской структуре.

Точечные места сопротивления и самозащиты. Новое тематическое движение обычно рождается вокруг проблемной точки, часто территориально маркированной (угроза уплотнительной застройки у себя во дворе, угроза сноса гаражей, недостроенные дома обманутых соинвесторов, завод под угрозой закрытия). Именно на территории проблемной точки, как правило, происходит первый шаг к активизации, который обычно направлен на непосредственный источник угрозы (строительную компанию, руководство завода).

Перед лицом опасности потенциальные жертвы угрозы, если при этом кто-либо из них проявляет инициативу, предпринимают какие-либо коллективные действия в защиту своих групповых прав. Иногда они выходят на улицу рядом с проблемной точкой (то есть на публичное, но близкое пространство). Как правило, это происходит, когда остальные средства (обращения и письма, личные контакты) уже безуспешно испробованы и когда угроза наглядно материализовалась (бульдозеры, первые трещины в доме). Физическое появление лиц, олицетворяющих угрозу, много делает для превращения «протеста на кухне» в действенный протест. Особенно в том случае (наиболее частом), когда те, кто вдруг вторгается на территорию, ведут себя как хозяева и не соблюдают правил минимальной человеческой корректности при общении с обитателями территории. Похожие сцены повторяются по всем проблемным точкам. Например, приходят строители и начинают работать, не обращая никакого внимания на жителей (которых, как правило, никто не уведомил о начале стройки). К просьбам инициативных жителей объяснить, что происходит, показать разрешительную документацию строители остаются глухи, иногда хамят (им работать надо, а жители тут, мол, мешают). Возникает перепалка, на шум прибегают соседи, тем передается воз-

мущение, они зовут своих соседей. Таким образом, скапливается народ во дворе и стройка хотя бы временно приостанавливается.

После этого жители требуют, чтобы подъехал представитель власти, который якобы выдал разрешение. В Ижевске, как правило, «начальники» подъезжают. Много зависит от того, как ведет себя чиновник. Если у жителей создается впечатление, что их явно презирают, считают за быдло, обманывают, то возмущение только усиливается. Часто чиновники пренебрегают даже правилами элементарной вежливости. Ведь они убеждены, что им все позволено: у них власть, значит, остальные – бездушная масса наивных обывателей. Жители возмущаются и требуют уважения, а также ссылаются на формальные правила (где разрешительная документация, когда проходили публичные слушания, почему мнение жителей не учитывается?). Здесь, судя по нашему материалу, ключевой для дальнейшего развития событий момент. Часто чиновниками используется такой ход: представитель власти объявляет, что документация у него, мол, имеется, завтра будет предъявлена, да и вообще «приходите завтра ко мне в кабинет и все решим как уважаемые люди».

Если люди клюнут на эту удочку, весьма вероятно приостановка мобилизации. Начнется обычная череда переговоров, бюрократические процедуры, в которых жители утонут – они не способны наравне с искушенными чиновниками играть в эти игры. Их будут вводить в заблуждение, тянуть время, обещать пустые уступки. Если процесс переговоров происходит между чиновниками и небольшой группой жителей, те быстро либо «профессионализируются» в переговорах и отрываются от остальных, либо (иногда) подкупаются той или иной обещанной личной услугой. Для того чтобы переговоры шли на пользу всех и дали результаты, необходимо продолжение мобилизации для оказания давления на власть или других лиц, принимающих решения. Часто инициативные люди это понимают сразу, при первой встрече с чиновником – по его поведению и явному пренебрежению мнением жителей. Поэтому к встрече с чиновником они готовятся, чтобы встретить его «во всеоружии».

Так и было в одном случае, который мы наблюдали. Речь шла о проекте строительства элитного дома во дворе двух домов, один из которых был еще и общежитием (и поэтому там была развита сеть личных взаимосвязей между жителями, давно живущими и работающими вместе). Инициативная группа встретила чиновника, и тот дал обещание, что, пока

мнение жителей окружающих домов не будет учтено и документация не будет изучена, строительство не начнется. Однако, после того как угроза «материализовалась» (ночью приехала стройтехника и вырубил все деревья во дворе), люди бросились на амбразуру и решили более действенно защититься. Чтобы удобнее было круглосуточно дежурить, они установили палатку. Ночью дежурили взрослые, а днем – пожилые с детьми. Увидев что-либо подозрительное, они должны были позвать на помощь. Из разных источников приходили слухи, что сегодня-завтра опять придет стройтехника. На этот раз люди пригласили чиновника уже к себе, на их территорию. Кроме того, они позвали на помощь со стороны. Так они вышли на Координационный совет (благо город небольшой, быстро распространяются слухи о том, кто может помочь в конфликте с властью для решения жилищной проблемы). Глава инициативной группы позвонила Андрею по контактному номеру КС (телефон газеты «День»). Женщина объяснила, что ожидается «визит» строителей, и попросила помочь. Андрей тут же примчался, предварительно обзвонив свободных днем активистов КС (то есть пенсионеров) и тележурналистов.

Это было в начале деятельности КС (июль 2005 года), когда еще не началась жесткая информационная блокада, и приехала одна телекамера (присутствие телевидения существенно укрепляет позиции жителей в противостоянии с чиновниками: во-первых, те ведут себя намного приличнее, во-вторых, жестких репрессий последовать не может, в-третьих, обещания прозвучат уже публично). Андрей приехал вместе с двумя или тремя членами КС, пенсионерками с активистским стажем, заработанным в период антимонетизационных волнений, и многомесячным опытом работы в КС. Когда они приехали, стройтехника еще не появилась.

Андрея встретила глава инициативной группы, познакомила с другими активными жителями, подробно и четко объяснила ситуацию. Многие собравшиеся (их всего было около 50 человек) вступали в разговор с эмоциональными рассказами о хамстве застройщиков, о том, как однажды один строитель чуть не ударил пожилую женщину, пока та дежурила у палатки. Когда Андрей с уверенностью и знанием дела начал говорить, разговоры стихли и люди стали внимательно слушать (хотя он даже не повысил голос). Он объяснял и (что важно) показывал, как они должны действовать перед телекамерой, а также когда придет стройтехника. Он сказал, что перед камерой надо будет скопиться у палатки, поз-

вать других, показать детей с плакатами о том, что у них отбирают детскую площадку. Когда пришли журналисты, он сам дал интервью (впрочем, именно это интервью в эфир не было пропущено, очевидно, по цензурным соображениям) и пригласил к телекамере главу инициативной группы, воодушевил других, чтобы они тоже дали интервью, начал выкрикивать лозунги, чтобы остальные повторили за ним (и те с удовольствием стали это делать). То есть он обеспечил «картинку» для телевидения и создал публичное «шоу»: простые люди (в основном бабушки и женщины среднего возраста) защищают детскую площадку для своих детей. Кроме того, он объяснил, какие шаги могут быть предприняты для противодействия строителям, причем показал наглядно, как надо действовать. «Когда бульдозеры приедут, вы должны их остановить, если они начнут рыть котлован, будет уже поздно судиться и жаловаться. Поэтому ложитесь под бульдозеры: беритесь за руки, садитесь на пол, не сопротивляйтесь, просто оставайтесь на полу, перекрывайте дорогу!» – и Андрей сам сел, взяв женщину за руку и показывая, как надо делать. «Не бойтесь, они вас не тронут, кричите, зовите на помощь, зовите меня, журналистов, и пусть дети бегают поблизости, – добавил Андрей, – для украшения картины». Этим он окончательно добился симпатии у людей (которые удивленно смотрели, как он валяется на полу). Кроме того, своей уверенностью и воодушевлением он заразил жителей, которые были уже готовы на все. Однако в этот день стройтехника не подъехала. Но с помощью Андрея было систематизировано дежурство. И была обсуждена общая стратегия действий: кому писать обращение, как подать в суд, как вести переговоры с чиновниками. С переговорами отдельная история, но по сути Андрей советовал ходить в кабинеты чиновников только большими группами, а еще лучше – пригласить их сюда, зафиксировать все слова в протоколе, договориться заранее об общей линии поведения, не отступать от принципиальных позиций. И он предложил себя в качестве члена переговорной группы (по опыту он знает, что неопытным людям бывает сложно не подкупаться дешевыми обещаниями со стороны власти). Его предложение было принято на ура.

В это время другие члены КС не бездействовали. Они вели агитационные разговоры с жителями, объясняли, что только протестными действиями можно заставить власть считаться с людьми, приводили пример массовых выступлений против монетизации льгот, рассказывали о собствен-

ном опыте борьбы, хвалили КС как единственную дееспособную структуру, защищающую права людей. Активисты были «обычными жителями» (бабушки как бабушки), которые изъяснялись обыденными словами, укорененными в повседневной жизни людей. Этим они импонировали собравшимся: раз уж такие обычные бабушки говорят о борьбе с таким воодушевлением, то, может быть, и мы можем попробовать.

Таким образом, коллективная борьба за спасение двора получила толчок и вышла на другой, более организованный и осмысленный уровень. Образовались связи этой инициативной группы с КС, а впоследствии многие люди из этой проблемной точки будут участвовать в общегородских акциях КС со своими лозунгами о спасении детской площадки и о запрете уплотнительной застройки. Кроме того, дом-общезитие впоследствии вошел в движение жителей общежитий. На вышеописанной встрече Андрей как раз выяснил, что дом является общежитием и в связи с этим у жителей уже начались проблемы, – тогда возник разговор о том, что делать в данной ситуации.

Центральные улицы и площади – место мобилизации и заявления о себе в публичной сфере. В условиях закрытости официальных каналов информации и институциональной политической системы публичная сфера, где активисты могут заявить о себе и дать публичную огласку своим требованиям, сузилась до минимального размера – от центральных площадей или улиц города до двора дома или проходной завода. Ижевское движение максимально использует все эти возможные пространства – от самого маленького размера (пикеты, дворовые сходы) до самого большого (демонстрация по центральным улицам). Причем движение очень мобильно – чаще, чем в остальных городах, демонстранты проходят шествием (в том числе без предварительного согласования), перекрывают улицы, подходят вплотную к административным зданиям (несколько раз Дворец президента был взят кольцом протестующих). Были случаи длительных маршей в символические места, например, 24 апреля 2005 года прошел марш к так называемому «Волкограду» (коттеджный поселок местной республиканской «элиты» недалеко от мэрии, в котором находится и один из домов семьи президента Волкова).

Всегда уделяется большое внимание постановке (драматургии) протестных действий, чтобы действия сами по себе говорили о смысле про-

теста (палатка возле здания региональной администрации, стена позора с наклейками портрета президента Волкова и требованием его отставки). Это во многом происходит с подачи профессиональных журналистов или политтехнологов движения, но пользуется большим успехом у самих участников, для которых протестное мероприятие часто превращается в сильное эмоциональное или праздничное событие, наполненное символическим значением. Так участники становятся полноценными действующими лицами публичного представления, а не только пассивно стоят на митингах, слушая выступающих. По сравнению с традиционными митингами больше людей получают слово (как минимум по одному представителю от всех тематических движений). Протестующие сами берут на себя инициативу, например, вступают в спор с милиционером, агитируют прохожих, кричат на представителя власти, начинают шагать по проезжей части. То есть если организаторы ставят общие рамки действий (готовят сценарий), то «актеры» выполняют свою роль с большой долей импровизации и самостоятельности. Тем более что часто происходят неожиданные события (то милиция кого-то пытается задержать, то водитель начинает сильно возмущаться) и люди сразу реагируют.

Многое делается для обращения мероприятий вовне – чтобы прохожие (телевидение не в счет, поскольку эти события не показывают по телевизору) обратили внимание и поняли смысл происходящего. Это представляется важным с учетом того, что происходит, например, в таких городах, как Москва (впрочем, «изобретение» московских властей применяется уже все в большем количестве городов), где протестующих размещают на задворках, огораживают забором и кордонами милиционеров, пропускают через металлоискатель, так что догадаться прохожим о том, зачем люди собрались, крайне сложно, да и спектакль получается непривлекательный со стороны. С этой точки зрения уличные мероприятия Ижевска, организованные КС, резко выделяются. Нет жесткого разделения между случайными прохожими, наблюдателями и участниками. Проходя по улицам, участники акции вступают в разговоры с прохожими, которые сами нередко интересуются, что же происходит. Этому способствует в том числе и внешность самих демонстрантов. Как правило, большинство участников – пенсионеры. Кроме того, есть большое число женщин и круг молодежи. Люди внешне ничем не отличаются от обычных прохожих. Здесь еще хочется добавить, хотя нельзя поддаваться сте-

реотипам: пенсионеры на демонстрациях Ижевского КС и пенсионеры традиционных митингов КППРФ – разные люди. Они выглядят более состоятельными (или по крайней мере более ухоженными) и приветливыми (чаще смеются и улыбаются). В общении они менее агрессивны (социологи не слышали обычные в акциях КППРФ выкрики «бей жидов!»), более открыты (в отличие от стариков КППРФ, которые с большим подозрением относятся к вопросам внешних наблюдателей), более интеллигентны (умеют доходчиво излагать смысл мероприятия, цель борьбы). Одним словом, тем, что демонстранты похожи в целом на обычных горожан, они располагают к себе. Наконец, оформление действий делает их яркими и привлекательными. Несмотря на нехватку денег, КС потратился на покупку мощной звукоусилительной аппаратуры, откуда несется завлекающая музыка, оригинальные речевки (придуманные в ходе действий самими участниками или же подготовленные ранее активистами КС) и речи выступающих. В последнее время трибуна и звукоусиление размещаются на грузовичке, который сопровождает шествующих. Много флагов (причем большинство от общественных, а не партийных организаций), маленьких самодельных плакатов и несколько больших транспарантов с основными лозунгами. Бывают дети, велосипедисты. Атмосфера неформальна (демонстрантов никто не расставляет по местам в колонне), живо идет общение между группами, люди перемещаются из группы в группу. Единственная (неформальная) структуризация заключается в том, что активисты тематических движений часто идут вместе (общегития с общегитиями, садоводы с садоводами), но это не результат формального разделения по колоннам, а сборы по интересам, а также способ заявить о своей тематической проблеме. В целом же границы между участниками, активистами и прохожими или наблюдателями весьма условны и размыты, что позволяет привлечь дополнительных участников «с улицы» и делает обращение (месседж) понятным и доступным «непосвященным».

Таким образом, в условиях ограничения публичной сферы активисты все же могут выходить на публику. Можно сказать, что они сами создают свою публичную сферу. Удачно, что массовые уличные мероприятия проходят регулярно: раз в месяц – обычный темп для ижевского движения, за исключением «дачного сезона» (с мая по сентябрь, когда костяк движения и основные участники находятся на даче и копаются в огородах).

Уточним еще, что, несмотря на закрытость местного политического режима, милиция настроена неагрессивно и задержания и тем более избияния, которые стали общим местом в других городах, бывают редко.

(Ситуация резко изменилась после назначения в феврале 2009 года президента Удмуртии на третий срок полномочий, когда в день инаугурации Александра Волкова против участников акции был использован ОМОН, в результате чего около десятка пенсионеров получили физические повреждения, а Андрей силой был доставлен в районное отделение милиции).

Как это объяснить? Наверное, играет роль то, что Удмуртия не находится в центре внимания центральных властей и приказы сверху «не пущать», возможно, не поступают. Однако главный инструмент – позиционирование движения. Во-первых, его массовость и состав («обычные люди») не позволяют применять против участников жесткие меры пресечения. Во-вторых, активисты сами установили конструктивное взаимодействие с милицией. Поскольку ключевые фигуры движения уже несколько лет проводят уличные акции, они успели перезнакомиться с милиционерами, с которыми установили неформальные связи. Также участники движения предпринимают тактические шаги для «нейтрализации» милиции: попытки агитировать милиционеров на свою сторону (в ходе общения во время проведения акции), попытки вызвать симпатию через символические акты (например, в ходе нижеописанной акции демонстранты подарили милиционерам гвоздики). В-третьих, за множество уличных акций движение уже отвоевало себе улицы, костяк участников чувствует себя хозяином на улицах, возник общий дух решимости, который не могут остановить ни угрозы, ни даже иногда призывы «успокоиться» от главных организаторов. Стратегические установки также помогают избежать излишних репрессий: главным оппонентом давно выбран президент республики, а федеральные власти критикуются в гораздо меньшей степени.

Остановимся на выступлениях во время митингов. Выступают главные организаторы и спикеры движения (Андрей, главный редактор газеты, лидеры тематических движений, симпатизирующие депутаты), а также, в зависимости от повестки дня и состава участников на данный момент, более «анонимные» люди, которые взяли на себя какой-то участок работы. Особенно впечатляет то, как люди ответственно подходят к зада-

че. Они заранее готовят речь, читают ее другим, советуются, тренируются. Если выступают впервые, они очень сильно волнуются и по окончании речи смотрят на лидеров в поисках одобрения. Выступления носят практически-информативный характер (что станет со льготами в следующем году, как обстоят дела с капремонтом и прочее), политический (изложение требований, их обоснование, название адресатов), публично-общественный (презентация себя, своего движения или проблемной точки), агитационный (воодушевление примером победы, призыв к усилению активности, выкрикивание речевок), эмоциональный (пение, чтение стихов, впечатляющие рассказы от первого лица). Обычно выступления лидеров (особенно межтематических) выделяются более высокой степенью обобщения и политизированностью, но без практических деталей все же никто не обходится. Здесь ключевой элемент воздействия на аудиторию (судя по всему, не полностью осознанный) – то, как выступления (да и вообще все публичное действие) хорошо вписываются в повседневную жизнь людей. В одном выступлении ораторы легко переходят с проблемы текущей крыши к вопросу о гражданском контроле над властью. В силу образности и прагматичности месседж легко усваивается, переключаясь с обычным миром обычных людей.

Что касается общих характеристик протестных мероприятий, хочется еще подчеркнуть, что они существуют не сами по себе и не ради самих себя. Это не протест ради протеста, как в случае многих других политиканствующих сил. Во-первых, акции тщательно готовятся (как правило, им предшествует несколько предварительных встреч или пикетов по более узкой проблематике), к определению общих требований и к написанию резолюций подходят серьезно, согласовывая текст и взвешивая слова (все тематические движения должны себя найти в общей резолюции, а требования выдвигаются с учетом их выполнимости). Во-вторых, массовые акции объявляются, только если ситуация «созрела», то есть с учетом реакции властей на предыдущие акции, новой повестки дня, мобилизационного состояния движения. Например, в период переговоров массовые акции протеста не организуются, бывают лишь «точечные» акции давления для укрепления позиций «уличной общественности». Ставятся четкие цели: добиться конкретных изменений, уступок, признания прав со стороны оппонентов. Поэтому судьба обращений и требований отслеживается от митинга к митингу. Что было выполнено, что нет, что

было обещано, что нет. Как правило, в конце митинга объявляется о дате следующего мероприятия.

Проиллюстрируем вышеуказанные моменты несколькими примерами.

«Марш к Волкограду»

(24 апреля 2005 года, запись наблюдателя)

Примерно в 9 утра, то есть за два часа до назначенного Координационным советом гражданских действий и Общественным советом пенсионеров времени новой акции протеста, к так называемому «Волкограду» (коттеджный поселок местной республиканской «элиты» недалеко от мэрии) проехал автобус, в окнах которого явно просматривались омовцы в бронежилетах и с резиновыми палками.

В углу автобусного салона были свалены железные щиты и каски.

В двадцать минут одиннадцатого я подошел к Центральной площади, откуда должно было начаться шествие демонстрантов к «Волкограду» и где уже стояли первые кучки людей. В тот же момент из громкоговорителей Театра оперы и балета зазвучала тревожная тема из второго действия «Лебединого озера». Сразу вспомнилось 3 апреля, когда участникам митинга пришлось буквально штурмовать Театр оперы, чтобы заставить директора театра и контролировавшего его замглавы президентской администрации Кондакова прекратить глушение митинга трансляцией музыки и монологов Жванецкого. Впрочем, на этот раз все обошлось. Подошедшие активисты Координационного совета начали готовить место для выступлений подальше от театра – на другой стороне площади, прямо напротив Дома правительства. Вместо трибуны поставили небольшой ящик, подкатали самодельную звуковую установку.

Последняя выглядела весьма грозно: четыре разнокалиберных, торчащих в разные стороны динамика и прочая техника крепились болтами на сборной конструкции из велосипедных рам и четырехколесной платформы от детской коляски. Все вместе это вызвало ассоциации то ли с тачанкой времен Гражданской войны, то ли с ранними моделями пулемета «Максим».

Между тем народ прибывал. Парни и девушки – активисты Координационного совета – разворачивали транспаранты, раздавали людям флаги

и плакаты. Некоторые, правда, принесли собственный агитматериал. Двое мужчин подняли небольшой плакат с приклеенным на нем буклетом об «успехах» работы удмуртского президента и словами: «Власть Волкова наши проблемы решает саморекламой». Активно шел сбор подписей за выражение недоверия президенту Волкову: кто-то принес уже собранные списки, кто-то подписывался прямо тут, на площади. За несколько минут до официального начала митинга (11.00) руководитель ижевских «глазевцев» Андрей Коновал объявил в мегафон: «Товарищи, можно уже разворачивать флаги!» Десятки белых полотнищ, даже не подрубленных по краям, со словами «Свобода и социальная справедливость!», «За достойную жизнь!» затрепетали на ветру над головами людей. Красных флагов КПРФ, к моему удивлению, оказалось всего три штуки, несмотря на то что все коммунисты – члены Координационного совета на акцию вышли.

Митинг открыл председатель Общественного совета пенсионеров Владимир Фефилов. Стоя «на обочине» митинга, я услышал разговор двух знакомых между собой пожилых граждан – старичка небольшого роста и довольно полной старушки. Она спросила, почему не может до него дозвониться. А он ответил, что «отрезал все провода – платить-то нечем». «Ох, довели страну!» – запричитала бабулька. Между тем слово взял член ОСП Валерий Прокофьев, который рассказал людям о работе, проведенной советом, – в адрес властей всех уровней направлено множество писем с юридическим обоснованием самых насущных требований. Однако нежелание властей идти навстречу заставляет ОСП и ижевчан выходить на улицы. Прозвучали требования отправить президента Александра Волкова в отставку; кроме того, митингующие традиционно выступили против 122-го закона и политики «Единой России». Пока шли выступления, в толпе появились десятка женщин и молодых парней, которые начали раздавать фальшивую газету с клеветой на активистов протестного движения. Однако организаторы митинга к такому повороту были готовы и пятерых молодых людей (разносчиков «газет») тут же отловили и сдали в руки милиции. Еще одну женщину, пытавшуюся цитировать клеветническую статью, активистки ОСП просто отчитали.

Тем временем были подведены предварительные итоги сбора подписей за отставку Волкова. Оказалось, что почти 10 тысяч подписей за двадцать дней уже собраны, но «надо собрать еще не менее 100 тысяч, чтобы

отправить их в Москву». Кроме того, выступивший Андрей Коновал сообщил, что со стороны властей первоначально чинились препятствия для проведения демонстрации и что милицию пытались спровоцировать на силовой вариант столкновения с митингующими. «Однако сегодня милиция с нами, – сказал Андрей, – она освобождает для нас правую сторону проезжей части улицы Пушкинской. И сейчас наша активистка подарит милиционерам цветы!» Поднявшаяся на «трибуну» симпатичная девушка с букетом красных гвоздик крикнула: «Да здравствует ижевская милиция!» – и под громкое «Ура!» народа пошла вручать цветы милиционерам. Те хоть и растерялись слегка от такого поворота, но гвоздики приняли с видимым, отмечу, удовольствием.

«Строимся в колонну, идем к мэрии!» – призвали организаторы, и около полутора тысяч человек дружно двинулись на проезжую часть. Во главе колонны катили вышеописанную звукоустановку «максим» и растянули уже «засветившиеся» на прошлых акциях 8-метровые черные транспаранты: «Власть – под гражданский контроль!» и «Удмуртия, встань с колен!». Включили музыку – популярные песни военно-революционной тематики. Народ принялся подпевать. В выходящих на Пушкинскую окнах пятиэтажек появились лица людей – что там творится? Многие выходили на балконы. Проезжавшие навстречу автомобили притормаживали и жались к обочине. Я видел, как один из водителей высунул в окно мобильный со встроенной фотокамерой и начал снимать – на его лице при этом была написана искренняя радость. Движение по тротуарам тоже как-то само собой стало преимущественно течь в сторону мэрии. Интерес к манифестации проявляли и пассажиры троллейбусов и автобусов. Некоторые выходили на остановках, чтобы поглазеть на процессию, растянувшуюся метров на триста-четыре. Перед колонной ехала милицейская машина с мигалками, по бокам шли пешие патрули. Я спросил у одного из милиционеров, сколько здесь человек? Он, не задумываясь, ответил: «Сотен семь». Шедший рядом со мной пенсионер, который оказался бывшим, как он сказал, «ментом», пошутил: «Да нас здесь вообще 200 человек, если сам Волков считать будет».

Возглавлявшие колонну официальные организаторы демонстрации Владимир Фефилов, Андрей Коновал и молодой активист группы «АТАКА» Олег Серебренников с помощью мегафонов призывали ижевчан присоединиться к шествию, чтобы потребовать у мэра Виктора Балакина «на-

чать наконец защищать интересы города от президента Волкова, который забрал из бюджета в этом году дополнительно 2 миллиарда рублей на свои престижные стройки – цирк, собор и зоопарк». Требовали поменять политику в отношении ЖКХ: «Хватит реформировать – пора ремонтировать!» Демонстранты скандировали: «Долой «Единую Россию»!», «Раз-два-три, Волков должен уйти! Четыре-пять-шесть, Волков должен сесть! Семь-восемь-девять, кончилось наше терпенье!!! Раз-два-три...» и далее по кругу.

В 11.50 под песню «Десятый наш десантный батальон» колонна миновала перекресток с улицей Кирова и к 12 часам вышла к мэрии. Здесь на ступенях городской администрации участники акции приняли обращение к мэру Балакину с требованием начать выполнять свои предвыборные обещания. В обращении, зачитанном членом Координационного совета Раузой Пастернак, говорилось: «Мы протестуем против того, что республиканские власти пытаются прикрыть свою управленческую некомпетентность тем, что постоянно из года в год изымают из бюджета Ижевска, где проживает почти половина жителей Удмуртии, дополнительные налоговые доходы. Это бесперспективный путь, который приведет к полному разрушению социальной инфраструктуры, жилого фонда Ижевска и обнищанию сотен тысяч ижевчан. Мы требуем положить конец такой бюджетной политике и сохранить независимость местного самоуправления от неправового и безответственного вмешательства республиканских властей».

Представитель рабочей группы ОСП по вопросам ЖКХ призвал граждан подавать иски в суды, чтобы вернуть деньги за капитальный ремонт и за тепло, незаконно взятые с горожан. Раздавались визитки членов ОСП, которые помогут в оформлении исков.

Тут, у мэрии, отличились волковские пиарщики, традиционно отслеживающие ход народных акций протеста: главный редактор «Известий УР» Энвиль Касимов в «фирменной» курточке с эмблемой НК «ЮКОС» фотографировал позировавших на фоне митинга замглавы администрации президента УР Леонида Кондакова и новоиспеченную руководительницу пресс-службы мэрии Сашу Бузанову. Оба были в футболках с государственной символикой США. За всем этим «весельем» снисходительно наблюдал Денис Логинов, пресс-секретарь президента Волкова.

В 12.30 демонстранты так же организованно двинулись к «Волкограду». Шли, скандируя: «Строить квартиры, а не особняки!» Свернув с Пуш-

кинской под песню Виктора Цоя «Мы ждем перемен!» и обогнув многоэтажки, народ заполнил пространство перед металлической оградой и воротами, за которыми расположились частные особняки. Здесь была озвучена информация, согласно которой как минимум три из этих элитных домов принадлежат семьям и родственникам высших должностных лиц Удмуртии – президента Волкова, премьера Питкевича и главы президентской администрации Горяинова. Большинство пришедших были в шоке от увиденного – о существовании этого не заметного с дороги строительного проекта «эпохи Волкова» многие даже не подозревали. «Нас выкинуть из квартир хотите, а сами вон чего понастроили!», «Обнагтели!»

Прошел еще один короткий митинг. Под скандирование «Жуликов – в отставку!» на металлическую решетку повесили нарисованный на бумаге «щит» со словами: «Волкоград! Хватит врать и воровать!». «Наш щит на воротах Волкограда!» – объявил кто-то из выступавших. Этой символической акцией митинг не закончился. Было объявлено, что все, кто готов войти в состав активистов протестного движения, могут оставить свои телефоны на плакате: «Волков, руки прочь от газеты «День»!», также вывешенном на ограде. Многие пошли записываться.

Когда люди расходились, на глаза мне попался руководитель охраны президента УР, «друг семьи Волковых». Наверное, поручили проверить, не пострадало ли хозяйское добро.

На этом «сюрпризы» дня не закончились – через минуту во двор вдруг лихо зарулил черный джип «Шевроле-Блейзер», из которого вышел парадно одетый мэр Виктор Балакин с букетом желтых хризантем и скрылся в подъезде одного из прилегающих к коттеджному поселку многоэтажных элитных домов. Видно, опаздывал. А на выезде на улицу Пушкинскую я обнаружил милицейский микроавтобус, заблокированный пенсионерами – участниками митинга. Оказалось, что милиция задержала и увезла в Октябрьский РОВД троих молодых активистов. Лишь после вмешательства организаторов акции и обещания милицейского начальства, что депутат Госсовета Владимир Тихонов сейчас вместе с ними поедет вытаскивать ребят из КПЗ, люди согласились разойтись.

Тысячная демонстрация «Ижевских общаг»

(5 марта 2006 года, в рамках первой всероссийской акции жителей общежитий)

5 марта около тысячи жителей общежитий Ижевска приняли участие в марше протеста «Общаги за свои права!». Демонстрация была организована движением «Ижевские общаги» в рамках всероссийской акции общежитий, решение о которой было принято на третьей (московской) конференции Союза координационных советов России в конце января этого года.

Демонстранты, стекаясь к зданию администрации, выстраивались плотными рядами, организованно разворачивали транспаранты. На этом плацу они находились далеко не впервые: последняя акция – пикетирование сессии Городской думы – прошла здесь же меньше месяца назад. Тогда городские власти согласились на прием делегатов движения в мэрии, в ходе которого «Ижевские общаги» одержали важную победу. Глава Ижевска Виктор Балакин и сити-менеджер Александр Ушаков пообещали, что комиссия, занимающаяся вопросом перевода зданий общежитий в жилые дома, будет переименована в комиссию по бесплатной приватизации и реорганизована: в нее включат пять представителей от Совета общежитий. Но обещанное на 2–3 марта заседание этой комиссии так до сих пор и не состоялось.

И люди снова вышли на площадь. Но на этот раз – массово, целыми семьями, группируясь под табличками и плакатами с адресами своих общежитий. «Иметь жилище нужно всем. Красногеройская, 107», – сообщала о себе и самом заветном одна из общаг. Критическим духом веяло от других транспарантов: «Казань общаги людям отдает, Ижевск опять позорно отстаёт!», «Балакин плодит бомжей!», «Вопрос с общагой решай быстро – или проваливай из министров!».

Неожиданным оказалось появление на площади группы молодых людей с флагами «монархической» (желто-черно-белой) расцветки. Выяснилось, что это члены местной организации партии «Народная воля», среди которых оказался и руководитель организации Михаил Трапезников, осужденный два года назад за выпуск нацистской газеты. Между тем за несколько дней до демонстрации на заседаниях Координационного совета гражданских действий и Совета общежитий г. Ижевска было приня-

то решение не допускать использования ничьей партийной символики на акции общаг. Выполняя это решение, организаторы митинга при взаимодействии с представителем мэрии и при поддержке участников акции потребовали от «народовольцев» свернуть знамена. Партийцы предпочли отойти в сторонку, где спустя некоторое время все-таки свернули свой «реквизит».

Удачно отрепетировав речевки у здания администрации, демонстранты двинулись сначала по левой пешеходной части Пушкинской улицы, затем на перекрестке с улицей. Кирова перешли на правую, на какое-то время заблокировав уличное движение. Колонна растянулась метров на четыреста, так что «хвост» ее уже зажил отдельно от головы. Когда в авангарде скандировали: «Понастроили дворцов – дайте жить в конце концов!», в хвосте колонны раздавалось еще только начало речевки: «Не хотите с нами драки – отдавайте нам общаги!». Финишное: «Чтоб решить общаги беды, драться будем до победы!» – подкреплялось дружным «Ура!».

Настроенные на масленицу прохожие с любопытством и одобрением наблюдали бодрый шаг общаговского марша. Только одна дама с коляской бросила недовольно: «Понаехали тут, деревенщины. Еще и права качают». Откуда ж ей знать, что, приехав в Ижевск 20–30 лет назад молодыми и перспективными врачами, учителями, строителями, эти люди и предположить не могли, что право обладать комнатой в несколько квадратов, в которой у многих родились не только дети, но и внуки, им придется отвоевывать на улицах с плакатами с руках.

Пройдя Центральную площадь, голова колонны завернула налево по пешеходному переходу и затем снова налево – к входу в Дом правительства. Получилось так, что начало и конец колонны в какой-то момент двигались в противоположных направлениях, приветствуя друг друга через проезжую часть улицы Пушкинской. Один из организаторов митинга в шутку даже предложил «закольцевать процесс» через второй пешеходный переход с другой стороны Дома правительства. Впрочем, решили не рисковать, и народ стал скапливаться у входа в правительственное здание, пока замыкающие колонны пытались потеснить шедших впереди, чтобы всем уместиться на площадке. Скандирования не прекращались. Слаженность манифестантов за время километрового марша достигла высокой степени: на изложенный в мегафон ведущим митинга тезис:

«Жители общежитий – не бомжи!» народ дружно отвечал: «Мы – не бомжи! Бомжи – не мы!»

Речи у запертых дверей правительства быстро вышли за пределы регламента. Активисты движения, накануне отказывавшиеся выступать из-за шантажа и угроз со стороны администраций общежитий и своих работодателей, сегодня по очереди брали в руки мегафон. Представительница бесхозного общежития закончила выступление исполнением грустной песенки «Только от жизни собачей общага бывает кусачей». Инициатива была поддержана с энтузиазмом.

Слово брали и новички движения. Жительница буммашевского общежития рассказала о вопиющих фактах нарушения прав общежитских: так, во время объявленного гриппозного карантина в здание не допускались третьи лица, в платежки за коммунальные услуги включены вопреки закону сборы за места общего пользования и так далее.

Участники митинга-шествия приняли резолюцию, в которой потребовали от городских властей в течение месяца принять постановления «Об изменении статуса жилых домов и помещений, используемых в качестве общежитий», «О приватизации жилья в жилых домах, используемых в качестве общежитий», проекты которых активисты «Ижевских общаг» подготовили на основе опыта Казани и Чебоксар. От республиканских властей жители общежитий потребовали поддержать их справедливые требования, от российских – принять нормативно-правовые акты, однозначно трактующие вопрос о приватизации в пользу постоянных жителей общежитий. От городских и республиканских чиновников потребовали также вести работу по защите прав жителей «ведомственных» (немуниципальных) общежитий.

В акции приняли участие активисты, впервые присоединившиеся к движению общежитий. Таким образом, в работу Совета городских общежитий г. Ижевска включилось более 40 общаг. Ранее движение «Ижевские общаги» уже неоднократно заявляло о том, что будет бороться до конца, используя все законные методы – вплоть до голодовки. Теперь радикальность следующей акции, запланированной на 18 марта, напрямую зависит от шагов властей.

Лидер крупным планом. Он любимчик всех бабушек. Приветливый, общительный, симпатичный молодой парень (1970 года рождения). «Русский тип» внешности (голубые глаза, короткие светлые волосы, плотное телосложение). Многие признают в нем харизму и обаятельность. Это Андрей Коновал, ныне депутат Городской думы г. Ижевска, лидер Координационного совета гражданских действий Удмуртии, член рабочего комитета Союза координационных советов России (СКС).

Бабушки по-матерински к нему относятся: «Андрюшенька наш, красавчик». Они о нем заботятся («одевайся, Андрюша, на улице холодно»), подкармливают его («он ведь постоянно бегаёт, ни кушать, ни отдыхать не успевает»), беспокоятся («боюсь за него, всякое может случиться с такой властью»), защищают от нападок властей («они набросились на Андрюшу: хватит, мол, воду мутить. А мы Андрея защитили – никто воду не мутит, мы сами сюда пришли»). 20 февраля 2009 года после силового задержания милицией Андрея во время акции протеста около 500 человек (в основном пенсионеров), несмотря на угрозы разгона силами ОМОН, 45 минут удерживали проезжую часть центральной магистрали города, требуя освобождения своего лидера, и только по призыву главного редактора «Дня», товарища Андрея, согласились организованно освободить проезжую часть.

По стилю Андрей отличается от лидеров политического типа: он открытый, общается со всеми (его круг общения не ограничивается активистами, тем более своей организацией), увлекается не только политикой или общественной жизнью, но и театром, кино, искусством, посещает ижевские «тусовки». Важная черта: он общается на языке собеседника, вникает (причем явно по личной расположенности) в проблемы каждого, может часами рассуждать о тонкостях капремонта или общежитий и никогда не говорит идеологическими штампами (такими как «все равно только революция нас спасет»). Он не выглядит строгим или озабоченным своим статусом и предпочитает дисциплине неразбериху и «творческий беспорядок». Словом, в нем нет ничего от традиционных коммунистических вождей или от молодых левых радикалов. Но он любит «драйв» (энергию) публичных мероприятий, очень быстро втягивается в дискуссии и получает массу удовольствия, когда ведет народ на улицу, когда приносит пользу людям.

Вначале он не стремился в лидерство, даже считал себя неподходящим к исполнению этой роли (или нелегитимным), поскольку не был

пенсионером (а они составляют большинство активистов), не был известным активистом и не умел произносить зажигательные речи на митингах. Тем не менее именно он стал лидером, причем бесспорным. И сейчас сам признает, что КСГД стал лидерской структурой в Ижевске. При этом оправдывает это тем, что система так построена, что лидерская фигура необходима для узнаваемости и идентификации движения. И действительно, судя по интервью со «случайными» участниками деятельности КСГД, имя Коновала намного более известно, чем «бренд» КСГД.

Андрей пришел в движение почти случайно. В это время он подрабатывал журналистикой в оппозиционной газете «День». Даже создал с товарищем, бывшим своим студентом, собственную рекламную фирму, и тут грянули антимонополизационные события. Андрей пошел делать репортаж о митинге в Ижевске 12 января 2005 года и, можно сказать, оттуда не вернулся. Подключился, вовлекся и постепенно стал завзятым активистом.

Вокруг него и во многом по его инициативе за эти годы была создана целая куча общественных движений: Общественный совет пенсионеров, Координационный совет гражданских действий, движение домкомов, Комитет защиты садоводов, движение «Ижевские общаги», комитет автогаражников и другие. Он действует по следующей схеме: есть злободневная проблема, которая касается многих и которую можно решить только сообща, – спланируем и создаем координационную структуру. Причем по мере решения проблемы созданная структура может распадаться и снова «актуализироваться» по мере необходимости.

Кроме того, Андрей Коновал вошел в институциональную политику. На волне нарастающего протестного движения он был избран в октябре 2005 года депутатом городской думы г. Ижевска. Самое удивительное, что депутатский статус ни на йоту не охладил протестную пылкость Андрея. По мере того как перед ним открывается все больше подробностей чиновнического мира, он все больше радикализируется. Он как-то полусуто признался нам, что иногда, наблюдая за «этими наглыми рожами», ему хочется «взяться за автомат». Хотя он отказывается называть себя коммунистом, он уже три года ходит на акции в красной куртке, которую специально приобрел перед «офигенным» митингом 12 февраля 2005 года, чтобы выделяться в толпе. Она уже стала стабильным ориентиром и символом уличных акций.

А ведь три года назад, когда он только попал в круги «радикальных левых», ему было, наверное, смешно слышать все эти революционные речи. До сих пор многие левые находят у него «буржуазные замашки» и подозревают в «оппортунистических замыслах». Сам он провозглашает достаточно умеренные социал-демократические позиции («Я не фанатик и не радикал»). Интеллектуально ему близок неомарксистский подход школы мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна, который, по мнению Андрея, может служить основанием как для радикально левой, так и патриотической идеологии. В российском общественно-политическом контексте ему близки экономические взгляды и политическая позиция Сергея Глазьева, с которым у него есть личные контакты.

Для себя он формулирует главную цель следующим образом: «Важно, чтобы на уровне республики, ну или по крайней мере в Ижевске, сложились устойчивые структуры гражданского сопротивления. То есть чтобы население начинало приобретать какой-то опыт борьбы за свои собственные права. Это главная стратегическая цель на самом деле. Хотя, конечно, мы считаем, что такую власть, которая сегодня сложилась в Удмуртии и Ижевске, нужно менять, в том числе и с нашим участием. Это второе. Ну и конечно, хотелось бы, чтобы у руля в стране встала национальная и левоориентированная политическая сила. Это третья цель. Вот букет целей в общем-то».

Враждебные для Андрея идеологии – это фашизм, а также радикальный экономический либерализм. Он аргументирует: «Когда говорят, что, мол, это [социализм в мягкой форме] все равно экономически неэффективно, что это слишком затратно, здесь есть другой аргумент – смотря из чего исходить, может быть, с точки зрения интересов бизнеса и отдельных компаний это неэффективно, а с точки зрения общества в целом – это общественная необходимость».

То есть ему не отказать в принципиальности, однако он не профессиональный активист (хотя им становится). Он не скрывает: «Конечно, для меня была бы предпочтительнее позиция, когда я бы сам в это не влезал, чтобы не страдать материально, а просто бы голосовал за нужную фигуру и так далее. Но в силу того, что существует определенный вакуум в этом смысле, сама ситуация меня бросила туда, и мне приходится брать на себя эти функции, превращаться в публичную фигуру, чего бы в принципе мне не хотелось». Но потом думает... и добавляет: «Хотя и где-то это

затягивает, наверное. Ну, втягиваешься же в процесс. Это в своем роде спорт, борьба. Втягиваешься и начинаешь этим заниматься».

Кстати, о материальной стороне дела. Его доходы заметно сократились с тех пор, как он стал «персоной нон-грата» в глазах истеблишмента. На что он живет? Как и большинство россиян – выкручивается, как может. Достоверно можем заявить лишь о том (это к той дезинформации, которую упорно пытаются распространять власти в Ижевске), что ни Березовский, ни прочие олигархи тут ни при чем.

Итак, сегодня, хотел он этого или нет, Андрей стал лидером. Это, на наш взгляд, хорошо и плохо одновременно. Хорошо, особенно для России, поскольку без лидеров никак (кто поведет за собой?). Плохо, потому что слишком много контактов и дел завязаны исключительно на него. Видимо, это не результат стратегии укрепления личной власти, просто так получилось – ведь быстрее и эффективнее делать самому, чем обучить человека. Да и более надежно. Тем более что желающих перехватить контроль над движением – целая куча. Это в принципе порочный круг всех зарождающихся социальных движений, окруженных такой враждебной и авторитарной политической системой. Будешь действовать демократично – тебя съедят, будешь вести себя авторитарно – рано или поздно встанет вопрос об атрофии движения. К этому хочется добавить, что отнюдь не все, кто кричит громче всех «демократия, демократия», являются самыми большими демократами на деле. Даже, скорее, наоборот.

Процитируем Андрея, который без фальшивого лицемерия анализирует ситуацию с лидерством: «Лидер необходим движению. Более того, в России, если брать макроуровень политики, в эпоху всех этих развитых PR-технологий и в отсутствие сложившихся партийных структур, институционализации автономной политической сферы реальное оппозиционное движение может быть выстроено, как бы радикально это ни звучало, только как «вождистское», лидерское. Идеологию партийная верхушка умеет подделывать, как умеет подделывать протестные партии. В этом смысле единственными ориентирами могут быть только лидеры, которые выдерживают в отношении длительного времени какую-то принципиальную позицию. Можно подделать идеологию, подделать партию, даже движение – были партия пенсионеров, движение женщин, – но нельзя подделать позицию отдельных людей. Но тут возникает проблема доступа этих людей в информационное поле».

Со стороны, когда мы наблюдали за сборами людей в присутствии Коновала, было заметно, что он хорошо умеет располагать к себе людей, а также побуждать их к активным действиям. Так, у одной женщины, старшей по дому, в начале учредительной конференции движения домкомов был весьма подозрительный взгляд на Коновала («Сегодня он прогрессивный человек, да, а завтра возьмет и переметнется, всякое можно ожидать от человека»), но в конце конференции она восторженно вышла на трибуну и предложила себя в качестве члена рабочей группы. Многие указывают на Коновала как на образец того, как должны были бы вести себя политики (он «помогает», «занимается нашим вопросом»), а также как на пример твердого, мужественного, убежденного и самоотверженного активиста. На публичных мероприятиях он выгодно выделяется тем, что владеет вопросом в деталях, говорит доходчивым языком, а также умеет слушать.

Совокупность этих качеств (педагогическое умение, человеческая простота, техническая и политехнологическая компетенция, заразная энергия и энтузиазм) делает из него, на наш взгляд, пример сетевого и уполномочивающего лидера. Именно такие лидеры способствуют развитию социальных движений. Напомним, что в наших аналитических категориях движенческие и бюрократические лидеры различаются степенью заботы о empowerment (уполномочивании), то есть о побуждении других к тому, чтобы они пользовались своей властью.

Андрея нельзя назвать «социальным предпринимателем», поскольку он эмоционально и этически живет тем, что помогает людям защищать свои права, самоорганизовываться и становиться активными гражданами. Он не кабинетный лидер, который составляет разные стратегические планы действий, исходя из аппаратных соображений. Он полевой лидер, который черпает свой авторитет в совместных действиях вместе с обычными людьми, которых он подталкивает к активизации. Да, в его руках сосредоточено много власти и ресурсов движения, но одна эта черта не делает движение менее демократичным и эффективным – главное то, что он делится властью и ресурсами с другими участниками движения, но так, чтобы они не попали под контроль враждующих сторон, и так, чтобы они служили главной цели – оформлению «структур гражданского сопротивления».

Хроника действий и побед. «Вместо того чтобы крикнуть во весь голос: “Что же вы, суки, делаете?”, мы молча думаем: “Что же они, суки, делают?”» Эта фраза Жванецкого уже не совсем про Ижевск. За годы борьбы социальное движение Удмуртии, возникшее в январе 2005 года на волне выступлений против монетизации льгот, научилось разговаривать с властью во весь голос.

Об изменениях в общественном сознании рассказывает сам Андрей Коновал (в июне 2006 года): «Пусть не большинство, но значительное количество ижевчан почувствовали, что с высоким начальством можно и нужно говорить на равных, можно и нужно пробивать, втаскивать в кабинеты «первых» и «вторых лиц» республики и города те неудобные для них факты и аргументы, от которых они хотели бы оградиться милицией, пропагандой прирученных и запуганных СМИ и собственным равнодушием. Благодаря более шестидесяти большим и малым уличным акциям протеста в Ижевске за это время почти две сотни активистов – не партийных функционеров и представителей «официальных» профсоюзов, а простых граждан (пенсионеров, жителей общежитий, садоводов, работников ликвидируемых заводов, домовых активистов) – получили возможность лично участвовать в переговорах с властями, затрагивая крайне болезненные для них темы».

И не только вести переговоры, но и добиваться уступок и даже побед по отдельным направлениям. На сегодняшний момент самым большим достижением в борьбе ижевских пенсионеров против монетизации остается сохранение в республике «единого социального проездного билета».

Есть подвижки и на жилищном фронте. Большую победу одержали десятки тысяч постоянных жителей муниципальных общежитий, которые добились с августа 2006 года запуска мероприятий по подготовке их жилья к бесплатной приватизации. Чтобы решить проблему с признанием того же права у жителей частных и ведомственных общежитий, потребовался очередной рывок в виде акций протеста и массовых исков. Вроде бы власти начали шевелиться.

Одно из главных требований движения автогаражников также было выполнено: в семь раз снижены налоговые и арендные платежи за земельные участки под автогаражными кооперативами.

Благодаря сопротивлению движения садоводов серьезно ограничено влияние городских властей в их стремлении принудительно ликвидиро-

вать в черте города садоводческие массивы: первые лица города вынуждены были неоднократно публично заявить, что «принудительно выкупать земли для муниципальных нужд» они не собираются.

Есть и юридические победы. В Ижевске создан прецедент: 1 февраля 2007 года Верховный суд Удмуртской Республики подтвердил решение Октябрьского районного суда, обязавшего муниципальное учреждение «Городское жилищное управление» (ГЖУ) и администрацию Ижевска провести капитальный ремонт в жилом доме №357 на улице Коммунаров.

Кроме того, движение домкомов пытается решить вопрос глобально и контролировать весь процесс передачи домов в управление жителями. Первый успех был достигнут после массовых акций протеста начала 2007 года, когда 29 марта состоялась встреча активистов организаций, входящих в Координационный совет гражданских действий Удмуртии, с председателем правительства республики Юрием Питкевичем. «Сломалось» республиканское руководство 26 февраля, когда более сотни ижевских пенсионеров записались на прием к президенту Удмуртии и фактически блокировали Александра Волкова в его резиденции, здание которой еще до прихода людей взял под охрану усиленный наряд милиции. Кроме того, в 2007 году впервые в бюджете Ижевска появляется строка «капитальный ремонт жилого фонда».

С тех пор и до конца 2007 года (до региональных и федеральных выборов) с переменным успехом переговоры проводятся по разным направлениям, в первую очередь по поводу процедуры передачи домов. Летом 2007 года движению домкомов удалось внести свои поправки в проект «Положения о передаче жилого многоквартирного дома в управление». Цель? *«В вопросах о порядке передачи дома в управление и о типовом договоре с управляющей компанией для нас важнейшим сегодня является фиксация обязательств муниципалитета по невыполненному капитальному и текущему ремонту»*, – говорит Андрей Коновал.

Наконец, есть даже политические победы. Например, победа «кандидата протестного движения» Андрея Коновала в октябре 2005 года на выборах в гордуму Ижевска. К политическим победам можно отнести и то, что власть была вынуждена признать активистов социальных движений в качестве политического игрока и вести с ними переговоры на равных. А ведь переговоров с властями по волнующим население проблемам участники акций протеста добивались больше двух лет. За это время в

столице Удмуртии прошли десятки митингов, демонстраций, пикетов, в которых приняли участие не менее сорока тысяч человек. Все это время республиканские власти старались игнорировать звучавшие на улице требования.

В выборах 2 декабря 2007 года (выборы депутатов Госдумы РФ и Госсовета республики) протестные силы участвовали под флагом «Патриоты России». Идя на выборы под партийной маркой, активисты руководствовались той же логикой, что и участники социальных движений других регионов, – надо использовать все возможности «протолкнуть» в законодательную власть хотя бы отдельных представителей. Почему «Патриоты России»? Просто была свободная вывеска, которую смогли сделать своей лидеры Координационного совета, не более того. По нашим ощущениям, нет особенных иллюзий насчет принципиальных позиций руководства. А опыт Ижевска и некоторых других городов (в частности, Астрахани) показывает, что, когда партия действительно опирается на активную часть населения, является политическим отражением социального движения в регионе, она может претендовать на успех. Так, в Астрахани, например, где региональное отделение «Справедливой России» создано на базе социальных (профсоюзных и жилищных) движений, они показали, что представляют собой реальную силу, набрав больше 20% (лучший результат этой партии в стране). В Ижевске, где все реальное гражданское движение во главе с лидерами КС (в частности Коновалом) и всех основных гражданских инициатив шло на выборы вместе с местным отделением «Патриотов России», у «Патриотов» не хватило всего лишь 1,4% (они получили 5,64% голосов), чтобы пройти в Госсовет (а всего по стране у «Патриотов», напомним – 0,3%!).

В итоге, как отмечает Коновал, «соединение организованного социального движения, работающего с низовыми гражданскими инициативами, с «партийной» избирательной кампанией, несмотря на проигрыш, показало свою эффективность и высокий потенциал. В то же время качественного прорыва, связанного с появлением в Госсовете группы независимых от регионального властного клана и бизнес-структур депутатов, не произошло».

В 2008 году деятельность социально-протестного движения стабилизировалась. Рост не отмечается, так же как и спад. У движения сохраняется способность к относительно высокой (для России) мобилизации

граждан для участия в уличных акциях (до 2500 участников). По ряду вопросов власти продолжают идти на уступки с целью отсечь от участия в акциях протеста те или иные протестные группы.

Подробнее о переговорах: тест на прочность. Переговоры являются ключевым моментом деятельности движения, поскольку только через них можно добиться уступок и признания роли общественных движений в их достижении. Участники движений очень гордятся, когда им удается вынудить оппонентов идти им навстречу, тем более если переговоры приводят к положительным результатам. В то же время переговоры несут в себе некоторую опасность. Насколько активисты смогут сплоченно и непоколебимо защитить общую позицию, сталкиваясь с привлекательной (или же репрессивной) силой власти? Насколько они окажутся компетентными в технических или законодательных тонкостях, учитывая хитрость и умение чиновников ввести в заблуждение? Наконец, на фоне реальных информационно-публичного поля насколько общественники смогут присвоить себе потенциальные уступки? Координаторы движения осознают все эти опасности и много делают для их преодоления.

Первый тест на прочность – сумеют ли активисты заставить власть идти на переговоры? Здесь самая успешная (и применимая) тактика – проведение многотысячных митингов протеста с четким обращением к тем представителям, с которыми активисты хотят вести переговоры. Причем в Ижевске, до тех пор пока удовлетворительный ответ не будет получен, митинг за митингом повторяются одни и те же требования и обращения. То есть движение буквально осаждает власть, иногда и в прямом смысле (когда административные здания берутся в кольцо). В ходе акций люди громко скандируют имя того представителя власти, с кем они хотят встретиться. Часто кто-то выходит из административного здания на встречу с демонстрантами, его ранг в иерархии власти зависит от масштаба демонстрации. Люди требуют от него ответов и стремятся выяснить официальную позицию власти по поднятым демонстрантами вопросам. Уличная встреча – сильный момент давления, когда движение действует на своем поле и выступает перед публикой с позиции силы.

Затем иногда начинаются переговоры. Представители власти приглашают представителей от общественности за круглый стол. Для движений это означает, что необходимо выбрать делегатов. В случае Ижевска выбо-

ры происходят на общем собрании того или иного тематического движения в зависимости от повестки дня. Помимо делегатов непосредственно от данного тематического движения участники собрания обычно включают в делегацию членов КС как более опытных в проведении переговоров (часто таким образом избирается Андрей Коновал), тем более если повестка дня предполагает затронуть общие темы. Бывают ситуации, когда нет времени на избрание делегатов (как в случае со стихийным выступлением против монетизации), тогда переговорщики определяются стихийно, но легитимизация происходит потом, когда они отчитываются перед собравшимися на последующих митингах.

Подготовка к переговорам важна. Опытные товарищи обучают менее опытных, как они должны себя вести, как выдержать напор противоположной стороны, как не быть обманутым, как держаться вместе. Распределяются задачи: кто за какой вопрос отвечает (как правило, участники, особенно новички, серьезно готовятся, досконально изучают проблему, за которую отвечают). Также решается, какие вопросы будут затронуты. Даже если от властей поступило приглашение обсудить узко определенную проблему, на подготовительном собрании общественники могут решить расширить повестку дня – ведь для консолидации движения важно, чтобы все горячие вопросы прозвучали на встрече. Этого активисты добиваются тем, что составляют делегацию, члены которой представляют разные направления работы. Даже если они обязаны заранее передать власти список переговорщиков, поскольку все равно фамилии многих неизвестны, нежелательные переговорщики могут «проскочить». Таким образом движение преодолевает контроль власти над повесткой дня.

С точки зрения внутреннего развития движения и роста активистов важно еще то, чтобы в делегацию было включено как можно больше участников из разных проблемных точек и тематических движений, а также чтобы делегация включала как опытные кадры (с целью повышения эффективности), так и новичков (с целью расширения круга активных участников движения). Во многом под воздействием активистов КС (которые отвечают за общее движение) такой подход и применяется.

Как обычно проходят переговоры? Во-первых, всегда включается традиционная логика доминирования/подчинения в отношениях власти и общественников – ведь атмосфера официальная (большой кабинет большого начальника), а общественников мало (тысячи митингующих оста-

лись на улице). Здесь помогают две вещи. То, что опытные переговорщики не дают себя запугать (особенно те из них, которые, как Андрей, постоянно общаются с чиновниками). И то, что всегда приходит момент (а если не приходит, опытные переговорщики его провоцируют), когда представители власти нарушают правила вежливости, либо откровенно врут или искажают действительность, либо просто ошибаются (показывают, что не владеют проблемой), – одним словом, выводят общественников из себя или дают им повод считать, что они более компетентны, чем противники. Это ключевой момент переговоров, когда либо переговорщики начинают шумно возмущаться и коллективно освобождаются от традиционного подчиненного положения перед властью, либо приобретают уверенность, ловя представителей власти на их ошибках и доказывая свою компетентность. После этого может наступить переворот в переговорах, которые ведут уже не чиновники, а сами общественники. Тогда есть шанс прижать представителей власти к стенке и они будут вынуждены, по крайней мере на словах, обещать принять хоть какие-то предложения со стороны общественников.

Со стороны властей обычно делаются попытки либо запугать, либо, наоборот, продемонстрировать свою патерналистскую заботу о благе народа, либо же расколоть общественников, указывая на то, что среди них могут быть провокаторы, которые ими манипулируют. Этот прием особенно часто используется в Ижевске из-за болезненного восприятия лидеров движения руководителями республики. Такое обвинение прозвучало даже во время переговоров, последовавших за стихийными выступлениями января 2005 года против монетизации льгот. Рассказывает один из участников переговоров: *«И когда нам сказали: «Мы знаем, кто вас собрал!», я встал и сказал: «Меня никто не собирал. Я никогда не ходил ни на какие митинги и пикеты. Но с сегодняшнего дня я буду ходить на все пикеты, митинги и демонстрации. За кого вы нас принимаете?»*

Здесь стоит остановиться на вопросе о компетентности. Широко известны любимые аргументы со стороны властей, чтобы лишить общественников легитимности: люди не способны решить проблемы, которые берет на себя власть, люди думают только о своих узких собственных интересах, тогда как власть озабочена общим благом, люди могут только протестовать, а предложить что-либо не в состоянии. В Ижевске активисты особенно успешно опрокидывают эти аргументы. Деятельность коа-

лиции не сводится к протестным выступлениям. Как правило, каждое тематическое движение создает внутри себя хотя бы одну, а то и несколько рабочих групп, члены которых глубоко разбирают какой-либо аспект соответствующей темы, причем как технически, так и юридически (или законодательно), а иногда и политически. Например, в движении домкомов работает группа по вопросам тарифов на ЖКХ, по вопросам передачи домов в управление, по проблеме капитального ремонта. Многие активисты являются (общественными) юристами (например, лидер движения «Ижевских общаг», которая самостоятельно ведет множество судов или помогает людям судиться). Плюс к этому активисты используют аргумент житейской компетентности: кто лучше самих жителей данного дома сможет контролировать тарифы, кто лучше жителей этого квартала может судить о целесообразности строительства в этом квартале (при том что многие активисты являются по профессии специалистами – инженерами, экологами, юристами, бухгалтерами). Наконец, следует учесть, что чиновники, как правило, владеют досье гораздо хуже, чем активисты. Они меньше готовятся (исходя из общих представлений о том, что все равно люди некомпетентны), лично меньше знают о проблеме (у них целый штаб советников и специалистов), а иногда и вообще не располагают информацией (в случаях, когда политическое решение было принято без изучения ситуации, в результате лоббирования или подкупа в угоду бизнеса). А активисты долго изучают проблему, производят общественную экспертизу, фиксируют данные, производят расчет, подводят нормативную базу под свои аргументы. Причем необходимо отметить, что в Ижевске активисты КС особенно тщательно изучают реалистичность своих предложений (чтобы лишить власти повода отказаться под предлогом того, что денег нет или реформа технически неосуществима). Кстати, следует обратить внимание на то, что такая экспертная деятельность ведется с удовольствием и абсолютно безвозмездно активистами (и далеко не только в Ижевске). Они в этом находят возможность для самоутверждения (люди обращаются к ним за советами), способ применять свои профессиональные или любительские навыки в пользу общего дела, да и просто вовлекаются в игру с властью или другими оппонентами, смысл которой состоит в том, чтобы доказать ошибочность их расчетов или аргументов. Таким образом, можно наблюдать такие сцены (или читать дискуссии в рассылках), когда люди до бесконечности и страстно

могут спорить о том, как правильно считать килокалории. Как будто от ответа зависит судьба миллионов людей. А ведь так и есть на самом деле. И в этом еще одно преимущество общественных активистов – в том, что они живут теми же повседневными проблемами, что и миллионы других сограждан, и переживают за них не понаслышке, а потому, что их собственная жизнь зависит от решения этих проблем. А для истеблишмента, живущего в другом социальном измерении, одной килокалорией меньше, одной больше, одной копеечкой меньше, одной больше – не имеет ровно никакого практического значения.

Но вернемся к ходу переговоров. Почти всегда, хотя бы на словах, они заканчиваются частичными уступками позициям общественников. Это пробуждает воодушевление и уверенность у вовлеченных активистов. Однако не всегда (даже редко) активисты имеют возможность продемонстрировать широкой общественности результаты переговоров как победу, тем более свою. Здесь позиции властей однозначно сильнее. Встреча происходила за закрытыми дверями с узким кругом участников. Были приглашены определенные (лояльные) журналисты. Контролируется подача информации. Поэтому обычно к широкой общественности попадает сильно искаженная информация: о том, что демократическая власть проводила общественные слушания с приглашением анонимных общественников (название КС никогда не произносится, тем более фамилии самых известных лидеров), в результате которых решения власти по тем или иным вопросам (круг провозглашенных вопросов определяет власть) были скорректированы с учетом мнений общественности. Хуже того, в последнее время наметилась тактика властей использовать для имитации диалога созданную «сверху» в 2007 году Общественную палату УР, персональный состав которой по преимуществу формируется самой властью. Вынужденные уступки протестному движению региональный режим в информационном пространстве подает как результат диалога с Общественной палатой. Активисты КС (пиарщики движения) пытаются как можно шире преподнести мероприятие в более выгодном для движения свете, но им не удается выйти за круг самих участников движения или же симпатизирующих.

О первом опыте переговоров мы уже писали, когда освещали крупные протестные выступления против монетизации льгот. Предлагаем рассказы из наблюдений других эпизодов.

На общаговском фронте

Вечером 15 февраля 2006 года в новостях большинства местных каналов появилась вполне заурядная «картинка». Рядовое совещание в малом зале заседаний городской администрации и столь же заурядный комментарий: мол, глава муниципального образования пошел навстречу просьбе группы горожан – жителей общежитий. Суть произошедшего странным образом «ускользнула» от внимания СМИ. Чтобы добиться встречи с отцами города, «группе горожан» в течение двух месяцев пришлось создать движение «Ижевские общаги», изобразить свои «просьбы» на транспарантах, дважды пикетировать городскую думу и дважды митинговать на Центральной площади, причем один раз – с перекрытием дороги.

Появление разгоряченной, преимущественно женской делегации численностью до пяти десятков душ, внесло сумятицу в размеренный ход работы городской администрации. Первой натиск обездоленной общественности приняла на себя гардеробщица. Не успев дать достойный отпор на ее приветствие: «Это что еще за сборище!», общежитская колонна натолкнулась на помощника Балакина (главы города), которому был предъявлен список двух десятков тех, кто подписывал одно из обращений в адрес властей и кого утвердили как участников встречи. Однако чиновники не учли, что за прошедшее с предыдущей петиции время к движению присоединились еще 11 общежитий, увеличив список вошедших в организацию общаг до 31. Имея столь очевидное численное преимущество, активисты «Ижевских общаг» легко преодолели заградительные кордоны, не будучи даже посчитанными.

Войдя в зал, Виктор Балакин и сити-менеджер Александр Ушаков обнаружили полдесятка телекамер и плотную массовку общежитских, в которой терялись несколько депутатов и десятков чиновников. Усаживаясь во главе стола, Балакин слегка раздраженно заметил, что вообще-то речь шла о менее многочисленном представительстве, но тут же по-отечески смягчился: «Ну, в тесноте да не в обиде!». И на правах хозяина попытался определить направление собрания: «Тема понятна, как и ваше желание получить свой угол. Давайте обсуждать вопрос в конструктивном русле, в рамках закона». После чего зачем-то передал слово руководителю Комитета муниципального жилья Николаю Буторину. Последний, тихой скороговоркой прошелестев по основным общежитским проблемам, посетовал: мы, видите ли, боремся против двойных картотек (ситуации,

когда в одной комнате прописано сразу несколько семей), за выселение непроживающих, а вы отказываетесь нам в этом помочь. Это заявление произвело на членов делегации совершенно различное впечатление: одни были обездвижены осознанием того, что на занимаемые ими площади могут претендовать не только они, другие же реагировали крайне болезненно, обвиняя в незаконных прописках и Буторина, и присутствующую здесь же начальницу МУП «Спецдомоуправление» Дворниченко, к которой, как выяснилось позже, у каждого из делегатов были свои счеты.

Дворниченко охотно бросилась в контратаку, доказывая жителям, что все их претензии к беспределу, который творят сотрудники Спецдомоуправления, беспочвенны. Страсти от этого стали накаляться такими темпами, что Ушаков начал шептать Балакину: «Не надо давать ей больше слова, пусть лучше молчит...»

Зато депутат Василий Крюков решил пожурить активистов: *«Нужно уважать друг друга, а не выходить на площадь и не называть другую сторону негодяями и вообще самыми последними словами. Я вот с администрацией работаю и вижу, что они хотят решать проблемы».*

Ему активно возразил Андрей Коновал (уже тогда депутат): *«Не надо забывать, что эта проблема не сегодня и не вчера возникла и даже не два года назад, и то, что люди сегодня добились встречи с властями, – результат исключительно их участия в акциях протеста. Упрекать их за то, что они вынуждены выходить на улицы, просто безнравственно...»*

Лишь примерно через час активистам общежитий удалось вырваться на тот вопрос, с которым они пришли. Наталья Ильина заявила, что людей не устраивает подход к решению вопроса о бесплатной приватизации жителями общежитий своего жилья, который исповедуют чиновники и возглавляемая ими комиссия. Если идти путем решения вопроса по каждому общежитию отдельно, то жители более 50 «общежитий» Ижевска не смогут еще долго приватизировать свое жилье. Между тем в других регионах нашли и находят способы кардинального и быстрого решения проблемы. Так, в Казани в январе этого года после вынесения судом первой инстанции решения, обязывающего администрацию предоставить возможность приватизации истцом «общежитской» площади, мэр города Ильсур Метшин официально разрешил обитателям 134 (!) казанских общежитий приватизировать занимаемые ведомственные и служебные квадратные метры.

Активисты выложили Балакину проект создания новой комиссии, в которую должны войти, с одной стороны, депутаты, а с другой – по одному представителю от каждого общежития города. «Руководство работой комиссии возложить на рабочую группу из девяти человек и двух сопредседателей, одного – от депутатского корпуса (председателя Гордумы В. В. Балакина) и одного от Совета общежитий г. Ижевска», – говорилось в проекте. Чиновников же предложили привлекать к работе комиссии по мере необходимости.

В качестве принципов работы комиссии «Ижевские общаги» настаивали на том, чтобы исходить из трактовки закона, официально изложенной председателем профильного комитета Госдумы Крашенинниковым и отстаивающей право «общежитских» приватизировать свое жилье на равных со всеми остальными гражданами страны. Но это именно то, что не устраивает городские власти, активно судящиеся сегодня с «общежитскими» по данному вопросу. Перспектива оказаться во главе комиссии, состоящей из представителей общежитий и заинтересованных в решении проблемы депутатов, явно испугала Балакина, и он попытался свернуть заседание. «Давайте согласимся, что очень хорошо, что мы сегодня повстречались, – прощальным тоном начал он, – и с тем, что эта наша сегодняшняя встреча была полезна...» «Что полезно-то, ничего не решили...» – раздались протестующие голоса. «Мы тут посоветовались, Виктор Васильевич, – взял слово Андрей Коновал, – и решили предложить компромиссный вариант...» «Извините, я только вопрос задам», – прервал его Балакин. «С вами посоветовались?» – обратился он к участникам совещания. «Посоветовались», – отвечали ему сидевшие за столом в некотором отдалении от Коновала активисты. «Нет, я не у вас хотел спросить, а вот у вас», – послал глава города свой вопрос в другой конец зала, наивно предвкушая отрицательный ответ. «Да! Конечно!» – отвечали ему оттуда. «Так вот, – продолжил депутат Коновал, – мы предлагаем включить пять представителей общежитий в уже действующую комиссию как постоянных членов, а остальных представителей от каждого общежития – в качестве ассоциированных».

Дискуссия вышла на новый круг. В конце концов на исходе двух часов баталий уставшие чиновники согласились на предложенный вариант и на то, что официальной целью комиссии будет теперь объявлена «бесплатная приватизация постоянными жителями общежитий города Ижевска своего жилья в срок до 1 января 2007 года». Эту цель зафиксируют и в

новом названии комиссии. Кроме того, было получено обещание урегулировать вопрос с беспрепятственным получением поквартирных карточек, разобраться с ситуацией вокруг общежития на Циолковского (непонятно каким образом получившего статус нежилого дома), призвать начальницу Спецдомоуправления «исходить из того, как помочь людям». Заседание комиссии договорились было назначить на следующей неделе, но Александр Ушаков вовремя вспомнил: «Там же 23 февраля!..» – и по тому, как это было сказано, стало ясно, что это святое. Так что следующее совещание было перенесено на 5 марта – назначенную дату всероссийской акции жителей общежитий.

Совещание не состоялось. Все это время СМИ рапортовали об общежитском вопросе как о деле решенном, а жители продолжали получать из городской администрации ответы следующего содержания: «На ваш запрос о приватизации сообщаем, что общежития приватизации не подлежат». В результате в шестви 5 марта участвовали более тысячи жителей общежитий (см. репортаж выше).

Встреча на высшем уровне

29 марта 2007 года в Ижевске в зале заседаний республиканского дома профсоюзов состоялась встреча активистов организаций, входящих в Координационный совет гражданских действий Удмуртии, с председателем правительства республики Юрием Питкевичем. Вместо запланированных властями для проведения этого мероприятия двух часов двадцати минут встреча продлилась около шести часов без перерыва.

Переговоров с властями активисты добивались уже больше двух лет. Они считают, что ослабление жесткой позиции республиканского руководства случилось 26 февраля, когда более сотни ижевских пенсионеров записались на прием к президенту Удмуртии и фактически блокировали Александра Волкова в его резиденции. После полутора часов стояния у Дворца президента вышедший к народу заместитель главы администрации президента Удмуртии Леонид Кондаков вынужден был пообещать пришедшим, что с их представителями в марте обязательно встретится председатель правительства УР Юрий Питкевич.

В понедельник, 26 марта, в редакцию газеты «День» пришла телефонограмма с предложением активистам провести на следующий день ра-

бочее совещание по подготовке будущей встречи. 27 марта глава управления по внутренней политике президентской администрации Леонид Кондаков неожиданно сообщил в своем кабинете представителям Координационного совета гражданских действий, что встреча должна состояться уже через день, и в ультимативной форме потребовал ограничить число участников со стороны совета до 20 человек. Такой вариант оказался неприемлемым для активистов не только потому, что резко ограничивал количество людей, уже делегированных общественными объединениями, но и потому, что предполагал необходимость более тщательного владения информацией основными докладчиками совета, а времени для этого уже не оставалось. Кроме того, Кондаков сообщил, что на встречу не будут приглашены депутаты и представители партий, а значит, из числа делегатов должны быть исключены председатель Координационного совета Андрей Коновал (депутат ижевской гордумы) и главный редактор газеты «День» Сергей Щукин (лидер парторганизации «Патриотов России»). В ответ активисты заявили Кондакову, что не позволят чиновникам по надуманным причинам диктовать состав своей делегации. В среду в администрацию президента по факсу был отправлен список из 28 делегатов Координационного совета. Кроме того, в связи с вероятностью попытки со стороны власти «силового» решения вопроса о составе делегации был объявлен сбор активистов.

29 марта около 15.00 у Дома профсоюзов (именно сюда предпочли вынести переговорную площадку чиновники) собрались делегаты и еще около полусотни активистов Общественного совета пенсионеров, движения «Ижевские общаги», Комитета защиты садоводов, движений домкомов и автогаражников.

На 4-м этаже Облсовпрофа перед входом в малый зал работники администрации регистрировали пришедших. В президиуме уже сидели руководитель аппарата администрации президента УР, его заместитель и вице-премьер. Премьер Юрий Питкевич ждал начала этажом ниже – в кабинете руководителя Федерации профсоюзов УР.

Чинного начала, впрочем, не получилось. Оказалось, что небольшое помещение, выделенное для проведения встречи, уже на две трети заполнено чиновниками. Сесть активистам Координационного совета гражданских действий было почти негде, даже некоторые свободные места, как выяснилось, были «уже заняты» для опаздывающих коллег-чиновников.

Непонятно было, например, зачем сюда привели министра образования, который из-за этого даже не пошел на награждение по итогам конкурса «Учитель года». Тут же обнаружились и якобы «незванные» депутаты, а также партийные функционеры из КПРФ, РКРП и «Народной воли».

Первой «взорвалась» председатель Общественного совета пенсионеров Рауза Пастернак. «Понастроили себе дворцов, а первую за два года встречу с людьми нормально организовать не можете, позор!» – эмоционально отчитала она организаторов. Спорить с ней никто не решился, и через минуту выяснилось, что большой зал на первом этаже, где обычно проводятся подобные мероприятия, совершенно свободен. Перемещение заняло еще минут десять и не обошлось без конфуза – в фойе, через которое около сотни человек проходили в зал, в этот момент шли чьи-то поминки.

Поскольку все договоренности о составе участников встречи были нарушены в первую очередь самой властью, в зал прошли и те активисты, которые не входили в состав делегации. Места в президиуме заняли премьер Питкевич, глава города Виктор Балакин, сити-менеджер Ижевска Александр Ушаков.

Первые же минуты собрания начались с инцидента. На предложение Питкевича обсудить повестку с места вскочил местный руководитель РКРП Владимир Фефилов (бывший лидер расколовшегося «партийного» КС), предложивший «выбросить» из обсуждения два из четырех блоков вопросов, но он тут же был осажен активистами, заявившими, что они эту повестку готовили и согласовывали в течение месяца и не позволят выбросить из нее ни одного пункта. Та же участь ждала и лидера «Народной воли» Василия Крюкова, который, никого не спрашивая, вышел к трибуне и долго ее занимал в ожидании, когда закончатся хлопки и возмущенные голоса. «У нас же тут круглый стол», – попытался защитить Крюкова Питкевич. «Не заблуждайтесь, – возразил Андрей Коновал, – мы сюда не на круглый стол пришли, а для того, чтобы предъявить конкретные требования ижевчан и обсуждать их». В конце концов не выдержал сам премьер. «Ну вы же видите, что вас не воспринимают!» – с досадой сказал он «народовольцу» и предложил вернуться на место.

Следующие пять с лишним часов Фефилов с Крюковым молча просидели среди приглашенных. В ходе всей встречи «захлопывали» еще двоих – председателя одного из ТСЖ (которого чиновники выпустили для того,

чтобы «поучить» домовых активистов, как якобы можно прекрасно обойтись в восстановлении полуразрушенных домов без помощи государства), а также министра соцзащиты Светлану Андрееву, которая, видимо, не сориентировалась, где находится. Доклад Светланы Ивановны был написан явно для иного случая – для парадного выступления на аппаратном совещании перед президентом Удмуртии. Впрочем, «притираться» к участникам многочисленных акций протеста пришлось и ведущему встречи премьеру Питкевичу. На исходе первого часа мероприятия Юрий Степанович, видимо, решил взять всю власть на себя. «Два ведущих – это перебор», – категорично заявил премьер, имея в виду председателя Координационного совета Андрея Коновала, которому активисты делегировали полномочия следить за соблюдением согласованной с властями повестки. И даже капризно пригрозил, что «уйдет». Но не ушел, видимо, осознав наконец, что перед ним сидят не его подчиненные, а люди, закаленные двумя годами митингов и демонстраций.

Из варианта повестки, розданной при регистрации, следовало, что власти готовы активно работать лишь по четверти объема вопросов, представленных Координационным советом в администрацию президента Волкова в начале марта. На обсуждение первого блока вопросов, связанных с ЖКХ, ушло больше всего времени – около двух с половиной часов, около получаса рассматривалась тема ижевских общежитий, один час с четвертью – конфликты жителей и застройщиков и другие «земельные» вопросы. Самая острая фаза началась около семи часов вечера, когда речь зашла о проблемах отмены льгот под видом их монетизации, лекарственном обеспечении и других волнующих всех пенсионеров проблемах.

Очень сильный доклад сделала Рауза Пастернак, показавшая в цифрах, что на самом деле представляет из себя установленная в Удмуртии «потребительская корзина». Обсуждение этих вопросов продлилось полтора часа и проскочило уже на «втором дыхании». Когда премьер Юрий Питкевич предложил «закругляться», шел шестой час встречи. При этом за все время дискуссии не было сделано ни единого перерыва. Любопытно, что съемка на камеру одной из частных телекомпаний велась лишь по одному блоку вопросов – ЖКХ, а цифровую камеру администрации президента Удмуртии, писавшую ход встречи, выключили, как только началось обсуждение выходявшей за «формат» темы монетизации льгот.

В ходе встречи выявился предел возможностей для достижения договоренностей властей с общественниками. Но есть и подвижки.

Так, Юрий Питкевич выразил готовность лично провести рабочее совещание по проблемам приватизации общежитий с участием главы администрации города Ушаковым и представителями «Ижевских общаг». «О зоопарках говорим, а люди у нас живут в кладовках», – эмоционально описала жизнь в общежитиях лидер движения «Ижевские общаги» Елена Бранцевич. В отношении конфликта с захватом земель садового товарищества «Любитель» застройщиком ООО «Альянс» Юрий Питкевич ответил как-то двусмысленно. «Мы примем участие в разборке...» – сказал премьер, выслушав речь Алексея Ильина, активиста Комитета защиты садоводов. В целом по земельным вопросам, связанным с конфликтами при уплотнительной застройке, он дал конкретное поручение выявить все конфликтные точки и «поработать» с населением. «Ответственный Балакин», – сказал премьер, почему-то отведя от этого вопроса главу администрации Ижевска Александра Ушакова (большинство «беспредельных» постановлений по уплотнению подписаны им, а глава города Балакин сегодня фактически всего лишь спикер гордумы). Принято решение о проведении независимой экспертизы тарифов с участием экспертов протестного движения. Однозначно решен вопрос со снижением платы за землю для автогаражников в Завьяловском районе, теперь завьяловцы будут платить так же, как и ижевчане, добившиеся снижения платежей в семь раз еще в конце прошлого года. В отношении вопроса о необходимости увеличения расходов бюджета на капитальный ремонт жилого фонда Юрий Питкевич не был так конкретен. «Безусловно, больше, но, к сожалению... будем увеличивать...» – уклончиво пообещал премьер.

Республиканские власти напрочь отвергают обвинения в чрезмерном увлечении ненужными большинству населения имиджевыми стройками президента Волкова. Когда Юрий Питкевич заговорил об этих объектах, в его голосе звучала уверенность в своей правоте. «Множество стран мира живут хорошо за счет туризма, организации отдыха и других дел. У нас возможности есть, но они совершенно не используются. Нет инфраструктуры. Мы ее пытаемся создать», – нарисовал перспективу премьер Удмуртии. Получилось не очень здорово, многие из сидящих в зале пенсионеров всю жизнь проработали на оборонных предприятиях города, цеха которых сегодня превращены в склады гипермаркетов, а корпуса – в офисные

центры. Но раскрывать «экономическое ноу-хау», как такие отнюдь не уникальные объекты, как цирк и зоопарк, превратят Ижевск в центр туризма, Юрий Питкевич не решился. Добавил лишь: «Вместо поддержки идет недопонимание ситуации, пытаются нас критиковать и обвинять во всех смертных грехах, это неправильно и незаслуженно!»

Так же непреклонен председатель правительства УР был и в отношении всех вопросов, связанных с бедственным положением пенсионеров. Выяснилось, что он до сих пор помнит тот день – 12 января 2005 года, – когда в Ижевске случился настоящий бунт пенсионеров. «Вы думаете, мне было в радость стоять на крыльце, когда начались массовые протесты против 122-го закона?» – задал премьер риторический вопрос прямым участникам тех акций протеста. «Вам было видеть не в радость, а нам жить как-ково?» – ответила ему ижевская пенсионерка Алевтина Ивасева, чей иск на 89-й «удмуртский» закон принят к рассмотрению в Страсбургском суде. Тут Юрий Питкевич попытался снять напряжение. «Я понимаю. Мы заложники, вы – с одной стороны, мы – с другой, – начал рассуждать премьер, – но мы делаем все, что в наших силах». «Ну, так измените принципы бюджетной политики Удмуртской Республики! – призвал к совести «второго человека» в Удмуртии Андрей Коновал. – Это же в ваших силах, а то идет какой-то пир во время чумы!» Спор явно зашел в тупик, да и стрелки часов показывали уже половину девятого вечера. Пора было подводить итоги. Юрий Степанович справился с этой задачей довольно успешно, привычно переведя стрелки на федеральный центр. «Вы задаете вопросы, на которые я не могу ответить. Мы вас ничего не лишали, и 122-й закон не мы выпускали, – примирительно сказал премьер, – не путайте кислое с пресным...»

После встречи началась информационная война.

С одной стороны. На официальном сайте правительства и президента Удмуртии www.udmurt.ru сообщалось: «Юрий Питкевич провел запланированную встречу с представителями общественности, посвященную проблемам жилищно-коммунального хозяйства», а ТК «Моя Удмуртия» (под контролем президента УР) сообщила: «Пенсионеров интересует все, что связано с изменениями российского законодательства, но сегодня остановились на вопросах жилищно-коммунального хозяйства. За последний год многие острые проблемы удалось решить совместными усилия-

ми». Пресс-служба правительства тоже отметилась в деле сглаживания углов, сославшись на одну из цитат своего руководителя. «Мы обсудили конкретные проблемы, поняли, что на большинство из них наши точки зрения совпадают, и теперь займемся их решением, четко понимая позицию жителей», – отметил Юрий Питкевич».

С другой стороны. В газете «День» появился комментарий Сергея Щукина, главного редактора газеты, – «Как закругляли стол». Он, в частности, пишет: «Состоявшаяся на прошлой неделе встреча премьера Удмуртии Юрия Питкевича с активистами организаций, входящих в Координационный совет гражданских действий Удмуртии, – беспрецедентное событие в общественно-политической жизни Удмуртии. Однако власти упорно называли происходящее банальным словом «круглый стол». С таким подходом не согласны участвовавшие во встрече граждане. За два с лишним года существования протестного движения в Ижевске различные должностные лица не раз встречались по частным вопросам с различными группами граждан, принимавших участие в митингах и демонстрациях. Но все эти контакты остались бесплодными, поскольку позиция администрации президента и правительства Удмуртии была неизменной – никаких переговоров с «экстремистами» и тем более уступок по даже самым жизненно важным требованиям. Почему, несмотря на отсутствие принципиальных подвижек в политике администрации президента Волкова, тех, кого власти еще совсем недавно называли «экстремистами», вдруг на прошлой неделе срочно переименовали в нейтральную «общественность»? Ответ, на мой взгляд, лежит на поверхности. <...> Большинство жизненно важных для большинства жителей вопросов, звучавших на митингах, как были, так и остаются открытыми».

Конструкция коалиции. Структуризации ижевского движения стоит уделить особое внимание, поскольку на сегодняшний момент именно в Ижевске существует самое широкое и мобилизационно-способное движение.

В общем можно характеризовать движение как созданное «снизу», но держащееся вместе «сверху». Другими словами, энергию движению придают самоорганизующиеся низовые и локальные сообщества, а общее направление и смысл задает небольшой круг активистов КС («штаб») и во многом самолично главный лидер. Но при этом стоит подчеркнуть,

что общий смысл не навязан, а учитывает притязания низовых инициатив, причем постоянно дискутируется, корректируется и подтверждается на разных конференциях и собраниях. То есть в целом участники движения вполне идентифицируются с некой общностью, которую, впрочем, называют по-разному («протестное движение Ижевска», «гражданское общество», «народ», «единый фронт», реже – координационный совет, чаще – «то, чем занимается Коновал»). Это чувство общности, скорее эмоциональное, чем рефлексированное, явно проявляется на общих мероприятиях движения, когда люди из разных проблемных точек и тематических движений дружно и с энтузиазмом повторяют как общие, так и специфичные лозунги. И внимательно слушают выступления всех ораторов, даже не касающиеся их собственной темы.

Как удастся создать общее движение?

Начнем с начала. Итак, возникает инициативная группа (ИГ) вокруг конкретной проблемы. Активисты ИГ некоторое время действуют вне движения. Но скоро сталкиваются с проблемой ограниченности своих собственных сил для решения проблемы. Они ищут помощь, разыскивают информацию. И имеют большие шансы выйти на КС. Ведь Ижевск небольшой город, любой более или менее активный гражданин слышал о том или ином человеке в КС (особенно часто, конечно, о Коновале) или о газете «День». Кроме того, по своим каналам журналисты газеты тоже могут получить информацию о разгорающемся конфликте, выходят сами на контакт, собирают информацию (как минимум чтобы писать статью), знакомятся с людьми.

Далее обычно происходит следующее. Сначала активисты КС помогают (если могут) инициативной группе укрепиться, лучше организовать борьбу. Затем приходит момент, когда они предлагают немножко расширить масштаб для повышения эффективности борьбы (указывая на то, что подобные проблемы не только у них, но еще у соседей), и тогда может возникнуть объединение нескольких домов или нескольких ИГ по одной проблеме. Когда уже несколько ИГ появились и вышли на контакт друг с другом, чаще всего появляется необходимость собраться представителям всех ИГ. Общую (тематическую) встречу помогают организовать члены КС (и часто это происходит у них в «штабе»). Как правило, встречи заканчиваются составлением общих требований и решением о

проведении общей кампании. Люди из разных ИГ выходят вместе на акции протеста, участвуют в другой совместной деятельности и проникаются чувством общего дела. Тогда и возникает идея (часто сформулированная активистами КС) создать тематическое движение.

Тематическое движение пиарится журналистами и лидерами КС, оно выходит на акции уже под собственным имиджем («брендом»), обрывает собственными публичными атрибутами (свой флаг, свой логотип, свой баннер, свои плакаты, свои листовки, иногда и своя газета). На этом уровне и создается самое крепкое чувство принадлежности именно к тематическому движению, которое объединяет людей с подобными проблемами и со схожей жизненной ситуацией. Тем более что они часто встречаются на разных мероприятиях (пикеты, митинги, рабочие группы, переговорная группа).

Здесь особенно необходим толчок «сверху» (условно говоря), то есть от активистов КС, для того чтобы тематическое движение в той или иной степени включилось в общее движение города. Иногда почва подготавливается прошедшими встречами с активистами других движений, с кем участники нового тематического движения столкнулись в «штабе» или на той или иной акции. Но чаще всего это происходит в связи с подготовкой очередной общей акции протеста. Активисты КС тогда составляют проект общей резолюции и список основных требований и лозунгов, которые предполагается обсуждать со всеми движениями, обычно на общем собрании. Но если до собрания дело не дошло, то на своем собрании активисты тематического движения все равно обсуждают общую резолюцию. Кроме того, на самой акции они сталкиваются со всеми другими составляющими движения.

Именно на общей акции происходит солидаризация между разными движениями. В Ижевске (в отличие от многих других городов) это случается потому, что сама акция многочисленна и эмоционально нагружена (см. описание общих акций выше). Люди себя узнают в общих лозунгах и не теряют свои собственные (в Ижевске резолюции составлены очень серьезно и с большим списком требований по каждой теме). Представители различных тематических движений выступают на массовом митинге, и им аплодируют и поддерживают многотысячные собравшиеся. Завязываются разговоры между митингующими, устанавливаются личные контакты и симпатии. Люди уходят с акции обогащенными эмоциональ-

но, с большей решимостью и чувством большей силы. Нет никаких причин в дальнейшем отказываться от общих мероприятий. Более того, самые активные люди тематических движений включаются в общую деятельность или в КС.

Отметим, что такая динамика является результатом постоянной деятельности КС, особенно регулярных протестных акций, которые держат движение в постоянном мобилизационном состоянии (а власть – в постоянном напряжении) еще с начала 2005 года. Так что сейчас движение развивается уже как снежный ком: некоторые уходят (но редко совсем, многие потом возвращаются, хотя бы время от времени), и многие приходят. Этим Ижевск отличается от многих других городов, где либо не удалось удержать ритм, либо же движение возникло менее массовым и раздробленным между точками. Допустим, если в Москве на общегородской митинг, организованный социальными движениями (в основном «жилищниками») обычно собираются от 200 до 700 человек, люди, которые проводят акции протеста у себя на точке, где обычно собираются 100–200 человек, не получают особенного импульса участвовать в общегородских акциях, тем более что «точечная» акция бьет ближе к специфичной цели.

По поводу структуризации ижевского движения важно обратить внимание на то, что каждое тематическое движение самостоятельно и хорошо организовано, иногда имеет собственный устав, программу, различные рабочие группы и некое руководство. То есть активисты тематического движения не делегируют свои полномочия (нет иждивенчества, которое наблюдается иногда в других случаях, когда лидер призван все делать и за все отвечать) и сами ведут свою деятельность. Таким образом, вырастают новые завязанные активисты или лидеры, которые могут также отдать часть своего времени развитию общего движения. Такая структуризация задействует максимальное количество людей: каждый приглашается в рабочую группу, и каждый может иметь свой участок работы, внести свой вклад, даже самый незначительный. И за это он получает признание (часто люди называются членами какой-то рабочей группы, специалистами по тому или иному вопросу). Это удерживает людей в движении, вовлекает их в активную деятельность.

Конечно, есть и отток. Это чаще всего происходит от усталости и снижения значимости общественной сферы приложения усилий по сравне-

нию с частной или профессиональной сферой. Это редко происходит из-за серьезных разногласий, учитывая внимательное отношение лидеров к специфичным позициям каждого ключевого участника (ведь движение, объединяющее активных граждан в Ижевске, одно, и никакие попытки переворота или захвата со стороны партий или политических оппозиционных движений типа «Другая Россия» не увенчались успехом). Это чаще происходит после решения проблемы, которая служила поводом первоначальной активизации. Такая динамика наблюдается особенно среди инициативных групп, борющихся с уплотнительной застройкой (поскольку проблема узка, решается относительно быстро, оппонент-застройщик всегда разный). Поэтому, кстати, по собственному признанию, Коновал не очень много сил тратит на этот фронт борьбы. До сих пор в Ижевске не удалось создать тематическое движение против уплотнительной застройки. Но хочется добавить, что есть разные степени вовлеченности: некоторые снижают степень, но могут приходить на общие митинги или еще чем-то помогать. Другие уходят, но потом возвращаются (в том числе партийные «раскольники»). Кроме того, если даже определенная инициативная группа распадается, ее лидеры (костяк) могут остаться в движении, если они «вошли во вкус».

Вывод такой: в силе каждого отдельного движения черпает свою силу общее движение, а общее движение усиливает ресурсы и политическое влияние каждого движения, никак при этом не покушаясь на его самостоятельность.

Вместе с тем, взаимоотношения между движениями не структурированы и не формализованы, они главным образом проходят через активистов КС, а также непосредственно на общих мероприятиях. Общая конструкция держится во многом на лидерах КС, для которых рост общего движения стал главной целью (и отчасти смыслом жизни). Поэтому они очень внимательно улавливают «настрой» в каждом движении, чтобы не озвучить позиции, которые бы оттолкнули того или иного участника движения. А поскольку они имеют общее представление о мировоззренческой картине мира всех участников и убеждены в необходимости обеспечить «баланс» между ними, они и становятся гарантом сохранения и развития движения. Таких «общепрофильных» и убежденных коалиционных лидеров пока мало (многое держится на самом Коновале), что представляет угрозу для устойчивости движения.

Лидеры КС предпринимают некоторые попытки «вырастить» общих лидеров, в частности через их делегирование на различные общероссийские мероприятия, особенно на конференции СКС. Участие в этих общероссийских событиях много значит для того, чтобы активисты прониклись духом общего (надкатегориального и надрегионального) дела. Но, как правило, они так перегружены собственными общественными делами, что сил и времени на другое не остается.

Ниже мы приводим некоторые примеры тематических движений.

Борьба со строительством комплекса «Калашников», или Интеллигенция в помощь движению

Это самый крупный строительный проект президента УР. 120-метровую громаду, стилизованную под автомат Калашникова, планировали возвести на специально намытом острове на Ижевском пруду (исторический центр города). Проект был заморожен 22 февраля 2008 года официально после консультации с Общественной палатой УК, а реально после семимесячной борьбы социального движения Ижевска, к которой подключилась группа городской интеллигенции, объединившейся в проект «Общественная экспертиза».

Общественное сопротивление началось 7 апреля 2007 года, когда более тысячи горожан: активистов Общественного совета пенсионеров, партии «Патриоты России», домовых комитетов, жителей общежитий, огородников – по призыву Координационного совета гражданских действий Удмуртии вышли на центральную площадь и прошли демонстрацией до здания прокуратуры УР. Там же, на митинге, его участникам были розданы подписные листы для проведения народного референдума против амбициозных строительных планов президента Волкова.

В подписном листе говорилось: «Ижевчане! Дадим отпор планам строительной мафии! Не допустим уничтожения Ижевского пруда и отмыва бюджетных средств на искусственном острове!» В течение нескольких месяцев каждую неделю в администрацию Президента России уходили сотни и тысячи подписей ижевчан. В ответ приходили дежурные письма о том, что подписные листы переданы в адрес аппарата полпреда Президента России.

В ноябре 2007 года к этой борьбе подключилась ижевская интеллигенция, объединившаяся в неформальную группу «Общественная экспертиза» и прошедшая свой путь обращений в различные федеральные и

республиканские инстанции. Большую роль в организации старых оружейников, возмущенных строительными планами республиканских властей, сыграла дочь Михаила Калашникова Елена Михайловна.

Рассказывает о своем пути к активной борьбе Сергей Пахомов, представитель движения «Общественная экспертиза»:

«Движение «Общественная экспертиза» возникло из просветительских побуждений. Казалось, достаточно привести аргументы специалистов и всем станет все ясно: неприличный проект здания-автомата быстро закроют и забудут. Но не тут-то было: интеллигентская деликатность на инициаторов не действует. Тогда мы начали писать письма в инстанции.

Кто такие «мы»? Разделы текста экспертизы (аргументы против проекта) писались специалистами в соответствующей области: экологами, художниками, историками, строителями, психологами, философами. Это именно те профессионалы, профессура УдГУ, ИжГТУ, Академии наук РФ, которые бы и делали экспертизу, если бы проект, как положено, выставлялся на всеобщее обсуждение. Две сотни фамилий.

И еще у нас большая группа оружейников, как ныне действующих конструкторов оружия, так и ветеранов. Кто лучше них знает, что такое оружие и как к нему следует относиться? Вызывает восхищение решительность и принципиальность наших уважаемых ветеранов. У них нет наших сомнений, опасений, всех этих «да бесполезно», «как бы чего не вышло». Любимая фраза Героя Социалистического Труда Виктора Петровича Ионова: «Нет вопросов!» – и он сразу берется за трубку телефона, начинает действовать.

Наше открытое письмо, выставленное в Интернете, имело большой резонанс. О нем писали практически все информационные порталы, бизнес-новости, религиозные сайты. Все, кроме подавляющего числа местных СМИ, – перед выборами в Госдуму тема автомата-небоскреба была запретной.

Удивительно, но в наше время отсутствуют какие-либо нормы ответов на письма. Ни на одно из наших писем, подписанных уважаемыми людьми, мы не получили ни одного ответа от тех, к кому обращались.

Замораживание проекта не вызывает чувства радости. Скорее тут уместен стыд. То, что у нас появился и до сих пор, по сути, официально не снят такой безнравственный проект, – это позор для Ижевска, для всей Удмуртии.

Наше движение принципиально вне политики. Здесь объединились люди разных убеждений, разных конфессий.

Лично меня не покидает ощущение, что мы живем во времена мракобесия. Ну как еще охарактеризовать период, когда производство сокращается, наука в загоне, а главными стройками становятся культовые сооружения и идолы (ведь здание-автомат – это не что иное, как идол!), в каждой газете печатается астрологический прогноз, а архитектура и дизайн заменяются фэн-шуйем!

Кандидат в президенты России Медведев заявил, что пора кончать схоластические разговоры о поисках национальной идеи.

Пустословие, конечно, ни к чему, но без идеи, без идеалов, без нравственных устоев так и будут появляться инвестиционные проекты, измеряющие свою привлекательность исключительно в рублевом эквиваленте».

Этот пример показывает, как интеллигенция опасливо относится к акциям протеста «простых людей», но тем не менее она готова объединиться и выступить публично с точки зрения независимой экспертизы. Инициативу берут на себя самые пожилые и признанные интеллигенты (которым меньше терять и у которых больше веса). Но и интеллигенция столкнулась с презрением со стороны властей и с ограниченностью своих «письменных» действий, так что она подключилась к общей кампании протеста. И в данном случае это заставило власть отказаться от своих планов. Отметим еще, что эта кампания прошла эффективно и сумела обрести новыми союзниками, поскольку это не просто уплотнительная застройка, а символический и амбициозный проект президента УР, а строительство касалось исторического центра города, а не отдельного двора.

О создании движения домовых комитетов

Старт кампании по созданию движения Советов домовых комитетов был дан в феврале 2006 года, во многом в рамках общего направления работы, выбранного на прошедшей до этого федеральной конференции СКС (в это время подобная работа активно велась в других городах общероссийской коалиции, например в Питере, где жилищные активисты объединились в Общество защиты прав жильцов «Надежный дом»).

В Ижевске активисты КС стали проводить работу по организации активных жителей, сначала создавая окружные советы домкомов. Прошли

несколько окружных учредительных конференций, а 1 июня 2006 года при содействии КС было создано Движение домовых комитетов.

Более 300 человек, представляющих 176 домов, собрались в помещении концертного зала филармонии в центре Ижевска. Основная масса пришла по объявлениям или по призыву активистов окружных советов домовых комитетов, Ассоциации собственников жилья Ижевска, Координационного совета гражданских действий. Люди явно не очень привыкли участвовать в массовых действиях или даже просто общественных (низовых) мероприятиях: старшие по дому, уполномоченные от дома, председатели вновь созданных ТСЖ и просто активные жильцы. Среди тех, кто выходил на трибуну, многие очень нервничали и с трудом находили слова. Так что сомнений не могло быть – объединялись именно рядовые жилищные активисты. Толчком к объединению послужили усилия активистов СКС, участвовавших в кампании «За народную жилищную политику», в первую очередь неформального (тогда еще) лидера КС Андрея Коновала.

У входа люди активно брали литературу (некоторые пришли именно за ней и за информацией). Конференция, кроме организационной, имела и практическую направленность: в ходе регистрации участники получили пакет методических материалов, в который вошли образец решения общего собрания собственников квартир, методика подсчета голосов на домовом собрании, типовой запрос по капремонту в ГЖУ, брошюра по новому Жилищному кодексу и так далее.

В начале конференции Андрей Коновал напомнил, что в целом Союз координационных советов России (СКС) выступает против нового Жилищного кодекса, но, исходя из реальных возможностей, сегодня нужно «использовать ЖК в наших интересах, перехватить инициативу у властей». Он информировал публику о том, что после многочисленных акций протеста в январе 2006 года местная власть согласилась на переговоры с рабочей группой по ЖКХ, сформированной в рамках Общественного совета пенсионеров. Но эти переговоры пока особых результатов не дали. Лидер КС высказал мнение, что необходимо продолжить кампанию в трех направлениях: проводить массовые акции протеста, инициировать судебные процессы и выходить на гордому с законодательными инициативами.

Дальше работа конференции шла по разным тематикам: капитальный ремонт; поправки к типовому договору с управляющей компанией;

процедура передачи домов в управление собственников жилья; борьба с уплотнительной застройкой; процедура землеотвода; площади общего пользования в жилом доме; проблемы ТСЖ; тарифообразование.

По каждой теме выступали люди, имеющие опыт борьбы, обращения в суд или переговоров с властью.

По выступлениям стало ясно, что, несмотря на свои обещания и переговоры, власти не желают помочь жильцам не только в решении своих жилищных проблем, но еще и в выполнении требований Жилищного кодекса.

Так, по капитальному ремонту члены инициативных групп, созданных во многих домах, рассказывали, как они собрали подписи и судятся за приведение дома в надлежащее состояние. Но, во-первых, редко выигрывают суд, а, во-вторых, если и выигрывают, то по «точечным» ремонтным работам (ремонту крыши, сантехники и прочее).

Не лучше обстоят дела с передачей домов (мест общего пользования) на баланс собственников квартир. Ни правление ТСЖ, ни инициативные группы, ни уполномоченные от собственников – никто пока не смог получить всю документацию, необходимую для управления домом, из рук Городского жилищного управления (ГЖУ), упорно не желающего потерять монополию на управление жилищным фондом города. Так, Владимир Ферштейн, недавно избранный председателем вновь созданного ТСЖ, рассказал о том, как «город постоянно ставит им палки в колеса», но при этом добавил: «Несмотря на все трудности, я вас призываю: не опускайте руки, потому что нет другого способа хоть как-то контролировать финансовые потоки жилищной сферы!»

Чтобы защитить интересы жильцов при неизбежном переходе домов в управление ГЖУ после 1 января 2007 года, активисты вырабатывают поправки к типовому договору, который ГЖУ предлагает жильцам на подпись. По расчету Андрея Коновала, если будет один альтернативный типовой договор, который начнут отстаивать все жилищные активисты, появится хоть какой-то шанс победить ГЖУ и вынудить его принять условия жильцов. Но, судя по высказываниям членов рабочей группы по выработке альтернативного договора, это будет непросто. Пока ГЖУ упорно отвергает поправки, предложенные жилищными активистами, и не собирается отказываться от своего варианта, где, как везде, предусмотрены «у жильцов – одни обязанности, а у управляющей компании – одни права».

На вопросы о причинах такого поведения представители ГЖУ, присутствовавшие на конференции, уверяли, что «это все политика» и что ГЖУ все делает правильно и в рамках закона. Передать документацию дома они не могут, поскольку нет распоряжения главы города, нет механизма передачи. И вообще «все гораздо сложнее, здесь надо соблюсти не только Жилищный, но и Гражданский кодекс», да и в целом «люди ничего не понимают».

Но люди, которым небезразлична судьба их дома и кошелька, потому и собрались, что все понимают. Они читали новый Жилищный кодекс. Вот некоторые реплики, произнесенные в зале: «Почему-то сердцем чувствовала, что где-то здесь зарыта несправедливость. Начала копать, и вот что-то вот нашла, мы осознали эти все опасные места», «Мне небезразлично то, что раньше у нас было, и то, что будет сейчас, кто будет нами управлять», «О кодексе я очень много читала, мне кажется, он против человека, не по-человечески там все. Нужно не дать встать себе на голову, нужно все-таки отстаивать свои права».

Поэтому люди с энтузиазмом восприняли идею о создании движения, многие записались в рабочие группы, даже из тех, кто вначале был настроен скептически. Конференция им показала, что все присутствующие мыслят примерно одинаково и хотят примерно одного и того же. Поэтому они пришли к таким выводам: «Объединяться однозначно надо – домовыми комитетами, которые сегодня собрались, нужно объединяться и выстраивать какую-то единую линию фронта», «Мы должны все домовые комитеты сейчас собрать, выработать свои поправки к договору. Мы все отдельно рожаем что-то, но давайте все вместе родим, все вместе соединим!»

Так что собравшиеся единогласно голосовали за создание движения домовых комитетов, координатором которого был избран Андрей Коновал. Был одобрен проект устава и принят за основу проект альтернативного договора с управляющей компанией, подготовленный рабочей группой. Также были избраны члены рабочих групп по различным направлениям работы с оговоркой по поводу того, что участие в работе этих групп открыто для всех желающих. Наконец, было решено отправить своего представителя в Координационный совет города, поддержать поправки к Жилищному кодексу, предложенные группой оппозиционных депутатов Госдумы, принять активное участие в кампании СКС «За народную жилищную политику», где основные акценты сделаны на требования госуда-

рственного финансирования капремонта и на реальном самоуправлении домом. Такая формализация необходима, по словам Андрея Коновала, для того, чтобы «придать законность и силу нашему движению».

Конструкция общего дела. По ходу анализа мы уже много сказали о том, как строится общее дело или некая идеология движения. В большинстве же случаев люди начинают активно действовать в рамках узкого локального сообщества и потому, что они затронуты конкретной проблемой повседневной жизни. Мы тем не менее наблюдали, как активисты, пришедшие «снизу» и со специфичной проблемой, подключаются к борьбе на уровне всего города (и в некоторых случаях всей страны) за общие и абстрактные темы. Как объяснить этот путь к обобщенности?

Общее мироощущение. Как нам кажется, немаловажную роль играют здесь идеологические, или, более мягко, мировоззренческие, мотивы. В Ижевске у движения есть своя идеология. Она вырабатывается постоянно на всех собраниях, конференциях и акциях протеста и фиксируется в различных резолюциях, заявлениях и прочих документах движений. Важно то, что она производится не на основании книжного знания о больших идеологиях, а на основании конкретных притязаний, просьб, предложений той или иной активистской группы. Она вырабатывается на практике и существует неотделимо от практики (меняется вместе с ней). Будучи продуктом жизненных ситуаций и отражением реальных проблем, эта идеология легко воспринимается. За тем, чтобы идеология не оторвалась от повседневного мира людей, а также чтобы каждое движение узнало себя в ней, следят лидеры КС, в первую очередь Коновал. Они ничего не придумывают и не навязывают, а просто формулируют иногда не очень внятные притязания активистов, обобщают их и оформляют в виде понятных и привлекательных идеологических принципов.

В основе ижевского протестного движения лежит идеология гражданского сопротивления, основанного на следующих принципах: солидарность, сопротивление, справедливость, свобода, достоинство, равноправие и антибюрократизм. Это отражается в основных лозунгах на протяжении долгого периода: «Свобода и социальная справедливость!», «Нет – коррупции!», «Власть – под гражданский контроль!». Выходя много раз на митинги с теми же лозунгами, люди полностью их присваивают. Тем

более что они ассоциируются для каждого с конкретной ситуацией несправедливости, несвободы, безответственности или коррумпированностью власти. Для лучшего освоения идеологии лидеры заботятся о создании образов (которые, впрочем, тоже рождаются в ходе борьбы): так, например, если «чиновник» – то обязательно «коррумпированный», если граждане – однозначно активно действующие, и так далее. Идеология еще держится на противопоставлениях: власть против общественных интересов, элита против простых граждан и прочее.

Здесь отметим значимость оценочной составляющей, поскольку многие, особенно начинающие, активисты ориентируются в первую очередь на ценности. Общественная борьба – это есть борьба добра против зла. Добро должны олицетворять лидеры, на каком бы уровне они ни действовали, от председателя домкома до лидера общего движения. Они должны быть честными, преданными делу, понимающими, бескорыстными, мужественными и так далее. Зло олицетворяет, понятное дело, власть или бизнес, в зависимости от проблемы. Они нечестные, чванливые, высокомерные, продажные, трусливые и прочее. Главное – они заботятся только о своих личных интересах.

При противопоставлении и рождается понимание общих и далее общественных интересов. Эти слова (об общественных интересах или общем благе) мало произносятся (за исключением лидеров общего движения), но это не значит, что они не присутствуют в мироощущении людей.

Дело в том, что эти громкие слова, тем более все «-измы» (коммунизм, социализм), но также и демократия, были дискредитированы советским режимом и последующим диким капитализмом (цитата: «Но чем меньше этого, всяких «-измов», тем лучше... То есть идеологии не должно быть. Но есть идея. У меня есть идея»). Кроме того, люди отучились мыслить абстрактными политическими категориями за долгие годы отсутствия публичных дебатов. Поэтому сейчас слова подыскиваются и новый идеологический дискурс только формируется. И вся заслуга лидеров движения, что, если они помогают слова формулировать, они не форсируют процесс внесением строгих идеологических установок. Этим они отличаются от многих лидеров-идеологов, которые думают, что, если привнести в движение «правильную идеологию», оно станет от этого сильнее.

Общая символика. Большое внимание в ижевском КС уделяется наглядной агитации, созданию собственной узнаваемой символики движения. Так, уже в первые дни после создания Общественного совета пенсионеров Андрей организовал разработку эмблемы организации – силуэт известной скульптуры Вучетича «Родина-мать зовёт!» с красными буквами на белом фоне. Образ близкий и понятный старшему поколению, но не связанный с чисто коммунистической идеологией. Этот же символ был продублирован в эмблеме созданного Координационного совета гражданских действий Удмуртии, а весной 2005 года помещен на флаги движения. Практически ни один агитматериал КСГД не обходится без размещения эмблемы.

Чтобы перебить эффект от доминирования символики КПРФ, которая выводила на ижевские митинги мало своих сторонников, но зато поднимала много своих партийных флагов, было изготовлено также множество самодельных белых флагов с основными лозунгами движения. Белый фон флагов КСГД получил свое «идеологическое» обоснование как цвет «седой революции» (так в СМИ называли прокатившуюся по стране волну массовых антимонополизационных выступлений пенсионеров). После создания партийного крыла движения – регионального отделения партии «Патриоты России» – местные лидеры, которых по ряду причин не удовлетворяла официальная символика партии, приняли решение о разработке для ижевских акций собственных флагов с названием партии. Основным их символом стала красная звезда, ассоциирующаяся одновременно с идеей социальной справедливости и с патриотической гордостью за военное прошлое советского периода.

Для большинства социальных инициатив были также разработаны собственные эмблемы. Например, основой логотипа на печатных материалах движения «Ижевские общаги» стало стилизованное изображение окна с цветком и пулеметом «Максим» на подоконнике (слоган «Защити свой дом!»). Впрочем, в этом случае есть ощущение, что Андрей, курировавший разработку этой эмблемы, не удержался от свойственной ему иронии.

Общий оппонент. Главной основой (цементом) общности мироощущения служит единый образ врага – это власть. Власть – широкое слово и абстрактное понятие, которое допускает много трактовок. Это власть во

всех ипостасях: от мелкого чиновника до президента. Люди разделяют общее представление о том, что власть выступает против них, не на стороне «народа», «маленького человека», а на стороне олигархов, бизнесменов, застройщиков, против которых борются люди в каждом отдельном случае. Ну и, в общем, власть – это люди, которые используют свои легальные полномочия, безнаказанность и безответственность для того, чтобы набить себе карманы. Власть – это произвол.

Такой образ власти никем не создается, он возникает, как только люди начинают активно действовать в защиту своих коллективных интересов. Они быстро чувствуют, откуда ветер дует, откуда исходит угроза, кто ставит палки в колеса. И конкретные люди от власти (с чьим презрением и равнодушием они сталкиваются в ходе борьбы) им в этом помогают, так же как законодательство (которое всегда написано так, чтобы осталась широкая сфера для произвольного толкования) и конкретные решения политических лиц (которые не согласуются с интересами людей и принимаются в нарушение всех норм и правил).

Поэтому и появляется общий смысл борьбы – защищаться от власти, сопротивляться: «Нужно не дать встать себе на голову, нужно все-таки отстаивать свои права»; «Мы боремся не потому, что это нам нравится, а потому, что власть нагло наступает на наши права»; «Не хотим быть обманутыми, а власть всегда обманывает». Вот лишь некоторые цитаты, но на самом деле вся борьба наполнена духом сопротивления власти. Причем если в начале борьбы еще бывают иллюзии насчет того, что власть может выступить гарантом прав и свобод людей, то чем дальше они сталкиваются с ней в ходе своей общественной деятельности, тем быстрее иллюзии растворяются. И остается чувство наглого обмана и произвола.

Но ведь остается вопрос: к кому конкретно обратиться общие требования? Против какой власти бороться в первую очередь? Необходима персонализация, чтобы конкретный человек нес ответственность, поскольку одно из общих требований участников движения – ответственность, отчетность власти перед народом. Если одни выступают против этого чиновника, другие против другого, общности не получается. И тут лидеры играют ключевую роль, определяя главного общего оппонента в лице президента Удмуртской Республики Волкова. Этот выбор был во многом связан с личной борьбой главного редактора газеты «День». Но, во-первых, участники движения его восприняли без проблем (за исключением

«партийной части»). Например, в июне 2005 года (когда только начали появляться антиволковские лозунги) некоторые задавали себе вопросы: «А почему именно Волков? Ведь монетизация – это федералы». Но потом, поразмыслив, говорили: «Ну и почему не Волков, он ведь ничего хорошего не делал для пенсионеров, да и может принять местные законы» или «Почему бы нет, я тоже против Волкова, он тоже плохой». А сегодня, спустя более трех лет, лозунг «Волкова в отставку!» стал знаменем движения, люди на демонстрациях сотнями держат в руках портрет одиозного руководителя с лозунгом: «Волкова – в отставку!», который стал олицетворением всего антинародного в республике.

Здесь надо еще добавить, что выбор оказался удачным и с тактической точки зрения. При правлении Путина все, кто слишком явственно демонстрировал оппозицию ему, подвергались преследованиям и вытеснялись. Для начинающего социального движения было бы неразумно бороться сразу по всем фронтам – и против мэрии, и против региональной власти, и против федеральной. Его бы быстро задавили. А тут движение выстояло и даже развивается – если не набирает численность в абсолютных цифрах, то расширяет свой состав и выходит на политическую арену. Да и за эти годы масса людей прошла через школу движения, и даже если эти люди отошли от непосредственной работы, у них остались навыки и впечатления.

Следует еще уточнить, что если Волков выбран в качестве главного пугала, то остальные лица и эшелоны аппаратных структур тоже становятся адресатами обращений и требований. В резолюциях, например, уже давно появились три графы: требования к федеральной власти, требования к региональной власти и требования к местной власти. Причем часто лидеры движения пытаются играть на противоречиях между ними.

Но особенно важно подчеркнуть, что по крайней мере у лидеров движения (у других это не сформулировано, да и велика вероятность того, что дела обстоят по-другому) есть четкое представление о том, что сменить держателя престола не означает торжества идей и принципов движения, поэтому они видят главный смысл своих стремлений в «развитии структуры сопротивления». Потому что, кто бы ни был у власти, все равно без контроля со стороны граждан она не будет вести себя «по-человечески».

Человеческое достоинство. Человеческое достоинство, которое участники движения ощущают друг в друге, также сплачивает людей. Это может выражаться в разных фразах и терминах: те, кто не испугался, кто взял свою судьбу в свои руки, кто поднял голову. Одним словом, полноценные граждане. Люди, которые чувствуют себя наравне с властью и стремятся заставить власть обращаться к ним как к равным, признать в них человеческое достоинство.

В своих взаимодействиях как с властью, так и между собой люди постоянно демонстрируют это качество – человеческое достоинство. Гордыми жемами (высоко поднятые головы на шествиях), поведением («форсировать» закрытые двери в административное здание), словами («мы не быдло, господин такой-то, обращайтесь с нами по-другому»). Они воодушевляют друг друга, пересказывая истории о том, как выдержали пресинг власти там, захват застройщика тут. Хвалят друг друга за ловкость, сообразительность, мужество. Особенно важно, что они пытаются это чувство достоинства внушить вновь прибывшим или вообще сторонним наблюдателям. Высказывается одобрение, приводятся примеры собственного опыта: «Видите, у вас уже начинает получаться»; «Не бойтесь, мы сопротивлялись, и ничего с нами не было, мы даже смогли (то и то)»; «Мы боремся уже столько лет, они с нами уже так не разговаривают»; «Пройдемте с нами, вы увидите, что это, когда народ протестует».

По всей видимости, об общей идентичности, тем более четко сформулированной, мы говорить не можем. Люди более склонны себя идентифицировать с конкретной активистской группой или тематическим движением. Но мы однозначно можно уловить духовную близость между участниками общего движения – они достойные люди, активные граждане.

Солидарность. Поскольку люди признают друг в друге достойных граждан, есть веское основание для того, чтобы полагать, что они проявляют солидарность друг с другом и что по крайней мере в общих мероприятиях всего движения проявляется общегражданская солидарность (невзирая на разные проблемы, разные возрасты и организации). Так что общая солидарность существует не только в лозунгах или в качестве абстрактной ценности, она практикуется. Кроме того, как мы уже упоминали, активисты друг другу помогают как минимум словами поддержки, иногда и приходом на «точечную» акцию другой активистской группы, пере-

дачей информации и опыта и всегда объединением сил на общих акциях протеста.

Установлению солидарности между активистами помогает еще полное отсутствие какой-либо солидарности с властью, недоверие к ней. Люди объединяются во многом, чтобы более эффективно сопротивляться власти.

Но при этом нельзя прийти к выводу о том, что солидарность исключительно оборонительная и направлена «против». Это ценность сама по себе, и, что важно, люди сами осознают качественное изменение, когда они переходят с локального уровня (солидарность между жителями одного дома) к общей солидарности. Причем они считают второй уровень сложнее, но важнее.

Цитаты:

«Мы в своем доме, как сказать, в своей каше варимся. А что у нас в городе творится, я стала этим заниматься недавно»;

«Я еще раз повторяю Маяковского: «Единица – вздор, единица – ноль. Один, даже очень важный, не поднимет пятивершковое бревно, тем более дом пятиэтажный». Ну, во-первых, у нас не очень сильная организация, маленькая. Во-вторых, если мы сегодня не объединим людей в борьбе за какие-то единые требования, мы вообще ничего не добьемся. Мне все-таки кажется, что народ осознает когда-то что-то, и, объединившись, может, мы сумеем друг друга в чем-то убедить»;

«Важно чтобы на конференции было представлено как можно больше домов. Я позвала всех подруг. Я всех агитировала, все стали завязанными на это дело».

Как ни странно, в Ижевске наиболее критично о солидарности высказался молодой активист (впоследствии ставший активистом ОГФ), который считал, что «человек лукавит, когда говорит, что солидарен с какой-то группой, с которой абсолютно не связан ни интересами, ни конкретными проблемами <...>. Надо сердцем чувствовать». И дальше он объяснил, что он может проявлять солидарность со студентами, но сложнее, например, с жителями общежитий. Но, продолжал он свое рассуждение, «мы-то хотим, чтобы они влились в общую протестную струю...»

Нам кажется, что здесь стоит остановиться. Во-первых, этот человек потом покинул движение. Во-вторых, он указывает на проблему: если че-

ловек не солидарен «в душе», значит, он обманывает других, кому он говорит, что солидарен. Такой инструментальный подход к солидарности вполне имеет место быть в российских рождающихся социальных движениях, особенно со стороны лидеров, оторванных от обывательской жизни «простых людей». Но, насколько возможно судить, это не совсем про Ижевск (хотя мы не брали интервью у всех лидеров) и особенно не про рядовых активистов. Последние ничего не выиграют оттого, что, допустим, будучи активистами ТСЖ, они выражают солидарность с жителями общежитий. Но они выходят на общие митинги и аплодируют друг другу. Более того, и те и другие живут более или менее одними житейскими проблемами: у тех и других могут быть проблемы с подачей электричества или тепла. Конечно, у жителей общежитий вопросы стоят более остро, поскольку они борются в том числе и с угрозой выселения. Но дома в ТСЖ тоже могут быть объектом сильного нажима со стороны власти или застройщика. По крайней мере по внешнему наблюдению нескольких общих мероприятий в Ижевске никогда не ощущалась фальшь в словах поддержки, которую высказывают друг другу участники. Кроме общего чувства собственного достоинства, может быть, влияет еще и то, что социальный состав участников движения более или менее однороден: они не нищие, но небогатые и борются, чтобы то малое, что у них есть, не отобрали.

А что касается лидеров и их возможного лицемерия, то, хотя душа человека бездонна, мы наблюдали скорее искреннее сочувствие, которое выражается в том числе личным оказанием помощи, длительными душевными разговорами с людьми, попавшими в беду. Коновал, например, отложит все другие дела, чтобы прийти на срочный вызов о помощи. И хотя он не житель общежитий, когда он начинает рассуждать об этой проблеме, его не остановить. И кажется, жители общежитий это прекрасно чувствуют.

Отсюда общий вывод о солидарности. Она действенна в Ижевске, потому что имеет не только словесный и этический характер, но еще и потому, что она постоянно практикуется (на всех общих протестных мероприятиях) и укрепляется душевной близостью.

Объединение сил и ресурсов. Расчет, конечно, тоже влияет на решение о вхождении в объединение, но он касается в основном лидеров, которые

сознательно пытаются определить наиболее эффективную стратегию действий. Мы уже подробно остановились на других составляющих, поэтому подчеркнем, что расчет – всего лишь один из аспектов процесса формирования общего дела и коалиции, причем далеко не самый значимый.

Расчет состоит в том, чтобы сравнить, что мы можем делать одни и что мы можем делать, объединившись с другими организациями, домами, городами. Лидеры, которые пришли в движение, решили, что больше пользы, чем вреда будет от объединения. Приводим их аргументы: «нас будет больше» (количественный рост), «мы лучше сможем влиять на власть» (политическое влияние), «мы можем издавать свою газету», «мы можем помогать друг другу», «у нас мало ресурсов, одни мы не можем ничего делать» (поиск ресурсов).

В Ижевске исходя из массовости и достаточно успешной деятельности городского движения низовые лидеры, когда взвешивают плюсы и минусы, приходят к выводу о том, что плюсов намного больше. Но в других городах при более слабом общем движении минусы часто перевешивают плюсы.

Среди минусов называются следующие: потеря полного контроля над своей деятельностью («это чужая игра»), недоверие лидеру («лидер какой-то непонятный», «лидер ведет свою линию»), боязнь политизации («у них там, на митингах, всегда политические лозунги», «у них свои политические амбиции») или, наоборот, политические разногласия («они недостаточно оппозиционные», «они слишком оппозиционные», «они слишком красные», «слишком оранжевые»).... Но эти минусы здесь упоминаются только для полноты картины, на самом деле в Ижевске они звучат крайне редко (по крайней мере из уст социальных активистов).

Политизация. Политизация может как содействовать развитию движения и достижению его цели, так и повредить. Также она может и помогать формированию общего дела, и мешать.

Но сначала надо определить термин. Что мы имеем в виду, когда говорим о политизации? Мы считаем, что политизация начинается, когда ставится вопрос о власти, понимаемой не как правящие круги, а как пространство, где разные интересы и взгляды выдвигаются, обсуждаются, приобретают публичность и конкурируют между собой. Где сталкиваются между собой разные видения общественного блага. То есть, когда

люди сопротивляются «произволу» власти, они еще не занимаются политикой в строгом смысле этого слова, поскольку видят власть как фабрику по производству этого произвола. На наш взгляд, политизация начинается тогда, когда люди уже хотят менять саму систему власти, чтобы власть стала подотчетной и подконтрольной всему обществу.

Очевидно, если судить по главному лозунгу ижевского движения («Власть – под гражданский контроль!»), процесс политизации идет чуть ли не с первых протестных выступлений пенсионеров. Однако это в основном заслуга лидеров движения, что они поставили этот вопрос во главу угла. Большинство участников митингов пенсионеров хотело лишь защититься от нападения власти на то, что они считают главным признаком уважения к ним, – на их льготы. Тем не менее в ходе переговоров с представителями власти люди научились вести разговор на равных. Усилиями созданного тогда Координационного совета удалось донести до митингующих мысль о том, что судьба переговоров зависит от непрекращающегося давления снизу, от действий всех и каждого. Тогда многие начали проникаться чувством своих сил как граждане, своего полномочия, чувством того, что они тоже носители власти. Этот процесс уполномочивания, о котором уже говорилось выше, идет по сей день. Во многом он является следствием целенаправленных действий со стороны лидеров, во многом – следствием собственного опыта совместной борьбы, когда люди конкретно видят, что они на что-то могут влиять. Вот тогда и происходит политизация, когда люди себя мыслят уже не как подданные власти, а как составляющая часть власти. Тогда они и меняют систему власти, поскольку покушаются на монополию правящих кругов.

Процесс, конечно, во многом происходит неосознанно. Но по многим признакам мы наблюдаем рост политизации среди постоянных участников движения. Они увереннее себя ведут перед представителями власти, не ждут, когда их пригласят в кабинеты, а сами приходят. Они с увлечением отслеживают судьбу своих обращений и, если не последует реакции со стороны адресатов, предпринимают меры. Чаще в дискуссиях они поднимают вопрос о власти, о необходимости смены власти («хотя бы здесь, на местном уровне»). Ну и конечно, самое наглядное доказательство – это тот энтузиазм, с которым активисты участвовали в предвыборных кампаниях.

Об участии в выборах стоит рассказать подробнее. Первый раз это было в октябре 2005 года на выборах в городскую думу. Тогда члены КС

приняли решение вести кампанию за проведение нескольких их представителей в гордуму. Пройти удалось одному Коновалу, но и это было расценено всеми участниками как большая победа протестного движения. В предвыборной кампании активно участвовали очень многие члены движения. Они собрали подписи, распространили агитационные материалы, провели квартальные встречи. То есть вели совершенно нехарактерную для России кампанию: на улицах, без средств и без доступа к крупным СМИ. Почему они это делали? Во-первых, чтобы был хотя бы один представитель движения во власти, чтобы форсировать путь к власти, в том числе и через выборы. Это, конечно, также означает иметь своего человека в «той власти», с которой мы боремся. Была угроза, что человек проникнется прелестью «той власти» и отойдет от движения. Но этого не случилось. После избрания Коновал даже усилил свою работу в движении. Во-вторых, это хоть маленький, но шанс продвинуть свою программу. А Андрей Коновал (как все остальные кандидаты от протестного движения) шел с программой Координационного совета, которая была обсуждена и составлена совместно. В-третьих, это хоть маленькие, но ресурсы.

О ресурсах говорит сам Коновал: «Иллюзий относительно того, что с победой одного нашего кандидата на выборах все кардинально изменится и мы легко сможем проводить свои инициативы, не было с самого начала. Хотя для всего нашего движения эта победа была очень значима. Одно дело – представитель митингующей «улицы», другое – депутат с особыми правами и полномочиями. Многие кабинеты стали открываться значительно проще. Появилась возможность организовывать какие-то переговоры по «болевым точкам» городской жизни – проблемам уплотнительной застройки, общежитий и так далее. Значительно облегчился доступ к закрытой информации. С другой стороны, то, что я не одиночка, а представитель организованного протестного движения ижевчан, позволяет более уверенно говорить с чиновниками. Ну, и не дает расслабляться – товарищи по борьбе всегда могут с меня спросить, как я голосовал, что сделал по такому-то вопросу».

«Товарищи по борьбе» весьма ценят эти ресурсы, тем более что некоторые лидеры (движения общежитий, обманутых соинвесторов и прочих) стали помощниками депутата, что тоже повысило их собственный статус.

То, что Андрей стал депутатом от «протестного движения», накладывает на него особенную ответственность, и, поскольку он сознает эту ответственность (а также из-за сильной эмоциональной привязанности к активистам и не менее сильного отвращения к большинству других депутатов), он не может превратиться из «человека от движения во власти» в «человека власти».

Второй раз движение участвовало в предвыборной кампании в Госдуму РФ и Госсовет республики, выборы в которые проходили одновременно в декабре 2007 года. Однако тут движение шло уже под вывеской «Патриоты России». Это объясняется очень просто: после реформы избирательного законодательства были допущены к участию в выборах только политические партии, причем официально зарегистрированные (в Госсовет Удмуртии 50% мест избирались по партийным спискам). А выбор партии был продиктован в основном прагматическими соображениями. Во-первых, все остальные парторганизации в Удмуртии уже попали под контроль властей Удмуртии, а у «Патриотов» не было своего регионального отделения. Во-вторых, федеральное руководство не вмешивалось во внутренние региональные дела. Вообще прагматическое, а порой и циничное отношение к политическим партиям достаточно распространено по всей стране, поскольку в России нет реальной партийной системы, где партии бы представляли определенные части электората и вели бы последовательную политическую линию (не на словах, а на деле). Среди рядовых активистов многие говорят, что не видят разницы между политическими партиями.

Однако, если политические вывески не много означают на федеральном уровне, они могут что-то значить на региональном, если региональная команда наполняет их смыслом. В Ижевске случилось так, что активисты КС, которые больше других тяготели к политике, присвоили себе партийную вывеску. Таким образом, региональная партия «Патриоты России» стала лицом социального движения и к тому же лицом всех оппозиционно настроенных по отношению к региональной власти («Патриоты» были единственной партией, оппозиционной региональной власти). Программа была также составлена и обсуждена всеми группами, входящими в движение. Пункты программы в основном повторили требования, выносимые на всех протестных мероприятиях. Кроме того, в партийный список (возглавляемый Коновалом) вошли все лидеры тема-

тических движений и активистской группы. Создание партии, кстати, привлекло в движение новый тип активистов, активистов политического профиля, которых больше привлекает борьба за идею и/или за власть, чем социальная борьба. О результатах предвыборной кампании мы уже сказали. Напомним, что при почти полном отсутствии ресурсов (в сравнении с другими партиями) и исключительно за счет того, что региональная партия стала отражением социального движения в регионе (да еще благодаря личной популярности самого Коновала), удалось добиться лучшего результата «Патриотов России» по всей стране: не хватило лишь 1,4%, чтобы переступить порог Госсовета.

О мотивах участия в выборах рассказывает Коновал (интервью взято до выборов):

– Это попытка провести в законодательную власть хотя бы отдельных представителей лево-демократической оппозиции. Кроме того, у нас в регионе нынешние думские выборы совмещены с выборами в региональное законодательное собрание, и мы считаем, что у нас есть реальный шанс преодолеть семипроцентный барьер и создать в Госсовете фракцию из активистов протестного движения. Насколько это могло бы повысить влияние протестного движения в республике, наверное, не надо объяснять.

– Почему выбрали именно партию «Патриоты России»?

А. К.: Региональное отделение «Патриотов России» в Удмуртии – это, по сути, партийное крыло протестного движения. Таким крылом теоретически могла бы стать республиканская организация КПРФ, но ее руководство (в отличие от рядовых коммунистов) традиционно лояльно местному «единороссовскому» руководству во главе с президентом Удмуртии Волковым и, соответственно, изначально пыталось ограничить задачи протестного движения эпизодической критикой «далекого» федерального центра. Поэтому, когда в августе 2006 года поступило предложение от «Патриотов России» создать в Удмуртии региональное отделение этой партии, мы приняли это предложение. Во-первых, «патриоты» не выдвигали никаких условий по ограничению свободы наших действий на региональном уровне, а на федеральном основные положения партийной программы – такие, как борьба с коррупцией, возвращение стратегических отраслей под общественный контроль, восстановление социального государства и прочее – нас вполне устраивали. Во-вторых, значительную

часть ядра протестного актива в Ижевске составляют активисты движения Сергея Глазьева «За достойную жизнь», а на мой вопрос о приемлемости сотрудничества с «Патриотами России» Глазьев ответил утвердительно. В-третьих, мы уже тогда понимали, что в связи с изменением законодательства роль партий в выборах радикально повышается и что с помощью собственной парторганизации мы можем дать жителям Удмуртии шанс реального выбора за пределами круга местных чиновников и бизнесменов.

– Как вы видите идеальную схему взаимоотношений между партиями и социальными движениями? Насколько российская действительность соответствует этому идеальному видению?

А. К.: «Идеальных схем» не существует. Меня бы устроили различные варианты – и когда сильная лево-демократическая партия помогает становлению социальных движений, и когда сильные социальные движения создают «свою» партию для продвижения своих задач в политической сфере. Действительность такова, что мы находимся в самом начале пути, когда есть еще только начинающие зарождаться социальные движения и есть политические партии, которые еще настоящими партиями (относительно автономными массовыми идеологическими организациями) не являются. Но есть ощущение, что некая переломная точка близка.

Ответы Коновала во многом выражают позицию завязавших активистов социальных движений, причем далеко не только в Ижевске. Когда движение начинает набирать некоторую силу, оно сталкивается с нехваткой политического влияния, с ограниченностью исключительно уличной борьбы и прочих инструментов, доступных движению для давления на власть «снизу». Поэтому многие приходят к выводу о том, что необходимо начать заниматься политической борьбой и даже – более конкретно – партийной деятельностью.

РЕЗОЛЮЦИЯ митинга 1 марта 2005 года

(Акция «Осада Госсовета», 3000 участников)

Мы, участники митинга протеста, прошедшего 12 февраля на Центральной площади г. Ижевска, и сегодняшнего митинга на площади перед Государственным советом Удмуртской Республики, добиваемся от властей всех уровней уважения прав граждан на достойную жизнь, требуем от властей заботиться прежде всего о благе народа, а не о своем личном благополучии.

С этой целью мы обратились к президенту Удмуртии с предложением созвать внеочередную сессию Госсовета УР для обсуждения социально-экономической ситуации в республике и принятия решения о пересмотре Закона УР «О бюджете Удмуртской Республики на 2005 год». Поручили созданному на митинге Координационному совету гражданских действий вести переговоры с властями Удмуртии от имени участников митинга и в интересах всех граждан, проживающих в республике.

В случае отказа руководства Удмуртии в течение месяца пойти на пересмотр республиканского бюджета с целью повышения уровня жизни граждан мы, участники митинга 12 февраля, постановили – требовать отставки президента Удмуртии Александра Волкова и депутатов Государственного совета УР третьего созыва.

Срок нашего ультиматума заканчивается 12 марта, но до сих пор мы так и не получили никакого ответа от властей Удмуртии. В нарушение Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» республиканские власти грубо игнорируют мнение граждан.

Обращаемся ко всем гражданам, проживающим в Удмуртии, с предложением поддержать Координационный совет гражданских действий и Общественный совет пенсионеров. В случае саботирования властями решения вопросов о повышении благосостояния граждан мы начинаем кампанию по сбору подписей за проведение референдума об отмене поста президента Удмуртии и досрочных выборах в Госсовет УР.

Мы заставим власти считаться с требованиями народа! Судьба страны и республики в наших руках!

РЕЗОЛЮЦИЯ митинга 18 октября 2005 года

(Митинг протеста против асоциальной политики властей, 200 участников)

Мы, участники митинга протеста 18 октября 2005 года, заявляем о своем решительном несогласии с проводимой политикой в сфере здравоохранения и социальных отношений, поставившей миллионы наших сограждан на грань нищеты. Мы выступаем против того варианта монетизации и экономического курса, которые в нарушение федерального законодательства и здравого смысла проводит в Удмуртии президент Волков.

Наши требования: «Волкова – в отставку!», «Министра Зурабова – в отставку!», «Власть – под гражданский контроль!».

Мы выступаем против политики президента Волкова, направленной на сворачивание в Удмуртии реального местного самоуправления. В условиях политики усиления федерального центра тем большую свободу и развитие должны получить механизмы самоуправления народа. Только развитие общественной инициативы, формирование структур гражданского общества может вырвать нашу страну, нашу республику, наш Ижевск из лап коррумпированной бюрократии и некомпетентных управленцев. Мы выступаем против массовых нарушений властями в г. Ижевске федеральных и местных законов в области градостроения. Мы выступаем против продавленной окружением президента Волкова без обсуждения с населением и общественностью ликвидации системы прямых выборов глав муниципальных образований, и в частности мэра г. Ижевска. Мы против того, чтобы местные чиновники и входящие в «клан Волкова» бизнесмены получили еще больше возможностей залезать в «общественный карман», наживаться за счет налогоплательщиков и республиканской и городской собственности.

Президента Удмуртии Волкова – в отставку! Власть – под гражданский контроль!

РЕЗОЛЮЦИЯ митинга 2 декабря 2006 года

(Всероссийская акция протеста СКС в Ижевске, 2000 участников)

Мы, жители г. Ижевска, вышли сегодня на всероссийскую акцию протеста по призыву Союза координационных советов России (СКС), чтобы заявить свой решительный протест против политики федеральных и местных властей, продолжающих наступления на трудовые, пенсионные и жилищные права подавляющего большинства народа. Сегодня акции протеста проходят в Санкт-Петербурге, Перми, Ижевске, Кирове, Подмосковье, Омске, Новосибирске и других городах страны.

Мы обращаемся ко всем гражданам страны с призывом объединиться и встать на защиту принципов социального государства, которое провозглашено в Конституции России, но последовательно уничтожается правящим режимом. Сегодня благодаря акциям протеста и другим формам гражданской активности власть отступила на полшага назад и отодвинула сроки обязательного проведения домовых собраний с 1 января 2007 года на один год. Тем самым предотвращена опасность форсированной передачи жилого фонда страны под контроль сросшихся с коррумпированной бюрократией ком-

мерческих структур, снижена опасность резкого взвинчивания жилищно-коммунальных тарифов.

Однако не выполнено второе главное наше требование в жилищной сфере – признание государством своих обязательств перед населением по капитальному ремонту обветшавшего жилого фонда. Важно, чтобы этот год стал не очередной отсрочкой, в течение которой проблемы жилищно-коммунального хозяйства страны будут только усугубляться, а тем переломным моментом, когда мы, граждане, добьемся от властей начала проведения по-настоящему народной жилищной политики. Если нынешние руководители страны считают, что им такая задача не по силам или не в их интересах, пусть уходят в отставку: Россия – страна, народ которой способен сформировать свое, по-настоящему народное правительство и обеспечить себе достойную жизнь.

Поэтому мы требуем от властей всех уровней принятия принципов народной жилищной политики и развития самоуправления граждан, провозглашенных в программе Союза координационных советов России, принятой на ижевской (сентябрь 2005 года) и московской (январь 2006 года) конференциях СКС.

Требуем от Государственной Думы РФ срочного принятия народных поправок в Жилищный кодекс РФ, предложенных депутатами Хованской, Шейным, Глазьевым, Тюлькиным и другими депутатами. Требуем остановить разгул коррупции в жилищной и градостроительной сфере, прекратить приватизацию коммунальной инфраструктуры. Требуем принятия реальных мер социальной защиты обездоленной части населения и в первую очередь людей старшего поколения, многие из которых уже поставлены за грань выживания. Требуем пресечь приватизацию государства олигархическими кланами, а социального сектора и природных ресурсов – коммерческими структурами.

От городской думы г. Ижевска мы требуем:

- решительно выступить против отказа президента Волкова и послушных ему депутатов Госсовета УР вернуть городу Ижевску 750 миллионов рублей на капитальный ремонт жилых домов всех форм управления, за счет сокращения расходов на показухные мероприятия и обслуживание бюрократического аппарата предусмотреть в собственном бюджете Ижевска частичное софинансирование капитального ремонта жилого фонда;
- обеспечить принятие ГЖУ за основу проекта типового договора собственников жилья с управляющей компанией, подготовленного движением «Домовые комитеты г. Ижевска»;

- продолжить защиту интересов ижевчан, которым угрожают попытки высокопоставленных должностных лиц и связанных с ними коммерческих структур начать фактическую приватизацию городской инфраструктуры – общественного транспорта, «Ижводоканала», МУП «Ижевские электрические сети»;

- разобраться с незаконными действиями ООО «Альянс», при поддержке чиновников захватывающего земли садоводов;

- прекратить саботировать начало приватизации жилья в муниципальных общежитиях, прекратить умножение койко-мест и подселение в преддверии приватизации в общежития «блатных» в ущерб постоянным жителям общежитий.

Мы выступаем за достойную пенсию и полную компенсацию отмененных льгот старшему поколению, от руководства республики требуем привести антиконституционный 89-й закон о льготах в соответствие с федеральным законодательством.

Требуем обеспечить решение о снижении земельного налога на гаражи ижевчан в Завьяловском районе, аналогичное принятому гордумой Ижевска.

От прокуратуры и МВД Удмуртии требуем срочного расследования неоднократно упоминавшихся в печати и резолюциях акций протеста фактов, которые указывают на разнузданную коррупцию в окружении президента Удмуртии Александра Волкова.

Мы выражаем свое недоверие партии «Единая Россия», устроившей сегодня показухный и лживый съезд в Екатеринбурге. От председателя правительства Удмуртии Юрия Питкевича и президента Волкова мы требуем прекратить «кивать» на Москву, отобравшую у регионов средства. Это вы лично ответственны за поддержку на выборах здесь, в Удмуртии, депутатов от той партии, которая принимает сегодня антинародные законы. Это вы душите в республике независимые СМИ, пытающиеся донести до населения правду. И отвечать перед ижевчанами за преступления власти придется лично вам!

Граждане России! В борьбе защитим мы наши права! В солидарности – наша сила!

Наши лозунги:

«Нет коррупции!»

«Свобода и социальная справедливость!»

«Власть – под гражданский контроль!»

¹ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИСПАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. Напоминаем, что фрейм по Гофману обозначает совокупность в определенной ситуации привычных практик, латентных смыслов действий и взаимодействий, которые воспринимаются участниками взаимодействия как должные.

² Схема была создана Карин Клеман по итогам исследования, проведенного по заказу ФОМ. Впервые она была представлена на презентации для ФОМ в мае 2007 года. См.: Клеман К. Движение жилищного самоуправления в Астрахани, Презентация для ФОМ, 2007 (руководитель проекта – И. Климов).

³ Про этот случай уже вышла статья: Клеман К., Мирясова О. От обывателя к активисту. Исследование трансформации фреймов участников жилищного движения в Астрахани. *Социальная Реальность*. №3, 2008. Ст. 5–23.

⁴ Непосредственное управление (НУ) – форма управления домом, которая признана Жилищным кодексом, но очень поверхностно в нем описана. Были предприняты попытки упразднить эту форму внесением поправок в Жилищный кодекс, однако они до сих пор не приняты. Непосредственное управление отличается от других форм управления хозяйством дома следующими основными признаками: жители управляют своим домом напрямую, то есть без посредника заказывают работы, контролируют их выполнение и платят подрядчикам или обслуживающим фирмам; с коммунальными службами они напрямую заключают индивидуальные договора.

Управляет домом высший орган НУ – общее собрание собственников (без обязательного создания юридического лица), исполняет его решения уполномоченный дома, помогает ему общественный совет дома, домком или любой другой коллективный орган.

⁵ Это означает, что в Астрахани жители большинства домов выбрали самоуправление, что отличает их от подавляющего большинства жителей страны, которые своей пассивностью позволили управляющим компаниям поделить между собой рынок управленческих услуг, чаще всего без контроля со стороны жителей и при попустительстве местных властей.

⁶ Исследование проводилось в рамках проекта ФОМ «Жилищное самоуправление» в Астрахани. Первое – и основное – полевое погружение мы провели с 22 апреля по 2 мая 2007 года. Впоследствии и до сих пор мы постоянно отслеживали ситуацию и проводили повторные полевые исследования.

⁷ То, что Олег Шеин является мужем одного из авторов, никак не влияет на нашу оценку его деятельности, поэтому упоминаем этот факт всего лишь для полноты картины.

⁸ Хлопин А. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма. *Полития*, 1997. №3. Ст. 5–26.

⁹ Напоминаем, что официальная статистика совершенно не отражает динамику подъема забастовочного движения. За 2007 год зарегистрировано всего семь забастовок, за 2008-й – всего четыре. Но даже данные Института «Коллективное Действие» указыва-

ют на низкий уровень забастовочной активности. Так, если средний индикатор числа забастовок на одного активного работника в Западной Европе составляет примерно 0,04, в России индикатор никогда не превысил 0,02, а в 2006 году он составил 0,000132...

¹⁰ См., например, «Права трудящихся: профсоюзы и забастовки», опрос ФОМ, проведенный 9–10 февраля 2008 г.: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0807/d080722#Abs2>. Так, несмотря на официальные высокие цифры профсоюзного членства, опрос показал, что из числа работающих россиян, принявших участие в опросе, 62% не являются членами профсоюза. Состоят в профсоюзе лишь 23% респондентов (в целом по выборке).

¹¹ Клеман К. «Формальные и неформальные правила: каков оптимум?» // Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Д. ДеБарделебен, С. Климовой, В. Ядова, М.: Академический проект, 2004; Климова С. Г. Трудовые отношения: персонификация или солидарность // Хозяева и работники. / Под ред. В. Ядова. – М.: Академический проект, 2004; Заславская Т. И. «Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России» // Социологические исследования. 2002, №6. – С. 3–17.

¹² Ильин В. Первичная профсоюзная организация завода «Форд Мотор компани» во Всеволожске (Ленинградская область). ИСИТО. <http://www.warwick.ac.uk/russia/Intas/2006workshop.htm>

¹³ Напомним, приверженцы теории мобилизации ресурсов называют эту работу «культурный фрейминг» или «когнитивное освобождение» – culture framing or cognitive liberation (Mc Adam), см. *McAdam D., McCarthy D., Zald M. N. (eds.) Comparative Perspectives on Social Movements*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

¹⁴ Исследовательский проект «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт старых и новых демократий в условиях глобализации», 2006–2007 гг. / Под рук. С.Патрушева. Отчет для РГНФ. Материал исследования: массовый опрос среди активистов и неактивистов.

¹⁵ Хлопин А. Новые сети доверия: стиль мышления и выбор стратегий коллективного действия. // Патрушев (под рук.) уж. цит.

¹⁶ Ссылки на клеветнические статьи: <http://www.newsinfo.ru/news/2007/09/news1364680.php>; <http://www.nacbez.ru/society/article.php?id=2254>; <http://og.ru/articles/2007/09/07/25678.shtml>; <http://www.wek.ru/articles/politic/224104/index.shtml>; <http://www.annews.ru/news/123041.html>

¹⁷ Эти заметки были написаны до экономического кризиса, но высказанные здесь замечания до сих пор актуальны. При этом можно задумываться, куда идет государственная финансовая помощь: на поддержку прибыли и доходов топ-менеджеров или на модернизацию производства и выплату зарплаты рабочим?

¹⁸ *Tilly Ch. From Mobilization to Revolution*. Reading, M. A.: Addison-Wesley, 1978.

Глава шестая

Завзятые активисты или лидеры: откуда они берутся

Блиц-портреты

Звезда рабочего движения. Ураган – сейчас здесь и через пять минут там. Мощное присутствие – когда он входит куда-то, все вокруг тускнеет, виден только он. Он занимает собой все пространство. Вот пришел Алексей Этманов, лидер и создатель профсоюза «Форда». Громко и воодушевленно говорит, без устали агитирует. Язык у него колоритный, острый. Простой, но точный. Бьет сразу по цели. Жестикулирует, смеется, провоцирует. Это *one-man-show*.

Немножко хулиганские манеры. Не стесняется, ведет себя самоуверенно. Даже, бывает, нагло. Некоторых это раздражает, но мало кого не подкупают его притягательность и дар убеждения.

Собранный, молодой, спортивный, модно одет (его легендарная кепка стала уже брендом). Легко его представить обыкновенным нахалом, полубандитом и пофигистом, спокойно стремящимся наслаждаться жизнью. Да и, кажется, до профсоюза он таким и был (до «Форда» он пытался стать бизнесменом, «заработать много денег»). Жажду жизни он не потерял, но получает удовольствие из других источников – борьба, товарищество, рабочий класс, чувство собственного достоинства и умение расшевелить людей. В разговоре и выступлениях он постоянно повторяет эти слова с горящими глазами.

Его мир перевернулся летом 2005 года после поездки в Бразилию на встречу профсоюзов корпорации «Форд». Он поехал просто «отдыхать на халяву» – и вернулся одержимым идеей создания настоящего профсоюза, приверженцем марксизма и теории классовой борьбы. По его собствен-

ным словам, увидев там примеры настоящих профсоюзов, созданных такими же простыми мужиками, как и в России, он «зажегся». И зажег своих товарищей, которые образовали костяк профкома.

Поездка в Бразилию, конечно, не сделала Алексея другим человеком, она просто привела в действие спящие ценности и установки, среди которых обостренное чувство социальной справедливости: *«Мне всегда не нравилось, когда обижают слабого»*. Вот такой Робин-гуд рабочего движения. *«У начальников есть все, и рабочий по отношению к ним слабый, особенно не обладающий знаниями, когда он один... мы решили сделать его сильным...»*. И дело пошло. В результате профсоюз «Форд» прогремел на всю страну «самой длительной забастовкой». Это уже деятельность не только Этманова, разумеется, но он инициировал процесс, и до сих пор происходящие события несут отпечаток его стиля. Остановиться на достигнутом нельзя – надо бороться дальше, расти, укреплять и расширять ряды. Теперь на повестке дня у Этманова – развитие рабочего движения в стране. Получится ли у него, сложно сказать, тем более что это зависит не только от него.

Но одно мы можем сказать точно – без того толчка, который он дал движению на «Форде», да и без присущего ему раскрепощающего стиля лидерства профсоюз «Форда» был бы другим.

В его деятельности ему помогает комфортная семейная обстановка. Его жена скорее соратник – она тоже работает на заводе и стала членом профсоюза. Но, конечно, без мелких конфликтов все равно не обходится. *«Жена у меня часто жалуется, что я все время с профсоюзом провожу, но как бы приходится все равно... что-то делать, как-то выкраивать»*.

Злые языки сейчас намекают, что у него «звездная болезнь». Может быть, некоторые симптомы проявляются, ну и что? Никто не совершенен. Да и кто говорит, что лидеры должны быть святыми? Главное, что, несмотря на свой размах и манеры *one-man-show*, он не только дает людям высказаться и спорить с собой, но еще и способствует проявлению активистского и, порой, лидерского потенциала у других.

Во время кризиса, когда Администрация президента и другие властные структуры стали беспокоиться о нейтрализации рабочего движения, Этмановым стали «заниматься» в первую очередь. Начиная с осени 2008 года он подвергся трем бандитским нападениям, но эти нападения только закалили его характер бойца.

Завершим этот блиц-портрет важным штрихом: Алексей до сих пор работает простым сварщиком и не стал освобожденным профсоюзным работником. Для него профсоюзное дело остается хобби – не в том смысле, что он к нему несерьезно относится, а в том, что это не профессия, а призвание. По его собственному утверждению, он получает от этого занятия удовольствие, «моральное удовлетворение». Более того, он уже без него не может представить свою жизнь: *«Это уже как наркотик, вот когда спортом занимаешься, в спортзал один день не сходил, – уже чувствуешь себя плохо... Один день дома, ничего не делаю – и уже тяжело».*

Крутой бизнесмен, лидер народного движения. «Я был одним из первых, у кого появился джип в Иркутске», – так рассказывает о себе молодой, энергичный, организованный, очень аккуратный и всегда вежливый координатор Совета инициативных групп Иркутска Евгений Еремеев. Период своей бизнес-карьеры 90-х годов он вспоминает без сожаления, а скорее даже с гордостью: вот, мол, какие зигзаги бывают в жизни. В 90-х годах он пытался добиться самостоятельности и благосостояния, так как после распада СССР вдруг оказался на обочине – армейский авиационный инженер конструкторского бюро никому нужен не был. Железная воля и чувство собственного достоинства не позволили ему долго пребывать в таком состоянии, и он стал предпринимателем. Когда произошел финансовый кризис (дефолт) августа 1998 года, он все потерял, все продал, чтобы оплатить долги. Тогда он потерял веру в систему, но не потерял себя: как на пружине, он перескочил в новое направление – в общественно-политическую жизнь.

Евгений знает мир бизнеса и власти не понаслышке. Его личный стимул – борьба с коррупцией во всех ее проявлениях. Он, кстати, борец во всех смыслах этого слова – занимался боевыми искусствами и создал борцовский клуб. Страх ему чужд. Так, весной 2009 года взорвали его машину – он отреагировал спокойно и заявил с гордостью: «Если они пошли на это, значит, мы на правильном пути».

Его общественный путь начался с того, что он купил квартиру в новостройке. И, как это часто бывает, застройщик оказался мошенником. Евгений стал председателем ТСЖ своего дома (до сих пор он им и является) и занялся борьбой за восстановление справедливости. Так он вник в жилищные и градостроительные проблемы и стал специалистом по пробле-

мам уплотнительной застройки. Познакомившись с разными инициативными группами города, он нашел единомышленников (до его появления они боролись поодиночке), и придал их раздробленным действиям организованный и скоординированный характер.

Новичок в движении, он иногда попадает в неожиданные для себя ситуации. Вспоминается его ошарашенный вид на Сибирском социальном форуме, который он организовал в Иркутске летом 2008 года. Тогда собралось очень много разных людей, в том числе куча неформальной молодежи: серьга в ухе, длинные волосы, рваные джинсы, одним словом – совершенно не его стиль. Поначалу он смотрел на них с явным подозрением, но потом, познакомившись поближе в ходе дискуссий и совместного проживания в лагере, стал относиться к молодым ребятам почти по-отцовски.

Вот такая удивительная смесь: военный стаж, инженерно-техническое образование, спортивные навыки, предпринимательский азарт, «полезные» связи. Такой человек не пропадет. Когда он общается с бабушками или с инвалидами, видно, что их проблемы он принимает близко к сердцу, как обиду, нанесенную беззащитным людям коррумпированным государством. И он готов бросить этому государству вызов. Он не скрывает своего намерения заниматься политикой (стать депутатом хотя бы городского совета), чтобы более эффективно бороться.

Он простился с мыслью о зарабатывании больших денег (и это стало одной из причин его недавнего развода – трудно жить с бывшим инженером, бывшим бизнесменом, который превратился в какого-то «болвана», бегающего по митингам и собраниям). Сегодня Евгений тратит собственные деньги на издание активистской газеты, ездит на общественном транспорте («как все пролетарии»), а если на поезде, то в плацкартном вагоне.

Он ценит духовное обогащение. Его выступления всегда изобилуют цитатами и громкими словами об «общенародной собственности», «либерализме», «народной власти», «социальном геноциде», «капиталистических мародерах». Послушав его, можно прийти к выводу, что он лишь очередной левый идеолог, который о жизни знает только из книг. Но, как видно из нарисованного портрета, у него гораздо более оригинальный жизненный путь. Все дело в том, что он только недавно стал разбираться, что делают власть и бизнес, и почему людям не дают спокойно жить в нор-

мальных и благоприятных условиях. Старые истины в духе марксизма стали для него открытием, о котором он рассказывает с пламенем неопита. Страстно, очаровательно и убедительно.

Хрустальная революционерка. В узких кругах левых активистов она имеет репутацию «революционерки» и «пассионария» пермского движения. *«Я по жизни марксист. Моя конечная цель – это революция. Социалистическая революция»*; *«Я приложу все усилия для того, чтобы в нашей стране возникла массовая рабочая партия, способная взять власть в стране, революционным путем, в свои руки. И чтобы взяла»*; *«Есть только два пути развития: коммунизм или варварство»*; *«Я отношусь к рабочему классу... Сейчас в России рабочий класс начал себя осознавать»*, – вот типичные высказывания Анастасии Мальцевой, известной под псевдонимом Хрустальная.

Но это только одна сторона ее личности – в отличие от многих других левых идеологов она понимает, что только абстрактными фразами она никого не сможет убедить в необходимости бороться за «социалистическую революцию». Поэтому Настя действует намного более гибко и прагматично, помогая людям на бытовом уровне защитить свои права – как первый шаг на пути к самосознанию и – в ее понятиях – к классовому сознанию. Настя не смотрит на людей как на пешки в будущей революции, а действует вместе с ними, там, где им это необходимо. Она делает это от всего сердца, потому что не терпит несправедливости и увлекается людьми. Она никогда не скрывает своих политических взглядов, а наоборот, размахивает ими как флагом.

Она троцкистка. Что это значит? Троцкист, в ее понимании, «равно марксист, равно ленинист, равно большевик-ленинец». «Это человек, который разделяет коммунистическую идеологию и у которого марксистское мировоззрение. Ну, грубо говоря, на данный момент, троцкисты единственные живые действующие коммунистические революционеры».

Людям, с которыми она взаимодействует, по большому счету, все равно, троцкистка она или кто-то еще, главное – она на их стороне в судах, на митингах, в переговорах. Врач по профессии, она переквалифицировалась в юриста, чтобы лучше «использовать буржуазные законы во благо рабочего класса». Впрочем, пропагандистской деятельностью вкупе с конкретной борьбой за права простых людей она все же оказывает влия-

ние на мировоззрение активистов, которые, если и не ощущают себя «рабочим классом», то весьма критически относятся к капитализму и «буржуазному государству».

Внешний вид Насти чем-то напоминает Мэрилин Монро, и есть в ней что-то и от светской дамы. Светлые волосы, голубые глаза, всегда тщательно покрашена. Каприз звезды – дымит постоянно, как паровоз.

В 2006 году она родила дочь (между двумя митингами и предвыборной кампанией). Поскольку она постоянно в бегах и круглосуточно вовлечена в общественные дела, дочерью занимаются все члены ее семьи – мать, бабушка и муж, так что семья для нее – не помеха общественной деятельности, а поддержка. Ее четырехкомнатная квартира с просторной кухней – место постоянных сборов, штаб-квартира местного протестного движения.

Она политизировалась давно (еще в детстве, через чтение марксистских классиков), но по настоящему вышла на авансцену пермской общественной жизни во время кампании по отставке мэра «Вернем себе город» и многомесячного пикета за сохранение муниципальных автопарков (2003–2004 годы). События января 2005 года укрепили ее авторитет, поскольку во время массовых выступлений против «монетизации льгот» она оказалась на передовой линии фронта. На этой волне она стала инициатором создания Координационного совета протестных действий города Перми. Мэрия и областная администрация ее хорошо знают, так как она часто выступает главным посредником в переговорах между общественностью и властью, регулярно посещает кабинеты чиновников, чтобы напомнить о той или иной проблеме. Кроме того она несколько раз баллотировалась в местные депутаты – «для того, чтобы вести пропаганду».

С 2006 года Анастасия Мальцева включилась в борьбу за права жителей общежитий, которых она защищает в судах, а затем и шире – в борьбу за самоорганизацию жителей многоквартирных домов. У себя в доме она организовала непосредственное управление и стала настоящим специалистом по трубам и стоякам. Как говорится, марксизм вполне гармонично сочетается с мелкими бытовыми проблемами.

У нее железный характер, она может войти в любой кабинет, сказать правду в глаза любому чиновнику.

«Да, признаюсь, у меня нелегкий характер, – говорит Настя, – это может распространяться на ближайшее окружение. Но у нас у всех, кто в движе-

нии, не самый легкий характер. Потому что движение не предполагает наличие раздолбайского развеселого характера. Предполагается, что человек будет брать на себя ответственность, а это значит, что у него будут какие-то тяжелые моменты, и он их должен будет переживать. Зная все это, ближайшее окружение мне прощает такой тяжелый характер, а я прощаю им, взаимно, их тяжелые характеры (смеется). То есть, я хочу сказать, у нас у всех, мы знаем уже априори, достаточно сложные характеры. И мы к этому готовы, то есть на какие-то компромиссы мы все равно пойдем, и где-то прижмем свой характер, но где-то, конечно, можем даже в атаку пойти. Это физический закон: опереться можно только на то, что сопротивляется».

Опереться на нее, безусловно, можно. Она – очень грамотный человек, врач по образованию, юрист по накопленному опыту, чуткий психолог и человек с чувством юмора. Она очень темпераментна, и поэтому ее достаточно легко вывести из себя, но тому, кто это сделает, не поздоровится – приступы ее гнева уже стали легендарными. Она хорошо владеет дипломатическим языком. Бывает, чтобы усмирить грозного чиновника, включает и свою женскую привлекательность.

Она не авторитарный лидер, но жестко ведет свою линию и ставит людей в строй. При этом при принятии решений она следует правилам демократии, но ее авторитет часто (хоть и не всегда) побеждает.

Вот как она сама оценивает свою роль лидера: «Это выносливость, терпение, потому что бывает так, что кажется, что это сизифов труд. Ты что-то делаешь, не получается, а потом снова все собираешь-собираешь, и опять кажется, что все снова рассыпалось. Должна быть еще принципиальная политическая порядочность. Чтобы те, кого ты собираешь, точно знали, что ты не изменишь свое мнение, что бы ни случилось, какие бы, там, крупные буржуазные существа ни решили бы к тебе подкатить. Чтобы те, кто входит в твой круг общения, точно знали, что несмотря и вопреки всему этого не произойдет».

Настя – уникальный человек. Редкий лидер, которому удастся сочетать революционный дискурс, ежедневную борьбу плечом к плечу с людьми и семейную (обычную человеческую) жизнь.

Мамаши, рабочие, бизнес-леди... Евгения Чирикова – молодая мама двух маленьких детей. Общественным деятелем она стала неожиданно – в 2007 году. До этого она все время посвящала совместному с мужем мало-

му семейному бизнесу. Собственное дело, два высших образования – все подталкивало к тому, чтобы связать свое будущее с бизнесом. 10 лет назад семья переехала из Москвы в Химки, чтобы жить и растить детей поближе к лесу и воде. В один прекрасный день беременная Евгения, прогуливаясь по лесу, увидела на толстых стволах дубов красные метки – границы вырубки леса. И она инициировала кампанию. *«Я сидела дома с ребенком, и у меня оставались энергия и силы на то, чтобы создать движение, – рассказывает начинающий активист. – Развесила объявления со своим мобильным телефоном, мне стали потихоньку звонить люди, и мы решили бороться вместе».* Так сформировалось движение «В защиту Химкинского леса», через который власти наметили проложить скоростную автомагистраль. Эта магистраль стала основным камнем преткновения в споре, разгоревшемся между местной администрацией и общественностью.

В ноябре 2008 года был искалечен журналист Михаил Бекетов, который поддерживал гражданских активистов и боролся за Химкинский лес. Неоднократно угрожали и его сторонникам. В 2009 году Чирикова попробовала себя в политике: она стала кандидатом от движения и оппозиции на пост главы Химок. Предвыборная кампания в Химках сопровождалась бесконечными скандалами. Евгению Чирикову усиленно пытались снять с выборов. В итоге на выборах «досрочно проголосовали» около 15–20 процентов от общего числа проголосовавших и победил действующий мэр Владимир Стрельченко – тот самый, кто разрешил строительство трассы и о чьей заинтересованности в нападении на Бекетова говорят активисты. Чирикова заняла третье место, набрав (официально) 15,5 процента голосов. Однако это поражение не охладило ее пыл – до сих пор она продолжает вести кампанию против строительства автодороги, а также участвует в разного рода коалициях общественных активистов по общим темам гражданского контроля и защиты прав жителей на благоприятную окружающую среду в Подмосковье и Москве.

Елена – около сорока лет, экономист, член правления ТСЖ своего дома, активистка Движения гражданских инициатив Санкт-Петербурга. Раньше она руководила маленькой фирмой, предлагавшей интернет-услуги, и абсолютно не была вовлечена в политику (никогда не ходила на выборы). В начале 2005 года она была вынуждена закрыть свою фирму из-за «государственного произвола». С тех пор, работая на дому, она стала

интересоваться проблемами дома, изучать новый Жилищный кодекс и искать информацию и контакты, связанные с жилищными проблемами. Сталкиваясь с бюрократическими и законодательными препятствиями на пути к самоуправлению домом и встречаясь с более опытными активистами, она постепенно была вовлечена в активистскую деятельность. Спустя год после того, как ее фирма была признана банкротом, она была избрана главой местной ассоциации жилищных активистов города «Надежный Дом».

Сергей – около пятидесяти, водитель автобуса, уволенный в 2005 году, одна из наиболее активных фигур профсоюза работников автобусного муниципального парка Перми. Из семьи малообразованных рабочих. Перепробовал множество профессий и объехал всю страну, прежде чем осел в Перми. С товарищами по работе он начал противодействовать решению муниципальных властей о приватизации общественного транспорта и бороться за сохранение своего рабочего места. Затем, приняв участие в демонстрациях против «монетизации» льгот, он присоединился к Координационному совету протестных действий города Перми.

О некоторых других активистах мы уже писали: Андрей Коновал (лидер координационного совета Ижевска), Евгений Козлов (лидер Движения гражданских инициатив Санкт-Петербурга), Сергей Удальцов (лидер Совета инициативных групп Москвы и Левого фронта), Олег Шеин (лидер Астраханского движения). Нам просто не хватает места, чтобы написать о Васе, Ире, Игоре, Ольге, Владимире, Петре, Сергее, Валерии и еще о многих-многих других. По всей стране сотни тех, кто посвятил себя коллективным действиям и стремится помочь людям отстоять свои права и использовать свои гражданские полномочия. Сотни индивидуальных биографий, в которых общим является то, что этих людей отличают сильные личностные характеристики и специфичные мировоззренческие черты (чувствительность к несправедливости, любознательность и открытость, критический дух, социальная подвижность), которые при определенном стечении обстоятельств превращают их в действующих и инициативных людей.

Мы неоднократно упоминали о той решающей роли, которую в процессе социальной активизации играют лидеры¹. Напомним, что лидерами мы называем людей, которые на разных уровнях (от уровня подъезда или цеха до уровня города или региона) берут на себя инициативу по объединению людей, их вовлечению в активистскую деятельность, информированию, организации и так далее. Большинство из них стали завятыми активистами, которые уже не мыслят своего существования без активной общественной деятельности.

Есть лидеры с большим стажем общественной или политической деятельности, вовлеченность которых настолько давняя, что не подлежит объяснению в терминах трансформации фрейма – для них первичны другие мотивы идеологического, политического, статусного или профессионального рода. Однако основная часть лидеров новой волны общественной активизации не имеет длительного активистского опыта, либо их опыт прерван. Поэтому для объяснения их общественной вовлеченности применяется наша схема изменения привычных образов мыслей и действия.

И те и другие могут сегодня считаться лидерами только в том случае, если их лидерство (моральный авторитет, инициативная роль) признают другие участники коллективных действий. В противном случае они являются лидерами-одиночками – таких лидеров мы не будем рассматривать, так как они неспособны создавать новые общественные практики, и в силу этого мало влияют на события.

Из нашего анализа мы также исключаем вождей, бюрократов и администраторов вершущих структур (по крайней мере в чистом виде). Мы сосредоточимся исключительно на лидерах активистского типа, которые обладают уполномочивающим авторитетом (то способны побудить других к тому, чтобы они воспользовались своей властью, и создают условия, чтобы люди преодолевали чувство, будто они лишены власти и укрепляли чувство, что они обладают полномочиями). Отметим также, что обстоятельства и другие участники коллективных действий также могут сделать из вождей и бюрократов уполномочивающих лидеров.

Мы попытаемся ответить на вопрос: как эти лидеры ввязались в общественную деятельность? Действительно, как возможно, что в условиях,

когда в современной России доминирует обывательский фрейм, а структура властных отношений, равно как и институциональная система, побуждают индивидов в первую очередь пассивно соглашаться с устоявшейся системой или уклоняться от нее, появляются люди, осмеливающиеся искать иной путь?

Лидеры, выступающие объектом нашего исследования, обладают очень разными социопрофессиональными характеристиками (хотя в целом они относятся к более ресурсным категориям населения, чем рядовые активисты или простые участники), и ответ на этот вопрос нужно искать прежде всего в их социальном опыте и биографии².

Сразу отметим, что, хоть лидеры имеют очень разные личные траектории и происходят из различных социальных сред, общим для них является то, что можно обозначить термином «нонконформизм». Во многом их биографии расходятся с доминирующими социальными и культурными тенденциями («мейнстримом») их среды, в которой они родились или провели большую часть жизни. Это могут быть предприниматели или менеджеры, занявшиеся активной деятельностью, дети малограмотных рабочих, набросившиеся на основополагающие тексты марксизма, молодежь из престижных школ, утверждающаяся в политическом и провокационном радикализме, и так далее.

Особенный стиль мышления и действий: выделяющийся, но воодушевляющий

Установки и образ жизни лидеров сильно отличаются от общепринятых в российском обществе. В наиболее зримой форме различие между установками лидеров (общественников) и «обычных» людей проявляется в семье. Однако эта разница ощутима и в отношениях с той (большей) частью общества, которая далека от общественных проблем. Приведем несколько цитат:

Эколог (Пермь): «Для меня нормально из-за своей общественной деятельности возвращаться домой заполночь, для нее (жены) это дико и непонятно – ведь нормальные люди заканчивают работу в 18 часов... Отец считает, что я занимаюсь полной херней».

Член профсоюза (Омск): «Сестра вообще не понимает, чем мы занимаемся. Она говорит, а не лучше было бы тебе после школы, например, поступить на юриста и зарабатывать деньги».

Молодая активистка «Яблока» (Екатеринбург) «Другие – те, кто сидят у телевизора и смотрят сериалы, обыватели одним словом, иногда смотрят на нас как на ненормальных»;

Профсоюзный активист (Ленинградская область): «Есть понимание того, что если не делать это сейчас, то потом будет труднее. 90 процентов пока не понимают, что происходит»;

Жилищная активистка (Пермь): «Иногда трудно, конечно, особенно когда соседи поливают меня грязью, бывает, и муж не понимает, зачем это мне нужно. Но ничего не могу с собой поделать, темперамент у меня такой. Я такая выпутальщица! Я люблю правду. Могу что угодно делать ради этого».

Однако если бы эти люди были всего лишь нестандартными личностями, они не стали бы лидерами, а остались бы просто оригиналами, маргиналами или девиантами. Они становятся лидерами тогда, когда встречаются единомышленников, людей, участвовать в активистской деятельности и готовых помочь в решении имеющихся проблем. Именно на волне активизации лидеры чаще всего появляются или утверждаются в качестве таковых (то есть признаются «улицей» – группой, вступившей в коллективное действие). Таким образом, основным источником их авторитета является «народ» – не абстрактный и далекий народ, а народ действующий и близкий. Этот процесс – двусторонний: с одной стороны, на волне протеста или в недрах уже активизировавшихся людей появляются лидеры, с другой стороны, лидеры формируют сообщество активизирующихся людей.

Вот что об этом говорит лидер профсоюза на «Форде»: «Мы на фоне подъема профсоюза познакомились и начали работать... выделились те люди, которые решили, что они действительно хотят работать. Один я бы давно загнулся... сдался и продался бы... втридорога». Отмечен важный фактор – востребованность поддержки, хотя бы моральной, ответственность перед теми, кого повел, которая удерживает от сепаратных действий.

Если нет общественного подъема, то попытки лидеров инициировать коллективные действия, а тем более сформировать движение, оказываются преждевременными и терпят поражение. Об одном из таких плачевных примеров указывает лидер общественной коалиции в Новосибирской области: «Мы собрали из разных людей группу из 10 че-

ловек и попытались из этой группы создать совет территориального самоуправления (ТОС). Но тогда, видимо, люди были еще не совсем готовы к тому, что это действительно нужно, и попытка не удалась. А только когда стало вполне очевидно, что мы здесь явно стали жить хуже, люди опять стали постепенно собираться. Собрались люди из разных организаций и коллективов. Вот так и сформировался Совет общественных организаций поселка Краснообск. СООК уже существует 2 года».

В целом, какие бы у них были личные качества, лидеры не существуют отдельно от людей, которые их делают лидерами. Они эмоционально связаны со своей социальной базой – продолжающейся совместной борьбой, коллективно празднуемыми победами и неудачами, которые встречают «плечом к плечу». В интервью лидеры охотно углубляются в долгие и подробные живописания тех или иных эпизодов коллективных действий, которые их впечатлили. В эти моменты их глаза сияют, становится заметным волнение. Они переживают радость, удовольствие, а также гордость. Наконец, опыт инициирования совместных действий становится источником самоутверждения. Это открытие – мочь сделать самому, но также «для других» и «с другими». Отсюда – самореализация, которая происходит совсем иначе, чем это предполагают господствующие нормы (делать деньги или занять место в институциональной политико-административной системе), и даже более того – через вызов этим нормам. Чем длительнее ангажированность, тем больше лидеры привязываются к своей базе, тем меньше у них соблазна уйти в противоположный лагерь, вернуться к «норме». Разрыв эмоциональных связей способен привести к тяжелому личному кризису.

Так выглядит процесс возникновения и утверждения лидеров, по крайней мере с уполномочивающим авторитетом. Но если волна общественной мобилизации открывает возможности для появления лидеров, нельзя сказать, что она их рождает «с нуля». Другие факторы и условия также играют роль: они как бы дремлют, пока волна мобилизации не приведет их в действие, не создаст почву для реализации лидерских способностей.

Ключевая роль предков или родителей

Можно ли сказать, что советское культурное наследие касается только людей среднего и пожилого возраста, формирование личности которых пришлось именно на эту эпоху? По большей части, да. Но нельзя недооценивать также трансляцию ценностей и моделей поведения новым поколениям через семью. В России молодые люди сравнительно поздно становятся экономически самостоятельными, поздно начинают жить отдельно. Большие семьи, где вместе живут три (а иногда и четыре) поколения, – не редкость. Семья как микрообщество со своим духовным миром (в котором преобладает отрицательное отношение к общественной деятельности) влияет на молодых своих членов: тем сильнее, чем больше экономическая зависимость от родителей.

Поэтому молодые лидеры, как правило, – это те, кто рано, по разным причинам, получил самостоятельность от родителей. Кто-то – сирота, кто-то рос в неполной или бедной семье, где поглощенные добыванием средств к существованию родители не пытались (или не имели возможности) контролировать ребенка.

Влияние семьи признают почти все. А те, кто не видит в своем становлении влияния семьи, видимо, просто не осознают его опосредованных форм, которые можно проследить в интервью. Например, лидер ижевской общественной коалиции – «поздний ребенок» – идейной общности с родителями не ощущал, в то же время ему необходимо было найти взаимопонимание с родителями – пожилыми людьми. Поэтому, скорее всего, неслучайно свою карьеру в общественных движениях он начал с работы в Общественном совете пенсионеров.

Очень часто ценности внедряются через личный пример родителей (например, у кого-то «папа-милиционер был принципиальным», у кого-то папа был «истинным коммунистом»), героические факты биографии предков (особенно дедушки): «дедушка в войну служил в контрразведке» или «дед – ветеран войны». Или вот что говорит профсоюзный активист из Белгорода: «В нашей семье предателей во время войны не было».

Для «равнодушных к политике» моральные обязательства перед родителями – важный стимул к активности (своего рода замена политической или мировоззренческой идеологии).

Если для старшего поколения моральным стандартом было поколение «отцов» (великие стройки, Великая отечественная война), то следующие

поколения («40-летних» и младше) в поисках морального образца часто обращаются не к «отцам» а к «дедам», в сущности, к тому же поколению фронтовиков, мужественных и идейных людей. Идейность, принципиальность вновь для большей части населения становятся позитивной ценностью, реабилитируясь после периода осмеяния в позднесоветское время и в 90-х годах.

Так или иначе, на определенном этапе своей деятельности, возможно, в кризисный, переломный период, когда надо найти моральное основание, чтобы продолжать, многие активисты обращаются к семье, ища примеров.

Социальное происхождение

Среди лидеров нашей выборки почти отсутствуют выходцы из элиты советского общества (эти и ныне неплохо устроились, если и в оппозиции, то в статусной, где деньги, связи, депутатские мандаты).

Есть выходцы из привилегированных слоев (научные работники, писатели, директора предприятий), но те отмечают, что семья ничем особенным (в материальном плане) не выделялась, в кругу общения родителей были представители разных социальных слоев. Вообще, все подчеркивают слабое социальное расслоение советского общества (вероятно, по контрасту с современной Россией).

Сейчас социальные страты более замкнуты. Из нового поколения лидеров нет ни одного отпрыска крупных и средних бизнесменов, чиновников. Там дорога к успеху предопределена ресурсами родителей.

По сравнению с ранней и поздней советской эпохой, а также более ранним периодом хождения в народ (народники) сегодня в России нет никаких признаков бунта «сытой молодежи» в духе «красного мая» 1968 года. Молодые активизируются, как правило, столкнувшись с конкретной жизненной проблемой (несправедливость по отношению к себе или семье), либо же (особенно среди левых), прочитав интересную литературу, отвечающую потребностям их духовного мира.

На первом этапе политизации для молодых характерны переходы от одной идеологии к другой, нередко из организации в организацию. Но при этом они сохраняют связи в разных идеологически кругах – отсюда способность к согласованию интересов, более широкий кругозор.

Иногда влияет не только семья, но и «особая» атмосфера поселения, где прошли детство и юность. Пожилой профсоюзный активист из Арза-

маса указывает на влияние «самой атмосферы поселка заводского», о котором он вспоминает как о «большой коммуне». Более молодой лидер новосибирской общественной организации отмечает роль «особой атмосферы коллективизма», которая царила в Академгородке, где он вырос.

Иногда (редко) протестная модель поведения проявляется и у родителей (после смерти Сталина это стало физически безопасным, если не касалось «основ»). Так, профсоюзный активист из Белгорода вспоминает отца (шофера), который боролся за справедливость, как возможно было в те времена: «Кого-то увольняют, он идет, ругается. Его увольняют по статье. Он – в прокуратуру, в суд, его восстанавливают. В газету обращался с просьбой разобраться».

Иная семейная модель – «скрытое диссидентство» родителей. Лидер экологического движения из Москвы о своем отце говорит, что он был и писатель, и теоретик в географии: *«Почти все, что он написал, было издано, но все проходило очень трудно. Наверное, на каком-то подсознательном уровне это тоже накладывало отпечаток, но говорить об общественной деятельности... В диссидентском движении он не участвовал, это уже моя новация»*. Вот такая фоновая оппозиционность в семье, которая приводит «сыновей» к диссидентству.

Иногда декларируется этика безусловного почитания родителей, несмотря на разную идеологическую ориентацию. Лидер общественного движения Омска с либеральными взглядами признает: *«Нельзя не уважать родителей. У родителей были убеждения, они нам построили страну, а сейчас мы говорим – нет, мы не красные, мы белые! Это бред!»* Лидер другого омского движения, убежденная анархистка, гордится тем, что «родилась в семье рабочих» (и живет сегодня, хотя получила высшее образование, в пролетарском районе, что, по ее словам, ей нравится, несмотря на отдаленность, проблемы наркомании и безработицы). Она активна в основном в движении жителей (рабочих) общежитий и в анархосиндикалистском движении.

Иногда дети сами пытаются активизировать родителей, но это лишь еще раз доказывает, насколько важен для них факт признания их общественной деятельности с их стороны. Так, жилищный активист Санкт-Петербурга рассказывает: *«Нет, скорее я на них (родителей) повлиял. А то жили, как в болоте»*.

Нестандартные биографии

Среди качеств, определяющих новый тип лидера, сразу отметим умение ориентироваться в разных средах, понимать разных людей, «выкручиваться» из трудных ситуаций, изобретательность в преодолении трудностей. Примеров тут множество, можно привести самый анекдотичный: молодой лидер из Омска, не зная, где провести собрание активистов, просто купил всем билеты в музей.

Эта черта характера очень важна для лидера, ориентирующегося на массовое движение и вынужденного действовать в сложных и нестабильных условиях, зачастую в условиях репрессий. В этих условиях недогматизм и нонконформизм (критическое мышление) становятся необходимыми, даже если это может привести к конфликтам в «материнских» политических организациях. На способность к гибкости оказывает влияние социальный опыт.

Может играть роль частая смена социальной среды. Так, либеральный лидер правозащитного движения родился в интеллигентной семье, вырос в бандитском районе, на окраине, достиг вершин демократической властной элиты в 90-х годах, чтобы затем оказаться в маргинальной оппозиции. Профсоюзный лидер вырос в рабочей семье в рабочем поселке и стал высококвалифицированным инженером. У лидера-эколога – мать из дворян, прадед – один из основателей местного университета, семья отца – крестьянская.

Может влиять частая смена профессий. Левый активист, лидер гражданской коалиции, окончил механико-математический факультет университета, затем работал в Институте теоретической прикладной механики Сибирского отделения РАН, затем – в одном из Домов культуры организатором общественно-массовых мероприятий, сейчас работает журналистом. Лидер-правозащитник делал карьеру в науке, в 40 лет стал доктором наук, затем, начиная с 1987 года и перестройки, он начал заниматься общественными проблемами: *«Наука перестала меня особенно интересовать»*.

Влияние может оказать и частая смена места проживания. Жилищный активист сначала жил в центре Санкт-Петербурга, потом на окраине. Затем 6 лет работал в Израиле программистом: *«Мог бы там остаться, но мне хотелось вернуться в свой город, и я вернулся»*. Сейчас он, будучи председателем ТСЖ, воюет с городской властью и строительной мафией.

Также влияют более субъективные факторы:

- 1** расположенность к раннему приобретению независимости (или же необходимость ее приобретения): лидер движения пенсионеров в Перми рассказала, что из дома она уехала в 16 лет, поскольку отец был инвалидом войны и материальная ситуация в семье была тяжелой;
- 2** авантюризм (или любовь к приключениям, путешествиям): профсоюзный активист (машинист) из Ленинградской области отличается особо оригинальной траекторией жизни. Он учился в техникуме, служил в армии, поступил в институт, через год бросил, чтобы «кататься по стране» («романтика»). Работал машинистом метрополитена в Москве, докером во Владивостоке, шахтером в Караганде, где-то еще рабочим на стройке. Опять машинистом метро, но уже в Питере, а с 1990 года – на железной дороге в области;
- 3** предпринимательский дух: лидер протестной коалиции Омска на последнем курсе уже работал завхозом в Управлении культуры Омской области. Был секретарем комсомольской организации (*«Я рано почувствовал ответственность»*). А после перестройки создал свое собственное охранное предприятие (по его словам, у него работали 200 человек)... А потом, после многочисленных наездов со стороны милиции, ФСБ и налоговой полиции, он бросил бизнес и стал заниматься общественной работой. *«Чтобы уже так просто у тебя не забрали бизнес – боремся за то, чтобы были правила»*.

Действительно, среди лидеров много (бывших) предпринимателей. Во многом это объясняется особенностями новейшей истории России. Для инициативных людей бизнес был самой привлекательной сферой в 90-х годах, особенно учитывая влияние пропаганды прелестей частного предпринимательства. Некоторые пошли в эту сферу вынужденно, чтобы элементарно выжить (особенно научные работники, ИТР с заводов). В конце 90-х часть из них бросили бизнес, чтобы применить свои предпринимательские способности уже в общественном деле. Некоторые – потому что поняли, что деньги не заменят творчества, другие – потому что условия существования мелкого бизнеса в России серьезно ухудшились, а на заводах и в бюджетной сфере (в вузах), напротив, зарплата стала расти. Многие говорят, что у них «задушили» бизнес.

Евгений Еремеев, иркутский лидер, чей портрет мы уже нарисовали, – этому классический пример. Он ушел в бизнес из конструкторского бюро. Преуспел. Все потерял в период финансового кризиса 1998 года. В бизне-

се держался, пока мог реализовывать свои идеи (свобода творчества и самостоятельность). Выживать, заниматься примитивной торговлей или встраиваться в крупную компанию не захотел. Вошел с тем же азартом в общественную деятельность.

Можно вспомнить и ижевского лидера Андрея Коновала. Он организовал консалтинговую фирму, оказывающую политтехнологические услуги, но разочаровался, потому что «эта работа не пользуется общественным признанием... не создаешь ничего позитивного». То есть ушел не из-за нужды (наоборот, заказы предлагают до сих пор), а сделал сознательный выбор – «PR-технологии на службу народа».

Повторим, для молодых (особенно тех, кто рано политизировался) характерны напряженные идейные поиски, зачастую переходы из лагеря в лагерь, причем, как слева вправо, так и справа влево.

Активистская биография

Некоторые лидеры активизировались недавно. Другие давно занимаются общественным или политическим делом и активистскую деятельность не прерывали. У третьих – прежний активистский опыт, но они перестали быть активистами до тех пор, пока определенные события не актуализировали у них потребность в активизации. Ниже мы анализируем активистскую историю двух последних категорий.

Прежний опыт общественной деятельности. Напомним, было бы неправильным думать, что в советский период не было никакой общественной самодеятельности. Как отмечает историк А. Шубин³, в 1950–1980-х годах в недрах слоя специалистов-интеллигентов и служащих (среднего слоя) сформировались зачатки гражданского общества – системы горизонтальных, независимых от государства общественных связей. Это были круги неформального общения, прямо не связанные с политической сферой, которая была монополизирована правящей партией, но, тем не менее, косвенно, ее касающиеся. Это и рок-бард-движение, и экологическое движение (дружины охраны природы), и прогностическое (клубы любителей фантастики), и педагогическое (коммунарское движение). Собственно диссидентское движение было малой и довольно замкнутой частью этого широкого потока.

На производстве многие (непринципиальные) конфликты гасились благодаря посредничеству первичных парторганизаций или ячеек обще-

ственных организаций – профкома и комсомола. Эта система достаточно эффективно нейтрализовала многие конфликты местного значения (притеснения со стороны мастера или начальника цеха, обход в очереди на получение квартиры и т. д.). То есть те, кто работал в комсомоле или в профсоюзе, вполне искренне могли считать, что помогают людям.

Среди лидеров немало тех, кто активно работал в советских общественных организациях, комсомоле, но практически нет тех, кто занимал должности в государственном или партийном аппарате (если только на низовом уровне). Видимо, там отбор был более жестким, или же общественники с активистским темпераментом сами не стремились к этим постам. Также среди лидеров-общественников нет видных диссидентов (некоторые были сочувствующими, но неактивными). Похоже, видные диссиденты пошли в постсоветскую власть или занялись работой в классических (на западный манер) НКО.

В качестве толчка к активизации и/или осознанию несправедливого характера существующего социального порядка (для наиболее идеологизированных) выступает значимое общественное событие, которое прерывает обычный ход вещей и вызывает возмущение или осознание необходимости борьбы и солидарности (в советское время – одно из самых затертых пропагандой понятий). Это событие, вырывающее из привычного контекста, отчасти изменяет биографическую траекторию человека.

Многие активизировались в период перестройки. Некоторые, более прагматично настроенные, думали, что можно будет быстрее реализовать свои взгляды через официальные структуры (партию и др.). Другие, настроенные более романтически, пошли через оппозиционные (неформальные) движения.

Что касается молодого поколения, на многих оказали сильное впечатление октябрьские события 1993 года (охарактеризованы активистами как «гражданская война»). Один из них, выходец из Тюмени, вспоминает: «Первое впечатление оппозиционное получил в 12 лет, в 1993 году, когда был расстрел Белого дома. И уже под впечатлением, в течение года, пока учился в школе, я все это осмыслял, начал читать газеты».

Неформалы. Те, кто участвовал в неформальном движении 1980-х, впоследствии часто политизировались и участвовали в организации и деятельности различных партий.

Лидер (с левыми взглядами) новосибирской коалиции подчеркивает значимость для него трезвеннического движения: *«В 1984 году я вошел в трезвенническое движение, оно было довольно мощное. Отмечу, что как раз горбачевский “сухой закон” был следствием давления движения трезвенников. В 89 году, получив опыт общественной деятельности, познакомился с движением “Объединенный фронт трудящихся”, возникла первичка ОФТ, позже на ее базе была создана “Коммунистическая инициатива”, я стал одним из руководителей».*

Другой лидер (эколог) из Саратова подтверждает влияние этого самого движения: *«Подруга говорит, пойдём, там собираются интересные люди. Оказалось, что это Клуб борьбы за трезвость (1985). Люди, которые в этом клубе были... выискивали и оглашали подлинные причины пьянства, что народ спаивали. По сути, это был политический клуб».*

Лидер-правозащитник признает влияние диссидентов на него. По его словам, он уже в школе был антикоммунистом (был период оттепели), но не стал активным диссидентом. Когда его друга-диссидента посадили в лагерь, он переписывался с ним и посещал его в ссылке. Он политизировался под влиянием общения с диссидентами. Но он отличается от диссидентов-одиночек тем, что, по его собственному признанию, *«чувствует себя уютно»*, когда занимается *«строительством массовых организаций»*.

В перестроечную эпоху благоприятное влияние на становление неформального лидера из провинции оказали следующие условия: сильные горизонтальные связи между неформалами, относительная легкость передвижения по стране (дешевые билеты, много свободного времени), участие в общесоюзных мероприятиях.

Саратовский лидер стала президентом рок-клуба, вошла в совет общественных клубов, который был создан в Саратове в 1987 году. Затем она поехала от этого совета в Москву в Бюро информационного обмена. Там натолкнулась на объявление Социально-экологического союза о том, что они проводят акцию против поворота рек. И она решила включиться. *«С этого момента, наверное, и начинается моя активная общественная и политическая деятельность»*, – заключает активистка. Из-за последующих репрессий она перешла уже в оппозиционную политику: *«Они (имеются в виду КГБ, власти) меня вытолкнули из экологического и музыкального движения в политическое движение».*

«Комсомол» и другие советские общественные организации. Другая категория активистов сделали свои первые шаги в общественную деятельность через советские общественные организации, в первую очередь – комсомолы. Многие нынешние активисты рассказывают, что даже советский тип общественных организаций оставлял – при желании – возможность проявить свои активистские способности и «помочь людям» защитить свои права.

Так, лидер движения пенсионеров в Перми (очень общительная и динамичная бабушка) рассказывает, что в школе она была комсоргом, членом комитета, занималась в двух спортивных секциях, была председателем пионерской дружины. На заводе была председателем цехового комитета, комсоргом отдела. Кроме того, она вела общественную работу в обществе книголюбов. При этом, по ее собственному утверждению, *«не было стремления делать карьеру ради карьеры»*. С таким стажем и такой энергией, понятно, что хоть у нее и был перерыв в общественной деятельности после распада СССР и выхода на пенсию, он длился недолго: *«Тоскливо сидеть дома».*

Лидер свободного профсоюза из Белгорода первый опыт общественной деятельности набрал в советском профсоюзе. Он был председателем цехкома. И хотя, как он признает, *«профсоюз официальный полностью контролировался администрацией»*, он, тем не менее, пытался отстаивать свою линию: *«Ходил, спорил с председателем. Пытались переизбрать»*. Поскольку не получилось, он выступил инициатором создания *«альтернативного профсоюза»*.

Лидер профсоюзно-общественной коалиции в Новосибирске рассказывает о себе, что *«с детства была очень активной в общественной жизни»*: она была председателем пионерской организации, потом секретарем комсомольской организации школы, в университете работала в Клубе интернациональной дружбы и была профоргом. Такой внушительный общественный стаж предрасполагал ее к дальнейшей активизации – она сразу в 1994 году инициировала создание альтернативного профсоюза в школе, где преподавала. Отметим, что она тоже, как все остальные активисты с подобным опытом, участвовала в советских общественных организациях не по карьерным соображениям, а по убеждению и собственному расположению. Например, открыто критиковала профсобрание, на которое *«согнали людей “для галочки”*, и никто ничего не слушал», за что получила выговор.

То есть остались в общественной жизни или вернулись к ней далеко не все, у кого был подобный опыт в Советском Союзе, а только те, кто осознал расхождение между идеологической фразеологией и действительностью, и при этом пытался внутри существующих общественных структур что-то делать для приближения действительности к идеологии, в которую верили.

Социально-демографический портрет

Как мы уже говорили, биография у многих лидеров непростая, многие сменили много профессий. Тем не менее образование практически всегда в наличии, а компетентность практически всегда называется в перечне необходимых качеств лидера. Многие сами обучаются, переквалифицируются или совершенствуются. По их собственному утверждению, образование (умение работать с информацией, аналитические, юридические и технические способности, компетентность) – очень важный ресурс. Даже если лидер – рабочий (чаще встречаются мастера), у него нередко есть или незаконченное высшее или высшее образование. Отметим еще, что нет определенного преобладания гуманитариев или «технарей».

Кроме того, напомним, что многие являются (бывшими) предпринимателями или самозанятыми (вынужденными).

Какие поколения в наибольшей степени представлены? Как раз занимательной чертой является то, что встречаются люди самых разных возрастов. Если недавно можно было еще сказать, что общественно-протестная деятельность – дело старшего поколения и «маргиналов» из молодежной среды, то сейчас все больше подключаются люди среднего возраста и «обычная» молодежь. И главное, они нередко встречаются вместе в одном движении или коалиции.

Разберем разные поколения.

Старшее (40 и старше) поколение формировалось в советское время. Среди них преобладает дух коллективизма и некоторая доля патернализма (по меньшей мере государственности).

Среднее (30–40 лет) формировалось во время перестройки, в атмосфере творчества, свободы и провозглашения высших ценностей предпринимательства и личной инициативы. Представители этого поколения относительно более самостоятельны и инициативны.

Молодые (моложе 30) воспитывались в ельцинской России 90-х годов, и этот опыт отразился на них по-разному. Для одних образцом стала западная модель, во многом идеализированная (с ней молодые люди познакомились через СМИ, реже – но все чаще со временем – через встречи и путешествия). В западной модели эта часть активистской молодежи особенно выделяет развитое гражданское общество. Для другой части активистской молодежи отрицательной моделью стала ненавистная «рыночная демократия»: либо они сами или их семья пострадали от этого рынка, либо они с возмущением видели, как выросло социальное неравенство и умножились случаи отвратительной несправедливости.

Для молодых лидеров часто характерен некий негативистский максимализм относительно «обывателей», которые не занимаются политикой. При этом они мало пытаются понять, вникнуть в причины пассивности, найти общий язык. Поэтому потенциал их интеграции в более широкие коллективы, сотрудничества со старшим поколением ограничен. Активистская молодежь часто замыкается в себе и общается только между собой, пусть даже у них противоположенные взгляды. Активистка молодежного «Яблока» объясняет, например, что проще общаться с активистами из НБП, Обороны, даже «Наших» и «Единой России», чем с обывателями. При этом отметим противоположную тенденцию – к росту поддержки действий активизирующихся обывателей со стороны молодых политических активистов.

Семья. Важность «урегулированной» личной жизни признают все, хотя для старшего поколения этот фактор менее значим.

В этом отношении жизнь лидеров нелегка, поскольку супруги далеко не всегда разделяют те же взгляды и не всегда понимают необходимость тратить столько времени и ресурсов на бессмысленную, на их взгляд, деятельность. Ситуация еще усугубляется при наличии детей, когда лидеру (особенно если это мужчина), кроме всего прочего, еще предъявляют претензии, если он(а) не приносит достаточно денег в семью или недостаточно занимается детьми. В таком обществе, как российское, где активистские установки настолько мало укоренены в культуре, активисту, и особенно лидеру, часто трудно встретить понимание дома. Общественная деятельность зачастую становится источником семейных конфликтов, иногда доходящих до разрыва отношений.

Тем не менее возможны несколько конфигураций.

1 Конфликт между активистской вовлеченностью и семьей: касается больше молодежи и людей среднего возраста. Напряженные отношения связаны с нехваткой денег (активистская деятельность сегодня стала препятствием к зарабатыванию больших денег). Один из молодых лидеров, левый активист, рассказывает: *«Если у тебя твой спутник не из этой тусовки, неизбежно получается двойная жизнь. То есть там одно, а приходишь домой, а там другое. Не всякий может это перенести. И, как правило, у левых активистов семейная жизнь затруднена».*

2 «Дети уже выросли, я свободен(дна)» – это вариант взрослых активистов, которые уже вырастили своих детей и чувствуют себя освобожденными от обязательств в отношении семьи, поэтому и посвящают себя общественной жизни.

Так говорит правозащитник (мужчина): «Я сейчас в возрасте, когда проблемы материального благополучия уходят на второй план, потому что они часто связаны с семьей. Но у меня дети уже все самостоятельные. В этом смысле сейчас все меньше причин, которые меня могли бы от этой деятельности оторвать».

Подтверждает профсоюзный деятель (женщина): «Сегодня общественная деятельность – точно главное. Дети уже выросли. У меня вся семья помогает моей общественной деятельности. Поэтому нет необходимости делать выбор».

Отметим, что лидеры среднего поколения часто уже имеют опыт конфликтного супружества, но затем сошлись с другими партнерами.

Семья поддерживает активистскую деятельность. Такие случаи редко встречаются, но, когда дети, родители или супруги помогают (хотя бы морально) лидеру, эта поддержка является значимым ресурсом (в терминах времени, денег и психологического комфорта).

Попалось несколько таких счастливиц и в нашей выборке. Жилищная активистка из Тольятти признает: «Иногда муж говорит, что для меня работа – главное, но он поддерживает». У лидера пермской коалиции просто идеальная ситуация: все члены семьи помогают заниматься маленьким ребенком, а муж вообще соратник.

Но чаще всего личная жизнь выступает как антитеза общественной и как то, чем необходимо жертвовать. Или по крайней мере искать компро-

миссы. Судя по нашей выборке, лидеры либеральных взглядов относительно более склонны к выбору в пользу семьи (большее уважение к приватности?), а левые – в пользу общественно-политической деятельности.

Социальные связи. Как правило, лидеры обрастают многообразными и обширными контактами, отчасти в силу сложной биографии, отчасти в силу активистской деятельности, которая сопровождается множеством встреч и знакомств.

Бывают исключения, когда круг общения ограничивается исключительно активистами. Молодой активист признает, что у него «вне политики круга не осталось». Это означает, что эти лидеры уже не общаются с обывателями и простыми людьми, что не может не сказаться на их деятельности.

При этом все лидеры признают ценность многообразных и обширных контактов, и все стараются расширить круг общения. Тот же молодой активист, выше цитированный, заявляет, что сужение круга до одних активистов нежелательно: «Это отрывает от действительности... начинаешь не понимать людей». Другой объясняет: «Даже с “политически не своими” мы постоянно обсуждаем какие-то политические вопросы, и они дают мне много пищи для размышлений».

При попытке измерить количество контактов (вопросом о том, например, сколько примерно контактов в записной книжке), мы получили стандартную цифру: 200–300. Одна женщина назвала цифру – 7 тысяч, но при этом она уточнила, что фактически используется около 500 контактов. Это результат долгой и активной общественной деятельности.

Как правило, круг контактов очень широк и включает людей из разных социальных сред, профессий, городов («Если человек хороший, неважно, кто он по социальному положению. У отца и слесари друзья были, и плотники»). В любом случае круг намного шире, чем собственная среда и микромир. Он включает в себя также оппонентов, с кем, тем не менее, необходимо сохранить отношения для эффективного решения проблем, связанных с общественной деятельностью (так называемые полезные контакты, чаще всего в органах власти).

И бывает трудно сохранить «нормальные» отношения с «полезными» людьми: «трудно, будучи маргиналом, поддерживать хорошие (дружеские) контакты с системными людьми».

Социальное положение. Исходя из имеющегося образования, личных качеств и опыта, многие лидеры могут претендовать на место в так называемом среднем классе (где зачастую и находились до начала активной общественной деятельности). Однако вернее будет сказать, что они относятся к категории ресурсных людей, которые в состоянии справляться с материальными трудностями. Наиболее активные (погруженные) лидеры не могут позволить себе иметь высокий статус (работать во властных структурах или крупном бизнесе), поскольку, как они сами говорят, это дополнительная трата времени и, кроме того, опасность дать противнику «крючок» (так, один из них заявляет: «не буду принципиально при этой власти работать»).

Большинство лидеров зарабатывает деньги на непостоянной основе, на неполноценных работах или в форме самозанятости. То есть большинство «выкручивается» и живет на непостоянные заработки, за счет многообразных источников, включая помощь товарищей и родственников (напомним, что в нашей выборке очень мало тех, кто живет за счет грантов). Часто они справляются с материальными сложностями путем снижения затрат и отказа от каких-то предписываемых потребительским стандартом вещей (путем «жертв и лишений»).

Есть несколько примеров лидеров, к которым обращались с предложением работать в государственных структурах или статусной сфере, но чаще всего (не всегда) они отказывались, поскольку это для них «неприемлемо морально» или же «неинтересно».

Даже в тех случаях, когда у лидеров постоянная и нормально оплачиваемая работа, они находятся в неустойчивом положении, поскольку их общественная деятельность может входить в конфликт с их профессиональными обязательствами. Так, журналист местного радио рассказывает: «Я сейчас нахожусь в подвешенном состоянии, и видно, что я участвую в протестных акциях, и если сам редактор не попросит меня уйти, то его попросят местные власти. Финансирование нашего радио зависит от областной администрации». Многочисленные профсоюзные активисты (не освобожденные лидеры), которых увольняют под любым предлогом за их профсоюзную деятельность, – наглядный пример рискованности общественной деятельности (при этом добавим, что профсоюзников чаще всего восстанавливают на работе по решению суда).

Профессиональная (оплачиваемая) работа практически нигде из рассматриваемых организаций (кроме правозащитных и крупных профсоюзов) не имеет места. Почему организации не могут финансировать деятельность лидеров? Один из факторов связан с особенностями их социальной базы – социально уязвимые, люди с небольшими доходами. Другая причина состоит в том, что в исследованной нами среде социальных движений активисты не занимаются «фандрайзингом» (поиском денег у фондов). Гораздо более распространен принцип «сто друзей по рублю».

Иногда это сознательный выбор. Так, профсоюзный лидер заявляет: *«Денег на счету достаточно, но вся работа выполняется на общественных началах»*. Лидер гражданской коалиции (бывший предприниматель, живет благодаря помощи жены и бывших «коллег») гордится своей независимостью: *«Других людей, как я, трудно найти. Я исключительно занимаюсь общественной деятельностью. Я безработный, значит, у меня хвостов нет. Мне нельзя угрожать увольнением, нельзя давить на моего работодателя»*.

В целом активистская деятельность, по крайней мере для лидеров, приводит к снижению уровня доходов. О материальных потерях говорят многие. Они обычно компенсируют эти потери приобретением социального и символического капитала (связи и признание). Но для некоторых материальные потери сопровождаются потерей профессионального признания, в частности для лидеров профсоюзов, часто высококвалифицированных, которые были уволены или понижены в должностях.

Мотивации

Что их подталкивает к общественной деятельности? Почему они не идут легким путем? Ведь, как правило, их профессиональные качества могли бы позволить им устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Их лидерские качества и общественная известность могли бы открыть им путь в политику или во власть.

Нам кажется, что в первую очередь надо учесть разницу ценностей. Лидеры не хотят себя терять, насиловать, подчиниться (что есть признак сильной личности с моральным стержнем). Кроме того, они резко ощущают сильные обязательства перед людьми, с которыми взаимодействуют. И получают, в конце концов, моральное удовлетворение от своей де-

тельности и от того, что они признаны лидерами, – это своеобразное честолюбие.

Среди молодых общественная деятельность иногда рассматривается как возможность сделать карьеру (хотя, как уже говорилось, не самую выигрышную). В большей степени это характерно для лидеров с правыми взглядами. Отметим здесь, что, если мотивы исключительно или в большей степени карьерные, то молодые или начинающие лидеры не выдерживают прежде всего испытания временем: уходят либо в бизнес, либо во властные структуры (напомним, ликвидации общественного движения путем кооптации лидеров во власть или подкупа – распространенная практика).

Однако, поскольку карьерный путь сомнителен в глазах окружающих и социально мало признан (на взгляд большинства окружающих, работа, пусть удачная, в общественной организации или партии – странный и неперспективный выбор), лидеры, даже самые прагматично настроенные, выдвигают в интервью мотивы более идеалистического характера.

Для старшего поколения (а их большинство) все карьерные достижения остались в прошлом. Теперь только потери. Остались лишь нематериальные стимулы – сознание выполненного (морального) долга, удовлетворение от интересной и захватывающей деятельности.

На какие ценности ссылаются лидеры как имеющие мобилизационный потенциал? Во многом это зависит от идеологической ориентации. Общими для всех являются человеческое достоинство, свобода, справедливость. Приводим показательные цитаты: «Мне всегда не нравилось, когда обижают слабого»; «Нынешние условия жизни абсолютно несправедливы, ...такое неравенство недопустимо»; «Я борюсь за социальную справедливость, общественное самоуправление»; «Я стремлюсь к восстановлению справедливости»; «Элементарные человеческие ценности – взаимопомощь, солидарность».

Иногда, когда лидер анализирует свои мотивации, он делает акцент на психологических особенностях личности. Несколько примеров: «Я – борец. Это изначально. По характеру. Все остальное подчиненное»; «Мотивация – невозможность действовать иначе. У меня так неизбежно все получается. Это самое главное»; «Я нетерпима к вранью... альтруист, я стремлюсь помогать людям».

Также играет роль чувство собственной востребованности и полезности, удовлетворенность от того, что помогаешь другим (далеко не обязательно в патерналистском или мессианском духе, поскольку помощь часто обуславливается готовностью людей помочь себе самим): «Я себя чувствую востребованной. Мне приятно делать добро людям»; «Я просто не могу без этого, ощущаю потребность помогать людям. И удовлетворение, что я им помогла и они получили пользу»; «Мы помогаем людям, но только если они сами себе помогают».

Другой источник мотивации исходит из морального комфорта нахождения в сообществе таких же активных: «У меня моральное удовлетворение, я нашел единомышленников. Я верю в то, что мы сможем что-то сделать. И уже сама эта мысль – надежда на лучшее – дает возможность как-то жить дальше, потому что иначе просто невозможно»; «Люди все такие же, как и я – борцы, поэтому мне стало хорошо и комфортно».

Для некоторых на первый план выступает чувство долга, чувство ответственности перед другими, и в первую очередь перед своими детьми: «Ради чего? Ну, у меня дети будут жить в этой стране»; «Я хочу, чтобы мои дети жили в нормальной стране».

Мотивации «новеньких» или активистов второго плана более приземленные, но в общем они расположены в той же плоскости: «Если я не буду отстаивать свои интересы и интересы своих соседей, то завтра никто не поможет и мне. То есть нужно помочь соседям, и завтра мы вместе решим проблемы. Если сегодня я делать ничего не буду, то государство сначала забудет о них, потом обо мне, и всем от этого будет только плохо».

Мало кто говорит о сомнениях и колебаниях, о минутах слабости, хотя, вероятно, испытывают их многие. Сказывается привычка внушать оптимизм окружающим, от которой трудно отрешиться даже в интервью.

Ключевое событие (детонатор перехода к активным действиям)

Когда бы они ни начали активизироваться – будучи активистами всю жизнь, временно «спящими» активистами или начинающими активистами, – как правило, детонатором к активным действиям выступает какое-то значимое событие в личной или общественной жизни, которое актуализирует закопанные ценности или изменяет обычный взгляд на мир. Ес-

ли это событие общественного плана, оно может вывести активиста на «переднюю линию» и сделать его лидером.

Как мы уже объяснили, это характерно не только для лидеров, но ввиду их специфичного опыта ниже мы приведем несколько примеров таких значимых для них событий.

1 Опыт службы в армии. Один из лидеров питерской коалиции вспоминает свой опыт таким образом: «Мне было 24 года, когда меня призвали (в армию). Это школа самозащиты... и видно, вот как эти нации стоят друг за друга, вот, скажем, одного литовца какой-нибудь чеченец ударил – все литовцы сбежались. А наши, русские ...это совершенно полное отсутствие какого-либо чувства солидарности. Еще дикие последствия алкоголизации общества... вот и я, соответственно, начал уже думать, как человек активный».

2 Уход на пенсию. Одна из лидеров координационного совета протестных действий в Перми включилась в активную общественную работу, после того как вышла на пенсию. Избыток свободного времени в сочетании с общественным темпераментом («Мне было достаточно противно дома сидеть») привели ее сначала в партию пенсионеров, а затем, после начала «монетизационных» волнений, где партии явно растерялись, к участию в деятельности протестной коалиции.

3 Иногда активизация может последовать за значимой поездкой (напомним, на профсоюзный семинар в Бразилию для лидера профсоюза «Форд») или длительным пребыванием за границей, где человек знакомится с другой культурой. Так, жилищный активист Санкт-Петербурга рассказывает: «В 2002 году я вернулся (уезжал из СССР в 1986 году) в Петербург... и вот... озираясь кругом, уже привыкши жить по законам... начал замечать, что систематически не соблюдаются законы».

4 Могут вызвать сильную реакцию проблемы (чаще всего на работе или по месту жительства), с которыми сталкивается коллектив респондента. Так как такие проблемы, как правило, являются типичными для многих людей, формирующееся массовое недовольство подталкивает лидера, формирует запрос на организующую функцию, которую (по их же отзывам, часто нехотя) начинает реализовывать лидер. Одна из наиболее часто встречающихся в 90-х годах специфических проблем – задержка (иногда достигающая нескольких месяцев) заработной платы. Вот как описывает начало своей активной общественной деятельности один из профсоюзных лидеров, сформировавших впоследствии региональную коалицию: «Если говорить о на-

чале сознательной борьбы, это началось в 1994 году, когда меня избрали председателем профкома в этой школе. А так как эти времена были трудные, по полгода не платили зарплату, то ответственность заставила меня быть активной».

5 Воодушевляющий эффект участия в первой крупной массовой демонстрации.

Для многих детонатором послужили массовые выступления льготников в начале 2005 года. Эти волнения вообще открыли новую эру в протестном движении России, так как показали массовый общественный запрос на общественно-протестных лидеров (при этом стало очевидно, что статусные партийные лидеры, за редчайшим исключением, эту роль эффективно исполнять не могут). Эта волна (начавшаяся, напомним, стихийно) реализовала новых «стихийных» лидеров, вновь активизировала некоторых «спящих» лидеров (из тех, кто прервал свой стаж общественника) и даже вынудила некоторых лидеров бюрократического или традиционного типа расширить свою сферу деятельности и выйти за предел собственной организации или узкого (организационного, партийного) интереса.

Об этом эффекте говорят как политизированные активисты, так и те, кто к моменту начала волнений еще не определился с политической позицией. Например, делится впечатлением об этих событиях молодой левый активист: «Что там меня потрясло, это то, что заявки подавались на какое-то число участников акции, а приходило реально больше. Это было впервые за всю мою политическую деятельность. Впервые молодежные неформализованные группы стали возглавлять и вести людей в плане уличной активности... перекрытие дороги, допустим. Старые традиционные партии убегают, а молодежь впереди». Сходные чувства пережила пенсионерка из Перми: «Это был поворотный момент. Там я увидела людей, которые действительно возглавляли борьбу и настоящую оппозицию».

Но самой показательной, пожалуй, является история лидера протестной коалиции из Ижевска, который пришел на первый «антимонетизационный» митинг в качестве журналиста и в ходе его начал «технологически» помогать протестующим, а затем оказался втянутым в процесс противостояния власти и масс на стороне и в качестве лидера последних. При этом не стоит переоценивать элемент случайности, который, конечно, имел место (могли бы прислать другого журналиста). Очевидно, что подоплекой его активного участия стали как сочувствие протестующим, так

и дефицитные в их среде навыки и знания, качества, которые сделали востребованными и многих других лидеров.

1 Личные проблемы (на работе, дома, со своим мелким бизнесом), которые становятся общими. Профлидер (железнодорожник) был вынужден включиться в борьбу в ответ на несправедливость, допущенную по отношению к нему на работе. «Вместо другого дорожного мастера мне объявили выговор, и я потерял довольно большую сумму денег». Довольно характерно, что первоначально он, так же как и большинство других рабочих, попытался договориться с начальством неформально. Однако, когда этого не получилось (уже в отличие от многих), не смирился, а пошел в суд. В результате отношения с начальством испортились окончательно, а среди рабочих появился авторитет. Вскоре его избрали лидером свободного профсоюза.

Аналогичным образом активизировались те мелкие предприниматели, кто в результате действий власти (коррупцированных чиновников) потерял свое дело. Шок от осознания безнаказанности действий коррупцированных чиновников (зачастую в погонах) переводит вчерашнего лояльного гражданина в разряд активных оппозиционеров. Человек выбивается из привычной колеи и, что самое ужасное, понимает, что, начини сначала, он не застрахован от повторения этой ситуации. Ситуация осознания, что правила игры неравны, кого-то приводит к апатии, но лидеров активизирует.

Что касается жилищных активистов, то зачастую таким «детонатором» выступают мелкие проблемы, которые они в состоянии связать с общей ситуацией в государстве (сущностными характеристиками власти). Так, один из активистов Движения гражданских инициатив С.-Петербурга, демонстрирующий в интервью большую радикальность в суждениях по политическим вопросам, активизировался в политическом смысле после того, как попытался решить «малую» проблему: подвал в доме, где он жил, был постоянно затоплен водой из-за неисправных труб. Жилищная служба, которая должна была следить за состоянием дома, бездействовала. Первоначально, по его словам, он полагал, что проблема – в отсутствии информации («Я думал, что это ошибка, что я им сейчас скажу, и они все сделают»), но скоро выяснилось, что он имеет дело с монолитной бюрократической системой, которая абсолютно не учитывает прав жителей («Чем дальше, тем больше... потом я стал... общественный деятель»).

Для одного из инициаторов создания ТСЖ также в С.-Петербурге таким событием стала организация ТСЖ и трудности реализации полномочий по управлению домом (саботаж законных требований со стороны властей).

2 Несправедливость, бездействие и произвол представителей государственных и властных структур, а также работодателей.

Почти все вышеуказанные проблемы имеют общую черту – они сталкивают недовольного или возмущенного человека с властью имущими, которые проявляют несправедливость или вообще ничего не делают, чтобы решить проблему, относящуюся к их обязанностям. Таким образом, человек – потенциальный лидер – переходит от сознания необходимости защитить свои личные интересы к осознанию необходимости защитить общие интересы своего сообщества против властных структур.

Уполномочивающий (раскрепощающий) стиль лидерства: взаимоотношения с активистами

Мы уже неоднократно подчеркивали ключевую черту стиля лидеров нынешней волны: приоритетное внимание, которое они уделяют отношениям с людьми, с кем делают общее дело, стремление внушить им чувство того, что они сами что-то могут, если будут активно и коллективно действовать. В этом смысле мы назвали авторитет таких лидеров «уполномочивающим», или «раскрепощающим»⁴.

Однако мы не выяснили, откуда у них берется такой авторитет?

Иногда создается впечатление, что он составляет часть характера человека, что некоторые лидеры испытывают внутреннюю потребность распространять свой опыт, агитировать, активизировать, помогать людям самоорганизоваться. Показателен в этом отношении рассказ жилищной активистки о том, что даже в отпуске (пока она отдыхала в родной деревне) она не смогла удержаться от того, чтобы помочь местным жителям создать инициативную группу.

Однако скорее всего установка исходит из активистского опыта и принципиальной позиции. Активистский опыт показывает лидерам, что иметь дело с самостоятельными и инициативными людьми – намного более перспективно, чем тянуть за собой подчиненных или иждивенцев.

Во-первых, лидеры (напомним, большинство из них – не освобожденные и не профессионалы) не в состоянии выполнить все задачи, стоящие перед активистской группой или движением.

Во-вторых, чем больше людей задействованы в выполнении дела, тем шире охват участников действий.

В-третьих, в условиях жесткого столкновения интересов с оппонентом, лучше вести дела с не подкупленными и не напуганными людьми.

Принципиальная позиция связана с целью, которую ставит перед собой большинство новых лидеров – рост влияния своего сообщества на принятие решений, его касающихся (для низовых лидеров); рост общественно-политического веса социальных движений (для лидеров более высокого уровня). Эта цель указана в самом популярном лозунге – «Власть под гражданский контроль!». Отсюда простой вывод: разве можно установить гражданский контроль без граждан? То есть без самостоятельных людей, которые сознают свои интересы и способны объединиться для отстаивания своих требований?

Многие лидеры повторяют примерно одно и то же: «Мы считаем, что помогать надо тем, кто сам приходит и хочет защищать свои права. Без этого желания идти до конца ничего не создашь»; «Поддержать можно только то, где народ борется»; «Мы помогаем только тем, кто готов себе помочь самому». То есть, они рисуют фигуру, диаметрально противоположную образу доброго царя или заботливого государя.

Как проявляется уполномочивающий характер лидерства?

Во-первых, идет первоначальный отбор потенциальных активистов. В отличие от многих правозащитников и традиционных НКО, лидеры активистского типа не выступают как благодетели или производители услуг по помощи людям. Критерием отбора является готовность (по крайней мере на словах) к активным коллективным действиям.

Во-вторых, это постоянное общение с людьми. Пожалуй, общение – главная составляющая деятельности лидеров, залог успешности общего дела. Это повторяют почти все. Постоянно общаться, объяснять одно и то же еще и еще раз, убеждать, подбадривать. Не все это делают в равной мере хорошо (ведь терпение и силы не бесконечны), но все признают необходимость это делать. В-третьих, это обучение, подготовка кадров, команды, чтобы активисты «росли». О росте человека говорят лидеры, когда у

них в коалициях утверждаются новые инициативные люди, потенциальные лидеры, и этим гордятся.

Необходимо добавить, что связь лидера и коллектива не является односторонней. Не только лидеры влияют на людей, но и низовые активисты на лидеров – это есть другая сторона процесса уполномочивания. Напомним еще раз, что лидеров делает признание их таковыми со стороны людей, уже находящихся в процессе активизации или «на подходе». Отсюда особенность отношений лидеров к другим активистам – сильная эмоциональная привязанность, ответственность. Кроме того, в отличие от руководителей бюрократических или верхушечных организаций лидеры активистского типа без социальной базы, без активистов и участников – это никто. И здесь хитрить и «делать вид» невозможно – сразу видно, что на собрание почти никто не пришел, а на митинг собралось пять человек. Платить фигурантам – не их метод (да и денег нет). Кроме того – и наблюдения это наглядно показывают, – идут бесконечные дискуссии, конфликты, ссоры: на собраниях, в рассылках, иногда даже на публичных мероприятиях – относительно того, ну кто же здесь, в конце концов, главный, и почему именно он (или она). То есть авторитет, даже признанный, не исключает критики (правда, чаще всего бесплодной, так как критиканы редко предлагают альтернативы или не готовы сами ничего делать). Тем не менее критика и дискуссии вынуждают лидеров учитывать разные позиции и мнения. Даже если его слово веско, лидер не свободен делать все, что хочет. Он привязан к своей социальной базе – активизирующимся людям эмоциональными, ценностными и общественными узлами.

Поэтому если прорывы авторитаризма и отходы от демократических процедур принятия решений (решать все самому, потому что так быстрее и эффективнее) иногда допускаются, они ограничены бдительностью и контролем «снизу». Цена выхода за рамки допустимого высока: это потеря доверия и вероятность распада активистского сообщества.

Ниже приводим некоторые цитаты, показывающие, как лидерам приходится (хотя бы минимально) ладить с демократическими процедурами, хотя бы они того или нет.

Один из лидеров Совета общественных организаций Новосибирской области: «Сейчас мы ушли от такой практики (принятие решений большинством), так как мы поняли, что мы можем потерять тех людей, которые не согласны. После такого голосования они один-другой раз остались

в стороне, и, так как у нас коллектив добровольный, они в какой-то момент уйдут. Если мы стремимся к одной цели, то мы обязаны принять какое-то согласованное решение. И мы научились это делать. Как? Доводами. По нашему уставу, если какая-то организация не примет доводы, то она начинает работать в выбранном ею направлении самостоятельно».

Председатель ТСЖ (ДГИ, Санкт-Петербург): «От демократии никуда не уйти... трудно, но все равно возвращаемся к ней. Я вынужден давать полный отчет, куда идут деньги в доме. Куда приходят, куда уходят. Я, было дело, долго не общался со своими жителями – и начались вопросы там, какие-то шушуканья, что председатель ворует деньги, вот когда я это понял, я сразу всем все рассказал».

Лидер профсоюза «Форда»: «Чтобы обеспечить большинство, надо работать с людьми, воспитывать... Нам удалось воспитать своих людей. Беда нашей администрации, что я уже давно заменяем. После меня будет следующий, после следующего...».

Подведем итоги. Именно характеристики нынешней волны низовой активизации, какого бы масштаба она ни была, требуют новых лидеров с уполномочивающим стилем. Это не предрасположенность человека, а требование момента. Лидеры с бюрократическими или авторитарными замашками не могут найти себе места в гибких сетевых структурах, не соответствуют представлениям недавних обывателей об общественной жизни, не удовлетворяют запросу на открытый, широкий и динамично развивающийся гражданский (рабочий) фронт. Поэтому они либо вынуждены меняться, либо исчезают, либо удовлетворяются лидерством в своей узкой организации или группе.

При этом, конечно, некоторые личности лучше подходят для выполнения роли уполномочивающего лидера – это те из лидеров, которые связаны с людьми сильной эмоциональной связью, которые «чувствуют» людей, сопереживают им, вникают в их проблемы, радуются их успехам. Эта черта присуща большому количеству лидеров новой волны. Наверное, потому что они выходцы из той же среды – живут в том же доме, работают на том же заводе, торгуют на том же рынке.

Разные типы лидеров

Среди лидеров активистского рода можно выделить различные типы. Важно понимать, что они весьма условны, поскольку один и тот же лидер может иметь черты, относящиеся к разным типам, а также меняться. Тем не менее условно мы бы выделили четыре социально-личностных типа: лидеры из обывательской среды, лидеры по идеологическим мотивам, лидеры по линии организации и лидеры «по натуре» (пассионарии).

Лидеры-обыватели – это те, кто относительно недавно еще жил в той или иной степени обывательской жизнью. Как мы показали на примере жилищного движения в Астрахани⁵ и забастовочного движения на «Форде»⁶, процесс становления подобного рода лидеров объясняется через призму перехода от фрейма «ситуационного активиста» к фрейму «завязтого активиста». Напомним, на основании подробного анализа этих двух случаев мы пришли к выводу о том, что самыми значимыми условиями для превращения простого активиста в лидера является плотность и продолжительность взаимоотношений с другими участниками, формирование коллектива с высокой степенью солидарности (с кем идентифицирует себя лидер), активное участие лидера в создании и деятельности коллективного органа управления.

Лидеры-идеологи, как правило (но не всегда), являются политическими активистами (входят в ту или другую политическую организацию), но при этом либо содействуют развитию гражданских инициатив, либо же являются сами их участниками. В любом случае такие люди вошли в движение по иным причинам, чем обыватели. Если желание решить конкретные проблемы, в том числе и свои, могут тоже влиять на их вовлеченность, они скорее действуют по идеологическому убеждению, исходя из более абстрактных и принципиальных позиций, которые они пытаются воплотить в жизнь. Либо они много читали общественно-политическую литературу, либо попали в круг людей («тусовку» – для молодежи), интересующихся политикой, либо же они состоят в партии, идеология которой делает упор на низовые инициативы.

Другая конфигурация наблюдается, когда человек приходит в движение по линии своей организации, будь то партия, НКО или другая общественная организация. Либо его делегировала организация для работы с гражданскими инициативами или движениями, либо же он сам (особенно если он руководитель организации) решил участвовать в движении.

Такой человек, обладающий организационным опытом, в отличие от подавляющего большинства недавних активистов может оказать очень ценные услуги социальным движениям и впоследствии стать одним из его ведущих элементов. Однако надо учесть, что человек пришел от организации, и, соответственно, его первый акт политического или общественного участия связан со вступлением в свою организацию, к которой, можно предположить, он привязан разными мотивами (привлекательная идеология, желание делать карьеру, участвовать в борьбе за власть, действовать эффективно), а иногда и организационной дисциплиной. Тогда стоит вопрос о том, что важнее: собственная организация, на развитие которой лидер направляет всю энергию, или общественное движение? Не является ли последнее всего лишь инструментом? Использует ли он движение для развития собственной организации, или же содействует развитию движения, не пытаясь при этом манипулировать и подчинять, понимая, что от роста гражданской активности его организация выиграет в любом случае? Ответ на этот вопрос зависит в первую очередь от источника авторитета лидера. От кого он получает более широкое и глубокое признание: от социального движения или от собственной организации? С кем сильнее эмоциональная и моральная связь? Что важнее: идеология или практические (мелкие, как говорят некоторые политические активисты) дела? Здесь мы оставляем вопросы открытыми, потому что нет однозначных и «правильных» или «неправильных» ответов. У каждого такого лидера свой личный опыт и свой личный ответ, основанный на методе проб и ошибок. Ведь организация и идеология (абстрактные идеи) тоже нужны для развития социальных движений, вопрос в том, как найти «золотую середину», балансировать, сочетать интересы организации, идеологию и движенические дела. На практике в таком случае часто наблюдается дисбаланс в ту или иную сторону. Хотя все зависит от конкретной ситуации. Например, лидер-троцкист с четкими марксистскими убеждениями (которые в принципе отрицают частную собственность) может спокойно в суде отстаивать право жителей общежитий на приватизацию своей комнаты и ссылаться на «буржуазные законы». И это не лицемерие, а учет действительности. С другой стороны, лидер-антикоммунист и либерал может входить в положение обездоленных людей, с кем он взаимодействует, бранить «дикий рынок» или обличать «социальный геноцид». Кроме того, есть куча примеров, когда «материнская» организация со време-

нем отходит на второй план (что создает у лидера проблемы в собственной организации, вплоть до исключения), и лидер полностью посвящает себя движению.

Наконец, четвертый тип лидера – пассионариш. Это скорее тип личности, который может присутствовать в разной степени и в других конфигурациях. Главные черты здесь – сверхэнергичность, сильная привязанность к людям вообще и вера в свою способность сделать их жизнь лучше. Эти лидеры могут запросто объявить, с искрой в глазах, что они так «любят людей» (варианты – сибиряков, жителей своего города, россиян), что они «не могут не помочь». Как правило, это очень эмоциональные люди (и поэтому подверженные приступам депрессии), часто одержимые и экзальтированные. Они могут какое-то время (иногда долго) полностью посвящать себя тому общему делу, которое они выбрали («по призыву души»). Сидеть сложа руки, если они видят возможность применять свои силы и способности для продвижения задевающих их общих вопросов, они просто не в состоянии. Безусловно, их энергия, вера в себя и в других является мощным мотором в развитии социального движения, поэтому они легко становятся лидерами, правда, не всегда формальными. Поскольку они в первую очередь питаются эмоциями, они вполне могут остаться на вторых ролях по уставу или прочим формальностям. Учитывая их горячий темперамент, с точки зрения равномерного развития движения лучше, когда пассионарий сопровождается близким, но более «приземленным» человеком.

Политические и социальные лидеры: весьма условное разделение

Лидеры достаточно отчетливо отличаются от рядовых активистов и участников коллективных действий, в частности, более общими целями, часто укорененными в идеологической или мировоззренческой ангажированности.

Можно условно разделить лидеров на политических и социальных. В социально-протестном движении встречаются два потока: социальные лидеры, поднимающиеся от частного (приватного) к общему (политике как влиянию на власть, даже если они не осознают это как политику), и политические лидеры, которые идут в социальное движение, надеясь там найти лекарство от кризиса, поразившего партийную политику, или пытаясь привязать партийную линию к реальной практике. Показательно

такое высказывание: «Мы стали думать: ну ладно, анархизм – это хорошо, мы увлекаемся этим течением, а на практике, что делать? И мы решили создавать профсоюз».

Некоторые политические активисты считают этот уход в «неполитическую» сферу вынужденной мерой и стремятся вернуться в столь любимую ими политику («Я не очень хотел заниматься профсоюзами, мне всегда нравилась политическая деятельность»).

Пока мы не наблюдаем острых проблем, связанных с попытками «тянуть» то или иное движение в политику. Есть, конечно, подконтрольные партиям общественные организации или коалиции. Бывают внутренние конфликты в движениях из-за конкуренции за влияние на политические организации. Но в целом (может быть, из-за того, что до сих пор политические партии как таковые мало интересуются социальными движениями) политические лидеры показали на практике свою способность отойти от партийной линии ради единства движения. Так, несмотря на опасения, высказываемые перед началом электоральных кампаний 2007–2008 года, наблюдаемые нами сети пережили их без каких-либо серьезных потерь, несмотря на то, что часть лидеров участвовала в выборах под флагами различных (но всегда оппозиционных, здесь граница довольно четкая) политических сил.

С другой стороны, политические лидеры чаще считают необходимым следовать общим (весьма широким) идеологическим рамкам, заданным декларациями и другими идеологическими документами коалиции. Например, часто высказывается принцип недопустимости сотрудничества с националистами.

Уточним, что если политические лидеры отличаются по идеологическим ориентациям (условно «левые» и «правые»), эти отличия отражаются на их взглядах, ценностях и конечных политических проектах, но не на том, как они относятся к социальным движениям. Манипулировать социальным движением могут как «правые», так и «левые». И те и другие могут содействовать. Все дело в отсутствии догматизма (критическое мышление), желании действовать вместе с людьми, готовности столкнуться с реальной практикой и выйти за предел комфортного мира своей партии или политико-административной системы. На наш взгляд, это скорее проблема и выражение несостоятельности партийной системы в России, поскольку везде в мире партнерами прогрессивных социальных

движений традиционно являются левые партии, которые провозглашают ценности, к которым апеллируют эти движения: социальная справедливость, самоуправление, гражданский контроль. Партнерами реакционных движений (ксенофобских, националистических, исламских) скорее являются ультраправые организации. А праволиберальные партии, как правило, игнорируют социальные движения. Увы, в России левое движение находится в еще более зачаточном состоянии, чем сами социальные движения...

Впрочем, деление на политических и социальных лидеров довольно условно. Неполитизированные по мере активизации политизируются, расширяют кругозор, начинают размышлять о природе власти. Несколько цитат:

«А я как-то не участвовала раньше в политической жизни, даже не голосовала. Видимо, теперь наступил момент, когда я буду более внимательно следить за всеми политическими событиями... Я только с декабря поняла, что эта проблема (состояние жилья) – наша общая государственная (интервью взято в апреле следующего года, в декабре был создан ТСЖ). А до этого мне казалось, что каждый должен свои проблемы решить лично» (председатель ТСЖ в С.-Петербурге).

«В данный момент я занимаюсь организованной борьбой за свои права, за экономические права. Но сейчас это перерастает, я считаю... что одной экономической борьбы мало. Созрела у меня уверенность, что нужна партия, которая бы обобщила экономические проблемы, которые возникают на каждом шагу, чтоб у нас была политическая организация, которой бы народ доверял» (лидер – пенсионерка из Перми).

«Власть сама вынуждает к тому, чтобы мы занимались политикой. Мы же – власть!» (лидер – пенсионерка из Подмосковья).

«Цель – социалистическая революция. Сегодня – оказывать поддержку всем проявлениям гражданской активности, рассчитывая на то, что все эти движения будут иметь левый характер» (лидер коалиции, Новосибирск, левый активист).

Очень важно отметить новое для российского общества понимание политики – как дела каждого человека (общее дело). Очень четко эту мысль выражает жилищный активист из С.-Петербурга: «Я не люблю это выражение, что я занимаюсь политикой. Политика это вообще все. Я пошел в магазин – это политика, потому что цены, которые там в два раза

выше, чем надо, потому что кто-то там пролоббировал какой-то магазин. Значит, там политика. Везде политика. Поэтому... я не люблю это слово. Я занимаюсь своим делом».

¹ См. главу 4: «Лидеры: герои поневоле, носители морали, создатели новых практик».

² Метод, наиболее приспособленный для этого типа вопросов, – биографическое интервью, которое мы провели с 30 лидерами. Несмотря на трудности такого проникновения в подробности личной жизни активистов, скорее привыкших обсуждать свою общественную жизнь, нам удалось двигаться в этом направлении способом регулярного неформального общения с лидерами. О необходимости биографического анализа лидеров обращают внимание, в частности, следующие исследователи: *Croteau D., Haynes W., Ryan Ch.* (ed.) *Rhyming hope and history. Activists, Academics and Social Movements*. Mineapolis: University of Minesota Press, 2005; *Flacks R.* *Knowledge for What? Thoughts on the State of Social Movement Studies* // Goodwin J., Jasper J. M. (ed.). *Rethinking Social movements. Structure, meaning and emotion*. New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2004. P.135–153.

³ *Шубин А.* Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М.: Вече, 2008. С. 151, 155.

⁴ Подробнее об этом см. главу 4.

⁵ Глава 5.

⁶ Там же.

Глава седьмая

Активисты и обыватели: возможна ли трансформация общественной культуры?

Один в поле не воин.

Есть анархистская карикатура – сначала большая рыба гонит стайку маленьких. Потом другая картинка – маленькие объединились и погнали большую. И надпись: «Солидарность не роскошь, а средство выживания».

Активист Сибирской Конфедерации Труда, Томск

Активисты в России – очень небольшая (хотя и растущая) часть населения. При этом социальные активисты действуют в основном на локальном уровне, исходя из прагматических соображений. Гражданские инициативы, как правило, привязаны к специфической проблеме и ограниченному по численности сообществу.

Однако в ходе повествования мы неоднократно указывали на двухстороннее движение: снизу вверх и сверху вниз, от мелкой и частной проблемы к общим интересам или общественно значимым проектам и обратно. Неправильным было бы считать, что гражданские инициативы сводятся к множеству разбросанных в пространстве и времени очагов активности, не связанных между собой и не имеющих ничего общего.

В последней главе мы бы хотели резюмировать те признаки общности, которые мы обнаружили в том или ином проанализированном нами случае. Мы заканчиваем наши рассуждения, выходя на обобщающий вопрос: возможны ли массовые социальные движения в России, возможен ли их выход на общероссийскую или политическую сцену? Ведь от этого за-

висит степень влияния социальных активистов на принятие решений, возможность масштабных социальных изменений.

Явления, указывающие на перспективы роста социальных движений, а также проблемы, препятствующие их развитию, мы рассмотрим на конкретных примерах консолидации и формирования социальных проектов.

Союз Координационных Советов России (СКС) как пример консолидирующей сети

Как правило, по крайней мере в современном мире, массовое движение складывается из сетей, которые кооперируются для проведения общих кампаний и продвижения общих проектов. То есть движение – это сеть сетей. Социальные движения в России, также как и в других странах мира, образуются преимущественно через координацию действий в рамках сетей и сетей сетей. Однако их достаточно мало. Медленно, преодолевая многочисленные препоны, идут объединительные процессы, в том числе между регионами, а также между сетями, занимающимися разными по тематике проблемами. Этот самый высокий уровень общности достигается редко и с большим трудом, не в последнюю очередь из-за недостатка ресурсов, огромности расстояний в масштабах страны, закрытости политической системы, антиактивистских установок большинства населения и отсутствия федеральных лидеров и политического представительства.

Однако есть сети, которые, по крайней мере, приближаются к этому уровню. В качестве примера такой сети мы представляем Союз Координационных Советов России (СКС). СКС – сеть региональных сетей, то есть, гибкое объединение региональных координационных структур, ведущих деятельность в разных направлениях.

Коалиция СКС была создана на Первом Российском социальном форуме в Москве в апреле 2005 года. Важно отметить, что ее создание – инициатива «снизу». Представители нескольких региональных структур (вначале их было шесть) обменивались опытом на одном из семинаров форума и пришли к выводу о необходимости объединения для повышения эффективности своей деятельности (для выхода на федеральный уровень). Изначально региональные координационные структуры (они называются

по-разному в зависимости от региона, но часто встречается словосочетание «координационный совет») образовались на волне протеста против так называемой монетизации льгот в январе-феврале 2005 года. Тогда во многих регионах России организации, поставленные перед необходимостью координировать акции протеста, вырабатывать общую платформу и вести переговоры с региональной властью, создавали региональные коалиции, в которые вошли самые разные участники кампании в защиту социальных гарантий – пенсионеры, профсоюзы, студенты, политические партии, общественные организации разного типа. Мы в этой книге подробно проанализировали опыт Ижевского координационного совета. Посмотрим на структуру общероссийской сети СКС.

Основные принципы и контуры коалиции СКС. Основные позиции коалиции были сформулированы в первоначальном обращении инициаторов из шести регионов: гражданский контроль, защита социальных прав, поддержка низовых гражданских инициатив. Основная цель на местах – активизировать население, побудить людей к самоорганизации и активной коллективной защите своих прав. Основная цель всего СКС – скоординировать усилия для оказания влияния на принятие решений на федеральном уровне, развивать солидарность между регионами и разными активистскими сообществами (пенсионерами, жилищными активистами, студентами, профсоюзниками).

Эти принципы и цели были обсуждены и подробно прописаны в декларациях впоследствии на всероссийских конференциях СКС (с апреля 2005 года по май 2009 года прошло 11 конференций). Это отнюдь не абстрактные принципы, они служат руководством к действию и воплощаются в конкретную практику. На всех конференциях участники коалиции пытаются рассмотреть широкий спектр различных социальных проблем, обобщить свой опыт альтернативных решений в общей программе действий. С целью эффективности каждый раз выбираются приоритетные направления совместных кампаний; при этом делаются попытки связывать между собой разные темы.

Поскольку проблема монетизации льгот несколько потеряла остроту, она отошла на второй план и в повестке дня коалиции. Тем не менее, СКС продолжает следить за ситуацией, и инициативы пенсионеров, состоящих в СКС, работают в этом направлении. Более того, тема «народной пенси-

онной реформы» вновь стала одним из основных направлений общей работы СКС, начиная с 2008 года.

Однако с осени 2005 года и до сих пор (хотя в последнее время уже в меньшей степени – в связи с экономическим кризисом) другая тематика имела огромную значимость в силу своей актуальности для граждан – жилищная и градостроительная реформы, вокруг которых возникло множество конфликтов и наблюдалась наибольшая степень готовности к коллективным действиям. Поэтому это направление стало приоритетным для СКС. По инициативе коалиции была проведена кампания «За народную жилищную политику» с продвижением альтернативной программы реформы ЖКХ. Кроме того, при ее содействии было создано Всероссийское движение жителей общежитий и Всероссийский союз жителей. Участники кампании считают, что они среди прочих оказали заметное влияние на принятие некоторых поправок к новому Жилищному кодексу. Этого удалось добиться скоординированными акциями протеста, совместной деятельностью с некоторыми депутатами Госдумы, выдвижением общих требований и альтернативных предложений. Так, в рамках СКС была выработана альтернативная «народная» концепция жилищной реформы. Ее суть коротко выражает название одной из резолюций СКС: «Капремонт, контроль над тарифами, самоуправление».

Благодаря этим результатам, и особенно благодаря привлекательности непартийной гибкой координационной структуры, ведущей свою деятельность в жизненно важных для рядовых граждан сферах, коалиция росла и ширилась. Увеличилось число участников региональных структур, расширился круг участников межрегионального союза. Сейчас в СКС представлены 27 регионов.

В конце 2008 года СКС начал прилагать интенсивные усилия для проведения совместной кампании (вместе с профсоюзами) в «защиту социальных и трудовых прав». На Социальном форуме, прошедшем в Ижевске 18–19 апреля 2009 года, была принята общая с представителями профсоюзного движения резолюция о «выходе из кризиса не за счет народа».

Потребность в объединении исходит из сознания ограниченности влияния на уровне одного региона – корни многих проблем находятся в федеральном законодательстве и политике федеральных властей. Также играет роль и потребность в участии в массовом объединении, придающем силу и уверенность региональным участникам, которые таким обра-

зом избавляются от чувства изолированности, маргинальности и тщетности своих усилий. Участие в коалиции дает людям ощущение общности, помогает вырабатывать общую стратегию, формировать общую идентичность. Говоря «модным языком», конструируется «бренд», который повышает эффективность действий. Наконец, коалиция позволяет осуществлять социализацию ресурсов – материальных, информационных, организационных, человеческих.

Все это и привлекает, и «удерживает» людей в СКС. К этому надо добавить еще и дружеские – можно сказать товарищеские – отношения между участниками. Это в первую очередь касается отношений между региональными лидерами. Но и рядовые участники коалиции тоже высказывают удовлетворение по поводу того, что встречают единомышленников и союзников из других регионов. Это наглядно демонстрирует теплая и дружеская атмосфера на российских конференциях СКС.

Стремление к сотрудничеству, конечно, не исключает споров и конфликтов, иногда очень острых – в ходе дебатов о платформе, целях кампаний, требованиях, стратегии действий и так далее (многие лидеры СКС политизированы, причем имеют разные идеологические ориентации). Но и эти дискуссии, как правило, заканчиваются компромиссом, и до сих пор ни один участник еще не покинул коалицию и не поставил смысл ее существования под вопрос. То есть чувство принадлежности к одной общности сильнее, чем разногласия во взглядах, которые неизбежны для такой широкой коалиции.

Сохранению цельности СКС помогли и общие программные установки. Политическая платформа СКС была принята в ноябре 2006 года на Пятой конференции СКС в Тольятти по итогам дискуссии, шедшей практически год, и в результате поиска компромисса. С принятием документов равнодействующая политических оттенков внутри СКС получила формальное закрепление. Подтвердилось преобладание левых идеологических принципов.

В сжатой форме суть общей линии СКС выражена в трех коротких тезисах.

Цель. «Противодействие антинародному курсу нынешней власти вплоть до смены самой власти».

Путь. «Создание в каждом доме, на каждом предприятии своего комитета, в каждом городе – своего Совета. По всей стране – координация действий. Власть – под гражданский контроль».

Программа действий. «Наша первоочередная задача состоит в ежедневной практической работе “снизу” и достижении конкретных результатов в деле защиты прав и свобод граждан России».

Некоторая противоречивость (с одной стороны – смена власти, с другой – гражданский контроль и практические дела) является результатом бурных споров между (условно говоря) «левыми революционерами» и «умеренными социал-демократами». Однако разница во взглядах сказывается не в подходах к практической работе (вопросы о создании «советов» – ячеек самоорганизации граждан – и формирования «альтернативной» структуры власти по отношению к нынешней практически не дебатировались), а в вопросах стратегических (деклараций, отношения к тому или иному знаковому событию).

Именно эта приверженность самоорганизации, верность принципу «власть для народа, а не наоборот» позволила СКС пройти через все перипетии политически насыщенного 2007 года, на который пришлось и парламентские, и местные (в ряде регионов) выборы.

Несмотря на подчас очень жесткие политические дебаты, СКС не распался и продолжает существовать как единое целое, хотя и с мягкой, но совершенно очевидно существующей координацией. Это означает, что даже крайние (левые или даже правые) элементы, находящиеся ближе всех к «точке выхода», в целом получают больше плюсов от участия в СКС, чем минусов, и не видят реальной альтернативы.

С одной стороны, выборы 2007 года оказались серьезным испытанием, временами ставя СКС на грань раскола. Но с другой – они позволили замерить (пусть в искаженном виде, ибо выступать приходилось и под эгидой партий, которые только и были допущены к участию в выборах) уровень поддержки координационных советов и их лидеров. Два примера. В Астраханской области, где социальные движения выступили под флагом «Справедливой России», за партию проголосовало почти в три раза больше людей (21,5% при среднем по России результате голосования в 7,5%). В Удмуртии местный Координационный совет, контролирующий региональное отделение партии «Патриоты России», получил 5,64% (в среднем по России – 0,3 %). В обоих случаях речь идет о наиболее активных региональных структурах. Но борьба велась почти без ресурсов, по крайней мере в Ижевске, и при жестком прессинге со стороны местной власти в обоих регионах. Несмотря на относительность успеха (астрахан-

цам удалось провести лишь одного депутата, а КС Удмуртии не смог преодолеть установленного на выборах в Госсовет семипроцентного барьера), основное значение случившегося в том, что эти «исключительные» результаты впервые заставили прессу и общественность обратить внимание на низовые инициативы, которые раньше рассматривались лишь исключительно в качестве «навоза» для оранжерейных политехнологических конструкций. Иначе говоря, протестное движение, которое власть и придворные политики «списали со счетов» после прекращения «монетизационных бунтов», вновь завил о себе в качестве серьезной силы.

Организационные принципы и механизмы принятия решений. Коалиция СКС представляет собой гибкую сетевую структуру, что отвечает потребностям ее участников на данном этапе. Это означает, что жесткой дисциплины и иерархии в ней нет, что может идти в ущерб эффективности в случае кризисных ситуаций, но способствует поддержанию высокой степени внутренней демократии. Каждый региональный участник сохраняет самостоятельность, решения коалиции не являются обязательными для всех. Все региональные структуры (члены СКС) равны в процессе принятия решений.

Наиболее важные решения принимаются на Всероссийской конференции СКС. Конференции проводятся два-три раза в год. Участвуют в ней делегаты от всех регионов, а также могут участвовать нечлены СКС, но без права голоса или с совещательным голосом (если в регионе нет координационной структуры, а есть отдельная инициативная группа или организация). У каждого регионального совета есть один голос (то есть региональные делегации голосуют консолидированно). Это правило призвано способствовать консолидации регионального движения. Решения принимаются большинством голосов. До голосования, если дискуссия выявила разногласия, ее участники пытаются найти компромиссный вариант, вопрос ставится на голосование только после выяснения всех позиций и попытки их согласовать.

Между конференциями действует Рабочий комитет, который выполняет координационную работу – в соответствии с решением конференции. Этот орган было решено создать на конференции СКС в Санкт-Петербурге в июле 2006 года (как раз после острых споров внутри отдельных региональных организаций – во многом с целью найти способ преодоления внут-

ренних конфликтов). Входят в него девять человек, избранных на конференции в индивидуальном порядке. Комитет собирается чаще, чем конференция, и его члены несут ответственность за отдельные направления работы. В его обязанности входит обеспечение исполнения решений конференции, своевременный обмен информацией между региональными группами, подготовка и издание газеты СКС, поддержка интернет-ресурса СКС, техническая организация всероссийских кампаний. Он же выполняет функции наблюдательного и экспертного органа в случае возникновения конфликтной ситуации в региональных (городских) организациях СКС.

Техническая работа (сбор и распространение информации, издательская деятельность, поддержка сайта и т. д.) в основном выполняется Институтом «Коллективное Действие» (ИКД), то есть во многом авторами этой книги. Это единственная зарегистрированная организация – член СКС. Все остальные являются неформальными региональными коалициями. Сотрудники ИКД участвовали в качестве наблюдателей на конференции, где было принято решение о создании СКС, и им сразу поручили некоторые технические задачи по поддержке функционирования коалиции. Поскольку ИКД хорошо справился с задачами, его приняли (в порядке исключения) в качестве полноценного члена коалиции на следующей конференции СКС. Однако ИКД не является руководящим органом. Он исполняет решения конференции и Рабочего комитета, на которые может повлиять лишь своим голосом. При этом, не будучи региональной координационной структурой, ИКД больше других поддерживает общее функционирование СКС и старается максимально рекламировать СКС на федеральном уровне, а также выходить на разные регионы.

В перерывах между конференциями координация, обмен информацией и мнениями происходит через интернет-рассылку, которую разные участники используют, впрочем, с разным успехом и рвением.

Важно отметить, что организационные принципы (как и идеологические рамки) были сначала опробованы на практике (обговаривались правила голосования и представительства перед каждой конференцией, было много импровизаций). И только в конце 2006 года они были сформулированы и приняты конференцией.

По мере возможности члены СКС стараются проводить конференции каждый раз в новом городе, на базе другой координационной структуры. В этом принципе есть вполне рациональные резоны. Это делается с целью

приобщить к общей работе как можно больше новых людей. Все конференции СКС – открыты. На них с правом совещательного голоса могут присутствовать сколько угодно местных активистов, на практике знакомясь с механизмом принятия решений, проблематикой СКС, завязывая связи с представителями протестного движения из других регионов. Другая цель – помощь местному активу. Нередко конференции приурочены к протестным мероприятиям. В Кирове в марте 2007 года делегаты конференции смогли принять участие в организованном местным координационным советом митинге, по окончании которого, уже по инициативе делегатов, прошло стихийное шествие жителей общежитий (что еще через какое-то время позволило создать в Кирове движение жителей общежитий). В Новосибирске в августе 2007 года, в значительной мере по инициативе СКС, состоялся Сибирский социальный форум, собравший представителей более 30 городов и регионов. В его ходе был создан Общественный совет пенсионеров Новосибирской области, вошедший в местный Комитет солидарных действий. В Иркутске в августе 2008 года прошел Сибирский социальный форум, собравший около 250 человек из 36 регионов страны – от Санкт-Петербурга до Сахалина. По его итогам был создан координационный совет инвалидов Иркутска. Местная коалиция получила мощный импульс.

Принципиальным является отсутствие в СКС персонального лидерства (председателя, президента и т. п.). Единоличного лидера нет, зато есть региональные лидеры, безусловно обладающие авторитетом, к которым, как правило, прислушиваются. Таких лидеров становится все больше (и это показатель живучести и слабой бюрократизации СКС), и очередная конференция нередко выявляет нового лидера, в том числе из нового региона.

На практике оргпринципы применяются с большой степенью гибкости, в основном решения принимаются консенсусом и дискуссии проходят на основе взаимного доверия. К формальным правилам апеллируют лишь в случае конфликта, когда договорная способность исчерпана и не удается убедить друг друга.

Солидарность, самоорганизация, протест. Главное отличие коалиции СКС от других подобных структур – ее по-настоящему низовой характер. В этом и ее сила, и ее недостаток: крайне сложно управлять такой разнообразной структурой, почти не имеющей ни материальных ресурсов, ни единого

центра. С уверенностью можно сказать, что СКС – не чей-то пиар, не предвыборная фикция и не проект для «осваивания средств». В подлинности, ориентации на «человеческий ресурс», на реальные потребности людей – его самая большая сила. Коалиция опирается на деятельность низовых гражданских инициатив. Отсюда и перспективы ее развития – на ее базе или с ее помощью может возникнуть массовое социальное движение.

С этой целью делается упор на развитие у людей солидарности, чувства своих гражданских полномочий и гражданственности как источника власти, способности к коллективным действиям. Словом, на изменение общественно-политической культуры. Для этого, как убеждены участники СКС, необходимо частое и широкое общение, обмен мнениями, опыт совместной борьбы с общими проблемами, поражениями и победами. Основными инструментами достижения общности являются всероссийские мероприятия (кампании, конференции, форумы), газета СКС («Известия Советов»), символика СКС (флаги, логотипы), продвижение «имиджа» СКС как низового гражданского объединения, выработка общих ценностей, позиций, общей идентичности. Недостаток в ресурсах не позволяет выполнить эти задачи в полной мере, но, во-первых, дефицит финансирования преодолевается человеческими ресурсами и социализацией ресурсов, а во-вторых, по мере того как коалиция расширяется, растут ресурсы солидарности, что открывает новые перспективы.

Другая характерная черта деятельности СКС – опыт самоорганизации и самоуправления, который накапливается внутри коалиции. Это локальные домкомы, местные советы и тематические движения разного рода, опыт в управлении многоквартирными домами и т. п. Главное, участники СКС стараются организационно оформить новые низовые инициативы и объединить их по степени схожести в самостоятельные движения, чтобы умножить организационные структуры и мобилизационные способности. Кроме того, в недрах СКС вырабатываются и продвигаются законодательные инициативы, что тоже приобщает участников к самоуправлению и политике в широком смысле этого слова.

Однако протест остается главной составляющей в деятельности СКС. Единые дни протеста с общими требованиями и информационными материалами позволяют укрепить чувство сопричастности к сообществу, проинформировать местную общественность о поддержке из других регионов, создать впечатление «единого фронта», а также иногда прорваться в феде-

ральное информационное поле. Это все усиливает влияние СКС в целом и каждого местного совета в частности. И это может служить дополнительным аргументом, чтобы заставить власти (особенно на местном уровне) обратить внимание на требования протестующих и пойти им на встречу.

Присоединение к общему делу. Участие в общей деятельности СКС – напрямую через рассылку или конференции или косвенно через получение информации об общих кампаниях на митингах или местных собраниях – приобщает рядовых активистов к общему делу, по крайней мере в рамках сети. Как правило, этот переход «от частного к общему» обусловлен опытом совместных действий. Участвуя в совместных акциях с другими членами СКС, получая от них помощь, участвуя в общих дискуссиях и принятии решений, рядовые активисты учатся учитывать интересы, повестку дня и особенности других регионов и других движений. Таким образом возникает ощущение общности, укрепляются общие ценности.

Как правило, региональные лидеры, на которых во многом держится сеть, более озабочены общими задачами. Зачастую у них есть принципиальная политическая позиция, сформированное политическое мировоззрение. Политические взгляды могут быть разными, но есть представление о том, что необходимы консолидация, укрепление и расширение коалиции. Кроме того, кругозор шире – лидеры чаще мыслят общеполитическими категориями и рассматривают местные и региональные проблемы в общеполитическом контексте. Однако, поскольку они преимущественно действуют на локальном уровне и привязаны к своей социальной базе, они уделяют особое внимание встраиванию общих тем в локальные и частные проблемы, которые волнуют людей, с которыми они взаимодействуют. Лидеры СКС играют роль своего рода мостиков между частным и общим. Кроме мировоззренческих мотиваций привязывает лидеров к СКС то, что их вхождение в общероссийскую коалицию может повысить их авторитет на местном уровне. Кроме того, в СКС они находят поддержку и понимание со стороны других лидеров, «обрастают» контактами, единомышленниками и союзниками.

Для того чтобы передать атмосферу дискуссий внутри СКС, предлагаем ознакомиться с репортажем-отчетом об одной межрегиональной конференции.

Пятая конференция Союза Координационных Советов (СКС): под знаком свободного профсоюза и местного самоуправления (заметка от 14.11.2006)

11–12 ноября 2006 г. в Тольятти собралось около 100 человек из координационных советов и инициативных групп 16 регионов. Работа шла очень интенсивно, поскольку повестка дня была очень большой. Обсуждались законодательные инициативы СКС, реформа ЖКХ и местного самоуправления, планы действий на декабрь 2006 г. и на период после 1 января 2007 г. Делегаты приняли организационные принципы СКС, была начата дискуссия по поводу политической декларации. По итогам конференции в состав СКС было принято еще два координационных совета (Кировский и Саратовский).

В зале местной школы искусств делегатов приветствовали Петр Золотарев, председатель профсоюза «Единство» АвтоВАЗа, и Лариса Бозина, представитель ТОСов, «вставших на защиту своих домов и кварталов». Уровень организации конференции свидетельствовал о высокой способности к самоорганизации в Тольятти. Около 35 делегатов из регионов были размещены в квартирах у местных активистов. Были и «Газель» для перемещения делегатов, и плотные обеды. Стоит отметить, что конференция СКС уже давно не проходила в таких уютных условиях (не говоря даже о палатках в окружении омовцев на четвертой конференции в Санкт-Петербурге в июле 2006 года).

По состоявшейся уже традиции конференция началась с отчетов о проделанной работе из разных регионов. У кого более радужная ситуация подъема гражданской активности (КС Ижевска и Тюмени, в частности), у кого более медленный процесс активизации (КС Санкт-Петербурга, Омска, Саратова, Перми и т. п.), а в некоторых регионах очень даже тяжелая ситуация в связи с жесткой политикой пресечения протестных действий со стороны местных властей (яркий пример – Уфа).

Тольяттинский опыт самоорганизации

От тольяттинских товарищей делегаты услышали новости о работе Комитета Гражданского Сопротивления. По словам его председателя, Владимира Поплавского, за два года существования эта структура организовала более 40 протестных мероприятий самого разного типа. Активисты комитета активно участвовали в кампании против монетизации льгот, против повышения тарифов на ЖКХ, а также в борьбе мелких предпринимателей

в защиту своих прав и даже достигли определенных успехов по этой линии. Также активно идет работа по защите прав свободных профсоюзов и наемных работников на АвтоВАЗе, «Дженерал Моторс» и Азотзаводе. В двух первых случаях речь идет о жестком преследовании активистов свободных профсоюзов со стороны администрации, в последнем случае – о борьбе рабочих за сохранение завода и его защиту от рейдеров. При этом Владимир Николаевич отметил, что необходимо «приблизить протест к домам», то есть организовывать больше дворовых митингов, чтобы вырос уровень активности и информированности местных жителей.

А у местной протестной коалиции есть на что опереться – в городе существует очень боевая сеть активистов ТОСов, «вставших на защиту своих домов и кварталов». Речь идет о Территориальном Общественном Самоуправлении, созданном в рамках одного дома как основа для непосредственного управления своим домом. Это сеть ТОСов, независимых от местных властей и даже стоящих с ней в жестком противостоянии. В опыте Ларисы Бозиной, председателя ТОС дома № 16 по ул. Победа Центрального района, мы смогли убедиться «вживую», поскольку большая часть делегации как раз ночевала в этом доме – бывшем общежитии, отвоеванном жильцами, обустроенном и отремонтированном ими же на самом высоком уровне. В уютной столовой квартиры Ларисы Николаевны спокойно разместились 16 человек, дружно продолживших собрание до позднего вечера. На конференции она рассказала, как осуществляется борьба активистов ТОСов за «пользование, владение и распоряжение» общим имуществом. Как известно, и федеральное законодательство (Закон № 131-ФЗ «О местном самоуправлении»), и местное законодательство о ТОСах, и конкретная практика властей делают большинство ТОСов купленными и подконтрольными органам власти. По словам Ларисы Бозиной, «в Тольятти существуют 59 ТОСов, однако только 8 из них борются на стороне жильцов, остальные находятся на службе у мэра». «Воюющие» ТОСы проводят постоянные собрания и конференции с жильцами, распространяют информацию, побуждают людей взять дом в непосредственное управление, сопротивляться уплотнительным застройкам, приступить к «настоящему» местному самоуправлению («управление жильцами муниципальными зданиями, сооружениями, землей»). Увы, за такую непреклонную борьбу пришлось расплатиться. В июне 2005 года на Ларису Бозину было совершено покушение, и она чуть не погибла.

Третья мощная сила – боевой свободный профсоюз «Единство» АвтоВАЗа. Из-за своей жесткой линии отстаивания прав рядовых рабочих и сопротивления администрации он подвергается жестокому преследованию. Он не только выстоял, но и является одной из немногих профсоюзных организаций, выходящих за рамки чисто профсоюзных проблем, и сотрудничает с другими социальными движениями. В настоящее время численность профсоюза хотя и снизилась из-за антипрофсоюзной политики руководства предприятия, все же составляет 2000 чел. На конференции СКС «Единство» было представлено своим председателем Петром Золотаревым, который рассказал делегатам о социально регрессивном характере нового Трудового Кодекса (февраль 2002 г.) вместе с недавними поправками, вступившими в силу 6 октября 2006 года. Он уделял особое внимание тем пунктам, против которых необходимо совместными усилиями бороться: фактическая незаконность забастовки, преобладающий объем премиальной (нестабильной) части в заработной плате, монополия официальных профсоюзов на проведение переговоров. Эти пункты будут учтены в выработке законодательных инициатив СКС по трудовым вопросам.

К сожалению, судя по разговорам с местными активистами, создается впечатление, что консолидация между всеми этими силами сопровождается некоторым напряжением. Но, поскольку представители всех флангов все же присутствовали на конференции СКС, есть основания полагать, что сотрудничество все же возможно.

Новые члены СКС: Саратов и Киров

Наконец в СКС руки дошли до узаконения положения Саратовской протестной коалиции, созданной в конце марта 2006 года после всероссийской акции СКС «За народную жилищную политику». Тогда представители общественных организаций и политических партий Саратовской области пришли к соглашению о формировании координационного Совета Солидарных Действий (ССД). В организационном заседании, прошедшем 21 марта, приняли участие представители Областного совета рабочих, партий РКРП – РПК, «Яблоко» и «Трудовая Россия», социалистического движения «Вперед», Союза «Гражданское действие», общественной организации «Наш дом – Саратов», а также инициативных групп жителей. С тех пор этот Совет действует с переменным успехом, но вроде бы союз не распался, несмотря на партийные и прочие людские противоре-

чия. Поэтому Саратовский Совет Солидарных Действий и был официально принят в СКС.

Вторым новым членом стал Комитет протестных действий г. Кирова. В этом городе, начиная с предыдущей конференции СКС в Санкт-Петербурге 13 июля, были созданы 18 домовых комитетов. Свыше 200 представителей созданных в домах города комитетов спасения, собравшихся 14 сентября на общегородское собрание граждан г. Кирова, приняли решение о создании городского инициативного Комитета спасения, в состав которого вошли руководители уже созданных в городе домовых комитетов. Кроме того, по инициативе лидера местного КС депутата областной думы от РКРП Валерия Туруло и благодаря мобилизации домкомов Законодательное собрание Кировской области приняло обращение к президенту Путину «О приостановлении действия отдельных положений Жилищного кодекса». В обращении предлагается отложить срок выбора форм управления до 2010 года. Таким образом, требование, общее для всего СКС, нашло свое отражение в постановлении законодательного собрания. Наконец, митинг 28 октября 2006 г. в рамках общероссийской акции СКС «За народную жилищную политику» собрал в Кирове около 500 человек. Исходя из эффективной работы по активизации и самоорганизации жителей, а также по продвижению законодательных инициатив СКС было принято решение о принятии Комитета протестных действий г. Кирова в ряды СКС.

Жилищная кампания

Конференция СКС утвердила решение Рабочего комитета СКС о проведении всероссийской акции протеста жителей 1–2 декабря 2006 года. Основные требования – отодвинуть срок самостоятельного выбора жильцами формы управления многоквартирными домами до 1 января 2010 года и за это время осуществить национальный проект по капремонту. Кроме того, решено было требовать рассмотрения во втором чтении поправок к Жилищному кодексу, принятых в первом чтении 28 июня 2006 года и улучшающих защиту прав жителей (в частности, внесенных депутатами Шеиным и Хованской).

Учитывая, что всероссийская акция протеста 1–2 декабря совпадает со съездом «Единой России» 2 декабря в Екатеринбурге, участники конференции предложили придать яркий антиединодержавский характер всем ак-

циям протеста. А учитывая то, что всероссийская акция состоится в преддверии вступления в силу всех положений Жилищного кодекса, желательно также придать акциям более радикальный и массовый характер. По всем региональным КС и инициативным группам, сотрудничающим с СКС, рабочая группа будет рассылать образец единого письма протеста в адрес депутатов и властей, а также «рыбу» общей резолюции митингов.

Что касается действий СКС после Нового года, в том случае, если не удастся препятствовать внедрению управляющих компаний и «прихватизации» ЖКХ, то в первую очередь это будет содействие любым протестным инициативам снизу, контроль над проведением конкурсов по «назначению» управляющих компаний (УК) и помощь жителям в составлении протоколов о разногласиях с условиями, предложенными УК.

Второй этап монетизации: возобновление кампании

«Нет – упразднению социальных гарантий!»

Анастасия Мальцева (КС Перми) доложила о предстоящем втором этапе монетизации, начиная с 1 января 2007 года. Во-первых, что касается федеральных льготников, это отмена права выбора между социальным пакетом и компенсацией, а также сокращение списка льготных лекарств.

Во-вторых, что касается региональных льготников, это вероятная отмена социального пакета во всех регионах, где не заложены средства на эту цель. Это связано с тем, что финансовое бремя социального пакета региональных льготников со следующего года полностью перекладывается на регионы. Соответственно не известно, сохранятся ли льготные лекарства и льготные проездные, и в каких регионах.

В-третьих, никакой индексации компенсаций на следующий год не ожидается (в бюджет 2007 года заложена та же сумма, что и в прошлом году).

В-четвертых, произойдет монетизация льгот по ЖКХ, и неизвестно, какой будет размер компенсации.

По мнению Анастасии Мальцевой, «вторая монетизация» будет осуществляться постепенно и в разных степенях в зависимости от регионов, потому что «антимонетизационные бунты» не нужны властям накануне выборов, но, тем не менее, недовольство будет, и поэтому было решено обратить пристальное внимание на это направление работы, требуя повышения пенсии для всех пенсионеров и полной социальной защиты для инвалидов.

Кроме того, Алевтина Александровна Ивасева (КС Ижевска) призвала все КС последовать примеру Общественного Совета пенсионеров Удмуртской Республики и направить в адрес Европейского суда жалобу о нарушении прав ветеранов труда региональной властью. Она отметила, что ее иск против правительства Удмуртской Республики, не обеспечившего полноценную компенсацию «монетизированных» льгот ветеранам труда, в июне 2006 года принят к рассмотрению.

Расширение фронта работы

Поскольку власть осуществляет масштабное наступление сразу на многие сферы общественной жизни, участники конференции повторяли мысль о том, что необходимо также ответить по всем фронтам, чтобы затронуть еще больше групп населения и расширить состав участников. Кроме того, у разных членов СКС – разные приоритеты и сферы компетенции. Поэтому было решено поручить отдельным регионам выработать новые для СКС планы действий. В частности, КС Саратова было предложено разработать стратегию СКС по экологическому направлению, инициативной группе Самары – по проблеме призыва в армию, а инициативной группе Липецка – по реформе образования.

Политический союз, но не партийный

Впервые на конференции СКС состоялось обсуждение политической платформы, или политической декларации СКС. Несмотря на большое разнообразие во взглядах и на присутствие представителей и политических партий, и инициативных групп, большой дискуссии политические принципы не вызвали. Были представлены два проекта, которые в целом отличались скорее по своему словесному колориту, чем по содержанию. В одном случае (КС Перми) больше акцентировались на классовом подходе и конечной цели СКС («смену власти» и «власть советам»), а в другом (КЕД Санкт-Петербурга) – более мягко говорили о «гражданском контроле» и перечисляли основные направления деятельности СКС (самоуправление, борьба с приватизацией образования и здравоохранения, борьба за сохранение социальных гарантий, защита национального достоинства и т. п.).

В конечном итоге было решено сохранить все 12 пунктов о конкретных направлениях работы, содержащихся в проекте КЕДа, и свести оба ва-

рианта в единый текст, который будет доработан Рабочим комитетом СКС, разослан по рассылке СКС за месяц до следующей конференции СКС для внесения поправок из регионов и окончательно принят на следующей конференции.

Вот так подтвердилось единство духа, уже заложенного в практике совместных действий КС. Когда партии, общественные организации и инициативные группы заняты реальным делом и работают ежедневно в контакте с людьми, идейные разногласия де-факто смягчаются и реальные ценности берут верх над голословными лозунгами типа «долгой антинародный режим». СКС показывает на практике, как можно удачно совместить протестные оппозиционные действия и конструктивную деятельность по содействию самоорганизации граждан и самоуправлению.

Гибкая сеть

Интересную дискуссию вызвало обсуждение организационных принципов СКС. Поправок было много, но они в основном стилистического и разъяснительного характера. Подтвержден гибкий, демократический и сетевой характер СКС, основанный на региональных КС, где необходима координация, осуществляемая конференцией и Рабочим комитетом в рамках общих политических принципов платформы. В частности, утвержден принцип «один КС – один голос». Еще принят принцип внесения взносов региональных КС в общую кассу СКС для издания газеты «Известия советов», что свидетельствует о росте сплоченности в рядах коалиции.

Решение конфликтной ситуации в Ижевске

Как известно, у гибкой сети есть плюсы и минусы. Среди недостатков – слабая прочность и возможность осуществления «рейдерских» атак на региональные КС. Конфликт, возникший в Координационном совете Гражданских Действий г. Ижевска летом этого года, свидетельствует об этом. Самая активная и оппозиционная часть (движение общежитий, движение домкомов, часть общественного совета ветеранов, оппозиционная местной власти газета «День» и т. п.), объединенная вокруг местного лидера Андрея Коновала, оказалась под угрозой поглощения партийной и менее оппозиционной частью КС (РКРП, КПРФ, официальный профсоюз работников образования и т. п.), объединенной вокруг Влади-

мира Фефилова, председателя местного отделения РКРП (Российской Коммунистической рабочей партии). Последний четко высказался на конференции против того, чтобы обсуждать какие-либо политические принципы СКС, а также против каких-либо политических лозунгов. Этот конфликт уже обсуждался на предыдущей конференции СКС, и до сих пор никак не решен. Хуже того, продолжается жесткое противостояние между двумя КС. По настоятельной просьбе «КС Коновала» было решено покончить с этой двоякой ситуацией. Выслушав аргументы обеих сторон и учитывая явный перевес одного КС над другим в активности, массовости и последовательном отстаивании линии СКС по поддержке рядовых инициатив, делегаты конференции большинством голосов приняли решение, подготовленное Рабочим комитетом. После бурной дискуссии (товарищи по партии шумно защищали своего соратника) формулировка звучит так: «предложить товарищу Фефилу и связанным с ним участникам параллельного КС войти в состав КС, возглавляемого Коновалом, если они продолжают считать себя членами СКС».

Таким образом СКС выдержал первый конфликт и доказал свою жизнеспособность, не нарушая при этом сетевые и гибкие принципы.

Коалиция на вырост

В целом дебаты были намного ярче, чем может показаться по этому сухому отчету. Началось обсуждение вопроса о национализме и позиции СКС относительно законодательства о выборах. Продолжилась дискуссия о лучших способах активизации людей, о необходимости готовить самостоятельных активистов. Были обязательные посиделки и коридорные встречи, эмоциональные споры и примирения. Короче, коалиция живет и развивается.

Частное и общественное

Такие сетевые объединения, как Союз координационных советов, существуют преимущественно благодаря активности локальных инициативных групп. Повторим, что в первую очередь люди начинают коллективно действовать в своей ближайшей среде по месту жительства или в трудовом коллективе исходя из проблем, которые их непосредственно затронули и возмутили. Консолидация усилий с другой инициативной группой или активистской ячейкой – это уже следующий (и совершенно не

обязательный) шаг. Вхождение в общегородскую, региональную или общероссийскую сеть – еще более поздний и менее вероятный шаг. Однако, поскольку таких сетей уже достаточно много, нельзя отрицать возможности перехода от локальных проблем и сообществ к более общим проблемам и масштабным сообществам.

Этот переход от самого «близкого» к наиболее «публичному»¹ осуществляется разными путями. Один из самых распространенных – от одних отношений близости к другим отношениям близости. То есть сначала идет обмен опытом и координация действий с ближайшей (территориально или тематически) инициативной группой или ячейкой (в соседнем доме или на заводе той же отрасли или того же города). Затем из нескольких близких по теме или в пространстве инициативных групп может сформироваться городская или тематическая сеть. А затем из этих городских или тематических движений могут возникнуть межрегиональные или межтематические (касающиеся разных тематических направлений) сетевые объединения. Это, насколько мы можем судить, наиболее распространенный процесс обобщения. Таким образом возник СКС. Таким образом создавался, например, Межрегиональный профсоюз работников автомобильной промышленности. Сначала возникла мощная и активная профсоюзная ячейка на «Форде» в Ленинградской области. Затем произошло оживление профсоюзов и работников других автозаводов страны, а также предприятий, не относящихся к автопрому, но расположенных в Санкт-Петербурге и области. Затем имело место создание межрегионального и отраслевого профсоюза. А сейчас уже предпринимаются усилия по созданию межотраслевого профсоюза и «движения трудящихся».

Содействуют этому переходу и росту общности целенаправленные действия ключевых лидеров, служащих «мостиками» между «частным» и «общим». Также влияют соображения эффективности, если речь идет о стремлении к влиянию на принятие решений на более высоких уровнях, чем исходный, локальный уровень. Игрет роль развитие солидарности и разделение общих ценностей, целей, установок. Но, как нам представляется, без укорененности в мире повседневности и отношениях близости сеть имеет мало перспектив развития и устойчивости. Иными словами и образно говоря, совершенно не охватывая обывателей (игнорируя проблемы состояния стояков в подъезде или лишения премии), движение обречено остаться маргинальным. Это отнюдь не означает, что разговоры о

стояках или премиях исключают дискуссии об общем курсе жилищной политики в стране или о реформе Трудового кодекса или даже об общественном благе и смене общественного строя.

Другая главная составляющая процесса формирования общности и «цемент» этого процесса – коллективные действия, практический опыт совместной деятельности. Именно действуя вместе, борясь плечом к плечу, далекие друг от друга люди (с разными проблемами или из разной среды) сближаются, соотносят свои интересы и стремления, обретают ощущение общности. Особенно людей сплачивает личное общение (в ходе общих встреч или конференций) и участие в общей борьбе. Сближению нередко способствует конфликт с оппонентом, чаще всего – властью или бизнесом.

Единые действия и солидаризация. Постепенно, с ростом гражданских инициатив, укрепляются горизонтальные связи между локальными и тематическими движениями. Этому способствует проведение общероссийских кампаний и межрегиональных встреч активистов.

Поиск путей консолидации. Значимый импульс к консолидации дал, например, Сибирский социальный форум (ССФ), прошедший 8–10 августа 2008 года в Иркутске. Всего в работе форума участвовали около 250 человек из 36 регионов страны – координационные советы, профсоюзы, антифашистские инициативы, студенческие активисты, правозащитники, жилищные активисты, инициативные группы против уплотнительной застройки, левые активисты, организации инвалидов, советы пенсионеров, экологи. Главным его итогом стало решение о проведении 25 октября 2008 года Дня Единых Действий («Дня народного гнева») в виде скоординированных уличных выступлений в масштабах страны с обширной программой общих требований по разным социальным вопросам.

На этом форуме (в отличие от предыдущих, начиная с первого, прошедшего в Москве в 2005 году) вопрос о солидарности и консолидации усилий даже не обсуждался: все, кто приехал, были убеждены в необходимости укрепления взаимосвязей. Вопрос только в том, каковы могут быть способы и средства достижения этой цели. Среди прозвучавших ответов были такие: создание единого информационного поля, организация подобного рода форумов, а также проведение общероссийской акции социального протеста, способной привлечь к совместной деятельности широ-

кий круг самых разных общественных движений. Речь не шла о создании жесткой «общероссийской структуры» – это всеми было признано даже не столько трудным и маловероятным, сколько излишним и вредным.

Многие участники форума акцентировали внимание на том, что работать нужно, прежде всего, в каждом регионе и городе в соответствии с местными особенностями и условиями. Тем более, что на локальном уровне эффективнее оказывать влияние на власть. Да и именно на этом уровне следует работать, чтобы «люди, которые пока отсиживаются дома, стали активнее защищать свои права». Поэтому создание общегородских структур типа координационных советов является таким значимым. В этом отношении семинар, который вел Андрей Коновал, лидер Координационного совета гражданских действий Ижевска, оказался особенно полезным, поскольку он делился с другими участниками огромным опытом проведения эффективных кампаний гражданского протеста и налаживания связей между различными низовыми инициативами.

Форум позволил активистам из разных регионов и разных направлений деятельности познакомиться между собой и обменяться опытом, наладить контакты, которые вполне могут стать долгосрочными. Так, например, профсоюзники из Сургутнефтегаза, АПРОСА, шахты «Красная шапочка», морского порта в Находке (Приморский край) и АПК Красноярского края выразили удовлетворение самим фактом того, что они смогли встретиться и обстоятельно пообщаться в течение трех дней. «Слишком мало таких мероприятий, где мы можем ознакомиться с опытом профсоюзов других отраслей, профсоюзных объединений и регионов, а жаль», – высказался на этот счет Валерий Золотарев, лидер североуральской ячейки Независимого профсоюза горняков России.

Участники обсуждали проблему разрозненности движений, многие соглашались, что ее причины – действия властей и «организационный эгоизм». Множество раз ставился вопрос о возможностях и путях ее преодоления: между коммунистами и антифашистами, профсоюзниками и политическими активистами, инвалидами и социальными активистами, молодежью и участниками жилищных инициатив.

Гнев и солидарность. В процессе подготовки межрегиональной акции 25 октября 2008 года сложилось некое «движение Дня народного гнева». Впервые настолько массово участвовали в одной акции с одними и теми

же требованиями и под одним общим лозунгом – «Власть – под общественный контроль» – люди из такого значительного числа регионов, движений и групп. Газеты с программными тезисами СКС и общими требованиями Дня гнева получили 42 региона. Там, куда она дошла (в Самаре изъяли тираж под предлогом «экстремизма», а по пути в Сочи она «потерялась»), проводилась агитация. И не агитация за ту или иную партию, а распространение идей, главная из которых – без активности и самоорганизации самих людей ничего никогда не изменится.

Акции Дня гнева прошли в 32 регионах страны. Самые многочисленные акции протеста состоялись в Москве (700 человек) и столице Удмуртии, Ижевске (около 1000 участников). Далее шел Санкт-Петербург (300 человек), Киров (300), Иркутск (300), Сочи (200), Тюмень (200), Солнечногорск Московской области (200) и Пермь (100). В других регионах количество участников акций составило от 30 до 100 человек. В нескольких городах акция была запрещена (Челябинск, Ростов-на-Дону) и ее инициаторы подверглись репрессиям, в других она была перенесена под давлением городской администрации (Уфа, Краснообск).

Всего по стране – около пяти тысяч «разгневанных». Смехотворно мало – скептически отметили некоторые эксперты и журналисты. Сеем возразить: это много. Много, исходя из того, что административных ресурсов задействовано не было, что нет общероссийских лидеров, что денег на проведение акции тоже почти не было (в основном она проводилась на пожертвования самих участников), что «бренд» СКС почти не раскручен, а координационные структуры слабы. С учетом всего этого акция получилась, безусловно, массовой и, главное, качественно представительной, поскольку в первую очередь вышли – вместе и в один день – социальные активисты. Не традиционные участники всех митингов подряд, не оплаченная массовка, а обычные граждане, осознавшие необходимость борьбы.

25 октября эта сила не то чтобы родилась, но вышла на свет. Впервые о ней заговорили в СМИ, в публичной сфере. Даже не важно, в каких терминах, важно, что она показала себя. Это не прокремлевские марионетки, не антикремлевские «несогласные», а независимая общественная сила. Это не партийная организация, не НКО и даже не единая организация, это сеть низовых социальных инициатив, которая по определению не может попасть ни под чей контроль.

Важно, что митинги и акции протеста прошли по конкретным темам, понятным и близким людям. Молодые калининградские мамы требовали сохранить парк возле спорткомплекса «Юность», где так удобно гулять с детьми. Это повод для внесения поправок в генеральный план города. Сочинцы защищали себя от произвола городских чиновников, незаконно изымающих земельные участки под олимпийские объекты. В Ижевске митинговали жилищники и пенсионеры. На Сахалине требовали возврата льгот для жителей севера. Москвичи вышли в первую очередь протестовать против «уплотнительного беспредела», который всех уже «достал».

Участие в единой акции позволило построить «мостики» между различными социальными движениями, между жилищниками и профсоюзами, между «обманутыми соинвесторами» и борцами с «уплотнительной застройкой», между левыми радикалами и простыми жителями, неформалами-антифашистами и более традиционными активистами. Не в полной мере, конечно. Особенно сложно остается вовлечь профсоюзных активистов в общегражданские акции (и наоборот, гражданских активистов – в профсоюзы).

Опыт проведения единого дня действий повторился 14–15 марта 2009 года. В 15 городах России прошли акции против социальной политики властей, которые, по мнению инициаторов (в основном СКС и левых активистов), во время кризиса защищают экономические интересы бизнеса и банков, а не интересы народа. В тех городах, где процесс объединения идет уже давно (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Пермь), прошли достаточно массовые мероприятия с участием самых разных общественных и политических организаций (в основном левого направления), действующих по злободневным проблемам. Это защита жилищных и трудовых прав, контроль над тарифами. Были поставлены и политические вопросы: об ответственности властей разных уровней перед своими гражданами, о необходимости низовой демократии. Показателен в этом отношении питерский лозунг: «Государство для народа, а не народ для государства». Присоединилось к солидарным действиям новое действующее лицо – ТИГР (Товарищество инициативных граждан России).

«Социальщики» и профсоюзники за «выход из кризиса не за счет народа». Следующим шагом к преодолению раздробленности можно считать объявленную 19 апреля 2009 года на Уральском социальном форуме в

Ижевске кампанию по защите социальных и трудовых прав. В работе форума приняли участие почти 200 делегатов из 28 городов России. Впервые социальные активисты и некоторые свободные профсоюзы договорились о совместном проведении кампании и согласовали список предложений по выходу из кризиса «не за счет народа».

Таким образом был достигнут прогресс во взаимопонимании между профсоюзными и социальными активистами. На секции, посвященной профсоюзному и рабочему движению, открыто и с пониманием говорилось о проблемах, которые затрудняют совместную деятельность профсоюзов и социальных движений. В качестве представителей социальных движений выступали в основном активисты Союза Координационных Советов России. В качестве представителей профсоюзов – лидеры Независимого профсоюза горняков России (НПГ), Межрегионального профсоюза работников автопромышленности (МПРА), профсоюза «Защита труда», а также региональных профсоюзно-общественных объединений типа «Освобождение труда» (Липецк) и Комитета солидарных действий (Санкт-Петербург). «Профсоюзники» обратили внимание «социальщиков» на то, что им нужны конкретные требования, понятные рядовым работникам. Они подчеркнули, что на предприятиях борьба с произволом работодателя, как правило, настолько тяжела, что нет ни сил, ни возможностей для развития деятельности за пределами предприятия, тем более, если эта деятельность носит ярко выраженный политический характер. В случае политизации профсоюзникам придется противостоять преследованиям не только со стороны работодателей, но еще и властей. «Главное все же для нас, – напомнил Валерий Золотарев (шахта «Красная шапочка»), – это сохранить свой профсоюз».

Со своей стороны, «социальщики» объяснили, что чистой политикой они не занимаются, что сама деятельность по защите социальных прав, нарушаемых властями, является политической в широком смысле этого слова. Но в любом случае, основное направление деятельности – это политика так называемых малых дел, когда люди объединяются для решения злободневной для них проблемы.

На форуме состоялась дискуссия, по итогам которой участники пришли к выводу, что социальные и экономические требования приоритетны в сравнении с явно политическими лозунгами на данном этапе совместной кампании. При этом представители и социальных движений, и профсою-

зов признали необходимость гибких взаимоотношений с учетом специфики и особенностей проблем каждой из сторон. В основе совместной кампании, по мнению участников, должны быть конкретные требования об укреплении роли профсоюзов на предприятиях и дополнительных социальных гарантиях в условиях кризиса – чтобы платили за кризис не простые граждане и «работяги», а олигархи. Были согласованы и приняты на пленарном заседании общие требования, изложенные в резолюции «Народный ответ кризису».

Насколько далеко пойдет этот процесс консолидации – большой вопрос, но тенденция налицо.

Сплоченность перед лицом репрессий: «Ни Бог, ни Царь, ни Закон. Только мы сами, когда подставим друг другу плечо». В заключение отметим, что репрессии скорее сплачивают активистов, чем разобщают и пугают, поскольку вызывают всеобщее возмущение. Под лозунгом «Нет преступлениям против справедливости!» 30 ноября 2008 года (после очередной серии «бандитских нападений» на активистов) во многих городах прошли достаточно массовые (для такого рода выступлений) акции протеста.

После зверского убийства адвоката, левого и социального активиста Станислава Маркелова и журналистки, участницы анархистского движения Анастасии Бабуровой, в январе-феврале 2009 года прошли десятки митингов и шествий с призывом «Убийц к ответу!» и требованием эффективного и открытого расследования под общественным контролем.

1 февраля 2009 года в Москве состоялся митинг под лозунгом «Солидарность – наше оружие». В акции участвовало около 500 человек. Митинг начался с демонстрации аудиозаписи выступления Станислава Маркелова на предыдущем митинге (30 ноября 2008 года), когда он вместе со всеми выразил возмущение «преступлениями против справедливости». Маркелов тогда сказал: «Я устал встречать своих знакомых в криминальных хрониках. (...) Нам всем нужна защита. Нужна защита от нацистов, нужна защита от мафиозных властей, нужна защита от правоохранительных органов, которые часто прислуживают им. Нам всем нужна защита, и мы прекрасно понимаем, что кроме нас самих нам больше никто эту защиту не даст – ни Бог, ни Царь, ни Закон, только мы сами. И вот тогда, когда мы подставим друг другу плечо, когда мы сможем друг друга защитить, только тогда мы прорвемся».

Солидарности по-прежнему не хватает. Станислава убили, убийца и заказчики не найдены. Практически ни одно дело о нападениях на социальных и политических активистов не раскрыто. Но весомые слова произнесены, дух солидарности витает в воздухе. И главное: уже доказано, что репрессии и расправы над активистами бесполезны. Ни одна инициативная группа, ни один профсоюз, ни одно движение не умерло после нападений на их лидеров. Люди только сплываются перед лицом общей угрозы.

Показательной в этом отношении стала общероссийская акция памяти Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, прошедшая 19 января 2010 года в годовщину их убийства. Под знаком борьбы с фашизмом, «нацистским террором» и политическими репрессиями акции прошли в двадцати городах страны, а также в Минске, Киеве, Париже, Варшаве, Хельсинки и Стамбуле. В Москве при сильном прессинге со стороны милиции собралось более тысячи человек – самых разных возрастов, сфер деятельности и политических ориентаций. Инициаторы акций не афишировали ни себя, ни свою организацию. Все прошло под эгидой неформального «Комитета 19 января», а привлечь участников помогли известные деятели культуры, которые посчитали своим долгом участвовать в борьбе с национализмом и фашизмом. В итоге получилось динамичное шествие, где каждый участник считал своей «святой обязанностью» почтить память погибших и поэтому мало реагировал на призывы милиции разойтись.

Сетевые структуры и институционализация

Опыт совместных действий и борьбы плечом к плечу создает условия для установления горизонтальных взаимосвязей и формирования сетей. Со своей стороны, существующие сети (такие, например, как СКС, ТИГР или МПРА) обеспечивают необходимые условия для координации и поддержки деятельности движений продолжительное время. Кроме того, от сети исходят импульсы к развитию существующих движений и созданию новых. Другими словами, если организация служит инструментом институционализации активистских установок и практик применительно к инициативной группе или активистской ячейке, то сеть выполняет эту роль в более массовых движениях, в том числе служит инструментом институционализации солидарных установок и практик.

Сеть поддерживает и развивает скоординированность действий тем, что устанавливает минимальные правила взаимодействия. Как мы уже

показали в ходе анализа, в рамках сетей выпускается множество резолюций, деклараций, регламентов, обращений и прочее. Эти тексты, как правило, являются результатом широкого обсуждения, в ходе которого участники коалиции могут высказаться и предложить поправки. В них отражена компромиссная точка зрения, которая учитывает интересы и позиции разных участников. Эти письменные правила, как мы уже отметили, соблюдаются не всегда: в определенных ситуациях участники коалиции могут отходить от них. Например, если необходима срочная реакция, бывает так, что отдельные представители коалиции делают публичное заявление от имени коалиции в нарушение регламента. Это допускается на практике, при условии, что «спикеры» при ее составлении попытаются учесть потенциальные мнения других. Возможное наказание для «спикеров» – уход недовольных участников или раскол. Если учесть, что объединение инициатив и движений, увеличение численности членов коалиции является одним из приоритетов, это очень эффективный инструмент сдерживания лидерских амбиций. Принцип компромисса, учета как специфики разных участников коалиции, так и особенностей ситуации, является верховным. Правила, зафиксированные в документах, особенно важны в случае внутреннего конфликта, колебаний или сомнений относительно справедливости того или иного решения, действия члена коалиции или сети в целом. Их легитимность базируется на том, что они были приняты всеми – обычно одобрены общим голосованием. Правила могут меняться, но не по произвольному желанию одного или нескольких лидеров, а если новая ситуация требует изменений или уточнений. Их гибкость позволяет сохранить взаимное согласие и одновременно расширять ряды коалиции.

Гибкость проявляется и в структурировании сети. Нет жесткой дисциплины, сохраняется плюрализм взглядов, алгоритм действий может меняться в зависимости от ситуации. Кроме того, каждый участник сохраняет самостоятельность (решение коалиции не является обязательным), но при этом получает возможность кооперироваться с другими организациями и движениями для усиления эффективности и выхода на более высокий уровень.

Еще одно преимущество сетевой структуры состоит в том, что она порождает общие ценности и идентичность, инициирует общие кампании, расширяет кругозор каждого участника и этим создает благоприятную

динамику для развития разных направлений деятельности и формирования новых организаций. Сеть – это генератор новых идей, предложений и организаций. Например, СКС во многом инициировала консолидацию движения жилищного самоуправления, обитателей общежитий и, отчасти, движения пенсионеров. МПРА, уже после его формального создания, способствовал обновлению и образованию новых профсоюзных ячеек на автомобильных заводах. Сеть, когда она дееспособна, несет в себе дух самоорганизации и консолидации. Сеть сильна в той мере, в какой сильны организации и движения, входящие в нее. И чем больше таких организаций, тем шире общий охват и динамичнее развитие. По крайней мере, если основа сети достаточно крепка, чтобы все входящие в нее организации и движения следовали общей динамике сети.

Не всем активистам свойственно стремление встраиваться в сетевые структуры или создавать их. Эта черта, на наш взгляд, как раз отличает лидеров от остальных участников движений, особенно лидеров уполномочивающего стиля. Как объяснить такую тягу к коалициям?

Прежде всего, сеть воспринимается ими как способ мобилизовать большое число людей и добиться заметных результатов, что взаимосвязано. Цель создания сети – достижение «критической массы» участников, при которой социальное движение становится реальностью, может влиять на принятие решений, воспринимается как реальная социальная и политическая сила.

Другим стимулом создания коалиций является консолидация ее участников и коллективизация ресурсов. Будучи участниками сети, люди ощущают больше поддержки, понимания, общественного признания, исчезает чувство изолированности и локальной ограниченности их действий. Что касается ресурсов, то далеко не всегда принадлежность к сети дает дополнительные финансовые возможности, но она предоставляет организационные ресурсы (в виде координации действий), а главное – дополнительные информационные и коммуникационные ресурсы. Это шанс прорвать информационную блокаду, а также выйти на контакт с новыми людьми. На примере тех коалиций, которые мы наблюдали, можно сказать, что через коллективизацию контактов и связей растет не только количество контактов каждой отдельной организации, но и общее количество контактов всей сети. Таким образом, сеть становится кузницей социальных связей.

Наконец, еще раз подчеркнем, что сеть – своего рода фабрика общности. Она обеспечивает диалектическую связь между частными и общими интересами. Она используется лидерами с более широким кругозором для приобщения участников к осознанию общественных проблем и выстраиванию новых идентичностей.

Важно отметить, что при всей тяге к объединению в коалиции многие активисты отвергают идею создания организации. Единой организации они предпочитают единые действия («объединение в действии»). При вхождении в сеть организации, инициативные группы, активистские ячейки, как правило, не готовы пожертвовать своей самостоятельностью, свободой действий, поэтому общепринята возможность не подчиняться общему решению коалиции. Тем более, никто не хочет стать инструментом в политической борьбе или быть использованным для достижения чьих-то корыстных целей. Поэтому сеть воспринимается общественными активистами как идеальная форма организации взаимодействия.

Надо признать, что сетевая структура с управленческой точки зрения имеет определенные изъяны по сравнению с организациями, основанными на фиксированном членстве и жесткой дисциплине. Понятны опасения участников потерять автономию, нежелание связывать себя обязательствами, но не менее очевидна значимость прочных связей в контексте свертывания институционального демократического поля, враждебности властной системы, от которой исходит угроза репрессий, манипуляций и создания псевдодвижений.

Но на данный момент сетевая форма организации наиболее адаптирована к нуждам и ожиданиям активизировавшихся «обывателей». Она в наибольшей степени отвечает интересам вовлечения максимально широкого круга людей в борьбу за свои права.

Социальный проект

Среди интеллектуалов и политиков бытует мнение, что требования активизировавшихся людей ограничиваются приземленными нуждами, а наиболее распространенная их форма – мольбы о помощи. Так ли это на самом деле? Сеем надеяться, что мы доказали несостоятельность данного тезиса.

Какие же общие требования и ценности отстаивают инициативные группы и участники движений? Если первоначальный стимул к мобилиза-

ции часто связан с частной и бытовой проблемой, основан на стремлении к получению помощи, то по мере того, как люди приобретают опыт более масштабных коллективных действий и сталкиваются с препятствиями, чинимыми властью, их требования становятся более общими.

Начнем с того, что защита ущемленных прав и требование их соблюдения уже являются частью более обширного проекта. «Соблюдайте хотя бы ваши законы», – заявляют социальные активисты (советские диссиденты говорили «Соблюдайте вашу Конституцию», но здесь иной контекст и требование звучит иначе). При этом люди требуют не только уважения своих прав, но еще реализации принципа равноправия. Очень популярной является идея справедливости – она звучит во многих лозунгах. Справедливость предполагает, с точки зрения активистов, что законы и права являются одинаковыми для всех, независимо от положения, занимаемого в вертикали власти. Это требование полного и реального соблюдения прав граждан, понятных правил игры соответствует еще одному популярному лозунгу: «Долой произвол власти!» (работодателя, застройщика, т. д.).

Еще одно общее требование, которое служит ориентиром для многих движений и ставится во главу угла многих кампаний – требование «гражданского (или общественного) контроля». Через такие лозунги, как «Власть – под гражданский (общественный) контроль!», активисты хотят напомнить, что граждане есть источник власти, поэтому они, как минимум, имеют право контролировать органы власти и деятельность чиновников.

Более того, все чаще звучит еще более наступательный призыв: «Права не дают, права берут!». Этот лозунг носит «подрывной» характер в целом для существующей властной системы, которая основывается на принципе предоставления «баринном» прав «крепостным», которые должны быть ему благодарны за одно это и не злоупотреблять ими, иначе отнимет. Это лозунг людей, которые возвращают себе право быть гражданами (доказывая своими действиями, что они вправе и в состоянии влиять на окружающий мир), несмотря на отрицание их гражданственности со стороны государственных структур. Это есть сущность раскрепощающего (уполномочивающего) характера действий лидеров и «завязтых активистов», о котором мы неоднократно говорили. Это есть составляющая процесса демократизации российского общества.

Соблюдение законов, справедливость, контроль над властью и наделение себя властью – основные более или менее четко сформулированные общие требования социальных движений. Но общий проект не сводится к этим принципам. Есть другие составляющие, которые, скорее, не декларируются, а практикуются. В первую очередь это солидарность в действии, а также практики самоорганизации и самоуправления. Эти практики сами по себе подрывают доминанты российской общественно-политической системы – разобщенность, отчуждение и беспомощность «простых людей». К сожалению, эти составляющие редко формализуются в призывах к действиям. Редко афишируются и пропагандируются публично. Редко становятся объектом целенаправленных действий по их развитию и распространению. Хотя есть исключения, о которых мы упоминали выше.

В любом случае, несмотря на фрагментарность, разнородность и многообразие требований, общий дух выкристаллизовывается и витает по активистским средам, а иногда и за их пределами. Это не коммунизм, не социализм, не либерализм и не один из «измов». Это не призыв к свержению существующей власти. Но суть этого проекта в глубоких социальных изменениях, подрыве сложившихся отношений господства-подчинения. Можно сказать, что этот проект носит политический характер, если понимать политику как все, что касается принятия решений о коллективной судьбе какого-либо сообщества.

Вопрос о политике

Выход в политику считается многими политологами и социологами наивысшей стадией обобщенности интересов и взглядов, когда речь идет уже о проекте преобразования всего общества. Как активисты воспринимают политику, насколько они ею занимаются или готовы заниматься?

Если свести политику к власти, то политика чужда общественным активистам, поскольку, несмотря на различия в оттенках и определениях, власть выступает как общий оппонент для подавляющего большинства из них. Могут быть разные тактики выстраивания отношений с властью, но власть в целом плоха.

Поэтому важно еще раз подчеркнуть новое для российского общества понимание политики – как дела каждого человека, общего дела всех, кто пытается влиять на судьбу своего сообщества. В этом смысле подавляю-

щее большинство активистов занимается политикой, даже если они при этом не отдают себе в этом отчета.

Но если говорить о сознательной политической деятельности, как активисты к этому относятся?

Что касается политических партий, в целом отношение к ним – инструментальное. Для большинства активных общественников характерно настороженное, скептическое отношение к действующим в России политическим партиям. Общественные активисты зачастую не видят особых различий между партиями. Разве что выделяется «Единая Россия» как особенно ненавистная, поскольку это партия «власти», чиновников и прочих «врагов». В основном о партиях люди судят по электронным или – в меньшей степени – печатным СМИ, а также через общение с представителями партий, с которыми они сталкиваются в процессе своей деятельности – в муниципальных образованиях, в районах. А те – за редкими исключениями – лишь подтверждают «правильность» негативного отношения к партиям. Как мы уже отметили, политические партии как таковые в целом мало интересуются социальными движениями, поэтому практического опыта взаимодействия (за исключением, пожалуй, предвыборных периодов) крайне мало. Только отдельные представители партий, чаще всего в личном порядке, пытаются наладить сотрудничество с общественными активистами. С ними и активисты с удовольствием сотрудничают, поскольку это дает административные и прочие ресурсы. Но в целом позиция такова: можно использовать помощь и ресурсы любой партии, при условии, что сотрудничество будет взаимовыгодным.

Однако политика не сводится к политическим партиям, которые вообще в России мало развиты и мало занимаются политикой в широком смысле этого слова. Если политика – это деятельность по внесению изменений в законодательство и правила организации общества, то отметим растущую политизацию общественных активистов. Политизация является следствием осознания ограниченности исключительно правозащитной стратегии и безответственности властей. Поэтому все больше социальных активистов ставят вопрос о политике и власти.

Как обсуждалась политика на Сибирском социальном форуме-2008

Поскольку процесс политизации явно проявился на Сибирском социальном форуме 2008 года, мы предлагаем подробнее остановиться на этом

примере. На форуме впервые так часто звучала мысль о том, что «без политики нельзя». На всех секциях люди рассказывали о перипетиях своей борьбы: как сначала люди пишут письма и обращения, затем судятся, выходят на улицу, создают комитеты и инициативные группы, пытаются самоорганизоваться, отстаивать свои законные права... И повсеместно встречаются препоны со стороны властей или их агентов. Суды зависят от властей, чиновники коррумпированы, правоохранительные органы на страже беззакония. Уставшие от неэффективности исключительно правозащитных (юридических) методов защиты, люди начинают прибегать к коллективным акциям протеста. Но и эти акции (несмотря на большую их эффективность по сравнению с бесконечными тяжбами или иллюзорными попытками «договориться»), по мнению большинства, являются всего лишь полумерой, поскольку сами по себе кардинально проблему не решают. Если рассматривать достижения социальных движений, то даже самые громкие из них выглядят достаточно скромно, так как не решают проблем в комплексе, системно.

Поэтому и встал так жестко на этот раз вопрос о политизации гражданских движений – стало ясно и очевидно, что действующая система власти просто не в состоянии адекватно выполнять свои функции, свои обязанности по отношению к гражданам и стремительно превращается в обычную «коммерческую лавочку», озабоченную лишь получением прибыли. Потому большинство участников форума пришли к выводу, что стратегической целью их работы должно стать формирование альтернативной системы власти на основе «низового» народного самоуправления.

Если говорить о политических активистах, то на форуме преобладали представители левых организаций, но порой речи социальных активистов звучали даже радикальнее, чем выступления политических. Причина радикализации – в самой власти. «Три года назад я был самым обычным обывателем, я не собирался этим (политикой) заниматься, – говорил Дмитрий Мурашов из инициативной группы Бутово. – Но власть заставила обывателей стать борцами за свои права». Однако социальные активисты начинают ощущать ограниченность их возможностей воздействия на власть. Поэтому и звучали на форуме призывы «не бояться политики», «выдвигать политические лозунги», «действовать вместе с политическими организациями», «стать политической силой». «Не забывайте: власть – это мы», – повторяла несколько раз представитель Комитета спасения

Подмосковья Елена Смирнова. Короче, как пошутил один молодой троцкист, «Революция – на повестке дня».

Таким образом, с тем, что надо заниматься политикой, согласились почти все. Однако тут же встал вопрос о том, как ею заниматься. В идеологических взглядах активистов оказался большой разброс мнений. Одни считали, что надо заставить власть, как минимум, соблюдать законы, которые она издает, и не ставить препятствий на пути реализации людьми своих законных прав. Для других «власть должна быть под гражданским или общественным контролем». То есть люди должны требовать от власти отчетности, оказывать постоянное давление, чтобы чиновники не забыли, перед кем они несут ответственность. Третьи говорили, что необходимо добиваться изменения политического строя.

Формы участия в политике перечислялись самые разные: от обжалования каждого незаконного шага властей и бизнеса («помотаем им нервы») до создания собственного политического движения. Общая заключительная дискуссия под названием «Сетевое строительство: опыт и стратегии солидарности» явно показала, что социальные активисты не против взаимодействия с политическими силами – при условии, что это сотрудничество приведет к взаимной выгоде, а не манипулированию друг другом.

Однако, по нашему ощущению, самым распространенным убеждением (и не только на этом форуме), пожалуй, было то, что социальное движение уже само по себе может стать политической силой, если оно будет укрепляться, расширяться и выдвигать альтернативную программу развития на местном уровне (и далее на уровне страны). Также звучали мнения о том, что пора социальным инициативам идти единым фронтом хотя бы на городском уровне и ставить вопрос о консолидированном участии в местных выборах.

Против «вертикали власти» – горизонталь городских коалиций: эра городских общественных движений

Пока заканчивается редактирование данной книги, как раз происходит новый подъем общественной активности и второй этап, после 2005 года, выстраивания сетевых общественных движений. Главное потенциальное действующее лицо в новой ситуации – массовые городские общественные движения, за которыми большой потенциал, в том числе политический. Начиная с мая 2009 года с удвоенной силой поднялась новая волна

гражданской активности, характеризующаяся стихийностью, уличными действиями (в том числе в такой достаточно радикальной форме, как перекрытие дорог) и некоторой степенью политизации (в виде ультиматумов властям и выдвижения общих политических требований).

Проблема в том, что за этой – стихийной – протестной волной не успевают уже существующие координационные структуры или сложившиеся организационные ячейки (профсоюзы, комитеты, советы и т. п.). Во многом из-за целенаправленных усилий со стороны контрагентов (властные органы, работодатели) по их ослаблению и раздроблению. При этом борьба ведется именно с организованными сегментами социальных движений (организации, которые бы могли взять на себя роль координаторов и/или переговорщиков). Поэтому главный вопрос дня – есть ли перспектива для появления коллективного субъекта, способного обобщить различные локальные и специфичные требования и стать влиятельным актором на федеральной общественно-политической сцене?

Консолидация на уровне городов. Процесс консолидации различных сегментов социальных движений затормозился в первую очередь в сфере формирования межрегиональных сетей, однако он продолжается – и даже ускорился – на уровне отдельных городов, где коалиционная деятельность продолжает развиваться, особенно если есть центральная проблема, вокруг решения которой большое количество разных инициативных групп и местных движений могут объединиться. Поэтому мы считаем наиболее перспективным коллективным субъектом на сегодняшний день городские движения.

Как показал пример Пикалево и последующие социальные мобилизации по образцу Пикалево в других городах летом-осенью 2009 года, консолидация протеста наиболее вероятна в моногородах, когда речь идет о спасении всего города, какие бы ни были собственные интересы и требования у той или иной группы. Однако городские движения не ограничиваются рамками моногородов.

Об этом свидетельствуют следующие недавние примеры социальной мобилизации:

1 В Санкт-Петербурге сформирована широкая гражданская коалиция, созданная в борьбе против проекта газпромовской башни, но привлекающая гораздо более широкий спектр социальных инициатив и ставящая более широ-

кие требования. Например, 10 октября 2009 года «Марш в защиту Петербурга» собрал более 4000 человек.

2 В Астрахани, где в выборах мэра города в октябре 2009 года единым фронтом приняли участие социальные и профсоюзные движения, в течение двух месяцев не затихали акции протеста против фальсификаций и «бандитских методов» на выборах.

3 В Тольятти дважды (6 августа и 17 октября 2009 года) митинги против сокращений на АвтоВАЗе, организованные профсоюзом «Единство», собрали более двух тысяч человек, работников предприятия и жителей города – они вышли вместе ради спасения промышленного города.

4 В Ижевске вокруг проблемы отмены льготного проездного билета несколько раз массово выходили на улицы все движения и инициативные группы, относящиеся к местному Совету гражданских действий. Митинг 11 ноября 2009 года собрал более двух тысяч ижевчан.

5 Особенно наглядно показал возросший потенциал городских движений 10-тысячный митинг, прошедший 30 января 2010 года **в Калининграде** – против повышения налогов, «тирании» партии «Единая Россия» и губернатора области.

Вслед за этим событием участились случаи массовых общегородских митингов.

1 7 февраля 2010 года – более пяти тысяч жителей Ангарска на улицах с лозунгами «Долой власть воров и грабителей!», «Власть – под контроль народа!», «Нет повышению цен на квартплату и на электроэнергию!».

2 13 февраля 2010 года – более 3 тысяч иркутян на митинге в защиту Байкала и против Путина.

3 21 февраля 2010 года – более 3 тысяч жителей Архангельска против завышенных тарифов ЖКХ и коррупции во власти.

Отметим здесь две тенденции. С одной стороны, тренд к локализации проблем: проблемы, поднятые митингующими, лежат в ближайшем (городском, реже региональном) пространстве (на которое граждане считают, что могут пытаться влиять) и относятся к сфере непосредственной ответственности местных властей. С другой стороны, налицо процесс приведения к общему знаменателю, который находится в политической сфере (осуждение коррупции во власти, безответственности власти,

«вертикали» власти и монополизации политики «Единой Россией»). Митинг в Калининграде был расценен, в том числе журналистами, как показатель возросшего политического потенциала сетевых общественных объединений².

Отсюда следующие выводы. Основной уровень консолидации социальных движений на сегодняшний день – город. Главные консолидированные акторы – городские движения. Ключевое общественно-политическое пространство – городская политическая сцена.

Препятствия к налаживанию солидарных взаимодействий. Если объединяющие процессы имеют место в рамках отдельных городов, это еще не означает, что легко возникают организованные городские структуры гражданских или общественных действий.

В Калининграде, например, процесс становления более-менее формализованной (с определенным кругом участников и некоторыми правилами взаимодействия) коалиции начался только после массового январского митинга и сталкивается уже с массой проблем. Например, очерчивание границ коалиции, регулирование отношений между общественными организациями и политическими партиями, преодоление попыток вмешательства местной и федеральной власти, угроза манипулирования, слабость и невнятность общей программы и т. п.

Поэтому калининградская коалиция оказалась недостаточно устойчивой к целенаправленным действиям властей по ее раскалыванию. Тем более, что власти использовали широкий спектр разных методов.

1 Кооптация во власть: на встрече 5 марта 2010 года с губернатором Калининградской области Георгием Боосом депутату областной думы и одному из организаторов массового митинга 30 января Михаилу Чесалину был предложен пост уполномоченного по правам ребенка при губернаторе. Тот от предложения, правда, отказался.

2 Противопоставление рядовых граждан и «провокаторов» или «манипуляторов». Как руководители местной «партии власти» отреагировали на массовый митинг граждан в Калининграде 30 января 2010 года? Председатель Калининградской областной думы единоросс Сергей Булычев дал такую публичную оценку митингу протеста: «Весь калининградский митинг свелся к использованию недовольства людей небольшой кучкой заговорщиков федерального уровня, которые использовали наш Калининград как площадку для

собственной раскрутки»³. По его словам, организаторы митинга – «засланные казачки» и «маргиналы». Булычеву вторит его первый заместитель в облдуме, также единокорос, Константин Поляков: «Митинг оказался заурядной провокацией со стороны московской «Солидарности»... Если калининградцы (а я уверен в их здравомыслии и рассудительности) будут поддаваться попыткам провокаторов вбить клин между президентом и премьером, попыткам вновь раскачать ситуацию в регионе и в стране в целом, это может привести к очень трагическим последствиям, которых эти провокаторы и добиваются». Обычная логика властей, стремящихся вбить клин между участниками коллективных действий: митинг, проведенный силами широкой коалиции местных общественных и политических движений и затрагивающий в основном сугубо местные вопросы, представлен как организованный мифическими федеральными политиками в угоду своим собственным интересам⁴. Правда, в пропаганде местным единокоросам помогли московские политики Борис Немцов и Илья Яшин, которые приехали «покрасоваться» на митинге и объявили, что мероприятие организовано движением «Солидарность».

3 Дискредитация передовых активистов или лидеров. Показательной в этом плане оказалась судьба сформировавшейся после массового митинга 30 января калининградской коалиции общественных и политических движений, в спешке скрепленной против «чиновнического беспредела» и «диктатуры Босоа». Молодая коалиция оказалась не готовой к сопротивлению попыткам власти вбить клин между ее участниками. Так, основных организаторов митинга вызывали по одному к высоким начальникам, и не все и не всегда думались прийти с товарищами. Основной удар пришелся на признанного СМИ лидера (и по совместительству) автолюбителя Константина Дорошка. Его пытались дискредитировать двумя способами. Во-первых, тем, что он во время митинга представил движение «Солидарность» в Калининграде (что с точки зрения властей означает однозначную «проплаченность американцами»⁵). Чтобы «очиститься» от этих обвинений (и соответственно быть допущенным к столу переговоров с представителями власти), ему пришлось выйти из движения «Солидарность». Во-вторых, в качестве «темного пятна» на его биографии иногда использовалось наличие у него признанных судом долгов по таможенным платежам в связи с его деятельностью по перегону машин. Но и первый, и второй аргумент слабо действуют на «простых» калининградцев, которые знают лично или через третьих лиц Дорошка как активного и боевитого лидера местного движения автомобилистов. А автолюбителей

и автоперегонщиков в пограничном регионе очень много, многие из них успели также накопить долги в связи с неожиданным изменением таможенных правил, и все поголовно возмущены резким повышением транспортного налога. Так что на местное население и союзников коалиции попытки «очернить» репутацию Дорошка не произвели впечатления – для большинства он популярный лидер из своей же среды («свой»), неважно, в какой именно организации он состоит, и уж тем более, какие претензии к нему имеют таможенники. Вбить клин удалось лишь после того, как Дорошка вынудили заявить об отказе от проведения запланированного митинга оппозиции 20 марта. После этого начались трения, некоторые участники коалиции обвинили Дорошка в предательстве, но в основном претензии свелись к нарушению коалиционного принципа коллективного принятия решений⁷. Из-за этого опрометчивого шага, говорят местные эксперты, репутация Дорошка пострадала, а многие рядовые участники в нем разочаровались.

Преодоление препятствий: вернем себе город! Кажется, социальные движения нашли наиболее благоприятное поле для своего развития – городское пространство. На этом уровне местные власти все же ближе и доступнее, есть возможность судить о них не только по телепередачам, и есть ощущение возможностей для воздействия на них. Можно даже найти союзников среди местных политиков или чиновников. Есть общая сфера проживания, многие общие проблемы (такие как тарифы на коммунальные услуги, состояние дорог, здравоохранения и образования, экология местности). Гораздо легче выстраивать сеть альтернативного информирования (через «сарафанное радио», звонки, СМС, личные встречи, независимые газеты, листовки). И главное – есть ощущение близости и понятности проблем. Для российского общества, где личное знакомство и круг общения имеют столь большое значение, это существенный параметр возможных коллективных действий. Практически это означает, что инициаторы какого-то публичного мероприятия, даже будучи участниками разных движений, могут физически собраться вместе; что лидеры у всех на виду, и поэтому возможно судить об их действиях не понаслышке; что с помощью уличных акций есть возможность «прорваться» в публичную сферу. В условиях закрытости официальных каналов информации и институциональной политической системы публичная сфера, в которой активисты могут заявить о себе и дать публичную огласку своим требованиям, су-

зилась до уровня центральных площадей или улиц города. Наконец, сближению и спланированию рядов способствует выбор общего оппонента локального или регионального масштаба – либо мэра, либо губернатора.

Одним словом, город – это оптимальный уровень в нынешней России для формирования общности, где наиболее вероятно движение от мелкой и частной проблемы к общим интересам или общественно значимым проектам. Такие проекты содержат мысль, повторяющуюся от митинга к митингу, о том, что «город принадлежит нам» (активным гражданам). Это выражается в лозунгах: «Выходи на улицу, верни себе город!», «Это наш город!». Отсюда идея о том, что вопросы городского значения (больницы, школы, ЖКХ, градостроительная политика, местные налоги, дороги, политика в отношении мелкого бизнеса и т. д.) должны обсуждаться с горожанами. А поскольку общественные и открытые дискуссии (слушания) практически сведены к нулю, а СМИ (даже городские) практически недоступны, горожане выходят на улицы заявить о своих требованиях и вернуть себе публичный голос. Поэтому, кстати, и целенаправленные действия участников коалиции для отстаивания своего права на проведение митинга на центральных площадях, а не на окраине города, куда их отправляют чиновники. Отвоевание центральных площадей – территориальное выражение принадлежности власти в городе.

Против «вертикали власти» – горизонталь городских коалиций. В современной России, когда «вертикаль власти» обернулась слабой управляемостью, «произволом» местных властей (по словам активистов), оторванностью властной машины от «простого народа», сверхвысоким уровнем коррупции, создаются самые благоприятные условия для появления городских движений, имеющих шансы стать влиятельными общественно-политическими акторами. Тем более что воздействовать на власть другими способами кроме массовых протестов стало уже почти невозможно. Местные выборы 11 октября 2009 года сопровождались массовыми фальсификациями и даже в некоторых случаях использованием «бандитских методов». Поэтому у активных граждан сформировалось ощущение бесперспективности участия в выборах или даже поддержки «своих» кандидатов. Другие институты гражданского участия (публичные слушания, различного рода «общественные палаты» и прочие) все больше воспринимаются как чисто декоративные. Кроме того, монополизация

власти в руках «Единой России» стала настолько очевидной на местах, где мэр, губернатор, большинство депутатов, чиновников, директоров – все «едроссы», что против этой партии возможна кристаллизация протеста – как со стороны общественных движений, так и со стороны оппозиционных партий, в том числе так называемых системных.

Против «вертикали власти» в таком виде как раз обычно и объединяются различные сегменты социальных и политических движений в городе. На «сгнившую вертикаль власти» (лозунг акции Координационного совета гражданских действий в Ижевске 1 марта 2010 года) граждане отвечают горизонталью городских коалиций. К подобному выводу нас подтолкнули последние примеры массовых городских выступлений, которые мы уже упоминали.

Михаил Костяев, председатель общественной организации «Наш Город», так анализирует причины массовой мобилизации в Калининграде: «Людей сплотило твердое желание сказать: нет вертикали власти, да переменам». А протест кристаллизовался вокруг фигуры губернатора, который олицетворяет «вертикаль власти» в данном регионе. По словам Костяева, «Георгий Боос – яркий представитель нынешней верхушки власти, обладающий федеральной проходимостью, и в то же время не считающий нужным налаживать диалог не только с обществом, но и политическими силами в регионе».

Необходимо еще раз подчеркнуть, что городские коалиции – не только самый эффективный способ бороться с вертикалью и напомнить об ответственности власти перед своими гражданами, это еще и самая подходящая организационная форма для выработки общей платформы с учетом специфики каждого из участников. И это самый удобный уровень для укрепления горизонтальной солидарности против попыток вертикальных центров власти подорвать эту самую солидарность. Например, очевидно, не без сигнала «сверху» после первых массовых городских выступлений федеральные руководства политических партий «системной оппозиции» дали команду своим местным отделениям воздержаться от вхождения в широкие городские коалиции⁸. Однако эти призывы возымели эффект далеко не во всех регионах⁹, поскольку местные партийные отделения (если они живые) действуют «здесь и сейчас», а знают местную политическую ситуацию и своих союзников по опыту совместных действий, а не по их мифической репутации.

Движение движений? Рано пока делать окончательные выводы из данных рассуждений, поскольку процесс становления городских движений только начинается. Поэтому трудно однозначно ответить на вопрос, возможно ли перерастание городских движений и локальных выступлений в единое движение.

Есть положительные сигналы. Во-первых, целый ряд различных сетей и движений (в том числе Союз координационных советов России – СКС, Товарищество инициативных граждан России – ТИГР и Федерация автовладельцев России – ФАР) призвали – каждый в своем формате и обращаясь к своей сети – к всероссийской акции «гражданской солидарности и недоверия партии власти», запланированной на 20 марта 2010 года.

Отозвались на призывы десятки городских гражданских структур, и акции прошли как минимум в 50 городах. В среднем это были немногочисленные митинги (от 300 до 500 участников), но в отдельных случаях (Иркутск, Владивосток, Санкт-Петербург, Ижевск, Калининград, где прошел в итоге «флешмоб») собралось несколько тысяч человек. Цифры уже на порядок больше, чем на предыдущих подобных всероссийских акциях гражданской солидарности. Однако важно не столько количество, сколько качество участия – в большинстве вышли консолидированно движения и инициативные группы самого разного тематического направления деятельности, и к ним примкнул большой спектр местных оппозиционных политических организаций.

Кроме того, подготовка к этой всероссийской акции стала очередным поводом для формирования широких оргкомитетов и расширения уже существующих коалиций. Один за другим города России вступают на путь создания широких гражданских коалиций, действующих с целью добиться реального влияния на принятие политических решений у себя на местах.

Это уже вторая волна создания городских координационных структур гражданского протеста – первая последовала за массовыми выступлениями против монетизации льгот в 2005 году и вылилась в межрегиональную сеть городских координационных советов (СКС). Вторая волна идет с начала 2010 года, во многом в контексте нарастающего протеста против повышения тарифов на ЖКХ, когда доходы населения сокращаются, и проблема безработицы стоит все острее. Во многом стремление к консолидации проистекает из ощущения, что добиться чего-либо от «этой» власти

по отдельности невозможно, а также из опыта столкновений с «глухой стеной» власти, которую возможно пробить, только будучи объединенными. Наконец, играет роль и третий фактор – движение «общественников» в направлении политизации, а со стороны «политиков» – эволюция в осознании значимости гражданских структур. В условиях экономического кризиса и ослабления политической управляемости участились случаи физической расправы над активистами, фабрикация уголовных дел, еще больше укрепились монополия «Единой России» на власть. Поэтому социальные активисты стали обращать внимание на сворачивание политических свобод (в частности, после массовых фальсификаций на выборах октября 2009 года, но также из-за тенденции к запрету местной властью любых уличных действий). В некоторых заявлениях¹⁰ это называется «бандитизацией власти». И есть понимание, что «бандитизация власти» угрожает самым элементарным социальным и гражданским правам, потому что люди, пришедшие к власти уголовными методами, уповаю на них и в дальнейшем, не считают нужным хоть как-то считаться с мнением населения. Исходя из этого, происходит радикализация части социальных активистов. Вызывает такая беспардонность недовольство и у политической оппозиции, которая в результате зачастую становится склонной к более активным протестным действиям в борьбе за собственное политическое выживание. То есть создаются условия для того, чтобы образовывались общие (политические в широком смысле этого слова) региональные платформы совместных действий для широкого круга участников. Общий «дух» этих платформ хорошо иллюстрирует популярный лозунг «Власть – под гражданский контроль!», который сегодня можно расшифровать примерно таким образом: «Источник власти – народ, а не жулики-чиновники и бандиты».

Процесс формирования городских коалиций второй волны можно проиллюстрировать на примере Архангельска. Вслед за массовым митингом 21 февраля 2010 года против резкого повышения тарифов на ЖКУ, в котором участвовали более трех тысяч горожан, было решено отслеживать исполнение требований, предъявленных властям в форме «ультиматума» с месячным сроком. С этой целью, а также для того, чтобы подготовить следующий митинг 28 марта, в Архангельске был образован широкий оргкомитет. В коалиции участвовали представители жилищного движения, врачи (в том числе из той первой городской поликлиники, откуда

начались выступления врачей области против недофинансирования отрасли, прошедшие в мае – сентябре 2009 года), профсоюзы (в частности, профсоюз докеров), активисты движения автомобилистов, а также левые и правые оппозиционные партии, в первую очередь местное отделение КПРФ. Митинг 28 марта готовится под общим лозунгом «Единым фронтом – против “Единой России”!». Условия, сделавшие возможной столь широкую коалицию, красочно описывает Василий Поздеев, секретарь Совета общественного движения «Мое жилье»: «Тяжелый смрад лжи и фальши, источаемый депутатами и чиновниками “Единой России”; самодурство Московского Засланца, возомнившего себя арабским халифом с собственным гаремом из СМИ-рных и податливых мальчиков и девочек “по вызову”; полное отчуждение власти от народа, абсолютное пренебрежение его интересами и его мнением – вот та атмосфера, в которой произошло объединение разнополярных общественных и политических сил Архангельска. Во имя достижения общей цели»¹¹.

Интересно отметить, что, даже в случае внутренних трений между участниками местной коалиции, как это случилось в Калининграде вследствие действий властей и внутренней слабости правил взаимодействия, солидарность афишируется в отношении других городов. Например, уже после отказа от проведения митинга 20 марта, ключевые фигуры калининградской коалиции выпустили заявления с выражением поддержки все-российской акции гражданской солидарности¹². Константин Дорошок: «Хорошо, что 20 марта в разных регионах люди выйдут одновременно на улицу доказать, что с ними нельзя не считаться». Михаил Чесалин: «Мы выражаем искреннюю поддержку тем общественно-политическим силам в регионах России, которые заявили и намерены проводить 20 марта 2010 года свои протестные акции».

Наконец, самое примечательное – местные призывы и платформы совместных действий¹³ разных городов во многом повторяются, и достаточно легко отслеживается их общий знаменатель. Это свидетельствует как о наличии собственных информационных каналов для поддержания связей, так и о формировании общей принципиальной платформы, превосходящей специфику местных ситуаций или отдельных движений. В числе прочих общих черт отметим следующие: главенство лозунга «Власть – под контроль граждан!», требование отчетности власти перед народом, протест против монополии «партии власти», «чиновнического

произвола» и «прогнившей вертикали власти», требование прямых выборов глав регионов. Также формируется чувство коллективной идентичности, которая учитывает все разнообразие разных категорий населения со своими специфическими притязаниями, но преобразует его в утверждение сплоченного и боевого лозунга: «Мы – народ». Показательна в этом отношении следующая фраза из питерского призыва: «Автомобилистов, гаражников, обманутых дольщиков, жителей общежитий, градозащитников и защитников скверов, предпринимателей малого и среднего бизнеса объединило требование подотчетности власти перед народом».

Также примечательно, что многие местные призывы содержат отсылки на примеры удачных социальных мобилизаций из других городов (в Калининграде вышли 10 тыс. человек, в Ангарске – 5 тыс., в Иркутске – 3 тыс. и т. п., а что у нас?). Это свидетельствует об общей динамике (по логике снежного кома) развития социальных движений, о преодолении «местечковости», от которой часто страдают зарождающиеся социальные движения, а также о возникновении движения движений, или сети социальных движений, по крайней мере в зачаточном состоянии и в виде общей идейной и информационной среды.

Антиобывательская волна, или Тихая культурная революция

Сейчас полным ходом идет тихая, незаметная, но глубокая революция, которая медленно превращает все больше обывателей в общественных активистов. И кто умеет смотреть, тот увидит, что постепенно меняются шаблоны, что любимый «припев» всех обывателей и манипуляторов – «Сиди тихо и не высывайся!» – уже сменяется призывом «Вставай и присоединяйся к активным действиям!». Звучит этот призыв пока не очень громко, но ряды активных граждан все пополняются, и «культурная революция» (отнюдь не маоистского типа) постепенно набирает обороты.

Говоря о «Дне гнева» 25 октября 2008 года, очень удачно выразился по этому поводу Сергей Удальцов, один из лидеров Левого фронта и Совета инициативных групп Москвы: «Вышли именно социальные активисты, не политические. Политические партии сегодня пребывают в ситуации глубокого кризиса, а социальные активисты раньше никогда не выходили в таких объемах. Поэтому те несколько сотен, которые вышли в

Москве, в Петербурге, в других городах, это не мало, наоборот, это много. Это как раз те самые активные, самые неравнодушные граждане, вокруг которых дальше и будет выстраиваться вот это пресловутое гражданское общество, будут выстраиваться различные структуры самоорганизации. Поэтому в обстановке, когда власти нас приучают молчать, приучают сидеть дома, не выходить на улицы, эти несколько сотен человек дорогого стоят. Я думаю, что они и станут основой новой России, России, которая пойдет совсем другим путем».

Если взять не только Москву, а все регионы, не только один день единых действий, а более продолжительный период – это уже несколько десятков тысяч человек. И они тем более многого стоят, что за многими из них – целые инициативные группы или другие структуры самоорганизации граждан, которые сами менее охотно участвуют в общегородских мероприятиях и ограничивают свою активность локальным уровнем.

Да, нельзя отрицать трудности выхода за рамки узкой проблемной точки, но мы видели, как развитие сетей, опыт проведения совместных кампаний и межрегиональных дней единых действий создают почву для создания общего поля активности. Они дают понимание, как признают сами участники, того, что ты – не «один в поле воин», ярко показывают, что сторонники и сочувствующие есть везде. Становится очевидным, что появляется новая, общественная, сила.

Это очевидно участникам и сторонникам. Но хотя низовые социальные и профсоюзные движения родились не вчера, их появление недавно стало почти открытием для некоторых внешних наблюдателей, в том числе журналистов, бизнеса и властных структур. Вдруг с началом экономического кризиса они стали для них не только реальностью, но также угрожающей и дестабилизирующей силой. Паническая истерия власть имущих, которые вдруг забеспокоились о своем комфортном и прибыльном месте? Близорукость и оторванность от реальности повседневного мира простых людей? Оставляем ответы на эти вопросы психиатрам...

Активистов и активизирующихся людей высмеивают, не замечают, пугаются. Когда же к ним, наконец, начнут относиться как к нормальному, положительному и ценному явлению, даже не столько для демократизации политической системы, сколько для человеческого развития общества, чтобы просто люди жили в России как люди, полноценные люди? Или нужны исключительно рабы?

¹ Во многом эти рассуждения вдохновляет концепция Лорана Тевено. См., в частности, француско-российский исследовательский проект «От отношений близости к пространствам публичного» (*«Des liens du proche aux lieux du public»*) под руководством Лорана Тевено и Даниила Александрова.

² Кувалдин С. Тест на адекватность. «Эксперт». № 5 (691). 8 февраля 2010 года. http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/05/test_na_adekvatnost/

³ Здесь и дальше: Обыкновенный цинизм. 17 февраля 2010 года. <http://yk-kalininrad.livejournal.com/4885668.html>

⁴ Из интервью с местными активистами видно, что основную роль в организации митинга сыграла широкая сеть общественных и гражданских инициатив (движение автомобилистов, инициативные группы против уплотнительной застройки и вырубки парков, участники еженедельного пикета в защиту калининградского здравоохранения, некоторые профсоюзы и прочие). «Сами простые калининградцы организовали митинг, они обзванивали знакомых, рассылали СМС и пришли на митинг семьями», – говорит Михаил Костяев, координатор движения «Наш город». Массовость митингу, безусловно, придала публикация сообщений о нем в газете «Дворник» – феномене калининградской общественно-политической жизни. Это бесплатный рекламный еженедельник, издающийся сотысячным тиражом и при этом находящийся в крайней оппозиции к губернатору области Георгию Боосу.

⁵ Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе Владимир Пехтин публично заявил, что «сценарий митинга в Калининграде был явно разыгран». По его мнению, организации, участвующие в организации протестного движения в России, «тесно связаны с Госдепартаментом США». На что движение автомобилистов «Справедливость» (которое возглавляет Дорошок) ответило 20 февраля 2010 года публичным заявлением: «Нас финансируют граждане России». <http://www.ikd.ru/node/12557>

⁶ Заявку на митинг подала его организация, местное отделение «Справедливости», а власть, несмотря на многочисленные обещания пойти навстречу оппозиции, не дала разрешения на проведение митинга в центре города, послав митингующих на окраину. В то же время усилилось давление на организаторов и лично на Дорошка, потенциального «экстремиста» в случае проведения несанкционированной акции. Скорее всего, он не выдержал прессинга и 12 марта сделал заявление об отмене митинга.

⁷ «Учитывая факт нашего тесного сотрудничества и то, что мы вместе состоим в Коалиции общественно-политических сил области, мы вправе были рассчитывать, что с нами посоветуются организаторы митинга. Однако нас даже не поставили в известность», – заявил Михаил Чесалин 15 марта 2010 года.

⁸ Письмо ЦК КПРФ от 4 марта 2010 года за подписью руководителя штаба протестных действий Владимира Кашина: «Впредь внимательно относиться к составу организато-

ров массовых мероприятий и не допускать участия в акциях, организуемых центральным и региональными штабами КРПФ, всевозможного рода шарлатанов, политических проходимцев (движение «Солидарность» и т. п.), наносящих непоправимый ущерб рабочему движению».

⁹ Например, местные отделения КРПФ в Архангельске и Владивостоке долго продолжали работать в рамках широких общественно-политических коалиций. В Архангельске на заседании оргкомитета 15 марта 2010 года первый секретарь Архангельского обкома КРПФ Александр Новиков заявил: «Сила протеста – в единстве действий его организаторов».

¹⁰ Например, резолюция 12-й Конференции СКС России (21–22 ноября 2009 года в Перми) «Нет – бандитизации власти!».

¹¹ <http://www.ikd.ru/node/12726>

¹² <http://www.ikd.ru/node/12801>

¹³ См., например, призыв СКС: <http://www.ikd.ru/node/12651>; Призыв питерского оргкомитета: <http://www.ikd.ru/node/12734>

Заключение, или Итоговые размышления

Итак, мы завершаем путешествие в этот странный мир активистов. Он кажется нам загадочным, чужим, смешным или страшным во многом из-за того, что редко попадает на экраны телевизоров. Вместе с тем мир активистов – это не далекий остров и не подполье – это часть нашего общества, это люди вокруг нас, соседи по подъезду, коллеги по работе. Это обыкновенные люди с нормальными притязаниями, средними способностями и обычными заботами.

Самая важная черта нынешней волны общественной активности – то, что обычные люди, обыватели, становятся общественными деятелями и участвуют в социальных движениях. Они отличаются от остальных лишь тем, что в отдельных ситуациях (далеко не всегда) идут другим путем, плывут против течения. Они не хотят пассивно терпеть или приспосабливаться к проблемной ситуации, и поэтому пытаются изменить ее.

Надеемся, что мы доказали, что в России активных граждан достаточно и что в стране успешно идет процесс становления социальных движений. Мы предоставили читателю возможность увидеть все разнообразие и динамичность активистского мира, в том числе узнать о его проблемах и ограничениях. Возможно, некоторые явления мы описывали слишком увлеченно, но мы ничего не выдумывали и старались быть объективными. Тем же, кому скептицизм, цинизм или высокомерие не позволили с доверием отнестись к нашему повествованию, мы предлагаем самим встретиться с активистами. В любом случае мы будем рады получить отзывы от всех читателей, в том числе и критического свойства (пусть даже и не очень аргументированные). Давайте спорить!

Мы предприняли попытку объяснить, откуда берутся активисты, как в таком обществе, как российское (где выражение «качать права» является ругательством), есть люди, которые гордо заявляют: «Права не дают, права берут». Предпосылок и причин (так же, впрочем, как препятствий и противодействий) очень много, и мы не станем повторять здесь все, что мы подробно изложили раньше. Приведем лишь самые, на наш взгляд, весомые.

Во-первых, это процесс изменения фрейма (привычного образа мыслей и действий) – в определенной ситуации и при особых условиях, – который лежит в основе превращения обывателя в активиста. И – самое важное – эти изменения происходят, когда человек сталкивается с проблемой или противоречием коллективного свойства, которое он остро ощущает и которое заставляет его сомневаться в том, что имеющийся порядок вещей «нормален». Взгляды, представления, ценности человека меняются в процессе решения проблемы, одновременно с освоением новых практик и участием в новых взаимодействиях. Изменение фрейма – это обретение нового опыта.

Среди главных условий, способствующих началу активизации индивида, мы выделили следующие: столкновение с явной несправедливостью, формирование команды единомышленников, эмоциональный заряд, изменение взгляда на себя и других, первые ощутимые результаты деятельности. На начальном этапе активизации человек подвержен сильным сомнениям и плохо подготовлен к тому противодействию, которое оказывают оппоненты (власть, бизнес, чиновники или внутренние противники). Это противодействие либо подталкивает его к более решительной борьбе, либо останавливает процесс активизации.

На следующем этапе активизировавшийся обыватель становится «завязатым активистом», который уже вряд ли сможет вернуться к «обычной жизни» – для него активизм «привычен», его мировоззрение и ценности изменились, а противодействие, с которым он сталкивается, только усиливает его решительность. На этом этапе большую роль играют плотность, качество и широта сети социальных связей, в которые включен активист, его членство в коллективном органе управления, формирование ощущения, что он не только может влиять на окружающий мир, но и придать другим уверенность в собственных силах.

Среди главных черт коллективной составляющей активистского фрейма назовем следующие: формирование сплоченного коллектива ак-

тивистов, возникновение сети горизонтальных связей (в том числе за пределами собственно группы или коллектива) и наличие организации, поддерживающей солидарность и активность в коллективе. Для долгосрочного существования активистской деятельности, а также для развития и расширения движения это главные условия. Без этого разные активистские инициативы остаются обособленными, со временем ослабевают, не приобретают ни массовости, ни публичности.

Именно с внутридвиженческими организациями и координацией социальных движений ведется самая жесточайшая война. Мы неоднократно описывали случаи, когда представители власти или бизнеса (застройщика, работодателя и так далее) направляют свои усилия главным образом на то, чтобы внести раздор в ряды сопротивляющихся активистов, препятствовать коммуникации между ними, запретить, дискредитировать, раздавить их организации (профсоюзы, инициативные группы, координационные советы).

С началом экономического кризиса это противодействие стало особенно жестким. Участились случаи бандитских нападений на общественных и профсоюзных активистов (многие из которых так и не были раскрыты), необоснованных задержаний (под вымышленными предлогами – борьба с «экстремизмом», наркотики), публичной травли (якобы протестное движение финансируется «коварным Западом», стремится «дестабилизировать обстановку в стране»). Некоторые наши товарищи стали жертвами зверских убийств. Одного из авторов этой книги пытались дискредитировать: Карин Клеман называли могущественным манипулятором, управляющим всем забастовочным движением страны(!) и богатейшим западным спонсором всех протестных инициатив(!). Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Видимо, власть имущие полностью потеряли связь с действительностью. Они расправляются с оппонентами, невзирая на законы и человеческие ценности. В Россию возвращается атмосфера вседозволенности, бесправия и безнаказанности 1990-х годов.

Но кем бы ни были заказчики этих преступлений – чиновниками, мелкими бизнесменами или могущественными магнатами – они не учитывают главного: российское общество уже не то, каким оно было в 1990-х. Страна покрыта широкой сетью активистских структур, в которой состоят не только успевшие привлечь к себе внимание «бунтари», но и десятки

тысяч обычных людей: бабушек, родителей, работяг, мелких предпринимателей, молодых ребят, которые не хотят, чтобы к ним относились как к быдлу. В ее рядах растут все новые и новые лидеры. Сегодня, не рискуя развязать гражданскую войну, уже невозможно всех задавить и всем манипулировать. Власть напрасно борется с социальными движениями – ей стоило бы опереться на них, чтобы вывести протест в регулируемое русло, вести переговоры с реальными акторами социального действия, а не с послушными и зависимыми профессиональными осваивателями грантов или самозванцами.

Напомним еще об одной весомой предпосылке нынешней волны активизации: о появлении новых лидеров, отвечающих требованиям ситуации и обладающих авторитетом. Причем чем шире становится активистская среда, тем больше вырастает в ней новых лидеров. Эти лидеры имеют разный общественно-политический опыт и разное происхождение, но они выделяются широким кругозором, вовлеченностью во многие проекты, способностью внушать людям уверенность в собственных силах и содействовать процессу трансформации фреймов (лишь немногие из них ограничивают сферу своей деятельности одной проблемной ситуацией). Эти люди, экспортируя свои навыки и взгляды за пределы коллектива активистов, в котором произошло их становление в качестве лидеров, выступают ключевым звеном в формировании сетей и консолидации движения.

Большая часть нынешних активистов еще недавно были обывателями, а значит, в России существует перспектива роста влияния и численности социальных движений. Необходимо понимать, что эти движения не чужеродны для российской почвы и вовсе не являются «импортом» стереотипов о гражданственности или гражданском обществе, как любят утверждать и консерваторы, и либералы. Наоборот, активистские начинания почти всегда разворачиваются на локальном уровне, и чем они сильнее укоренены в повседневности, тем успешнее они развиваются.

Это не означает, что гражданские инициативы обречены и далее быть малочисленными и привязанными только к конкретной проблемной ситуации. Нельзя утверждать, что если сегодня в России нет массовых социальных движений, то люди не стремятся к солидарности, координации действий и выработке общих позиций. Самые разные комбинации активистских сетевых структур выстраиваются по всей стране, поднимаются

общезначимые проблемы, выдвигаются общие требования, рождаются единые лозунги. Кристаллизуется общий гражданский и активистский дух, есть и шаги к политизации.

»Даже среди овощей есть... Чиполлино!» – это наш девиз в Институте «Коллективное Действие». Мы нашли этих Чиполлино, мы в них влюбились, мы ими восхищаемся. В конце книги мы можем открыто признаться в этом. Мы надеемся, что после прочтения этой книги у читателя возникнет желание познакомиться с ними поближе, что он впредь не станет крутить пальцем у виска при виде соседа или коллеги, держащего плакат, не будет проходить мимо, когда рядом идет сход граждан. А если у кого-то появится желание самому стать активистом, мы будем просто счастливы.

Если вы внимательно и непредвзято посмотрите вокруг, прислушаетесь и пообщаетесь с людьми, то вам станет очевидно одно – на смену обывательской культуре приходит активистская культура. Какого политического цвета она будет, зависит от работы активистов. Как правило, социальные движения придерживаются левого крыла, поскольку именно левые провозглашают ценности народовластия, равноправия, социальной справедливости и самоорганизации. Но это уже другая тема...

Но пока «призрак бродит по России»... Не призрак коммунизма, а антиобывательская волна, способная расшатать и изменить глубоко укорененный обывательский стиль жизни именно потому, что за это дело взялись сами обыватели.